МИХАИЛ ВОСЛЕНСКИЙ

НОМЕНКЛАТУРА

Михаил Восленский

НОМЕНКЛАТУРА

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Предисловие Милована Джиласа

ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ИЗДАНИЕ

МОСКВА
МП «ОКТЯБРЬ»
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1991

ББК 66.3
В76

Оформление и иллюстрации
художника ***И. А. Смирнова***

Восленский М. С.

В76 Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.— М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991.— 624 с.

Впервые книга вышла в свет в 1980 году на немецком языке в издательстве Fritz Molden (Wien — München — Zurich — Innsbruck). Многократно переиздавалась на различных языках. Произведение оказало большое влияние на развитие современной политологической мысли.

Настоящее издание значительно переработано и дополнено. Введена концептуальная глава «Место номенклатуры в истории», завершающая этот труд, ставший за десятилетие классическим.

Автор Михаил Сергеевич Восленский — доктор исторических и философских наук. Родился в 1920 году. После войны работал на Нюрнбергском процессе, затем в Союзном контрольном совете по Германии (в Берлине). В 1953—1955 гг. работал во Всемирном Совете Мира (в Праге и Вене), в 1955—1972 гг.— в АН СССР старшим научным сотрудником, ученым секретарем комиссии по разоружению. С 1972 года живет и работает в ФРГ. В 1976 году лишен советского гражданства, а в августе 1990 года восстановлен в нем. В настоящее время — директор Исследовательского института по изучению советской современности в Бонне.

В $\frac{0302020000-078}{М-105(03)91}$ Б/О 66,3

ISBN 1870128176
ISBN 5—268—00063—2

Посвящаю памяти моего отца,
Сергея Ивановича Восленского,
его неукротимому духу свободолюбия

ИГОРЬ СМИРНОВ. 91.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ

Впервые опубликованная в Австрии и ФРГ в 1980 г., «Номенклатура» была затем напечатана во Франции (4 издания), Италии (2 издания), Испании, Португалии, Греции, Англии, Швеции, Исландии (сокращенно, 2 издания), Японии (2 издания), США (2 издания), Бразилии; изложения книги были опубликованы в прессе в ФРГ, Турции и Израиле. В Лондоне вышли два издания «Номенлатуры» на русском языке. В Польше полулегально были выпущены два издания (с сокращениями).

Теперь, в условиях гласности, «Номенклатура» пришла, наконец, в Советский Союз. Пришла уже не в радиопередачах «Немецкой волны», не в проскользнувших мимо всех рогаток книжках лондонского издания и фотокопиях с них, а так, как и надлежит приходить книге в любую нормальную страну.

Я рад, что «Номенклатура» наконец-то выходит в свет там, где и следовало бы ей появиться с самого начала,— в Москве. Это один из признаков нормализации в Советском Союзе — пусть признак маленький, но не избалованы мы ими, так что и такому надо радоваться.

М. ВОСЛЕНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга М. С. Восленского «Номенклатура» принадлежит к числу тех крайне редких книг, которые, появившись, сразу же входят в сокровищницу политической мысли. Она нужна именно сегодня благодаря своей актуальности и своим исключительным достоинствам.

Прежде всего книга ясно и логично построена. Шаг за шагом она ведет читателя по разным частям советской системы, не теряя из виду систему в целом. Так последовательно, сама по себе, возникает целостная картина.

Исходный тезис М. С. Восленского таков: уже революция создала в рамках партии монополистический привилегированный слой советского общества. В ходе дальнейшего процесса, состоявшего из ряда фаз, этот слой укрепил и узаконил свое положение. Он не только отгородил себя от общества, от народа да и от всего мира; даже внутри него самого была воздвигнута иерархия чинов и социальных барьеров: это номенклатура.

Предшествовавшие М. С. Восленскому авторы называли этот слой «партократией», «кастой», «новым классом», «политической (или партийной) бюрократией», хотя и писали об одном и том же объекте. Но нет сомнения: термин «номенклатура» совершенно оправдан, когда речь идет об установившемся иерархическом режиме советской партбюрократии и связанных с нею бюрократий.

М. С. Восленский развертывает свои тезисы во всех деталях: исторических, статистических, теоретических и на основе своего личного опыта. Он рисует всеобъемлющую картину системы в СССР — исчерпывающую, тщательно отработанную, основанную на хорошем знании действительности, одну из самых, если не вообще самую полную картину советской системы. Во всяком случае это самое современное, а потому особенно поучитель-

ное ее изображение, в первую очередь в свете напряженной международной обстановки.

Книга особенно ценна своим аналитическим характером и пропитывающим ее духом объективности (хотя и не бесстрастности). М. С. Восленский не ненавидит, не обвиняет и уж тем более не проклинает и не пророчествует. Он описывает и анализирует — просто, ясно, документированно. М. С. Восленским движут не идеология и не религия, а реализм и стремление к правде. Книга М. С. Восленского «Номенклатура» бесспорно принадлежит к числу лучших работ, когда-либо написанных о советской системе.

Аналитический и реалистический труд «Номенклатура» дает пищу для размышлений и для опасений: *какова* советская система, *куда* она ведет, *какие* опасности влечет она за собой, особенно для Европы?

С самого начала идея власти, диктатуры стала характерной чертой советской системы во всех ее проявлениях. Ленин определяет государство как дубинку, как инструмент создания нового, социалистического общества и нового человека эпохи социализма. Вообще говоря, эта теория основана на идеях Маркса, на его учении о производительных силах и производственных отношениях как основе не только общественной структуры, но и самого существования человека. Однако ленинская теория отходит от идей Маркса, как только начинает рассматривать в качестве фундамента марксистской доктрины революцию и власть — «диктатуру пролетариата», а не преодоление бесчеловечных, гнетущих условий жизни общества. Признав принцип, что власть — основа всего в обществе, и узаконив насилие (Ленин определял диктатуру как власть, не ограниченную никакими законами), нельзя было построить ничего иного, как общество, в котором властители — партийная бюрократия, номенклатура — превращаются в привилегированную монополистическую касту.

Конечно, Ленин считал это лишь временной формой, которая исчезает с «отмиранием» государства. И все же уже в 1918 году Ленин в беседе с рабочей делегацией высказался за то, чтобы партактивисты получали дополнительный продовольственный паек. Так вместе с властью стали расти и привилегии, государство же не проявляло никаких признаков «отмирания», а наоборот, становилось все сильнее.

Дело в том, что бюрократия и не думает ограничивать свои привилегии. Напротив, она расширяет их и укрепляет свое господство. Уже этого было достаточно, чтобы она стала источником недовольства.

С самого своего возникновения советская система проявляет

глубокую враждебность к «чуждым» социальным группам внутри собственного общества и к внешнему миру, к любой другой системе. Советская бюрократия отвергает все то, что расходится с ее плоской идеологией, притязаниями, установками и практикой. Советская система воплощена в партбюрократии. Она рассматривает окружающий мир как враждебную ей силу. Своей системой советская бюрократия сама себя обрекла на заговорщическое мышление и постоянный страх за свое существование. Находящиеся у власти бюрократы живут вне реальностей, под гнетом представлений о некоем враждебном им мире; они убеждены, что каждый хочет напасть на них, и не доверяют никому, даже тем, кто находится в их же иерархическом кругу.

Такая система не может быть экономически продуктивной, да и не в этом ее задача. Цель системы — власть и господство над другими. Этому и посвящают себя ее руководители — партийные олигархи. Система построена на нищете и пассивности; она зависит от власти, которая сама по себе является привилегией, и на господствующей касте, которая представляет собой часть правящей партии. Это не означает, конечно, что советские вожди хотят сохранить отсталость своей страны и оставить ее народ необразованным и пассивным. Нет, даже советским руководителям не чужды добрые намерения. Но дальше намерений дело не идет.

Методами угнетения и террора система смогла осуществить индустриализацию страны — со всеми недостатками поверхностного планирования, продиктованного идеологией и политикой, с недостаточной координацией между различными секторами народного хозяйства. Это планирование оказалось неэффективным со всех точек зрения: и продуктивности, и качества продукции, и ее способности выдержать конкуренцию. Но у системы нет критериев для оценки таких явлений. Продукция производится в рамках количественного планирования, а качество не учитывается. Господствующий класс — номенклатура — заинтересован не в прибыльности производства, а в сохранении своей монопольной власти. Поэтому продукция — плохого качества, и производится главным образом то, что содействует укреплению власти. Несмотря на разговоры о «регулируемом рынке», конца этому не видно.

Разумеется, с той же целью — обезопасить свою власть от любой угрозы — номенклатура принимает меры, чтобы народ, то есть непривилегированное население, получал достаточно для поддержания своего существования и работоспособности. Но поскольку это не поддается точному планированию, то — даже если бы за дело принялись серьезно — в Советском Союзе неиз-

бежны перебои в снабжении населения, очереди в магазинах — и, конечно, спецмагазины для начальства.

Советская система обеспечивает хорошее качество продукции только при производстве оружия и военных материалов (да и то качество хуже, чем на Западе). Относительно высокое качество советского оружия объясняется фактором, которым в СССР пренебрегают при производстве мирной продукции: оружие означает конкуренцию, а недостаточно хорошее оружие — угроза могуществу и преобладанию правящей касты.

Параллельно с установлением своей гегемонии в послевоенной Восточной Европе и с планомерным укреплением своей военной мощи (несомненно, обе эти цели и оба плана существуют) Советский Союз занят созданием системы имперских отношений и зависимости.

Мир полон отсталости, насилия, грабежа, поэтому революции в нем неизбежны. Советский Союз проводит свою экспансию, оказывая поддержку этим революциям, чтобы сделать революционные движения зависимыми от своей поддержки, в первую очередь военной.

Так распространяется советское влияние и раскидываются сети Советского Союза, вырастает его давление во всем мире — особенно в слаборазвитых районах и среди обездоленных, отчаявшихся социальных групп. Интернационализм и коммунистическая идеология превратились в конечном итоге в прикрытие политики Советского государства и экспансионизма советской бюрократии.

Богатый нефтью Ближний Восток и Европа со своим промышленным и научным потенциалом стали ныне, как мне представляется, главными целями советской экспансии. Эти цели не отделены одна от другой. Они объединены единой задачей: чтобы Европа, отрезанная от источников нефти и другого сырья, была военным давлением принуждена к зависимости от Советского Союза.

Советские боссы сознают органическую и прежде всего экономическую неэффективность и слабую конкурентоспособность своей системы. Они могут преодолеть эту органическую слабость только одним путем: военным господством, а точнее — эксплуатацией развитых районов при помощи военной силы. В первую очередь речь идет о Европе как «слабом звене» на Западе. Отсюда — советское ядерное давление и шантаж.

По-моему, западные державы в Европе и в Америке допустили роковую ошибку: США — тем, что они свели свою оборону к ядерному оружию и отменили воинскую повинность, а Европа — тем, что она не укрепила своей независимости, прежде всего в военной области. Тем временем Советский Союз достиг ядерного равен-

ства с Западом, если не превосходства. Поскольку Советский Союз обладает превосходством и в обычных вооруженных силах, Европа оказалась перед лицом шантажа и угроз, с которыми ей приходится считаться и после драматических перемен в Восточной Европе.

Я хотел бы присоединиться к М. С. Восленскому, сказав: советская система не располагает никакими сколько-нибудь значительными или обнадеживающими внутренними способностями к подлинно радикальной реформе этой системы, а отсталость и коррупция неумолимо толкают ее к экспансии. Уже давно советская система перестала быть проблемой для критического политического мышления. Однако экспансионистские устремления отсталой и обнищавшей великой державы нельзя остановить ни разумными словами и добрыми намерениями, ни точным научным анализом, как бы ни было полезно и необходимо и то, и другое.

Новое издание книги М. С. Восленского особенно своевременно сегодня. Эта работа может оказаться итоговой. Диктатура номенклатуры приблизилась к своему историческому краху. Этот крах уже произошел на наших глазах в ряде стран Восточной Европы. Он свершился с поразительной легкостью. Дело в том, что развернулся объективный процесс разложения системы номенклатурного господства и протекает столь же объективный процесс демократизации общества. Мы наблюдаем его и в Советском Союзе, первые его признаки видны в Китае.

Слабость номенклатуры в том, что она сама отгородилась от общества, которым управляет, и оказалась верхушечной структурой без корней в народе. Поэтому я думаю, что ее уход и в больших странах «реального социализма» произойдет мирно, без гражданской войны: просто не найдется достаточно граждан, готовых воевать за номенклатуру.

Милован ДЖИЛАС

Сегодняшние книги —
это завтрашние дела.

Генрих Манн

ВВЕДЕНИЕ

Это не первая книга под названием «Номенклатура». В 1805 году в Англии вышла небольшая книжка: «Nomenclatura: or, Nouns and Verbs, in English and Latin; selected for the use of the lowest Forms. Eton: Printed by M. Pote and E. Williams». В предлагаемой вниманию читателя книге речь пойдет о другом.

Слово «номенклатура» пришло к нам из глубины тысячелетий. В Древнем Риме раб, громко провозглашавший на приемах имена входивших гостей, назывался «номенклатором» (от латинского «nomen» — имя). Видимо, от этого и пошло слово «номенклатура» как список имен или названий.

Что означает сегодня в русском языке латинское слово «номенклатура»?

Посмотрим, что сообщает на эту тему новейшее, 3-е издание Большой Советской Энциклопедии (том 18, с. 95—98): «*Номенклатура* (латинское nomenclatura — перечень, роспись имен. 1. Система (совокупность) названий и терминов, употребляемых в к.-л. отрасли науки, техники и т. п. 2. Система абстрактных и условных символов, назначение к-рой дать максимально удобное с практич. точки зрения средство для обозначения предметов» [1].

А далее идут: номенклатура анатомическая, номенклатура болезней, номенклатура бухгалтерских счетов, номенклатура продукции, номенклатура химическая (неорганических и органических соединений), номенклатуры в ботанике, зоологии, микробиологии, физиологии, биохимии. Значит, книга — о медицине, ботанике, зоологии, биохимии?

Нет. Она о явлении историческом и политическом. Обратимся к энциклопедическим справочникам историко-политического характера. Советская Историческая Энциклопедия: есть слова «ном», «номарх» и «номоканон», а номенклатуры нет. Политический словарь: есть слова «Новотный» и «Носака», а номенклатуры тоже нет [2].

Следы не связанного с естествознанием понятия «но-

менклатура» обнаруживаются в «Кратком политическом словаре» (издания 1964, 1968 и 1971 гг.). Номенклатура определена здесь как перечень должностей, назначение на которые утверждается вышестоящими органами [3]. Определение невразумительное: ведь любое назначение производится по решению выше-, а не нижестоящих органов. Однако, видимо, даже такое определение показалось чрезмерно откровенным, так что в последующих изданиях словаря термин «номенклатура» вообще исчез. В советской печати встречаются изредка упоминания о номенклатуре, но они неизменно бессодержательны.

Замалчивание понятия «номенклатура» в СССР привело к курьезу. Выпущенный в Москве в 1971 году словарь «Новые слова и значения» зачислил термин «номенклатура» в число неологизмов 60-х годов [4]; в действительности он почти на полвека старше.

Вышедший же в 1984 году «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг.», сообщив, что неологизмы 60-х годов включены в него «только тогда, когда материалы свидетельствовали об их широком употреблении в 70-е годы» [5], слово «номенклатура» опять исключил. Верно: в прессе и литературе термин «номенклатура» не употреблялся.

В названном выше словаре-справочнике «Новые слова и значения», выпущенном в 1971 году, а затем без изменений в 1973 году, определение номенклатуры было сформулировано довольно подробно: «Список должностей, кадры для которых утверждаются вышестоящими инстанциями; должность, входящая в такой список; работники, занимающие такие должности». За этим следовали примеры из советской печати 1964—1968 гг., первого брежневского четырехлетия, когда в литературе еще слышны были отголоски хрущевского либерализма и слово «номенклатура» иногда упоминалось [6]. В других изданиях определение давалось короткое и мало что говорящее. Именно оно было, видимо, сочтено наиболее удобным. Уже после выхода первого издания этой книги, в начале 80-х годов в советские справочники стали чаще включать термин «номенклатура» в его политическом значении. В «Словаре русского языка» (составитель С. И. Ожегов) пояснено в связи с выражениями «номенклатурный работник, номенклатурные кадры»: «работники, персонально назначаемые высшей инстанцией» [7]. В четырехтомном «Словаре русского языка», подготовленном Академией наук СССР (1983 г.), это же определение несколько расширяется: «номенклатурный

работник — работник, персонально назначаемый или утверждаемый высшей инстанцией» [8]. В «Словаре иностранных слов» (1984 г.) дается следующее определение: «Номенклатура (лат. nomenclatura — роспись имен): 1) совокупность или перечень названий, терминов, употребляющихся в какой-л. отрасли науки, искусства, техники и т. д.; 2) круг должностных лиц, назначение и утверждение которых относится к компетенции какого-л. вышестоящего органа» [9]. Какие это «органы» и «инстанции», справочники упорно не говорят.

Единственное членораздельное определение номенклатуры опубликовано в Советском Союзе не в общедоступных справочниках, а в учебном пособии для партийных школ «Партийное строительство». Вот оно:

«*Номенклатура* — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах» [10]. А упомянутый словарь неологизмов поясняет, что термин «номенклатура» обозначает и всех лиц, занимающих такие посты [11].

Значит, эта книга — о перечне наиболее важных в СССР должностей, ключевых постов и об их счастливых обладателях?

Здесь мы подошли совсем близко к подлинной сути понятия «номенклатура» в СССР и других странах «реального социализма».

Академик А. Д. Сахаров писал:

«Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не производятся, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 20-е — 30-е годы и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая прослойка — «номенклатура», как они себя сами называют, «новый класс», как их назвал Джилас» [12].

Значит, книга — о «новом классе» в СССР?

Да, о нем. Об этой сердцевине системы, именующей себя «реально существующим социализмом».

В СССР все, относящееся к номенклатуре, тщательно скрывается — и от собственного народа, и от заграницы. Мир не должен знать о номенклатуре.

Для того, чтобы люди узнали о ней, я пишу эту книгу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая Советская Энциклопедия, изд. 3-е, т. 18, с. 95.
2. Политический словарь. М., 1958.
3. Краткий политический словарь. М., 1964, 1968, 1971.
4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. М., 1971, с. 320.
5. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. М., 1984.
6. Новые слова и значения. М., 1971, с. 320.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986, с. 359.
8. Словарь русского языка. М., 1983, т. II, с. 508.
9. Словарь иностранных слов. М., 1984, с. 338.
10. Партийное строительство. Учебное пособие, изд. 6-е. М., 1981, с. 300.
11. См. Новые слова и значения, с. 320.
12. А. Д. Сахаров. О стране и мире. Нью-Йорк, 1975, с. 19.

Глава I

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО — ТОЖЕ АНТАГОНИСТИЧЕСКОЕ

«...Деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 70

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать и н т е р е с ы тех или иных классов».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47

Определить место социализма в историческом пути человечества — с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, задача простая, а главное — уже решенная. Несметное количество произносимых в СССР речей и публикуемых документов завершает четкая формула: «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!»

Коммунизм — бесклассовое общество, основной принцип которого: «От каждого — по способности, каждому — по потребности». Программа КПСС ориентировочно датировала построение коммунистического общества в СССР 1980 годом и в заключение торжественно провозглашала: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» [1].

Пока что это избранное поколение живет при реальном социализме. Согласно марксистской теории в том виде, в каком она сейчас пропагандируется, социализм — первая фаза коммунизма, где действует другой основной принцип: «От каждого — по способности, каждому — по труду». Социалистическое общество — еще не бесклассовое, но в нем, согласно той же теории, уже нет эксплуататорских классов и соответственно нет классовых антагонизмов.

Таким образом, реальный социализм — это тоже, хотя и несколько менее светлое, чем коммунизм, но зато более

близкое будущее для тех стран, где он еще не построен.

Реальный социализм — разумный термин. Система, реально сложившаяся в СССР, отличается от системы в других развитых странах. Она является результатом «социалистического выбора» и должна иметь название. Так как во всех странах «социалистического выбора» система не отличается от существующей в Советском Союзе, ясно, что реальный, а не книжно-умозрительный социализм именно таков, как в СССР.

Следовательно, народы всех стран имеют заманчивую возможность, посмотрев на СССР, заглянуть в будущее, которое их ожидает в случае «социалистического выбора».

Иностранец может сегодня, погрузившись в самолет, словно в уэллсовскую «машину времени», выйти в московском аэропорту Шереметьево и созерцать грядущее своей страны. Что он увидит?

1. КЛАССЫ И КЛАССОВЫЙ АНТАГОНИЗМ

Развитое человеческое общество делится на классы.

Деление общества на классы было открыто задолго до Маркса. Более того: вопреки распространенному мнению, не Марксу принадлежит и открытие классовой борьбы.

Прочитаем, что пишет об этом сам Маркс:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*» [2].

«...В основе деления на классы лежит закон разделения труда»,— писал Энгельс [3]. Однако нельзя смешивать классы с профессиями. Нет класса счетоводов и класса бухгалтеров, класса судомоек и класса водителей такси. Класс — не профессиональная группа и не профсоюз, а крупный слой общества, вбирающий в себя много профессий. Деление между классами — не профессиональное, а социальное.

Вот ленинское определение:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [4].

Ленин добавлял, что классы различаются между собой и по тем интересам, которые определяются обстановкой жизни их членов [5].

Интересы классов, как и отдельных людей, всегда в той или иной степени расходятся. Это естественно, ибо положение классов в обществе различно. Энгельс писал: «Общество разделяется на классы — привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные...» [6]. А советский учебник для системы партийной учебы поясняет: «...в пределах одной формации классы отличаются друг от друга по их месту в системе производства: один класс заведует производством, другой — непосредственно осуществляет производственный процесс; один — трудится, другой — присваивает себе результаты его труда» [7].

Ясно, что в таких случаях компромисс между классами невозможен. Классовые интересы противоположны или несовместимы. В этих случаях речь идет об антагонистических классах, а общество, в котором они действуют, является антагонистическим.

Между классами-антагонистами развертывается классовая борьба. Маркс и Энгельс дали отчетливую формулировку: «Вся предшествующая нам история есть история борьбы классов». Это объясняется тем, что классовый антагонизм в обществе — не редкость, а правило. Все существовавшие до сих пор классовые общества были, как подчеркивает марксизм, антагонистическими.

Счастливое исключение из этого правила, с точки зрения марксизма-ленинизма, должно составить лишь общество реального социализма.

2. «ОБЩЕСТВО БЕЗ АНТАГОНИСТИЧЕСКИХ КЛАССОВ»

25 ноября 1936 года после конца уроков во второй смене нас — актив школы: членов старостата и комитета комсомола, с тоской думавших о безнадежно потерянном вечере,— собрали в учительской на втором этаже. С деланным вниманием чинно расселись учителя. Директор торжественно включил репродуктор. Из плохонького громкоговорителя раздался сухой треск аплодисментов и далекие надрывные возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Слава великому Сталину!» Потом все стихло, и вдруг послышался глуховатый, запинающийся голос вождя, с сильным грузинским акцентом читавшего свой текст. Сталин произносил на 8-м чрезвычайном всесоюзном съезде Советов доклад «О проекте Конституции Союза ССР».

Незамедлительно объявленный гениальным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма доклад провозглашал: необходимость принять новую Конституцию назрела потому, что в Советском Союзе создано социалистическое общество; это общество без антагонистических классов, оно состоит из двух дружественных классов — рабочих и крестьян и рекрутируемой из них прослойки интеллигенции. Все это, пояснял Сталин,— совершенно новые, невиданные еще в истории социальные группы. Советский рабочий класс — не прежний пролетариат; он перестал быть эксплуатируемым классом, лишенным средств производства и продающим свою рабочую силу, а совместно со всем народом владеет средствами производства и освобожден от эксплуатации. Крестьянство из эксплуатируемого класса мелких распыленных производителей, базирующего свое существование на частной собственности, единоличном труде и примитивной технике, превратилось в освобожденный от эксплуатации класс, базирующий свою работу на кооперативно-колхозной собственности, на коллективном труде и передовой технике. Советская интеллигенция — трудовая, подавляющее большинство ее составляют выходцы из рабочего класса и крестьянства, она служит трудовому народу и имеет все возможности для применения своих знаний [8].

Оглашенное в тот вечер идейное богатство прочно вошло в золотой фонд марксистско-ленинской теории. Настолько прочно, что, хотя другие высказывания Сталина давно перестали числиться гениальными открытиями, данная им характеристика структуры советского общества по-прежнему считается в СССР непреложной истиной. Как

только вопрос касается структуры общества в СССР, советские авторы сразу же начинают излагать своими словами доклад товарища Сталина. И вывод делается такой:

«...В СССР впервые в истории возникло новое общество, не расколотое на враждебные классы, но спаянное единством коренных интересов и общностью цели» [9].

Значит, сталинская схема полностью остается в силе.

Для того, чтобы подкрепить эту схему статистическими данными, в советских изданиях приводилась следующая таблица [10].

Изменение классовой структуры советского общества (в процентах ко всему населению)

	1913	1924	1928	1939	1959	1970	1987
Рабочие и служащие	17,0	14,8	17,6	50,2	68,3	79,5	88,0
В том числе рабочие	14,6	10,4	12,4	33,7	50,2	57,4	61,8
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари *	—	1,3	2,9	47,2	31,4	20,5	12,0
Крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	66,7	75,4	74,9	2,6	0,3	0,0	0,0
Буржуазия, помещики, торговцы и кулаки	16,3	8,5	4,6	—	—	—	—

* *Примечание:* Кооперированные кустари, то есть члены артелей промкооперации, вместе с неработающими членами семьи составляли: 1924 г.— 0,5%, 1928 г.— 1,2%, 1939 г.— 2,3% населения. С 1959 г. включаются в число рабочих и служащих в связи с передачей артелей промкооперации в систему государственных предприятий.

Что ж, беспристрастная советская статистика подтверждает слова тов. Сталина. Ведь правда: были когда-то в России помещики, капиталисты, были кулаки — ничего этого уже давно нет. Даже кустарей фактически не осталось. Если бы мы пошли по улице, спрашивая людей одного за другим, кто они, оказалось бы, что каждый — или рабочий, или колхозник, или, наконец, служащий, интеллигент.

3. «ОБЩЕНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО ТРУДЯЩИХСЯ»

Но возникает один вопрос: зачем при такой классовой гармонии в Советском Союзе существует государство и какова его сущность?

Сталин не обошел вниманием и этого вопроса. Социалистическое государство, сообщил он, имеет хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную функцию, а также охраняет социалистическую собственность и осуществляет военную защиту страны от капиталистического окружения. Что же касается сущности этого государства, то Брежнев подтвердил выдвинутый Хрущевым тезис: «Государство диктатуры пролетариата, выполнив свою великую историческую миссию, постепенно переросло в общенародное социалистическое государство трудящихся»[11].

При Горбачеве каких-либо официальных опровержений этих тезисов не последовало.

Значит, из основанного на классовом господстве пролетариата Советское государство превратилось в общенародное.

Все это, может быть, звучало бы неплохо, если бы не Ленин, который вот в каких выражениях реагировал на подобные взгляды: «...народное государство (etc.) есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство»...» Совершенно неверны рассуждения о государстве: «Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*».

Отыскав слова Энгельса, заявлявшего, что «говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица», Ленин писал: «...Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом *«община»*.

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма», если бы им предложили такое исправление программы!»[12]

Что делать? Если бы Ленин ограничился этим высказыванием, можно было бы привычно объявить его «цитатой, вырванной из контекста», благо каждая цитата остается вне контекста именно потому, что она — цитата.

Однако здесь этот испытанный способ не действует: Ле-

нин упорно излагал свою точку зрения по вопросу о сущности государства. В подобных случаях принято применять другой метод: замалчивать и делать вид, будто классик марксизма на эту тему вообще ничего не сказал. Так и делается в данном случае.

Посмотрим, что сказал Ленин.

Что представляет собой всякое государство?

«Государство, это — учреждение для принуждений» [13],— отвечает Ленин и поясняет: «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса» [14].

Значит, если есть государство, то за ним с неизбежностью скрывается классовый антагонизм? Да, отвечает Ленин: «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. ...существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [15].

Может быть, Ленин имел в виду не всякое, а только буржуазное, феодальное и рабовладельческое государство? Нет, Ленин категоричен: «Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *не*свободно и *не*народно» [16].

Следовательно, факт существования государства в СССР служит, по Ленину, бесспорным доказательством того, что советское общество — антагонистическое, а Советское государство несвободно и ненародно.

Так обстоит дело с «общенародным социалистическим государством трудящихся».

Не лучше и с хозяйственно-организаторской, культурно-воспитательной и прочими функциями этого государства. Не признает их Ленин: «Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров...» [17].

Ну, хорошо: социалистическое государство — не общенародное, а классовое и его функция — подавление. Но, может быть, это — по аналогии с диктатурой пролетариата — подавление огромным большинством трудящихся ничтожного меньшинства паразитов? В самом социалистическом обществе отсутствует, как известно, социальная основа паразитизма, но живучи еще пережитки капитализма в сознании людей, так что есть пока мошенники, воры, бандиты. Может быть, *их* подавление является главной функцией государства развитого социалистического общества?

Нет, не нужны для этого танковые и парашютные диви-

зии внутренних войск армия вооруженных сил, аппарат КГБ и прочее. Тоскующие на уроках школьники хлопают неосторожно садящихся на парту мух просто натянутой резинкой, а не просят привезти паровой молот.

Другое дело, если бы муха захотела подавить людей. Тогда ей действительно понадобилась бы гигантская машина, которая в тысячу раз усилила бы нажатие ее лапки. Огромная машина Советского государства наводит на мысль, что дело идет о подавлении огромного большинства незначительным меньшинством.

А что пишет Ленин? Именно это: «Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс...*» [18].

Значит, и мысль о подавлении меньшинства паразитов, как главной функции мощного социалистического государства, не находит поддержки у Ленина. Но в СССР пропаганда без конца повторяет, что родное Советское государство нужно трудовому народу. Зачем?

Снова Ленин: «...пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и *«забывая»* добавить, что ...по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать» [19].

Ну уж, Советское государство так не устроено.

К числу неизменных впечатлений, которые выносят граждане СССР из поездок в капиталистические страны, относится смехотворная для советского человека слабость тамошних государств.

В самом деле, там все частное: земля, заводы, фирмы, банки, дома, магазины, газеты — все. Тут, в СССР, все это и многое другое — государственное. Там в море частного качается утлый челн государства, разными ухищрениями старающегося собрать с ворчащих подданных налоги на свое содержание и зависящего от своих граждан, которые нахально выбирают, какая партия будет формировать правительство. Тут — знающие свое место граждане, привыкшие к полной зависимости от всесильного государства и пуще всего боящиеся ненароком попасть под его тяжелую и всегда карающую руку. Там, несмотря на слабость государства, а точнее благодаря ей, —

нескончаемые интеллигентские разговоры о нестерпимости гнета государственной бюрократии. Тут — выразительно велено всемерно укреплять родное Советское государство.

Укреплять? А вот Ленин пишет: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства» [20].

Да когда же писал все это Ленин? Может быть, в студенческие годы, в XIX веке, в захолустной Казани, когда он еще не начал серьезно задумываться над государством и его сущностью? Нет, и такого утешения Ленин не дает. Все это из книги «Государство и революция», написанной в августе и сентябре 1917 года, когда Ленин — глава партии большевиков — готовился к захвату государственной власти; опубликовал же он эту работу после Октябрьской революции.

Одним словом, лазеек не остается. Нужно безоговорочно признать одно из двух: если справедлива пропагандируемая ныне в СССР сталинская схема структуры советского общества, то неверна марксистско-ленинская теория государства; если же эта теория верна, то Советское государство — тоже машина (причем гигантская) для подавления господствующим классом других классов, и тогда все рассуждения о неантагонистическом характере социалистического общества — попросту обман.

4. ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ СХЕМЫ

В пользу сталинской схемы социальной структуры СССР свидетельствует только одно: то, что каждого советского гражданина действительно можно отнести к одной из трех категорий — рабочие, колхозники, служащие (что воспринимается как синоним интеллигенции). Достаточное ли это доказательство правильности тезиса об именно такой трехчленной структуре общества в Советском Союзе?

Допустим, было бы объявлено, что это общество состоит из четырех неантагонистических классов: блондинов, брюнетов, шатенов и рыжих, и двух рекрутируемых из них прослоек: седых и лысых. Тогда тоже без труда можно было бы отнести каждого гражданина к одной из названных категорий, статистические таблицы тоже были бы безупречны, и тоже можно было бы проводить на их основе глубокомысленные социологические исследования. Но ведь все это не доказывает, что именно таково социальное членение общества.

«Конечно, не доказывает! — поспешит нас одернуть

догадливый преподаватель курса «научного коммунизма».— Не доказывает, потому что пример фальшивый: надо брать за основу деления общества социальные группы по их месту и роли в процессе общественного производства, а не по, извините, смехотворному признаку цвета волос».

Правильно! Сама по себе возможность расписать все население по определенным категориям ровно ничего не доказывает. Следовательно, не доказывает она и правоты сталинского тезиса о структуре советского общества. Существенное значение для определения структуры общества имеет не формальное распределение по графам, а правильное выявление групп, сформировавшихся в процессе общественного производства и занявших в нем каждая свое особое место.

5. КЛАССОВАЯ ГАРМОНИЯ ПОД ПИРАМИДАМИ

Правильно ли выявил Сталин эти группы?

Проведем эксперимент: применим принципы сталинской классификации к известным в истории докапиталистическим обществам.

Разделим, как это делает Сталин, общество на две большие группы: занятых физическим и занятых умственным трудом; первую группу подразделим на два класса — работающих в городе и работающих в деревне, а вторую назовем прослойкой. Как и по цвету волос, можно будет расписать по этим графам всех членов любого общества: в самом деле, каждый занимается физическим или умственным трудом и живет или в городе, или в сельской местности. Как любят выражаться советские философы, третьего не дано. Таким образом, столь доказательный для нас вначале факт, что любой советский гражданин попадает в одну из названных рубрик, будет безотказно повторяться при их применении к каждому обществу.

Применительно к докапиталистическим формациям (то есть до возникновения рабочего класса) категориями, соответствующими сталинской схеме, были бы, по-видимому, следующие социальные группы:

1. Класс производителей промышленно-ремесленной продукции.

2. Класс производителей сельскохозяйственной продукции.

3. Прослойка занятых умственным трудом — интеллигенция.

Приложим эту схему к различным обществам, например к рабовладельческим. В первом классе окажутся в Древней Греции и свободные ремесленники, и рабы в эргастериях, и сами эргастериархи. В Древнем Риме во втором классе оказались бы вольноотпущенники, колоны, рабы в латифундиях, а также их надсмотрщики да и сами латифундисты. В Древнем Египте мы нашли бы в прослойке интеллигенции и автора «Речения Ипувера», и переписавшего его писца, и бродячего музыканта, и номарха, и фараона.

Не важно, что музыкант, писец, а вероятно, и сам литератор должны были падать лицом в пыль при проезде фараона, не имея права даже взглянуть на того, чье имя писалось в «картуше» и сопровождалось заклинанием «Да будет он жив, здрав, невредим!». Зато между очерченными таким образом социальными группами не было бы никаких классовых антагонизмов — как и между блондинами и шатенами при делении общества по цвету волос.

Да откуда и взяться классовым антагонизмам, если в качестве социальных групп берутся труженики города, труженики деревни и лица, занимающиеся умственным трудом! Ни в одном обществе между *этими* группами не возникало непримиримых противоречий.

Но ведь антагонизмы были, и именно марксизм подчеркивает это со всей силой. С помощью какого же фокуса они исчезают при взгляде на общества сквозь призму сталинской схемы? Что она загораживает?

Каждый, окончивший советскую школу, наизусть помнит слова «Коммунистического манифеста»: «Вся предшествующая нам история есть история борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, цеховой мастер и подмастерье,— короче, угнетаемый и угнетатель...»

Остановимся здесь. «Угнетаемый и угнетатель» — вот что затушевывает схема Сталина! И тот, и другой загоняются ею в рамки одной и той же социальной группы, причем особенно большой простор предоставляет расплывчатая «прослойка» интеллигенции. Границы между социальными группами в схеме Сталина имеют лишь одну внутреннюю логику: они проведены так, чтобы не совпасть с подлинным социальным водоразделом. А водораздел этот проходит по линии, четко названной в «Коммунистическом манифесте»: порабощенный и господствующий, управляемый и управляющий, эксплуатируемый и эксплуататор — короче, угнетаемый и угнетатель. *Это*

основное отношение гаснет в картине любого — даже рабовладельческого — классового общества при наложении на нее трехчленного сталинского деления, старательно наклеенного на картину советского общественного строя.

Если отодвинуть эту схему — что под ней?

6. «УПРАВЛЯЮЩИЕ И УПРАВЛЯЕМЫЕ»

Посмотрим, в какой мере советская литература дает ответ на этот вопрос.

Проблемой социальной структуры общества в СССР советские ученые занимались в первом десятилетии после Октябрьской революции. Но само общество тогда еще находилось на переломе и не приобрело черт, характерных для реального социализма. Затем возникли другие проблемы, а в 1936 году была оглашена теория Сталина.

Как скромно замечает автор статьи в журнале «История СССР», «в конце 30-х годов наметился определенный спад в научной разработке истории основных классов и социальных групп советского общества, внутриклассовой структуры и общественной психологии»[21]. Яснее говоря, все это было заменено повторением слов Сталина.

Во второй половине 50-х годов стали появляться по этим вопросам работы, не сводившиеся к простому цитированию доклада «О проекте Конституции» или к его пересказу возможно более близко к тексту. Однако особенно далеко от этого текста никто из советских авторов тоже не решался отходить, а уж классовый состав советского общества излагался безоговорочно по Сталину.

И все же в современной советской литературе по проблемам структуры общества в СССР можно уловить новый элемент, представляющий собой, очевидно, некую тень реального процесса.

Этот элемент начинается с указания на то, что внутри категории трехчленного сталинского деления общества есть некие иные социальные группы. А завершается он неожиданным тезисом, не встречавшимся в советской литературе сталинского периода: такими социальными группами оказываются «управляемые и управляющие»[22].

Что-то удивительно знакомое есть в этом словосочетании. Погодите, мы только что цитировали: «свободный и раб, патриций и плебей...— короче, угнетаемый и угнетатель...». А если бы Маркс и Энгельс написали: управляемый и управляющий — смысл ведь остался бы тот же.

Что же представляют собой новые «управляющие»?

«Обычно на первый план выдвигается различие между организаторами и исполнителями,— пишут авторы коллективного труда «Классы, социальные слои и группы в СССР».— В этом отношении особое место в общественной организации труда при социализме принадлежит не всей интеллигенции, а лицам, которые от имени общества, по его заданию и под его контролем выполняют организаторские функции в производстве и во всех других сферах жизни общества»[23].

В другой книге этот интересный тезис формулируется с еще большей определенностью. «Управление,— отмечается в книге,— в значительной степени еще остается особым видом профессиональной деятельности интеллигенции, точнее, *одного из ее отрядов.* Характер и общественная значимость управленческого труда ставят *интеллигенцию, профессионально занимающуюся управлением, в несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом»*[24].

Значит, в прослойке советской интеллигенции есть какой-то один «отряд», который профессионально занимается тем, что управляет во всех сферах жизни общества и потому находится в «несколько особом» положении по отношению к исполнителям, иными словами — управляемым. Своеобразная ситуация для общества, где все равны и где руководящая сила — рабочий класс!

Что же представляет собой в социальном отношении «отряд» управляющих? Это ведь только животный мир делится на отряды, а для человеческого общества в науке — и прежде всего в марксистской — принята другая классификация. Общество делится на классы — правящие и угнетенные.

И неудержимо возникает вопрос: а не может быть, что «отряд» управляющих — правящий класс общества реального социализма?

7. ТЕОРИЯ ДЖИЛАСА

В советской литературе часто цитируются патетические ленинские слова: «...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса...»[25].

К этой формулировке Ленин возвращался не раз. Например:

«Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии...»[26].

Или в одной из последних работ, в августе 1921 года: «Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс...»[27].

«Новый класс» — так и назвал свою книгу югославский политик, бывший член Союза коммунистов Югославии, ученый и писатель Милован Джилас, постаравшийся теоретически осмыслить вопрос: кто такие «управляющие»?

Личный жизненный опыт — незаменимое сокровище — открывал ему для этого уникальные возможности. Джилас не только был ряд лет в числе «управляющих», он возглавлял их, будучи членом Политбюро ЦК — святая святых любой коммунистической партии. «...Я прошел,— пишет он,— весь путь, открытый для коммуниста: от низшей до самой высокой ступени иерархической лестницы, от местных и национальных до международных органов, и от образования коммунистической партии и подготовки революции до установления так называемого социалистического общества»[28].

Сущность разработанной Джиласом теории сводится к следующему. После победы социалистической революции аппарат компартии превращается в новый правящий класс. Этот класс партийной бюрократии монополизирует власть в государстве. Проведя национализацию, он присваивает себе всю государственную собственность. В результате новоявленный хозяин всех орудий и средств производства — новый класс становится классом эксплуататоров, попирает все нормы человеческой морали, поддерживает свою диктатуру методами террора и тотального идеологического контроля. Происходит перерождение: бывшие самоотверженные революционеры, требовавшие самых широких демократических свобод, оказавшись у власти, превращаются в свирепых реакционеров — душителей свободы. Положительным моментом в деятельности нового класса в экономически слабо развитых странах является проводимая им индустриализация и связанное с ней по необходимости известное распространение культуры; однако его хозяйничание в экономике отличается крайней расточительностью, а культура носит характер политической пропаганды. «Когда новый класс сойдет с исторической сцены — а это должно случиться,— резюмирует Джилас,— люди будут горевать о нем меньше, чем о любом другом классе, существовавшем до него»[29].

Хотя Джилас написал свою работу как исследование о характере коммунистической системы в целом, он проделал свой анализ фактически на материале социалистического общества в Югославии. Но Югославия не типична для социалистических стран и стоит особняком в их среде. К XX съезду КПСС в Москве была специально придумана формула, выражающая особенное положение Югославии: в мировую социалистическую *систему* были включены все социалистические страны, а в мировой социалистический *лагерь* — те же, кроме Югославии [30]. По действующим в СССР инструкциям Югославия во всех практических вопросах рассматривалась как капиталистическая страна.

Таким образом, книга Джиласа отнюдь не сделала беспредметным объективный анализ классовой структуры социалистического общества на материале других социалистических стран и прежде всего — Советского Союза. Напротив, книгу «Новый класс» и последовавшую за ней работу Джиласа «Несовершенное общество» следует рассматривать как призыв серьезно заняться этой проблемой.

Но пути подхода к ней ясно намечены Джиласом. Он не только отбросил идиллическую сталинскую схему структуры социалистического общества, но не остановился и на делении этого общества на управляемых и управляющих. Джилас объявил, что в социалистических странах правящая элита — это новый господствующий класс партийной бюрократии. Джилас выдвинул научную теорию, принесшую ему известность во всем мире и тюремный приговор в Югославии — как будто когда-нибудь удавалось приговорами остановить развитие науки!

8. КЛАССОВОЕ ГОСПОДСТВО

Хотя именно Джилас впервые выступил с разработанной теорией, в разных странах уже в 20-х годах стал подниматься вопрос о том, что в СССР возник новый господствующий класс.

Начнем с одного из ранних высказываний на эту тему.

Вот как характеризует «управляющих» и «управляемых» в СССР И. Е. Штейнберг, нарком юстиции в первом правительстве Ленина после вхождения в него левых эсеров: «На одной стороне — опьянение властью: наглость и безнаказанность, издевательство над человеком и мелкая злоба, узкая мстительность и сектантская подозрительность, все более глубокое презрение к низшим, одним словом, *господство*. На другой стороне — задавленность,

робость, боязнь наказания, бессильная злоба, тихая ненависть, угодничество, неустанное обманывание старших. Получаются два новых класса, разделенных между собой глубочайшей социальной и психологической пропастью»[31].

Любопытная картина! Как видим, здесь — отнюдь не два сталинских дружественных класса рабочих и крестьян, а антагонистические классы управляющих и управляемых.

Подобные утверждения стали вскоре раздаваться со стороны самых различных политических группировок.

В 1936 году долголетний московский корреспондент немецкой газеты «Франкфуртер Альгемайне» Пёрцген писал, что в СССР произошло «новое классообразование, развитие ныне господствующего привилегированного слоя»[32].

В те же годы находившийся в эмиграции русский философ Николай Бердяев отмечал: «Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит...»[33].

Югославский коммунист Анте Силига после ряда лет работы в СССР, а затем ссылки писал в своей книге, опубликованной в Париже в 1938 году: в Советском Союзе правит «совершенно новый класс — бюрократия коммунистов и специалистов»[34].

В 1939 году диссидент в лагере троцкистов итальянец Бруно Рицци опубликовал во Франции книгу «СССР: бюрократический коллективизм», первую часть задуманной им трилогии «Бюрократизация мира». Как свидетельствует само название, автор рассматривал развитие в СССР лишь как частный случай якобы всемирного явления прихода к власти бюрократии [35].

Применительно к западному миру идея о «революции менеджеров» была развита Бёрнхэмом. Его исследование показало, что руководящая роль управляющих (в противоположность роли владельцев средств производства) ограничивается на Западе сферой экономики и не связана с политической властью. Следовательно, это феномен иного порядка, чем возникновение нового правящего класса в СССР. Полемизируя с рассуждениями Троцкого и его учеников о том, будто в Советском Союзе государство является «пролетарским», Рицци выдвинул ряд интересных

тезисов. Он подчеркнул, что не рабочий, а другой правящий класс, бюрократия, поднялся из Октябрьской революции[36]. Сделавшись собственницей всех орудий и средств производства в стране, она стала классом еще более эксплуататорским, чем буржуазия. Однако Рицци весьма туманно обрисовал границы класса бюрократии. В одном случае он писал, что новый правящий класс состоит из «функционеров и техников»[37], в другом случае включает в этот класс также полицейских, офицеров, журналистов, писателей, профсоюзных боссов, наконец, «всю коммунистическую партию в целом»[38].

В 1943—1944 годах английский писатель Джордж Оруэлл в получившем широкую известность на Западе рассказе «Скотский хутор» в обобщенном виде обрисовал — так, как он его понимал,— процесс создания общества реального социализма; не как розовую утопию, а как историю формирования нового господствующего класса. Аллегория Оруэлла повествует о том, как на одном хуторе животные устроили революцию против господства людей (кстати, в рассказе отнюдь не идеализированного) и сами стали хозяйничать. Но республика освободившихся было животных быстро оказалась под властью свиней и их свирепых охранников — сторожевых псов. Уделом остальных животных хутора стал беспросветный труд по выполнению составляющихся свиньями планов, сдабриваемый свинской демагогией, что-де животные отныне работают не на людей, а на самих себя. Под шумок этих разговоров свиньи стали владельцами хутора, причем, как с завистью констатировали люди, «низшие животные на скотском хуторе работали больше, а еды получали меньше, чем какие-либо еще животные в графстве»[39].

Рассказ Оруэлла был запрещен в коммунистических странах. Тот же строгий запрет был наложен там на его роман «1984», рисующий жизнь и судьбы людей в Англии в случае установления в ней строя реального социализма. Изображаемое им общество делится на три слоя: внутренняя партия, то есть партийно-полицейский аппарат, превратившийся в господствующий класс; внешняя партия — подчиненная этому классу интеллигенция; пролетариат — низший класс общества.

Отнюдь не менее остро, чем буржуазные авторы, говорили о наличии классовых антагонизмов в Советском Союзе сторонники мировой пролетарской революции.

Троцкий указывал на процесс обюрокрачивания партийного аппарата в СССР и на то, что в результате вместо

диктатуры пролетариата создалась «диктатура над пролетариатом»[40]. После того, как убийца из НКВД Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого, приверженцы последнего, в частности Эрнест Мандель[41], продолжали писать о развитии бюрократии в Советском Союзе.

По мнению троцкистов, еще в двадцатые годы бюрократия «политически экспроприировала» рабочий класс и сделалась привилегированным общественным слоем; теперь необходима антибюрократическая революция в интересах рабочего класса, чтобы действительно построить социализм[42].

Таким образом, мысль о наличии в СССР нового классового господства, причем отнюдь не господства рабочего класса, стала высказываться на Западе задолго до появления книги Джиласа.

Подведем итог.

Мы без всякого предубеждения начали со сталинской концепции советского общества как неантагонистического, состоящего из двух дружественных классов и прослойки интеллигенции. Впервые мы усомнились в ее правоте потому, что в Советском Союзе существует мощное государство, по теории же Ленина всякое государство есть машина для поддержания господства одного класса над другими, а существование государства доказывает, что в обществе наличествуют непримиримые классовые противоречия. Поэтому-то мы и стали анализировать сталинскую схему, затем искать в литературе отражение ощущенной нами реальности. Оказалось, что, даже по мнению официальных советских изданий, в советском обществе есть группа профессиональных «управляющих», осуществляющая «управление», иными словами — власть во всех сферах общественной жизни. Это правящая социальная группа. Она находится в составе так называемой «прослойки интеллигенции», следовательно, ее «особое положение» никак не может быть отождествлено с официально провозглашаемой «руководящей ролью» рабочего класса при социализме.

Таким образом, различные аргументы подводят к заключению, что «управляющие» в обществе реального социализма — класс. Чтобы сделать окончательный вывод, необходимо применить имеющийся у нас критерий — определение класса.

Подходит ли социальная группа «управляющих» в СССР под это определение?

В полном соответствии с ленинским определением

класса, это большая группа людей, отличающаяся от других групп по своему — господствующему — месту в исторически определенной системе общественного производства, тем самым по отношению к средствам производства, по своей — организующей — роли в общественной организации труда, а следовательно, по способу получения и размерам той — непомерной — доли общественного богатства, которой она располагает. Значит, группа «управляющих» целиком подходит под ленинское определение класса, причем класса господствующего.

Вот мы и пришли к выводу.

«Управляющие» — это *господствующий класс советского общества.*

В обществе реального социализма есть господствующий класс и есть угнетаемые им классы. Вот что увидит путешественник из-за рубежа, приехавший в СССР посмотреть на историческое будущее.

Такова правда о советском обществе.

*

Это горькая правда.

Десятилетиями длившаяся самоотверженная борьба революционеров-марксистов, революция, длительная и суровая гражданская война, истребление целых классов прежнего общества, бесконечные усилия и несчетные жертвы — все это во имя построения справедливого общества без классов и классовых антагонизмов — привели в итоге лишь к созданию нового классового антагонистического общества. Господствующий класс помещиков сменился в России новым господствующим классом. Социалистическое общество не составило исключения в истории человечества. Как и все предшествовавшие классовые общества, общество реального социализма — тоже антагонистическое.

В Советском Союзе, как и в любой другой коммунистической стране, много тайн: государственных, партийных, военных, экономических — всяких. Но есть одна главная тайна, существованием которой объясняется эта вездесущая секретность. Главная тайна — это антагонистическая структура советского общества. Все остальные секреты — лишь частички этой тайны, по лабиринту которой мы теперь пойдем.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Программа КПСС. М., 1961.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., т. 28, с. 424—427.
3. Маркс К., Энгельс. Ф. Соч., т. 20, с. 293.
4. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее: Полн. собр. соч.), т. 39, с. 15.
5. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 430.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 152.
7. Диалектический и исторический материализм. Для системы партийной учебы. 3-е изд. М., 1970, с. 232—233.
8. См. И. В. Сталин. Соч. Stanford, 1967, т. 1 [XIV], с. 143—145.
9. В. Т. Чунтулов. Экономическая история СССР. М., 1968, с. 291.
10. ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР 1922—1972 гг. М., 1972, с. 35; СССР в цифрах в 1987 г. М., 1988, с. 178.
11. «Коммунист», 1972, № 18, с. 40.
12. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 65.
13. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 110.
14. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 24.
15. Там же, с. 7.
16. Там же, с. 20.
17. Там же, с. 24.
18. Там же, с. 91.
19. Там же, с. 24.
20. Там же, с. 95.
21. В. М. Селунская. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии. «История СССР», 1971, № 6, с. 6.
22. «Проблемы изменений социальной структуры советского общества». М., 1968, с. 45.
23. «Классы, социальные слои и группы в СССР». М., 1968, с. 147.
24. «Структура советской интеллигенции». Минск, 1970, с. 155 (курсив мой.— *М. В.*).
25. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.
26. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
27. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 106.
28. М. Джилас. Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1957, с. 12.
29. Там же, с. 90.
30. Само привычное для уха советского человека слово «лагерь» подало тогда повод для ряда мрачноватых шуток, вроде того, что Венгрия — самый веселый барак в этом лагере, а Югославия — не в лагере, а потому свободна.
31. И. Е. Штейнберг. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. Цит. по П. Милюков. Россия на переломе, т. 1. Париж, 1927, с. 191.
32. H. Pörzgen. Ein Land ohne Gott. Frankfurt a. M., 1936, S. 69.
33. Н. Бердяев. Источники и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 105.
34. A. Ciliga. Im Land der verwirrenden Lüge. Duisburg, 1954, S. 240.
35. B. Rizzi. L'U.R.S.S.: collectivisme bureaucratique. Champ Libre, Paris, 1976, p. 53, см. также p. 31—33, 45.
36. Там же, p. 29.
37. Rizzi, op. cit., p. 90.
38. Ibid., p. 27.

39. G. Orwell. Animal Farm. A Fairy Story. Penguin Books, 1972, p. 117.

40. См. L. Trotzki. Die verratene Revolution. Frankfurt a. M., 1968.

41. E. Mandel. Über die Bürokratie. "Die Internationale", Nr. 2, Hamburg. 1974.

42. См. Sozialwissenschaftliche Information für Unterricht und Studium, 1973, H. 1.

Глава 2

РОЖДЕНИЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин, на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

(Гимн Советского Союза
в редакции до 1977 г.)

Каждый, изучавший в советском вузе историю, знает, каким томительно-тягучим процессом изображается в ней возникновение классов. В курсе истории первобытного общества — скучноватом пересказе книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» с добавлением примеров из археологии и этнографии — речь без конца идет о «разложении родового строя». Разложение это начинается с возникновения патриархата и продолжается затем тысячелетиями. На экзамене ничего не учивший студент в ответ на любые вопросы привычно заводит речь о «разложении родового строя» — и ошибки не бывает. Классообразование рассматривается как нечто очень далекое от современности, и даже относительно недавнее возникновение пролетариата в России оттягивается в глубь прошлого рассуждениями об издавна складывавшемся «предпролетариате».

Мы пришли на исторический факультет университета 1 сентября 1939 года — в день начала второй мировой войны. Ложившаяся в тот день на судьбу нашего поколения зловещая тень казалась светлой по сравнению с только что пережитым мраком ежовщины. Нудные лекции о классообразовании не перекликались в нашем сознании с рыскавшими еще недавно по городу черными машинами НКВД, с ночными обысками, с безысходным горем наших одноклассников, оказавшихся обездоленными сиротами — детьми «врагов народа».

Мы еще не понимали, что на наших глазах развернулся кровавый заключительный акт подлинного, а не книжного процесса рождения господствующего класса.

1. «ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ»

Любая книга по истории КПСС начинается с рассказа о создании первой марксистской группы в России — «Освобождение труда». Возникшая более 100 лет назад, эта группа впервые перевела на русский язык ряд работ

Маркса и выступила за развитие России по указанному Марксом пути. В группу входило всего несколько человек, но каждое имя запечатлелось в истории русского рабочего движения: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов, Л. Г. Дейч.

Случай захотел, чтобы я школьником познакомился с почти 80-летним Л. Г. Дейчем и часто бывал у него. Мой умерший еще до революции дед — инженер путей сообщения в Восточной Сибири — в восьмидесятых годах прошлого века помогал там ссыльному, с трудом и не без риска для себя устраивал его на работу, и Дейч сохранил теплую привязанность к нашей семье. В результате я мог возбуждать страшную зависть своих одноклассников тем, что у меня оказался общий знакомый с Фридрихом Энгельсом.

Милый Лев Григорьевич, переписывавшийся с разными странами, не только регулярно снабжал меня почтовыми марками. Крошечная двухкомнатная квартирка в Доме ветеранов революции на Шаболовке [1] была местом, где я много раз слушал рассказы Дейча о далеких днях, когда русская социал-демократия делала свои первые шаги. Школьника, долбившего казенное обществоведение и историю, завораживало в этих рассказах то, что Ленин, Плеханов, Троцкий были в них живыми людьми, со своими характерами, настроениями и слабостями, с колебаниями и размышлениями, а не схемами, где первый был всегда и во всем вождем, второй — оппортунистом, третий — врагом. Так через толщу полувека веяла на меня атмосфера первых лет марксистского революционного движения в России.

В словах Дейча мне стала понемногу открываться главная проблема, вставшая тогда перед русскими марксистами,— проблема исторической отсталости России, невозможности для этой страны, сделавшей первые шаги к капитализму, совершить прыжок в послекапиталистическое общество.

— Вот ты, Миша, и твои приятели,— говорил Лев Григорьевич,— все вы, вероятно, хотели бы стать сегодня же исследователями стратосферы или Заполярья. Но вы при всем желании не можете этого сделать: вы дети, вы не в состоянии по собственной воле стать взрослыми, выскочить из своего возраста. Так же и я не могу выскочить из моего возраста и стать таким, как ты — школьником, хоть уж как хотелось бы! Не мы определяем степень нашего возрастного развития, оно определяет нас. Это верно не только для каждого из людей в отдельности,

но и для всех них вместе, для всего человеческого общества. Могла ли тогда Россия или любая другая страна, находившаяся на ранней стадии развития, по собственной воле вдруг одним скачком оказаться впереди более развитых стран? Теория Маркса говорила, что это невозможно. О том же свидетельствовали и исторический опыт, и жизненный опыт каждого из нас, и, наконец, простая логика. Вот в чем была вставшая перед нами, марксистами, проблема. Рассказывают вам об этом в школе?

Нет, в школе об этом не рассказывали. В школе коротко упоминали, что оппортунисты всех мастей, помогая буржуям, клеветали, будто Россия не созрела для пролетарской революции, но верный марксист Ленин разгромил оппортунистов. Что среди последних оказался и Маркс, нам в голову не приходило.

Между тем для русского марксиста — такого, который действительно убежден в правильности теории Маркса, а не просто старается использовать его тезисы в своих интересах,— проблема была, и нелегкая.

Ситуация в России в те годы имела немало так хорошо знакомых нам черт. Огромное государство с мощным аппаратом полиции, с установившимися традициями самодержавия и забитым народом. Как могли революционеры перевернуть такую махину? Где было найти точку опоры? «Земля и Воля» рассчитывала на крестьянство — самый многочисленный класс тогдашней России; эти надежды не оправдались. Народовольцы делали ставку на индивидуальный террор; но результатом было устранение отдельных лиц, а не системы. Было известно, что в далекой индустриальной Англии Маркс и Энгельс указали на рабочий класс как на силу революции. Но они имели в виду промышленно развитые страны, а в России рабочих было еще мало, да и те выходцы из крестьян, кадрового пролетариата не было.

Что оставалось русским марксистам? Пропагандировать идеи Маркса и Энгельса, просвещать рабочих, постепенно готовиться к отдаленным боям будущего, а пока страстно ожидать предсказанную Марксом и Энгельсом, но почему-то задерживавшуюся пролетарскую революцию в развитых странах Западной Европы. Конечно, нелегко было смириться с мыслью, что придется ожидать развертывания естественно-исторического процесса: в масштабе истории он, может быть, протекает быстро, но отдельному человеку не прожить так долго, не увидеть Петербургской коммуны и бесклассового общества в России.

Однако невозможно поторопить открытые Марксом законы истории. Маркс как бы специально предупреждал нетерпеливых: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого́ старого общества»[2].

Нельзя просто устроить революцию — не заговор, не переворот, а именно социальную революцию, и здесь не поможет никакая партия и даже никакой класс. В своей известной работе «Принципы коммунизма» Энгельс подчеркивал:

«Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов»[3].

Не Россия или ее восточноевропейские соседи придут первыми к пролетарской революции. Энгельс в той же работе отмечал, что в России, Польше и Венгрии еще господствует крепостничество, как в средние века[4]. Пролетарская революция произойдет, как писал Энгельс, в «цивилизованных странах», то есть в Англии, США, Франции и Германии. Она даже протекать будет быстрее или медленнее в строгой зависимости от уровня развития каждой из этих стран — «в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил».

И даже после того, как там победит пролетарская революция, она не перебросится на отсталые страны, а лишь «...окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития»[5].

Созданная молодыми Марксом и Энгельсом и психологически приноровленная к запросам радикальной части революционной западноевропейской молодежи кануна 1848 года идея антикапиталистической пролетарской революции в промышленно высокоразвитых странах сулила скорую победу только на Западе. Разочаровавшимся в крестьянстве и во всемогуществе индивидуального террора революционерам России она открывала лишь пер-

спективу хотя и неумолимо закономерного, но длительного процесса роста производительных сил капитализма и их постепенно нарастающего конфликта с производственными отношениями.

В этой ситуации в кругах русских революционеров и выделился волевой, рано лысеющий молодой человек из Симбирска — Владимир Ульянов. Начинал он как один из многих молодых обожателей Плеханова. Но уже скоро стало заметно, что его интересует не столько марксистская теория, сколько политическая практика.

Не то чтобы Ульянов отрицал истинность или важность марксистского учения. Напротив, именно он с небывалым остервенением и полемической запальчивостью принялся отстаивать чистоту марксизма — как будто его оппоненты примкнули, многим рискуя, к марксизму только для того, чтобы это учение исказить, фальсифицировать и вообще подорвать. Бросалось в глаза, что в таких теоретических спорах молодой Ульянов всегда видел не путь отыскания истины, а метод борьбы с политическим противником. Скупой на слова о себе, Ленин в 1923 году, чувствуя приближение конца и окидывая взором пройденный путь, коротко напишет: «...для меня всегда была важна практическая цель»[6]. Эти простые, но замечательно точные слова дают ключ к пониманию роли Ленина и ленинизма.

Главной практической целью жизни Ленина стало отныне добиться революции в России, независимо от того, созрели или нет там материальные условия для новых производственных отношений.

Молодого человека не смущало то, что было камнем преткновения для других русских марксистов того времени. Пусть Россия отстала, считал он, пусть ее пролетариат слаб, пусть российский капитализм еще далеко не развернул всех своих производительных сил — не в этом дело. Главное — совершить революцию!

И хотя, конечно, марксистскую догму надо безоговорочно признавать, на практике не важно, что там теоретизировал на этот счет Маркс. «Мы думаем,— многозначительно писал молодой Ульянов,— что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»[7].

Почему, собственно, Ленин стал марксистом? Вопрос

этот не принято задавать: как спрашивать такое о классике марксизма? Между тем вопрос не праздный. Ленин до 18 лет марксизмом вовсе не интересовался, а затем приобрел к нему очень специфический интерес — не как к научной теории, отыскивающей истину, а как к учению, которое можно сделать идеологией революции. Ленин уже на начальном этапе своего политического пути, когда считал нужным, без колебаний шел вразрез с марксистской теорией, хотя и молчал об этом. Марксизм был для Ленина не столько внутренним убеждением, сколько очень полезным и потому бережно хранимым инструментом.

И все же: почему Ленин счел полезным именно этот, а не какой-либо иной идеологический инструмент? Потому, что марксизм был единственной теорией, проповедовавшей *пролетарскую* революцию. Как уже сказано выше, опыт «Земли и Воли» показал, что надежда на крестьянство как на главную революционную силу себя не оправдала. Горстка революционной интеллигенции была слишком малочисленна, чтобы без опоры на какой-то крупный класс перевернуть махину царского государства: безрезультатность террора народников продемонстрировала это со всей ясностью. Таким крупным классом в России в тех условиях мог быть только пролетариат, численно быстро возраставший на рубеже XIX и XX веков. В силу его концентрации на производстве и выработанной условиями труда дисциплинированности рабочий класс являлся тем социальным слоем, который можно было лучше всего использовать как ударную силу для свержения существующего строя.

Вот почему Ленин, выдвинувший задачу во что бы то ни стало, и по возможности скорее, произвести революцию в России, нашел именно в марксизме наиболее подходящий идеологический инструмент.

За минувшие 65 лет много миллионов людей из разных стран медленным шагом прошли в молчании через Мавзолей, чтобы с любопытством поглядеть на невзрачного лысого человека с рыжей бородкой — желтую выпотрошенную мумию с черепом без мозга. А гораздо интереснее было бы посмотреть на хранящийся в стерильной чистоте в сейфе института Академии медицинских наук СССР мозг Ленина. В этой неопределенного цвета массе с глубокими извилинами зародился 100 лет назад необычный план, изменивший лицо мира.

2. «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

План Ленина был изложен в его действительно исторической книге «Что делать?». Заглавие демонстративно повторяло название произведения Чернышевского — настольной книги русских демократов шестидесятых годов. Ленин как бы подчеркивал, что наступило новое время, когда надо не заниматься просветительством и поисками героев-одиночек типа Рахметова, а делать совсем другое.

Что именно?

Основная цель, поставленная Лениным в его книге, была сформулирована как необходимость покончить с «периодом разброда и шатаний» в партии. Иными словами, как справедливо говорится в советской литературе, Ленин выдвинул идею создания «партии нового типа».

Была эта идея марксистской?

Нет. Никогда Маркс и Энгельс не представляли себе коммунистическую партию в корне отличной от всех других партий. В «Манифесте Коммунистической партии» эта мысль выражена очень четко:

«Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. /.../

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение»[8].

И вообще Маркс и Энгельс не были столь ярыми приверженцами партийной деятельности, как это изображается ныне в коммунистической литературе. Вот что писал Энгельс Марксу 13 февраля 1851 года — через три года после выхода в свет «Манифеста...» и на основании опыта с Союзом коммунистов:

«...разве мы в продолжение стольких лет не делали вид, будто всякий сброд — это наша партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии, сохраняя за собой право называть их между нами неисправимыми болванами, не понимали даже элементарных начал наших теорий? Разве могут подходить для какой-либо «партии» такие люди, как мы, которые, как чумы, избегают официальных постов? Какое значение имеет «партия», то есть банда ослов, слепо верящих нам, потому что они нас считают равными себе, для нас, плюющих на популярность, для нас, перестающих узнавать себя, когда мы начинаем становиться популярными? Воистину мы ничего не потеряем от того, что нас

перестанут считать «истинным и адекватным выражением» тех жалких глупцов, с которыми нас свели вместе последние годы»[9].

Как видите, нельзя сказать, чтобы Маркс и Энгельс были апологетами партии и партийности. К тому же партия, о которой они писали, должна была быть, по их мнению, *рабочей* партией. Была ли рабочей та партия, о которой говорил Ленин,— созданная в 1898 году РСДРП?

Вот что сообщает на эту тему советская официальная многотомная «История КПСС». На I съезде партии, который ее основал, «часть делегатов выступила против наименования партии рабочей. Мотивировалось это тем, что фактически в социал-демократические организации входит пока немного рабочих. Мнения разделились. Большинством пяти голосов «против» IV съезд утвердил название «Российская Социал-Демократическая Партия». Слово «рабочая» было включено в него уже после съезда, при составлении Манифеста, с согласия двух членов ЦК»[10].

А было это согласие действительным? Нет. Принятое I съездом партии решение, заменявшее партийный устав, устанавливало своим пунктом 4: «В особо важных случаях Центральный Комитет руководствуется следующими принципами:

а) В вопросах, допускающих отсрочку, Центральный Комитет *обязан* обращаться за указаниями к съезду партии;

б) В вопросах, не допускающих отсрочки, Центральный Комитет по *единогласному* решению поступает самостоятельно...»[11].

Это факт, что словечко «рабочая» появилось в названии партии вопреки даже ее собственному решению и уставу. Нужно ли говорить, что с составом партии оно не имело вообще ничего общего. Была это группа интеллигентов, многие из которых были действительно вдохновлены благородными целями борьбы против деспотизма — но отнюдь не за создание нового деспотизма.

Вот в этой-то партии и хотел Ленин навести порядок — как принято стало потом говорить, большевистский порядок.

Каждый пункт ленинского плана был открытием, не умещавшимся в рамках политического мышления XIX века, в том числе и марксистского.

Первым из этих открытий был тезис о необходимости превратить марксизм в догму и отказаться от свободы критики положений теории Маркса.

Со времен рационализма и французских просветителей догмы отождествлялись с реакцией, свобода критики — с прогрессом. Великая Французская революция и революции последовавшего столетия прочно закрепили эту оценку как аксиому, и в конце либерального XIX века она была признана во всех сколько-нибудь левых кругах. Нетрудно себе представить, как яростно Маркс и Энгельс разоблачали бы и клеймили реакционность каждого, кто выступил бы против этой аксиомы.

Выступил против нее Ленин. Главу «Догматизм и свобода критики» он посвятил нелегкой задаче обосновать марксистскими словами идею, в корне противоречившую принципам марксистской диалектики. Диалектика рассматривает все как не терпящий застоя процесс, в котором устаревающее заменяется новым, а оно в свою очередь постепенно устареет и будет заменено более совершенным. Ленин потребовал прекратить попытки развивать теорию марксизма, а признать ее незыблемой догмой, не подлежащей обсуждению.

В чем была внутренняя логика такой постановки вопроса? В том, что марксизм интересовал Ленина не как научная теория, где главное — поиск истины. Он интересовал Ленина как идеология, провозглашавшая вполне устраивавший его лозунг пролетарской революции в качестве панацеи от всех бед.

Заниматься критическим анализом марксизма было опасно: кто знает, к каким выводам приведет такой анализ, не повлечет ли он за собой отказ именно от этого, главного для Ленина в марксизме тезиса? От взгляда Ленина, разумеется, не ускользнуло то, что более полувека, прошедшие после выхода «Манифеста...», отнюдь не подтвердили положения о неизбежности пролетарской революции, и от него стали молчаливо отходить марксистские партии на Западе.

Ленин выступил с неожиданным требованием догматизации марксистской теории не потому, что сам был тугодумом и догматиком (он им не был), а потому, что с его точки зрения надо было немедленно прекратить интеллигентские словопрения и действовать: готовить пролетарскую революцию в России. Этот подход и запечатлен в известной ленинской формулировке: «Марксизм — не догма, а руководство к действию». Иными словами, догматизация марксизма была для Ленина не самоцелью, а предпосылкой использования этой теории для нужных Ленину действий.

Свое собственное политическое мышление Ленин отнюдь не намеревался ограничивать высказываниями Маркса. Наглядным свидетельством этого был второй пункт ленинского плана.

3. «ПРИВНЕСЕНИЕ» НУЖНОГО СОЗНАНИЯ

Основополагающий принцип исторического материализма четко сформулирован Марксом:

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[12].

Этот принцип не что иное, как выражение сущности материалистического взгляда на историю, применение к сферам общественного развития главного положения материализма: материальное первично, духовное вторично.

Явно вразрез с этим основным принципом марксистского мировоззрения в истории Ленин выдвинул требование «привнесения» в рабочий класс социалистического сознания извне. Ленин достаточно откровенно пояснял свою мысль.

«Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и *не могло быть.* Оно могло быть привнесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»[13].

Иными словами, рабочий класс без влияния извне не выступает за революцию.

Но Ленину-то нужна революция. Поэтому он твердит, что необходимо «привносить» в рабочий класс «научный социализм», под которым подразумевался догматизированный по высказанному рецепту марксизм.

Мысль о «привнесении» была для Ленина чрезвычайно важной и уже давно им вынашивалась. За несколько лет до появления «Что делать?», еще в 1899 году, Ленин писал о партии: «...Ее задача — внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы... одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии»*[14].

В таком превращении рабочего движения в придаток партии и состояла цель «привнесения».

С точки зрения исторического материализма идея «привнесения сознания» не выдерживала критики. Вопросом о преобразовании сознания рабочего класса занимался и Энгельс, но не по-ленински, а действительно с позиций исторического материализма. Вот что он писал в конце своей жизни, в 1891 году: «А для того чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс /.../ для того же, чтобы этот переворот совершился, нужен еще более быстрый темп переворота в методах производства, больше машин, вытеснение большего числа рабочих, разорение большего числа крестьян и мелкой буржуазии, большая осязательность и более массовый характер неизбежных результатов современной крупной промышленности /.../ мероприятия, действительно ведущие к освобождению, станут возможны лишь тогда, когда экономический переворот приведет широкие массы рабочих к осознанию своего положения и тем самым откроет им путь к политическому господству»[15].

С несколько деланной простотой Ленин аргументировал: нельзя-де ожидать от каждого рабочего, что он самостоятельно создаст теорию «научного социализма» Это не дело рабочих. «Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции»[16].

Аргумент звучал фальшиво: речь шла не просто о научной теории, где всегда есть, разумеется, индивидуальный автор. Речь шла о классовой идеологии, творцом и носителем которой является класс, а отдельные авторы могут быть лишь выразителями этой идеологии, Разве можно, с марксистской точки зрения, представить себе, например, чтобы классовая идеология буржуазии была создана рабочим классом и лишь «привнесена» в буржуазию извне? Конечно, нет. Это очевидная нелепость.

Значит, Ленин выступил с нелепым требованием? Что-то не верится: великий политик Ленин после долгих размышлений пишет нелепость, а мы с вами, читатель, сразу это заметили и снисходительно над ним посмеиваемся. Давайте лучше не успокоимся на этой лестной для нас картине, а задумаемся, попробуем представить себе ситуацию.

Вот вы высказываете свою точку зрения, и если нет ос-

нований предполагать, что вас заставили произносить чужие тезисы, никто не сомневается, что точка зрения — ваша. Как лицо, принадлежащее к определенному классу или социальному слою, вы смотрите глазами *этого* класса или слоя. Во всяком случае именно для марксистов это аксиома.

И вдруг к рабочему являются интеллигенты, только что провозгласившие марксизм неприкосновенной догмой, и заявляют: «Твоя точка зрения — вовсе не твоего класса. Мы, интеллигенты, научим тебя твоему классовому интересу».

Не странно ли? Не только странно, но подозрительно. И чем дальше вслушиваешься в рассуждения шустрых интеллигентов, тем подозрительнее становится.

В самом деле: какая точка зрения у рабочего? Он хочет повысить свой заработок и улучшить условия труда. За это он готов вести борьбу, объединившись с другими рабочими. Так чем это не классовый интерес рабочего?

«Это тред-юнионизм,— стращают непонятным, но, видимо ругательным словом интеллигенты.— Это предательство интересов рабочего класса!»

В чем же эти интересы, по словам явившихся интеллигентов? Оказывается, в том, чтобы к власти в государстве пришла руководимая ими, интеллигентами, партия. Позвольте, чей же классовый — или групповой — интерес эти интеллигенты стараются «привнести» в сознание рабочего: его или свой собственный?

Конечно, интеллигенты-партийцы обещают рабочему, что с их приходом к власти сами они будут прозябать на гроши и работать денно и нощно во имя его интересов, для него же польются молочные реки в кисельных берегах. Но будь рабочий умен, он сообразит, что реки, если и польются, то не для него, и работать вряд ли станут ретивые интеллигентики на него, а как бы не он на них.

Значит, интеллигенты его обманывают? Безусловно. Значит, для них действительно польются молочные реки? Несчастные, они еще не подозревают, что после их победы польются реки их крови! Но об этом — в заключительной части главы. А пока вернемся к вопросу о том, нелепа ли придуманная Лениным идея «привнесения».

Видите, мы правильно поступили, что не стали высокомерно хихикать по адресу ленинского требования «привносить» марксизм в рабочий класс. Нелепость — не требование Ленина, а его аргументация, потому что она

неискренна. Если бы Ленин мог себе позволить откровенно высказать свою цель, все было бы понятно и разумно. Цель была не в том, чтобы привнести извне в рабочий класс его революционную классовую идеологию. Цель была в том, чтобы заглушить в рабочем классе его классовую идеологию борьбы за всемерное улучшение условий труда (пресловутый «тред-юнионизм»), подменив ее привнесенной извне идеологией пролетарской революции. Внушить рабочему классу идею пролетарской революции в качестве его якобы классового интереса — вот к чему сводилась ленинская идея о «привнесении» марксизма в рабочее движение.

Да в «Что делать?» Ленин и прямо пишет об использовании рабочего класса в качестве ударной силы для завоевания власти другим социальным слоем. Ленин констатирует: «...вся западноевропейская буржуазия при абсолютизме «толкала», сознательно толкала рабочих на революционный путь»[17], чтобы они завоевали для нее власть. Так почему же не сделать этого ленинцам?

Ленин видел, что в России были факторы, благоприятствовавшие осуществлению такой идеи. Российский капитализм переживал ранний этап своего развития, а потому подвергал пролетариев зверской, неприкрытой эксплуатации, как было и на Западе на заре развития капиталистических отношений. Ленин многократно подчеркивал эту особенность капитализма в тогдашней России. Ясно было, что в таких условиях рабочий класс России должен был оказаться восприимчивым к призыву совершить революцию, чтобы избавиться от бедственного положения.

Хорошо сознавал Ленин и другое.

Российский пролетариат только что вышел из полукрепостной деревни, был дик и некультурен. Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»[18].

Это писалось тогда, когда Ленин пришел к выводу о возможности победы пролетарской революции в одной стране, имея в виду как раз Россию. Видимо, с точки зрения Ленина и в противоположность взглядам Маркса, дикость и бескультурье масс не были помехой для пролетарской революции; скорее наоборот, поскольку так совпадали ограбленность России в смысле образования народа и избранность ее для победы пролетарской революции. Видимо, в темный рабочий класс тогдашней России,

у которого условия жизни еще не выработали «тред-юнионистской идеологии», было легче «привнести» уверенность в том, что в его интересах — перебить заводчиков и купцов, а тогда все мастеровые окажутся у власти и для них наступит рай, почему-то именуемый непонятным словом «коммунизм».

Но не только доверчивые мастеровые, даже более искушенные читатели не догадывались в то время о главном: призвав привносить в рабочий класс эту заманчивую перспективу, на соседних страницах книги Ленин выдвинул план создания слоя, который действительно должен был оказаться у власти в итоге пролетарской революции.

4. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ПАРТИЯ

Ленин любил говорить, что в политике всегда важно найти основное звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. Таким звеном в его плане было создание «организации профессиональных революционеров». Это был для Ленина рычаг Архимеда: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»[19].

Что же столь важное, принципиально новое содержалось в этой идее? Организации революционеров бывали и до того в разных странах, в том числе в России. В чем было изобретение Ленина?

В том, что речь шла об организации не вообще революционеров, а *профессиональных* революционеров. Именно здесь была опорная точка ленинского рычага.

Это важнейший вопрос. Постараемся внимательно в нем разобраться.

Конечно, в конце XIX века в России бывало, что кто-либо из террористов «Народной воли», находясь на нелегальном положении, не работал и не учился, а жил на средства, предоставлявшиеся ему товарищами по партии. Однако подавляющее большинство революционеров состояло из людей, для которых революция была их убеждением, а не профессией.

Такое положение Ленин заклеймил словом «кустарничество». На смену революционерам-любителям должен был, по его плану, возникнуть слой революционеров-профессионалов. Именно этот слой должен был взять в свои руки все дело систематической подготовки революции. Ленин явно не верил убеждениям и самоотверженным порывам, а считал возможным строить подго-

товку революции только на повседневной полной зависимости штатных революционеров от руководства организации. Уверен в этом Ленин был до самого конца своей жизни. На XI съезде партии, в 1922 году, он говорил: «История знает превращения всяких сортов. Полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная»[20].

Эти штатные и подначальные революционеры должны были, по мысли Ленина, в свою очередь быть начальниками для актива. Любители, сторонники и сочувствующие должны были помогать, быть статистами и во всем слушаться знающих свое дело профессионалов.

На этих профессионалов и возлагалась задача «привнести» догматизированный марксизм в российский рабочий класс, организовать и повести массы на пролетарскую революцию.

Какие же люди должны были составить когорту такой организации? Рабочие-самородки, подобные Степану Халтурину, те, кто нашел в себе силу и способность преодолеть отупляющие условия жизни российского пролетария, поднял голову над монотонной работой, бескультурьем, водкой и матерщиной, самостоятельно изучил и принял — хотя бы как догму — марксистские идеи? Нет, несмотря на все славословия по адресу пролетариата, не на них рассчитывал Ленин.

Хотя речь шла о *пролетарской* революции и о диктатуре *пролетариата*, Ленин совершенно не стремился к тому, чтобы организация профессиональных революционеров состояла из рабочих.

В «Что делать?» Ленин подчеркнуто противопоставлял организацию рабочих организации революционеров. В рабочей организации члены, естественно, рабочие. «Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности... Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других»[21].

Больше того. Рабочий, вступавший в эту организацию, не должен был оставаться рабочим. Ленин прямо писал: «Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих *не должен* работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии...»[22].

Итак, создававшаяся для борьбы за «дело рабочего класса» организация не должна была быть рабочей. Та же парадоксальность проявилась и в вопросе о структуре организации. Создававшаяся для борьбы за самую широкую демократию, она, оказывается, совсем не должна была быть демократической. Ленин подчеркивал: «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должно быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества,— обеспечено и нечто бо́льшее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами... им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами»[23].

Не о *классовой* демократической организации пролетариата шла, таким образом, речь, а о создании своего рода революционной «мафии», где демократизм считался ненужной игрой, а все было основано на конспирации и круговой поруке; тому из членов мафии, кого организация (то есть при отсутствии демократизма ее руководство) сочла бы негодным, грозила смерть.

«...Нам нужна военная организация агентов»[24],— отчетливо сформулировал Ленин.

Члены этой мафии чувствовали себя связанными круговой порукой:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки,— неожиданно лирически писал Ленин.— Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами...»[25].

Лирика лирикой, а откуда должны были все-таки поступать деньги на содержание профессиональных революционеров?

Ленин ничего не пишет на эту тему. Замалчивается она и поныне в советской историко-партийной литературе. Между тем проблема была нелегкой: ведь еще не было социалистических государств, которые ныне финансируют революционные организации в капиталистических странах. Откуда брались деньги? Частично — в результате

экспроприаций, то есть вооруженных ограблений банков. Будущий советский нарком иностранных дел Литвинов был арестован при попытке обменять за границей добытые таким путем деньги, после чего будущий посол в Лондоне Красин стал подделывать номера на банкнотах [26].

Однако это был не единственный источник финансирования: в 1910 году от экспроприации сочли возможным отказаться. Крупные суммы поступали из другого источника — из пожертвований. Партия была малочисленной, от ее членов много получить было нельзя. Жертвовали на пролетарскую революцию капиталисты. Допускаемое в советской литературе упоминание о пожертвованиях миллионера Саввы Морозова и о том, что Максим Горький усердно собирал деньги на революцию у капиталистов в России и в других странах,— лишь отдельные, отрывочные сведения. На каждом номере «Правды» имеются надписи о том, что она основана Лениным и издается с 5 мая (день рождения Маркса) 1912 года, но нет надписи о том, что деньги на издание «Правды» были даны тогда русским миллионером.

Даже на подготовку партийного съезда большевики получали деньги от лидеров буржуазной партии прогрессистов, в частности от Коновалова [27]. «Был ли объезд (и обход) богачей для сбора денег? Пишите об этом... В кассе пустота полнейшая...» [28] — деловито пишет Ленин в Бюро ЦК в России. Как недавно выяснилось, деньги ленинцам давали и американские нефтяные компании в надежде устранить конкуренцию со стороны бакинских нефтяников [29].

О финансировании гитлеровской партии немецкими капиталистами опубликовано немало, и сведения эти широко используются для подкрепления тезиса о том, что НСДАП была партией монополистического капитала. Не меньше материалов можно было бы, очевидно, найти о финансировании капиталистами партии большевиков, всегда именовавшей себя партией пролетариата.

Таков был ленинский план создания организации профессиональных революционеров. Значит, эта организация и должна была стать партией? Нет, для формирования партии у Ленина был совсем другой, так называемый «искровский» план. Ленин выдвинул его в статье «С чего начать?» в мае 1901 года [30]. Начать надо было, по Ленину, с создания общерусской политической газеты «Искра». Эта нелегальная революционная газета, доставляемая из-за границы в Россию, должна была стать, по очень умной формулировке Ленина, не только коллективным пропа-

гандистом и агитатором, но также коллективным организатором. Она должна была организовать тайные группы своих читателей в группы членов партии — рассеянных по стране помощников организации профессиональных революционеров. Расчет был психологически совершенно правильным: уже самый факт регулярного получения нелегальной, строго запрещенной газеты ставил читателей «Искры» в положение нелегальной оппозиции по отношению к царизму и сплачивал их в единую группу, причем пропагандировавшиеся «Искрой» идеи автоматически становились платформой этой группы.

Однако только распространением искровских идей дело не должно было ограничиваться.

Неверие Ленина в то, что революционер будет по-настоящему заниматься революционной работой, не будучи оплачиваемым профессионалом, перекликалось с его уверенностью в том, что член партии станет вести работу, только если будет находиться под неусыпным контролем парторганизации. То, что человек будет работать, руководствуясь своими убеждениями, казалось Ленину сомнительным. В этом и был смысл исторического спора между Лениным и Мартовым на II съезде партии, приведшего к ее расколу на большевиков и меньшевиков. При формулировке § 1 устава — о членстве в партии — Мартов и его сторонники исходили из добровольности и сознательности члена Российской социал-демократической партии, а Ленин и его приверженцы — из необходимости признавать членом только того, кто входит в состав организации и работает под ее контролем. Хотя речь шла о нелегальной, преследуемой партии, работа в которой была актом героизма, Ленин и большевики ориентировались на принцип, удачно выраженный Евтушенко:

Основа героизма —
надсмотр, надсмотр.

Такой надсмотр над завербованными коллективным организатором — «Искрой» — членами партии призваны были осуществлять профессиональные революционеры.

Таким образом, по планам Ленина, должны были возникнуть две различные, хотя и дополняющие друг друга организации: организация профессиональных революционеров и подчиненная ей собственно партия. Хотя обе вместе носили название «партия», в действительности принималась схема, описанная впоследствии Оруэллом («1984»): «внутренняя» и «внешняя» партии — первая

как кадровая элита руководителей, вторая как поголовье подчиненных.

Именно таково было изобретение Ленина. Партячейки читателей «Искры» были эмбрионом массовой «партии нового типа», организация профессиональных революционеров — эмбрионом диктаторски руководящего ею партийного аппарата.

5. ЗАРОДЫШ НОВОГО КЛАССА

Разумен был ленинский план создания профессиональной организации для подготовки революции?

Безусловно да, если просто ставить задачу переворота: свержение существующего правительства и захват власти. Безусловно нет, если с полной убежденностью исходить из марксистского учения об исторически закономерной пролетарской революции как о диалектическом скачке общества в новое качество, как о взрыве производительными силами превратившихся в оковы для их развития производственных отношений, как о необходимом порождении истории борьбы классов. Деклассированная мафия профессиональных организаторов переворота явно не вписывалась в эту историко-философскую картину, тем более в качестве центральной фигуры, основного звена.

Надо отдать должное Ленину: он не претендовал на то, что его план родился из марксистской теории. Он прямо признавал, что образцом для него служила конспиративная организация «Земли и Воли», перенятая затем народниками,— «...та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом...»[31].

Тут же Ленин сделал многозначительное замечание:

Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»[32].

Любопытная оценка! То, что тайная организация народников носила не классово-определенный характер,— хорошо. Плохо то, что она не сумела подобрать себе подходящую теорию, которая обосновала бы революцию

и не использовала для целей организации классовую борьбу в капиталистическом обществе.

Ленин, разумеется, сознавал, что у читателей его книги может возникнуть вопрос: чем же, собственно, определяется пролетарский характер организации профессиональных революционеров и их действий? Он пытается дать ответ:

«...Если мы должны взять на себя организацию действительно всенародных обличений правительства, то в чем же выразится тогда классовый характер нашего движения? /.../ — Да вот именно в том, что организуем эти всенародные обличения мы, социал-демократы; — в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; — в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!» [33].

Патетическое многословие не придает ответу убедительности. Только два пункта соприкосновения между рабочим классом и организацией профессиональных революционеров названы вполне конкретно: революционное воспитание пролетариата и использование его столкновений с эксплуататорами. Все остальное — тавтология, которой Ленин и в дальнейшем будет неизменно отвечать на вопрос о пролетарском характере большевизма: большевизм представляет интересы пролетариата потому, что он представляет интересы пролетариата.

Итак, профессиональные революционеры представляют интересы рабочего класса. В чем состоят эти интересы? Не в том, поясняет Ленин, чтобы повысить заработок, улучшить условия труда и быта рабочих (это тред-юнионизм), а в том, чтобы победила пролетарская революция. Что же принесет эта революция? Главное в революции, поучает Ленин, это вопрос о власти. После пролетарской революции власть перейдет в руки пролетариата в лице ее авангарда. А кто этот авангард? Авангард, сообщает Ленин, это партия, ядро которой составляет организация профессиональных революционеров.

Подведем итоги ленинских оценок: профессиональные революционеры представляют интересы рабочего класса, состоящие, оказывается, лишь в одном — в том, чтобы эти профессиональные революционеры пришли к власти. Иными словами: ленинцы представляют интересы рабочего класса потому, что стремятся прийти к власти.

Что верно, то верно: к власти ленинцы действительно рвутся, тут сомнений нет. Но ведь это — в их, ленинцев, интересах. А при чем тут рабочий класс? Почему рабочий класс должен, вместо борьбы за улучшение *своего* положения, бороться за улучшение положения *ленинцев?*

Обратимся за ответом к Ильичу.

Рабочий класс, скромно констатирует Ленин, это по характеру своей работы наиболее организованный и дисциплинированный класс общества, именно он способен стать политической армией революции. Этот тезис Ленин повторяет неоднократно, он вошел и во все учебники истории КПСС.

Вот теперь все ясно. Без рабочего класса профессиональным революционерам действительно не обойтись. Только не потому, что они выражают его интересы (этого нет!), а потому, что без него они — горстка интеллигентов — при всей своей шумливой энергии власть в стране захватить не могут. Попытка народников опереться на большинство населения — крестьянство — провалилась, поэтому ленинцы ориентируются на меньшинство, но зато организованное и дисциплинированное,— на рабочий класс, чтобы его руками захватить себе власть. В этом — и только в этом! — состоит в любой стране связь между ленинской партией и рабочим классом.

Можно, как это и делает коммунистическая пропаганда, на все лады до одурения повторять ленинские формулы с целью вбить их в головы людей как аксиому: «партия рабочего класса», «партия — авангард рабочего класса», «партия борется за дело рабочего класса». В действительности эти формулы не становятся ни аксиомой, ни даже теоремой, а остаются ложью. Ни ленинская партия в целом, ни ее ядро — организация профессиональных революционеров никогда не были не только авангардом, но вообще какой-либо частью рабочего класса.

К какому же из существовавших классов тогдашнего русского общества относилась в таком случае ленинская организация профессиональных революционеров? *Ни к какому.* Организация профессиональных рево-

люционеров с самого начала ставилась Лениным *вне* тогдашнего общества и должна была представлять собой самостоятельный социальный организм, руководствовавшийся своими правилами. Неминуемым объективным результатом осуществления такого плана было следующее. С созданием организации профессиональных революционеров в обществе возникла деклассированная замкнутая группа. Ее роль в системе общественного производства и в обществе в целом состояла в том, чтобы взорвать существующую систему производства и структуру общества. Никакой иной роли в производстве и обществе возникшая группа не играла и никакого места для нее в данной системе производства и общественной структуре не было.

Зато у этой группы было четко определенное будущее. В случае победы революции, которую группа готовила, она с неизбежностью должна была превратиться из организации профессиональных революционеров в организацию профессиональных правителей страны.

Итак, что же возникло с созданием изобретенной Лениным организации?

Зародыш нового правящего класса.

Большевики любили потом повторять, что Россия была беременна революцией. Точнее было бы сказать иначе: Россия оказалась беременной новым правящим классом, который мог прийти к власти только путем революции.

6. «ГЕГЕМОНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА» И «ПЕРЕРАСТАНИЕ»

Впрочем, не будем отказываться и от образа России, беременной революцией. Но какой революцией?

Сталин в работе «Об основах ленинизма», написав, что в начале XX века «Россия была беременна революцией», поясняет: «Россия в этот период находилась накануне буржуазной революции»[34]. Феодально-абсолютистская Россия шла навстречу такой революции, которая произошла в Германии в 1848 году, во Франции — в 1789—1792 гг., в Англии — в 1643 году.

В итоге этих революций, как показал опыт, устанавливалась — да и то не сразу, а после периодов кромвелевско-бонапартистских диктатур, реставраций и новых революций — буржуазная демократия.

Но ведь Ленин и его организация профессиональных революционеров не могли прийти к власти ни при установлении правления буржуазии, ни в случае реставрации Романовых. Видимо, не удалось бы ни в буржуазию, ни

в феодальную аристократию «привнести» сознание того, что именно ленинцы должны вместо них править Россией. Выходило так, что и предстоявшая революция не обещала прихода к власти созданному Лениным зародышу нового правящего класса.

Вопрос приобретал для Ленина огромную важность, так как идея революции в России четко сливалась для него с установлением в стране власти организации профессиональных революционеров. В этом и был смысл неустанно повторявшегося им тезиса, что главное в революции — вопрос о власти. Ленину нужна была не всякая революция против царизма, а такая, которая привела бы к власти его и его соратников в качестве «авангарда рабочего класса».

Как же можно было добиться, чтобы Россия родила не тот плод, которым была беременна: не антифеодальную, а пролетарскую революцию?

Идеологическое обоснование столь замысловатой операции было дано Лениным в виде двух теорий: 1) о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и 2) о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Впрочем, слово «теории» — очень громкое применительно к этим весьма кратко формулируемым положениям.

Первое из них состоит в том, что, в противоположность историческому опыту других стран, гегемоном в русской буржуазно-демократической революции будет не буржуазия, а пролетариат; буржуазия же будет контрреволюционной силой. Почему? Потому что она будет бояться пролетариата и дальнейшего развития революции. Таким образом, русской буржуазии приписывается сверхъестественная дальновидность: она будет, оказывается, руководствоваться в своих действиях еще не сформулированной Лениным «теорией» перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Второе ленинское положение, высказанное позже первого, только весной 1917 года, как раз и состоит в том, что буржуазно-демократическая революция в России, опять-таки вопреки историческому опыту других стран, не приведет к эпохе господства капитализма, а сразу же начнет перерастать в социалистическую революцию.

Объяснение обоих исторических парадоксов дается невнятное, но по-ленински категорическое: сейчас наступил этап империализма, а при империализме все должно быть именно так, это Ленину доподлинно известно.

Полемизировать против такой аргументации трудно, но с точки зрения марксистской теории исторического процесса обе идеи были совершенно нелепыми.

То, что пролетариат участвует в буржуазной революции, было естественно: все революции всегда совершались народными массами. Если бы Ленин выдвинул тезис о том, что пролетариат будет активным участником буржуазной революции, он сказал бы банальность, но вполне правильную. Однако Ленин выступил с другим тезисом: что в буржуазной революции в России буржуазия будет контрреволюционной силой, союзницей царизма, так что этой революцией будет руководить пролетариат. Странная буржуазная революция, совершаемая пролетариатом против буржуазии! Почему она, собственно, именуется буржуазной? И что общего она имеет с буржуазной революцией в Марксовом понимании?

Возникают не только эти вопросы. Не сходятся концы с концами и в ленинской теории революции. Ведь главный признак революции, по Ленину,— переход власти от одного класса к другому. Если революция пролетарская, то власть переходит в руки пролетариата, а если буржуазная, то, очевидно, в руки буржуазии? Нет, говорит Ленин. Все равно в руки пролетариата, правда, в союзе с крестьянством: устанавливается «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Допустим. А в чем же итог пролетарской революции? После пролетарской революции, сообщают нам, возникает диктатура пролетариата. Но тогда выходит, что пролетарская революция направлена не против власти буржуазии (она теорией Ленина вообще не предусмотрена), а против крестьянства, так как именно оно оттесняется таким образом от власти?

Словом, ленинская теория гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции создает явную путаницу.

Не менее путано выглядит и теория перерастания. Начнем с того, что она в своей основной посылке расходится с теорией гегемонии пролетариата: получается, что после свержения царизма у власти оказывается все-таки буржуазное правительство (а не «революционно-демократическая диктатура») и *его* предстоит свергать пролетариату. Поразительная забывчивость! Но еще более поразительно, с марксистской точки зрения, другое: игнорирование азов исторического материализма.

Что представляет собой буржуазная революция, если

оценивать ее с позиции истмата? Выросшие в недрах феодального общества, производительные силы рвут оковы феодальных производственных отношений. В итоге революции возникает простор для дальнейшего роста производительных сил капитализма. А, как мы уже цитировали в начале главы, «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [35]. Это слова из Марксова предисловия «К критике политической экономии», которую сам же Ленин охарактеризовал как «цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю» [36].

А вот из предисловия Маркса к его общепризнанно классическому труду — «Капиталу»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего... Общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [37].

Какое же может быть прямое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую? Их разделяет колоссальный по объему процесс наращивания и развития производительных сил. Переходить сразу от одной революции к другой не легче, чем при постройке дома заложить фундамент и тут же, без возведения стен или каркаса, по воздуху крыть крышу.

Выходит, что Ленин написал чепуху?

Еще раз: не надо поддаваться соблазну мелочного торжества, что вот, мол, Ленин был глуп, а мы с вами, читатель, умны. Великий политик, Ленин часто провозглашал нелогичные тезисы, и это его нисколько не тревожило. Именно потому, что Ленин был политиком, а не ученым, он знал: как отдельный человек, так и группы людей мыслят не логически, а психологически; если речь идет о социальных группах, то социально-психологически. С этим ключом надо подходить к лозунгам и идеям, которые выдвигал Ленин, тогда они — при всей их нелепости — приобретают глубокий практический смысл.

Так и в данном случае. Ленину надо было решить непростую задачу: облечь в марксистские формулы стоявшую перед ним главную «практическую цель» — приход к власти организации профессиональных революционе-

ров на волне надвигавшейся антифеодальной революции.

Ведь не настоящий же пролетариат обозначает Ленин словом «рабочий класс». Это уже выработанный эвфемизм для наименования организации профессиональных революционеров. Да она и прямо упомянута в данном Лениным определении гегемонии пролетариата: «Гегемония рабочего класса есть его *(и его представителей)* политическое воздействие на другие элементы населения...» [38]. Как видим, здесь не забыты представители, явно не входящие в рабочий класс (иначе незачем было бы их упоминать). Вот эти-то «представители» и должны, по мысли Ленина, осуществлять гегемонию.

Как он это делал и в других случаях, Ленин выдвинул «программу-максимум» и «программу-минимум». Первая предусматривала, что ленинцам удастся взять в свои руки руководство революцией («гегемония пролетариата»). После этого они же, конечно, и усядутся у власти — правда, вместе с представителями крестьянского движения, обойтись без которого в антифеодальной революции было просто невозможно («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»).

«Программа-минимум» исходила из другого, худшего варианта, откуда и возникла несогласованность между обеими «теориями». Брался тот случай, при котором большевикам не удалось проскочить к власти прямо на гребне революционной волны, опрокидывающей царизм. В этом случае надо было тотчас же начинать борьбу против возникшего после свержения царизма революционного правительства, пока оно не укрепилось, и забирать у него власть («перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую»).

Так что же тут глупого? Напротив, придумано было умно и со свойственным Ленину стремлением добиваться своего в любом положении. Такое стремление Ленина под какими угодно теоретическими предлогами привести свою партию к власти встретило полное понимание у властолюбивых профессиональных революционеров. Другой вопрос, что все это не совпадало с пониманием пролетарской революции Марксом и Энгельсом; но Ленина это мало беспокоило.

О своей «программе-максимум» — «гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции» — Ленин писал и говорил много и охотно. Посмотрим, в какой мере эти теоретические положения были осуществлены на практике.

...Итак, Ленин узнал о Февральской революции в России из швейцарских газет.

«Позвольте! — возмутится читатель.— Из каких там швейцарских газет узнает вождь русской революции о ее победе?!»

Из каких газет? Из «Zürcher Post» и «Neue Zürcher Zeitung» за 15 марта 1917 года. И сообщает нам это сам Ленин. Вот дословно первое упоминание Ильича о Февральской революции — из письма Инессе Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.III есть телеграмма в «Zürcher Post» и в «Neue Zürcher Zeitung», что в России 14.III *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры *все арестованы*».

Недоверчиво вождь революции добавил: «Коли не врут немцы, так правда». И тут же поспешил скороговоркой застраховаться: «Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно» [39].

Тут Ильич покривил душой: в «последние дни» у него вообще не было никакой информации о положении в России. За два дня до этого, 13 марта 1917 года, он писал той же Инессе: «Из России нет ничего, даже писем!!» [40] Да и в предыдущие дни и целые месяцы информации о России у Ленина не было никакой. Речь идет не о неких особых сообщениях: Ильич не читал в это время даже русских газет. В сентябре 1916 года Ленин просительно пишет мужу сестры — М. Т. Елизарову в Россию: «Если можно, посылайте раз в неделю прочитанные русские газеты, а то я не имею *никаких*» [41]. В ноябре 1916 года Ленин повторяет просьбу, на этот раз в письме своей сестре Марии Ильиничне в Петроград: «Если не затруднит, посылай раза 3—4 в месяц прочитанную тобой русскую газету, крепко завязывая бечевкой (а то пропадает). Я сижу без русских газет» [42]. Несколько кустарный способ информирования вождя российского пролетариата о положении в стране!

То ли бечевка не помогла, то ли газеты вообще не посылались, но сведений о России у Ленина в предфевральские месяцы так и не было. В конце января 1917 года в письме все той же Инессе Ленин с восторгом сообщал о том, что ему довелось поговорить с двумя бежавшими русскими пленными, которые, правда, уже просидели год в плену у немцев, но которых он все же воспринял как свежих людей, могущих рассказать об обстановке в России [43].

Впрочем, когда надо было не щеголять уверенной фра-

зой в письме Инессе, а ответить на деловой запрос Александры Коллонтай о директивах, Ленин сам признавал свою полную неосведомленность. 17 марта 1917 года он писал Коллонтай: «Дорогая А. М.! Сейчас получили Вашу телеграмму, формулированную так, что почти звучит иронией (извольте-ка думать о «директивах» отсюда, когда известия архискудны, а в Питере, вероятно, есть не только фактически руководящие товарищи нашей партии, но и формально уполномоченные представители Центрального Комитета!)» [44].

В действительности и этого в Питере не было. Первым — никем ни на что не уполномоченным — членом ЦК большевистской партии в Петрограде оказался Сталин, приехавший туда только через 8 дней после этого ленинского письма.

Но главное было даже не в неинформированности Ленина и его окружения. Главное было в том, что вождь профессиональных революционеров вообще не ожидал Февральской революции. Как свидетельствует полное собрание его сочинений, он в это время активно занимался делами швейцарской социал-демократии да писал почти каждый день (а иногда — по два раза в день) деловито-нежные письма «дорогому другу» Инессе Арманд [45].

Что же — изменило Ленину его ставшее легендарным ощущение решительности момента? Нет, не изменило. Вот он 5 марта 1917 года — *за неделю* до Февральской революции — пишет из Цюриха Коллонтай в Швецию: «Ей-ей, нам надо (всем нам, левым в Швеции и могущим снестись с ними) сплотиться, напрячь все усилия, помочь, ибо момент в жизни шведской партии, шведского и *скандинавского* рабочего движения *решительный*» [46].

Оторвался эмигрант Ленин от своей родины: даже чуть повышенная напряженность пульса в мирной Скандинавии звучит в его ушах громче, чем грохот вплотную надвинувшегося на Россию революционного катаклизма. И не чувствует Ильич этой революции. За 6 недель до нее, выступая перед швейцарскими молодыми социалистами, Ленин завершает свой доклад казавшейся ему тогда патетической, а в действительности анекдотической концовкой:

«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции» [47].

Эти да и многие другие факты свидетельствуют: Фев-

ральская революция 1917 года не только не была организована ленинской партией, но застала ее, включая самого Ленина, врасплох. Пустыми словесными конструкциями оказались продолжавшиеся ряд лет рассуждения о «гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции» и о руководящей роли авангарда этого класса-гегемона — большевистской партии. Гегемонии не получилось.

Не подтвердился и основной тезис ленинской теории об этой гегемонии — что буржуазия при свержении царизма будет контрреволюционной силой, а потому-де пролетариат и должен взять на себя руководство. Ленин сам признавал потом, что в Февральской революции участвовали не только пролетариат и «деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году» [48]. Отсюда, а не благодаря несостоявшейся гегемонии организации профессиональных революционеров.

Значит ли сказанное, что эта ленинская организация не оправдала себя?

Да, как орудие совершения антифеодальной революции в России она себя совершенно не оправдала. Пусть вывод такой звучит непривычно, но историк не может игнорировать факты. А факты таковы: ни революция 1905 года, ни Февральская революция 1917 года не были подняты организацией профессиональных революционеров. В 1905 году эта организация приложила руку лишь к декабрьскому восстанию на Пресне в Москве — как известно, быстро подавленному, а в Февральской революции организация вообще не участвовала.

Опыт показал, что для взрыва антифеодальной революции в России, для свержения царизма вообще не было нужды в организации профессиональных революционеров.

В Советском Союзе без конца повторяется тезис, будто для революции необходимо руководство революционной партии. К этому тезису постепенно привыкаешь и начинаешь даже ему верить. А ведь это ложь — и, кстати сказать, ложь антимарксистская.

Энгельс писал через 3 года после революции 1848 года:

«Революция — это чистое явление природы, совершающееся больше под влиянием физических законов, нежели на основании правил, определяющих развитие общества в обычное время. Или, вернее, эти правила во время революции приобретают гораздо более физический характер, сильнее обнаруживается материальная сила необходимо-

сти. И лишь только выступаешь в качестве представителя какой-либо партии, втягиваешься в этот водоворот непреодолимой естественной необходимости».

Энгельс делал вывод: только будучи независимым, «можно, по крайней мере хоть некоторое время, сохранить свою самостоятельность по отношению к этому водовороту...» [49].

В самом деле: какая партия руководила Великой Французской революцией? или английскими революциями XVII века? революцией 1830 года во Франции? революциями 1848 года в разных странах Европы? революциями 1918 года в Германии и Австро-Венгрии? венгерской революцией 1956 года? наконец, революциями 1989 года в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Болгарии и Румынии? Не было такой партии, а революции были. И Февральская революция 1917 года показала, что никакой «партии нового типа» или организации профессиональных революционеров исторически не требуется для социальной революции против самодержавия. Хотя в России в это время действовала большевистская партия, революция состоялась без нее. А рассказывают нам чепуху, чтобы нас убедить: создание революционной партии в СССР никоим образом не допускается; так что такой партии нет, а значит, и никакой революции быть не может. И мы — верим.

«Так что же,— протянет разочарованный читатель,— выходит, что изложенный Лениным в «Что делать?» план ни к чему не привел?»

Напротив: план увенчался полным успехом. Не надо только давать себя заворожить словом «революционеры». Организация профессиональных революционеров была задумана и создана Лениным не как центр подготовки антифеодальной революции в стране, а как организация для захвата власти в волнах этой революции. И власть была захвачена в 1917 году — хотя не в феврале, а в октябре. Тем самым цель была достигнута, организация профессиональных революционеров полностью себя оправдала.

Верно, «программу-максимум» Ленину осуществить не удалось: «гегемония» ленинцев в буржуазно-демократической революции не состоялась. Но с тем большей настойчивостью бросился Ленин во главе своей организации реализовывать «программу-минимум».

Именно в тревожные недели марта 1917 года сначала метавшийся, как лев в клетке, в Цюрихе, а затем ехавший в пресловутом «пломбированном вагоне» в Россию Ленин

и придумал идею «перерастания» — теоретическую оболочку плана свержения организацией профессиональных революционеров уже не самодержавного, а революционного правительства России. Снова отдадим должное политическому гению Ленина: почти экспромт, «теория перерастания», при всей ее направленности против исторического материализма, была облечена в марксистские формулировки и постной абстракцией умело отвлекала внимание от сугубо практической ее цели. Тщательно продумавший формулировки, Ленин 3 апреля 1917 года на Финляндском вокзале, взобравшись на исторический броневик, уверенно выкрикнул лозунг социалистической революции. Меньше чем через 8 месяцев, как ее принято официально именовать (название дал Сталин в 1934 году), Великая Октябрьская социалистическая революция состоялась.

Вот о ней Ленин узнал уже не из цюрихских газет. Он сам определил время ее начала. «Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство»; «...решать дело сегодня непременно вечером или ночью»,— распорядился он в письме членам ЦК партии большевиков вечером 24 октября (6 ноября) 1917 года [50].

В противоположность революциям 1905-го и Февральской 1917 года октябрьский переворот действительно от начала и до конца организовали и обеспечили ленинские профессиональные революционеры. В этом вопросе сомнений нет.

Сомнение вызывает другой вопрос.

8. ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

В Смольном дворце в Ленинграде, где находятся теперь Ленинградский обком и горком КПСС, посетителя ведут по высоким коридорам в большой зал с белыми колоннами и просторной сценой. В ряде кинофильмов и на бесчисленных казенных полотнах запечатлена историческая минута этого зала. Ленин, со знакомой бородкой и усиками, выкинув руку вперед в так называемом «ленинском жесте», начинает свою речь перед II Всероссийским съездом Советов историческими словами: «Товарищи, рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась» [51]. За Лениным на сцене в застывшем порыве — его соратники, состав которых меняется от картины к картине в зависимости от их судьбы к моменту ее изготовления.

В действительности 7 ноября 1917 года сцены в зале не было, Ленин был бритым и исторические слова произнес

не там, а в Петроградском Совете, в 14 часов 35 минут, когда революция еще не совершилась. А главное: была ли эта революция рабочей и крестьянской?

Странным образом вопрос этот не решен до сих пор. 55 лет спустя, в 1972 году, в Институте истории СССР, а затем и в отделении исторических наук Академии наук СССР все еще проводились обсуждения этой проблемы [52].

В самом деле, революция должна была быть пролетарской — следовательно, рабочей, и именно о ее необходимости все время говорили большевики. С другой стороны, со времен Сталина прочно вошло в обиход положение, что в Октябрьской революции рабочий класс выступал в союзе с беднейшим крестьянством. Но Ленин подчеркивал: «В октябре 1917 г. мы брали власть *вместе с крестьянством в целом*» [53]. «Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком» [54]. А по горячим следам событий через две недели после Октябрьской революции он писал: «Крестьянству России предстоит теперь взять судьбы страны в свои руки» [55]. Это как-то плохо вяжется с представлением о пролетарской революции, установившей диктатуру пролетариата.

Видимо, нельзя игнорировать ленинскую оценку октябрьского переворота как «рабочей и крестьянской» революции. Такому характеру революции соответствовал, казалось бы, и состав сформированного Лениным правительства: в него вошли не только большевики, но к ним вскоре присоединились и левые эсеры, а партия эсеров считается в советской литературе кулацкой. Тогда выходит, что в результате Октябрьской революции была создана «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — плод теоретических изысканий Ленина в 1905 году.

Но такая диктатура возникает, по тем же изысканиям, в итоге доведенной до конца буржуазно-демократической революции. Однако буржуазно-демократической была Февральская революция, а потом, опять-таки в соответствии с теорией Ленина, она переросла в пролетарскую революцию — в Октябрьскую. Следовательно Октябрьская революция — пролетарская, то есть рабочая?

Мы оказались снова у исходного пункта и можно начинать рассуждение сначала. Русская народная мудрость называет рассуждения подобного рода сказкой про белого бычка.

Почему же такой сказкой оказался важнейший вопрос о классовом характере Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции? Если она вполне реально произошла, а действовавшие в ней классы налицо — что мешает внести полную ясность в этот вопрос?

Ленинский критерий революции сформулирован четко: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [56]. И далее: «Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все» [57].

Подойдем к вопросу с этой позиции.

То, что штурмовали Зимний в Петрограде и Кремль в Москве рабочие и крестьяне в солдатских шинелях и матросских бушлатах,— факт. Как и рассчитывал Ленин, они явились ударной силой для свержения небольшевистского правительства. В этом смысле революция была рабочей и крестьянской.

А кто пришел к власти? рабочие? или крестьяне?

Вот они расположились вокруг стола и смотрят на нас со старой фотографии: первый Совет Народных Комиссаров. Есть среди них дворяне: Луначарский да и сам Ленин; есть выходцы из буржуазии, из разночинной интеллигенции. Рабочих и крестьян нет, за исключением Шляпникова, давно уже ставшего профессиональным революционером. И всех большевистских наркомов объединяет, независимо от их происхождения или общественного положения, то, что они — руководящие члены ленинской организации профессиональных революционеров. К власти в государстве пришла эта организация.

Какой класс она представляет? Давайте рассуждать. Допустим даже, что организация профессиональных революционеров, независимо от ее собственного социального состава, вопреки историческому материализму является представительницей и даже авангардом класса, совершившего революцию. А революция — рабочая. Или рабочая и крестьянская? И опять начинается сказка про белого бычка.

Но теперь мы нашли точку, где начинает вертеться карусель этой сказки. Ясно, какие классы шли в бой революции. Не ясно, какой класс уселся в результате у власти.

9. ДИКТАТУРА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Диктатура пролетариата — одна из важнейших идей марксизма. Маркс рассматривал идею диктатуры пролетариата как свою особую теоретическую заслугу.

Всю свою жизнь Маркс продолжал придавать этой идее первостепенное значение. В 1875 году в «Критике Готской программы» он записал известное положение:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [58].

Маркс и Энгельс считали, что Франция 1871 года уже явила миру образчик такой диктатуры. 20 лет спустя Энгельс написал во введении к работе Маркса «Гражданская война во Франции» столь часто цитируемые строки: «...Хотите ли знать, ...как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» [59].

Нет нужды напоминать, что в сочинениях Ленина говорится чуть ли не на каждой странице о пролетарской диктатуре. Недаром Сталин, формулируя определение ленинизма, охарактеризовал его как «теорию и тактику пролетарской революции вообще, теорию и тактику диктатуры пролетариата в особенности» [60].

Между тем в наши дни компартии ряда западных стран одна за другой отказались от идеи диктатуры пролетариата — и почему-то не раздалось поражающее отступников грозное проклятие из Москвы. И обескураженный наблюдатель не может понять: как же эти марксисты и даже ленинцы с такой непринужденной легкостью отказываются от того, что Маркс и Ленин считали главным? Как же эти коммунисты намерены строить коммунизм без необходимого переходного периода, который — ведь сказано! — может быть только диктатурой пролетариата? И почему невинно смотрит в сторону ЦК КПСС, который за гораздо меньшие ревизионистские прегрешения покарал вооруженной рукой чехословацких реформаторов?

Тут зарождается у наблюдателя смутное подозрение, что как-то это все неспроста. И верно: неспроста.

Как обстояло дело с диктатурой пролетариата после Октябрьской революции в России?

Начнем с определения.

«Диктатура пролетариата,— писал Ленин,— если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» [61].

Постановка вопроса ясна. Революцией и затем государством руководят промышленные рабочие — это и есть диктатура пролетариата.

А как на практике?

Ведь на деле и революцией, и возникшим после нее Советским государством руководили не промышленные рабочие, а профессиональные революционеры, большинство которых вообще никогда рабочими не были. Где же доказательство того, что это диктатура пролетариата?

Возьмем аргументацию, так сказать, итоговую, данную в 1955 году — накануне смены диктатуры пролетариата общенародным государством. Приводится она в учебнике политэкономии, написанном по указанию и под присмотром Сталина.

Вот эта аргументация полностью: «Рабочий класс в СССР базирует свое существование на государственной (всенародной) собственности и на социалистическом труде. Он является передовым классом общества, ведущей силой его развития. Поэтому в СССР государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу» [62].

Видите, как ясно. При капитализме же все наоборот. Рабочий класс базирует свое существование на государственной или частной собственности и на капиталистическом труде (социалистического там нет). Он является... впрочем, он и там является, с точки зрения марксизма, передовым классом общества, ведущей силой его развития. Так что же, выходит, по этой логике, что и при капитализме государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу?

Но ведь это не так. Значит, мы имеем дело с псевдодоказательством, со словами, которые только на первый взгляд представляются глубокомысленным аргументом, а на деле в них — полная бессмыслица. При рабовладельческом строе рабы по необходимости базировали свое существование на рабовладельческой государственной или частной

собственности и были революционным, следовательно, передовым классом общества, ведущей силой его развития. Но диктатура-то была рабовладельцев, а не рабов!

Не будем, однако, спешить. Неубедительна аргументация в сталинском учебнике — возьмем учебник 70-х годов: И. В. Берхин. «История СССР 1917—1970 гг.». Апробирован до такой степени, что издан даже на иностранных языках для заграницы. Какие доказательства приводит эта официозная книга в поддержку того, что в Советской России была установлена диктатура пролетариата?

Доказательств два. Первое: власть в стране перешла в руки Советов, а в них «рабочий класс играл решающую роль». Но почему же тогда большевики в период двоевластия в 1917 году снимали лозунг «Вся власть Советам»? Да потому, что дело было не в классовом составе депутатов Советов, а в их партийной принадлежности: «решающая роль рабочего класса» была признана за Советами не тогда, когда туда были избраны рабочие, а когда были избраны большевики (так называемая «большевизация Советов»). Значит, первое доказательство — уже разобранная выше тавтология: большевистская партия представляет рабочий класс потому, что она представляет рабочий класс.

Та же самая тавтология открыто преподносится в качестве второго доказательства «превращения пролетариата в господствующий класс»: оно выражается, оказывается, в том, что руководство Советским государством находится в руках «партии пролетариата» — большевиков [63].

Таким образом, доказуемое опять подсовывается в качестве доказанного.

Откуда берут начало в советской политической литературе эти шулерские приемы доказательства того исключительно важного в коммунистической идеологии положения, что после Октябрьской революции в России была установлена диктатура пролетариата? Ведь должна была быть первоначальная, по свежим следам высказанная ленинская аргументация?

Была ленинская. Вот она: «Господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело...» [64].

«Мы» — это организация профессиональных революционеров, и ее идентичность с пролетариатом как раз и есть недоказуемая ленинская тавтология! Собственность после национализации — государственная, а государство — в руках той же организации; следовательно, это та же тавтология. Остается конституция. Верно: в ней

написано, что существует диктатура пролетариата. Но ведь под доказательствами мы подразумеваем не написанное на бумаге, а существующее в реальной жизни.

Получается, что ни ленинская, ни сталинская, ни современная аргументации не убеждают в факте установления пролетарской диктатуры в России. Да и правда: какие аргументы можно привести? Ведь их нет. Мы сказали: в Совнаркоме рабочих нет. Но, может быть, правящая Коммунистическая партия состоит из рабочих? Нет, при Ленине рабочие составляют в партии значительно меньше 50%[65]. Может быть, они составляют большинство в ЦК партии? Нет, при Ленине состав ЦК немногочислен и там, как и в правительстве,— профессиональные революционеры. Так никогда и не включались рабочие в ЦК? Почему же, бывало. Существует и доныне практика включать нескольких рабочих напоказ в состав ЦК.

Мне приходилось иметь дело с некоторыми из них, например, с Валентиной Гагановой. Они — типичные представители рабочей аристократии, которых избирают в президиумы и посылают в составе делегаций, но никакого влияния в ЦК эти профессиональные подставные лица не имеют, отлично это понимают и знают свое место.

Да Ленин сам признавал в 1921 году, что всего, «по неполным данным, около 900 рабочих» участвовали в управлении производством. «Увеличьте это число, если хотите, хотя бы даже в десять, хотя бы даже в сто раз... все же таки мы получаем ничтожную долю непосредственно *управляющих* по сравнению с 6-миллионной общей массой членов профсоюзов. /.../ Партия, это — непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель»[66].

О подлинном социальном составе этой партии мы уже говорили.

Впрочем, Ленин и не считает, что рабочие действительно должны управлять государством: не доверяет он им. В 1922 году Ленин объявляет, что «*действительные* «силы рабочего класса» состоят сейчас из могучего авангарда этого класса (Российской коммунистической партии, которая не сразу, а в течение 25 лет завоевала себе делами роль, звание, силу «авангарда» единственно революционного класса), плюс элементы, наиболее ослабленные деклассированием, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям»[67].

Таким образом, партия носит имя и играет роль авангарда, а настоящие рабочие симпатизируют меньшевикам и анархистам. Вот вам и диктатура пролетариата!

Означает это, что пролетариату не было сделано совсем никаких поблажек после того, как его руками была захвачена власть для организации профессиональных революционеров?

Нет, поблажки были. Торжественно пророческие слова Маркса «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» были переведены на общедоступный русский язык в форме доходчивого лозунга «Грабь награбленное!». Периодически устраивались организованные «экспроприации буржуазии», во время которых вооруженные чекисты водили рабочих в квартиры «бывших» и позволяли тащить приглянувшиеся вещи. Некоторое количество рабочих семей было переселено из подвалов в квартиры буржуазии; судьба прежних обитателей оставалась неизвестной, но о ней можно было догадаться. В газетах, речах и лозунгах восхвалялся пролетариат. Наконец, в качестве вершины его возвеличения был введен «рабочий контроль» на предприятиях и в учреждениях.

Именно в связи с рабочим контролем можно хорошо проследить тактику Ленина в отношении пролетариата сразу же после Октября.

Казненный затем при Сталине руководитель Профинтерна С. А. Лозовский сообщает следующее: написанный Лениным проект декрета о рабочем контроле звучал столь радикально, что Лозовский запротестовал. «Если оставить декрет в таком виде, как Вы его предлагаете,— писал он Ильичу,— тогда каждая группа рабочих будет рассматривать его как разрешение делать все, что угодно». Ленин разъяснил: «*Сейчас* главное заключается в том, чтобы контроль пустить в ход... Никаких преград не нужно ставить инициативе масс. Через определенный период можно будет на основании опыта увидеть, в какие формы отлить рабочий контроль в общегосударственном масштабе» [68]. «Через определенный период» форма была найдена довольно простая: рабочий контроль был вообще отменен как, по словам того же Ленина, «шаг противоречивый, шаг неполный» [69].

Рабочий контроль был отменен, экспроприированные у буржуев шубы сносились, а квартиры были в результате введенной жилищной нормы разгорожены на такие клетушки, что стало в них теснее, чем в подвалах. Поблажки, сделанные после Октябрьской революции пролетариату, очень напоминают то, что происходило в конце второй мировой войны при взятии советскими войсками немецких

городов. В течение нескольких дней солдатам разрешалось все. Русские люди в массе своей незлобивы и чужды садистским наклонностям, поэтому особенных зверств не было: солдаты беспробудно пили, отбирали у жителей часы и прочие вещи и насиловали всех немок подходящего возраста. Потом командование железной рукой восстанавливало дисциплину. Солдат гнали на новый штурм, а отбирать вещи, расстреливать и заниматься немками могли уже только начальство да подходившие в безопасном втором эшелоне войска НКГБ.

Итак, вырисовывается следующая картина. Хотя диктатура пролетариата фигурирует в работах Маркса и составляет сущность ленинского вклада в марксизм, обнаружить ее реальные следы в советской действительности после Октябрьской революции не удается.

Не видно не только ее установления, но и ее окончания. В самом деле, когда она кончилась? Кто из нас это заметил? Почему-то конец диктатуры класса феодалов или буржуазии всегда бывал грандиозным событием для страны. Не говоря уже о конце диктатуры целого класса, даже уход со сцены отдельного диктатора никогда не проходил незамеченным: не только Гитлера, но даже Примо де Ривера, Дольфуса, Хорти, Антонеску... Смерть товарища Сталина мы тоже не обошли вниманием. А вот о том, что кончилась диктатура пролетариата, мы узнали задним числом из теоретических статей, и до сих пор никто, включая авторов статей, толком не может сказать, когда это произошло: до принятия Конституции 1936 года или на 20 лет позднее, когда было объявлено, что Советское государство — общенародное.

Это отсутствие фактов и доказательств, сбивчивость даже в теоретической постановке вопроса — безошибочный симптом того, что речь идет о политической фикции.

Поэтому с такой легкостью отказываются от диктатуры пролетариата коммунистические партии. Это отказ не от реальности, а от терминологии. Если им удастся установить свой режим, они будут именовать его «общенародным государством», подобно тому, как и установленные после второй мировой войны коммунистические режимы были названы не «диктатурой пролетариата», а «народной демократией». Сущность же останется той же: диктатура нового класса «управляющих» — его и только его.

Не было диктатуры пролетариата в Советской России. Не было ее и ни в какой иной социалистической стране. Вообще ее не было. И рассуждать о ней — столь же осмыс-

ленное занятие, как восторгаться покроем наряда голого короля.

10. «ДИКТАТУРА НАД ПРОЛЕТАРИАТОМ»

Понимали ли Ленин и его соратники, что в действительности в результате Октябрьской революции пролетариат не только не получил государственную власть, но остался подчиненным и эксплуатируемым классом общества? Что, по удачному более позднему выражению Троцкого, установлена была «диктатура над пролетариатом»?

Не могли не понимать. Свидетельство о сознании ими этого факта — то, что в работах Ленина мы находим его обоснование.

Уже накануне Октября в книге «Государство и революция» Ленин впервые заговорил об обществе после революции несколько по-иному, чем принято было прежде в среде марксистов. Вместо живописавшегося ранее безоблачного благоденствия рабочих и крестьян, освободившихся, наконец, от надсмотра эксплуататоров, Ленин неожиданно выдвинул вопрос о необходимости «учета и контроля». Трудящихся — победителей в предстоявшей революции, оказывается, надо было учитывать, контролировать и дисциплинировать.

После Октябрьской революции Ленин уже в полный голос стал настаивать на «воспитании новой дисциплины» у трудящихся, называя это новой формой классовой борьбы [70]. Наименование было зловещим: в классовой борьбе большевики расправлялись с врагом сурово.

Кто рассматривался в качестве потенциального классового врага? Речь шла уже не о капиталистах и помещиках, а *о пролетариях*. Ленин отвечал на этот вопрос недвусмысленно: «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,— содрать с «него» денег побольше» [71].

Ну, слова об «интересах рабочего класса» здесь — привычный эвфемизм для обозначения интересов «авангарда» и его «Советского государства». А остальное все правильно: классовый враг для Ленина — те рабочие, которые не хотят, чтобы их это государство эксплуатировало.

Как видим, Ленин не только сознает реальную обста-

новку в обществе, но и делает из нее бескомпромиссные выводы.

Кто же должен, по мнению Ленина, осуществлять учет и контроль над трудящимися и бороться против классового врага в столь своеобразном для марксиста истолковании?

Ленин заявляет, что после Октябрьской революции рабочие не знают «над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда» [72]. Обилие хвалебных прилагательных не меняет того факта, что иго и власть над рабочими, оказывается, все-таки есть, а осуществляет ее «авангард», то есть, по ставшему к тому времени уже стандартным обозначению, организация профессиональных революционеров. Реальность отражена четко.

Ленин сознает, однако, необходимость пополнения рядов этого «авангарда». «Чем глубже переворот, тем больше требуется активных работников для свершения работы замены капитализма аппаратом социализма»,— констатирует он менее чем через полтора месяца после Октябрьской революции и ставит задачу: «...сейчас не должно думать об улучшении вот в этот момент своего положения, а думать о том, чтобы стать классом господствующим» [73].

Призыв этот обращен, разумеется, к «народным массам», но фактически к ним относится лишь первая его часть — не думать об улучшении своего положения. Господствующие же позиции предназначены не для самой массы, а для «активных работников», для тех, кто отличится в деле подавления противника и выполнения поставленных ленинцами задач. «Вот на какой работе,— писал Ленин в январе 1918 года,— должны *практически* выделяться и выдвигаться наверх, в дело общегосударственного управления, *организаторские таланты*... Им надо помочь развернуться. Они *и только они*, при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма» [74].

Создание господствующего в стране «авангарда» Ленин не рассматривает как временное явление, связанное с революцией, гражданской войной и переходным периодом. Речь идет для Ленина о различной роли и месте различных социальных групп в обществе. Продолжим читать ленинские слова, которые мы уже начинали цитировать в предыдущем параграфе. Вот как поучает Ленин несостоявшегося диктатора — пролетариат: «Господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление — это другое дело, это — дело

уменья, дело сноровки. ...Чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять... Уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению. ...Для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт...» [75].

Вот вам и диктатура пролетариата.

Сыграл уже, сполна сыграл рабочий класс отведенную ему Ильичем роль армии революции. Тепе́рь его дело не диктаторствовать, а работать, учитываться и контролироваться. Не на «диктатуру пролетариата» ориентируется творец ленинизма, а на создание слоя «управляющих» — который, как мы теперь знаем, и будет затем создан.

Ленин сам прилагает к этому руку. В одной из своих последних статей — «Как нам реорганизовать Рабкрин» — он выступает с планом, в котором и следа не остается от «рабочего контроля» («шага противоречивого, шага неполного»). Шагом непротиворечивым и полным должно быть в области контроля, по мнению Ленина, сформирование привилегированного бюрократического аппарата. Служащие этого аппарата — «рабоче-крестьянской инспекции», пишет Ильич, «по моему плану будут, с одной стороны, исполнять чисто секретарские обязанности при других членах Рабкрина... а с другой стороны — должны быть высоко квалифицированы, особо проверены, особо надежны, с высоким жалованьем...» [76].

В качестве «управляющих» Ленин представлял себе давно знакомых, испытанных членов своей организации — профессиональных революционеров. Даже головокружительно возвысившись над ними и созерцая их с раздраженным чувством полного превосходства, он все же продолжал их ценить и им верить. Именно поэтому Ленин с растущей тревогой всматривался в неудержимый новый процесс, развернувшийся в советском обществе.

11. НОВАЯ «ДРУЖИНА»

Процесс состоял в бурном росте партийного и государственного аппарата власти и в его возраставших претензиях на то, чтобы управлять страной. Он был вызван объективно теми преобразованиями в общественной структуре, которые проводил — не по прихоти, а по необходимости — сам Ленин, декретируя и осуществляя огосударствление

и централизацию, создавая монополию одной — правящей — партии. Перед лицом этого процесса ленинская гвардия, состоявшая из людей уже немолодых, подорванных годами испытаний и нечеловечески напряженной работы, вдруг оказалась хрупким плотом на гребне вздымавшейся волны. Это была волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан, наскоро перекрасившихся в коммунистов. Их напористая масса жаждала, вопреки представлениям Ленина, стать слоем «управляющих».

Каждого из них — и в отдельности, и дюжинами, и пачками — Ленин мог выгнать, арестовать, расстрелять. Но в целом они были неодолимы. Характер и глубина социальных перемен, бурный рост партии и государства, а к тому же огромные размеры страны делали невозможным для немногочисленной группы профессиональных революционеров занять все ответственные посты и держать все управление в собственных руках. Ни Маркс с Энгельсом, ни сам Ленин не предусмотрели такого хода событий.

Когда читаешь последние работы Ленина, помещенные в 45-м томе полного собрания его сочинений, явственно видишь, как находящийся на краю могилы вождь мечется перед этой неожиданной проблемой.

Порой он пытается выдать ее за наследие царизма, говоря об угрозе «российского аппарата, ...заимствованного от царизма и только чуть-чуть помазанного советским миром». Но никакие отговорки не спасают от очевидного для Ленина грозящего «нашествия того истинно-русского человека, великорусского шовиниста, в сущности — подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Масштабы этого нашествия пугают Ленина. «Нет сомнения,— пишет он,— что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» [77]. «Нужда в честных отчаянная»,— уныло констатирует Ленин [78].

К тому же Ленин сам сознает, что отговорки его фальшивы: к власти рвется не царская и не буржуазная, а новая — коммунистическая бюрократия. «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ,— пишет Ленин в 1922 году,— это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный» [79].

Значит, напирают не, по изящному выражению времен

гражданской войны, недорезанные буржуи, а уважаемые, добросовестные коммунисты на государственных постах.

Больше того: бюрократия растет и в партийных органах. В своей последней статье Ленин с тревогой пишет обо «всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной. В скобках будь сказано,— поясняет он,— бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных» [80]. Или еще более выразительно: «Понятное дело, что возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не мог не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же» [81]. Ленин пишет о «гнете общих условий» советского бюрократизма [82].

Рождающаяся всевластная коммунистическая бюрократия — вызванная к жизни революцией, которую организовали Ленин и его гвардия профессиональных революционеров,— уже начинает создавать угрозу для этой гвардии. Прущие снизу на все посты карьеристы — сила, способная оказать давление на вершимую в Кремле политику. На каком курсе будет настаивать эта орда карабкающихся к власти выскочек? На том ли, который, по мнению Ленина, проводится в интересах пролетариата и сформировался из сложного сочетания догматизированной марксистской теории, долголетних споров в эмиграции и импровизации в реальной обстановке России? Или на другом — своем, брутальном, беспардонном, лишь на словах марксистском и революционном, а на деле — курсе реакционного диктаторского властвования над всеми, оказавшимися внизу социальной пирамиды?

26 марта 1922 года на бумагу ложатся следующие поразительные слова Ленина: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него» [83].

От кого же? Видимо, от сил, находящихся под тонким слоем ленинской гвардии. А решение, о котором идет речь,— о чем оно? Как явствует из текста, о том: будет ли политика «пролетарской», иными словами — проводимой Лениным и его гвардией, по их мнению, в интересах пролетариата, или она будет другой? Какой — Ленин не решается даже произнести.

Произнесет это белоэмигрант-монархист Шульгин, антикоммунистические книги которого «Дни» и «1920-й год» были изданы в Советской России по приказу Ленина. В своей третьей книге «Три столицы. Путешествие в красную Россию» Шульгин не без удовольствия уже после смерти Ленина подведет итоги его правления в стране:

«Вернулось неравенство... Мертвящий коммунизм ушел в теоретическую область, в глупые слова, в идиотские речи... А жизнь восторжествовала. И как в природе нет двух травинок одинаковых, так и здесь бесконечная цепь от бедных до богатых... Появилась социальная лестница. А с ней появилась надежда. Надежда каждому взобраться повыше». И далее: «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют.

Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали.

Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз «из жидов».

Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже «избацают».

Коммунизм же был эпизодом. Коммунизм («грабь награбленное» и все прочее такое) был тот рычаг, которым новые властители сбросили старых. Затем коммунизм сдали в музей (музей революции), а жизнь входит в старое русло при новых властителях.

Вот и все...» [84].

В этой интересной оценке есть пророческая мысль о двух слоях правителей в Советской России.

Тот слой, который антисемит Шульгин именует «из жидов»,— это пришедшая к власти в итоге Октябрьской революции организация профессиональных революционеров. В ней действительно было немало евреев, которых всячески притесняли компаньоны Шульгина — слишком много пившие и певшие прежние властители России.

То, что заметил и высказал Шульгин, очевидно, начал сознавать и Ленин, но боялся себе признаться: этот слой не мог долго удержаться у власти, он был совершенно чужд массе народа. Если даже в кругу находившихся в России подпольных «комитетчиков» вызывали отчужденность эмигранты с их, по выражению Сталина, «бурями в стакане воды», то что же сказать о восприятии народом этого космополитического интеллигентского слоя? Конечно, с мне-

нием народа можно было не считаться, к этому русский народ приучен. Однако здесь таилась слабость в предстоявшей борьбе с «дружиной», образовывавшейся под слоем профессиональных революционеров у власти.

Сама история зло смеялась над этими гётевскими учениками чародея. На протяжении ряда лет Ленин и его соратники, при всех попытках и невинность соблюсти, и капитал приобрести, в итоге всегда предпочитали капитал невинности. Обманув рабочих обещаниями установить диктатуру пролетариата, они стали быстро превращаться в новый господствующий класс. Но процесс рождения такого класса оказался неудержимым, вырвавшимся из-под их контроля. Ленинская гвардия — с сохранившимися у нее элементами идеализма, с иллюзиями, будто она действительно руководствуется интересами пролетариата,— оказывалась беспомощной по сравнению с новыми силами, не отягощенными самообманом и стремительно заполнявшими русло этого процесса.

Горькой иронией истории было и то, что через три недели после цитированной записи Ленина по его инициативе Генеральным секретарем ЦК партии был избран Сталин. Ленин боялся даже «небольшой внутренней борьбы» в рядах своих гвардейцев, которая привела бы к падению их авторитета. Сталин втихомолку строил планы борьбы не на жизнь, а на смерть против своих соперников в ленинской гвардии и стремился растоптать ее авторитет. Ленин понял это уже тогда, когда подошли последние дни его сознательного существования.

12. СОЗДАНИЕ НОМЕНКЛАТУРЫ

Вождь революции Ленин изобрел организацию профессиональных революционеров. Глава аппарата Сталин изобрел номенклатуру. Изобретение Ленина было рычагом, которым он перевернул Россию; оно, как писал Шульгин, сдано в музей революции. Изобретение Сталина было аппаратом, при помощи которого он стал управлять Россией, и оно оказалось гораздо более живучим.

Латинское слово «номенклатура» обозначает буквально перечень имен или наименований. Этимологический смысл термина в общем соответствует его содержанию в странах реального социализма.

Первоначально этим термином обозначили распределение функций между различными руководящими органами. Но постепенно этот смысл утрачивался и вытеснялся

другим. Поскольку при распределении функций были расписаны между руководящими органами и те высокопоставленные должности, на которые эти органы должны были производить назначение, именно этот кадровый аспект, оказавшийся исключительно важным, и вместил в себя все содержание термина «номенклатура».

Номенклатура — это: 1) перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения.

Почему, кем и как была создана номенклатура?

Как уже говорилось, ленинская организация профессиональных революционеров была слишком малочисленной, чтобы в условиях огосударствления всей жизни и монопольного положения правящей партии в огромной стране обеспечить занятие всех ответственных должностей в стремительно разраставшемся партийном и государственном аппарате.

В образовавшийся вакуум в различных звеньях власти рвалась лавина карьеристов. Для того, чтобы получить шансы на успех, требовалось в сущности немного: быть не дворянского и не буржуазного происхождения и вступить в уже победившую и прочно усевшуюся у власти правящую партию (а для молодежи — в комсомол). В качестве революционных заслуг засчитывалось пребывание в годы гражданской войны в рядах Красной Армии, куда были мобилизованы миллионы людей. Но даже если этого не было, в существовавшей неразберихе заслуги можно было легко придумать. Одним словом, путь наверх был открыт.

Необходимость отбора людей была неоспорима. Вставал вопрос о критериях в системе отбора. Казалось бы, поскольку речь шла не о синекуре, а о работе, естественным критерием были максимальная пригодность и способность к выполнению данного дела, по советской кадровой терминологии — «деловые признаки». Однако вместо них были безоговорочно сделаны главным критерием «политические признаки». Это означало примерно то, что, если бы на пост директора физического института претендовали беспартийный буржуазный спец Альберт Эйнштейн и братишка с Балтфлота партиец Ваня Хрюшкин, отдавать предпочтение надо было Ване.

Очевидная глупость такого подхода вовсе не свидетельствует о недомыслии тех, кто его декретировал. Когда ленинскому правительству действительно важно было

иметь на руководящих постах подлинных специалистов, оно это делало: в гражданскую войну красными войсками командовали «военспецы» — бывшие царские генералы и офицеры.

Но в целом «политические признаки» стали твердой и неизменной основой назначений на все ответственные посты в СССР. Так остается и поныне. На XXVII съезде партии в 1986 году второй секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев отметил: «В ряду важнейших критериев подбора кадров мы на первое место ставим политические качества работника»[85].

Торжество «политических признаков» объяснялось следующей закономерностью, мало понятной в условиях капиталистической конкуренции: при реальном социализме считается целесообразным — хотя об этом не принято прямо говорить — назначать на посты людей, которые для работы на этих постах не очень подходят, а в ряде случаев совсем не подходят.

Это на первый взгляд нелогичное явление, с которым, однако, сталкиваешься на каждом шагу в любой социалистической стране, имеет вполне рациональное объяснение. Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, он легко может быть заменен другим. На этом основывается известный сталинский тезис, охотно повторяемый и поныне: «У нас незаменимых людей нет». Поскольку этот руководящий тезис применим к Эйнштейну в меньшей степени, чем к Хрюшкину, назначать надо Хрюшкина. Как видите, логика здесь есть. За многие годы в Советском Союзе мне лишь в редких случаях доводилось встречать людей, действительно подходивших к своим постам,— и обычно у них всегда бывали неприятности: так как общий признак подбора кадров был иным, объективно получалось, будто именно они занимали не свои места.

Этот принцип кадровой политики порождал у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимыми. При этом выслужиться — не значит хорошо работать, а значит хорошо делать то, чего желает назначающее и соответственно могущее сместить с поста начальство.

Такой результат, ощутимый, даже если речь идет о мелких служащих, сулил неоценимые политические возможности на уровне руководящих чинов партийного и государственного аппарата. Произвольно назначенные по «поли

тическим признакам» и весьма легко заменимые, эти чины готовы были всячески выслуживаться перед назначавшими их, чтобы удержаться и получить еще более высокие посты.

Кто был этим назначавшим и, следовательно, потенциальным хозяином быстро разраставшейся номенклатуры?

Все дело назначения руководящих кадров в стране Сталин сосредоточил в руках своих и своего аппарата. Так под прикрытием примата «политических признаков» при отборе кадров Сталин создал ситуацию, в которой автоматически вся новая номенклатура оказывалась преданной лично ему.

Западные биографы Сталина не раз делали превратившееся постепенно в общее место противопоставление: Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие, с их позерством и любованием собственным красноречием,— и неуклюжий плебей Сталин, молчаливо и упорно работающий в партийном секретариате.

Ситуация, может быть, и выглядела так. Но главное было не в этой внешней коллизии. Главным было существо той работы, которую делал Сталин. Недалекие острословы называли его тогда «товарищ Картотеков». Он и вправду вместе со своими сотрудниками постоянно возился с карточками, заведенными на руководящих работников. «Кадры решают всё»,— сформулирует он впоследствии свою установку. Эти кадры он старательно изучал, просеивал через сито своих интересов и расчетов, размещал их на различных уровнях номенклатуры, как композитор ноты на нотной линейке, чтобы возникала нужная ему симфония. Как мне рассказывали, картотеку на наиболее интересовавших его по тем или иным соображениям людей Сталин с первой половины 20-х годов вел сам, не допуская к ней даже своего секретаря.

Однако было бы наивно представлять себе работу по формированию номенклатуры в образе Сталина с парой помощников, роющихся в картотеке. Сталин создал систему подбора руководящих кадров в партии и государстве. Она привела его к власти и осталась его главным свершением.

Некоторые общие соображения об этой системе Сталин впервые изложил на XII съезде партии в 1923 году, представляя делегатам организационный отчет ЦК: «...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять

директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в маханье руками»,— говорил Сталин [86]. Основная идея состояла, таким образом, в том, чтобы на ответственные политические посты в стране посадить ретивых исполнителей директив. А для этого, пояснял Сталин, «необходимо каждого работника изучить по косточкам» [87], необходимо «знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки» [88].

Вот как функционировала на практике сталинская система создания номенклатуры.

В 1920 году были образованы в ЦК и губкомах РКП(б) учетно-распределительные отделы. Они стали первыми органами, специально занимавшимися выдвижением и перемещением ответственных партийных работников, а также учетом кадров. Отделы не только выдвигали, но и «задвигали» людей, ведя учет лиц, «подлежащих переводу к станку и плугу» [89].

В апреле 1922 года Сталин стал Генеральным секретарем ЦК. В августе того же года на XII партконференции было впервые сообщено количество партийных работников в аппарате, который был фактически подчинен Секретариату ЦК. В Москве было 325 человек, в губерниях — 2000, в уездах — 6000; кроме того, в волостях и на крупных предприятиях — 5000 освобожденных секретарей парткомов, всего 15 325 человек [90]. Такова была уже к этому моменту численность сталинского партийного аппарата.

В уже цитированном докладе на XII съезде партии Сталин объявил: «Доселе дело велось так, что дело учраспреда ограничивалось учетом и распределением товарищей по укомам, губкомам и обкомам. Теперь учраспред не может замыкаться в рамках укомов, губкомов, обкомов... *Необходимо охватить все без исключения отрасли управления*» [91].

И действительно: после XII съезда партии, когда стало ясно, что Ленин к власти больше не вернется, в учетно-распределительных отделах были немедленно сконцентрированы учет и распределение ответственных работников «во всех без исключения областях управления и хозяйства» [92].

Особенно активно действовал подчиненный непосредственно Секретариату ЦК РКП(б) Учетно-распределительный отдел ЦК, о котором Сталин говорил, что он «приобретает громадное значение» [93].

В 1922 году Учраспред ЦК произвел более 10 000 назначений [94]. В 1923 году он расширил работу. В отделе было создано 7 комиссий по пересмотру состава работников основных государственных и хозяйственных органов: в промышленности, кооперации, торговле, на транспорте и в связи, в финансово-земельных органах, в органах просвещения, в административно-советских органах, в наркоматах иностранных дел и внешней торговли [95].

Руководящие должности в партийных комитетах по уставу партии — выборные. Путь к обходу этого пункта устава был без труда найден: руководящие партийные органы «рекомендуют» нижестоящим лиц, подлежащих избранию. Например, кандидатуры секретарей волостных комитетов партии рекомендовал губком, кандидатуры секретарей губкома — Секретариат ЦК. Секретариат вел напряженную работу по подбору и перестановке этих новых губернаторов: в 1922 году были перемещены 37 секретарей губкомов и 42 новых «рекомендованы» [96]. Показательно, что тот же Секретариат ЦК рекомендовал кандидатов не только нижестоящим, но и вышестоящему органу — Оргбюро ЦК, которое принимало решение о замещении высших постов в партии и государстве. Так Секретариат во главе со Сталиным централизовал в своих руках дело назначения на наиболее ответственные руководящие должности в стране.

Бурная деятельность сталинского Секретариата и его Учраспреда расчистила путь к закономерному созданию новой обстановки в партийном аппарате. Ее обрисовал Троцкий в письме в ЦК от 8 октября 1923 года и в опубликованной в декабре 1923 года работе «Новый курс».

Отметив, что даже в годы военного коммунизма система назначений в партии не составляла и десятой доли достигнутого ею размера, Троцкий подчеркивал, что эта система сделала секретарей-назначенцев независимыми от местных партийных организаций. Работники партийного аппарата не имеют больше — или во всяком случае не высказывают — собственного мнения, а заранее соглашаются с мнением «секретарской иерархии». Массе же рядовых членов партии решения этой иерархии вообще спускаются в виде приказов [97].

Что это за процесс? Троцкий называет его «бюрократизацией партии». Но это беззубое определение, да другим оно и быть не могло, так как Троцкий сам в 1923 году находился еще в Политбюро. Происходит другое: раздвигаются общественные слои. Один слой — секретари парт-

комитетов и их аппарат — идет вверх и начинает безапелляционно изрекать приказы, другой — идет вниз и вместе с беспартийными вынужден беспрекословно эти приказы исполнять. Троцкий сам констатирует: «Партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях» [98].

Письмо Троцкого — как бы моментальная фотография процесса классообразования в советском обществе.

Между тем был открыт шлюз для носителей этого процесса — лезших к власти карьеристов. После смерти Ленина был объявлен «ленинский призыв» в партию. В итоге к маю 1924 года (XIII съезд партии) число ее членов возросло почти вдвое по сравнению с апрелем 1922 года (XII съезд): с 386 000 до 736 000. Половину партии составляли теперь новобранцы — только не «ленинского», а сталинского призыва. Им чужда была поседевшая в ссылках и эмиграции ленинская гвардия, как бы она ни переродилась к тому времени. Новобранцы шли в ряды не тех, кого ссылают, а тех, кто ссылает, шли не совершать революцию, а занимать хорошие места после совершенной революции. Они были потенциально людьми Сталина. На книге «Об основах ленинизма» — своей претензии на роль систематизатора и толкователя теоретических взглядов Ленина — Сталин демонстративно написал: «Ленинскому призыву посвящаю».

Секретариат ЦК продолжал развертывать работу по формированию номенклатуры. Для 1924 года есть цифровые данные: в этом году числилось около 3500 должностей, замещение которых должно было осуществляться через ЦК, и около 1500 должностей, на которые назначали ведомства с уведомлением Учраспреда ЦК [99]. Еще более обширной была номенклатура губернских, волостных и прочих партийных комитетов. В 1925 году платный партийный аппарат ВКП(б) составлял 25 000 человек — по одному на каждые сорок коммунистов. В одном только аппарате ЦК насчитывалось 767 человек [100].

Тем временем в 1924 году Учраспред слился с Оргинструкторским отделом ЦК. В результате был образован Орграспредотдел, ставший фактически главным отделом в аппарате ЦК. Орграспред, во главе которого Сталин поставил Л. М. Кагановича, формировал как партийную, так и государственную номенклатуру, причем число назначений на руководящие должности в государственном аппарате перевешивало: в период с конца 1925 года (XIV съезд ВКП(б) до 1927 года (XV съезд) Орграспред

произвел 8761 назначение, в том числе только 1222 — в партийные органы.

В 1930 году Орграспред был снова разделен на два отдела: Оргинструкторский, занимавшийся назначениями и перемещениями в партийном аппарате, и Отдел назначений с рядом секторов (тяжелой промышленности, легкой промышленности, транспорта, сельского хозяйства, советских учреждений, загранкадров и др.), ведавший вопросами формирования номенклатуры в аппарате государства [101]. Сталин так по-военному характеризовал «командный состав партии»: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,— генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство» [102].

Будущий генералиссимус включил, очевидно, в первую группу всех членов ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов; во вторую — членов районных и городских комитетов партии; в третью — секретарей первичных парторганизаций, членов их комитетов и бюро. Таким образом, речь шла только частично — в первых двух группах — о номенклатуре, причем значительная часть партийного аппарата вовсе не была учтена. Как нередко бывало, приведенные Сталиным цифры ни о чем не говорили. Но иерархическое мышление, пронизывавшее процесс создания номенклатуры, отразилось в этих словах очень ясно.

Каковы были взаимоотношения между созданной таким образом номенклатурной иерархией и ее творцом Сталиным?

Эти отношения не исчерпывались преданностью аппаратчиков своему вождю. Они были не лирическими, а вполне реалистическими, как всегда бывает в социальных явлениях.

Сталинские назначенцы были людьми Сталина. Но и он был *их* человеком. Они составляли социальную опору его диктатуры, но не из трогательной любви к диктатору-грузину: они рассчитывали, что он обеспечит *их* коллективную диктатуру в стране. Подобострастно выполняя приказы вождя, они деловито исходили из того, что эти приказы отдаются в *их* интересах. Конечно, он мог любого из них *в отдельности* выгнать и ликвидировать, но пойти против слоя номенклатуры в целом Сталин никак не мог. Безжа-

лостно уничтожая целые общественные группы: нэпманов, кулаков, духовенство,— Сталин старательно заботился об интересах своих назначенцев, об укреплении их власти, авторитета, привилегий. Он был ставленником своих ставленников и знал, что они неуклонно выполняют его волю, лишь пока он выполняет их волю.

Волей сталинской гвардии было обеспечить свое безраздельное и прочное господство в стране. Уже однажды обманувшие надежды на мировую революцию и пытавшиеся их гальванизировать троцкистские рассуждения о «перманентной революции» не устраивали усаживавшихся у власти сталинцев. Они не хотели быть временщиками и ставить свое будущее в зависимость от новых событий, слабо поддающихся их контролю. Сталин поспешил облечь эту волю своих назначенцев в солидно звучавшую формулу: «построение социализма в одной стране».

С точки зрения теории Маркса и Энгельса формула была совершенно бессмысленной. Для основоположников марксизма было очевидно, что бесклассовое общество не может быть создано как остров в море капитализма. Но сталинские назначенцы с восторгом приветствовали новую формулу, освящавшую их власть словом «социализм». Их не смущало то, что, по словам Сталина, победа социализма в одной стране могла быть «полной, но не окончательной». Цель тезиса о неокончательности победы социализма в СССР была не в том, чтобы возбуждать нездоровые надежды у советского населения. Целью было использовать «угрозу реставрации капитализма» как обоснование сталинской внутренней, военной и внешней политики. А утверждение, что победа социализма в СССР может быть полной, как раз и означало признание стабильности и окончательного характера режима.

Формула о построении социализма в одной стране действительно оказалась исторической. Она стала теоретическим обоснованием создания не нереального марксистского, а реального советского социализма.

О том, что этот социализм в основном построен, Сталин объявил в связи с принятием Конституции 1936 года — в промежуток между первым и вторым московскими процессами.

Затем развернулась ежовщина.

13. ГИБЕЛЬ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

В разгар этого безумия, страшной весной 1938 года, когда газеты выли о троцкистах и бухаринцах — фашистских шпионах и диверсантах, а на каждом комсомольском собрании в школе покаянно выступали наши соседи по парте, у которых родители оказались «врагами народа», я впервые услышал оценку происходившего, прозвучавшую диссонансом в визгливой истерии. Высказал ее бывший мой одноклассник Рафка Ванников, сын заместителя наркома оборонной промышленности СССР Бориса Львовича Ванникова, в дальнейшем руководителя Первого главного управления — гигантской сверхсекретной организации, создавшей советское атомное оружие.

Мы выходили с Рафкой из актового зала со школьного первомайского вечера, как вдруг он солидно произнес:

— Ты заметил, что за последние полтора года произошла почти полная смена руководящих кадров в стране?

Рафка был неплохим парнем, но уж никак не мастером политического анализа. Произнесенные слова были явно не его, а отца, шли сверху, из кремлевских сфер. Вот, значит, как в этих сферах цинично и деловито рассматривали то, что подавалось всему миру как «разоблачение фашистских шпионов» и «меры по ликвидации троцкистских и иных двурушников»!

Ежовщина, уничтожившая и обездолившая миллионы людей, была сложным социальным и политическим явлением. Но в истории создания в СССР господствующего класса она сыграла прежде всего именно такую роль: осуществила смену руководящих кадров в стране.

В 1937 году — через 20 лет после Октябрьской революции — ленинская гвардия профессиональных революционеров была весьма немолода. Но до естественного ухода ей оставалось еще примерно полтора десятка лет, если не больше. Этих-то лет жизни ей и не хотели давать обосновавшиеся в разных звеньях номенклатуры карьеристы, метившие на занятые постаревшими революционерами высшие посты. Помните пророчество Шульгина: «Их, конечно, скоро ликвидируют», как только под ними «образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать...»?

Номенклатурная дружина образовалась, прошла суровую школу и научилась властвовать. Осталось ликвидировать «двурушников» — ленинскую гвардию.

Читатель вправе спросить: разве эта задача не реша-

лась постепенно? Ведь Секретариат ЦК «рекомендовал» новых секретарей и губкомов, впоследствии обкомов и крайкомов, массами производились и другие назначения. Зачем же ежовщина?

Затем, что в ВКП (б) к этому времени оказалось как бы две гвардии: сталинская и ленинская. Сталинская состояла из назначенцев, отобранных по «политическим признакам», а ленинская — из занимавших свои посты по праву членов организации профессиональных революционеров. Сместить ленинцев — не несколько отдельных лиц, а весь слой — обычным путем было невозможно. Вот почему, несмотря на все назначения и перемещения, в 1930 году среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий 69% — больше $^2/_3$ — все еще были с дореволюционным партстажем [103]. Из делегатов XVII съезда партии (1934 год) 80% вступили в партию до 1920 года, то есть до победы в гражданской войне.

На чем держалась неуязвимость постаревших ленинских соратников?

Ленин справедливо видел силу своей гвардии в ее огромном, долгими годами культивировавшемся авторитете в партии. Только потом мы привыкли к тому, что любой партийный руководитель мог быть весьма просто арестован и затем ликвидирован как фашистский шпион и троцкистский выродок при стандартном всеобщем одобрении. Но тогда к этому благословенному состоянию надо было еще прийти. Вспомним, что в 1929 году даже ненавистного Троцкого Сталин вынужден был выслать за границу и не мог даже запретить ему взять с собой личный архив. Участие в различных оппозициях тогда еще не воспринималось как основание удалять членов ленинской гвардии с руководящих постов.

Чтобы уничтожить стариков, было только одно средство: полностью растоптать их авторитет, превратить длительность их пребывания в партии и участие в ее деятельности на многих этапах из заслуги в потенциальное преступление. Здесь и пригодилась характерная сталинская мысль о том, что высокопоставленный революционер вполне может на деле вести двойную игру, оказаться шпионом и предателем.

Сталин отлично видел, как взращенные им номенклатурщики со злобной завистью поглядывают на чуждых и антипатичных им дряхлеющих ленинцев, у которых еще остались следы каких-то убеждений, помимо понятной сталинцам жажды занять пост повыше, насладиться властью

и хорошей жизнью. Сталин сознавал, что нужен только сигнал — и его выкормыши бросятся волчьей стаей и перегрызут глотки этим слабоватым, а потому незаконно занимающим руководящие посты старым чудакам.

Сигналом было убийство Кирова.

То, что убийство было совершено по приказу Сталина, очевидно. В западной литературе хорошо проанализированы причины, по которым Сталину нужно было устранить Кирова, и даже некоторые предварительные меры Сталина, направленные против энергичного ленинградского секретаря. Хрущев на XX и XXII съездах сообщил ряд фактов, связанных с убийством, и хотя твердил о необходимости расследовать дело, явно был уверен, что виновник — Сталин.

Уверенность вполне естественная. Сталин еще в молодости не раз организовывал убийства. Впоследствии по его приказу было совершено убийство безобидного человека — руководителя Еврейского театра Михоэлса, и Светлана Аллилуева красочно описывает, как ее отец по телефону давал соответствующее указание. Не нова и манера сваливать вину за убийство на своих противников. Убийство Бандеры агентом КГБ будут сваливать впоследствии на западногерманскую федеральную службу разведки. Сталин пытался скрывать свою вину даже в столь несомненном случае, как убийство Троцкого.

Короче говоря, вопрос об убийстве Кирова сам по себе не заслуживал бы даже рассмотрения. Но особенность этой мрачной истории — в том, что речь идет не о единичном преступлении, а о сигнале к массовому уничтожению людей, в первую очередь — ленинской гвардии.

«Управляющие» в СССР отлично знали об этом. Знали и сделали выводы. В результате, несмотря на все обещания Хрущева, так и не удалось завершить расследование истории убийства Кирова. Старые большевики — члены созданной при ЦК Комиссии по расследованию — в частных разговорах рассказывали, на какое упорное сопротивление со стороны партийного аппарата и органов госбезопасности наталкивался их каждый шаг, как объявлялись «утерянными» документы, которые требовали члены комиссии, как не могли найти никаких свидетелей. Посредством такого саботажа люди, выведенные Сталиным «из грязи в князи», скрывали не преступления Сталина, а нить, потянув за которую можно было распутать их собственную роль в событиях 1934—1938 гг.

Именно эта роль была определяющей. Неверно видеть

в ежовщине только действия Сталина или тем более Ежова. Сталин выполнил волю своих назначенцев, поведя их на разгром ленинской гвардии. Ничего героического в походе не было. Можно по-разному относиться к членам созданной Лениным организации профессиональных революционеров. Но расправа с ними была омерзительна.

Был применен продуманный метод, обеспечивавший одновременно физическое и моральное уничтожение ленинцев. С этой целью были проведены известные московские процессы: 1) «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» (август 1936 года), 2) «Антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 года), 3) «Антисоветского правотроцкистского блока» (март 1938 года). Подсудимые: Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, Пятаков, Радек и другие соратники Ленина — усердно признавались в том, что они были агентами Гитлера и Троцкого, шпионами, диверсантами и террористами, стремившимися реставрировать капитализм. После признаний старых большевиков государственный обвинитель — старый меньшевик Вышинский вопил, что «взбесившихся собак надо расстрелять». Суд выполнил его пожелание: хотя из 54 подсудимых несколько человек и были приговорены к многолетнему заключению, не выжил ни один. Подобные процессы с тем же итогом были проведены в 1937—1938 годах в разных республиках СССР.

Левая интеллигенция Запада, неизменно относящаяся с трогательным доверием ко всему, что идет из Москвы, терялась в глубокомысленных догадках о причинах столь низкого морального падения ленинской гвардии. Буржуазные журналисты, отметившие ряд фактических несообразностей в показаниях, высказывали предположения, что ветераны-ленинцы оклеветали себя, убежденные, что так нужно для партии. Правые газеты строили гипотезы о сложной психологической обработке подсудимых с целью сконструировать у них новое «я» с комплексом вины перед партией.

А между тем, как рассказывает Светлана, Сталин, ужиная по ночам с членами Политбюро, с удовольствием повторял один и тот же анекдот: профессор пристыдил невежду-чекиста, что тот не знает, кто автор «Евгения Онегина», а чекист арестовал профессора и сказал потом своим приятелям: «Он у меня признался! Он и есть автор!» [104]. Члены Политбюро понимали и по достоинству оценивали так веселившую Хозяина шутку.

Ибо отлично известная им действительность сталин-

ских процессов была проще и циничнее, чем могли пред ставить себе люди на Западе.

Скрываемая методика подготовки процессов стала доподлинно известна через Чехословакию, куда — как и в другие страны народной демократии — советниками из МГБ СССР был перенесен советский опыт. Подсудимого подвергали «конвейеру» — продолжавшемуся ряд суток непрерывному допросу. Следователи работали в три смены по восемь часов, допрашиваемому же не давали спать и в нужных случаях били и морили жаждой. Метод был безотказный: на какие-то по счету сутки подследственный подписывал любой протокол. Но следователи знали, что это — первый тур, и спокойно ожидали дальнейшего. Отоспавшись, узник, как и ожидалось, отказывался от самоубийственных показаний. Тогда он вновь и вновь подвергался «конвейеру», пока не начинал сознательно стремиться к любому приговору, даже к смертной казни. Именно такое устойчивое состояние и требовалось для выступления на процессе. Изготовлялся сценарий процесса, и подсудимый, как актер, заучивал наизусть свою роль. Во время судебного заседания председатель трибунала армвоенюрист Ульрих и прокурор Вышинский имели перед глазами экземпляры сценария. Подсудимый разыгрывал свою партию и получал за это бесценное вознаграждение: вплоть до самого расстрела ему позволяли спать и не били. Таков был нехитрый механизм всех поражавших западный мир своей «загадочностью» процессов в соцстранах с 1936 по 1953 год.

Разумеется, когда нужно было, по профессиональному выражению НКВД, «добыть» лишь письменное признание арестованного, а показывать допрашиваемого публике не требовалось, поступали проще: следователь — один или с бригадой молодых палачей — обычно слушателей школы НКВД — избивали подследственного на ночных допросах, гасили о него папиросы и вообще всячески проявляли свою изобретательность. Так были «добыты» подписи старых большевиков под самыми фантастическими показаниями.

В этих показаниях фигурировали новые имена, и соответственно производились новые аресты. Рассказывают, что Л. М. Каганович дал тогда весьма точную формулировку метода ликвидации ленинской гвардии: «Мы снимаем людей слоями». Такой метод приводил к широко известному явлению, что те, кто в начале ежовщины арестовывал других, к концу операции сами оказались арестован-

ными. Показательна в этом смысле судьба наркома внутренних дел СССР Ягоды: он организовал первый московский процесс и был в числе подсудимых на последнем.

Падение Ягоды — не просто иллюстрация к словам Кагановича. Оно бросает свет на механизм чистки 1936—1938 годов.

Вместо Ягоды, члена партии с 1907 года, профессионального чекиста — сотрудника Дзержинского, наркомом внутренних дел СССР был назначен Н. И. Ежов, секретарь ЦК ВКП(б), предусмотрительно вступивший в партию только после победы революции, в 1917 году. Вскоре после своего назначения Ежов арестовал Ягоду и сместил почти всех старых чекистов. На их место в НКВД пришли партаппаратчики. Заместителем Ежова стал Шкирятов, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Именно эти партаппаратчики в формах комиссаров государственной безопасности и вершили трагедию ежовщины.

Газеты льстиво именовали Ежова «сталинским наркомом», редакционные остряки казенно шутили о «ежовых рукавицах», а услужливый народный акын Сулейман Стальский воспевал «орла и батыра Ежова».

В действительности в этом тщедушном карлике с худощавым лицом не было ничего не только богатырского, но драматического или демонического. Один из моих знакомых, знавший Ежова лично, рассказывал мне, что Ежов любил стихи Есенина да и сам сочинял лирические стихи. Надежда Мандельштам познакомилась с Ежовым еще до его исторической карьеры — в 1930 году на правительственной даче в Сухуми. Был он тогда «скромным и довольно приятным человеком», подвозил Мандельштамов на своей персональной машине в город, ухаживал за молодой литературоведкой и дарил ей розы, с удовольствием плясал русскую. Жена Ежова целыми днями в шезлонге читала «Капитал» Маркса и сама себе тихонько его повторяла [105].

Люди, работавшие до 1936 года под начальством Ежова в ЦК ВКП(б), где он заведовал промышленным отделом, с недоумением рассказывали затем, что Ежов вовсе не производил впечатления злодея или садиста. Он был обычным высокопоставленным партбюрократом и выделялся лишь тем, что особенно старательно выполнял любые указания руководства. В ЦК было указание организовать строительство заводов — он организовал. В НКВД было указание пытать и убивать — он пытал и убивал. Не Макбет и не Мефистофель, а выслуживавшийся номенклатурный чин стал одним из гнуснейших массовых убийц современности.

А указания поступали конкретные. Вот, например, резолюция на очередном выбитом бригадой «признании»: «Т. Ежову. Лиц, отмеченных мною в тексте буквами «Ар.», следует арестовать, если они уже не арестованы. И. Сталин». Или той же рукой на поданном Ежовым списке лиц, которые «проверяются для ареста»: «Не «проверять», а арестовать нужно» [106].

О том, что делать после ареста, также давались указания. Вот резолюция почтенного главы Советского правительства В. М. Молотова на не удовлетворивших его показаниях заключенного ленинца: «Бить, бить, бить. На допросах пытать». И это указание выполнялось.

Получались указания и для логического завершения процедуры. На XXII съезде КПСС цитировались рутинные докладные записки Ежова Сталину с просьбой дать разрешение приговорить перечисленных лиц «по первой категории», то есть к расстрелу. Разрешение давалось, и перечисленных тащили в подвал Лефортовской тюрьмы...

Ежов был исполнителем. Любой сталинский номенклатурный чин делал бы на его месте то же самое. Это не значит, что Ежова незаслуженно считают в СССР самым кровавым палачом в истории России. Это значит только, что любой сталинский назначенец потенциально являлся таким палачом. Ежов был не исчадием ада, он был исчадием номенклатуры.

14. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Ленинская гвардия была разгромлена и уничтожена. Победа сталинцев была полной.

После того, как цели ежовщины были достигнуты, Ежов был деликатно удален. Сначала его заместителем был назначен Берия, известный своей близостью к Сталину. Сам Ежов вдруг по совместительству стал наркомом водного транспорта. Ему и здесь было позволено еще пошуметь в связи с разрекламированным им методом стахановца Блиндмана. В декабре 1938 года Ежов был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел, а потом, разумеется, и от поста наркома водного транспорта, после чего исчез бесследно. Из кругов НКВД был распущен слух, что он сошел с ума и сидит на цепи в сумасшедшем доме — любопытная самооценка организаторов ежовщины. О судьбе Ежова хранилось молчание, только в вышедшем при Хрущеве учебнике по истории СССР неопределенно сказано, что Ежов-де «понес заслуженное наказание». Лишь

в 1990 году стало известно, что он был расстрелян 4 февраля 1940 года.

Сделавшего свое дело мавра действительно ликвидировали за ненадобностью. Но не подлежит сомнению, что ликвидация Ежова была осуществлена с непривычной мягкостью, можно сказать — нежностью. Не было ни проклятий в газетах, ни процесса с признаниями, ни обвинений в стремлении к реставрации капитализма, ни обычного сообщения о том, что приговор приведен в исполнение. Не было элементарных репрессий в отношении родственников, что неизменно сопутствовало аресту любого советского гражданина, не говоря уже о столь важной персоне. Родственники Ежова продолжали жить в Москве, они никогда не лишались московской прописки. Больше того: помню, как весной 1944 года я был глубоко поражен, когда, впервые придя в Наркомат просвещения РСФСР, увидел на двери табличку «А. И. Ежов» и узнал, что завотделом наркомата — родной брат бывшего сталинского наркома. Он даже не был вычеркнут из номенклатуры!

Если сам Ежов был устранен так деликатно, то его приспешники вообще не пострадали, а некоторые быстро пошли в гору. Заместитель Ежова Шкирятов был избран в члены ЦК ВКП(б) и вернулся на важный пост председателя Комиссии партийного контроля при ЦК. Вышинский был осыпан почестями: он стал членом ЦК, заместителем председателя Совнаркома СССР, министром иностранных дел СССР, академиком. Хрущеву пришлось преодолеть упорное молчаливое сопротивление партаппарата, чтобы исключить из партии Молотова, чья гнусная роль в ежовщине хорошо известна. Но беспартийный Молотов продолжал спокойно пользоваться всеми привилегиями, жил в огромной квартире в Доме правительства на улице Грановского и отдыхал в санатории Совета Министров СССР «Лесные дали». Сколько раз я встречал его в Ленинской библиотеке, в научном читальном зале № 1 — для академиков, профессоров и иностранных ученых, хотя кровавый старец не был ни ученым, ни иностранцем. В 1984 году Молотова восстановили в партии.

Любовная мягкость аппарата к руководителям операции по истреблению ленинской гвардии сочеталась с непреклонной суровостью к погибшим.

Излишне говорить, что никто не вспомнил о провозглашенном Хрущевым на XXII съезде партии намерении воздвигнуть в Москве памятник жертвам сталинских репрессий. Какой там памятник! По предложению Л. И. Брежне-

ва XXV съезд КПСС решил соорудить в Москве другой монумент — не тем уничтоженным в СССР коммунистам, а «героям международного коммунистического и рабочего движения, павшим от рук классового врага» [107].

В течение 50 лет заведомо фальшивые процессы 1936—1938 гг. так и не были пересмотрены. Советские историки находились в поистине трудном положении: были осужденные и их мнимые компаньоны фашистскими шпионами или нет? В СССР вообще не полагалось писать об этих процессах и о ежовщине: что писать

В то же время вышли и книги, и статьи о борьбе партии против троцкизма, левого и правого уклонов. Перед смертью Всеволод Кочетов опубликовал очередной косноязычный роман «Угол падения», живописующий предательство Троцкого и Зиновьева в годы гражданской войны. По указанию Отдела науки ЦК КПСС в советских исторических журналах были помещены разгромные рецензии на сборник со статьей дочери Бухарина — Светланы Гурвич, в которой она робко пыталась несколько обелить память отца. Смысл позиции ясен: народу хотели сказать, что, даже если процессы и были фальшивкой, все равно «двурушники» были уничтожены по заслугам.

Только после провозглашения «гласности», спустя полвека, насквозь фальшивые процессы наконец-то пересмотрены. Но даже этот скудный минимум запоздалой справедливости был осуществлен весьма неторопливо: зачем-то делали вид, что материалы процессов надо серьезно рассматривать,— как будто не было давно всем ясно, что речь шла о грубо сработанной кровавой фальшивке.

Почему, несмотря на все разоблачения культа личности и скороговоркой произносимые слова о «необоснованных репрессиях», «управляющие» в СССР столь демонстративно солидаризировались с тем, что было проделано в 1934—1939 гг.? Потому что, не произнося этого вслух, они превосходно знали: именно тогда ими был совершен прыжок к вершинам власти.

Вот некоторые его результаты в статистическом выражении.

Помните, в 1930 году среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий 69% были с дореволюционным партстажем? А всего через 9 лет, в 1939 году, среди лиц, занимавших эти посты, 80,5% вступили в партию позднее 1924 года, то есть после смерти Ленина. Да и остальные 19,5% отнюдь не члены организации профессиональных революционеров: 91% в этой группе моложе 40 лет,

то есть во время революции были несовершеннолетними. Так же выглядела и следовавшая за ними группа секретарей райкомов и горкомов партии: 93,5% со стажем после 1924 года, 92% моложе 40 лет [108].

Весьма показательно сравнение данных о XVII съезде партии (1934 год), официально именуемом «съездом победителей», и о XVIII съезде (1939 год).

Помните, на XVII съезде 80% делегатов вступили в партию до 1920 года? А через 5 лет, на XVIII съезде, половина делегатов оказалась моложе 55 лет — в 1920 году они еще были школьниками [109]. На XVII съезде из 71 члена ЦК всего 10 человек впервые избраны в этот орган, причем и они были по преимуществу с дореволюционным стажем. На XVIII съезде из 71 члена ЦК впервые избранных оказалось почти две трети — 46 человек, из них с дореволюционным стажем — всего четверо (в том числе заместитель Ежова Шкирятов). Из избранных на XVII съезде кандидатов в члены ЦК было меньше половины впервые вошедших в этот орган, а на XVIII съезде их оказалось 64 человека из 67, в том числе с дореволюционным стажем — двое [110].

Удивительного в этом нет. Вот что сообщил Хрущев в своем докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС: «Из 1956 делегатов... 1108 были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях (56,6%)» [111]. В том числе были, по официально принятому термину, «незаконно репрессированы» 97 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранного на XVII съезде (из общего числа 139 человек); кроме того, 5 покончили жизнь самоубийством и 1 (Киров) был убит в результате покушения. Из этих 97 уничтоженных (почти 70% состава ЦК) 93 были ликвидированы в 1937—1939 гг. Убивали их зачастую целыми группами: более половины из них были расстреляны за 8 дней [112].

XVII съезд был на деле не «съездом победителей», а съездом обреченных. Съездом победителей стал XVIII съезд.

Не только состав ЦК и съездов партии, но и статистические данные о составе КПСС в целом свидетельствуют о свирепости процесса классообразования в СССР. В 1973 году в КПСС было всего 702 члена с партстажем до 1917 года. А ведь в начале 1917 года их было 80 000. Только с марта по октябрь 1917 года в партию большевиков вступили 270 000 человек, а в ноябре — декабре 1917 года, после прихода большевиков к власти,— несомненно, еще

очень много людей. Сколько же из вступивших в 1917 году дожило до 1973 года? 3340 человек [113].

Таким образом, за эти годы исчезло более 90% тех коммунистов, которые под руководством Ленина боролись и победили. Что с ними случилось: умерли естественной смертью? Но ведь средняя (средняя, а не предельная!) продолжительность жизни в СССР — 67 лет. Нормальным образом должны были бы из этих коммунистов (большинство которых были в 1917 году молодыми людьми) дожить до 1973 года 25—30%, а не 1%.

Коммунистическую партию Франции назвали после войны le parti des fusillés — «партией расстрелянных». Но уж особенно подходит это название к ленинской партии большевиков.

Мы говорили здесь о ежовщине только в той мере, в какой она связана с происхождением номенклатуры, поэтому и остановились лишь на вопросе об истреблении ленинской гвардии. Но, конечно, подлинный масштаб ежовщины был значительно больше. Параллельно с ликвидацией ленинцев была проведена грандиозная операция по запугиванию всего населения страны массовыми арестами и отправкой миллионов рядовых граждан в страшные, по меткому выражению Солженицына, «истребительно-трудовые лагеря». Какого объема была эта операция, видно из сравнения итогов всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 годов. За 13 лет число жителей Советского Дальнего Востока выросло на 329%, Восточной Сибири — на 384%, а Севера европейской части страны — на 558%. Что произошло? Население бессовестно расплодилось? Нет. Восторжествовавшая номенклатура создавала гигантскую армию даровой рабочей силы — государственных рабов («з/к») и одновременно сковывала всех рядовых граждан леденящим страхом оказаться в числе этих несчастных.

Конечно, приведенные цифры — лишь частичка статистики неудержимого возвышения сталинской номенклатуры. Другая часть этой статистики погребена пока в архивах КГБ и МВД СССР. Это цифры десятков миллионов лет заключения из вынесенных приговоров, цифры умерших в тюрьмах и лагерях, погибших в ходе следствия, расстрелянных и замученных. Сегодня эта статистика заперта в сейфы и охраняется караулами автоматчиков. Но мир знает, что она есть. Когда-нибудь и она будет опубликована.

15. ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРОЦЕССА

Итак, процесс рождения нового господствующего класса в СССР осуществился в три этапа. Первым этапом было создание в недрах старого русского общества деклассированной организации профессиональных революционеров — зародыша нового класса. Вторым этапом был приход этой организации к власти в результате Октябрьской революции и возникновение двух правящих слоев: высшего — ленинского, состоявшего из профессиональных революционеров, и находившейся под ним сталинской номенклатуры. Третьим этапом была ликвидация ленинской гвардии сталинской номенклатурой.

Был ли исторический смысл у этого трехступенчатого процесса? Да, был. Как всегда в истории, где линия развития проходит по равнодействующей стремлений и усилий множества людей, каждый из этапов процесса имел свои социально-психологические основы.

Большевики-ленинцы не были донкихотствующими идеалистами, шедшими, подобно народовольцам, на гибель во имя неопределенной светлой цели. Они шли на риск, борьбу и лишения потому, что строй, против которого они выступали, не давал им никаких перспектив. Они не испытывали народовольческой романтической любви к «простому люду», и симпатия их к пролетариату была эгоистической, диктовалась тем, что в нем они усматривали единственную силу, способную свергнуть этот строй. Ленинскую гвардию не останавливало то, что она обманывала рабочих, обещая им «диктатуру пролетариата», хотя в действительности планировала собственную диктатуру. Ленинцы были уверены, что их диктатура будет в интересах пролетариата и всех трудящихся страны. В борьбе за свою власть они были безжалостны к другим, неразборчивы в средствах уничтожения противника, легко шли на сделки с совестью, но были убеждены в справедливости марксизма и искренне хотели создания предсказанного Марксом коммунистического общества. Ленин был не просто их вождем: он как личность был их воплощением.

Вождем и воплощением своей номенклатуры явился Сталин. Подобно тому, как он был не противоположностью Ленина, а доведением до логического конца ряда его черт, сталинская гвардия была в ряде пунктов продолжением ленинской. В борьбе за власть она тоже была безжалостна, но уже ко всем, в том числе и товарищам по

партии. Она была готова применить любые средства для уничтожения всякого, ей мешавшего,— в том числе ленинских гвардейцев. Сделки с совестью она просто заменила отсутствием совести. Она спокойно обманывала пролетариат, крестьянство, всех остальных, но, в противоположность ленинцам, не обманывала себя. Она не питала иллюзий, что стремится к благу трудящихся, и, довольствуясь словами об этом, сознательно рвалась только к собственному благу. Ее создатель Сталин, делая ставку наверняка, рассчитывал через продвижение в революционной партии сделать карьеру при любом варианте: в случае и победы, и поражения революции. Его назначенцы тоже лезли к власти независимо от ее цели. Евтушенко удачно сформулировал эту позицию сталинцев:

Им не важно, что власть — советская,
Важно, что она — власть.

Соответственно вопрос о правоте марксизма для сталинских аппаратчиков был вообще неинтересен, а уверенность в такой правоте они заменили марксистской фразеологией и цитатами. В действительности, несмотря на громогласное повторение, что коммунизм — светлое будущее всего человечества, вскарабкавшиеся на высокие посты ставленники Сталина меньше всего хотели бы создания общества, где не на словах, а на деле все работали бы по способностям и получали по потребностям. Если бы угроза возникновения такого общества стала реальной, мир оказался бы свидетелем неподражаемого зрелища: руководящие коммунисты пошли бы на баррикады, чтобы не допустить коммунизма.

В чем заключается исторический смысл того, что в период ежовщины сталинские назначенцы перегрызли горло ленинской гвардии? *В том, что в правящем слое общества коммунисты по убеждению сменились коммунистами по названию.*

Это историческое явление имело свою объективную основу и свой механизм. Основа состоит в том элементарном факте, что создание нового господствующего класса есть процесс, идущий в направлении, прямо противоположном процессу создания бесклассового коммунистического общества. Механизм же состоял в следующем. Пойдя по этому пути, ленинцы, естественно, удалялись от коммунизма, но делали они это неуверенно, непоследовательно, так как их действия расходились с их убеждениями. У сталинской номенклатуры, напротив, действия

по созданию и укреплению нового классового господства никогда не расходились с убеждениями: они расходились только с ее словами.

Было бы неверно считать различие незначительным. Именно по этой грани, а не по возрасту или партийному стажу пролег в конечном счете рубеж между уничтожавшими и уничтожаемыми при ликвидации ленинской гвардии. Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович, Шкирятов, Поспелов и другие были членами партии с дореволюционным стажем, но они оказались в лагере пожиравших, а не пожираемых, так как заблаговременно отрешились от марксистских убеждений и сохранили лишь марксистскую фразеологию для прикрытия единственного своего кредо: забраться возможно выше в новой системе классового господства.

Разумеется, и в дальнейшем продолжалась работа по совершенствованию процедуры пополнения номенклатуры и перемещения в ней. За это взялись сразу же после окончания войны. «В 1946 году была разработана и утверждена номенклатура должностей ЦК ВКП(б),— лаконично сообщает об этой деятельности многотомная «История КПСС».— В работу с руководящими кадрами вносились плановость, систематическое изучение и проверка их политических и деловых качеств, обеспечивалось создание резерва для выдвижения и строгий порядок в назначении и освобождении номенклатурных работников. Расширялась номенклатура должностей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов»[114]. После XIX съезда КПСС — последнего, проходившего при Сталине,— «была уточнена номенклатура должностей, утверждаемых ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами»[115].

Но все это были уже уточнения и дополнения. В целом же процесс рождения нового господствующего класса завершился. Номенклатура прочно взяла в свои руки власть в обществе.

*

Подведем итоги.

Механизм процесса рождения нового господствующего класса легко объясним и, в сущности, очевиден. В борьбе за открывшиеся места под социальным солнцем могли утвердиться в качестве членов этого класса только те, кто наиболее последовательно, без колебаний и сомнений, кратчайшим путем шел к цели: установлению своего

господства. С неизбежностью отбрасывались с пути и в жестокой борьбе погибали те, кто еще верил в правоту марксизма и в построение коммунистического общества. Такая вера была роковой слабостью в схватке за места в новом классе. Это понятно: успешно строить классовое господство, думая, что строишь бесклассовое общество, так же невозможно, как успешно заниматься планированием семьи, думая, что детей приносит аист.

Трехчленная схема рождения господствующего класса характерна не только для СССР. Всюду, где был установлен реальный социализм, развитие шло этим путем: аппарат подпольной (или находившейся в явной изоляции) коммунистической партии выступал в качестве зародыша нового господствующего класса, превращался после прихода к власти в организацию профессиональных правителей, быстро развивавшуюся в «новый класс», и в результате чистки подпольщики сменялись примкнувшими к победившей партии карьеристами. Повсеместное повторение этих стадий свидетельствует о том, что мы имеем здесь дело с исторически закономерным процессом.

Над этой закономерностью надо серьезно задуматься коммунистам в капиталистических странах. Те из них, кто наивно воображает, что после революции их ждут власть и величие, жестоко ошибаются. Многих из них ожидают лагерь, трибунал и расстрел, в благополучном случае — исключение из партии и прозябание на жалких должностях. Только для немногих — тех, кто быстро выбросит из головы все марксистские убеждения и заменит их одним, до конца последовательным стремлением любой ценой пролезть наверх,— откроется малопочетная перспектива стать палачами своих сегодняшних товарищей. К власти и славе придут не нынешние коммунисты, а те, кого они сегодня пренебрежительно рассматривают как мелкобуржуазный элемент.

Так выглядело в реальной жизни рождение господствующего класса: не в отдаленную эпоху «разложения родового строя», а на глазах у нынешнего поколения советских людей, которое, как обещает Программа КПСС, будет жить при коммунизме.

Поставленная в качестве эпиграфа к этой главе строфа Государственного гимна СССР была в 1977 году отредактирована: имя Сталина было опущено и все приписано Ленину. Напрасно: в строфе в общем все правильно — если не считать слов о «верности народу» и понимать специфический характер тех «подвигов», на которые Сталин вдохновил своих назначенцев.

Только петь строфу надо на два голоса: первую половину — старческим фальцетом ветерана ленинской гвардии, вторую — начальственным баском нынешнего номенклатурщика.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. В конце 1930-х гг. по указанию Сталина Дом ветеранов революции был ликвидирован. В здании было размещено Министерство социального обеспечения РСФСР.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 331.
4. См. там же, с. 324—325.
5. Там же, с. 334.
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 374.
7. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 437.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 177.
10. История КПСС, т. 1. М., 1964, с. 262.
11. «КПСС в резолюциях...». Изд. 7-е. М., 1953, ч. 1, с. 14.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
13. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.
14. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 189.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 51.
16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30—31.
17. Там же, с. 96.
18. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 127.
19. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 127.
20. XI съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1961, с. 27—28.
21. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 112.
22. Там же, с. 133.
23. Там же, с. 141.
24. Там же, с. 178.
25. Там же, с. 9.
26. См. H. Kohn. Basic History of modern Russia. Princeton, N. Y., p. 76.
27. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 268, 408.
28. Там же, с. 268.
29. См. G. Allen. The Rockfeller File. 1975.
30. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 1—13.
31. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.
32. Там же.
33. Там же, с. 90—91.
34. См. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 74, 77—78.
35. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
36. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 56.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 9—10.
38. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 131. (Курсив мой.— *М. В.*).
39. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 399.
40. Там же, с. 398.
41. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 365.

42. Там же, с. 367.
43. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 377—379.
44. Там же, с. 401.
45. Там же, с. 306—424.
46. Там же, с. 394.
47. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 328.
48. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 3.
49. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 177.
50. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.
51. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2.
52. См. «История СССР», 1973, № 1, с. 211—218.
53. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 192.
54. Там же, с. 200.
55. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 83.
56. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.
57. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200.
58. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.
59. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 201.
60. И. Сталин. Об основах ленинизма. М., 1950, с. 14.
61. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 14.
62. «Политическая экономия». Учебник. М., 1955, с. 378.
63. См. I. B. Berchin. Geschichte der UdSSR 1917—1970.— Berlin, 1971. S. 78.
64. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 222.
65. См. «История СССР», 1972, № 3, с. 162—163.
66. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 292—294.
67. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 107.
68. С. А. Лозовский. Практик революции. В ней: «Кормчий Октября (о В. И. Ленине в октябрьские дни)». М., 1925, с. 84.
69. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 139.
70. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 264.
71. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 90.
72. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 17.
73. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 146—147.
74. Там же, с. 205.
75. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 222, 252—253.
76. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 385.
77. Там же, с. 357.
78. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 295.
79. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 15.
80. Там же, с. 397.
81. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 32.
82. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 25.
83. Там же, с. 20.
84. В. Шульгин. Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин, с. 135—137.
85. «Правда», 28.02.1986.
86. XII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, с. 56.
87. Там же, с. 57.
88. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, с. 277.
89. «Справочник партийного работника». Вып. 2. М., 1922, с. 70.
90. «ВКП(б) в резолюциях...», т. 1, с. 560—561.
91. XII съезд ВКП(б), с. 56—57.
92. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 729.
93. XII съезд ВКП(б), с. 56.

94. См. M. Fainsod. How Russia is ruled, p. 158.
95. См. «Советская интеллигенция». М., 1968, с. 136—137.
96. См. «ВКП(б) в резолюциях...». т. 1, с. 561.
97. См. M. Fainsod, op. cit., p. 158—159.
98. Л. Троцкий. Новый курс. М., 1923, с. 12.
99. См. «Советская интеллигенция», с. 139.
100. См. M. Fainsod, op. cit., 2 nd ed., p. 190.
101. См. ibid., p. 191—194.
102. См. И. В. Сталин. Вопросы ленинизма.
103. См. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.— Л., 1931, с. 52.
104. С. Аллилуева. Только один год. Нью-Йорк, 1969, с. 334.
105. Н. Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970, с. 342—344.
106. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, с. 19.
107. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1976, с. 56.
108. См. M. Fainsod, op. cit., 2 nd ed., p. 196.
109. См. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 149.
110. Подсчет произведен по «Советской исторической энциклопедии», т. 7, с. 706—707.
111. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании, с. 18.
112. См. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12, с. 86—87.
113. «Правда», 17 июля 1973 г.
114. «История КПСС», т. 5, кн. 2. М., 1980, с. 225.
115. Там же, с. 396.

Глава 3

НОМЕНКЛАТУРА — ПРАВЯЩИЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

«Современный коммунизм — это не просто партия особого типа и не просто бюрократия, обязанная своим происхождением чрезмерному вмешательству государства в хозяйственную жизнь. Основная черта современного коммунизма — это именно новый класс собственников и эксплуататоров».

Милован Джилас. «Новый класс. Анализ коммунистической системы». Нью-Йорк, 1957, с. 78

Во второй половине дня 15 октября 1964 года я ехал из ЦК КПСС по центру Москвы. Городской партактив только что закончился, аппарату ЦК сказали о состоявшемся Пленуме и отставке Хрущева, руководство социалистических государств было поставлено в известность о происшедшем. Короткое информационное сообщение должно было быть передано по радио поздно вечером. Виктору Луи было разрешено продиктовать своей газете в Англии текст, подготовлявший западную прессу к официальному известию, а заодно поднимавший акции этого в ряде отношений полезного журналиста. Меня попросили сообщить о случившемся западным дипломатам в Москве через моего знакомого пресс-атташе посольства ФРГ Альфреда Рейнельта.

Люди на улице еще ни о чем не подозревали. Жизнь шла своим чередом, скоро предстояло развлечение — встреча космонавтов. Каждый принял бы за сумасшедшего того, кто сказал бы, что Хрущев два дня назад ушел на пенсию.

«Сталин умер сам,— думал я.— Лаврентия Берия ликвидировал Маленков, Маленкова выгнал Хрущев. Кто прогнал Хрущева?

Это не Брежнев и Косыгин, которые просто по формальным данным как первые заместители заняли освобожденные Хрущевым посты. Большинство в Президиуме ЦК? Нет, этого недостаточно: в июне 1957 года это большинство пыталось свергнуть Хрущева, а оказалось само разогнанным. Так кто же?»

На следующее утро в метро меня поразил вид людей:

вчера они были спокойными, а тут стали испуганными и подавленными. На лицах всех — печать неуверенности и озабоченности, как при Сталине. Кого они боятся? Ведь не Брежнева с Косыгиным, которых никто не знает. Было ясно: людей, еще вчера мало боявшихся говорливого толстяка с его прихотями и клоунадами, пугала сегодня мрачная анонимная сила, легко с ним разделавшаяся, сила, от которой они не ожидают ничего хорошего.

Эти памятные сутки заставили серьезно задуматься над вопросом: кто составляет эту силу? Кто такие «управляющие» в Советском Союзе?

1. «УПРАВЛЯЮЩИЕ» — НОМЕНКЛАТУРА

Ответить на этот вопрос — задача более сложная, чем можно подумать: «управляющие» постарались тщательно замаскироваться.

Опыт истории показывает, что господство каждого класса всегда было властью незначительного меньшинства над огромным большинством. Обеспечение устойчивости такой системы требует многообразных тщательно продуманных мер. Тут — прямое насилие над недовольными и угроза его применения в отношении потенциальных противников, экономическое давление и поощрение, идеологическое одурманивание и не в последнюю очередь — маскировка подлинных отношений в обществе.

Так было всегда. Власть класса феодалов маскировалась как освященная Богом власть короля и тех, кому он ее делегировал. Господствующий класс стремился скрыть факт своего господства.

«Новый класс» идет в своей маскировке еще дальше: он скрывает самое свое существование. В области теории выдвигается с этой целью сталинская схема структуры советского общества; в области практики класс «управляющих» употребляет все свое искусство мимикрии, чтобы представить себя частью нормального — хотя при реальном социализме всегда патологически раздутого — государственного аппарата, армии обычных служащих, которые есть во всех странах мира.

...Они так же являются на работу к 9 часам утра, сидят за письменными столами, звонят по телефонам, проводят часы на совещаниях, не носят формы или знаков различия — как их выделить? Где границы «нового класса»? Джилас несколько раз ставит этот вопрос, но так и не дает ответа

Да и нелегко его дать. Мы имеем дело не с социологической схемой, а с реальной общественной жизнью. В реальной же жизни границы между слоями общества всегда несколько размыты огромным многообразием отдельных случаев. В этих условиях сознательное стремление класса «управляющих» спрятаться в массе служащих делает границы этого класса вообще едва обнаруживаемыми.

Помогает одно решающее обстоятельство: у «нового класса» есть потребность — психологическая, а главное, практическая — самому очертить свою границу. Класс «управляющих» и его руководители должны сами точно знать, кто в него входит.

В этом — объективный смысл номенклатурной системы.

Она оформляет реально сложившееся классовое государство, отражая его в бюрократических категориях. Поэтому-то она технически и началась с составления списков, которые были для солидности названы замысловатым латинским термином «номенклатура».

Номенклатура и есть пресловутый «один из отрядов интеллигенции», «профессионально занимающийся управлением» и поставленный «в несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом». Ей и принадлежит «особое место в общественной организации труда при социализме». Зачисленные в номенклатуру и есть «лица, которые от имени общества... выполняют организаторские функции в производстве и во всех других сферах жизни общества». Номенклатура — та организованная Сталиным и его аппаратом «дружина», которая научилась властвовать, а в годы ежовщины перегрызла горло ленинской гвардии. Номенклатура и есть господствующий класс советского общества. «Управляющие» — это номенклатура.

Она знает это и окружает себя завесой секретности. Все данные о номенклатурных должностях хранятся в строгой тайне. Списки номенклатуры считаются совершенно секретными документами. Только крайне ограниченному кругу лиц рассылаются отпечатанные типографским способом в виде книжки с заменяющимися листами «Списки руководящих работников» — хотя, казалось бы, что в них секретного?

2. ГЛАВНОЕ В НОМЕНКЛАТУРЕ — ВЛАСТЬ

Живя в условиях капитализма, Маркс объявил основой классов собственность. Но является ли обладание собственностью важнейшим признаком номенклатуры?

Мы видели, что номенклатура возникла как историческое продолжение организации профессиональных революционеров, сделавшихся после победы революции профессиональными правителями страны. Номенклатура — это «управляющие». Функция управления — стержень номенклатуры.

С точки зрения исторического материализма, речь идет об управлении общественным производством. Во всех формациях господствующий класс осуществляет такую функцию. Но было бы неверно игнорировать существенную разницу в этом отношении между классом номенклатуры и классом буржуазии, управляющим общественным производством при капитализме.

Буржуазия руководит в первую очередь именно экономикой, непосредственно материальным производством, а уже на этой основе играет роль и в политике. Так пролег исторический путь буржуазии от ремесла и торговли, от бесправия третьего сословия к власти.

Иначе проходит исторический путь номенклатуры. Он ведет от захвата государственной власти к господству и в сфере производства. Номенклатура осуществляет в первую очередь именно политическое руководство общест вом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей. Политическое управление — наиболее существенная функция номенклатуры.

В своей совокупности номенклатура обеспечивает всю полноту власти в обществе. Все действительно подлежащие выполнению решения в стране реального социализма принимаются номенклатурой. Эта особенность делает необходимым четкое разделение политико-управленческого труда в номенклатуре.

Такое разделение существует, и правила его неукоснительно соблюдаются. Это ведь лишь посторонние наблюдатели полагают, что вся власть в СССР принадлежит Президенту, Политбюро ЦК или — что еще наивнее — всему ЦК КПСС. В действительности же, хотя власть этих инстанций огромна, она введена в определенные функциональные рамки. «Функциональные» потому, что такое ограничение власти не имеет никакой связи с демократией

или «либерализмом», а целиком определяется разделением труда в классе номенклатуры.

Так, Политбюро, разумеется, может назначить — или, как принято говорить, «рекомендовать» — председателя колхоза. Но это было бы вопиющим нарушением установленных правил и было бы встречено молчаливым недоумением номенклатуры (если, конечно, речь не шла бы о разжаловании в председатели колхоза кого-либо из высокопоставленных лиц, входящих в номенклатуру Политбюро). При повторении нарушения недоумение правящего класса быстро переросло бы в столь же молчаливое, но интенсивное неодобрение. Поэтому, казалось бы, всемогущее Политбюро таких экспериментов не проводит, и председателей колхозов уверенно назначают бюро райкомов партии.

Ясное осознание номенклатурой принципа разделения в ее рамках политико-управленческого труда нашло отражение и в номенклатурном жаргоне. На этом косноязычном, но всегда точно выражающем понятия волапюке принято говорить, что вышестоящие в номенклатуре не должны «подменять» нижестоящих.

Каждый номенклатурщик имеет свой отведенный ему участок властвования. Здесь заметно сходство режима номенклатуры с феодальным строем. Вся номенклатура является своеобразной системой ленов, предоставляемых соответствующим партийным комитетом — сюзереном его вассалам — членам номенклатуры этого комитета. Известно, что на заре средневековья эти лены состояли не обязательно из земельных наделов, но, например, и из права собирать дань с населения определенных территорий. Не кто иной, как Маркс, писал о «вассалитете без ленов или ленах, состоящих из дани». Номенклатурный «лен» состоит из власти.

Даже термин, применяемый в партжаргоне к номенклатуре, соответствует средневековому русскому термину, применявшемуся по отношению к вассалам: «посадить». О князе говорили в феодальной Руси, что сам он «сел на княжение», своих же ленников «посадил» в различные города и области; отсюда и термин «посадник» (княжеский уполномоченный). В сегодняшней советской номенклатуре вы тоже то и дело слышите, что товарища такого-то «посадили на министерство», «посадили на область», «посадили на кадры».

Главное в номенклатуре — власть. Не собственность, а власть. Буржуазия — класс имущий, а потому господ-

ствующий. Номенклатура — класс господствующий, а потому имущий. Капиталистические магнаты ни с кем не поделятся своими богатствами, но повседневное осуществление власти они охотно уступают профессиональным политикам. Номенклатурные чины — сами профессиональные политики и, даже когда это тактически нужно, боятся отдать крупицу власти своим же подставным лицам. Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа.

В составленной диссидентами в 1970 году так называемой «Ленинградской программе» хорошо сказано, что в номенклатурных сферах «особый воздух — воздух власти»[1]. Не знаю, много ли доводилось авторам программы бывать в этих сферах, но ощущение они передали очень точно...

Вы идете по чистому, словно вылизанному коридору здания ЦК КПСС. Новый, светлый паркет, светло-розовая солидная дорожка — такие только в ЦК и в Кремле. Маленькие тонконогие столики с сифонами газированной воды. На светлом дереве дверей — стандартные таблички под стеклом: напечатанные крупным шрифтом в типографии ЦК фамилии с инициалами, без указания должностей. Для членов Политбюро и для младшего референта таблички одинаковые — «внутрипартийная демократия».

Вы входите в кабинет. Письменный стол, слева от него — квадратный столик для телефонов, неподалеку — сейф; застекленные книжные полки; диван. У заведующего сектором — маленький столик с двумя креслами для посетителей, впритык к его письменному столу. У заместителя заведующего отделом — длинный стол для заседаний в стороне от письменного стола; в небольшой приемной сидит секретарша. У секретаря ЦК — большая приемная, где царит номенклатурный чин под названием «секретарь секретаря ЦК». Рядом — кабинет помощника. За просторным кабинетом «самого» — комната отдыха. На стенах — портреты: Ленин, генсек. Мебель стандартная, сделанная по заказу в конце 60-х годов, когда вывезли мрачную мебель сталинского времени, но особенно модернизировать не рискнули и создали своеобразный стиль — бюрократический полумодерн.

Вот он сидит за письменным столом — в добротном, но без претензий на моду костюме. Выбрит и пострижен ста-

рательно, но не модно. Ни анархической неряшливости, ни буржуазного лоска: тоже бюрократический полумодерн. Когда-то он — или его предшественник — изображал из себя представителя пролетариата, был революционен, груб и размашист. Потом он был молчалив и суров, сгусток стальной воли. Теперь он обходителен: справляется о здоровье и вместо грубого «ты давай сделай так!» или сурового «сделать так!» любезно говорит: «Как ваше мнение, Иван Иванович, может быть, лучше будет сделать так?» Но смысл неизменен: это — приказ.

И вот этим он упивается. Он отдает приказы — и все должны их выполнять. Пусть кто-нибудь попробует ослушаться! У него мертвая хватка бульдога, и он сумеет так проучить непокорного, чтобы и другим неповадно было.

Он фанатик власти. Это не значит, что ему чуждо все остальное. По природе он отнюдь не аскет. Он охотно и много пьет, главным образом дорогой армянский коньяк; с удовольствием и хорошо ест: икру, севрюгу, белужий бок — то, что получено в столовой или буфете ЦК. Если нет угрозы скандала, он быстренько заведет весьма неплатонический роман. У него есть принятое в его кругу стандартное хобби: сначала это были футбол и хоккей, потом — рыбная ловля, теперь — охота. Он заботится о том, чтобы достать для своей новой квартиры финскую мебель и купить через книжную экспедицию ЦК дефицитные книги (конечно, вполне благонамеренные).

Но не в этом радость его жизни. Его радость, его единственная страсть — в том, чтобы сидеть у стола с правительственной «вертушкой», визировать проекты решений, которые через пару дней станут законами; неторопливо решать чужие судьбы; любезным тоном произносить по телефону: «Вы, конечно, подумайте, но мне казалось бы, что лучше поступить так»,— и потом, откинувшись в своем жестком (чтобы не было геморроя) кресле, знать, что он отдал приказ и этот приказ будет выполнен. Или приехать на заседание своих подопечных: маститых ученых или видных общественных деятелей с громкими именами, сесть скромно в сторонке — и спокойно, с глубоко скрытым удовольствием наблюдать, как побегут к нему из президиума маститые и видные просить указаний.

Ради этого главного наслаждения своей жизни он готов расстаться со всем остальным: и с финской мебелью, и даже с армянским коньяком. После своего падения Хрущев говорил, что вот всем пресыщаешься: едой, женщинами, даже водкой, только власть — такая штука, что

чем ее больше имеешь, тем больше ее хочется. Побывавший сам на вершинах номенклатуры Джилас назвал власть «наслаждением из наслаждений».

Это наслаждение, сладостное для номенклатуры в масштабе городка, района, области, огромно в масштабе страны, раскинувшейся от Швеции до Японии. Но еще острее оно, когда можно вот так же по телефону вежливо отдавать приказы другим странам, запомнившимся по школьной географии как дальняя заграница. Варшава, Будапешт, Берлин, София, Прага, сказочно далекие Гавана, Ханой, Аддис-Абеба... Во время интервью в своем кремлевском кабинете Брежнев не удержался и показал корреспондентам «Штерна» телефон с красными кнопками прямой связи с первыми секретарями ЦК партий социалистических стран [2]. Нажмешь кнопку, справишься о здоровье, передашь привет семье — и дашь «совет». А потом откинешься на спинку жестковатого кожаного кресла и с сытым удовольствием подумаешь о том, как сейчас в чужой столице начинают торопливо приводить «совет» в исполнение.

После революций 1989 года в ряде соцстран эти возможности сократились; боссы номенклатуры глубоко огорчены, но надеются вернуть потерянное. Они ездят по разным столицам и произносят гладкие обкатанные речи: о мирном сосуществовании, о незыблемости границ, о том, что не может быть «экспорта революции». А перед их глазами встают заманчивые богатые страны, с детства знакомые по названиям великолепные города, которыми так чудесно было бы распоряжаться,— и новые кнопки. И новые кнопки.

3. СИСТЕМА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СССР

Политика Советского Союза, как и любого государства, представляет собой выполнение массы решений, принимаемых политическим руководством.

Кто принимает политические решения в Советском Союзе? Конституция СССР, казалось бы, дает исчерпывающий ответ. В ней перечислены органы государственной власти общесоюзные, республиканские и местные. Зафиксированная в Конституции СССР государственная структура Советского Союза довольно замысловата. Избиратели, а также «общественные организации» избирают 2250 народных депутатов СССР. Депутаты заседают на съездах народных депутатов и на основе ротации являют-

ся депутатами Верховного Совета СССР — собственно законодательного органа. Главой исполнительной власти является Президент СССР с весьма широкими полномочиями. Президент должен избираться на 5 лет, он издает указы, при нем состоят вице-президент, Кабинет министров и другие органы. В их числе короткое время существовал Президентский совет, который был распущен так же внезапно, как и создан.

Верховный Совет избирает Президиум в составе председателя, его заместителей (председатели Верховных Советов союзных республик) и членов Президиума. В промежутках между сессиями Верховного Совета СССР Президиум издает постановления, утверждаемые затем на очередной сессии Верховного Совета.

Верховный Совет СССР избирает также состав Верховного суда СССР и Генерального прокурора СССР. Пленумы Верховного суда дают указания о применении законов СССР, являющиеся толкованием, а в ряде случаев — фактически дополнением законов.

Как мы видим, законы и приравниваемые к ним акты издаются в СССР несколькими органами. Эта бурлящая своим плюрализмом демократия должна представиться читателю Конституции СССР особенно грандиозной, если он учтет, что в каждой из союзных республик и в каждой автономной республике СССР повторена в миниатюре та же структура: Верховный Совет (однопалатный), его Президиум, Совет Министров, Верховный суд, прокурор республики; там тоже издают законы, указы, постановления, распоряжения, указания, а на муниципальном уровне — в краях, областях, районах, городах, поселках и селах – издают обязательные постановления местных Советов народных депутатов.

Значит, вот кто и принимает все решения в СССР: народ через избранные им Советы разных степеней — не правда ли?

Нет, неправда. До самого недавнего времени народ в СССР не принимал ровно никаких политических решений, как, впрочем, и Советы. Все дело принятия решений в стране монополизировал класс номенклатуры, и эту свою монополию он оберегал с той же мрачной подозрительностью, с какой преследовал ослушников своих решений.

Однако за последнее время Советы разных степеней осмелели и стали принимать порой решения, неугодные номенклатуре. Трудно сказать, победят ли такие тенденции,

не вернется ли все к полному господству устоявшейся системы.

А она такова.

Хоть и отменена ст. 6 Конституции СССР, провозглашавшая КПСС «руководящей и направляющей» силой советского общества, реально мало что изменилось.

Центрами принятия решений класса номенклатуры являются не Советы, столь щедро перечисленные в Конституции СССР, а органы, которые в ней не названы. Это партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС. Они и только они принимали все до единого политические решения любого масштаба в СССР. Официальные же органы власти — лишь безжизненные луны, светящиеся отраженным светом этих звезд в системе класса номенклатуры.

Верховным органом партийных комитетов КПСС (как и других коммунистических партий) являются — в полном соответствии с партийным уставом — пленумы этих комитетов, то есть собрания всех их членов.

Но фактически не пленумы решают вопросы. Их решают бюро (в ЦК КПСС — Политбюро) и секретариаты партийных комитетов. Здесь принимаются окончательные решения. На рассмотрение пленумов выносятся лишь немногие из них, причем только для проформы.

Как происходит выработка решения?

Инициатива его подготовки и принятия может исходить как снизу, то есть от какого-либо ведомства, находящегося в сфере власти данного парткомитета, так и сверху, то есть от самого бюро, секретариата или от вышестоящего органа.

В первом случае ходатайствующее о решении ведомство должно направить в партийный комитет письмо с изложением своего ходатайства и обоснованием необходимости принятия решения. Должен быть приложен проект решения: это не значит, что он и будет принят, но номенклатурный орган должен быть осведомлен, о каком конкретно тексте решения просит ведомство. Прилагаются также справки и необходимые материалы; их размер ограничен жесткими нормами.

Во втором случае ничего этого не надо, достаточно словесного указания свыше, и, конечно, решение будет принято значительно быстрее.

Но этапы принятия решения будут в обоих случаях одни и те же.

Секретарь комитета даст указание заведующему

отделом подготовить проект решения, сообщив при этом, в каком духе он должен быть составлен.

Заведующий отделом сам, конечно, ничего писать не будет: это ниже его достоинства, он должен только подписывать, визировать или писать резолюции на бумагах. Он поручит заведующему соответствующим сектором или руководителю группы представить ему к определенному сроку подготовленный проект.

Заведующий сектором тоже сам писать не будет: он, правда, больше визирует, чем подписывает, и больше разъясняет устно, чем пишет резолюции, но сочинять текст решения тоже ниже его достоинства; немаловажным соображением является также то, что если он просто одобрил, то в случае неудачи всегда можно отговориться спешкой или самокритично признать недосмотр, а если бы он писал, то ответственный — только он. Поэтому заведующий сектором вызовет того из своих сотрудников, к компетенции которого относится подлежащий решению вопрос, и — уже подробно — изложит ему свои соображения насчет проекта решения.

Сотрудник, вернувшись в свою комнату, не сразу возьмется за перо. Он знает, что он и есть ответственный. Поэтому чем щекотливее дело, тем тщательнее он постарается разложить ответственность. Он поговорит с коллегами из тех отделов, компетенцию которых вопрос в какой-либо мере затрагивает, а также с руководителями заинтересованных ведомств. Ему, однако, даже в голову не придет поговорить с юристом; в партийных органах, в противоположность другим ведомствам, нет юрисконсультов: номенклатура стоит над законом.

Затем он сядет писать проект (если имеется проект, представленный ведомством, то опираясь на его текст). Решение бывает в большинстве случаев коротким. Если же речь пойдет о длинной резолюции, то готовить ее будет целая группа людей. Впрочем, такие резолюции пишут лишь для пленумов, конференций и съездов, то есть для постановки на сцене, бюро и секретариаты ограничиваются краткими — в пару строк — решениями.

Проект составлен и двинется наверх. Он будет показан заведующему сектором. Согласованный с ним вариант будет с визой заведующего сектором направлен заведующему отделом (или его заместителю). После того как и на этом уровне текст полностью согласован, он будет в нужном количестве экземпляров, подписанный заведующим (или заместителем заведующего) отделом и заведую-

щим сектором, представлен секретарю комитета. Когда, наконец, проект решения, как принято говорить, «доведен до кондиции», он будет поставлен на рассмотрение и голосование бюро или секретариата комитета.

Тут используются два метода.

Если вопрос сложный и считается нужным его обсуждение, он будет вынесен на заседание бюро или секретариата. На обсуждение этого вопроса вызывают обычно руководителей заинтересованных ведомств. Приглашаются они к определенному часу и допускаются в зал заседаний только на обсуждение данного вопроса; если руководитель ведомства вызван, например, на рассмотрение вопросов 19-й и 21-й повестки дня, то на время обсуждения 20-го вопроса он должен выйти и ждать в приемной. Многолетняя практика приучила к довольно точному соблюдению графика проведения заседаний, так что ждать приходится обычно недолго.

В тех случаях, когда обсуждения не ожидается, проекты решений рассылаются членам бюро или секретариата на так называемое «голосование опросом». Значительное число решений принимается таким путем.

После принятия решения оно включается под порядковым номером в протокол заседания бюро или секретариата парткомитета и фельдъегерской связью КГБ направляется с грифом «секретно» или «строго секретно» в заинтересованное ведомство. Все члены и кандидаты в члены партийного комитета будут ознакомлены с протоколом, но не могут оставить его у себя.

Таков был порядок принятия политических решений в СССР на любом уровне — от района (райкома КПСС) до всей страны в целом (ЦК КПСС).

Эти решения были обязательны для исполнения любым ведомством — и колхозом, и Советом Министров, и Президиумом Верховного Совета СССР. Ни один закон, ни одно постановление государственных органов не выходили в Советском Союзе без решения соответствующих партийных инстанций.

Такими решениями регулируются не только вопросы большой политики. Класс номенклатуры установил свою безраздельную монополию на решение не только всех сколько-нибудь существенных, но даже многих несущественных вопросов в стране.

Приведем пример:

Допустим, некоему академику исполнилось 60 лет. По этому случаю принято награждать юбиляра орденом —

обычно Трудового Красного Знамени. Громоздкая машина Академии наук СССР тщательно изучит этот рутинный и в общем пустяковый вопрос, напишет мотивированное представление к награде, снабдит его всеми документами и вообще всячески продемонстрирует, что юбиляр — не какой-нибудь либерал, а честный советский академик, пусть даже обогативший больше себя, нежели науку, но соответственно благодарный за эту возможность и потому без лести преданный партии и правительству. И все же Президиум Верховного Совета СССР не издаст Указа о награждении этого достойного человека, пока не получит трехстрочной выписки из протокола Секретариата ЦК КПСС с примерно таким текстом: «1001. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР наградить академика Неучева Митрофана Митрофановича за заслуги в развитии советской науки и в связи с 60-летием орденом Трудового Красного Знамени».

В таком же положении находилось и Советское правительство — Совет Министров СССР. Он тоже не мог при всех положительных аттестациях произвести даже самого талантливого генерала в следующий чин, пока не получал примерно такой выписки из протокола заседания Секретариата ЦК: «666. Рекомендовать Совету Министров СССР присвоить генерал-майору Македонскому Александру Филипповичу воинское звание генерал-лейтенанта».

Руководящие органы номенклатуры цепко держатся за свою монополию на принятие решений. В результате приходится несметное множество подлежащих решению вопросов проталкивать через узкое горлышко бюро и секретариатов. Эти органы превращаются в машины для принятия решений. Точнее сказать — для их штамповки, ибо ясно, что если на каждое заседание выносится по 30—40, а то и больше вопросов, то разобраться в них нельзя.

Так прямым следствием монополии бюро и секретариатов руководящих партийных комитетов на принятие решений оказалось то, что решения в большинстве случаев принимаются, по существу, не ими, а аппаратами этих комитетов, разделившими со своим начальством сладкое бремя власти.

Как выглядит такое разделение на практике?

Разумеется, не так, что секретарь обкома партии рассматривает инструктора или даже заведующего отделом обкома как равного и участвующего вместе с ним в

принятии решений. Дистанция между секретарем и его сотрудниками велика, секретарь устраивает им начальственные разносы и дает безапелляционные указания. Но он сам понимает: не может быть вся работа построена на его самодурстве. Поэтому решение большинства вопросов дается «на подготовку» аппарату.

Наименование «аппарат» очень подходит для этой части правящего класса. Каждый вопрос, попадающий туда, обкатывается, как валиками машины, утрясается, согласовывается — и в результате машина выдает текст решения. Не делайте брезгливую мину, читая это обычно до уродливости косноязычное произведение. Вдумайтесь в него — и вы убедитесь, что оно строго следует проводимой в данный момент линии, сформулировано с крайней осторожностью, позволяющей избегнуть критики с любой стороны, и вместе с тем обладает всей необходимой для практического решения четкостью. Этот своеобразный безликий сплав скудоумия и мудрости в подавляющем большинстве случаев имеет все шансы быть принятым членами бюро или секретариата.

Конечно, первый секретарь, который старался показать себя при Сталине руководителем суровым и волевым, при Маленкове — деловым, при Хрущеве — инициативным, а ныне — волевым, но вдумчивым и прогрессивным, хотя и без перехлестов, для демонстрации этих своих качеств изменит какой-то процент решений, но подавляющее большинство проектов пройдет.

Как и в ряде других случаев, эта ситуация нашла отражение в номенклатурном жаргоне. «Вопрос не решен, но предрешен»,— говорится обычно. Это значит, что аппарат уже выдал свой текст и ожидается лишь его штамповка на бюро или секретариате.

Участие партаппарата в принятии решений идет дальше подготовки проектов. Есть немало частных вопросов, которые считаются слишком мелкими, чтобы загружать ими бюро или секретариат. Часть из них решают единолично секретари, прежде всего — первый секретарь. Однако ряд таких вопросов решают работники аппарата, причем отнюдь не только заведующие отделами или их заместители, но и рядовые инструкторы (в ЦК они называются инспекторами и референтами). Круг работников партаппарата, которым делегированы полномочия решать единолично вопросы ограниченного масштаба, обозначается термином «ответственные работники». Это значит, что библиотекарша, машинистка или буфетчица ЦК КПСС

не может ничего решать. Но уже младший референт в аппарате ЦК, хотя его функции весьма скромны и в основном сводятся к работе технического секретаря или переводчика, уже может давать руководящие указания. Разумеется, приученные к крайней осторожности, работники партаппарата принимают единоличные решения лишь в сугубо рутинном направлении, когда практически исключена возможность быть дезавуированными руководством.

Номенклатурщики, не входящие в состав бюро, секретариата и в партаппарат, тоже осуществляют власть, но в пределах, очерченных политическими решениями руководящих органов класса номенклатуры и указаниями аппарата.

Есть все основания считать эти органы и их аппарат особой частью класса номенклатуры, его сердцевиной, формирующей всю политику.

4. ПУТЬ НАВЕРХ, ИЛИ КАК ФОРМИРУЕТСЯ НОМЕНКЛАТУРА

Давая в предыдущей главе определение номенклатуры, мы говорили, что это перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, и соответственно перечень лиц, которые такие должности замещают или находятся в резерве для их замещения.

Что же, принцип довольно ясен и логичен, нечто подобное есть и в несоциалистических государствах. Давайте все же проверим, насколько мы хорошо его поняли. Значит так: в соответствии с Конституцией министры СССР избираются Верховным Советом СССР или назначаются его Президиумом с последующим утверждением ближайшей сессией Верховного Совета; посол Советского Союза назначается непосредственно Президиумом Верховного Совета СССР (а ныне — Президентом СССР); заместитель министра назначается Советом Министров СССР; директор института Академии наук СССР на основании устава академии избирается ее общим собранием. Следовательно, министр — это номенклатура Верховного Совета СССР, заместитель министра — Совета Министров СССР, посол — Президиума Верховного Совета СССР, директор института — общего собрания Академии наук СССР. Правильно?

Нет, неправильно. Министр и посол — номенклатура Политбюро ЦК КПСС, заместитель министра и директор института — номенклатура Секретариата ЦК КПСС. Без

их соответствующего решения не будет ни голосования в Верховном Совете, ни указа его Президиума, ни постановления Совета Министров, ни выборов в почтенном общем собрании Академии наук.

Номенклатура в СССР, как и в других социалистических странах,— это номеклатура не формально назначающих государственных или общественных органов, а фактически назначающих бюро и секретариатов руководящих партийных комитетов. Таково абсолютное правило. Его надо твердо осознать для того, чтобы не делать ошибки и понимать: избираемый Собором Русской Православной Церкви Патриарх Московский и Всея Руси состоит в номенклатуре ЦК КПСС.

Как сложилась система, приводящая к столь оригинальному результату?

Исторически она берет свое начало, как и сам класс номенклатуры, от ленинской организации профессиональных революционеров. В эту организацию принимали — или, поскольку речь идет о профессионалах, точнее будет сказать, что в ее штат зачисляли, — по решениям ее руководящих органов. Изобретатель номенклатуры в ее ныне существующем виде Сталин формализовал этот порядок, превратив его из импровизированного действия подпольной организации в бюрократическую рутину правящего аппарата. На смену устному поручительству товарищей, принимавших в свою среду человека, с которым им предстояло делить тяготы и опасности нелегальной работы, появились пухлые номенклатурные дела, заполненные анкетами, автобиографиями и фотокарточками, характеристиками с подписью треугольника и справками КГБ.

Подверглись характерной трансформации и мысли, высказанные Лениным о подборе руководящих кадров. Ленин предвосхитил сталинскую идею создания номенклатуры, заявив: «Теперь «хозяином» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично *и открыто* дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба»[3]. Дело подбора руководителей разных масштабов Сталин действительно поставил «широко, планомерно, систематично». Только проводится оно не открыто, а совершенно секретно, и не государством, а руководящими органами номенклатуры, так как именно она, а не «рабоче-крестьянское государство» является хозяином в стране.

Укоренился и введенный Сталиным принцип подбора людей прежде всего по политическим признакам. Ленин в свое время писал, что руководящие кадры следует подбирать «а) с точки зрения добросовестности, б) с политической позиции, в) знания дела, г) администраторских способностей...»[4]. Как видим, и он считал знание дела второстепенным моментом по сравнению с политической благонадежностью. Однако на самый первый план Ленин выдвинул добросовестность назначаемого руководителя.

Сталину этот критерий явно показался излишним и уже не выдвигался при утверждении номенклатурных работников. После Сталина возврата к ленинским нормам в этом вопросе не произошло. XXIV съезд КПСС записал в своей резолюции: «Партия придает первостепенное значение тому, чтобы все участки партийной, государственной, хозяйственной, культурно-воспитательной и общественной работы возглавляли политически зрелые, знающие свое дело, способные организаторы»[5]. Добросовестности от номенклатуры по-прежнему не требуется.

Зато требуется другое: стремление занять руководящий пост и готовность сделать все, чтобы заслужить дальнейшее продвижение по иерархической лестнице. В прежних уставах КПСС традиционно красовались слова: «Партия очищает себя от карьеристов». В горбачевском уставе формула исчезла. Ограничились фразой в части IV Программы КПСС: «Попытки проникновения в партию по карьеристским соображениям должны решительно пресекаться». А как доказать, что именно данный товарищ вступил в КПСС по карьеристским соображениям,— ведь все вступают именно так! Это в партию, а уж в номенклатуру — тем более.

Всем хорошо известно, что карьеризм — главная психологическая черта всех номенклатурщиков. Оказавшись, таким образом, признаком номенклатуры, карьеризм твердо стал негласным критерием подбора номенклатурных кадров. Такая установка начала проникать даже в советскую печать, например, в следующей формулировке: «Для обеспечения нормального функционирования системы управления немаловажное значение имеет своевременное выдвижение работников на руководящие должности, а также продвижение перспективных руководителей на более высокие посты. Своевременно заметить *интерес специалиста к руководящей работе,* его организаторские способности, вовремя поддержать *его стремления* — важнейшая задача руководителя». Автор

цитируемой статьи с похвалой отзывается о практике создания в различных организациях группы резерва из «способных для работы на более высокой должности и заслуживающих дальнейшего продвижения»[6].

В данном случае в номенклатурном жаргоне употребляется слово «обойма». Об удачливом карьеристе, включаемом начальством в группу для продвижения, говорят: «вошел в обойму». В каждом значительном советском учреждении можно встретить такие «обоймы» людей, объединяемых, по выражению одного моего московского знакомого «пристальным отношением к своей биографии» и благоволением начальства. Именно из такой «обоймы» и совершается прыжок в номенклатуру.

Как технически он происходит? Каким образом жаждущий повышения, скажем, И. И. Иванов проникает в номенклатуру?

В глубине души товарищ Иванов будет руководствоваться теми же моральными принципами, что и бальзаковский Растиньяк или мопассановский Жорж Дюруа: пролезть наверх всеми путями. Если представится возможность, он охотно пойдет и по стопам «милого друга». Так совершил свою карьеру Аджубей — зять Хрущева. Так попал в номенклатуру доцент Никонов, бросивший семью и презревший угрозы парторганизации, для того лишь, чтобы жениться на дочери Молотова, отнюдь не блещущей красотой. Так стал академиком и заместителем председателя Госкомитета по науке и технике Джермен Гвишиани, муж дочери Косыгина. Можно было бы назвать не одного видного товарища из советской номенклатуры, совершившего свой путь наверх именно таким способом.

Но И. И. Иванов знает, что женитьба на начальственной дочке или успешный роман с номенклатурной дамой — дело счастливого случая и что, следовательно, не здесь пролегает столбовая дорога в номенклатуру. Нет нужды говорить, что товарищ Иванов вступил в партию, как только представилась такая возможность. Членство в партии — необходимая предпосылка карьеры, и несколько редкостных исключений лишь утверждают всеобщность этого правила. Советская народная мудрость отлила его в четкую формулу: «Хочешь жить — плати партвзносы».

Товарищ Иванов начнет с малого. Он будет агитатором на избирательном участке, потом — бригадиром агитаторов, парторгом группы, наконец, членом и затем — заместителем секретаря парткома. Во время всего этого восхождения по партийной лестнице Иванов будет прост и

скромен, исполнителен и трудолюбив. Он постарается создать себе среди товарищей по партийной организации репутацию человека хотя и принципиального, но доброжелательного. Свое заискивание перед начальством он будет старательно скрывать от коллег. В то же время, притворяясь перед всеми этаким «свойским парнем», он будет расчетливо подбирать круг своих приятелей, в который входили бы только «перспективные» и полезные люди — в идеальном случае вся «обойма». Потому что Иванов знает: чтобы сделать партийную карьеру, надо быть не одиночкой, а членом клики, где все поддержат друг друга, и суметь стать ее вожаком, ибо именно ему достается наивысший завоеванный кликой пост. Короче говоря, Иванову придется немало потрудиться и проявить большую расчетливость, упорство и актерский дар, чтобы выбраться на подступы к номенклатурным постам.

Наилучший подступ — место секретаря парткома. Это уже собственно наполовину номенклатурный чин: секретаря парткома утверждает бюро райкома партии, так что он уже входит в номенклатуру райкома — с той, однако, разницей, что должность у него не штатная и каждый год происходят перевыборы парткома. Это своего рода испытательный срок для кандидатов в номенклатуру. Если он пробудет секретарем только год и не будет переизбран, ясно, что он провалился. Нормальное время пребывания на посту секретаря — два года, лучше — три года. Поэтому товарищ Иванов, сделавшись секретарем, будет первый год заниматься тем, чтобы обеспечить свое переизбрание на второй, а во второй и третий годы постарается получить возможно более высокую должность — номенклатурную или в крайнем случае предноменклатурную. На жаргоне советских отделов кадров — он будет стремиться обеспечить себе «хороший выход». Успех зависит целиком от высшего начальства, а не от коллег Иванова по работе, так что он уже на этом этапе начнет постепенно меняться в отношении своих сослуживцев, будет с ними все более официален и прочно войдет в стоящую высоко над простыми смертными группу «руководства». В этой же группе Иванов будет показывать себя человеком надежным, на которого можно положиться в любом деле, требовательным к подчиненным и трогательно дружественным к членам группы.

Особую, поистине собачью преданность будет проявлять товарищ Иванов к главе этой группы — скажем, Петру Петровичу Петрову, номенклатурному чину, который

по своему положению имеет так называемое «право найма и увольнения» (а фактически право представления к зачислению) номенклатурных работников низшей категории. Привыкший к власти и уже успевший заметно от нее поглупеть, П. П. Петров оценит Иванова, смотрящего на него влюбленными глазами, говорящего о нем с тихим восхищением и готового сделать по его кивку любую подлость. Дрогнет суровое сердце под партбилетом и пропуском в кремлевскую столовую, и, когда откроется подходящая вакансия, товарищ Петров прикажет своему начальнику отдела кадров готовить «для засылки наверх» личное дело Иванова.

Предварительно П. П. Петров будет говорить с ответственным чином в аппарате назначающего парторгана — скажем, С. С. Сидоровым. Рассказав чину о том, как он в субботу и воскресенье охотился или был на рыбалке, П. П. Петров скажет: «Знаешь, Сидор Сидорович, у меня к тебе дело. Тут я на должность начальника управления подобрал хорошего мужика. Он, правда, еще не в номенклатуре, но парень растущий; три года был у меня секретарем парткома, надежный человек, не пьет, по женской части скандалов нет, как специалист разбирается в деле. Я думаю его представлять. Просьба к тебе, Сидор Сидорович: посмотри его и, если сочтешь возможным, поддержи».

Сидоров с непроницаемым выражением толстой физиономии коротко обронит: «Присылай дело, посмотрим».

Дальше все пойдет как частный случай подготовки и принятия решения парторгана.

Дело будет оформлено и направлено в партийный орган. Подчиненный Сидорова, получив дело, осторожно прозондирует, как относится его шеф к перспективе назначения Иванова («Сидор Сидорович, тут пришло дело от Петрова на Иванова...»), и, убедившись, что вопрос согласован («Да, Петров мне говорил»), подготовит запрос в КГБ: нет ли возражений против назначения товарища Иванова И. И. на такую-то должность. Через месяц-полтора придет ответ. Тем временем референт будет наводить справки о кандидате: вызовет к себе секретаря парткома управления и расспросит, какого мнения об Иванове в парторганизации, не было ли у него каких-либо неприятностей по партийной линии; поговорит с секретарем парткома министерства и с заведующим соответствующим отделом райкома, с секретарем райкома; посоветуется с теми из своих коллег, кто имел дело с Ивановым.

Смысл всех этих бесед прежде всего в том, чтобы разделить ответственность на случай, если Иванов впоследствии чем-нибудь себя опорочит. Тот же смысл имеют и представляемые на кандидата письменные материалы. Все характеристики пишутся по единому стандарту, отличить их одну от другой невозможно, да и не нужно: при редактировании характеристики из нее сознательно вытравляют всякую индивидуальность. Важно другое: что характеристика «положительная», подписана «треугольником» (руководитель ведомства, секретарь парторганизации, председатель профкома) и утверждена парткомом, райкомом, обкомом. В характеристике должно быть написано, на какой предмет она дана; если бы, обольщенный перечисленными в характеристике добродетелями товарища Иванова С. С. Сидоров подумал утвердить его не начальником управления, а сразу начальником главка, понадобилась бы новая характеристика, ибо считается возможным, что Иванов, исполненный доблестей в качестве кандидата на первый пост, явится отпетым мерзавцем в качестве кандидата на второй.

Короче говоря, вся так называемая «подготовка кандидатуры» проводится по принципу работы страховых компаний, путем перестраховки распределяющих между собой риск. Характерно, что сами термины «перестраховка», «перестраховщик» прочно вошли в жаргон советской номенклатуры и хотя употребляются в уничижительном смысле, ясно показывают направленность мышления.

Когда вся эта перестраховочная процедура будет закончена, референт подготовит проект решения, поставит на нем свою визу, и проект будет пущен в ход. Сначала он будет дан на визирование ответственным работникам аппарата, потом — на голосование на решающем уровне.

Голосуют члены того партийного аппарата, в номенклатуру которого зачисляется товарищ Иванов. На низшем уровне — бюро райкома или горкома партии, на среднем — бюро обкома или крайкома, секретариат или бюро ЦК компартии союзной республики; на высшем — Секретариат или Политбюро ЦК КПСС.

Если на низшем уровне решения о назначениях принимаются на заседаниях бюро, то в более высоких органах они обычно принимаются путем опроса. Подготовленный проект решения, как принято говорить, «пускается на голосование», то есть дается на подпись членам соответствующего парторгана. Поскольку и здесь, разумеется, действует принцип перестраховки, на подложенном

втором экземпляре проекта должны быть визы руководящих работников аппарата, ответственных за подготовку проекта. Первым подписывает секретарь комитета, ведающий той отраслью номенклатуры, куда должен войти товарищ Иванов.

Когда решение, как принято говорить на номенклатурном жаргоне, «вышло», или «состоялось», оно изготовляется начисто и выглядит так. На бланке с черной надписью сверху «Коммунистическая партия Советского Союза. Центральный Комитет» (или «Московский городской комитет», или «такой-то районный комитет») ставится дата, пометка «Строго секретно» и, отступя, номер решения и его подчеркнутое заглавие («1984. Об утверждении тов. Иванова И. И. начальником управления...»), а затем — традиционно лаконичный текст, повторяющий заглавие: «Утвердить тов. Иванова Ивана Ивановича начальником управления...». Ниже ставится подпись: «Секретарь ЦК» (ГК, РК) и его факсимиле. На подписи — аккуратный оттиск круглой печати: по кругу «Коммунистическая партия Советского Союза», в центре вытянутым фигурным шрифтом — «ЦК» (или другой комитет).

Оформленная таким образом бумага направляется в то ведомство, которое формально назначает на данную должность. Офицер фельдъегерской связи КГБ привозит эту бумагу в светло-зеленом конверте с надписью «Секретариат ЦК КПСС» (или другой принявший решение комитет). Передать бумагу полагается начальнику лично, и он сам должен расписаться на квитанции, приклеенной к конверту. Если товарища Петрова нет, фельдъегерь должен звонить своему начальству и только с его разрешения может оставить бумагу под расписку секретарше Петрова. Начальник сам вскрывает пакет и по прочтении сдает бумагу в секретную часть, где она будет храниться в сейфе в папке «Решения директивных органов». На основании этой бумаги (однако без ссылки на нее) Петров издает свой приказ о назначении. Товарищ Иванов И. И. включен в номенклатуру. Вкусивший от сладкого плода власти еще на посту секретаря парткома, он может наслаждаться теперь ею неограниченное время.

5. «НОМЕНКЛАТУРА НЕОТЧУЖДАЕМА»

Неограниченное ли? Можно ли исключить из номенклатуры?

Этот на первый взгляд наивный вопрос имеет серьезный социальный смысл.

Формально, конечно, можно. Юридически включение в номенклатуру — всего лишь назначение на должность, внесенную в список номенклатурных должностей. Значит, казалось бы, переход на другую должность, не находящуюся в этом списке, означает автоматически исключение из номенклатуры.

Но это только формально так. В действительности вошедший в номенклатуру товарищ с полным основанием может считать, что находится в ней прочно. Если не будет никаких потрясений и массовых чисток, если он не навлечет на себя гнев высшего начальства, если он будет в дружеских отношениях с влиятельными коллегами по номенклатуре и будет соблюдать все ее писаные и, главное, неписаные порядки, то он должен попасть в очень уж скандальную историю, чтобы быть выброшенным из номенклатуры.

Может быть, тут и рассуждать не о чем? Просто номенклатурщик будет продвигаться вверх, а потому все последующие должности тоже, естественно, окажутся номенклатурными. Таково, как известно, положение в офицерском корпусе всех армий и в чиновничестве. Хорошо, номенклатура — не армия. Но, может быть, она чиновничество?

Хотя официально в социалистических странах чиновничества нет, номенклатура охотно разрешила бы посторонним наблюдателям считать ее чиновничеством. Она старательно маскируется под обычный административный аппарат и готова молчаливо согласиться с тем, чтобы ее принимали за любую категорию этого аппарата — только бы не было раскрыто то, что она класс. К сожалению, исследователь не может удовлетворить это страстное желание номенклатуры.

Чиновничество в демократических странах — сила подчиненная, исполнительская. Она обслуживает государство. Несменяемость чиновников, гарантированное им постепенное продвижение и повышенная пенсия — это компенсация, которую государство дает своим слугам, получающим значительно меньшее жалованье, чем служащие частного сектора. Такая компенсация лишь внешне имеет некоторые черты сходства с привилегиями господствующего при реальном социализме класса номенклатуры.

По существу же между чиновничеством и номенкла-

турой ничего общего нет. В этом легко убедиться, поставив вопрос: кто является определяющей силой для чиновничества и для номенклатуры, чью волю они выполняют? Тут и выяснится, что чиновники выполняют приказы государственных органов, тогда как номенклатура сама диктует свою волю этим органам — через решения, мнения и указания руководящих партийных инстанций. Чиновники — привилегированные слуги, номенклатурщики — самовластные господа.

Не удивительно, что при ближайшем рассмотрении оказываются различными и те черты положения чиновников и номенклатурщиков, которые сначала показались общими. В номенклатуре нет характерной для любого чиновничества жесткой иерархии рангов, обеспечивающей сравнимость чиновничьих постов в различных сферах государственной структуры. А главное — в номенклатуре нет составляющего суть чиновничества планомерного перемещения всех чиновников вверх по ступенькам этой иерархической лестницы.

Конечно, бывает такой вариант номенклатурного пути: директор завода — начальник управления — начальник главка — заместитель министра — министр. Но есть немало удачливых номенклатурщиков, которые движутся по другой траектории: директор текстильного комбината — директор приборостроительного завода — директор мукомольного комбината, а то и так: редактор областной газеты — заместитель министра местной промышленности республики — заведующий сельскохозяйственным отделом обкома партии. Легко меняются специальности, кабинеты и персональные машины, незыблемой остается принадлежность к номенклатуре.

Эта незыблемость гарантируется самим порядком формирования номенклатуры. Освобождает от номенклатурной должности тот орган, который на нее утверждал. Но правило таково, что освобождают от одной должности, назначая тут же на другую (или в связи с уходом на пенсию). Значит, освобожденного номенклатурного работника назначает на новую должность тот же орган, а назначать он может только на номенклатурные должности. Так самой структурой власти обеспечена незыблемость пребывания в номенклатуре.

Мы упомянули уход на пенсию. Казалось бы, уж тут-то, поскольку никакой должности человек больше не занимает, принадлежность к номенклатуре автоматически прекращается. Ничего подобного. Просто меняется

обозначение: вместо номенклатурного работника товарищ именуется отныне персональным пенсионером местного, республиканского или союзного значения. Смысл этого нелепого названия в том, что персональная пенсия утверждена ему в первом случае бюро горкома, райкома или обкома партии; во втором случае — бюро ЦК компартии союзной республики; в третьем — Секретариатом или даже Политбюро ЦК КПСС. Это уже известная читателю схема классификации номенклатуры. Пенсия оказывается не персональной, а номенклатурной.

Бывают случаи удаления провинившегося из номенклатуры? Они нередки были при Сталине. В таких случаях обычно происходило физическое уничтожение изгоняемого. Этот порядок доходил до самых верхов номенклатуры. Достаточно напомнить о члене Политбюро Вознесенском и секретаре ЦК ВКП(б) Кузнецове, ликвидированных по так называемому «ленинградскому делу» в 1950 году, или о том, что Молотов числился «ближайшим другом и соратником» Сталина, а жена Молотова — Полина Семеновна Жемчужина — сидела в это время в лагере. Хрущев вспоминал на XX съезде партии, с каким страхом он с Булганиным — члены Политбюро! — ездили к Сталину, каждый раз не зная, вернутся ли назад.

Впрочем, случалось и тогда, что изгнанного оставляли жить. Я знал секретаря ЦК Компартии Казахстана Мохамеджана Абдыкалыкова, который после своего падения в конце 40-х годов работал рядовым редактором в Казахском государственном издательстве.

После смерти Сталина нравы изменились именно в этом направлении. Хотя Берия и его ближайшие компаньоны были расстреляны, менее близкие его сообщники уцелели. Анатолий Марченко сообщает, что в начале 60-х годов во Владимирской тюрьме в хорошо обставленной камере сидели сытые «бериевцы», явно находившиеся в привилегированном положении[7]. Отец очаровательной девочки, с которой у меня был сентиментальный школьный роман, генерал Афанасий Петрович Вавилов, бывший в последние годы Сталина заместителем Генерального прокурора СССР по особо важным делам и тем самым высшим прокурором по делам Министерства государственной безопасности СССР, был за свои, несомненно, гнусные преступления просто разжалован и послан работать в районную прокуратуру в Сибирь.

Появилась новая, не известная в сталинские времена черта: даже падшие ангелы номенклатуры сохраняли

отблеск своего благородного происхождения. Я хорошо знал симпатичного и умного А. А. Лаврищева. Любимец Сталина, бывший в годы войны на трудном посту посла СССР в союзной с Гитлером Болгарии, член советской делегации в Потсдаме, Лаврищев в 1956 году был снят с должности советского посла в Демократической Республике Вьетнам, выгнан из Министерства иностранных дел СССР и послан на научную работу, которой никогда прежде не занимался. Но вот назначен он был не рядовым научным сотрудником, а сразу получил персональный оклад и стал заведующим сектором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Вскоре он был сделан секретарем партбюро этого института. Заведующим сектором того же института стал и выгнанный вместе с Лаврищевым советский посол в Югославии Вальков. Занимавшийся делами Испанской компартии референт Международного отдела ЦК КПСС Коломийцев в пьяном виде попал в милицию и буянил там, тыча в нос милиционерам свое служебное удостоверение. Работающие в милиции садисты, привыкшие по ночам избивать беззащитных пьяниц, не решились, конечно, прикоснуться к номенклатурной персоне, а робко позвонили о случившемся в ЦК. Из ЦК Коломийцев был удален — тоже на научную работу и очень скоро был назначен заместителем директора Института Латинской Америки Академии наук СССР.

Положение номенклатурщика настолько устойчиво, что ему сходят с рук даже политические погрешности — разумеется, в определенных рамках. Занимавшийся в Международном отделе ЦК КПСС германскими делами Павел Васильевич Поляков сопровождал однажды Ульбрихта и, изрядно напившись армянского коньяка, стал в машине делиться с высоким гостем своими мыслями о том, что все немцы, в том числе в Германской Демократической Республике,— фашисты. Творец теории «социалистического человеческого сообщества» — перелицованного гитлеровского «народного сообщества», почувствовав себя уязвленным, тут же высадил Полякова из машины и немедленно пожаловался в ЦК КПСС. Но Поляков не был исключен из партии, а был направлен в ту же многострадальную Академию наук в качестве ученого секретаря Института всеобщей истории. Он так и остался в Институте всеобщей истории, насчитывающем более 200 научных сотрудников, единственным обладателем персонального оклада, по-прежнему преисполненным

важности в связи со своим номенклатурным прошлым.

Даже такой тяжкий при реальном социализме политический грех, как принадлежность к группировке, проигравшей в борьбе за руководящие посты, не ликвидирует у побежденных ореола номенклатуры. Председатель Комитета молодежных организаций СССР Павел Решетов, принадлежавший к группе Шелепина, при создании в ЦК КПСС Отдела информации занял высокий пост заместителя заведующего этим отделом. Важность поста навлекла на Решетова удар в операции по разгону шелепинцев: после ликвидации отдела могущественный замзав получил смехотворную должность главного редактора тогда никем не читаемого журнальчика «Век XX и мир». Но, хотя Решетов имел там всего трех подчиненных, он как главный редактор продолжал оставаться в номенклатуре Секретариата ЦК КПСС. Позже он снова возвысился, став заместителем председателя Гостелерадио.

Я привел только несколько примеров. Почитайте советские газеты — вы нередко встретите там сетования по поводу того, что даже заведомо провалившиеся работники просто перемещаются на новую номенклатурную должность. Но сетования продолжаются уже много лет, а порядок не меняется — верный признак того, что газетные вздохи предназначены лишь для успокоения рядовых читателей.

Даже в тех редких случаях, когда человек формально выбывает из номенклатуры, он остается привилегированным по сравнению с обычными гражданами и до конца дней своих сохраняет отблеск номенклатурного величия.

«...*Номенклатура неотчуждаема* так же, как и капитал в буржуазном обществе,— говорится в «Ленинградской программе» участников Демократического движения в СССР.— Она служит правовой основой нашего строя аналогично праву частной собственности при капитализме»[8].

Это то явление, о котором писал Маркс: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»[9].

Номенклатура именно потому неотчуждаема, что она не должность, а класс.

Как мы видели, эта неотчуждаемость возникла не сразу. Сталин явно не был склонен предоставлять своему

детищу такую привилегию. Истребив, в соответствии с волей номенклатуры, ленинскую гвардию, Сталин упорно оставлял за собой право и в дальнейшем уничтожать любого, независимо от его принадлежности к номенклатуре.

Мне запомнилась точная формулировка ситуации, данная Дмитрием Петровичем Шевлягиным, впоследствии заведующим упомянутым выше Отделом информации ЦК КПСС. Как-то в 1952 году поздним вечером я был у Шевлягина в ЦК, где он занимал тогда пост заведующего итальянским сектором во Внешнеполитической комиссии — нынешнем Международном отделе ЦК. Нашу беседу прервал звонок по «вертушке»: руководящий работник МИД спрашивал о перспективах дела некоей пары, где он был итальянцем, а она — русской.

— Какие же перспективы,— как всегда неторопливо произнес в трубку Шевлягин.— Органы занимаются этим делом серьезные. Итальянца, возможно, вышлют, а она — советская гражданка, так что ее судьба целиком в руках органов.

Четко осознанный факт, что судьба не только обычного советского гражданина, но и номенклатурного работника целиком в руках свирепых бериевских органов, вызывал молчаливое, но глубокое недовольство номенклатуры. После смерти Сталина оно отлилось в формулу, что «Сталин и Берия поставили органы безопасности над партией и государством».

Нежелание Сталина обеспечить неотчуждаемость номенклатуры являлось фактически единственным кардинальным пунктом ее расхождения со старым диктатором. Это проявилось уже на XX съезде КПСС. Внимательно прочитайте наконец-то опубликованный текст доклада Хрущева на закрытом заседании съезда — вы убедитесь, что речь там шла только о репрессиях Сталина в отношении номенклатуры. Судьба миллионов рядовых советских людей, истребленных и заключенных при Сталине, явно не интересовала делегатов съезда.

Со свойственной ей определенностью политического мышления номенклатура породила формулу того, что она инкриминирует Сталину. Это не массовые репрессии, не жестокие репрессии, а *необоснованные* репрессии. Если не считать заведомо запоздалых, а потому неискренних вздохов о ленинской гвардии, под категорию «необоснованных» подводятся репрессии только против членов класса номенклатуры. Остальные были, видимо, обосно-

ванными, и во всяком случае репрессированных не жалко: это были обычные советские граждане, судьба которых, естественно, и была полностью в руках органов. Можно не сомневаться, что «Один день Ивана Денисовича» был бы встречен номенклатурой гораздо приветливее, если бы Солженицын сделал своего Шухова не безвинно пострадавшим колхозником, а безвинно пострадавшим секретарем обкома.

Партийное руководство после Сталина в несколько приемов провело перетряхивание органов госбезопасности: в 1953 году в связи с прекращением «дела врачей», в 1953—1954 годах — в связи с делом Берия, в 1955 году — после падения Маленкова, в 1956 году — после XX съезда партии. Партаппарат подмял под себя разворошенные органы госбезопасности и решительно пресек их вольности в отношении номенклатуры. Из таинственного страшилища, перед которым дрожали даже руководящие работники ЦК, эти органы стали тем, чем они являются теперь: тесно связанной с партаппаратом и подчиненной ему тайной политической полицией. Соотношение примерно таково: старшее звено в аппарате КГБ докладывает среднему звену (инспекторы, инструкторы, референты) соответствующего партийного органа.

Контроль над КГБ был поручен Отделу административных органов ЦК КПСС. В нем имелся сектор органов КГБ — единственный сектор, фамилию заведующего которым не печатали даже в служебном списке телефонов ЦК, просто было написано «Зав. сектором»: как в известном рассказе Юрия Тынянова «Подпоручик Киже», зав.— «персона секретная, фигуры не имеет».

Но, конечно, не загадочный зав. сектором, а сам заведующий отделом фактически осуществлял наблюдение за влиятельными «органами». Наблюдение было пристальным и, вероятно, не всегда приятным. Во всяком случае именно с этим связывали в Москве авиационную катастрофу, происшедшую около Белграда через несколько дней после падения Хрущева: там, по неясным причинам сойдя с обычной трассы, разбился о гору Авала самолет с советской правительственной делегацией, в составе которой был назначенный Хрущевым заведующий Отделом административных органов ЦК Миронов. Говорили, что он уж очень мешал Шелепину в бытность его председателем КГБ, а затем его преемнику Семичастному — обоим наиболее ретивым организаторам свержения Хрущева.

О том, насколько непростой этот пост — заведующего

Отделом административных органов ЦК, свидетельствовало и то, что послехрущевское коллективное руководство еще пару лет не могло договориться о кандидатуре нового заведующего. Утвержден был новый заведующий — Савинкин — уже тогда, когда с возрастанием роли КГБ поднялся и уровень контроля над ним. Этим делом занялся секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов, имевший давний опыт партийной работы с «органами»: более 40 лет назад, когда я имел случай познакомиться с И. В. Капитоновым, этот суровый круглолицый человек, по-военному подтянутый, был секретарем по кадрам Краснопресненского райкома партии Москвы.

Хотя включение председателя КГБ Ю. В. Андропова в число членов Политбюро, а затем его избрание Генеральным секретарем ЦК сделало еще менее значительной роль безымянного зав. сектором, верхушка класса номенклатуры продолжает ревниво следить за тем, чтобы «органы» не вышли из-под ее контроля.

Важной вехой на этом пути стало решение апрельского (1973 года) Пленума ЦК КПСС о том, что председатель КГБ СССР должен — наряду с министром обороны и министром иностранных дел — входить в состав Политбюро.

В октябре 1988 года Отдел административных органов получил благообразное название: Государственно-правовой отдел, но суть его функций не изменилась.

Укрощение КГБ явилось наиболее важным шагом к неотчуждаемости номенклатуры. Остальное легко улаживается на основе культивируемых в номенклатуре круговой поруки и кастового духа.

Неотчуждаемость номенклатуры — важная гарантия для «нового класса». В советской пропаганде неизменно подчеркивается значение таких социалистических завоеваний, как бесплатное обучение, низкая квартплата. О социалистическом завоевании «нового класса» — неотчуждаемости номенклатуры — пропаганда молчит. Между тем из всех социалистических завоеваний именно это имеет наибольшее значение для формирования всего уклада жизни в условиях реального социализма.

6. КЛАСС ДЕКЛАССИРОВАННЫХ

В нацистском рейхе всегда ценилось арийское, в Советском Союзе — пролетарское происхождение. Советские пропагандисты немало потрудились, чтобы найти дока-

зательства неарийского происхождения нацистских главарей. Труды не увенчались успехом: несмотря на явно ненордическую внешность, евреями они не оказались. Те же пропагандисты еще более усердно трудились, чтобы найти доказательства пролетарского происхождения советских вождей. И эти труды не увенчались успехом: несмотря на все попытки вождей изображать из себя потомственных пролетариев, рабочими они никогда не были.

Ничего удивительного в этом нет. Как мы видели, и Ленин, создавая зародыш класса номенклатуры — организацию профессиональных революционеров, отнюдь не стремился формировать ее из рабочих. Набившиеся в сталинскую номенклатуру карьеристы тоже не обязательно были выходцами из рабочего класса.

Но открыто признать это было неимоверно трудно. Партия выдавалась за «передовой отряд рабочего класса», «организованный отряд рабочего класса», «высшую форму классовой организации пролетариата»[10].

Одна легенда порождала другую. Было провозглашено, что руководство и аппарат партии целиком относятся к рабочему классу. И вот оплывшие нежным жирком партработники, ни часу в жизни не пробывшие в цехе, выводили холеной рукой в анкете в графе «социальное происхождение»: «рабочий». Смехотворность процедуры была явной: вздох облегчения пронесся по номенклатурным кабинетам, когда партия была, наконец, объявлена «общенародной». Но и до сих пор нет-нет, да помянут, что какой-либо руководящий номенклатурщик начинал-де свою трудовую жизнь рабочим. Это мыслится как иллюстрация тезиса о том, что в СССР стоят у власти представители рабочего класса, осуществляющего таким образом свою руководящую роль в советском обществе.

Между тем то, что многолетний секретарь обкома 40 лет назад был в течение одного года рабочим, отнюдь не доказывает, что он сейчас — представитель рабочего класса. Во время войны мы, студенты Московского университета, были направлены на сельскохозяйственные работы, так что я начинал свою трудовую деятельность рабочим совхоза; не называюсь же я теперь по этому поводу пролетарием?! Пребывание такого, с позволения сказать, бывшего рабочего на посту секретаря обкома отнюдь не свидетельствует, что страной управляет рабочий класс. Немало американских миллионеров старшего поколения начинали, как известно, чистильщиками сапог,

но это не значит, что господствующим классом США являются чистильщики сапог.

О роли классов в обществе свидетельствует положение не тех, кто этот класс покинул, а тех, кто в нем остается. Рекламой якобы рабочего происхождения отдельных номенклатурщиков советская пропаганда доказывает, не желая того, что руководителем в СССР можно стать, только покинув рабочий класс. Вот класс номенклатуры советские руководящие чины не покинули, а все благополучно в нем пребывают.

Впрочем, неверно полагать, что большинство обкомовских секретарей и вообще номенклатурщиков хоть когда-нибудь, хоть одну недельку числились рабочими. Из каких социальных групп рекрутируется номенклатура?

Попробуем поискать ответ в скудных статистических данных, проникших в печать только благодаря понятному желанию партийной пропаганды показать «народный» характер номенклатуры.

Журнал ЦК КПСС «Коммунист», как всегда с законной гордостью, сообщил, что 80% секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов КПСС, а также около 70% министров и председателей госкомитетов СССР — выходцы из рабочих и крестьян[11].

Гордиться нечем. 70—80% — ниже, чем процент рабочих и крестьян в партии даже в те годы, когда эти ведущие номенклатурщики начинали свою карьеру: так, в «год великого перелома», в 1929 году, доля последних составляла 87,7% членов ВКП(б) [12]. Зато названные 70—80% в полной мере совпадают с долей рабочих и крестьян в населении страны в целом. В чем же тогда специфика социального состава этого авангарда в передовом отряде рабочего класса? Присмотримся к статистике повнимательнее.

Почему цифра дана для рабочих и крестьян вместе? Речь идет о кадрах партии рабочего класса в условиях диктатуры пролетариата, крестьяне здесь, казалось бы, не нужны.

Нет, нужны. Почитайте появляющиеся то и дело в советской печати однотипные некрологи номенклатурных чинов старшего поколения. Вы увидите: подавляющее большинство из них — выходцы из крестьян. Каково бывает соотношение рабочих и крестьян в номенклатуре, видно из такого примера: в 1946 году в Минской области было 855 руководящих работников, в том числе из крестьян

709, то есть почти 80%, а из рабочих — всего 58 человек [13].

Тезис о пролетарском происхождении номенклатурщиков подтверждения в этом не находит. Но определенная социальная закономерность за такими цифрами видна. Она не в том, будто бы КПСС — авангард рабочего класса. Она в том, что, когда минские номенклатурщики начинали свою карьеру, крестьянство действительно составляло около 80% населения страны, а рабочих действительно было незначительное меньшинство. Мы снова наталкиваемся на упрямый факт, что социальное происхождение номенклатуры просто соответствует социальному составу всего населения. Специфики нет. Точнее сказать, именно в этом и состоит специфика: на словах якобы пролетарская, номенклатура рекрутируется на деле в равной степени из всех слоев населения.

Ну что же: нет пролетарского характера, так по крайней мере есть демократический, представительный характер номенклатуры. Кстати, по мере роста удельного веса рабочего класса в населении СССР окажется, таким образом, обеспеченным преобладание рабочих в номенклатуре. Не так ли?

Нет, не так. Нет и никакого представительного характера у номенклатуры. Пролезая в номенклатуру, и. и. ивановы идут туда не как представители, а как сознательные ренегаты класса, из которого происходят.

Вы побеседуйте с ними: о своем бывшем классе они будут говорить словами передовиц «Правды». А если разговор станет совсем задушевным, вы обнаружите, что они с антипатией и насмешливым презрением относятся к классу, прах которого отряхнули со своих обутых в импортную обувь ног. Вот только один пример. По виду и говору типичный выходец из русских крестьян, Михаил Иванович Котов, более 30 лет занимавший номенклатурный пост ответственного секретаря Советского комитета защиты мира, при всей своей человеческой порядочности всегда поражал нас глубоким презрением к деревне, все прямо или косвенно относящееся к которой он пренебрежительно называл словом «чухлома».

Но не только презрительное фырканье выражает враждебность номенклатурщиков к прежней социальной среде. Ведь именно приконченные затем сталинцами выходцы из интеллигенции — ленинцы, находясь у власти, всеми способами давили интеллигенцию. Ведь именно отживающие ныне свой век номенклатурщики из крестьян составляли большинство в сталинской номенклатуре

и на протяжении десятилетий всячески притесняли крестьян. О том, как номенклатура — не на словах, а на деле — относится к рабочим, мы скажем несколько позже.

Враждебная отрешенность от своей прежней социальной среды — характерная психологическая черта номенклатурных чинов. Никакие они не «представители»: вскарабкавшись на номенклатурную лестницу, они представляют только самих себя.

И Солженицын, и Гусак были заключенными. Но первый все силы приложил к тому, чтобы показать миру судьбу заключенных в тюрьмах и лагерях номенклатурного государства, а второй вылез на верхушку номенклатуры и сам начал посылать людей в тюрьмы и лагеря. Номенклатура относится не к роду Солженицыных, а к породе Гусаков.

Номенклатура сознательно и с полным основанием рассматривает себя как новую социальную общность. Эта общность воспринимается номенклатурщиками не просто как отличная от других классов общества, но как противостоящая им и имеющая право взирать на них сверху вниз. Такое восприятие вполне обоснованно — только не добродетелями номенклатуры, а тем, что она как господствующий класс действительно противостоит всем прочим классам советского общества и действительно находится над ними.

В номенклатуре объединены не представители других классов, а выскочки из них. Номенклатура — класс деклассированных.

Возьмем пару примеров — по соображениям дипломатического такта не из числа тех, кто сейчас находится на вершине власти в Советском Союзе.

Вот бывшая Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддинова. Каков ее жизненный путь?

Рано лишившись родителей, она воспитывалась в детском доме. Потом пошла учиться в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Что же, Насриддинова стала работницей? Нет, зато была послана на рабфак и окончила Ташкентский транспортный институт. Значит, Насриддинова стала инженером транспорта? Только на один год, а затем — секретарем ЦК комсомола Узбекистана, позже — министром промышленности стройматериалов Узбекской ССР. Следовательно, Насриддинова переквалифицировалась на специалиста по стройматериалам? Нет, в 1955 году она сделалась заместителем Председателя Совета Минист-

ров Узбекской ССР, в 1956 году — членом ЦК КПСС, в 1959 году — Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, затем — Председателем Совета Национальностей в Верховном Совете СССР, потом — заместителем министра СССР.

Стремление любым путем пройти наверх, а отнюдь не желание представлять интересы трудящихся привело с детства деклассированную детдомовку Насриддинову в высшие слои номенклатуры.

А какой класс представляет ее еще более высокопоставленный собрат бывший секретарь ЦК КПСС, потом заместитель Председателя Совета Министров СССР Катушев, теперь — министр по внешнеэкономическим связям? Он — сын нэпмана, его поэтому долгое время не принимали в вуз, он ни по какой уж шкале не пролетарий. И Катушев — из деклассированных.

Не думайте, читатель, что номенклатурщики — выродки, моральные уроды. Это люди, которым ничто человеческое не чуждо и даже очень не чуждо. На Западе их представляют себе или аскетическими революционерами, или демоническими злодеями, или и тем и другим вместе. А они ни то и ни другое. Они совсем не революционеры и отнюдь не аскеты; за редкими исключениями, сконцентрированными главным образом в КГБ, нет в них ничего демонического. Это деклассированные, которых жажда господства и умение ее удовлетворить объединяют в слой, ставший правящим классом общества. Соответственно и социальная психология номенклатуры не пролетарская, а по преимуществу крестьянско-мещанская, точнее — кулацкая.

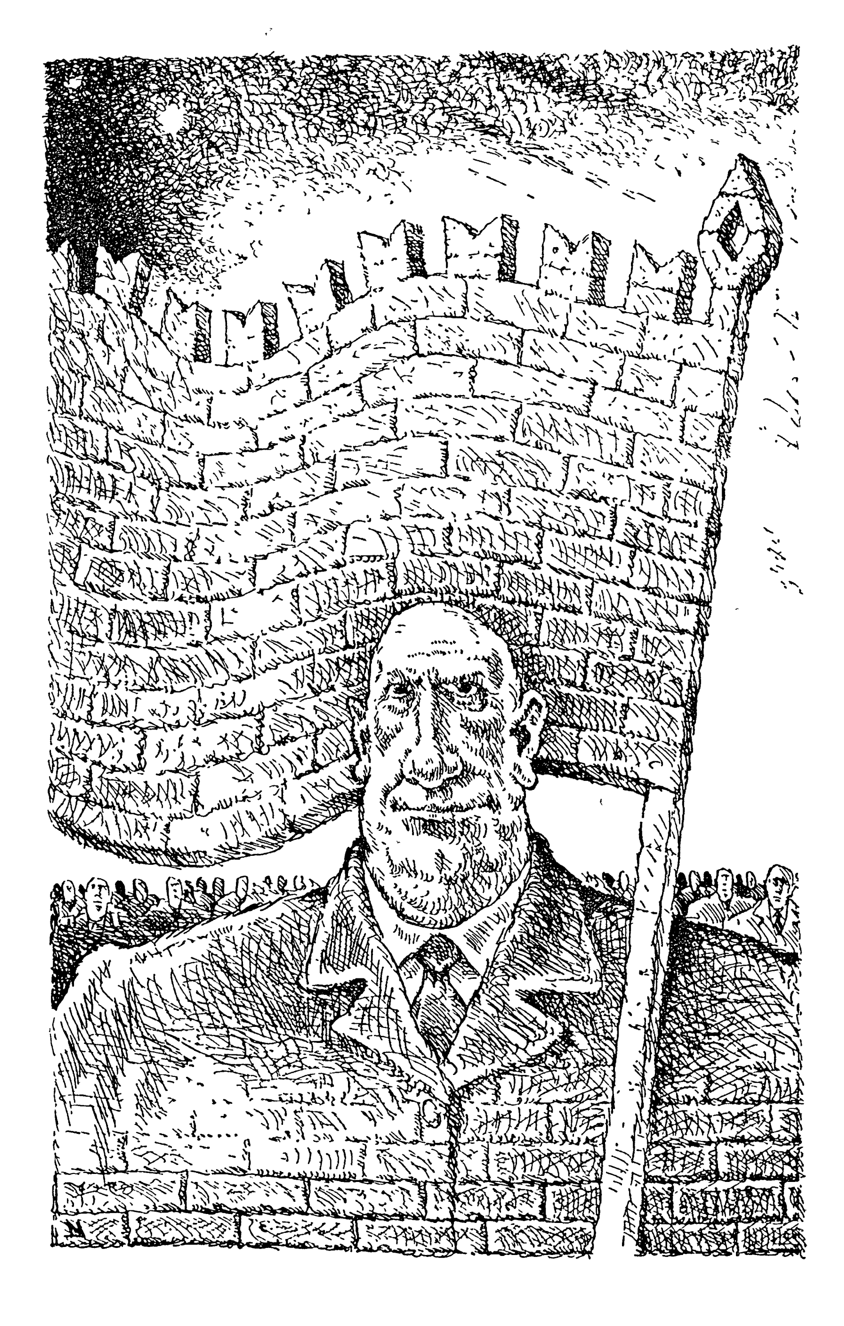
Неудивительно: ведь именно тот человеческий тип, который в прежних условиях в русской деревне, охватывавшей тогда 80% населения страны, выбивался в кулаки и лабазники, выходит сейчас в номенклатуру. Речь идет не об идеализированном типе кулака как спорого на работу крестьянина, а о прижимистом кулаке-мироеде с мертвой хваткой, со стремлением взнуздать батраков и самому любой ценой выбиться в люди.

Выбившись же, он не знает удержу. Вот для примера один экземпляр, цитирую из «Правды»: в Дагестане первый секретарь Табасаранского райкома КПСС Османов «дошел до того, что ему не нравилось, когда называли его по имени-отчеству, и требовал, чтобы обращались к нему «ахюр», что в переводе означает «ваше величество». Что же с ним случилось? Пошел на повышение: стал

первым заместителем министра лесного хозяйства Дагестанской АССР [14]. Номенклатура-то неотчуждаема!

Социальный тип номенклатурщика настолько определился, что вошел в советскую художественную литературу сразу же после смерти Сталина. Уже в «Оттепели» И. Эренбурга появляется еще с большой осторожностью и с понятными только советскому читателю намеками обрисованный директор завода Журавлев. За ним следуют сочно описанный Д. Граниным инструктор обкома Локтев (рассказ «Собственное мнение») и номенклатурщик из нашумевшего романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» Дроздов. Вместо предписываемого канонами социалистического реализма умилительного изображения мудрого и чуткого партийного руководителя в литературу шагнул нахрапистый тип из жизни. Талантливый писатель Константин Паустовский, уже употребляя имя Дроздова как нарицательное обозначение номенклатурщика, говорил на обсуждении книги Дудинцева, вспоминая о своей поездке на теплоходе вокруг Европы: «Во втором и третьем классе ехали рабочие, инженеры, артисты, музыканты, писатели, а в первом классе ехали дроздовы. Нечего говорить, что никакого общения со вторым и третьим классом у них не было и не могло быть. Они проявляли враждебность ко всему, кроме своего положения, они поражали своим невежеством. У них и у нас оказались совершенно разные понятия о том, что представляет престиж и достоинство нашей страны. Один из дроздовых, стоя перед «Страшным Судом», спросил: «Это суд над Муссолини?» Другой, глядя на Акрополь, сказал: «А как пролетариат допустил постройку Акрополя?» Третий, услыхав замечание об изумительном цвете воды Средиземного моря, строго спросил: «А наша вода разве хуже?» Эти хищники, собственники, циники и мракобесы откровенно, не боясь и не стесняясь, вели антисемитские речи, как истые гитлеровцы... Откуда взялись эти низкопоклонники и предатели, считавшие себя вправе говорить от имени народа? ...Обстановка приучила их смотреть на народ как на навоз, удобряющий их карьеру» [15].

Лишь срочными мерами созданного при Хрущеве огромного Идеологического отдела ЦК КПСС во главе с тогдашним секретарем ЦК (позже заместителем министра иностранных дел СССР) Л. Ф. Ильичевым удалось предотвратить грозившее превращение номенклатурщика в осознанный советской литературой и тем самым ее читателями образ.

Члены класса номенклатуры — не опереточные злодеи. Они — волевые мещане-организаторы, фанатики власти и любители сладкой жизни. Но приползают они на социальную вершину советского общества — в номенклатуру — такими же деклассированными, как описанные Максимом Горьким босяки, стекавшие на дно жизни.

7. КАТЕГОРИИ НОМЕНКЛАТУРЫ

Номенклатура различается по трем главным критериям:

1. По партийному органу, включившему данное лицо в номенклатуру.
2. По вышестоящему партийному органу, санкционировавшему это включение.
3. По характеру номенклатурной должности, предоставленной данному лицу: является ли она штатной или выборной.

Поясним, что партийные органы в данном случае — не бюро и комитеты первичных парторганизаций, а органы профессионального партийного аппарата: от райкома до ЦК КПСС включительно.

Соответственно этим трем критериям номенклатура подразделяется на:

1) основную и учетно-контрольную (для краткости ее именуют «учетной»);
2) штатную и выборную.

Основная номенклатура — это номенклатура того партийного органа, который принял решение о назначении (утверждении, рекомендации), скажем, нашего тов. Иванова И. И. на номенклатурный пост. Соответственно тов. Иванов входит в основную номенклатуру этого органа.

Учетно-контрольная номенклатура — это номенклатура вышестоящего органа, который согласился с решением о назначении. Соответственно тов. Иванов входит в учетно-контрольную номенклатуру этого органа.

Приведем для пояснения пример. Заместитель министра СССР (кроме первого зама) относится к основной номенклатуре Секретариата и к учетной номенклатуре Политбюро ЦК КПСС. Формальное назначение следует в виде постановления Совета Министров СССР.

А как с министром и его первым замом? Они входят в основную номенклатуру Политбюро, то есть утверждаются непосредственно им. Поскольку органа, стоящего над

Политбюро, фактически нет (теоретически это Пленум ЦК КПСС), то ни в какую учетную номенклатуру они не входят. Формально министра назначает Президиум Верховного Совета СССР, первого зама — Совет Министров СССР.

Как видит читатель, учетно-контрольная номенклатура — это бюрократическая выдумка сталинских лет, когда считалось необходимым никому не доверять, а все и всех проверять. В октябре 1989 года руководители номенклатуры отказались от этого бессмысленного реликта: учетно-контрольная номенклатура была упразднена. Сделано это было, видимо, не только ввиду ее ненужности, но и в надежде создать впечатление, что номенклатура вообще распущена. Иначе трудно объяснить, зачем ТАСС широко оповестил об упразднении: никогда раньше это агентство не сообщало о внутренних делах номенклатуры да и вообще ее не упоминало.

Поскольку на протяжении ряда десятилетий учетно-контрольная номенклатура существовала, мы будем и в дальнейшем о ней говорить.

Перейдем теперь ко второй паре — к штатной и выборной номенклатурам.

Штатная номенклатура — это номенклатура (основная и учетная), в которую входят лица, назначенные на штатные номенклатурные посты, то есть на аппаратные должности. Именно на такой пост и рвется наш тов. Иванов.

Выборная номенклатура — это номенклатура (основная и учетная), в которую входят лица, утвержденные или «рекомендованные» на «выборные» номенклатурные посты. Тов. Иванов не прочь войти и в эту престижную номенклатуру, но рвется в нее меньше; почему, мы увидим.

А пока приведем опять пример. В штатную номенклатуру включаются все ответственные (то есть не технические) работники парторганов, руководящие работники государственных органов, а также лица, занимающие ключевые административные посты в колхозах, кооперативах, научных организациях, творческих союзах и т. п.

В выборную номенклатуру входят члены и кандидаты ЦК и Центральной ревизионной комиссии, депутаты Верховных и местных Советов, секретари парторганизаций, члены разных комитетов: защиты мира, советских женщин, антисионистского и т. п. Настоящих выборов в СССР до самого недавнего времени вообще не было: ред-

костные случаи неподчинения «рекомендациям» парторганов, имевшие место в Академии наук или в отдельных колхозах, только подтверждали эту истину. Поэтому выборная номенклатура характеризуется прежде всего тем, что она — временная. Эта ее разочаровывающая особенность используется для проверки на работе секретарей парторганизаций с целью отобрать из них подходящих людей в штатную номенклатуру. Эта особенность позволяла также «выбирать» некоторое количество рабочих и колхозников в Верховные Советы и даже в ЦК партии: избранный туда для показа демократичности советского строя рабочий или колхозник не становился от этого членом господствующего класса и, несмотря на свой громкий ранг, подобострастно слушался указаний любого сотрудника аппарата ЦК.

Номенклатурщик может находиться одновременно в нескольких номенклатурных списках: например, уже упоминавшийся нами заместитель министра будет не только в основной штатной номенклатуре Секретариата и учетной номенклатуре Политбюро ЦК, но, если он депутат Верховного Совета СССР или кандидат в члены ЦК,— в выборной номенклатуре тех же органов.

Существование учетной и выборной номенклатуры осложняет изучение этого класса, особенно для исследователя, живущего в условиях другой социальной и политической системы. Чтобы избежать путаницы, полезно иметь в виду следующее. Учетная номенклатура райкомов КПСС весьма обширна, но она не является частью номенклатуры как господствующего класса: парторган в этом случае уже не *назначает* на номенклатурную должность, а лишь *принимает к сведению* назначение, произведенное не партийной, а государственной организацией, на должность, ответственную в масштабах района, но не связанную с осуществлением власти. Так, начальник жилищно-эксплуатационного управления домов входит в учетную номенклатуру (почему-то отдела пропаганды райкома партии) [16].

Не входят в господствующий класс и те лица, зачисленные в выборную, то есть временную, номенклатуру, которые не находятся в штатной номенклатуре, даже если эта их временная деятельность и связана с осуществлением власти, а также весьма престижна. Понятие «класс» предполагает стабильность в принадлежности к нему.

С целью замаскировать классовое существо номенклатуры этот термин стали переносить и на другие уровни.

Так, в Академии наук СССР иногда говорят о должности старшего научного сотрудника как о «номенклатуре президиума академии»; порою членов агитколлектива именуют «номенклатурой партбюро» первичной организации. Однако в действительности никто не назовет их «номенклатурными работниками».

Перечитаем еще раз уже приведенное во введении официальное определение номенклатуры:

«*Номенклатура* — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах».

Так что речь идет не об агитаторах на избирательном участке и не об ученых Академии наук, а о людях, назначаемых партаппаратом на наиболее важные, на ключевые посты в стране.

Таким образом, в господствующий класс реально входят только те, кто состоит в штатной номенклатуре парторганов — от номенклатуры Политбюро ЦК (основной и учетной) до основной номенклатуры райкомов КПСС включительно. Принадлежность к выборной номенклатуре, сама по себе приятная и полезная для карьеры, но не подкрепленная принадлежностью к штатной номенклатуре, означает включение в элиту, а не в правящий класс.

8. ЧИСЛЕННОСТЬ НОМЕНКЛАТУРЫ

Сколько их?

Так как в СССР официально ничего не сообщается о номенклатуре, а списки ее считаются совершенно секретными, назвать точную цифру невозможно. Но можно, основываясь на опубликованных статистических данных, установить, какого порядка эта цифра.

В качестве источника здесь служат материалы всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 годов, а также цифры, включенные в пропагандистские издания о партии. Эти публикации составлены так, чтобы слить данные о номенклатуре и о ее подчиненных; поэтому нужно анализировать категории, по которым распределены цифры.

Прежде всего надо взять справедливо поставленную во

главе всего перечня категорию «Руководители партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций и их структурных подразделений».

Кто это такие? Первые и все остальные секретари, заведующие отделами и секторами партийных и комсомольских органов, а также председатели, заместители председателей и секретари профсоюзных органов. Все они принадлежат к номенклатуре — за исключением руководителей первичных парторганизаций. Сюда — несомненно, сознательно — не включена важная часть класса номенклатуры: основная масса партийного аппарата, тех его сотрудников, которые не являются руководителями отделов и секторов.

Цифры же названы такие. В общесоюзном масштабе (то есть ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК профсоюзов и центральные общественные организации), республиканском (ЦК нацкомпартий, республиканские ЦК комсомола, советы и ЦК профсоюзов), в масштабе краев, областей и округов (крайкомы, обкомы и окружкомы КПСС, ВЛКСМ и профсоюзов) лиц, занимающих названные номенклатурные посты, было: в 1959 году — 25 912, в 1970 году — 24 571. В масштабе районов и городов (райкомы и горкомы) их было соответственно в 1959 году — 61 728, в 1970 году — 74 934.

Вторую категорию составляют, по схеме переписи, руководители органов государственного управления и их структурных подразделений. Кто это такие? Номенклатура, восседающая не в партийном, а в государственном аппарате: главы правительств СССР и республик, министры, председатели госкомитетов, начальники главков, управлений и отделов Советов Министров, министерств и госкомитетов, председатели исполкомов (краев, областей, округов, районов и городов), а также заместители всех этих чинов. Можно предположить, что сюда же отнесена номенклатура Верховных Советов СССР и республик, хотя, по Конституции СССР, они именуются органами государственной власти, а не государственного управления. Видимо, здесь же находится номенклатура суда и прокуратуры. Как и в первом случае, не включены номенклатурные аппараты: КГБ и дипломатическая служба. Не ясно, включена ли в перепись номенклатура Вооруженных Сил (генеральские должности).

Цифры для второй категории даются такие. В общесоюзном, республиканском, краевом, областном и окружном масштабе: в 1959 году — 246 534, в 1970 году —

210 824. В районном и городском масштабе: в 1959 году — 90 890, в 1970 году — 70 314 [17].

Это все, что сообщают данные переписи о численном составе того слоя класса номенклатуры, который фактически вершит политическими делами в государстве. Как мы отметили, в данных есть существенные пробелы.

Численное расчленение номенклатуры на две категории, как это проделано в переписи, имело бы смысл, если бы одной из них была сердцевина класса номенклатуры — часть его, находящаяся в парторганизациях: их руководство и аппарат. Однако об аппарате данные вообще не сообщаются, а руководство парторганов хитроумно присчитано к руководству органов комсомола, профсоюзов, кооперативов и прочих общественных организаций, и выделить его из этой массы невозможно. Значит, даваемое переписью деление на две названные категории не имеет существенного значения для характеристики класса номенклатуры.

Интереснее имеющееся в переписях подразделение на два масштаба. Действительно, районные и городские (в городах, где нет районов) комитеты представляют собой несколько особое — низовое звено рассматриваемой части класса номенклатуры. Если вышестоящее звено управляет главным образом через номенклатуру же, то это звено соприкасается непосредственно с управляемым населением, хотя по преимуществу в лице членов партии.

Начнем оценку численности класса номенклатуры с этих двух звеньев. В высшее войдут руководители партийных, общественных, государственных органов в масштабе страны, союзных и автономных республик, краев, областей, округов и больших городов (свыше полумиллиона жителей). В низшее — руководители подобных органов в масштабе районов и городов с населением до полумиллиона жителей.

В высшем звене было в 1959 году: 25 912 + 51 151 = = 77 063 и в 1970 году: 24 571 + 52 276 = 76 847 человек.

Как видим, за 11 лет число членов этой группы не только не возросло, но даже несколько сократилось. Ничего удивительного в этом нет: такая тенденция характерна для любого развившегося господствующего класса. Пресловутый «закон Паркинсона» здесь не действует именно потому, что он сформулирован для чиновников, а номенклатура — не чиновничество, а класс.

Эту цифру порядка 77 000 человек следует, с одной

стороны, несколько сократить, так как не все включенные в нее руководители низших подразделений органов государственного управления, а тем более кооперативов и некоторых других общественных организаций входят в номенклатуру; такое сокращение вряд ли должно быть значительным, поскольку речь идет в целом о наиболее ответственных постах. С другой стороны, цифру эту надо заметно увеличить путем включения номенклатурщиков партаппарата, органов госбезопасности, дипломатической службы, а также, видимо, Вооруженных Сил.

Численность партаппарата не очень велика. В 1988 году аппарат ЦК КПСС насчитывал 1940 ответственных и 1275 технических работников[18]. После проведенного укрупнения отделов ЦК их стало 10 (вместо 20). Для информации читателя приводим в конце книги как приложение перечень прежних и нынешних отделов ЦК[19].

Отдел ЦК КПСС насчитывает примерно 100—150 человек, отделы нижестоящих комитетов — значительно меньше. Аппарат городского райкома партии составляет 40 человек, сельского райкома — 20 человек. Аппарат МИД СССР тоже не такой многочисленный, как представляют себе на Западе. Высотный дом на Смоленской площади в Москве, занимаемый совместно Министерством внешней торговли СССР (нижние 6 этажей и пристройки) и МИД СССР, выстроен очень нерационально: немалая часть его объема используется под просторные коридоры и шахты лифтов; правда, в рабочих комнатах тесно, а кабинеты — даже у заместителей министра — маленькие, но все же рабочих мест там явно меньше, чем можно предположить.

Но в общем несомненно, суммировав всю номенклатуру партийного, кагебистского и дипломатического аппарата, мы получили бы цифру, намного перекрывающую число неноменклатурных должностей в рассматриваемых нами категориях.

Наша задача состоит не в том, чтобы назвать точную цифру номенклатуры: для этого нет материалов. Задача в том, чтобы установить, какого порядка эта цифра. Первую часть ответа можно уже сформулировать. После названных поправок численность высшего звена номенклатурщиков в СССР составит цифру порядка *100 000 человек.*

Теперь надо добавить низшее звено. По переписи насчитывалось в 1959 году: 61 728 + 90 890 = 152 618 и в 1970 году: 74 934 + 70 314 = 145 248 человек. Здесь мы

замечаем ту же тенденцию к сокращению численности номенклатуры.

И в данном случае надо будет внести те же коррективы — с той, однако, разницей, что доля неноменклатурных работников среди руководителей низовых подразделений государственных и общественных организаций окажется большей, чем в предыдущем случае. Но она и здесь будет, вероятно, перевешиваться добавляемым числом аппаратных номенклатурщиков. Следовательно, мы ненамного ошибемся, если примем численность низшего звена номенклатурщиков за *150 000 человек.*

Итак, политическое господство класса номенклатуры осуществляет в СССР группа примерно в 250 000 человек — одна тысячная доля населения страны. Эта не избираемая и не могущая быть смененной жителями Советского Союза группа распоряжается их судьбами и дает им политические директивы.

Но вопрос о численности класса номенклатуры в целом еще не исчерпан.

Свыше 30 000 человек составляют руководители предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства, свыше 150 000 — руководители научных учреждений и учебных заведений. Это доводит число номенклатурных работников до цифры порядка 750 000.

Когда говорят о классе, то имеют в виду не только тех, кто сам выступает в процессе производства, но и членов их семей. К дворянскому классу относится не только граф, но и его жена — графиня, и их дети. Не забудем и мы номенклатурных дам и номенклатурных деток.

Возьмем за основу прочно вошедшее в обиход понятие статистической семьи из 4 человек: муж, жена и двое детей. Конечно, в реальной жизни в одной номенклатурной семье будут еще теща и тесть, зато в другой семье жена сама будет тоже номенклатурным чином, а в третьей не будет детей,— так что в общем, взяв за основу статистическую семью, мы не очень ошибемся.

Помножим 750 000 на 4, получаем три миллиона. Это и есть высчитанная на основе статистических материалов приближенная численность правящего класса номенклатуры в СССР. Класс этот, включая чад и домочадцев, составляет менее полутора процента населения страны.

Вот эти-то полтора процента и объявили себя руководящей и направляющей силой советского общества, умом, честью, совестью нашей эпохи, творцом и органи-

затором всех побед советского народа. Эти полтора процента и шумят на авансцене, выступая от имени 290-миллионного народа и даже «всего прогрессивного человечества».

9. НОМЕНКЛАТУРА И ПАРТИЯ

«Передержка!— радостно воскликнет советский пропагандист.— Фальсификация! Нигде не сказано, что руководящая и направляющая сила — это только номенклатура. Руководящая и направляющая сила, ум, честь и совесть, организатор и вдохновитель — это партия! А в ней не полтора процента, как вы тут рассуждаете, а 10 процентов взрослого населения страны — 18 миллионов человек».

Что ж, рассмотрим вопрос о партии и ее соотношении с классом номенклатуры.

Численность КПСС действительно велика. В партии состоит каждый одиннадцатый из числа совершеннолетних граждан СССР. В стране — около 400 000 первичных партийных организаций; это больше чем во время Октябрьской революции было членов партии (350 тыс. чел.).

При Ленине численность партии была ограниченной — несмотря на гражданскую войну и военный коммунизм, заставлявшие, казалось бы, охотно принимать людей в партию. При Сталине КПСС быстро выросла: в 1941 году партия насчитывала около 2,5 миллиона членов и 1,5 миллиона кандидатов. За годы войны, когда на фронте записывали в КПСС без особого разбора, эти цифры поднялись соответственно до 4 и 1,8 миллиона. Но оказалось, что и в послевоенное время КПСС продолжала раздуваться, дойдя в своем зените до 19 миллионов человек. Таким образом, со времени Октябрьской революции партия выросла более чем в 54 раза, тогда как численность населения страны увеличилась в 0,5 раза. За этим развитием явно скрывается какой-то процесс. Посмотрим, в чем его смысл.

Ленин сформировал партию не массовую, а элитарную. Однако она стояла в тени другой, главной для Ленина элиты — организации профессиональных революционеров. Задача партии состояла в том, чтобы этой организации всемерно помогать и быть резервом ее пополнения.

Когда после захвата власти профессиональные революционеры превратились в профессиональных правителей, партия расширилась, но осталась вспомогательной

элитой, обеспечивающей на фронтах гражданской войны и в тылу выполнение приказов рождавшегося «нового класса». Сохранилась и функция пополнения рядов «управляющих»; эта функция была широко использована Сталиным при создании номенклатуры.

При Сталине партия продолжала численно увеличиваться, хотя все еще оставалась элитарной. Она по-прежнему была помощницей и резервом пополнения правящего класса, но по мере укрепления власти номенклатуры и ее обособления от общества связь между нею и партией заметно слабела.

После Сталина, с дальнейшим раздуванием численности партии и с прогрессирующим окостенением господствующего класса, разница между главной и вспомогательной элитами еще больше возросла. Массовая, многомиллионная теперь партия все больше стала играть роль не помощницы, а служанки номенклатуры.

Конечно, грань эта зыбкая. Как и прежде, партия находится на стороне класса номенклатуры, а не подчиненного ему народа. Однако, если взять категории нацистского концлагеря, роль эта все больше напоминает роль капо, а не нижних эсэсовских чинов: хотя в надежде на подачки и на благоволение начальства лагерные капо послушно выполняли любые приказы хозяев, они все-таки сами оставались заключенными, между ними и эсэсовцами пролегала пропасть.

Итак, процесс, проявляющийся в непомерном численном росте КПСС,— это продолжение длящегося уже десятилетиями социального раздвижения слоев советского общества. Господствующий класс номенклатуры все больше обособляется, разрыв между ним и партией растет, и партия оказывается частью народа.

Хотя она и выполняет приказы номенклатуры с большей готовностью и менее угрюмо, чем весь народ, неверно было бы игнорировать сдвиг в ее сознании. Партийцы конца 20-х — начала 30-х годов были еще почти такими же убежденными, как коммунисты в капиталистических странах. Теперешние же члены КПСС если в чем-нибудь и убеждены, то только в том, что они вынуждены официально произносить заведомую ложь. Настроение отчужденности от номенклатуры перешло в партийные массы через отшлифованную ежовщиной грань цинизма и перерастает в постоянную, хотя и подспудную неприязнь к номенклатурным хозяевам. Любая неудача номенклатуры вызывает ныне среди членов партии ощутимое чув-

ство удовлетворения. Это неосознанное настроение пораженчества — важная черта современного состояния КПСС.

Такое настроение — не случайность, а прямое следствие процесса раздвижения слоев советского общества. Непосредственно оно вызвано характером отношений между номенклатурой и партийной массой.

Поставим вопрос: зачем, собственно, нужна партии номенклатура?

Бард реальностей современной советской эпохи Галич отвечал прозрачным иносказанием:

Собаки бывают дуры,
И кошки бывают дуры,
И им по этой причине
Нельзя без номенклатуры.

В действительности дело обстоит не так просто. Готовность миллионов людей просить о приеме их в партию для того только, чтобы отдавать еще больше сил на благо номенклатуры, имеет разумное основание.

Официально таким основанием провозглашается стремление бороться за построение коммунистического общества. Именно подобную цель принято называть в заявлении о приеме в партию. На стандартный вопрос «Зачем идешь в партию?», который неизменно ставят на собрании партгруппы, заседании партбюро и парткома и, наконец, в райкоме КПСС, принято отвечать: «Прошу принять меня в партию, так как хочу активно участвовать в строительстве коммунизма».

Ответ придуман неудачно. Как хорошо известно из документов КПСС, весь советский народ от мала до велика активно участвует в строительстве коммунизма. Значит, для этого советскому человеку нет необходимости вступать в партию. Так для чего же все-таки?

Поскольку, кроме приведенного выше, другого официального ответа не спущено, прислушаемся к голосу народа. Что говорят люди в Советском Союзе — не на собраниях, а между собой — о мотивах вступления в партию?

Говорят всегда одно: в партию вступают исключительно ради карьеры.

Речь идет не обязательно о головокружительной карьере. Просто, если вы хотите быть уверенным, что начальство на работе не будет к вам придираться, что вы нормально будете продвигаться по службе и будете относиться к числу поощряемых, а не преследуемых, вступайте в

партию! Что же касается карьеры в обычном понимании этого слова, то существовало ясное правило: партбилет — не гарантия карьеры, но его отсутствие было гарантией того, что вы никакой карьеры не сделаете. Исключения лишь подтверждали это правило. Впрочем, встречались они только в творческой области: было некоторое количество беспартийных академиков и видных деятелей искусства. Беспартийным оставался, например, знаменитый авиаконструктор академик А. Н. Туполев — своенравный старик, отсидевший свое в сталинской тюрьме — «шарашке». Беспартийным был Илья Эренбург. Бывали случаи, когда по тактическим соображениям предпочитали не делать партийным кого-либо из известных лиц: вполне благонамеренный поэт Н. С. Тихонов был оставлен беспартийным, так как бессменно занимал пост председателя Советского комитета защиты мира, и, поскольку этот придаток Международного отдела ЦК КПСС объявлен беспартийной организацией, руководство сочло лучшим не давать Н. С. Тихонову партбилета. Анекдотическим курьезом было то, что разгромивший биологическую науку в СССР мракобес Лысенко был беспартийным, хотя по духу своему он вполне подходил даже в члены сталинского ЦК.

Но если в творческой области исключения еще бывали, то одна закономерность фактически не знала исключений: беспартийный не мог занимать даже скромный административный пост; если же по каким-либо соображениям его формально назначали на такой пост (что тоже мыслимо только в области науки и культуры), никто этого всерьез не принимал, и все дела вел специально приставленный партиец. Так, физик с мировым именем, нобелевский лауреат академик П. Л. Капица занимал пост директора Института физических проблем Академии наук СССР, но все административные дела вел его партийный заместитель. В Академии наук СССР вообще была до начала 50-х годов традиция, что президентом был беспартийный, но всегда назначался из числа членов партии фактический руководитель академии: так, при В. Л. Комарове таким был первый вице-президент О. Ю. Шмидт, полярник и Герой Советского Союза, а при С. И. Вавилове — главный ученый секретарь президиума, а затем первый вице-президент А. В. Топчиев, отличавшийся решительностью в действиях и невежеством в науке.

То, что руководитель любого советского учреждения — непременно член партии, прочно вошло в устано-

вившийся порядок: в каждом парткоме есть гарантированное руководителю место, и показателем влияния руководителя считается количество голосов, поданных за него на выборах в партком.

Итак, вступление в КПСС — вопрос не убеждений, а продвижения по работе для большинства и карьеры — для меньшинства.

«А как же с убеждениями?— недоумевающе спрашивает западный читатель.— Что же, так вот и нет в Советском Союзе людей, которые идут в КПСС по убеждению, так, как идут в коммунисты в странах Запада? Что-то не верится!»

Знаю, что не верится. Если бы я родился и вырос на Западе, то и мне бы не верилось.

Но хоть и не верится, а все же правда такова, что вступление в КПСС ни с какими идейными убеждениями не связано. А чтобы неверующие на Западе немного призадумались, спросим их: каких, собственно, убеждений вы ожидаете от вступающих в КПСС? Убеждения в том, что советский строй — самый демократический в мире? В том, что он — советский гражданин — пользуется всеми свободами? Что в СССР живется лучше, чем на Западе, куда его, однако, предусмотрительно не выпускают? Что на протяжении всех лет советской власти неуклонно растет материальное благосостояние советского народа и доросло до того, что по жизненному уровню СССР оказался среди промышленно слаборазвитых стран? В чем он должен быть убежден из того, что его годами заставляли повторять: что Сталин и Берия справедливо репрессировали изменников Родины? Или что по преступным приказам Сталина изменник Родины Берия необоснованно репрессировал невинных людей? Или же, наконец, что Солженицын, написав об этом, стал изменником Родины?

10. ЧИТАЯ ПРОГРАММУ

Очень красноречива следующая процедура. При вступлении в партию требуется знание ее программы. И вот вступавший до 1985 года в КПСС зубрил записанное в принятой в 1961 году Программе партии. Почитаем с ним вместе и мы.

«В ближайшее десятилетие (1961—1970 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на

душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США»[20].

«...уже к концу первого десятилетия в стране не останется низкооплачиваемых групп рабочих и служащих».

«В ближайшее время в народном потреблении значительно возрастет доля продуктов животноводства (мяса, жиров, молочных продуктов), фруктов и высокосортных овощей. В достатке будут удовлетворяться потребности всех слоев населения в высококачественных товарах широкого потребления: добротной и красивой одежде, обуви, вещах, улучшающих и украшающих быт советских людей,— удобной современной мебели, усовершенствованных предметах домашнего обихода, разнообразных товарах культурного назначения и т. п...»

«За второе десятилетие будет достигнуто изобилие материальных и культурных благ для всего населения...»

К 1970 году «в стране будет покончено с недостатком в жилищах. Те семьи, которые проживают еще в переуплотненных и плохих жилищах, получат новые квартиры».

К 1980 году «каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру...». «Пользование жилищем постепенно станет бесплатным для всех граждан».

«Пользование коммунальным транспортом (трамвай, автобус, троллейбус, метро) во втором десятилетии станет бесплатным, а в конце его также станут бесплатными коммунальные услуги: пользование водой, газом, отоплением».

Уже к 1970 году «осуществится переход на шестичасовой рабочий день — при одном выходном дне в неделю или на 35-часовую рабочую неделю — при двух выходных днях, а на подземных работах и производствах с вредными условиями труда — на пятичасовой рабочий день или на 30-часовую пятидневную рабочую неделю.

Во втором десятилетии ...начнется переход к еще более сокращенной рабочей неделе.

Таким образом, Советский Союз станет страной самого короткого в мире и в то же время самого производительного и наиболее высокооплачиваемого рабочего дня».

«Наряду с существующим бесплатным медицинским обслуживанием бесплатными станут пользование санаториями для больных, а также отпуск медикаментов».

В 1970-х гг. «начнется переход к осуществлению бесплатного общественного питания (обедов) на предприятиях и в учреждениях и для занятых в производстве колхозников».

«В городе и деревне будет обеспечено: полное и бесплатное удовлетворение потребностей населения в яслях, детских садах и площадках, в школах с продленным днем, в пионерских лагерях; массовое развертывание сети школ-интернатов с бесплатным содержанием детей; введение во всех школах бесплатных горячих завтраков, продленного школьного дня с предоставлением учащимся бесплатных обедов; бесплатное снабжение школьной одеждой и учебными пособиями.

Государственные органы, профсоюзы, колхозы по мере роста национального дохода в течение двадцатилетия постепенно возьмут на себя материальное обеспечение всех граждан, потерявших трудоспособность по возрасту или вследствие инвалидности. Пособия по болезни и потере трудоспособности, пенсии по старости распространятся на колхозников; размеры пенсий по старости и инвалидности будут повышаться».

К 1980 году будет таким образом введено:

«— бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах (по желанию родителей);

— материальное обеспечение нетрудоспособных;

— бесплатное образование во всех учебных заведениях;

— бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных;

— бесплатное пользование квартирами, а также коммунальными услугами;

— бесплатное пользование коммунальным транспортом;

— бесплатное пользование некоторыми видами бытового обслуживания...

— постепенный переход к бесплатному общественному питанию (обеды) на предприятиях, в учреждениях и для занятых в производстве колхозников.

Таким образом, перед лицом всего мира Советское государство явит пример действительно полного и всеобъемлющего удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей человека»[21].

И все эти сказки 1001 ночи были записаны в Программе правящей партии СССР вплоть до 1986 года.

Так что же должен был думать вступавший в КПСС, безропотно заучивая этот бред?

То же самое, что думает сейчас, заучивая вот такие положения новой Программы КПСС: «Превращение эко-

номики СССР в самую совершенную и мощную в мире». «Достижение высшего мирового уровня производительности общественного труда, качества продукции и эффективности производства». «Уже к 2000 году должно быть достигнуто удвоение производственного потенциала страны при его коренном качественном обновлении». «Уже в ближайшее пятнадцатилетие намечается удвоить объем ресурсов, направляемых на удовлетворение потребностей народа... чтобы к 2000 году практически каждая советская семья имела отдельное жилье — квартиру или индивидуальный дом» [22].

В отличие от недоумевающего западного читателя советский человек знает: при вступлении в партию от него никто не ожидает убеждений. Требуется лишь готовность покорно повторять то, что прикажет номенклатура, и ничего другого не говорить.

11. НОМЕНКЛАТУРА СТАНОВИТСЯ НАСЛЕДСТВЕННОЙ

Не противоречит ли процесс отдаления номенклатуры от партийной массы тому, что класс номенклатуры рекрутируется из этой массы?

Противоречие, несомненно, есть, но его практическое значение заглушается пока еще мало обратившим на себя внимание другим процессом, развертывающимся с возрастающей силой. Это процесс самовоспроизводства класса номенклатуры.

Мы уже говорили: противники определения социального слоя управляющих в СССР как класса своим, пожалуй, важнейшим аргументом считают то, что номенклатурные должности не передаются по наследству. Сказали мы и о том, что этот аргумент несостоятелен, так как наследование не является обязательным признаком классов и соответственно не фигурирует в определении класса.

Верно другое: всякий упрочившийся господствующий класс стремится передавать свое господство и привилегии по наследству, то есть сам себя воспроизводить, всемерно ограничивая приток пришельцев со стороны.

Именно это и происходит сейчас в советской номенклатуре. Пришедший в массе своей на номенклатурные посты в годы сталинщины и брежневщины, нынешний состав господствующего в СССР класса как раз успел вырастить своих детей до того возраста, когда им можно делаться номенклатурными сановниками. Подросшие детки и

заполняют сейчас во все возрастающем количестве номенклатурные посты.

Приведем лишь несколько примеров. Сын Л. И. Брежнева — Юрий, несмотря на свою молодость, стал первым заместителем министра внешней торговли СССР. Но впечатление на прессу произвела только одна из его внешнеторговых операций — когда он, разомлев от вида действительно очаровательных танцовщиц в дорогом парижском стриптизе Crazy Horse, дал на чай официанту 100 долларов — по установившемуся тогда в СССР неофициальному курсу 400 рублей. Совсем иного рода интересы у серьезной и способной дочери А. Н. Косыгина — Людмилы Алексеевны Гвишиани; но эти интересы никогда не относились к библиотечному делу, что не помешало ее назначению на номенклатурный пост директора Государственной библиотеки иностранной литературы. Сын А. И. Микояна — милый Серго Микоян проделал на моих глазах, право же, не перенапрягаясь, быстрый взлет от аспиранта до главного редактора журнала «Латинская Америка», что означало вхождение в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС. Сын А. А. Громыко — Анатолий, пробыв некоторое время в Институте США и Канады Академии наук СССР, оказался вдруг на номенклатурном посту советника-посланника в Вашингтоне, потом — в ГДР, а затем его назначили директором Института Африки Академии наук СССР, хотя об Африке он знал к этому времени только то, что она существует. Зато пост директора института — в номенклатуре Секретариата ЦК КПСС.

Бывало так, впрочем, и в добрежневские времена. Вспомним Василия Сталина — юного пропойцу, который, еще не дожив до 30 лет, был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командующим авиацией Московского военного округа. Вспомним Голубцову — жену Маленкова, которую назначили директором одного из важнейших вузов страны — Московского энергетического института. Вспомним малообразованного Михаила Кагановича (брата Л. М. Кагановича), который был сделан наркомом, и в номенклатурном кругу появился самый младший брат в этой достойной семье — Юлий Каганович. Вспомним Алексея Аджубея, зятя Хрущева, который был назначен главным редактором второй по величине в СССР газеты — «Известия» и стал членом ЦК КПСС.

А как после Брежнева? Сын Андропова — Игорь был назначен сначала заместителем главы советской деле-

гации на стокгольмских переговорах о мерах по укреплению доверия между государствами, затем сделался послом в Греции, а после ряда неудач на посту был повышен и стал «послом по особым поручениям». На международной арене стали появляться сыновья и менее крупных номенклатурщиков — членов ЦК. Я мог бы назвать примеры, но лучше приведу стихотворение из «Правды». Оно свидетельствует, что речь идет не об отдельных случаях, а об известном всем в СССР явлении:

Наследный принц,
Он и бездельник, и балбес,
И был таким всегда,
Но вхож везде и всюду без
Малейшего труда.

Ему не нужно пробивать
К успеху колею —
Ему достаточно назвать
Фамилию свою.
Она возносит к небесам,
Лелеет и хранит,
Хоть ноль без палочки
он сам,
Но... папа знаменит.

В заключение поэт, убоявшись собственной смелости, робко «напомнил» номенклатурным папашам:

У нас наследных принцев нет,
Не тот, простите, строй [23].

Именно тот строй. Тот, при котором во всех странах реального социализма на ответственных постах расселись аристократические номенклатурные семейства, а на Кубе, в Северной Корее и в Румынии образовались царствующие семьи.

Примеров можно привести много. Но делать этого нет нужды, так как описываемые явления не исключение, а правило. Это только в романах социалистических реалистов дети секретарей обкомов идут в рабочие; в действительности идут они в партийный и дипломатический аппарат. Сомневающемуся нелегко будет отыскать пример, когда бы дети из номенклатурной семьи оказались на неноменклатурном посту или не замужем за номенклатурщиком. А что случится с номенклатурными детьми после смерти или выхода на пенсию их родителей? Ничего особенного. Конечно, их больше не будут тащить за уши на все более высокие посты, но и не будут выгонять

из номенклатуры. И дело даже не в том, что останутся живы влиятельные друзья их родителей: дружба в классе номенклатуры весьма корыстна, так что друзья совсем не обязательно стали бы им покровительствовать. Главное в том, что класс номенклатуры уже прошел ту стадию, когда в рвавшейся вперед толпе деклассированных выскочек все расталкивали друг друга острыми локтями и в годы ежовщины с наслаждением скидывали в бездну. С тех пор в номенклатуре выросло классовое сознание. Она живет уже не по принципу «Умри ты сегодня, а я завтра», но чувствует свою общность и мыслит в масштабе поколений. Дети должны быть хорошо устроены, дети должны быть в номенклатуре — это неписаное правило обеспечивает будущность номенклатурных сынков и дочек.

Правящий класс номенклатуры в СССР все явственнее начинает переходить к самовоспроизводству. Да, номенклатурная *должность* не наследуется. Но *принадлежность* к классу номенклатуры становится на наших глазах фактически наследственной.

Мы описали путь наверх, в номенклатуру, на примере рядового парткарьериста, взбирающегося по проторенной дорожке через партийную организацию. Можно не сомневаться, что перспективы такого продвижения в номенклатуру будут все больше сужаться и в нее все больше будут идти столбовой дорогой рожденные аристократы — отпрыски благородных номенклатурных семейств.

Значит, номенклатура развивается. А не может быть, что она уже отмирает? Мы уже говорили, что упразднена учетно-контрольная номенклатура — пусть не важный, но все-таки элемент этого класса.

В конце августа 1990 года Секретариат ЦК КПСС принял решение «упразднить номенклатуру должностей ЦК КПСС». Отныне «в ЦК будут утверждаться кадры только партийных работников, а также руководителей органов печати, научных учреждений и учебных заведений, подведомственных ЦК КПСС»[24]. Так что же, наступил конец номенклатуры?

Нет. Это шаг к концу, но еще не конец.

Во-первых, остается неясным: сохраняется ли высшая ступень номенклатуры — номенклатура Политбюро. Секретариат ЦК не вправе ее упразднить. Во-вторых, ничего не сказано о номенклатуре других партийных комитетов: ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов. Во всяком случае этим решением она не упраздняется.

А главное: ну, не будут «утверждать» на номенклатурные должности — будут «рекомендовать», как делается сейчас с выборной номенклатурой. Много ли от этого изменится?

Они уже начали так действовать. Под оптимистическим заголовком «Прощание с номенклатурой» в прессе было сообщено: бюро Майкопского горкома КПСС «упразднило свою номенклатуру», в которой насчитывалось 526 человек. Но тут же первый секретарь горкома заявил: «Горком не самоустраняется от формирования кадрового потенциала города... При выдвижении руководителей народными депутатами активное участие примут и горком, и первичные парторганизации». Они будут «добиваться политическими методами» выдвижения своих кандидатов на руководящие посты [25]. Так что рано еще прощаться с номенклатурой.

Номенклатура — не чиновничество, а класс, причем класс господствующий. Упразднить ее можно не рескриптом номенклатурного же органа, а изменением структуры общества.

12. МОДЕЛЬ НОМЕНКЛАТУРЫ

Современная наука широко применяет метод моделирования. От модели технических изобретений она пришла к моделям пространства, а теперь — к моделям общественных явлений, правда, не стереометрическим, а описательным.

Можно ли хотя бы в основных чертах смоделировать ту социальную конструкцию, какой является класс номенклатуры? При всей условности подобной модели предпринять такую попытку не бесполезно, потому что она позволит нагляднее отразить существенные черты этого класса.

Если попробовать дать стереометрическую модель номенклатуры, то получится конус с конической же сердцевиной. На поверхности параллельными основанию окружностями будут отмечены границы: от номенклатуры райкомов в низу до номенклатуры ЦК на верху внешнего конуса и от райкомов в низу до ЦК КПСС на верху сердцевины (самая ее верхушка обозначает Политбюро, а вершина конуса — Генерального секретаря ЦК).

Однако монолитными частями модели являлись бы не параллельные срезы (комитет плюс его номенклатура), а сами два разнимающихся конуса. Классотворная сердцеви-

на номенклатуры сделана как бы из особого материала, отличного от сравнительно рыхлого тела внешнего конуса. Это тело не только создано сердцевиной — различными ее отрезками, но и держится, как на стержне, на сердцевине в целом.

Вернемся теперь от тригонометрии к политике. Было бы ошибкой думать, что находящаяся на верху конуса номенклатура ЦК гордо взирает сверху вниз на райкомы. Нет, так она взирает только на их номенклатуру, а на руководителей райкомов партии смотрит с любезной предупредительностью, видя в них пусть не непосредственных, но все же своих сюзеренов.

Есть ли для этого объективное основание? В самом деле: почему, скажем, министр, член правительства СССР, входящий в номенклатуру Политбюро ЦК, должен считаться с секретарем периферийного обкома и даже райкома партии, которые в эту номенклатуру не входят? Казалось бы, учинить им, как принято, по-министерски грозный разгон, привычно наорать на них из Москвы по правительственной телефонной линии ВЧ так, как он орет на своих начальников главков,— и дело с концом.

Ни за что не сделает этого министр, а будет говорить с товарищами по тому же ВЧ любезным, чуть ли не вкрадчивым голосом, который работники его министерства слышат только во время приемов иностранных гостей (заискивающего лепетания министра, когда он по «вертушке» докладывает высшему начальству, не слышит в министерстве вообще никто: в таких случаях принято выгонять всех сотрудников из кабинета, а в приемной загорается соединенная с «вертушкой» красная лампочка: входить запрещено). Министр знает: без санкции обкома он не сможет ни назначить, ни сместить директора находящегося в данной области предприятия, без согласия секретаря райкома не сможет послать его даже в самую краткую командировку в социалистическую страну, не говоря уже о капиталистической. А если эти секретари разозлятся на министра, то они смогут сделать жизнь всех его ставленников в области или районе совершенно невыносимой. Он же им ничем не сможет отплатить, потому что высшие органы не станут «подменять» секретарей. При профессиональной злопамятности секретарей и их мастерстве в интригах любые трения министра с ними могут нанести ему ощутимый ущерб в ЦК.

Было бы ошибкой умиляться этому как проявлению — хотя бы и своеобразному — «внутрипартийной демокра-

тии». Речь идет не о демократии, а наоборот — о поощрении диктаторских замашек номенклатурных хозяев страны.

Конус сердцевины оказывается двухслойным: внутри — слой решающих органов (бюро и секретариаты), снаружи — слой предрешающего партаппарата. Но слои эти связаны неразрывно и отделить один от другого невозможно.

В западной литературе распространено мнение, что в Советском Союзе имеются три руководящие силы: партия, полиция и армия. Такое мнение возникло явно по аналогии со сложившимся на Западе взглядом на структуру власти в нацистском рейхе.

Как обстоит дело в действительности?

То, что на Западе подразумевают в данном случае под словом «партия», это, конечно, не вся многомиллионная масса КПСС, а партийные комитеты и партийный аппарат, то есть внутренний стержень нашей модели класса номенклатуры. Эта социальная группа, как мы видели, не только относится к господствующему классу, но составляет его сердцевину и, безусловно, осуществляет власть.

Несколько иначе обстоит дело с полицией. Полиция в СССР, как и в гитлеровской Германии, неоднородна: есть тайная политическая полиция КГБ и есть органы МВД, к которым относится и охрана лагерей, и милиция с уголовным розыском и Государственной автомобильной инспекцией (ГАИ), и известный за границей ОВИР (Отдел виз и регистрации), выдающий — или не выдающий — паспорта советским гражданам для так называемых частных выездов за границу (эмиграция, а также поездки по приглашению родственников и знакомых).

Аппарат КГБ входит в партийную номенклатуру (подобно аппарату дипломатической службы) и, таким образом, составляет часть господствующего класса. Что касается МВД, то там, как и в других министерствах, имеются и номенклатурные чины, и обычные служащие. В целом органы МВД находятся под присмотром КГБ, а по линии партийной иерархии — в ведении отделов административных органов ЦК и нижестоящих комитетов КПСС.

А как с армией? Вооруженные Силы во главе с Министерством обороны СССР являются таким же ведомством, как и Министерство внутренних дел, и другие министерства. В Вооруженных Силах точно так же есть

номенклатурное начальство — маршалы, генералы и адмиралы и другие чины, занимающие номенклатурные (генеральские) должности; и есть служащие и рабочие, включая рядовых солдат.

Конечно, военное ведомство в СССР огромно, оно обладает колоссальным персоналом и бюджетом. Главное же — оно действительно может представлять собой опасность для власти номенклатуры, следовательно, для самого существования этого основанного не на собственности, а на власти класса. Такую потенциальную угрозу номенклатура учла и приняла необходимые меры предосторожности.

Первая категория этих мер была чисто военной. Были сформированы дивизии внутренних и пограничных войск, полностью отделенных от частей Советской Армии и находящихся в ведении КГБ и МВД СССР. Отлично вооруженные и обученные, они представляют собой серьезную силу, способную подавить не только верхушечный путч, но и восстание в армейских частях. А чтобы сделать такое восстание бесперспективным, в СССР установлен невиданный в других армиях порядок: все склады оружия и боеприпасов находятся под охраной не обычных воинских частей, а внутренних войск. Столкновение этих двух сил можно было хорошо проследить на примере румынской революции 1989 года.

Вторая категория мер была, пожалуй, еще более важной: меры социальные, преследующие цель обеспечить полную благонадежность военного руководства. Номенклатура в Вооруженных Силах была поставлена в особо привилегированные условия, чтобы военные номенклатурщики не завидовали партийным чинам. И в самом деле: свою страть к властвованию и сановному чванству маршалы и генералы могут сполна удовлетворять в армии, и материально они обеспечены отлично; пускаться же в смертельно опасную авантюру государственного переворота для того лишь, чтобы в случае успеха сесть самим в освободившиеся аппаратные кресла и заниматься нудным делом руководства, скажем, текстильной промышленностью, они не захотят. Военные номенклатурщики твердо усвоили, что путь продвижения в иерархии господствующего класса — выслуживание перед начальством и интриги против конкурентов, а не путчи.

Для страховки в Вооруженных Силах заведен такой порядок, что в номенклатуру отбираются люди, политикой не интересующиеся. Исключение составляет номенкла-

тура, работающая в политорганах, но она-то и является надзирающим глазом партаппарата. Это был до начала 1991 года и ее официальный статус: Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота числилось одновременно Военным отделом ЦК КПСС, который просто был пересажен со Старой площади на Гоголевский бульвар в Москве. Сидели там цековские номенклатурщики, которым присвоены высокие воинские звания, чтобы в войсках их не воспринимали как «шпаков» (уничижительное армейское прозвище штатских). Такими же аппаратными номенклатурщиками являются находящиеся в войсках политработники — причем не только генералы, но и офицеры. Политорганы Вооруженных Сил СССР — это переодетая в военные формы часть партаппарата и, следовательно, часть класса номенклатуры.

Есть в Вооруженных Силах и другое представительство класса номенклатуры — особые отделы. Но и в этом отношении военное ведомство не отличается от всех остальных: во всех советских учреждениях обязательно есть спецчасть или «1-й отдел» — представительство КГБ. За последние 20 лет во всех ведомствах, имеющих контакты с заграницей, открыты также иностранные отделы, а в министерствах — управления внешних сношений. Это представительства разведки и контрразведки КГБ (в некоторых учреждениях также Главного разведывательного управления Вооруженных Сил СССР — ГРУ).

Подчиненное положение армии и органов МВД по отношению к аппарату партии и КГБ совершенно закономерно: это подчинение господствующему классу номенклатуры. Не иначе было, вероятно, и в нацистской Германии: там тоже хозяйничали партийные бонзы и тайная полиция, генералитет же находился в подчиненном положении и был свирепо разгромлен, когда попытался совершить путч 20 июля 1944 года.

И все же КГБ и номенклатура Вооруженных Сил действительно занимают несколько особое положение в классе номенклатуры — положение опоры власти этого класса.

Такое явление следует отразить в модели номенклатурного класса. При этом к военной надо причислить и номенклатуру оборонной промышленности, подчиненной Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Президиуме Совета Министров СССР. В номенклатурной среде оборонную промышленность часто называют «девяткой» — по числу девяти важнейших министерств, на режимных предприятиях которых производятся вооружения и техни-

ческие средства для армии. Например, Министерство общего машиностроения создано специально для производства ракет, а за маловразумительным названием «Министерство среднего машиностроения» скрывался огромный промышленный комплекс по производству ядерного оружия (в 1989 году это министерство было слито с другим ядерным комплексом — Министерством атомной энергетики СССР и теперь называется Министерством атомной энергетики и промышленности СССР). Не нужно, однако, думать, будто оборонная промышленность, «оборонка», сводится лишь к девяти главным министерствам — военные заказы размещаются в любой отрасли, и им отдается приоритет. Например, даже безобидный с виду Государственный комитет по стандартам — Госстандарт, вроде бы призванный следить за качеством продукции, содержит в своей структуре несколько секретных предприятий, работающих по заказам военных. На предприятиях Министерства угольной промышленности производится графит для ракетных сопел и т. д. Разделение промышленности на оборонные и необоронные в СССР в значительной степени условно — государство принадлежит номенклатуре, а она рассматривает все хозяйство страны как единый комплекс своей собственности.

В модели правильнее всего, видимо, представить кагебистскую военную номенклатуру в виде гребней у основания конуса, непосредственно отходящих от центрального стержня — партаппарата. Третьим таким гребнем, меньшим по значению и, следовательно, по размеру в модели будет номенклатура органов пропаганды (печать, радио, телевидение, так называемые творческие союзы, общество «Знание» и т. д.).

Четвертый гребень, примерно такого же размера,— номенклатура внешнеполитической службы. Сюда относятся аппарат Министерства иностранных дел СССР и номенклатура Союза обществ дружбы, комитетов (защиты мира, за безопасность и сотрудничество в Европе, советских женщин, молодежных организаций, ветеранов войны, солидарности с народами Азии и Африки и другие), а также внешнеполитических институтов.

Главная опора класса номенклатуры — полицейский террор и военная сила, но пропаганда и внешнеполитическая служба тоже призваны оказывать поддержку.

Дополненный таким образом в нашей модели конус номенклатуры приобретает очертание ракеты с четырьмя стабилизаторами: двумя большими и двумя поменьше.

Но находится эта ракета не в безвоздушном космическом пространстве. Наоборот, тело номенклатурного организма окружено питательной средой — многомиллионной массой членов КПСС. Эта масса — часть управляемого номенклатурой народа: интеллигенции, рабочих, служащих и колхозников. Именно в таком качестве она и нужна классу номенклатуры. Но, как мы уже говорили, эта партийная масса стремится хоть немного подняться над народом и тихо мечтает попасть в номенклатуру. В партийной массе все время происходит движение: отдельные частички — индивидуумы и целые группы — пытаются подобраться поближе к кажущемуся им столь привлекательным телу номенклатурного конуса, другие выталкиваются прочь из партийной массы, третьи, боясь быть вытолкнутыми, довольствуются своим местом. Наиболее удачливые плотно облепили тело номенклатуры и ищут возможности просочиться в него. Это секретари парторганизаций и члены их бюро и комитетов, замы и помы номенклатурных чинов. Все вместе они составляют в партийной массе верхний слой, который можно назвать «предноменклатурой». Именно из этого слоя и совершается тот путь наверх, который мы проследили на примере товарища Иванова.

Сконструированная выше коническая модель номенклатуры, конечно, условна. Социальные тела не имеют четких очертаний геометрических тел. Если бы на основании точных статистических данных о составе и количестве номенклатуры вычертить соответствующие кривые и вылепить по ним пространственную модель, получилось бы уродливое бугристое тело с неравномерно-многоступенчатым заостренным стержнем. Однако в принципе и само тело, и его стержень были бы конусообразными.

Описанный выше конус — лишь модель второй степени, геометрическая модель пространственной модели номенклатуры. Но для понимания структуры этого класса она дает больше, чем дало бы созерцание углублений и вздутий более точной пространственной модели, ибо, не отвлекая внимания на частное и случайное, она дает представление об общем и закономерном в структуре номенклатурного класса.

Номенклатура — правящий класс, класс-ракета. На какой курс легла она в своем полете во времени?

Может быть, несмотря на карьеризм, на интриганство, на старание сделаться наследственным, класс-ракета следует курсу, провозглашенному Марксом и записан-

ному в программах, речах, статьях? Может быть, летит она к бесклассовому коммунистическому обществу, к отмиранию государства, к равенству всех без исключения, к светлому будущему всего человечества?

Последующие главы должны дать ответ на этот вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. С. Зорин, Н. Алексеев. Время не ждет. Наша страна находится на поворотном пункте истории. Франкфурт-на-Майне. 1970, с. 6.
2. См. «Stern», 17. Maj 1979, Nr 21, S. 30.
3. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 280.
4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 97.
5. XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1972, т. 2, с. 239.
6. В. Озара. Кадры управления, их подбор и подготовка. «Вопросы экономики», 1973, № 9, с. 112, 115.
7. А. Марченко. Мои показания. Лондон, 1969, с. 160.
8. С. Зорин, Н. Алексеев, цит. соч., с. 10.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 344.
10. См. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 170—177.
11. «Коммунист», 1971, № 5, с. 78.
12. «История СССР», 1972, № 3, с. 162—163.
13. Структура советской интеллигенции. Минск, 1970, с. 124.
14. «Правда», 25.01.1986.
15. Цит. по Р. А. Медведев. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974, с. 1094.
16. См. «Правда Украины», 08.06.1986.
17. ЦСУ СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 6. М., 1973, с. 20.
18. «Известия ЦК КПСС», № 1, 1989, с. 86.
19. Там же, с. 86.
20. Программа КПСС. М., 1961, с. 65.
21. См. там же, с. 93—99.
22. «Коммунист», № 4, 1986, с. 114, 115, 118, 123, 125.
23. «Правда», 25.01.1986.
24. «Правда», 30.08.1990.
25. «Известия», 4.09.1990.

Глава 4

НОМЕНКЛАТУРА — ЭКСПЛУАТАТОРСКИЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Нас спрашивают: При капитализме человек эксплуатирует человека. А при социализме?
Отвечаем: При социализме — наоборот.

(Армянское радио)

История свидетельствует: всякий господствующий класс всегда был одновременно эксплуататорским классом. Энгельс справедливо писал: «В основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в эксплуатацию масс»[1].

Относится ли это правило к господствующему классу реального социализма — номенклатуре?

Чтобы рассмотреть поставленный вопрос, нам надо вступить в сферу политэкономии социализма, а это нелегкая задача.

Маркс писал как-то Л. Кугельману: «Безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы. Да и за что же, как не за это, платят сикофантам-болтунам, которые не могут выставить никакого другого научного козыря, кроме того, что в политической экономии вообще не разрешается мыслить?»[2]

На такой основе и возникла существующая ныне в соцстранах политэкономия социализма. Ожидать помощи от этой номенклатурной науки не приходится.

Хотя, по Ленину, политэкономия является одной из трех составных частей марксизма, тем не менее победа марксизма на одной шестой части планеты не ознаменовала собой торжества марксистской политэкономии. Наоборот, среди всех общественных наук именно она стала камнем преткновения. Казалось бы, долженствующая быть кристально ясной, политэкономия социализма никак не давалась, несмотря на то, что были привлечены для ее разработки лучшие теоретические силы партии, и писали они свое произведение на уютной государственной даче, и даже лично товарищ Сталин давал им указания и

сочинил свой очередной гениальный труд «Экономические проблемы социализма в СССР». Только после 11-летних стараний удалось, наконец, в 1954 году родить книгу по политэкономии социализма — основу уникальной научной дисциплины, в которой каждое утверждение — фантазия.

В нашу задачу не входит анализировать эти фантазии: такая работа западными учеными в определенной степени проделана[3]. Известна и критика этой книги с другого идеологического полюса — замечания Мао Цзэдуна по ее тексту[4]. Мы постараемся изложить здесь некоторые вопросы подлинной — а не фантастической — политэкономии реального социализма.

1. «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» — КОЛЛЕКТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НОМЕНКЛАТУРЫ

Номенклатура в полной мере подходит под данное Лениным определение класса.

Однако, с точки зрения марксизма, определение *господствующего* класса содержит одно уточнение: такой класс является собственником средств производства. Право собственности — это неограниченное право владельца распоряжаться объектом собственности по своему усмотрению, включая передачу его другому владельцу или уничтожение. Обладает ли номенклатура как класс собственностью — не на импортные товары, купленные в спецсекции ГУМа, а именно на орудия и средства производства в стране?

Здесь мы попадаем в Эльдорадо советской пропаганды. Всякие джиласы, вещает эта пропаганда, всякие прочие шавки из подворотни мирового империализма, пытаясь навести тень на ясный день, твердят о «новом классе», о «новой буржуазии» в СССР. Пусть же они укажут, где в СССР частные владельцы фабрик, заводов и сельскохозяйственных предприятий. Нет таких владельцев! Средства производства в СССР — это социалистическая собственность. И то, что высшей формой ее является государственная собственность, предсказано классиками. Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы... централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс»[5].

Так обстоят дела, господа ревизионисты всех мастей!

Тщетны ваши потуги выдать белое за черное и опорочить реальный социализм!

Не только официальные коммунистические пропагандисты прибегают к этому аргументу. Неотразимым кажется он даже тем марксистам за рубежом, которые критически относятся к отнюдь не предусмотренной классиками марксизма иерархической структуре реального социализма. «Ведь нет же в СССР частных владельцев фабрик и заводов!» — твердят они.

Итак, выдается за марксистское и упорно выдвигается утверждение: раз производительные силы принадлежат в СССР не частным владельцам, а государству, значит, в советском обществе нет эксплуататорского класса. А что, собственно, в этом утверждении марксистского? Ровно ничего.

Считали ли Маркс и Энгельс, что о собственности можно говорить лишь тогда, когда владелец официально признан таковым в праве? Нет, они считали как раз обратное: собственность — фактическая, а не юридическая категория; вещи становятся «действительной собственностью только в процессе общения и независимо от права...» [6]. Следовательно, тот факт, что собственность не записана прямо за номенклатурой, с марксистской точки зрения еще ничего не означает.

Верно, Маркс пишет о противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения как об основном противоречии капитализма. Но разве под «частным» присвоением Маркс понимает лишь присвоение продуктов труда отдельным капиталистом? Если бы так, то для ликвидации противоречия достаточно было бы заменить разрозненных капиталистов их обществами — например, акционерными, и ни о какой революции не стоило бы и речи вести. Нет, под капиталистической собственностью на орудия и средства производства и на продукт труда Маркс понимает собственность «совокупного капиталиста», то есть всего класса капиталистов в целом.

Может, с марксистской точки зрения, капиталистическая собственность принимать форму групповой собственности? Безусловно. Все капиталистические компании, концерны, синдикаты, тресты олицетворяют именно такую форму. Существо производственного отношения не меняется, речь идет лишь о форме управления собственностью класса капиталистов.

Может, с марксистской точки зрения, форма управле-

ния капиталистической собственностью быть не просто групповой, а становиться государственной? Безусловно. В экономике многих капиталистических стран имеется значительный государственный сектор, но, по марксистской оценке, наличие такого сектора нисколько не меняет существа отношения собственности в этих странах: факта принадлежности орудий и средств производства классу капиталистов.

Почему не меняет? Да потому что, как уже говорилось в главе 1, государство, с точки зрения марксизма, не является надклассовым. Государство — аппарат подавления и управления, принадлежащий определенному — господствующему — классу, ему и только ему. То, что этот класс управляет своей собственностью посредством такого аппарата, абсолютно ничем не нарушает классового характера собственности. Сами же идеологи КПСС охотно и многословно рассуждают о государственно-монополистическом капитализме. Кстати, государственная форма управления имуществом правящего класса существовала и в докапиталистических формациях. Она занимала немалое место в экономике рабовладельческих древневосточных деспотий, в частности Египта; на ней было построено все хозяйство Спарты. При феодализме многочисленные владения короны представляли собой в разных странах государственно управляемую собственность класса феодалов.

Все сказанное — не откровение, а азбука марксистской экономической теории. Только на недостаточном знании этой теории в несоциалистических странах или на нежелании задуматься над ней в социалистических странах может паразитировать пропаганда КПСС со своим «аргументом» о государственной собственности при социализме.

«Аргумент» же о том, что номенклатура не класс, так как номенклатурные посты не передаются прямо по наследству, вызывает просто недоумение. Вот уж именно в «точном марксистском понимании» понятия «класс» не содержится в качестве обязательного условия наследование принадлежности к данному классу. Нет, например, такого наследования у рабочих — так что же, и рабочего класса не существует?

Так что не надо принимать всерьез все эти псевдоаргументы. Ничего марксистского в них нет, и ни в чем они не убеждают.

Конечно, в предреволюционной России были — наряду с синдикатами — частные владельцы предприятий: вся-

кие титы титычи и силы силычи, а при социализме только и видишь если не номерной завод, то завод имени Ленина, завод имени Ульянова, завод имени Ильича, завод имени Владимира Ильича. Но ведь переименование фабрики «Сукин и сын» в фабрику имени И. В. Сталина отнюдь не было свидетельством того, что она стала всенародным достоянием. Это было лишь показателем того, что переменились хозяева, а кто новые владельцы, оставалось неизвестным.

Однако найти владельцев можно. Государственная форма управления фабрикой и вправду красноречива. То, что новые хозяева управляют своим предприятием не как-либо иначе, а именно через государство — аппарат господствующего класса, позволяет безошибочно идентифицировать счастливых обладателей. Это и есть господствующий класс советского общества — номенклатура, поручивший управление своей собственностью своему аппарату.

Таким образом, то, что в СССР заводы и фабрики принадлежат государству, с марксистской точки зрения действительно ведет к обнаружению их подлинного собственника. Только вот собственником этим оказывается не весь народ и не пролетариат, а номенклатура.

Номенклатура — собственник коллективный. В этом нет ровно ничего удивительного. Если форма коллективного владения восторжествовала даже в насквозь индивидуалистическом буржуазном обществе, то номенклатура с ее проповедью спайки и коллективизма, естественно, должна была прийти именно к такой форме. Это отнюдь не свидетельство ее прогрессивности по сравнению с капиталистами-частновладельцами. Еще спартиаты были коллективными собственниками илотов, а в седом средневековье церковь в разных странах была коллективной владелицей огромных богатств, угодий и крепостных крестьян. Однако претензий на то, что это преддверие коммунизма, ни жители Спарты, ни средневековые церковники не выдвигали — и правильно делали.

Разумеется, есть отличие в характере обладания социалистической и корпоративной собственностью. В социалистической собственности доли не покупаются и не продаются. Они достаются с включением в класс номенклатуры, увеличиваются или уменьшаются в зависимости от положения в иерархической структуре, а изгнание из номенклатуры знаменует собой лишение изгнанного его доли. Ни в каком случае номенклатурщик не может полу-

чить на руки приходящуюся на него долю капитала. Но он регулярно получает поддающуюся в каждом случае довольно точному подсчету сумму материальных благ, которую можно сопоставить с выплатой дивидендов в капиталистическом мире.

В ст. 10 Конституции СССР провозглашается, что социалистическая собственность существует в двух формах: государственной и колхозно-кооперативной. При этом если государственная собственность принадлежит якобы всему народу, то колхозно-кооперативная принадлежит колхозам и кооперативам. Та же статья сообщает, что социалистической собственностью в СССР является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций.

Вопрос о том, кто в действительности владеет государственной собственностью при реальном социализме, мы уже разобрали. Посмотрим теперь, кто же является обладателем колхозно-кооперативной собственности.

Обратим внимание на следующее. Казалось бы, поскольку государственная собственность принадлежит государству, а колхозно-кооперативная ему не принадлежит, коренное различие между этими двумя формами собственности очевидно. Однако обе формы по какой-то причине охватываются общим понятием «социалистическая собственность». Что их объединяет?

Ничего членораздельного на эту тему в СССР не произнесено. Между тем наличие общности несомненно: свидетельство этому — легкость перехода из одной формы в другую. Были МТС, потом при Хрущеве техника была передана колхозам, то есть средства производства перешли из государственной в колхозно-кооперативную собственность. С другой стороны, при том же Хрущеве ряд колхозов был превращен в совхозы, то есть произошли изменения формы собственности в противоположном направлении. Ни с какими трудностями все это связано не было и несопоставимо с теми проблемами, которые при капитализме возникают в случае национализации или реприватизации. Словом, общность налицо. Только вот основа этой общности неудобопроизносима в рамках официальной идеологии реального социализма.

Начнем с того, что на протяжении ряда лет в СССР усматривались только две формы социалистической собственности на средства производства: государственная и колхозно-кооперативная. Только потом спохватились: газета «Правда» — орган ЦК КПСС. Партия —

это не государство; значит, «Правда» — колхозно-кооперативная собственность? Об этом сначала не подумали, громогласно провозгласив теорию о двух формах социалистической собственности; было до предела ясно, что «Правда» принадлежит правящему классу точно так же, как орган Верховного Совета СССР «Известия», орган профсоюзов «Труд», числившаяся за Союзом писателей СССР «Литературная газета» и «Журнал Московской Патриархии». Тут сообразили, что вообще все имущество профсоюзов, так называемых творческих союзов, общества «Знание» и добровольных спортивных обществ, церквей и религиозных организаций и многое другое формально не могут быть включены ни в одну из обеих провозглашенных форм социалистической собственности. Но спохватились с запозданием, когда тезис о двух формах уже превратился в такую же азбучную истину, как «диктатура пролетариата» или «общенародное государство». Менять заученную всеми цифру «два» было невозможно, Пришлось принять соломоново решение: форм две, но есть и третья. Эта новооткрытая форма социалистической собственности — «собственность общественных организаций» — упоминается даже в Конституции торопливой скороговоркой: не оттого, что в ней самой есть что-то порочащее социалистический строй, а именно потому, что ее слишком поздно изобрели.

За этим анекдотическим запозданием кроется то, что вся теория о формах социалистической собственности надуманна от начала и до конца. Была бы под этой теорией какая-либо реальность, можно не сомневаться, что забывчивость не была бы проявлена.

Действительность такова, что не только государственная, но и две другие формы социалистической собственности принадлежат единому хозяину: классу номенклатуры.

В самом деле: отношение именно номенклатуры к средствам производства полностью соответствует понятию владения. Только номенклатура может по своей воле уничтожать средства производства. Именно по ее решениям во время войны была взорвана плотина ДнепроГЭС — легендарного Днепростроя 30-х годов, были взорваны промышленные предприятия при отступлении советских войск — в ряде случаев вопреки отчаянным протестам обрекавшихся таким образом на безработицу и голод рабочих, мнимых хозяев социалистического производства.

Номенклатуре довольно открыто принадлежит пресловутая «собственность общественных организаций». Что это за организации? Во-первых, партийные органы, то есть части номенклатуры. Во-вторых, организации, управляемые парторганами, в ряде случаев непосредственно, в некоторых случаях — через государственные ведомства (например, церковь — через Совет по делам религии).

А как обстоит дело с колхозно-кооперативной деятельностью? Ведь у нее, казалось бы, есть владелец: члены данного колхоза. Только действительно ли это владелец? Принадлежит ли колхоз колхозникам?

Приложим определение собственности к данному отношению и убедимся, является ли оно отношением собственности. Могут колхозники даже единогласным решением ликвидировать свой колхоз, продать или уничтожить колхозное имущество, средства производства и созданные ими продукты?

Нет, не могут. Даже предложение подобного рода являлось бы в СССР наказуемым деянием. Колхозники строго регламентированы в праве пользования якобы своей собственностью. Даже если они будут голодать, забить колхозный скот они не могут. Вся земля передана колхозу государством в бесплатное и бессрочное пользование, но произвести внутри этого массива прирезку земли в пользу приусадебных участков колхозное собрание не может. Так какая же это собственность?

Впрочем, даже не предаваясь теоретическим изысканиям, советский гражданин на практике исходит из того, что колхоз, конечно же, колхозникам не принадлежит. Регулярно отправляемые осенью на спасение гибнущего колхозного урожая горожане отлично сознают, что едут они работать не на членов данного колхоза, а вместе с ними — на подлинного хозяина.

Ибо всем ясно, что колхозное имущество — не бесхозное, кому-то оно принадлежит. Но ни государство, ни «общественные организации» своим его не признают. Кто же владелец?

Представителя этого владельца укажет каждый, кто бывал в советской деревне: райком партии. Уполномоченный райкома в колхозе — председатель. «Выбирает» председателя общее собрание колхозников, а направляет его в колхоз райком. Председатели колхозов — номенклатура райкомов партии.

Вот райком действительно может распоряжаться кол-

хозно-кооперативной собственностью, в противоположность самим кооператорам-колхозникам. Во время войны по решениям райкомов уничтожался или угонялся колхозный скот и сжигались колхозные амбары перед наступавшими немцами. По решениям райкомов перекраивали, укрупняли и разукрупняли колхозы. Однако и райком — не владелец, а лишь полномочный представитель владельца колхозно-кооперативной собственности, и действует он под контролем обкома партии.

Весьма характерно, что Хрущев, разделив обкомы на промышленные и сельскохозяйственные, несколько приоткрыл, таким образом, подлинные отношения собственности в советском обществе. И у государственной промышленности, и у колхозного сельскохозяйственного производства собственник один — класс номенклатуры.

Так что не надо поддаваться иллюзии, будто есть у колхозно-кооперативной собственности некий реальный владелец, отличный от обладателя государственной собственности и собственности общественных организаций. Колхозно-кооперативная собственность тоже принадлежит номенклатуре.

Социалистическая собственность — это собственность класса номенклатуры. Это и есть то общее, что объединяет государственную, колхозно-кооперативную собственность и собственность общественных организаций и позволяет легкие переходы из одной формы в другую, простые, как перекладывание из кармана в карман в одном пиджаке. Сами же эти так называемые «формы социалистической собственности» — всего лишь *формы управления* ею со стороны класса-владельца.

Зачем нужны эти формы? Поскольку владелец один, не проще ли было ему установить единую форму управления своей собственностью?

Такой вопрос только внешне логичен. Он игнорирует путь возникновения социалистической собственности.

Социалистическая собственность возникла в результате экспроприации «новым классом» всех, кого можно было экспроприировать. В результате вся собственность ликвидированных после революции классов — дворян и буржуазии — была объявлена государственной.

По тактическим соображениям помещичья земля была сначала — в соответствии с эсеровской программой — передана в пользование крестьянам. Проведенная в 1929—1932 гг. сплошная коллективизация была не чем иным, как экспроприацией номенклатурой крестьян. Но

крестьянство невозможно было ликвидировать. Поэтому экспроприации была придана такая форма, как будто никакого перехода собственности от одного класса (крестьянства) к другому классу (номенклатуре) вообще не произошло, а просто крестьяне стали вдруг кооператорами. Так сложились «две формы социалистической собственности». Хотя, выражая настроения номенклатуры, Сталин, а затем Хрущев и поговаривали о том, что пора «поднять кооперативно-колхозную собственность до уровня общенародной», острой необходимости в таком акте не было, так что это до сих пор не сделано.

С собственностью общественных организаций дело обстоит иначе. Мы видели, что эту форму вообще придумали с запозданием. Неожиданный политический смысл она стала приобретать в связи с попыткой Хрущева вдохнуть жизнь в лозунг построения коммунизма. Было объявлено, что государство при коммунизме все-таки отомрет, а вот партия останется и функции государственных органов перейдут к общественным организациям. В этих условиях собственность общественных организаций стала приобретать черты той формы управления собственностью, к которой номенклатуре предстояло бы перейти, если бы действительно пришлось объявить, что государство отмерло и партийные органы стали осуществлять власть непосредственно и через псевдообщественные организации. Падение Хрущева положило конец разговорам о таком развитии, и собственность общественных организаций так и не успели объявить прогрессивной формой социалистической собственности — ростком коммунизма.

Итак, оказалось, что ликвидация частной собственности и превращение ее в социалистическую — это всего лишь перевод всего имущества в стране в собственность господствующего класса — номенклатуры. Исключение делается только для четко очерченного разрешаемого максимума личной собственности граждан.

Как и подобает господствующему классу, номенклатура обладает собственностью на средства производства в обществе.

2. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Как получилось, что профессиональные революционеры вдруг стали собственниками? Возникла ли экономическая система реального социализма этаким неудержимым потоком объективно назревших перемен или иначе?

Приход ее, с точки зрения Маркса, назрел до предела, и старая, насквозь прогнившая система частной собственности должна была рухнуть под бурным напором рвущихся наружу прогрессивных сил. Вот какими бьющими, как набат, словами описывал Маркс проводимый им скачок: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[7].

Экспроприация прежних собственников действительно произошла. Но почему-то выглядела она не как прорыв назревшей исторической необходимости, а как торопливый разбойный набег.

Посмотрим, как проходила после Октября 1917 года национализация. Пользоваться мы намеренно будем не красочными описаниями потерпевших, а советским изданием — «Экономической историей СССР»[8].

20 ноября 1917 года Государственный банк в Петрограде был внезапно занят вооруженным отрядом красных солдат и матросов. Возглавил отряд не какой-либо лихой командир, а замнаркома финансов. У кого отвоевывал находившийся уже две недели у власти замнаркома Государственный банк своей страны? Если не считать невнятных слов о саботаже, ответа на этот вопрос в советской литературе не дается. Да его и трудно дать: речь-то шла не о капиталистической частной, а о советской государственной собственности, и кого в данном случае замнаркома экспроприировал, он сам бы не смог сказать. Драматическая вооруженная акция объяснима только с точки зрения психологии рождавшегося класса номенклатуры: надежно распоряжаешься только там, где установил военную оккупацию. Эта идея не покидает номенклатуру и в наши дни.

Следующая неделя ушла на подготовку новой операции. Не кто-нибудь, сам Ленин был назначен руководителем «Специальной Правительственной Комиссии по овладению банками». Орган с таким своеобразным названием был создан не главарями мафии или треста организованной преступности, а Временным правительством страны (оно тогда еще так называлось), только что проведшим выборы в Учредительное собрание.

Выборы, как скоро выяснилось, были для ленинцев

только маскировкой, у власти они собирались оставаться не временно, а до скончания мира, соответственно и была произведена подготовленная акция по овладению частными банками. В гангстерском стиле — ночью (в ночь на 27 ноября 1917 года) все эти банки были по приказу Ленина заняты вооруженными отрядами. А на следующий день опубликован декрет: банковское дело в стране объявлялось государственной монополией, и все частные банки, как было деликатно сказано, «сливались» с Госбанком.

После этой грандиозной экспроприации денежных средств перед ленинским правительством встал вопрос: как быть с ценными бумагами, находившимися у населения? Поступили просто: в январе 1918 года аннулировали все акции, а в феврале — все государственные займы и царского, и Временного правительства. Так рождавшаяся номенклатура поспешила наложить свою уже тяжелевшую ручонку на сбережения граждан.

Был, впрочем, сделан демократический жест в сторону мелких держателей займов: все, кто имел облигации на сумму не свыше 10 000 рублей, получали — нет, конечно, не деньги, а на ту же сумму облигации «займа РСФСР». Скромный дар, так как последовавшая катастрофическая инфляция привела к полному обесценению облигаций.

Таким радикальным приемом ликвидировав внутреннюю задолженность государства, Советское правительство разделалось по той же схеме и с задолженностью внешней. Оно просто отказалось выплачивать по российским займам за границей, мотивируя это гордыми принципиальными соображениями: займы-де были взяты царским режимом и вдобавок для империалистических целей. Скоро выяснилось, что дело не в принципах, а в деньгах: на Генуэзской конференции 1922 года Советское правительство согласилось признать царские займы, но при условии, что ему будет выплачена Западом еще бóльшая сумма под видом возмещения ущерба, причиненного России интервенцией. Поскольку предоставлять Советскому государству замаскированную таким образом помощь Запад не собирался, дело ограничивалось экспроприацией иностранных держателей русских займов.

А как было произведено огосударствление промышленности?

Все государственные предприятия перешли в руки Советского государства автоматически, так что проблему составляла лишь национализация частных предприятий. И тут вначале был использован жупел саботажа. Под

предлогом опасности саботажа уже в ноябре — декабре 1917 года ленинское правительство конфисковало ряд крупных частных предприятий (Путиловский, Невский, Сестрорецкий заводы, группу заводов Донбасса и Урала).

В январе 1918 года был издан декрет о национализации торгового флота. Попытки владельцев продать свои предприятия иностранцам были пресечены в корне: всякая продажа предприятий была запрещена.

Теперь можно было наносить завершающий удар. 28 июня 1918 года вышел ленинский декрет о безвозмездном переходе всей крупной промышленности и частных железных дорог в руки Советского государства. Операция эта была проведена почти столь же стремительно, как овладение банками и сбережениями населения, и была завершена к октябрю 1918 года.

И все же у частных владельцев остались еще мелкие и часть средних предприятий. Терпеть такое было невозможно. Декретом от 20 ноября 1920 года Советское государство отобрало у владельцев *все* предприятия с числом более десяти, а там, где имелся механизированный двигатель, более пяти работников. Не национализированными остались фактически лишь кустарные мастерские.

Может быть, быстрый темп национализации и свидетельствовал о прорыве распиравшей общество исторической необходимости?

Непохоже. Едва успела эта необходимость так полно проявиться к концу 1920 года, как с весны 1921 года пришлось ее заталкивать назад. В связи с переходом к нэпу мелкие предприятия были реприватизированы, и вскоре в некоторых отраслях легкой и пищевой промышленности частные предприятия стали давать до одной трети всей продукции[9]. Конечно, потом постепенно снова все национализировали, а нэпманов — кого расстреляли, кого уморили в лагерях. Но все же нэп — свидетельство, что не необходимость безудержно рвалась наружу, а ленинцы так зарвались, что пришлось отступать. В сельском хозяйстве они были вынуждены даже начинать с отступления — как иначе охарактеризовать ленинский Декрет о земле, открыто осуществлявший не большевистскую, а эсэровскую земельную программу? Разумеется, класс номенклатуры добрался потом и до крестьян, проведя коллективизацию. Но и эта массовая экспроприация была проведена по заранее расписанному Политбюро календарному плану.

Экономическая система реального социализма не вы-

росла органически, она была искусственно воздвигнута. Осуществлено это было посредством конспиративно спланированных и внезапно проводившихся операций, в ряде случаев с применением вооруженных сил. После того, как дело было совершено, номенклатуре пришлось при помощи той же вооруженной полицейской силы, судов, прокуратур, драконовских наказаний удерживать от развала сооруженную ею экономическую систему. Еще Ленин сокрушался, что в гуще населения стихийно рождаются капиталистические отношения — «ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе». И хотя эту анахроническую поросль стремительно затаптывают сапогом карательных органов номенклатуры, она оказывается на редкость живучей: от подпольных миллионеров-одиночек в стиле Корейко из «Золотого теленка» до создания подпольных частных предприятий.

Нет, не как прорыв созревшей исторической необходимости выглядит создание экономической системы реального социализма, а как насилие над историей, как натужное старание повернуть его течение в сторону, позволившее номенклатуре стать эксплуататорским классом.

3. НОМЕНКЛАТУРА ПРИСВАИВАЕТ ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ

По оценке Энгельса, Маркс совершил два великих открытия: разработал материалистическое понимание истории и создал теорию прибавочной стоимости[10]. Так высоко — наравне с историческим материализмом! — поставил Энгельс учение о прибавочной стоимости. Ленин назвал это учение «краеугольным камнем экономической теории Маркса».

Энгельс и Ленин правы. Именно учение о прибавочной стоимости является идеологической взрывчаткой в анализе Марксом капиталистического способа производства. Что же касается трудовой теории стоимости в целом, то она принадлежит не Марксу, а Адаму Смиту и Дэвиду Рикардо. Марксом она была лишь использована для вящей научности в качестве некоего общего обоснования учения о прибавочной стоимости.

Но как раз научность Марксовой идеи от этого пострадала. Трудовая теория стоимости подвергается теперь на Западе серьезной критике.

В самом деле: определяется ли стоимость товара только количеством затраченного на его производство общест-

венно-необходимого рабочего времени, как утверждает эта теория? Вряд ли. Одна и та же шуба будет иметь совершенно различную стоимость в холодной Сибири и в жаркой Африке, хотя количество вложенного в нее общественно необходимого рабочего времени не изменяется от ее транспортировки. Стоимость зависит не только от овеществленного в товаре труда, но, видимо, в еще большей степени от спроса на товар в каждый данный момент. Это отлично поняли не стремящиеся в теоретические высоты буржуазные торговцы и устраивают знакомые западному читателю летние и зимние распродажи.

Маркс же, привязав свое открытие к трудовой теории стоимости, вдобавок интерпретировал его в духе этой теории, объявив, что прибавочная стоимость создается только живым трудом. По мере прогресса научно-технической революции ошибочность этого утверждения становится все более наглядной. Ведь по Марксу выходит, что чем меньше машин на предприятии, тем больше прибавочной стоимости получает его владелец — капиталист, при полной же автоматизации предприятия он вообще ее не получит. Если бы так было в действительности, то при капитализме применялся бы только ручной труд — чего, как известно, нет.

Однако было бы неверно делать из этих очевидных несообразностей вывод, что прибавочной стоимости вообще не существует. Просто создается она как людьми, так и машинами в процессе любого материального производства, если ценность продукта превышает производственные издержки.

Прибавочная стоимость определяется так: это стоимость, создаваемая непосредственным производителем сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемая владельцем средств производства. Иными словами, это разница между ценностью продукта, созданного в процессе материального производства, и производственными издержками на его создание, включая расход сырья, амортизацию оборудования, затраты на рабочую силу и прочее.

Как видим, никакой связи с трудовой теорией стоимости здесь нет: все компоненты прибавочной стоимости реально существуют, независимо от содержания понятия «стоимость».

Не зависят эти компоненты и от способа производства. В любом обществе — рабовладельческом, феодальном, капиталистическом — в процессе производства расходует-

ся сырье, амортизируются орудия труда и затрачиваются средства на содержание рабочей силы. При этом создаваемый продукт превосходит по своей ценности все производственные издержки, то есть содержит прибавочную стоимость.

Не будем пытаться давать здесь ответ на выходящий за рамки книги вопрос: откуда возникает разница между издержками производства и стоимостью продукта. Ограничимся констатацией, что разница эта, несомненно, содержащая в качестве составного элемента и затраченное рабочее время, в конечном счете прямо пропорциональна потребности (то есть спросу) на продукт. Жизнеспособно только рентабельное производство; убыточные отрасли могут существовать лишь до тех пор, пока их дефицит возмещается за счет прибавочной стоимости, создаваемой в прибыльных отраслях. В целом производство в каждом данном обществе непременно рентабельно, то есть в каждом обществе создается прибавочная стоимость.

Маркс и Энгельс не прочь были внушить своим читателям, будто прибавочная стоимость является категорией, присущей только капиталистическому обществу. Так, Энгельс писал: «Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и осуществляемой им эксплуатации рабочих...»[11].

В действительности доказано было другое.

Способный экономист, Маркс отлично сознавал, что прибавочная стоимость создается при всех способах производства. Не формулируя прямо этого положения, Маркс в написанной в 1865 году работе «Заработная плата, цена и прибыль» доказал, что в извлечении прибавочной стоимости нет принципиальной разницы между капитализмом, феодализмом и рабовладельческим обществом[12]. Позднее, в I томе «Капитала», Маркс коротко, но четко оговаривает: «Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства»[13].

Итак, необходимо твердо себе уяснить:

1. Прибавочный продукт (прибавочная стоимость) — не выдумка Маркса, а необходимый элемент рентабельного материального производства.

2. Прибавочная стоимость не является категорией только капитализма, а возникает в любом способе производства в условиях общественного разделения труда.

Да иначе и быть не может. В самом деле: что означало бы отсутствие прибавочного продукта при любой форме производства, вышедшей за рамки робинзоновского натурального хозяйства, обслуживающего исключительно собственное потребление? Оно означало бы, что непосредственный производитель материальных благ будет потреблять в полном объеме произведенный им продукт или его материальный эквивалент. Но тогда существовать сможет только он, а не общество: ведь в обществе по необходимости есть много людей, которые непосредственно своими руками материальных благ не производят, но их потребляют.

Прибавочная стоимость создается в *любом* обществе, без этого общество просто не может существовать.

Значит, создается прибавочная стоимость и при социализме?

Да, разумеется, и при социализме.

С различными оговорками писал об этом и Маркс в «Капитале».

«Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом,— объявляет он в I томе «Капитала» и тут же оговаривается: — Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны, потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления»[14].

Видимо, у Маркса и Энгельса возникало не высказанное ими прямо опасение, что и при социализме производство прибавочной стоимости может создать соблазн злоупотреблений. Поэтому в III томе «Капитала» особо подчеркивается: прибавочный труд и прибавочный продукт должны при социализме использоваться только, «с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью...»[15].

Если даже проповедники идеального социализма Маркс

и Энгельс признавали, что прибавочный труд непосредственных производителей будет необходим и в этом светлом будущем, то архитекторы реального социализма Ленин и Сталин при всем желании не могли замолчать производство прибавочной стоимости в созданной ими системе. Однако признали они этот факт очень нехотя. Ленин по свойственной ему манере сразу поставил вопрос полемически: «При социализме *«прибав*/очный/ *продукт* идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»[16]. Сталин на протяжении многих лет твердил, что все в СССР принадлежит трудящимся, о прибавочном же продукте предпочитал помалкивать. Лишь после долгих колебаний в 1943 году он объявил советским экономистам, что в советском обществе трудящиеся создают прибавочный продукт. Так в фантастическую науку политэкономии социализма чуть было не включили, пожалуй, единственное в ней правдивое утверждение.

Но не включили. Номенклатуре очень не хочется обнаруживать у себя заклейменную марксистским учением категорию прибавочной стоимости — синоним эксплуатации трудящихся. Поэтому после смерти Сталина Марксов «необходимый труд» переименовали применительно к социалистическому обществу в «работу на себя», а «прибавочный труд» (создающий прибавочную стоимость) — в «работу на общество». Но незатейливый словесный маскарад не меняет сути дела. Остается факт: трудящиеся при реальном социализме производят прибавочную стоимость.

Итак, реальный социализм не отличается в этом отношении от всех других обществ: его экономика также основана на прибавочном труде непосредственных производителей.

Кто же получает создаваемый при реальном социализме прибавочный продукт? «Государство,— торопливо подскажет нам советская пропаганда.— Общенародное социалистическое государство, кто же еще? А это государство самих трудящихся. Значит, ни о какой эксплуатации и разговора быть не может».

Не может? А вот Энгельс был другого мнения. В конце своей жизни, в 1891 году, он писал Максу Оппенхейму: «Ведь в том-то и беда, что, пока у власти остаются имущие классы, любое огосударствление будет не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы»[17].

Номенклатура же, которой принадлежит вся советская

экономика,— весьма и весьма имущий класс, и стоит он, несомненно, у руля Советского государства.

Однако верно: получает — или лучше сказать, изымает — у непосредственного производителя прибавочный продукт социалистическое государство и никто другой. Роль государства в организации труда ясно сформулировал Ленин в своей лекции «О государстве»: «Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую нельзя без постоянного аппарата принуждения»[18]. Эту функцию социалистическое государство исправно исполняет. Только, как мы уже видели, государство это не общенародное, а принадлежит господствующему при реальном социализме классу номенклатуры, является его аппаратом — в том числе аппаратом для извлечения прибавочной стоимости. И конечный получатель прибавочной стоимости — сам класс номенклатуры. Он, а не какой-либо другой класс советского общества присваивает прибавочную стоимость — подобно тому, как присваивали ее класс рабовладельцев, класс феодалов, как присваивает ее класс капиталистов.

«Да почему же номенклатура? — заволнуется научный коммунист.— Ну, верно, по Марксу, сами рабочие и крестьяне, производящие прибавочный продукт, получают не его, а необходимый продукт. Ну, правильно, товарищи из номенклатуры лично не стоят у станка, и оплачиваются они, как положено по их ответственному труду, причем действительно за счет прибавочного продукта. Но не только же они! Вся советская интеллигенция, все служащие, Вооруженные Силы не стоят у станка и тоже живут за счет прибавочного продукта. За этот же счет производятся капиталовложения, осуществляется развитие науки, техники и культуры, советские люди завоевывают космос. А вас послушать, так выходит, что номенклатурные товарищи, как, извините, саранча, сжирают весь прибавочный продукт — результат работы на общество».

Нет, мы этого не сказали. Не надо подменять один вопрос другим: вопрос, какой класс получает при реальном социализме в свое полное распоряжение прибавочную стоимость, вопросом, на что он ее расходует.

Вторым вопросом мы еще займемся. Займемся и тем, как живут номенклатурщики. Но, несомненно, они, кстати, подобно рабовладельцам, феодалам и капиталистам, проедают не всю получаемую прибавочную стоимость.

Однако *получает* ее класс номенклатуры *всю* без-

раздельно. Это гарантируется тем, что при реальном социализме вся прибавочная стоимость поступает государству, а оно целиком принадлежит классу номенклатуры. Получив же полностью всю прибавочную стоимость, номенклатура исключительно по собственному усмотрению распределяет: что истратить на свои прихоти, а что — на оплату служащих и интеллигенции; что — на мирный космос, а что — на ядерные ракеты; что — на учебники для детишек, а что — на слежку за их родителями. Получатель и бесконтрольный обладатель прибавочной стоимости при реальном социализме — класс номенклатуры и только он один.

Мы говорили пока о прибавочной стоимости, а научный марксист уже заикнулся об эксплуатации. Это он неспроста: в марксистской теории изъятие прибавочной стоимости у непосредственного производителя и есть эксплуатация. При этом марксизм не различает, для какой цели используется изъятая прибавочная стоимость: на прихоти капиталиста или на развертывание производства. Так пусть уж не обессудят научные коммунисты за то, что мы последуем их примеру. Изъятие прибавочной стоимости у производителей — эксплуатация, а изымающий — эксплуататор. Изымает прибавочный продукт в условиях реального социализма номенклатура. Значит, при реальном социализме класс номенклатуры и является эксплуататором трудящихся.

Номенклатура — эксплуататорский класс советского общества. От этой истины никуда нельзя уйти, ее нельзя скрыть никакой пропагандистской болтовней. Отсюда следует: эксплуататором является не только весь класс номенклатуры в целом, но и каждый его член в отдельности.

Известно бесконечно повторяющееся советской пропагандой утверждение, что в Советском Союзе ликвидирована эксплуатация человека человеком. Еще Ленин подчеркнул этот тезис в своем с подкупающей объективностью сформулированном высказывании о социализме как первой фазе коммунизма: «Справедливости и равенства /.../ первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность»[19].

Как видим, вопрос об эксплуатации человека человеком пускается здесь в ход как козырная карта, чтобы покрыть

несправедливость общества реального социализма: да, несправедливость есть, есть богатые и бедные, но вот ни один человек другого человека уже не эксплуатирует.

Верно ли это?

Конечно, поскольку народное хозяйство СССР является коллективной собственностью класса номенклатуры, а не индивидуальной собственностью его членов, эксплуатация трудящихся в СССР имеет форму эксплуатации не человека человеком, а человека номенклатурным государством. Но номенклатурщики не смогут скрыть: каждый из них получает *лично* свою долю изымаемой прибавочной стоимости. Вслед за *коллективным изъятием* прибавочной стоимости происходит ее *индивидуальное присвоение*. Откуда иначе берется высокая зарплата номенклатурщика, на какие деньги построены и содержатся предоставляемые ему дача и квартира, на какие средства приобретены его путевки в цековский санаторий и служебная автомашина, из какого рога изобилия льется его кремлевский паек?

Так как прибавочная стоимость поступает сначала в общий котел номенклатурного государства и черпается потом оттуда, невозможно установить, *каких именно* трудящихся эксплуатирует какой номенклатурщик. Но невозможность назвать их поименно нисколько не меняет того факта, что номенклатурщик *их* эксплуатирует, присваивая производимую *ими* прибавочную стоимость. Он эксплуатирует их точно так же, как рабовладелец — рабов или как феодал — крепостных. Разница состоит в форме эксплуатации, а не в ее факте. *В обществе реального социализма есть эксплуатация человека человеком.* Она есть, и люди начинают это понимать. Недаром в Советском Союзе так популярен анекдот, поставленный в качестве эпиграфа к этой главе.

Анекдот анекдотом, но, может быть, есть у советской политэкономии социализма какие-либо аргументы, опровергающие этот тезис?

Есть аргументы. Прямо процитируем их из теоретической книги советского автора, посвященной проблеме собственности при социализме и коммунизме.

«Государственная собственность в социалистических странах означает, что средства производства находятся в руках всего народа. Разве можно говорить о том, что в этих условиях государственной собственностью владеет и распоряжается какой-то новый класс собственников? Нет, нельзя. Трудящиеся в социалистическом обществе

являются совладельцами всех средств производства, не продают и не могут продавать свою рабочую силу, так как это означало бы продавать ее самим себе. В этих условиях было бы абсурдно говорить об отношениях эксплуатации.

Эксплуатация человека человеком существует лишь тогда, когда одна часть общества, имея в своих руках средства производства, присваивает труд другой части общества, которая лишена этих средств производства и в силу этого вынуждена работать на собственников средств производства. Но такого положения нет и не может быть в социалистическом обществе»[20].

Видите, как убедительно: при социализме эксплуатации нет, потому что при социализме эксплуатации быть не может.

Думаете, сам автор цитаты не сознает пустоту своей аргументации? Сознает, но ведь сказать больше нечего.

И правда — нечего: если применить к реальному социализму категории Марксовой политэкономии, то найти аргументы против эксплуататорского характера этого общества невозможно.

При реальном социализме есть прибавочная стоимость. При реальном социализме есть эксплуатация человека человеком. Это основа основ экономической системы реального социализма.

Система эта сколочена именно так, чтобы в ее рамках класс номенклатуры мог с наибольшим успехом осуществлять эксплуатацию трудящихся.

4. ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Самым фантастическим утверждением в официальной «Политэкономии социализма» может по праву считаться сформулированный Сталиным «основной экономический закон социализма». Он состоит якобы в «обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и усовершенствования социалистического производства на базе высшей техники»[21].

Тут не подойдет снисходительная оценка: «Если и неверно, то хорошо придумано». И придумано-то плохо! Несмотря на старательное ограничение номенклатурой контактов между странами, от людей не удалось скрыть: именно там, где победил реальный социализм,

удовлетворение потребностей населения зримо падает И чем радикальнее победа, тем глубже падение. Что-что, но уж никак не удовлетворение потребностей членов общества является основой экономики реального социализма.

Что же в таком случае? Попробуем оттолкнуться от основного экономического закона современного капитализма. Он формулируется в сталинской политэкономии как «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»[22]. Дело западного читателя определить, в какой мере подходят эти суровые слова к положению в его стране: происходит ли обнищание большинства населения в ФРГ, закабаляет ли Австрия народы других стран, и ведет ли Швейцария войны для обеспечения наивысших прибылей.

Определение вызывает ассоциации не с современными капиталистическими, а с государствами реального социализма. Может быть, получение максимальной прибыли является главной задачей класса номенклатуры?

Нет, не является: в противном случае результат хозяйственной политики был бы иным. Не подлежащее сомнению крайнее пристрастие капиталистов к прибыли ведет к тому, что они в изобилии производят потребительские товары не потому, что заботятся о населении, а потому, что прибыль они могут получить, только продав свои товары. Это и заставляет капиталистов живо интересоваться запросами потребителей. В результате при развитом капитализме возникает то, что принято именовать «обществом потребления»: рынок перенасыщается потребительскими товарами, и проблемой капиталистической экономики становятся кризисы перепроизводства.

Ничего даже отдаленно похожего на все это при реальном социализме нет. Значит, в условиях реального социализма не действует основной экономический закон современного капиталистического общества — погоня за максимальной прибылью.

Больше того. Производство при реальном социализме весьма наглядно отличается от капиталистического, в частности тем, что спокойно допускает не только нерентабельность, но и прямую убыточность цехов, предприя-

тий и даже целых отраслей — явление, невозможное при капитализме.

В каких случаях так бывает? Иными словами: что важнее в экономической деятельности класса номенклатуры, чем максимальная прибыль? Бывает так в тех случаях, когда это нужно для укрепления мощи режима номенклатуры. В жертву этому хладнокровно приносится рентабельность производства. Здесь мы, очевидно, и подходим к подлинному основному экономическому закону реального социализма.

В самом деле: какова главная экономическая цель номенклатуры?

Джилас утверждает, будто новый класс — фанатик индустриализации и, нужно это ему или нет, всеми средствами ее осуществляет. Мнению о мистическом преклонении нового класса перед индустриальным производством вторят Куронь и Модзелевский, приписывая «центральной политической бюрократии» цель производства ради производства[23].

Все это неубедительно. Ведь номенклатура отнюдь не рвется производить товары народного потребления или строить без разбора промышленные предприятия. Номенклатурщики — фанатики власти, а не индустриализации и даже не прибыли. Поэтому и в экономике свою главную задачу они видят во всемерном упрочении и расширении своей власти. Соответственно они стремятся производить то, что нужно для этой цели.

Производство вооружений, военной и полицейской техники, строительство правительственных и военных объектов — все это не случайно, а вполне закономерно поднято при реальном социализме на особую высоту и резко отделено от остального производства, рассматриваемого как второстепенное. Существование военно-промышленного комплекса в странах реального социализма и особенно в СССР намного ощутимее, чем на Западе, где оно, с точки зрения советского человека, находится в зачаточной стадии.

Как можно сформулировать основной экономический закон реального социализма?

Сделаем это с оговоркой. Уверенность Сталина в том, что у каждой формации есть свой основной экономический закон, порождена типичным для Сталина и его последователей иерархическим мышлением: раз есть формация, значит, среди ее закономерностей должен быть главный закон, задающий тон всем остальным.

Подобное мышление имеет мало общего с наукой. Но сформулировать цель, которую преследует господствующий класс данной формации в своей экономической политике,— вполне научная задача, и с иерархическим мышлением номенклатурной бюрократии она не связана.

В этом смысле *основной экономический закон реального социализма состоит в стремлении господствующего класса номенклатуры обеспечить экономическими средствами максимальное укрепление и расширение своей власти.*

Не некий неразборчивый фанатизм и уж, конечно, не благородное стремление удовлетворить потребности трудящихся, а это, и только это, составляет цель и основу всей экономической деятельности класса номенклатуры.

У населения же Советского Союза цель совсем другая — простая и понятная: производство для потребления, причем не для потребления класса номенклатуры, а для потребления самих трудящихся. Люди хотят изобилия товаров для всех, а не для закрытых распределителей и для начальства; они хотят жилищ, а не казарм и не госдач; автомашин для рядового человека, а не танков и «чаек»; масла, а не пушек. Люди действительно хотели бы, чтобы процесс производства служил удовлетворению их потребностей. Эту-то цель рядовых тружеников и выдал Сталин за «основной экономический закон социализма».

Но в действительности между такой целью и экономической целью номенклатуры — основным экономическим законом реального социализма — непримиримое противоречие. Оно ярко отражает антагонизм общества реального социализма. Хорошо сказал о таком противоречии сам Сталин. В одном из своих последних произведений «Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.» Сталин писал: «Тов. Ярошенко забывает, что люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Он забывает, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет»[24]

Верно. Так оно и поступает.

5. ПЛАНОВОСТЬ ЭКОНОМИКИ И СВЕРХМОНОПОЛИЯ

Мои первые школьные годы совпали с годами первого советского пятилетнего плана. Мы изучали его по книжке Ильина «Рассказ о великом плане». Автор начинал с описания анархии капиталистического производства. Некий предприниматель в США вдруг приходит к выводу, что большим спросом будут пользоваться мужские шляпы,

и начинает в безудержном темпе их производить. Его примеру следуют другие капиталисты. Все капиталы вложены в шляпное производство, шляпы переполняют полки магазинов, заваливают витрины и склады. Но столько шляп не нужно, они не находят сбыта — и вот разоряются фирмы, лопаются банки, безработные изнывают на бирже труда, свирепствует экономический кризис. Тем временем некий другой капиталист приходит к мысли развернуть производство зажигалок. Все капиталы тотчас вкладываются в зажигалочный бизнес — и опять переполняются полки, а затем лопаются банки. Иное дело — при плановом хозяйстве: все заранее мудро рассчитано, и товаров производится ровно столько, сколько нужно для удовлетворения неуклонно растущих потребностей советских людей.

Книжка Ильина нам нравилась: она была отпечатана на хорошей бумаге, какой мы больше нигде не видели, и в ней были фотографии добротных шляп и изящных зажигалок, которых плановая экономика СССР не изготовляла.

Значительно позднее, в Вене, я впервые в жизни разговорился с западным предпринимателем — рядовым швейцарским фабрикантом. Он поднял меня на смех за почерпнутую у Ильина информацию и разъяснил, что каждый капиталист очень тщательно планирует свое производство, хотя бы уже потому, что деньги в него вкладывает свои, а не казенные — в противоположность составителям «великого плана».

Между тем даваемый в Советском Союзе теоретический анализ плановости народного хозяйства все еще находится на уровне аргументации Ильина. Она обогащена, собственно, только одним — сталинским — тезисом: плановость хозяйства является закономерностью социалистической экономики.

С этим тезисом нельзя не согласиться. Действительно, план развития народного хозяйства — не случайная, а закономерная черта реального социализма. Только закономерность эта не таит в себе ничего мистического, а объясняется просто.

Вся экономика Советского Союза представляет собой, подобно фабрике моего венского собеседника, одно предприятие и принадлежит одному владельцу — классу номенклатуры. Этот класс полностью распоряжается своим предприятием, а точнее — гигантским синдикатом, каким является советская экономика.

Того читателя, который шокирован капиталистическим термином в применении к социалистическому хозяйству, можно легко успокоить: термин принадлежит Ленину. В книге «Государство и революция» он писал о пути к созданию экономики социализма: «...экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству...»[25].

Шокируем еще раз читателя и охарактеризуем этот синдикат как сверхмонополию. Читателя же опять успокоим цитатой — на этот раз, правда, не из Ленина, а из коллективного труда советских авторов, выпущенного в Москве издательством Академии наук СССР. «Как бы ни крупны были капиталистические монополии, как бы ни сильна была концентрация собственности в руках государственно-монополистического капитализма (в отдельных странах до 40%), социализм достигает общей национальной концентрации всех основных средств производства, самой высокой концентрации собственности». Итак, сверхмонополия.

Сказано в коллективном труде и о государстве: «В этих условиях государство выступает как экономический орган. С одной стороны, как организатор производства, с другой — как регулятор общественных отношений между классами. И вместе с тем оно выступает как политический орган...»[26].

Номенклатурное государство выступает как руководитель экономики, как менеджер сверхмонополии. Владелец же его — класс номенклатуры. Через свое государство он должен, естественно, спланировать работу своей сверхмонополии, как делает это на своем скромном уровне и швейцарский фабрикант.

Следовательно, удивляться приходится не тому, что в советской экономике есть план (его просто не может не быть), а тому, что он, не в пример швейцарскому плану, видимо, всегда составляется неудачно, ибо никогда не выполняется в том виде, в каком он был первоначально принят.

Удивляться приходится и тому, что план при реальном социализме не выполняет на деле функцию обеспечения нужных пропорций производства так, как твердит «Политэкономия социализма» и как полагают некоторые люди на Западе. Показатель того, что никто об этих пропорциях всерьез не думает,— всемерное поощрение ничем не

ограничиваемого перевыполнения плана. Какая-либо отрасль, завод или цех могут произвести сколько угодно лишних, с точки зрения плана, деталей или единиц продукции — за это будут только хвалить. Почему? Потому что стремление заставить трудящихся производить за ту же заработную плату возможно больше полностью доминирует в экономическом мышлении класса номенклатуры, хотя изготовление продукции, в ряде случаев не находящей применения, бывает убыточно и фактически уменьшает размер получаемой прибыли. Номенклатура сама поощряет внесение диспропорции в свое якобы именно для соблюдения оптимальной пропорции планируемое хозяйство.

Класс номенклатуры безраздельно владеет экономикой СССР как единым гигантским синдикатом — вот подлинный главный фактор в организации экономики Советского Союза. Он-то и проявляется для внешнего мира в форме плановости хозяйства.

Неудивительно, что номенклатура с презрительным фырканием встречает сообщения о робких попытках западных стран тоже ввести элементы плана в свою экономику. Действительно, имеющее силу закона планирование экономики возможно только после превращения всего народного хозяйства страны в единый синдикат, принадлежащий господствующему классу. Пока этого нет, любой план будет лишь рекомендацией, вроде консультации со стороны конъюнктурных институтов.

Реальный социализм сделал полезное дело, подавив идею введения плана в экономику. Это значительный его вклад в развитие мирового хозяйства. Только не следует смешивать с этой положительной стороной вопрос о фактических результатах номенклатурно-концернового планирования.

С легкой руки Маркса принято клеймить как анархический и стихийный регулирующий механизм рынка. В такой оценке есть правда, но далеко не вся правда.

Да, капиталистический рынок анархичен в том смысле, что нет над ним некоего командующего руководства. Да, он стихиен в том смысле, что каждое его движение возникает не как результат осмысления всей ситуации на рынке и логический вывод из нее. Но в обоих этих пунктах отразилась не слабость, а сила рыночного механизма.

Помните детскую сказочку о тысяченожке, которая не смогла сойти с места, как только попыталась осознанно

передвигать каждую ногу? Сказочка умная, и основоположникам марксизма следовало бы над ней задуматься. Впрочем, что говорить о гадкой тысяченожке! В нашем с вами организме, читатель, миллионы клеток, и каждая из них функционирует. Представьте себе, что вы взяли бы на себя — неизвестно зачем — задачу сознательно направлять деятельность каждой из них. Действовать они все в таком случае явно не смогли бы, а вы давно уже сидели бы в сумасшедшем доме, завязанный в смирительную рубашку.

Формируя в процессе эволюции от одноклеточных к высокоразвитым существам нервную систему, природа оградила сознание защитными механизмами, освобождающими его от работы, которая может быть произведена без его участия. То же можно сказать об обществе и общественном сознании. И только воспринятыми Марксом веяниями рационализма XVII века можно объяснить, что поклонник Дарвина об этом не подумал.

Рынок является защитным автоматически регулирующимся механизмом общества в экономической сфере. Он неизмеримо более эластичен, подвижен, способен к быстрой реакции, чем приказы даже самой дельной бюрократии, не говоря уж об отобранной по политическим признакам. Когда же вдобавок эти приказы даются на ряд лет вперед, окаменевая в форме очередного пятилетнего плана-закона, всякая эластичность экономического реагирования полностью исключается. Можно сколько угодно раздувать планирующие органы и плодить плановые показатели — результат даже в отдаленной степени не заменит саморегулирующего механизма рынка.

Значит, рынок идеален? Нет.

Хотя его саморегулирование экономически эффективно, оно в ряде случаев оказывается несоциальным и негуманным. Такие элементы попросту не заложены в рыночный механизм. Поэтому возникают кризисы перепроизводства, безработица, банкротства. Механизм рынка дает много, но нельзя требовать от него всего на свете.

Возьмем для сравнения простой пример. В нашем организме чрезвычайно важен защитный механизм сна. Однако бывает, что он приводит к гибели человека — если, например, тот заснет за рулем машины: механизм засыпания к такому случаю не приспособлен. Правильно ли было бы в качестве вывода изобрести средство от сна, в результате чего мы могли бы водить автомобиль в любое время дня и ночи, но, разумеется, стали бы идио-

тами? Очевидно, нет: просто надо или не ездить ночью, или предварительно выспаться. Иными словами, надо учитывать действие защитного механизма, не бросать ему вызов и таким образом не попадать под его удар.

Мы уже сказали, что идея плана в экономике полезна. Полезно внести в стихию рынка элемент осознанности ситуации и перспектив его развития. Полезно создавать не начальствующие, а хорошо информированные консультативные органы. Полезен составленный экспертами план-рекомендация.

Составленный же номенклатурными бюрократами план-закон, сопровождаемый разрушением умного механизма рынка,— экономическая бессмыслица. Она, разумеется, не прекращает процесса производства (это означало бы ликвидацию человеческого общества), но жестоко мстит за свое торжество, за подавление рынка сверхмонополий.

Только вот месть эта ударяет не по номенклатуре, а по ее подданным.

6. ТЕНДЕНЦИЯ К СДЕРЖИВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин пишет: «Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс».

И далее Ленин продолжает: «Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует

в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх»[27].

Это сказано о монополии в условиях капитализма, но относится, как подчеркивает Ленин, к любой монополии. При капитализме, отмечает Ленин, монополия находится в постоянном и неразрешимом противоречии со всей капиталистической средой — с господством рыночных отношений и конкуренции. В этих условиях монополии действительно не могут развиваться до логического конца, до того, что Каутский называл «сверхимпериализмом» («Ultra-Imperialismus»). Соответственно крупные западные концерны, которые в марксистской пропаганде именуются монополиями, в действительности именно в экономическом смысле слова ими не являются: ни один из них не сумел полностью монополизировать производство и рынок в своей отрасли. Однако в такой мере, в какой на основе соглашений между концернами им удается устанавливать монопольно высокие цены на свой продукт и подавлять конкуренцию, названная Лениным тенденция возникает, как он правильно указывает, на некоторое время и в некоторых странах. Ленин приводит даже пример: «В Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение»[28].

Разумеется, было бы неверно думать, что бутылки и поныне производятся по старинке: рыночные отношения и погоня за максимальной прибылью допустить такого не могли.

Но это — при капитализме, сама среда которого враждебна монополии и ее ограничивает. А как при реальном социализме, где капиталистическая среда выжжена каленым железом и в экономике установлена ничем не ограниченная сверхмонополия господствующего класса номенклатуры?

Представьте себе, читатель, что вы — рабочий. В нудных речах, статьях, радиопередачах и лозунгах вам монотонно стараются внушить, что вы должны «воспитывать в себе чувство хозяина» и работать, не переводя дыхания, чтобы богатело родное Советское государство. Но вы-то живете не первый год в Советском Союзе и уже с детства

поняли, что хозяин — не вы и что автор призывов в свои слова не верит, а пишет халтуру за гонорар и в надежде сделать карьеру. У него есть свои интересы, а у вас — свои. Какие же? Вы их видите в том, чтобы, делая вид, будто вы рветесь потрудиться для Советского государства, на деле ухитриться работать поменьше, а получить побольше.

Конечно, ваше желание работать поменьше ограничено заданной вам нормой. Но что произойдет, если вы ее не выполните? Ничего ужасного: работяги везде нужны, так что вас с завода не выгонят. А выгонят — вы сразу же найметесь на соседний. Знает это и начальство и не станет вам повышать норму сверх приемлемых для вас пределов.

Теперь представьте себе, читатель, что вы — начальник цеха, главный инженер или директор на том же предприятии. Какие у вас интересы? Ясно, на партийных собраниях вы распинаетесь в том, что болеете за дело предприятия. Но сами-то вы убеждены: ваши интересы — в том, чтобы получить премию за перевыполнение плана, чтобы были вы на хорошем счету и смогли бы продвинуться. Конечно, рабочих вам не жалко, и вы готовы были бы драть с них три шкуры. Но вы знаете, как они рассуждают, и поняли, что нажимом вызовете лишь текучесть рабсилы на предприятии и трудовые споры; в результате высшее начальство будет вами же недовольно.

Как быть? Очень просто. Дело в том, что от руководителей предприятия фактически требуется не максимум прибыли, подсчитать который крайне трудно, а легко проверяемое выполнение плана. Уже за небольшое его перевыполнение вы получите все возможные для вас премии и поощрения. Между тем внезапное значительное перевыполнение принесет вам только неприятности: недоброжелательство коллег-директоров и подозрение начальства, что вы до сих пор бездельничали и скрывали резервы повышения продукции. План вам будет увеличен, и все это будет только мешать вашей карьере.

Поэтому вам надо добиться для своего предприятия наиболее легко выполнимого, то есть минимального плана. Всеми правдами и неправдами вы будете убеждать главк и министерство в том, что предприятие достигло пределов своих возможностей. План же составляете вы сами, так как ни главк, ни тем более министерство, не говоря уже о Госплане, не знают реального положения на вашем заводе, а потому могут лишь с важным видом штамповать поданный вами проект плана.

Чтобы они его безропотно проштамповали, надо составить план по простой формуле: записанная в отчете о выполнении предыдущего плана цифра произведенной продукции плюс небольшой процент прироста. При этом надо утверждать, что выполнение такого плана потребует полного напряжения сил и мобилизации всех резервов.

Послушают вас в главке и министерстве? Да, послушают.

Представьте себя, читатель, начальником главка или министром. Расходятся ваши интересы с интересами директора предприятия? Нисколько. Вы тоже хотите удержаться в своем начальственном кресле, а вдобавок получить орден и рассматриваться в ЦК партии как перспективный руководитель промышленности. Конечно, и вас не интересуют все эти рабочие да и начальники цехов, которых вы видите почтительно глазеющими при ваших редких инспекционных поездках на предприятия. Ради своей карьеры вы готовы бы их всех согнуть в бараний рог. Только для карьеры-то нужно другое. Да, для острастки других вы примерно накажете какого-нибудь обнаглевшего начальника цеха или не пользующегося поддержкой в обкоме директора — чтобы высшее руководство видело, что вы требовательны. Но особенно важно, чтобы оно видело другое: предприятия главка или министерства регулярно выполняют план, являются передовиками производства, получают переходящие красные знамена. Поэтому вы не станете навязывать им трудновыполнимый план, а с суровым видом подпишете те проекты, которые они вам представят. Не станете вы и дотошно копаться в их отчете о выполнении плана: вам нужно только, чтобы он был составлен грамотно и к нему не могла придраться никакая проверочная комиссия. Конечно, на партактивах и совещаниях вы будете грохотать о необходимости напрячь все силы и изыскать скрытые резервы. А в действительности в ваших интересах — благополучная отчетность о выполнении и перевыполнении планов всеми предприятиями главка и министерства, а на новый период — легковыполнимый, то есть опять-таки минимальный план.

Он будет направлен министерством в Госплан СССР. И вот вы, читатель,— один из руководителей Госплана, а то и сам его председатель, заместитель главы Советского правительства. К вам поступают надлежащим образом оформленные, подписанные министрами объемистые секретные папки с планами. Вы знаете, что ни один министр

не подписал планов по своему министерству без согласия соответствующего отдела ЦК партии. Проверяли в отделе весь этот поток цифр или просто министр на охоте за пузатой бутылкой импортного коньяка «Наполеон» договорился с заведующим отделом, вас не интересует: заведующий отделом ЦК принял на себя ответственность, вам он не подчинен, он вхож в Секретариат ЦК, из-за каких-то дурацких цифр вызывать неудовольствие этого влиятельного человека вы не собираетесь. К тому же ваш аппарат докладывает, что цифры в порядке — есть небольшой рост по сравнению с прошлым планом. И вы, напыжившись, подпишете объемистый том плана, заполненный морем цифр, которые ни один человек на свете и, конечно, никакой член Политбюро уже не сможет обозреть.

Подписывая, вы знаете, что это не конец. Скоро начнут поступать первые ходатайства о внесении поправок в план, и продолжаться так будет до последнего квартала его выполнения.

Усмотрите ли вы свою задачу в том, чтобы непреклонно требовать осуществления каждой строки плана и предавать любого нарушителя заслуженной каре? Нет. Судьба этих нарушителей вам, конечно, безразлична, хоть бы их на костре сжигали. Но интересы ваши требуют другого. Ведь если будет много невыполнений плана, пятно ляжет на вас: *вы* не досмотрели, *вы* утвердили оказавшийся нереальным план. Конечно, чтобы показать свою твердость и партийную непримиримость к недостаткам, вы отдадите на растерзание нескольких нарушителей планов. Но в огромном большинстве случаев вы терпеливо будете вносить поправки в план на протяжении всего периода его действия, и все они будут направлены на снижение показателей. Только наивный посторонний верит грозным словам, что план — это закон, обязательный для выполнения. Хозяйственник в СССР знает: плановые показатели многократно пересматриваются и сокращаются, так что в итоге выполнением плана считается достижение значительно меньших результатов, чем было подписано в первоначально утвержденном тексте.

Наконец, читатель, представьте себе, что вы — член Политбюро и даже сам Генеральный секретарь ЦК. Стукнете вы холеным кулаком по своему полированному столу, зычно крикнете на номенклатурном жаргоне: «Мы это дело поломаем!» — и действительно постараетесь в корне изменить план? Не сделаете вы этого! Хоть все рабочие, начальники цехов, директора заводов,

руководители главков и члены Госплана кажутся с вашей высоты копошащимися муравьями и их вам, разумеется, не жалко, но ведь и у вас есть собственные интересы, в основе своей совпадающие с классовыми интересами номенклатуры. Они состоят в следующем: конечно, желательно получить побольше прибыли от работы этих муравьев, но самое главное — не допустить ничего, что могло бы хоть в какой-то мере быть опасным для святая святых — неограниченной власти вашей лично и номенклатуры в целом. Все прочее отступает перед этим абсолютно. Разумеется, можно распорядиться выгонять с заводов не выполняющих нормы и на другую работу этих негодяев не принимать да и норму поднять повыше. Только что делать с безработными? Пойти по ревизионистскому пути Югославии и разрешить им ехать на работу за границу? Они насмотрятся, как там живут, и вернутся антисоветчиками, опасным элементом. Просто оставить их нищенствовать в стране? Тоже опасный для властей элемент. Всех в лагеря? Времена не те. Так неужели платить им, как на Западе, пособия по безработице? Бессмысленно. Они, работая, получают зарплату, на которую с трудом могут прожить, значит, меньше платить нельзя. Но если пособие будет равно зарплате, тогда они все захотят стать безработными. Выходит, что ввести пособие по безработице — это значит существенно повысить зарплату работающим. Где же тогда выгода? К тому же бездельники начнут по-настоящему ценить повышенную зарплату, только если смогут покупать на нее потребительские товары, тоже как на Западе. Выходит, что надо будет перестраивать всю структуру производства и уже не на словах, а на деле отказываться от примата тяжелой индустрии. Это что же, оборонную промышленность — силу нашу! — свертывать, а производство подштанников развертывать? Да ни Маленков, ни Хрущев до такого не успели договориться, как их выкинули; думать нечего о подобном порочном курсе, если хочешь остаться у руководства.

Вот и окажется, читатель, что альтернативы у вас как у Генерального секретаря ЦК не будет: ваши интересы продиктуют, что все надо оставить так, как есть. Требовать, взывать, давать нагоняи, провозглашать лозунги и даже некую мертворожденную экономическую реформу — но на деле ничего не изменять.

Круг замкнулся. Бюрократический план в условиях сверхмонополии, установленной в экономике реального

социализма, породил неизбежное явление: возникло силовое поле, идущее снизу до самого верха, от разнорабочего до Генсека ЦК, поле, которое упорно действует в сторону минимализации как самого плана, так и его перевыполнения. Это поле возникает не на основе сговора: напротив, каждому из них судьба другого абсолютно безразлична, и все твердят о своем стремлении взять максимальный план, максимально его перевыполнить и дать стране как можно больше продукции. Но все это пустые слова. Силовое же поле возникает на самой прочной основе — на общей заинтересованности.

Поскольку такое силовое поле с абсолютным автоматизмом возникает на каждом советском предприятии, в каждом колхозе и совхозе, сила его неодолима. Создавали, укрупняли и разукрупняли министерства, их сменяли совнархозы и госкомитеты, затем снова воссоздались министерства, была рабоче-крестьянская инспекция, был госконтроль, стал народный контроль — но никакие реорганизации и, конечно, никакая пропаганда не могли сломить силовые линии поля, изменить не предусмотренную Марксом собственную динамику экономической системы реального социализма.

Маркс ее не предвидел, а вот Ленин подметил, так как к его времени уже появились крупные концерны. При этом Ленин справедливо подчеркнул, что речь идет о *тенденции* к стагнации, а не о собственно стагнации. Значит, стагнации в точном понимании слова нет, рост производства продолжается, но объем его меньше, чем позволяют наличные возможности. Возникновение факторов, тормозящих рост производства, и проявляется как тенденция к стагнации.

При реальном социализме она явно сильнее, чем при капитализме даже в условиях существования крупных концернов. Дело в том, что ликвидирована противодействующая такой тенденции рыночно-конкурентная среда. Экономическая же система реального социализма выработала у участников процесса производства полную незаинтересованность в объективных результатах их труда на всех этажах социальной лестницы.

Оставаясь в рамках марксистской терминологии, тенденцию к стагнации точнее будет назвать *тенденцией к сдерживанию развития производительных сил.* Порождает ее собственная динамика монополии в производстве, в условиях реального социализма приводящая к возникновению противоречий между интересами производства и

интересами производителей. Под трескотню казенных фраз о том, что реальный социализм открывает безграничный простор для развития производства, разворачивается процесс, охарактеризованный Марксом: производственные отношения превращаются в оковы для развития производительных сил.

Свое очень наглядное, концентрированное выражение находит этот процесс в проблеме «внедрения». Под этим термином подразумевается внедрение новых научных достижений и открытий в производстве. Это явление того же порядка, что и ленинский пример с производством бутылок, с той разницей, что при реальном социализме проблема стоит особенно остро. О «внедрении» нередко упоминает советская печать, в Академии наук СССР и других научных учреждениях она вообще не сходит с повестки дня, и для ее решения создан Государственный комитет по науке и технике, возглавляемый заместителем премьер-министра.

Но все же масштаб этой больной для реального социализма проблемы приуменьшен. Ибо масштаб не бюрократический, а исторический: речь идет о важнейшем с точки зрения исторического материализма процессе — о развитии производительных сил общества. Оно ведь происходит не только и не столько путем количественного накапливания средств производства, сколько путем их качественного развития. Здесь явно находится одно из слабых мест экономики реального социализма.

Разве не странно, что огромная страна с народом, отнюдь не бедным научными и техническими талантами, несмотря на небывалую концентрацию внимания его диктаторского руководства на развитии индустрии, десятилетиями вынуждена лишь копировать западные технические образцы, а когда дело срочное, то и выкрадывать их (например, секрет изготовления атомной бомбы или самолета «Конкорд»)? Разве не удивительно, что даже в том уникальном случае, когда благодаря дальновидности советских ученых и просчетам Пентагона Советский Союз в конце 50-х годов вырвался было вперед в создании ракет, американская техника без особой натуги обогнала его и в военных ракетах, и в космических экспериментах, хоть и бросило советское руководство все силы и средства на этот участок?

На Западе мало кто отдал себе отчет в том, что в немалой степени именно болезненность проблемы «внедрения» вызвала в 1957 году нападки хрущевского руководст-

ва на роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». С точки зрения западного читателя, сюжет романа анекдотичен: директор завода — номенклатурщик Дроздов пускается во всевозможные интриги, чтобы не допустить внедрения машины, которая повысила бы производительность его завода. Но при реальном социализме такой конфликт — не парадокс, а естественное явление и в соцстранах он никого не удивит. Мы ведь уже видели: от директора требуется только выполнение и небольшое — точно на премию — перевыполнение плана. В этих условиях внедрение новой машины означает для него хлопоты, срыв графика, угрозу для выполнения плана и для премий, а также перспективу повышения плана со ссылкой на полученную новую технику. Разве не ясно, что разумный директор старательно маневрирует с целью подольше не внедрить новое техническое достижение? Нисколько не заинтересованы в новой машине и рабочие: ведь после ее установки им повысят не зарплату, а норму, причем постараются сжульничать и норму завысить, к машине же еще надо будет приноравливаться.

Бюрократическое планирование экономики в самой своей основе враждебно техническому прогрессу. Отсюда и все результаты. Что говорить о сложных машинах на производстве! Даже в канцелярской технике отставание Советского Союза настолько велико, что весьма скромный западный институт, не говоря уж о банках и концернах, технически значительно лучше оборудован, чем аппарат ЦК КПСС.

Подход — не на словах, а на деле — к техническому прогрессу при капитализме и при реальном социализме противоположен: если сделано изобретение, то при капитализме возникает проблема промышленного шпионажа, а при реальном социализме — проблема внедрения. Кроме нее, есть ряд других проявлений тенденции к сдерживанию развития производительных сил. Таково, например, низкое качество продукции социалистических предприятий. На Западе распространена легенда, будто советские товары хоть и неказисты на вид, но отличаются прочностью и добротным качеством. Советские люди знают: качество советской продукции вполне соответствует ее внешнему виду.

Дело в том, что планирование при реальном социализме производится количественное — будь то в единицах продукции или в деньгах; в этих категориях план должен быть выполнен или перевыполнен. Качеству продукции отводится явно второстепенная роль; установлены го-

сударственные стандарты (ГОСТы), и предполагается, что выпускаемая продукция им соответствует. Но проверяется это весьма поверхностно. Проверкой занимается отдел технического контроля (ОТК) выпускающего продукцию предприятия. Контролеры ОТК — люди зависимые; самое большее — они могут подставить ножку какому-нибудь нелюбимому бригадиру или начальнику цеха, но никогда не рискнут они поставить под вопрос необходимое для премирования перевыполнение плана предприятия.

Это настолько хорошо известно номенклатуре, что нашло даже своеобразное организационное признание с ее стороны: в тех случаях, где она кровно заинтересована в качестве продукции, а именно — в военной промышленности, продукцию принимают представители Министерства обороны СССР, не зависящие от руководителей военных предприятий и даже от Министерства оборонной промышленности. Строжайшему контролю специалистов подвергается качество спецтехники, изготовляемой для КГБ.

Горбачев ввел госприемку и на обычных предприятиях. А результат? Много продукции было забраковано, планы оказались невыполненными, рабочие были недовольны. Вот и все. Потому что никакая госприемка не в состоянии компенсировать органические пороки системы.

Низкое качество продукции — это форма облегчения работы по выполнению плана. Она молчаливо допускается номенклатурой. Качество продукции — важная грань производства. По этой грани сдерживание развития производства происходит, пожалуй, еще заметнее, чем по количественной: количество производимой продукции возрастает, а вот качество в ряде случаев снижается.

Менее бросающаяся в глаза, но хорошо знакомая советскому потребителю форма проявления тенденции к сдерживанию развития производительных сил при реальном социализме такова: если план составлен не в штуках, а в денежном выражении, то предприятие старается выпускать более дорогие виды продукции. Так можно произвести меньше, а план все-таки перевыполнить. Когда в советском магазине вы видите какой-либо по обыкновению неприглядный, аляповатый товар, продающийся за непомерную цену и, естественно, никем не покупаемый, вы можете безошибочно сказать: директор предприятия ухитрился выполнить план описанным способом. Находит ли товар сбыт — директора не касается.

Тенденция к сдерживанию развития производительных сил при реальном социализме не ускользнула, конечно, от взгляда номенклатуры. Но класс номенклатуры не хочет признавать эту выявившуюся закономерность и на всех уровнях маскирует ее действие. Еще Сталин в одном из своих выступлений с двусмысленной насмешкой заметил, что факты — упрямая вещь, но, правда, говорят, что тем хуже для фактов. Такая идея прочно укоренилась в советской отчетности о выполнении планов.

На низших этажах номенклатурной иерархии это именуется «приписками». «Приписки» — прямое мошенничество: просто в отчет о выполнении плана вносятся заведомо ложные цифры якобы произведенной продукции. Метод основан на ясном понимании бюрократически бумажного характера номенклатурного планирования и отчетности: из кабинетов Госплана и министерства спущена составленная без знания реальности бумажная разнарядка, и в ответ подается наверх не соответствующий реальности бумажный отчет.

«Приписчиков» иногда разоблачают. Однако бросается в глаза, что практика «приписок» бывает у виновных обычно многолетней. Значит, этот жульнический метод вполне применим в условиях планового хозяйства.

Конечно, жулики бывают всюду, и с плановостью хозяйства это не связано. Но именно плановость как закономерность экономики реального социализма привела к тому, что жульничают и занимаются «приписками» не мелкие проходимцы, а даже сами столпы советского общества.

К числу таких столпов принадлежал, например, первый секретарь Рязанского обкома КПСС А. Э. Ларионов. Он громогласно принял обязательство, что его область за 1959 год сдаст государству на 280% больше мяса, чем в 1958-м. На декабрьском (1959 года) Пленуме ЦК партии Ларионов гордо доложил о выполнении обязательства, и Хрущев его хвалил. А на следующий год выяснилось, что все рапорты Ларионова были обманом: мясо он приказал купить в продмагазинах своей и соседних областей и «сдал государству».

А вот столп повыше: первый секретарь ЦК КП Таджикистана Т. У. Ульджабаев. Этот глава таджикской номенклатуры сообщал на протяжении ряда лет, что его республика дает высший в мире урожай хлопка. Немало громких слов было в этой связи сказано и написано — кстати, и за границей — о том, что вот-де могучая сила

социализма позволила некогда отсталому Таджикистану обогнать всех на свете. А в апреле 1961 года состоялся — но уже с гораздо меньшей оглаской — Пленум ЦК КП Таджикистана, на котором было сообщено, что план по сбору хлопка давно уже в республике не выполняется, а давались фальшивые сведения. Масштаб обмана был таков, что термин «приписка» уже был неприменим.

Это хрущевские времена. А как потом?

В 70-х годах после долгих колебаний Политбюро ЦК КПСС решилось, наконец, раскрыть грузинскую панаму, сущность которой была в общем уже давно всем ясна. Началась она еще несколько десятилетий назад, при Сталине. Видимо, он считал полезным иметь в своем государстве преданную ему провинцию, куда, кстати, обычно ездил на отдых, а Берия набрал оттуда немало сотрудников в органы госбезопасности.

Всякий, кто бывал в Грузии, видел эти непривычно большие приусадебные участки грузинских колхозников, толпу расфранченных фланирующих грузин на улицах Тбилиси, удивлялся непомерным для советского гражданина суммам денег, которые люди довольно легко там тратили. Все знали, что там можно купить и место в вузе, и должность, и диплом об окончании вуза, и даже грамоту о присвоении звания Героя Советского Союза. Продолжалось это и после Сталина, культ которого там был официально сохранен. Немало грузин рассматривали свою республику как некую особую территорию, и нередко приезжий, недоумевавший по поводу непривычных порядков, слышал: «Не нравится Грузия? Поезжай в Советский Союз!»

Если не говорить о коррупции и о сталинском культе, была в такой жизни Грузии положительная сторона. Что плохого в том, что людям немножко лучше жилось? Это объяснялось, в переводе на язык марксистской политэкономии, тем, что в Грузии была несколько снижена норма эксплуатации.

Но планы-то составлялись в соответствии с общесоюзной нормой. Между тем первый секретарь ЦК КП Грузии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Мжаванадзе гордо докладывал об их перевыполнении. Все эти рапорты были дутыми. Неразрывно связанное с закономерностью бюрократического планирования очковтирательство достигло здесь, казалось бы, своего апогея: оно шагнуло в Политбюро ЦК КПСС, то есть на самую вершину класса номенклатуры.

Мжаванадзе прогнали, но метод «приписок» и дутых рапортов о перевыполнении планов остался на номенклатурном Олимпе. Дело в том, что появился он там задолго до Мжаванадзе. Только если республиканские царьки со своими фальшивыми цифрами обманывали руководство в Москве, то само это руководство, не имея над собой уже никаких начальников, пыталось ввести в заблуждение весь мир своей фальсифицированной статистикой.

Вопрос о советских статистических фальсификациях подробно разобран в западной литературе, останавливаться на нем нет нужды. Американский экономист Наум Ясный проанализировал много опубликованных в СССР статистических данных и разоблачил ряд довольно грубых фальсификаций.

Вот всего два примера — оба из сообщения ЦСУ СССР «Об итогах выполнения народнохозяйственного плана на 1948 год».

В этом сообщении было объявлено, что колхозная торговля в 1948 году на 22% превзошла уровень предвоенного, 1940 года. Однако, как выяснилось после XX съезда КПСС, ЦСУ предварительно без всяких оснований «пересчитало» данные 1940 года, снизив их с опубликованной в свое время цифры 41,2 миллиарда до 29,1 миллиарда рублей. Только в результате такого маневра сравнение получилось в пользу 1948 года (35,5 миллиарда рублей в ценах 1940 года).

В том же сообщении ЦСУ было сказано, что реальная заработная плата советских трудящихся в 1948 году возросла по сравнению с 1947 годом, то есть за год, больше чем вдвое! Наум Ясный подсчитал, что она в действительности не только не возросла, но даже сократилась в связи с денежной реформой 15 декабря 1947 года [29].

1948 год — это сталинское время. Но фальсификация статистики продолжалась и при Хрущеве; он сам критиковал ее на январском (1961 года) Пленуме ЦК КПСС [30]. Продолжается она и теперь, об этом немало пишут в советской печати.

Еще раз: «приписки» — не мелкое жульничество. Они — прямое и неизбежное следствие плановости экономики реального социализма в тех условиях, когда хозяева социалистического общества не хотят признавать сопряженную с этой плановостью тенденцию к сдерживанию развития производительных сил. Но так как факты — упрямая вещь, приходится их фальсифицировать,

сочиняя итоги выполнения планов. На более низких уровнях, где фальсификация нужна лишь для карьеры местного номенклатурщика, высшее руководство класса за эти фантазии наказывает. Но оно же само постоянно прибегает к такому методу, чтобы замаскировать действия не признаваемой им закономерности.

Осталась она непризнанной и в период горбачевской «перестройки». Хоть много суровых слов было сказано об «административно-командной системе» в экономике страны, но при составлении 13-го пятилетнего плана все базировалось по-прежнему на бюрократическом планировании, а не на функционировании свободного рынка. Хоть мотивировалось все, как обычно, необходимостью предварительно подготовить почву для развертывания перестройки, дело было в другом: номенклатура не хочет отказываться от государственного управления «социалистической» собственностью. И не потому, что она не сознает колоссального ущерба от такого управления для хозяйства страны,— сознаёт. Но превращение «социалистической» собственности номенклатуры в подлинную собственность страны означало бы экспроприацию номенклатуры. Поэтому она не хочет рыночного хозяйства: пусть лучше нищает страна, чем потеряет свое номенклатура!

7. ХРОНИЧЕСКИЙ КРИЗИС НЕДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИМАТ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ

Маркс во II томе «Капитала» предрекал для периода социализма и коммунизма «постоянное относительное перепроизводство»[31]. Реальный социализм не оправдал этого пророчества.

Перепроизводство — характерная черта отнюдь не социалистической, а свободной рыночной экономики. Больше того: эта экономика отличается столь высокой производительностью, что периодически сотрясается кризисами перепроизводства. Как мы уже упоминали, именно так действует защитный механизм рынка. Перепроизводство не абсолютное, а относительное: оно превышает не потребности всей массы потребителей, а платежеспособный спрос; поэтому к таким кризисам рыночный механизм ведет не сам по себе, а в сочетании с высоким уровнем цен. Коммунистическая пропаганда всегда с гордостью подчеркивает, что экономика социалистических стран не знает кризисов. Правильно: периодических кризисов перепроизводства при реальном

социализме не бывает. Для его экономики характерен *постоянный кризис недопроизводства.*

Он именно постоянный, а не периодический. Кризисная трясучка не отпускает экономику реального социализма ни на минуту. Кризис недопроизводства стал повседневностью экономической жизни соцстран.

Советский гражданин уже привык: все товары в принципе дефицитны. Иногда повезет — зайдешь в магазин, а товар, как принято говорить, «выбросят»; поэтому и принято носить с собой всегда сетку с полным трепетной надежды названием «авоська».

Но не только индивидуальный потребитель старается запастись, если натолкнулся на товар; так действуют и руководители предприятий, создавая у себя запасы сырья и оборудования, за что их с деланной наивностью критикует советская печать.

Порожденный тенденцией к сдерживанию развития производительных сил, постоянный кризис недопроизводства при реальном социализме определяет весь стиль экономики и быта людей в Советском Союзе.

«Однако,— скажет скептический читатель,— что-то не бросается в глаза недопроизводство танков в СССР».

Да, такого недопроизводства нет. Но было бы неверно на этом основании полагать, что закономерная при реальном социализме тенденция к сдерживанию развития производительных сил действует избирательно. Работники военных отраслей советской промышленности жалуются в основе своей на те же трудности и проблемы, которые так одолевают мирные отрасли. Да иначе и быть не может: в танковой промышленности точно так же составляется план и так же директора предприятий при молчаливой поддержке вышестоящих ведомств стараются этот план занизить, чтобы его легко перевыполнить и получить премии и ордена; точно так же никто не хочет пускаться в эксперименты, и все предпочитают работать в рамках устоявшейся рутины; точно так же всем важны не результаты работы как таковой, а зачисление в передовики производства, связанное с повышениями и награждениями. Как же тут не действовать тенденции к сдерживанию развития производительных сил?

Впрочем, мир видел проявление этой тенденции в самом центре советского военного производства — в изготовлении ракетной техники. Все были свидетелями того, как уверенно США догнали и обогнали Советский Союз в космосе — хотя, конечно, НАСА не располагает практи-

чески безграничными ресурсами, которые выделены для советского ракетостроения.

У номенклатуры как господствующего класса есть одна главная классовая потребность: упрочение и распространение своей власти. Эта потребность удовлетворяется созданием новейших видов вооружения и оснащения для армии и органов госбезопасности; развитием тяжелой промышленности и техники как базы военного потенциала государства; созданием стратегически нужной инфраструктуры; строительством и укреплением военных баз; обеспечением непроницаемости границ; деятельностью машины пропаганды и аппарата разведки, шпионской и подрывной работы за границей; финансированием компартий в капиталистических странах и просоветских режимов в третьем мире.

В сфере материального производства эти классовые нужды номенклатуры удовлетворяются тяжелой промышленностью. Здесь создается военная мощь номенклатуры и оснащение ее полицейско-шпионского аппарата. Поэтому — и только поэтому — класс номенклатуры всюду выступает как приверженец индустриализации. Ни с каким мистическим индустриальным фанатизмом это явление ничего общего не имеет.

В этой связи интересно отметить, что Ленин не выдвигал лозунга индустриализации, хотя сталинская историография приписала ему это задним числом. Вот в какой последовательности перечислял Ленин в своей предпоследней речи 13 ноября 1922 года потребности Советской страны: «Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,— этого тоже еще мало,— нам необходима также *тяжелая* индустрия»[32]. Здесь совсем не те формулировки, какие употреблялись уже через 5 лет относительно роли и места тяжелой промышленности в экономике СССР.

И именно у Ленина стала постепенно проглядывать мысль, что тяжелую индустрию следует рассматривать не только как придаток к сельскому хозяйству, дающий возможность, по его выражению, «посадить мужика на трактор». В тезисах доклада на III Конгрессе Коминтерна Ленин записал: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»[33]. «И земледелие». А какая же главная цель?

Ленин ее назвал в своей известной работе «Грядущая катастрофа и как с ней бороться». Вот как он ее сформулировал: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*. /.../ Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»[34].

Простым перефразированием этих ленинских слов было часто цитировавшееся рассуждение Сталина о том, что-де Россию всегда били за отсталость и поэтому надо «военно-экономическую» отсталость срочно ликвидировать, иначе «нас сомнут»[35].

Вот в чем и есть провозглашенный обоими отцами класса номенклатуры смысл индустриализации при реальном социализме. Создать военную мощь — таков был с самого начала этот нехитрый смысл, который номенклатурная пропаганда старается теперь завуалировать.

Уже Сталиным была пущена в оборот формула «Преимущественное развитие производства средств производства». Она не обозначала ничего иного, кроме примата тяжелой индустрии с главной целью — оснащения военно-полицейской машины номенклатурного государства. Однако эта формула открывала простор для толкования в том смысле, что для производства товаров народного потребления необходимо сначала произвести средства такого производства, а поэтому должна развиваться прежде всего группа «А», как обозначают в СССР производство средств производства[36].

Группа «А» усиленным темпом развивается уже более 60 лет — с 1927 года. Каковы результаты?

Проследим, пятилетку за пятилеткой, как безотказно действует принцип развития тяжелой (прежде всего военной) промышленности за счет производства товаров народного потребления. При этом воспользуемся не какими-либо сомнительными западными изданиями, а надежными советскими.

Первая пятилетка (1928—1932 годы). План пятилетки готовился тоже пять лет — с 1923 года, выполнен же был за 4 года 3 месяца. Но как? Тяжелая промышленность выполнила план на 109%, и доля первого подразделения (тяжелая индустрия) промышленной продукции выросла за эти годы с 39,5 до 53,4%[37]. А легкая промышленность вообще не выполнила план «вследствие перехода в конце пятилетки ряда заводов на производство чисто военной продукции»[38]. Никому из руководства не пришло, однако,

в голову, что если план выполнен только по группе «А», то нечего объявлять его досрочно завершенным, а надо продолжать работу в течение оставшихся 9 месяцев и постараться улучшить результат по группе «Б». Этот факт хорошо показывает отношение номенклатуры к производству товаров для населения.

Вторая пятилетка (1933—1937 годы). Снова план был горделиво выполнен за 4 года 3 месяца. Объем промышленного производства вырос более чем вдвое — но опять со знакомой присказкой: «В результате угрозы войны большие расходы шли на производство вооружения. Это обстоятельство явилось причиной того, что легкая промышленность не выполнила программу»[39]. Ряд значившихся в плане предприятий легкой промышленности не был даже выстроен[40].

Третья пятилетка (1938—1942 годы) была предвоенной и военной. Естественно, «план третьей пятилетки исходил из необходимости резкого повышения военно-экономического потенциала СССР, укрепления обороноспособности страны. С этой целью планом предусмотрено форсированное развитие оборонной промышленности, создание крупных государственных резервов, прежде всего по топливу и электроэнергии, по производству некоторых других, имеющих оборонное значение, видов продукции...»[41].

Четвертая пятилетка (1946—1950 годы) была выполнена по уже установившемуся сталинскому обыкновению за 4 года 3 месяца. В 1950 году объем промышленной продукции превзошел уровень предвоенного, 1940 года на 73%, но вот «производство товаров широкого потребления не достигло предвоенного уровня»[42].

Пятая пятилетка (1951—1955 годы). Поскольку в самой середине пятилетки Сталин умер, выполнение несколько затянулось, но все же не отличалось радикально от сталинского: оно продолжалось 4 года 4 месяца. К концу пятилетки удельный вес группы «А» составлял уже 70,5%[43].

Шестая пятилетка (1956—1960 годы). План ее был утвержден XX съездом КПСС и предусматривал рост группы «А» на 70%, а группы «Б» — на 60%[44]. Однако это либеральное начинание не было доведено до конца, так как пятилетка была на ходу переделана Хрущевым в семилетку, и результат выполнения пятилетнего плана остался, таким образом, неясным.

Семилетка (1959—1965 годы) сохранила, конечно,

«преимущественный темп роста продукции промышленности, производящей средства производства»[45]. Но план по сельскому хозяйству не был выполнен: его годовая продукция выросла за 6 лет вместо запланированных 34 миллиардов рублей (в ценах 1958 года) всего на 5 миллиардов; прирост поголовья крупного рогатого скота вдвое сократился по сравнению с предыдущим пятилетием, а поголовье свиней, овец и птицы вообще уменьшилось[46].

Легкая и пищевая промышленность не выполнила плана — главным образом из-за нехватки сельскохозяйственного сырья[47].

Не надо думать, читатель, что здесь произошла какая-то особая хозяйственная катастрофа. Просто после смещения Хрущева в октябре 1964 года новое руководство не имело оснований скрывать правду о реальном итоге выполнения плана. Поэтому и, возможно, удивившее внимательного читателя упоминание о шести годах семилетки: это включая 1964 год, а 1965 год — уже брежневский, и здесь все должно было пойти, конечно, хорошо.

Восьмая пятилетка (1966—1970 годы). Было провозглашено, что пятилетка будет характеризоваться сближением темпов роста групп «А» и «Б». Результат сближения оказался таков: в 1970 году группа «А» произвела 74% всей промышленной продукции, а группа «Б» — 26%. Цифра была столь красноречива, что ее в последний момент вычеркнули из доклада Брежнева[48]. В том же году из одной неосторожной статистической публикации выяснилось, что вопреки распространенному на Западе и даже в Советском Союзе мнению доля производства средств производства, предназначенных для производства опять-таки средств производства (группа «А»1), со времен Сталина не сократилась, а продолжала неуклонно возрастать по сравнению с группой «А»2 (производство средств производства товаров народного потребления): так, если при Сталине (1950 год) «А» 1 составила 72%, то при Хрущеве (1960 год) была равна 78%, а при Брежневе и Косыгине (1965—1966 годы) — уже 82%[49]. Это лишь один, случайно вынырнувший на страницах печати факт, в котором как в капле воды отразилось то, что давно пора понять: основные линии политики Советского государства определяют не царящие там генеральные секретари, а правящий класс номенклатуры, поэтому секретари меняются, а политика остается. И все же отметим: восьмая пятилетка была пока единственной, в которой план по группе «Б» был, наконец, выполнен и даже перевыполнен[50]. Больше того, было

торжественно объявлено, что в рамках пятилетнего плана группа «Б» превзойдет по темпу группу «А»: так повлияли на номенклатуру события в Чехословакии в 1968—1969 годах и в Польше в 1970 году! Но вот взволновавшие номенклатурщиков события отошли в прошлое, и жизнь вошла в свою колею.

Девятая пятилетка (1971—1975 годы). Когда стали подводить итоги, они оказались вполне нормальными. Никакой речи о превышении группой «Б» темпов роста группы «А» уже не было: хотя цифры по группе «А» постеснялись опубликовать, это было ясно из сообщения, что за 9-ю пятилетку объем промышленной продукции вырос на 43%, тогда как производство товаров народного потребления выросло на 37%[51]. План же по группе «Б» оказался вновь невыполненным — в восьмой раз из девяти возможных. Брежнев сообщил на XXV съезде КПСС, что «не удалось выйти на запланированные показатели по ряду производств в легкой и пищевой промышленности», и сделал вывод: «Мы пока еще не научились, обеспечивая высокие темпы развития тяжелой промышленности, ускоренно развивать также группу «Б» и сферу обслуживания. Ответственность за это несут многие»[52].

И правда — многие: класс номенклатуры. Это он за 60 лет своего правления и за 50 лет своего планирования не научился давать работающему народу необходимые потребительские товары.

Но, может быть, хоть затем, войдя в пенсионный возраст, этот класс встрепенулся и намерен радикально изменить положение?

Он об этом и не думает.

В *десятой пятилетке* (1976—1980 годы) советская номенклатура запланировала следующее: производство товаров народного потребления в 1975 году отставало на 237 миллиардов рублей от производства средств производства, а в 1980 году оно должно было отстать уже на 351 миллиард рублей; при этом само оно составляло бы 186—189 миллиардов[53]. Значит, один лишь перевес тяжелой индустрии должен был в денежном выражении почти вдвое превышать все производство потребительских товаров для населения.

Фактический результат для группы «Б» оказался еще хуже, чем было запланировано,— на 30%. В денежном выражении результат производства по группе «Б» был *втрое* меньше, чем по группе «А»[54].

Одиннадцатая пятилетка (1981—1985 годы) была еще

хуже. На XXVII съезде КПСС Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков уныло доложил: «Надо прямо сказать, что полностью выйти на задания пятилетнего плана не удалось. Многие отрасли не сумели взять намеченные рубежи... Мы не получили полной отдачи от тех больших ресурсов, которые были направлены в сельское хозяйство. Хронически не выполнялись задания по эффективности, вяло осуществлялся научно-технический прогресс... В результате не выполнен ряд заданий по повышению благосостояния — таких, как реальные доходы, розничный товарооборот, осложнилось состояние финансов и денежного обращения» [55].

Двенадцатая пятилетка (1986—1990 годы) дает не лучшие результаты. А впереди — тринадцатая: несчастливое число!

При этом надо учитывать, что советская статистика берет для продукции группы «А» низкие отпускные цены предприятий, мало превышающие издержки производства: ведь в действительности эту продукцию не продают, а одна государственная организация поставляет ее другой, так что цена нужна лишь для отчета. Для продукции же группы «Б» статистика берет высокие цены розничной торговли с наценками, доходящими в некоторых случаях (например, на легковые автомашины) до 800—900% издержек производства.

Так выглядят итоги пятилеток.

Рассмотрев их, мы приходим к небезынтересному выводу: курс на преимущественное развитие производства средств производства означает не только то, что доля и темп развития группы «А» систематически планируются номенклатурой за счет группы «Б», то есть за счет интересов населения-потребителя. Этот курс означает также, что составленный с такой диспропорцией план номенклатура старается перевыполнить по группе «А» и регулярно не выполняет по группе «Б», сводя тем самым фактическое производство товаров народного потребления до совсем уже жалкого минимума. И так — более 60 лет!

Вот это и есть преимущественное развитие производства средств производства. За таким ханжеским эвфемизмом крылся курс, ориентированный исключительно на классовые интересы номенклатуры и преследовавший цель дальнейшего непрерывного укрепления ее власти и могущества за счет нужд подчиненного ей населения.

8. ЭКСПЛУАТАЦИЯ НА МАРКСИСТСКОЙ ОСНОВЕ

Мы ознакомились с основными элементами структуры и функционирования экономической системы реального социализма — этой машины для получения номенклатурой прибавочной стоимости. Обратимся теперь к механизму такого процесса.

Создавая свою систему извлечения прибавочной стоимости, господствующий класс номенклатуры применил несколько неожиданный метод, который даже при величайшем нежелании произносить осуждающие слова приходится назвать циничным.

Ленин советовал никогда не судить о партиях или классах, как и об отдельных людях, по тому, что они сами говорят о себе, а всегда анализировать реальные факты. Если, следуя этому совету, не слушать того, что велеречиво рассказывает номенклатура о своей приверженности к марксизму, а посмотреть на ее дела, нельзя не заметить: она не торопится осуществлять идеи Маркса о преобразовании общества после победы пролетарской революции. Обобществление средств производства не пошло дальше начального (по Марксу) его этапа — огосударствления; государство не отмирает, а укрепляется; никакого сходства с Парижской коммуной оно не имеет; различия в материальном положении членов общества не ликвидированы, а, напротив, растут; и бесклассовое коммунистическое общество, которое, по Марксу, должно было создаться после короткого переходного периода диктатуры пролетариата, не только не построено, но превращается во все более туманный миф.

А вот проделанный Марксом в «Капитале» анализ извлечения капиталистами прибавочной стоимости был применен номенклатурой с ее первых же шагов [56]. Говорят, Ленин назвал как-то Сталина «Чингисханом, прочитавшим «Капитал» Маркса». Выражение удачное.

Как ни кощунственно это звучит для каждого марксиста, остается фактом: советское руководство сознательно положило разоблаченные Марксом черты капиталистической эксплуатации трудящихся в основу организации социалистического производства.

В самом деле: как знает каждый, изучавший марксистскую политэкономию,— а советские руководители относятся к числу таких людей — есть два способа увеличить получаемую в процессе производства прибавочную стоимость: 1) удлинить абсолютно рабочее время или

повысить интенсивность труда («абсолютная прибавочная стоимость»); 2) сократить необходимое рабочее время («относительная прибавочная стоимость»). Оба способа связаны с вопросом о заработной плате трудящихся.

Класс номенклатуры в СССР использовал оба способа сразу. Рассмотрим их по порядку.

9. АБСОЛЮТНОЕ УДЛИНЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

После Октябрьской революции рабочее время было сначало сокращено. Затем оно стало удлиняться. Помню, как нас — школьников — нехотя поправляли пионервожатые, когда мы заученно отбарабанивали, что наша Родина — страна с самым коротким рабочим днем в мире: она такой уже не была. Стало прибавляться количество рабочих дней: вместо пятидневки (4 рабочих дня и 1 выходной) была введена шестидневка, а в 1940 году — семидневная рабочая неделя с восьмичасовым рабочим днем, 48 часов. Обещанные после революции месячные отпуска сократились до 12 рабочих дней. Убавилось количество праздничных дней: сначала были отменены религиозные праздники — Пасха и Рождество, потом взялись за вычеркивание революционных праздников; рабочими днями стали 22 января — годовщина «Кровавого воскресенья» 1905 года (впоследствии к нему присоединилось 21 января — годовщина смерти Ленина), 18 марта — День Парижской коммуны; перестали праздновать годовщину Февральской революции 1917 года, Международный юношеский день... Быстро сокращенное таким образом число нерабочих дней в СССР дополнительно урезывалось организацией субботников и воскресников — дней неоплачиваемой работы.

Для того, чтобы это декретированное или введенное окольным путем удлинение рабочего времени действительно давало соответствующий прирост прибавочного продукта, номенклатура ввела строгую дисциплину. И здесь начал Ленин, поднявший, как мы помним, кампанию против тех рабочих, которые хотели урвать себе побольше, а государству дать поменьше[57].

Задача рождавшегося господствующего класса была прямо противоположной: урвать себе побольше, а трудящимся дать поменьше.

Сталин постепенно ввел такое свирепое антирабочее законодательство, какого давно уже не знала Европа. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от

26 июня 1940 года за прогул и приравненное к нему опоздание на работу на 20 минут виновные отдавались под суд и приговаривались к принудительным работам. Был введен строгий контроль за тем, чтобы врачи выдавали больничные листки только в случае серьезных заболеваний: как и в концлагерях, для врачей в поликлиниках страны была установлена норма выдачи освобождений от работы по болезни.

Существенное дисциплинирующее воздействие оказывается на трудящихся СССР при помощи трудовых книжек и характеристик. На всех работающих в СССР заведены трудовые книжки, в которые заносятся все перемещения по службе. Без трудкнижки советского гражданина не принимают на работу, без ее предъявления не оформляют пенсию. Характеристики, подписанные «треугольником», долгое время требовались для поступления на работу. Потом это правило было формально отменено, так как сочли более целесообразным неофициально запрашивать сведения о поступающем на месте его прежней работы. Впрочем, и поныне характеристики требуются по самым различным поводам и служат кнутом, подстегивающим работника. Газета «Известия» признает: «Кадровики продолжают их собирать со страстью фанатичного нумизмата» [58].

10. ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ТРУДА

С точки зрения Маркса и Энгельса, проблемы интенсификации труда после победы пролетарской революции вообще не должно было существовать: ведь все труженики и так будут работать изо всех сил, так как они станут хозяевами всего и работать будут на себя.

Именно этого с победой реального социализма не произошло. А раз отпала предпосылка, отпало и следствие.

Номенклатурное начальство давно уже не скрывает, что повышение производительности труда рабочих и колхозников — первостепенная задача при реальном социализме.

Интересно, что впервые высказал эту идею Ленин еще накануне Октябрьской революции, всерьез задумавшись над тем, что надо будет делать в случае прихода к власти. В своей книге «Государство и революция» он провозгласил, что советские трудящиеся «без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся» [59]. Ильич многозначительно замечал, что при

социализме «уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*»[60].

Под правилами человеческого общежития подразумевались здесь не культура поведения в общественных местах, а беспрекословная трудовая дисциплина, под «вооруженными рабочими» — карательные органы государства (настоящие рабочие — это другие: безоружные, те, кто будет подчиняться надсмотрщикам, контролироваться бухгалтерами и подвергаться «серьезному наказанию» за нерадивую работу). Ход мысли Ленина понятен: надсмотром и строгими карами приучить рабочих к высокопроизводительному труду на Советское государство. Ничего нового в такой мысли не было.

Предшествовавшее первой мировой войне десятилетие ознаменовалось в промышленности царской России большим интересом к разработанным на капиталистическом Западе системам максимальной интенсификации труда рабочих, особенно к системе Тейлора. Важнейшие произведения Тейлора были изданы в русском переводе, и русские авторы (Левенштерн, Поляков, Панкин и другие) популяризировали идеи тейлоризма, выступая за их внедрение на предприятиях страны.

Как и следовало ожидать, Ленин до революции яростно критиковал эти идеи и ругал тейлоризм как «научную систему выжимания пота». Правда, еще до революции, в 1914 году, прозорливый Ильич загадочно заметил, что теория тейлоризма «без ведома и против воли ее авторов — подготовляет то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство»[61].

И верно: как только после победы в гражданской войне это время наступило, Ленин открыл вдруг в мерзкой системе тейлоризма массу достоинств. Под названием «Научная организация труда» (НОТ) эту систему стали поспешно внедрять в советское народное хозяйство.

«Поспешно» — здесь не красное словцо. В ноябре 1920 года закончилась гражданская война в европейской части России, а уже в августе 1920 года Центральный совет профсоюзов (кто же еще!) открыл в Москве

Центральный институт труда. Предвосхищая сталинское выражение о том, что советские трудящиеся — винтики, организаторы института объявили, что они рассматривают работников «как винты... как машины».

В январе 1921 года в Москве состоялась первая всероссийская конференция по вопросам НОТ. Вопрос ставился по-деловому: как добиться от советского рабочего максимальной производительности труда[62]. Физиолог В. М. Бехтерев сделал доклад о рациональном использовании человеческой рабочей силы.

Между тем Институт труда уже достиг серьезного научного успеха, разложив все достижения рабочего на «удар» и «нажим», после чего была разработана «биомеханика удара и нажима». Советские неотейлористы свысока поглядывали на своего предтечу, заявляя, что, хотя Тейлор затронул различные проблемы НОТ, но до конца их не рассмотрел и сумел лишь дать свое имя «одиозному термину».

Неотейлористские учреждения стали распространяться по Советскому Союзу. В 1925 году в стране насчитывалось около 60 институтов НОТ. Для координации их работ пришлось образовать Центральный совет научной организации труда (СовНОТ). Все эти достойные учреждения занимались тем, что хронометрировали производственные операции, изучали каждое движение работающего и старались до предела уплотнить его рабочее время. Советские теоретики НОТ с ученым видом поговаривали о том, что рабочие-ударники сами будут выступать за удлинение рабочего дня и сокращение числа праздников и что-де конвейер наиболее полно соответствует представлениям Маркса о прогрессивной организации производства. Впрочем, для верности слово «конвейер» было в промышленности заменено выражением «поточная линия» и осталось в своем первоначальном виде лишь для обозначения круглосуточных допросов в НКВД.

Повышение производительности труда еще Ленин объявил решающим условием победы социализма над капитализмом. С тех пор требование всемерной интенсификации труда остается неизменным лозунгом класса номенклатуры.

Для обеспечения интенсификации труда номенклатура использует трудовую дисциплину. Хотя о ней и рассказывается, что она-де не «палочная», а «сознательная», в действительности вся она основана на страхе трудящегося перед наказанием, перед палкой номенкла-

турных надсмотрщиков. Ленин не только провозгласил идею подтягивания трудовой дисциплины, но и начал принимать меры по дисциплинированию рабочих сразу же, как только наметилась победа большевиков в гражданской войне. Уже 27 апреля 1920 года он подписал декрет Совнаркома «О борьбе с прогулами», предусматривавший обязательную отработку прогулянных часов в сверхурочное время и в праздничные дни. За этим первым шагом антирабочего законодательства Советского государства последовали многие другие, о чем мы уже говорили.

Но это история. А как сейчас определяет номенклатура сущность дисциплины труда при реальном социализме?

Процитируем журнал ЦК КПСС «Коммунист»: «Социалистическая дисциплина труда включает, с одной стороны, обязанность администрации рационально организовать труд, а с другой стороны, обязанность рабочих и служащих работать с полной отдачей сил».

Итак, от трудящихся требуется немало: полная отдача сил. А что требуется от администрации? Что означает ее обязанность «рационально организовать труд»? «Умение организовать процесс трудовой деятельности,— поясняет «Коммунист»,— это максимальное использование рабочего времени, создание трудовой атмосферы, учет и контроль»[63].

Весь смысл социалистической трудовой дисциплины, весь смысл организации трудового процесса при реальном социализме — извлечение прибавочной стоимости.

Со своей точки зрения номенклатура совершенно справедливо видит свою задачу в максимальном повышении норм. Разглагольствуя в газетах о небывалом трудовом энтузиазме советского народа, номенклатура внутренне глубоко убеждена в том, что эти ленивые подонки работают вполсилы, упрямо не желая выдавать государству столько продукции, сколько могли бы, и надо как-то сломить такую итальянскую забастовку.

В поисках штрейкбрехеров номенклатура натолкнулась на марксистский тезис о том, что буржуазия с целью расколоть рабочий класс создает рабочую аристократию, которую подкармливает крохами от своих прибылей. В Советском Союзе начали незамедлительно приниматься меры для создания рабочей аристократии.

Знаете, когда Ленин впервые поставил перед партийным руководством вопрос об организации соцсоревнова-

ния трудящихся? В декабре 1917 года[64]. В апреле 1919 года состоялся восславленный Лениным «великий почин»[65] — первый субботник членов партячейки станции Москва-Сортировочная. А там пошли субботники, и сам Ленин сфотографировался в Кремле: в пиджачке с поднятым воротником он подставил плечо под бревно, которое бережно несут молодцы из его охраны. Выглядеть же соревнование должно было, естественно, не как нечто, организованное свыше, а как революционное творчество самих масс; поэтому деловой ленинский документ «Как организовать соревнование?» опубликовали только через 10 лет после «великого почина»[66].

На основе идеи соцсоревнования номенклатура организовала сначала движение ударников, потом — стахановцев, затем — бригад коммунистического труда. Один за другим публиковались в газетах и одобрялись ЦК или обкомом КПСС всевозможные «почины» и «методы». Смысл этой шумихи неизменно состоял и состоит в одном: навязать трудящимся более высокие нормы, которые вместе с тем выглядели бы не как плод фантазии чинов из номенклатурных кабинетов, а как реальные нормы, действительно выполняемые и даже перевыполняемые тружениками-передовиками.

Какие трюки при этом применялись номенклатурой, можно проиллюстрировать на примере стахановского движения.

Как известно, началось оно с того, что в ночь на 31 августа 1935 года забойщик шахты «Центральная-Ирмино» в Донбассе Алексей Стаханов якобы вдруг выполнил за смену не одну, а сразу четырнадцать норм. Рабочий с той же шахты рассказывал мне потом, что Стаханов прежде никакими доблестями не отличался, любил выпить, но имел покладистый характер и приятную внешность. Видимо, фотогеничность Стаханова и привела к тому, что именно ему поручили стать героем.

Затем шахтерские рекорды посыпались градом. Дошло до абсурда: было объявлено, что Никита Изотов вырубил за смену 240 тонн угля, выполнив таким образом 33 нормы.

Вы верите, читатель, что без каких-либо технических усовершенствований один забойщик мог выполнить работу тридцати трех таких же забойщиков? Ясно, что или забойщики бездельничали, или сообщение о рекорде было ложью. Однако советский учебник для вузов ничтоже сумняшеся замечает: «Но и этот рекорд в дальнейшем был значительно превышен»[67].

В действительности, конечно, перевыполнения норм на тысячи процентов не было, да так высоко их и не собирались поднимать. Но подняты они были существенно. Зачинатели же стахановского движения получили ордена, были избраны в Верховный Совет и ушли на руководящие чиновные посты, напутствуемые далеко не лучшими пожеланиями своих бывших товарищей.

Попытки номенклатуры организовать стахановское движение среди колхозников теми же демагогическими методами не дали нужных результатов. Изверившиеся в обещаниях партийных руководителей колхозники не хотели пускаться в рекордсменство ради неопределенной перспективы дождаться милостей номенклатуры. Поэтому пришлось установить для колхозников беспрецедентный в истории награждений орденами прейскурант: за определенный производственный результат выдается соответствующий орден, за более высокий, столь же определенный, присваивается звание Героя Социалистического Труда. Только такая здравая система «баш на баш» оказалась способной принести сколько-нибудь ощутимые результаты.

Номенклатура спекулировала не только на тщеславии людей, но и на неопытности молодежи. Из молодых людей создавали с целью проверять работу и выявлять недостатки группы, почему-то названные «юная кавалерия». Руководили «кавалерией» парткомитеты, так что самой молодежи была отведена роль лошадей, а не наездников. Были созданы молодежные бригады, организованы комсомольско-молодежные стройки. Результат не всегда соответствовал желаниям номенклатуры: город Комсомольск-на-Амуре пришлось, в конце концов, строить силами заключенных. Впрочем, пытались выжать энтузиазм и из них: Солженицын хорошо описал это в неподцензурном «Архипелаге ГУЛАГ», и он же в подцензурном «Одном дне Ивана Денисовича» вынужден был воспеть такой псевдоэнтузиазм.

Все эти разнообразные приемы сознательно и, более того, открыто преследуют одну цель: всемерное повышение интенсивности труда.

11. НИЗКАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Соотношение между размером заработной платы трудящихся и их эксплуатацией хозяевами давно уже вошло в азбуку политэкономии. Еще Дэвид Риккардо (1772—

1823 годы) сформулировал экономический закон: чем выше заработная плата работников, тем ниже прибыль предпринимателя, и наоборот[68]. Для всех стран реального социализма характерен низкий уровень заработной платы трудящихся и тем самым высокий уровень прибылей, находящий выражение, в частности, в непропорционально высокой доле накопления (в СССР она составляет около 25% национального дохода)[69].

Из статистики известно понятие «среднестатистическая семья»: муж, жена и двое детей. Статистический прожиточный минимум в США (так называемый «бюджет Геллера») исчисляется именно на такую семью: минимум налицо, если глава семьи может содержать всех четверых.

В советской статистике понятие «прожиточный минимум» отсутствует. С ним советский человек сталкивается, лишь читая в газетах, что-де в такой-то капиталистической стране такой-то процент трудящихся зарабатывает меньше прожиточного минимума. И советский гражданин недоумевает: как же эти трудящиеся до сих пор не умерли с голоду?

Ему невдомек, что и сам он, и все те, кто его окружает и кого он видит на улицах —за исключением чванных типов в проносящихся мимо лимузинах,— все они получают меньше статистического прожиточного минимума. Потому что какой же обычный гражданин СССР может на свою зарплату содержать семью из четырех человек?

По официальным данным средняя заработная плата рабочих и служащих в СССР равняется ныне 257 рублям в месяц до вычета налогов. Это составляет по официальному советскому курсу (100 западногерманских марок равняется 35,4 рубля) около 725 западногерманских марок. Отсюда еще будут вычтены налоги и уплачены профсоюзные взносы, останется примерно 600 марок. А в ФРГ трудящийся получает в среднем в 5 раз больше.

Около 1/4 населения СССР живет в сельской местности. Оплата труда колхозников составляет 187 рублей в месяц. В реальной советской жизни заработок 257 рублей в месяц — не средний, а хороший. Подлинный средний заработок, видимо, составляет примерно 200 рублей в месяц. Точную цифру сказать невозможно, так как статистика зарплаты в СССР весьма сомнительна и таинственна. Причина этой таинственности читателю, видимо, уже ясна.

Как обстоит дело с повышением зарплаты?

Номенклатура твердит: рост производительности труда должен обогнать рост заработной платы. Советская пропаганда охотно разъясняет непонятливым, что сначала надо больше произвести, а потом уже больше получать,— иначе-де нельзя, так как взять деньги неоткуда, как только реализовав произведенное.

На первый взгляд аргумент кажется убедительным. Только неясно, почему столь элементарной вещи долго не понимали сами большевики. Так, в резолюции XII съезда партии (1923 год) было зафиксировано, что именно рост заработной платы рабочих влечет за собой повышение производительности труда, а не наоборот[70]. А в 1926 году, на XV всесоюзной партконференции, по этому вопросу произошел спор между сталинскими номенклатурщиками и оппозицией. При этом оппозиция заявляла: «Вопрос о зарплате должен ставиться не так, что рабочий должен сначала дать повышенную производительность труда, которая затем дает повышение зарплаты, а система должна быть обратная: повышение зарплаты... должно стать предпосылкой повышения производительности труда»[71]. Видимо, кажущийся очевидным аргумент номенклатуры не так уж убедителен. Скажем точнее: он просто фальшив.

Допустим, вы — рабочий на строительстве завода. Станете ли вы получать зарплату только после того, как завод будет готов, начнет производить продукцию и поступят деньги от продажи первых ее партий? Если бы так, вы скончались бы от голода до конца строительства. Вы же будете получать зарплату каждые две недели, иными словами, вас будут авансировать. И вопрос не в том, откуда возьмутся деньги для аванса (возьмутся они оттуда же, откуда вообще Советское государство берет деньги — из типографии Гознак). Вопрос в другом: почему государство может вам их выплачивать? Оно может это делать потому, что производство в стране не начинается с вашего завода. Производство идет полным ходом, накоплена и непрерывно добывается огромная прибавочная стоимость. Речь идет не о том, что нищей номенклатуре надо сначала сбыть произведенный вами товар, чтобы с вами рассчитаться. Речь идет именно об этой прибавочной стоимости.

Номенклатуре есть за счет чего повысить зарплату трудящимся, но она не хочет поступиться самой скромной частью добытой прибавочной стоимости. Она не хочет делать этого даже в предвидении последующего повышения производительности труда; номенклатура сознает

всю остроту конфликта между нею и трудящимися и не верит, что трудящиеся будут готовы действительно ответить повышением производительности труда на подачку в заработной плате. Номенклатура предпочитает материальному стимулированию трудящихся метод принуждения — организационный и пропагандистский кнут, а не пряник. Это отличает ее от капиталистов и ставит в один ряд с феодалами и рабовладельцами.

Но в таких рамках класс номенклатуры перенимает и методы эксплуатации, распространившиеся при капитализме. В марксистской политэкономии капитализма проводится четкая грань между повременной формой оплаты труда как менее эксплуататорской и сдельной формой, нацеленной на возможно более интенсивное выжимание прибавочной стоимости.

Вот что написано в уже цитированном нами советском учебнике политэкономии: «Капиталистическая сдельщина ведет к постоянному усилению интенсивности труда. Вместе с тем она облегчает предпринимателю надзор за рабочими. Степень напряженности труда контролируется здесь количеством и качеством продуктов, которые работник должен изготовить, чтобы приобрести необходимые средства существования. Рабочий вынужден увеличивать поштучную выработку, трудиться все интенсивнее. Но как только более или менее значительная часть рабочих достигает нового, повышенного уровня интенсивности труда, капиталист снижает поштучные расценки». «Рабочий пытается отстоять общую сумму своей заработной платы тем, что больше трудится: работает большее число часов или изготовляет больше в течение одного часа... Результат таков: *чем больше он работает, тем меньшую плату он получает*. В этом состоит важнейшая особенность сдельной заработной платы при капитализме»[72].

Но ведь при реальном социализме, конечно же, не применяется эта разоблаченная Марксом и советскими марксистами потогонная система? Применяется и очень широко.

По опубликованным данным Госкомстата СССР в 1985 году 54,3% советских промышленных и строительных рабочих получали сдельную и только 45,7% — повременную оплату[73]. При этом именно сдельщина объявляется в Советском Союзе «прогрессивной формой заработной платы».

А как же с марксистским осуждением этой формы? Номенклатура легко отделывается от него стандартной

ссылкой на то, что при социализме рабочие работают-де на самих себя.

Выступая с требованием, чтобы рост производительности труда в СССР предшествовал повышению заработной платы, номенклатура, очевидно, исходит из того, что в казенной системе партийного просвещения все только числятся изучающими «Капитал», а на самом деле его и не раскрывают. В самом деле, переведем сказанное на язык формул Маркса. Выходит, что при социализме должно возрастать отношение производимой рабочим стоимости, а значит, и прибавочной стоимости к получаемой им зарплате. Но ведь это, по Марксу, и есть, если выразить полученное число в процентах, норма прибавочной стоимости, она же *норма эксплуатации*. Вот эту-то норму номенклатура и требует увеличить!

Мы уже говорили, что исчисленная Госкомстатом СССР средняя заработная плата рабочих и служащих почти в четыре раза меньше исчисленной федеральным статистическим управлением зарплаты трудящихся ФРГ. Однако даже эта цифра не отражает реальности. Дело в том, что в западногерманскую цифру не включены наиболее зажиточные слои населения: предприниматели и землевладельцы, зато включены безработные и ученики на производстве. В советскую цифру, напротив, включена номенклатура — министры, маршалы и т. п., но не включены колхозники, пенсионеры и учащиеся. Значит реальный разрыв еще больше.

12. ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД

Урезая до предела зарплату, номенклатура применяет еще один указанный Марксом метод усиления эксплуатации труда.

Советский учебник политэкономии констатирует: «Стоимость рабочей силы определяется стоимостью средств существования, необходимых для рабочего и его семьи. Поэтому, когда в производство вовлекаются жена и дети рабочего, заработная плата рабочего снижается, теперь вся семья получает примерно столько же, сколько раньше получал только глава семьи. Тем самым еще больше усиливается эксплуатация рабочего класса в целом»[74].

Известны проклятия советской пропаганды по адресу капиталистов, наживающихся на детском труде. В действительности в Советском Союзе государство организовало детский труд в довольно широком масштабе.

В СССР уже в 20-х годах были открыты школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Их учащиеся работали на производстве. Многочисленные беспризорные под предлогом воспитания их по методу А. Макаренко использовались как дешевая рабочая сила. С той же целью при Сталине были созданы ремесленные училища — с военной дисциплиной и черными формами для учеников. Училищами ведало специальное Управление государственных трудовых резервов. В комплектование училищ был внесен элемент принуждения: туда фактически в принудительном порядке переводились неуспевающие и недисциплинированные дети из школ.

Женский труд организован при реальном социализме не административным, а экономическим принуждением. Работа женщин была и является в Советском Союзе совершенно необходимой для существования огромного большинства семей.

В этом можно убедиться даже арифметически. В условиях гласности в СССР стали говорить о «границе бедности». Считается, что эта граница — 75—78 рублей в месяц на одного человека. Средний статистический рабочий или служащий в СССР, отдав из своей зарплаты в 257 рублей подоходный налог 13% и заплатив членский взнос в профсоюз, принесет домой 220 рублей, то есть по 55 рублей в месяц на каждого члена своей среднестатистической семьи. Это намного ниже черты бедности. Так чисто статистически мы убеждаемся, что женщины в СССР не могут не работать. И они работают.

Распространенный на Западе социальный тип женщины-домохозяйки фактически не существует среди советских женщин допенсионного возраста. Это явственно следует из советской статистики: женщины составляли в 1987 году 53,1% населения в СССР и 51% трудящихся[75]. Не работают по установленной при Сталине традиции жены офицеров, генералов и академиков, а также во все возрастающем количестве жены различных других номенклатурных чинов.

Как и следовало ожидать, такая политика класса номенклатуры имела для советского общества разнообразные последствия. Одни из них были положительными: женщины оказались материально независимыми от мужей, так как последние просто не в состоянии их содержать; это способствовало реальной эмансипации женщин. Другие последствия вызывают тревогу советского руководства. Весьма острой стала демографическая проблема: сокра-

щается рождаемость. Введенные Сталиным по примеру наград колхозникам за разведение скота награды многодетным матерям (звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава») не возымели успеха: в промышленных и культурных центрах страны многодетные семьи стали редкостью, численность населения в стране растет медленно, главным образом за счет азиатских национальных республик.

Все эти последствия и проблемы имеют одну причину: упорное, ни с чем не считающееся стремление класса номенклатуры к получению прибавочной стоимости всеми указанными у Маркса способами.

13. СТАНДАРТИЗИРОВАННЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

В своем стремлении к получению прибавочной стоимости номенклатура отваживается на шаги, ведущие ее за пределы описанных Марксом методов эксплуатации. Номенклатура извлекла новые практические выводы из марксистского положения о том, что сокращение необходимого рабочего времени ведет к возрастанию относительной прибавочной стоимости. Если перевести политэкономические термины на общедоступный язык, это означает, что сокращение потребления трудящихся увеличивает получаемую от их труда прибыль. Тут мы подошли к вопросу об уровне жизни трудящихся в СССР.

Под уровнем жизни советская литература понимает «уровень удовлетворения потребностей и соответствующий ему уровень доходов». Эти условия жизни и труда людей «обусловлены господствующим строем»[76]. Уровень жизни в СССР обусловлен, таким образом, господствующим в стране строем реального социализма. Всему миру известно, что уровень этот весьма низок. Посмотрим, почему он таков.

В процессе производства в любом эксплуататорском обществе работник создает продукт для хозяина и определенный жизненный уровень для себя и своей семьи. Необходимый продукт, создаваемый работником, и есть политэкономически выраженное содержание понятия «уровень жизни» этого работника. Чем больше необходимый продукт, тем выше жизненный уровень его производителя.

Можно, не заглядывая в книги, предположить, что классики марксизма-ленинизма предсказывали бурный подъем жизненного уровня народа при социализме. И прав-

да: Ленин в свое время предрекал, что «только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния»[77]. Ильич щедро обещал «обеспечение *полного* благосостояния... *всех* членов общества»[78].

Все это оказалось пустой болтовней. Напротив, за прошедшие 70 лет выявилась непреложная закономерность: жизненный уровень населения в странах реального социализма ниже, чем в странах капитализма.

Поскольку это закономерность, то и подходить к ней надо по-научному, а не демагогически. Сравнивать надо не ГДР с Непалом и не США с Монголией, а сопоставимые страны, где сравнение может дать серьезный ответ на вопрос «Как влияет установление строя реального социализма на жизненный уровень трудящихся?».

История последнего полувека сама создала лаборатории для проведения такого сравнения. Сопоставьте жизненный уровень населения в Северной и в Южной Корее, в тогдашних ГДР и ФРГ, в Восточном и в Западном Берлине. Результат настолько очевиден, что его не пытается всерьез оспаривать даже номенклатурная пропаганда. Пожилые люди в Австрии с некоторым недоумением расскажут вам о том, что и в империи Габсбургов, и в годы между двумя мировыми войнами Чехия славилась значительно более высоким, чем в Австрии, жизненным уровнем. А в 1968 году дубчековцы, прекратив пропагандистскую болтовню о расцвете социалистической Чехословании, открыто выдвинули перед народом оказавщуюся непосильной задачу: постараться достичь по жизненному уровню Австрию.

Что же случилось в Северной Корее, в Чехословакии, в ГДР, в Восточном Берлине? Стихийное бедствие, землетрясение, мор? Нет, просто был установлен строй реального социализма.

Почему этот строй действует таким сокрушительным образом на жизненный уровень населения — вопреки прямо противоположным предсказаниям Маркса, Энгельса и Ленина? Официально в качестве объяснения такого очевидного отставания реального социализма от капитализма по жизненному уровню трудящихся номенклатурная пропаганда не смогла придумать ничего умнее, чем ссылаться на план Маршалла,— словно не она сама объявляла его политикой ограбления Западной Европы амери-

канским империализмом и словно не прошло с того времени доброй трети века! В доверительной же беседе любой номенклатурщик начнет брюзжать: «Работают из рук вон плохо, потому и бедность!» А то и говорят открыто: «Как работаем, так и живем». Живет ли номенклатура так, как она работает, будет рассмотрено в последующих главах. А народ работает так, как живет: живет плохо — и работает плохо.

Но почему советские люди так работают, хотя им внушают, что трудятся они на самих себя? Почему при капитализме люди трудятся лучше, чем при реальном социализме?

Да потому, что класс номенклатуры, на который трудящиеся социалистических стран в действительности работают, их так грубо эксплуатирует. Только грубость эта мало помогает. Чем больше номенклатура старается выжать из работников, тем ниже у них заинтересованность в результатах своего труда. Ведь все равно жадная номенклатура все заберет себе, а работников лишь похвалит в газетах за трудовой героизм и призовет еще напряженнее трудиться.

Итак, известный каждому побывавшему в государствах обеих систем факт, что жизненный уровень в странах реального социализма значительно и устойчиво ниже, чем в сравнимых капиталистических странах,— этот факт имеет глубокие корни. Они протягиваются к таким постоянно действующим фактам, как более низкая производительность труда и более высокий уровень прибавочной стоимости при реальном социализме по сравнению с развитым капитализмом.

В условиях низкой производительности труда при реальном социализме номенклатура отыскала метод, который тем не менее обеспечивает ей высокий уровень относительной прибавочной стоимости. Дополнительное достоинство этого метода в том, что он на первый взгляд соответствует интересам трудящихся: метод состоит в том, что на определенный круг товаров и услуг в СССР установлены, казалось бы, низкие цены.

«Вот и прекрасно!» — восторгаются по этому поводу марксиствующие на Западе, совершив в качестве богатых иностранцев туристскую поездку в СССР и удостоверившись, что там хлеб, макароны и проезд в метро дешевле, чем на Западе, а квартплата ниже. Только вот сам Карл Маркс не разделил бы этих восторгов: он характеризовал дешевизну содержания рабочей силы не как благодея-

ние для трудящегося, а как метод усиления его эксплуатации.

В самом деле: разве потребительские товары в Советском Союзе дешевы? Нет. Живущие в СССР иностранцы неизменно жалуются на дороговизну и пускаются на все ухищрения, чтобы возможно большую часть необходимых закупок делать на Западе. Весьма скаредные финансовые ведомства на Западе при определении сумм начисляемых командировочных денег справедливо отнесли СССР в разряд стран с наиболее высокой стоимостью жизни.

Нет, в СССР дешевы не товары народного потребления, а товар «рабочая сила», потребляемый номенклатурой. Для того, чтобы эта рабочая сила сохраняла способность к производству и собственному воспроизводству, на определенный, узко очерченный круг необходимых для нее товаров и услуг установлены, с западной точки зрения, низкие цены. Именно с западной, ибо для массы советских трудящихся цены эти вовсе не низкие, а просто доступные. Размер таких цен приведен в соответствие с уровнем зарплаты в СССР. В результате рядовой советский трудящийся может поддерживать свою рабочую силу и воспроизводить ее в своих детях. Пенсионерам же приходится плохо: мизерные пенсии обрекают их на жалкое существование или же на зависимость от материальной поддержки других членов семьи. Номенклатура уже использовала рабочую силу пенсионеров, они ей больше не нужны.

Верно, что в СССР квартплата низка. Но неправильно было бы из этого делать вывод, что обычный советский гражданин имеет, как многие на Западе, квартиру размером 100 кв. метров, только платит за нее гроши. В СССР установлен максимум в 9—12 кв. метров на человека, жилплощадь сверх этого максимума оплачивается втройне. Специально оговорено, что жилплощадь предоставляется не в соответствии с этой нормой, а сплошь и рядом ниже нее.

Верно, что в СССР дешев городской транспорт Но зато автомашины объявлены предметом роскоши: Автомашина «Волга» стоит 16 000 рублей, а сопоставимый с ней «Фольксваген-Гольф» — 18 000 немецких марок. Значит, рабочий или служащий в ФРГ (их средний заработок 3 500 марок) может купить такую машину на свою зарплату менее чем за 5,5 месяца, а советский трудящийся — более чем за 5 лет работы. Одна и та же автомашина

«Жигули» (в экспортном исполнении — «Лада») продается в СССР за 9 600 рублей, а на Западе — за 11 000 марок. Значит, на покупку этой машины должны откладывать *всю* свою зарплату: советский трудящийся — 37 месяцев, а западногерманский — 3,5 месяца? Западногерманский — да. А вот советскому понадобится гораздо больше времени: купить «Жигули», записавшись в очередь на них,— дело малореальное. Значит, покупать надо на рынке, по цене 40—50 тыс. рублей. Соответственно копить придется 13—16 лет.

Верно, что в СССР дешевы хлеб, макароны, картофель, молоко, овощи, кукуруза и некоторые иные простейшие продукты питания. Но зато мясо, рыба, птица, фрукты, шоколад, кофе, кондитерские изделия — это все или дорого, или является дефицитным товаром. Так как люди не хотят есть макароны с хлебом и заедать картошкой, примерно 80% бюджета рядовой советской семьи уходит на продовольствие. В ФРГ человек тратит на питание 20—25% своей зарплаты.

Верно, что в СССР бесплатна медицинская помощь. Однако поликлиники и больницы для рядового населения переполнены, в очереди на прием к врачу приходится ждать часами. Врачам же в поликлиниках установлена жесткая норма времени на прием больного, причем примерно половина этого времени уходит на записи в истории болезни.

И вообще надо понять: для трудящегося населения при реальном социализме, как и при любой другой системе, ничего бесплатного не бывает и быть не может. Ведь ни государство, ни номенклатура сами не сеют, не жнут, у станка не стоят. Все материальные блага в СССР производятся трудящимися и только ими. Номенклатура через свою государственную машину эти блага лишь распределяет, и смысл распределения в том, что класс номенклатуры отваливает львиную долю на свои потребности.

Вот почему в условиях реального социализма действительно есть возможность для человека иметь 100-метровую квартиру — да еще с загородной дачей — за ничтожную плату; без труда купить автомашину, а еще лучше — получить ее даром да еще с шофером; отлично и дешево питаться и кормить семью, бесплатно пользоваться хорошими поликлиниками и больницами и бесплатно же отдыхать каждый год в санатории. Все это возможно в СССР. Только вот для этого надо стать членом класса номенклатуры.

Для непосредственных же производителей номенклату-

ра четко очертила круг их материальных возможностей: 12 кв. метров жилплощади на человека; простенькая пища; дешевый проезд на городском транспорте на работу и назад; дешевые газеты и прочая пропагандистская литература, а для интеллигенции — дешевые дозволенные книги, чтобы в свободное время читала поучительное и не задумывалась; если заболел — медпомощь, чтобы скорее шел снова на работу; маленькая пенсия по старости и инвалидности (предел для большинства — 120 рублей); пособие 20 рублей на похороны. Вот и все.

Говорим мы здесь об этом не для того, чтобы выставить описанное в неприглядном свете. Наоборот, заслуживает признания то, что режим, способный, как показал опыт Сталина, загонять целые народы и классы в концлагеря, этого не делает. Есть в третьем мире страны, где описанное, вероятно, представляется заманчивым. Но провозглашать все это грандиозными социалистическими завоеваниями оснований нет.

Ибо весь смысл принудительно установленных номенклатурой для массы рядовых трудящихся СССР характера и масштабов потребления состоит в одном: в том, чтобы удерживать на минимальном уровне продолжительность необходимого рабочего времени. Заклейменный Марксом, такой метод увеличения относительной прибавочной стоимости, неприменимый ныне в странах Запада, с успехом используется советской номенклатурой.

14. НОМЕНКЛАТУРНАЯ НОВИНКА В ЭКСПЛУАТАЦИИ: ФАКТИЧЕСКАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Пытливая марксистско-ленинская мысль номенклатуры привела к открытию нового, не предвиденного Марксом способа увеличения прибавочной стоимости. Номенклатура скромно молчит об этом обогащении марксистской политэкономии, но здесь нужно о нем сказать.

Дело в том, что, анализируя эксплуатацию при капитализме, Маркс не сталкивался с отсутствующей при этом строе проблемой кризиса недопроизводства. Поэтому он не мог обнаружить ту дополнительную возможность эксплуатации, которую такой кризис предоставляет хозяевам. Для социализма же Маркс, как мы видели, предсказывал перепроизводство — и не предсказывал эксплуатации.

Маркс начинает свой анализ капиталистической эксплуатации с того, что устанавливает: в процессе произ-

водства создаются товары. Вопрос о том, для кого они предназначены, Маркс не считает нужным рассматривать: писавшему свой труд в капиталистической Англии автору «Капитала» и без того ясно, что они изготовляются для массы потребителей. Ему столь же ясно, что и производство средств производства преследует в конечном счете ту же цель — удовлетворение платежеспособного спроса потребителей; ведь только сбыв произведенный товар, капиталист получит деньги, реализует тем самым прибавочную стоимость и сможет вложить новые средства в расширение производства.

Соответственно Маркс вывел свою знаменитую общую формулу капитала: «Деньги — товар — деньги» ($Д — Т — Д_1$), где $Д_1$ обозначает сумму денег, возросшую за счет реализованной прибавочной стоимости. Маркс не подумал о том, что формула годна не для всякого, а только для *капиталистического* производства, неразрывно связанного с гневно обличенным буржуазным торгашеством. В обществе же, где такое торгашество выжжено каленым железом, дело обстоит иначе.

Номенклатуре нет нужды сбывать произведенную продукцию, чтобы реализовать прибавочную стоимость. В противоположность капиталисту ей ведь не нужно получать от кого-то деньги — в ее руках государство, и она сама печатает дензнаки по своей потребности.

Поскольку весь продукт труда достается государству, то есть номенклатуре, прибавочная стоимость, естественно, оказывается в ее распоряжении, причем прямо в той форме, в какой номенклатура пожелает ее получить и соответственно включить в производственный план. В этих условиях задача номенклатурного предпринимателя — государства — состоит уже не в том, чтобы, подобно торгашам-капиталистам, производить для нужд покупателей, а в том, чтобы производить прямо для своих собственных классовых нужд.

Это отнюдь не нужды массы обычных потребителей. Немногочисленный класс номенклатурщиков может быстро насытиться до отвала товарами личного потребления самого лучшего качества — главным образом за счет импорта или товаров, изготовляемых на экспорт.

Выше уже говорилось о том, какая продукция соответствует классовым потребностям номенклатуры: продукция тяжелой и в первую очередь военной индустрии. Поскольку же класс номенклатуры как владелец сверхмонополии советского народного хозяйства может по

своему усмотрению решать, сколько чего должно быть произведено, и поскольку производственные возможности плановой экономики реального социализма существенно урезаны тенденцией к сдерживанию развития производительных сил, номенклатура готова была бы все производственные мощности без остатка употребить на удовлетворение своих нужд. Сделать это невозможно, так как население страны нуждается в товарах народного потребления. Поэтому номенклатура вынуждена планировать производство и этих товаров. Но она рассматривает такое производство как чистый убыток для себя и как уступку населению.

Это существенное обстоятельство, которое читателю из несоциалистических — да и социалистических — стран надо понять, ибо только тогда ему перестанет представляться загадочным хронически плачевное состояние легкой промышленности и сельского хозяйства в СССР. Только тогда он перестанет выражать недоумение: как это страна, запускающая космические ракеты в дали Солнечной системы, до сих пор не может наладить производство приличной обуви? Как это страна, стоящая по размеру посевной площади на первом месте в мире и имеющая многовековые традиции сельского хозяйства, стала крупным импортером сельскохозяйственных продуктов и каждый год регулярно закупает хлеб за границей? Когда же читатель осознает, что легкая промышленность и в значительной мере сельское хозяйство рассматриваются номенклатурой лишь как неизбежное зло, как уступка рабочей силе и расходы на эти отрасли урезаются до предела, тогда для него картина развития советской экономики станет значительно более ясной.

«Но почему это уступка?— спросит западный читатель. - Можно понять, что уступкой государства-предпринимателя является повышение заработной платы или снижение розничных цен на товары массового потребления. Но коль скоро государство выплатило работникам зарплату, какая же разница, на что они ее истратят?»

А вот советские люди понимают: разница есть. Западный читатель привык: были бы только деньги, а купить на них всегда все можно. Советский человек знает: нет, нельзя. Поэтому он гораздо лучше читателя из несоциалистического мира сознает, что людям-то нужны для жизни не денежные бумажки сами по себе, а приобретаемые на них товары.

Рожденной до возникновения реального социализма экономической науке и статистике известны две категории

заработной платы: номинальная и реальная. Последняя зависит от цен на товары и рассматривается как величина «корзинки» с потребительскими товарами, которую можно приобрести на остающуюся после вычетов зарплату.

Советский учебник политэкономии дает следующее определение: «*Реальная заработная плата* есть заработная плата, выраженная в средствах существования рабочего; она показывает, сколько и каких предметов потребления и услуг может купить рабочий на свою денежную заработную плату»[79].

А как быть, если зарплата есть, товаров же нет? Такой случай западной наукой не предусмотрен. Между тем он-то и является типичным в условиях реального социализма при хроническом кризисе недопроизводства и примате тяжелой индустрии.

Для наглядности рассмотрим пример. Механизатор-комбайнер в Сибири. Номинальная зарплата у сельского механизатора сравнительно высока. А в сельпо ассортимент таков: черный хлеб, макароны, сомнительной свежести рыбные консервы, соль, спички, леденцы, сигареты и сахар по талонам. Иногда завезут колбасу. Так какова у него реальная зарплата?

Реальный социализм плохо совместим с реальной зарплатой. Он вытесняет это буржуазное понятие, исходящее из предпосылки изобилия товаров, из того, что товаров больше, чем денег. При реальном социализме положение обратное: массе денег, находящихся в руках населения и тем самым предназначенных для приобретения потребительских товаров, противостоит явно недостаточная масса таких товаров. Это несмотря на то, что зарплата трудящихся, как мы видели, низка, а цены на товары народного потребления высоки.

Для условий реального социализма необходимо ввести другое понятие, которое мы назовем *фактической заработной платой.*

Фактическая заработная плата, в отличие от реальной, представляет собой не арифметически исчисленную, а *фактически получаемую трудящимся на его зарплату массу потребительских товаров и услуг.*

Реальная зарплата является, следовательно, лишь идеальным случаем фактической зарплаты, когда *вся* получаемая работником сумма может фактически использоваться для приобретения нужных ему товаров и услуг. При реальном социализме такое положение существует прежде всего для номенклатуры, которая имеет право

пользоваться особыми магазинами, столовыми и спецбуфетами (о них речь пойдет в следующей главе).

К чему все это говорится? К тому, что раз при реальном социализме реальная заработная плата заменяется для трудящегося фактической, заметно повышается уровень эксплуатации. Ведь если государство-монополист предоставляет работнику меньше потребных ему товаров и услуг, чем по установленным ценам он должен был бы получать на свою зарплату, оно тем самым снижает его заработок.

Разница между реальной и фактической заработной платой — открытый номенклатурой дополнительный источник получения прибавочной стоимости.

Насколько хорошо понимает это класс номенклатуры, мы ясно ощутили в годы войны. Вскоре после начала войны в СССР была введена карточная система на продовольствие и промтовары, устанавливавшая жесткие, но все же биологически допустимые нормы. Однако затем было сделано дополнительное разъяснение: фактически на руки будут выдаваться продовольственные товары не по всем, а только по так называемым «объявленным» талонам, на промтовары же и услуги будут выписываться специальные ордера. Следствием было то, что ордера получали только привилегированные счастливчики, а из продовольствия рядовому потребителю исправно отпускали хлеб и еще немного продуктов по нескольким талонам. Когда советские газеты сообщили во время войны, что в Италии хлебный паек равен 150 граммам в день, никто не поверил: всем было ясно, что в этом случае итальянцы давно бы вымерли, как вымерли ленинградцы, получавшие именно такой паек. Что где-то могут выдавать по карточкам не только хлеб, никому в голову не приходило. Номенклатура и сама хорошо понимает, и заставила людей в Советском Союзе осознать: важна масса действительно получаемых, а не теоретически причитающихся потребительских товаров.

Разница между реальной и фактической заработной платой советских трудящихся явственно отразилась в солидной сумме денежных сбережений населения СССР. Советская пропаганда представляет ее как свидетельство материального благосостояния народа. Но это неверно. В условиях нормального обеспечения населения товарами и услугами 257 рублей в месяц не содержат остатка для сбережений. Сбережения трудящихся делаются за счет разницы между зарплатой реальной и зарплатой фактической. Не благосостояние, а эксплуатация советских

трудящихся стоит за массой скапливающихся денежных знаков, сдаваемых все тому же государству в сберкассы при весьма низком процентном начислении (на Западе вкладчику сберкассы и банка выплачивается более высокий процент, чем в СССР). В сфере получения прибавочной стоимости систематическое недопроизводство товаров народного потребления гарантирует выгодный номенклатуре разрыв между фактической и реальной заработной платой. Неуклонное проведение этой линии и соответствующее планирование развития народного хозяйства на будущее обеспечивают номенклатуре то, что разрыв является не временным, а постоянно действующим фактором в получении ею прибавочной стоимости.

Здесь мы подошли ко второму совершенному номенклатурой, но замалчиваемому ею открытию, которое обогащает теорию Маркса.

Различая стоимость и потребительскую стоимость, Маркс рассматривал эксплуатацию только в плане первой, а не второй. Между тем, как выяснилось из хозяйственной практики номенклатуры, для характеристики эксплуатации недостаточно вычислить арифметически норму прибавочной стоимости. Если не в высушенной абстракции политэкономии, то в реальной общественной жизни чрезвычайно важно, *какая* именно изготовляется продукция.

Дело в том, что при арифметически одинаковой норме прибавочной стоимости масштаб эксплуатации на деле меняется в зависимости от того, производятся пушки вместо масла или масло вместо пушек. Можно с полным правом утверждать: рабы Древнего Египта, работавшие на ирригации полей, необходимых для их же пропитания, эксплуатировались меньше, чем работавшие на строительстве пирамид — усыпальниц фараонов. Крепостные, занятые тяжелым трудом по сооружению колодца, из которого они сами могли потом брать воду, эксплуатировались меньше, чем крепостные девки-кружевницы, занятые плетением кружев для господских платьев. Рабочие-металлисты, изготовляющие малолитражные автомобили, которые когда-нибудь и они смогут себе покупать, эксплуатируются меньше, чем такие же металлисты, изготовляющие саперные лопатки для внутренних войск — оружие против тех же рабочих-демонстрантов. Никакая арифметически подсчитанная норма эксплуатации не меняет этих фактов.

Надо понять: провозглашенный Сталиным и упорно осуществляемый с тех пор номенклатурой принцип преимущественного развития производства средств производст-

ва — вовсе не некий абстрактный идеологический тезис. Он прикрывает увековечение дополнительного источника эксплуатации непосредственных производителей классом номенклатуры.

Непосредственные производители в СССР вынуждены отдавать свою рабочую силу для изготовления продукции, нужной лишь хозяевам номенклатурного государства; самим же труженикам эта продукция просто не нужна или даже направлена протих их интересов. Производя по-прежнему явно недостаточное количество товаров народного потребления, советские трудящиеся принуждены собственными руками цементировать низкий уровень своей фактической заработной платы, то есть дополнительный повышенный уровень прибавочной стоимости, выкачиваемой из них номенклатурой.

Так теоретическое обогащение марксизма оборачивается материальным обогащением класса номенклатуры. Поэтому она молчит о своем открытии.

15. МАСШТАБ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Каков масштаб извлочения классом номенклатуры прибавочной стоимости?

Это тема для специального экономического исследования. Мы можем здесь лишь указать какого примерно порядка эта величина.

Куронь и Модзелевский пришли к выводу, что в Польше в начале 60-х годов промышленный рабочий отдавал одну треть своего рабочего времени созданию необходимого и две трети — прибавочного продукта[80]. Здесь еще не учтена разница между реальной и фактической заработной платой как фактор, повышающий размеры прибавочной стоимости.

Нет оснований полагать, что в Советском Союзе масштаб получения прибавочной стоимости сколько-нибудь заметно отличается от польского.

Больше это или меньше, чем при капитализме?

В этой связи следует обратить внимание на публикуемый, но не разъясняемый в соцстранах факт их непомерно больших инвестиций, составляющих всегда значительно большую долю национального продукта, чем инвестиции в капиталистических странах. Речь идет не только о процентах, но об абсолютных цифрах инвестиций на душу населения. Средства же для инвестиций не падают ни на какие страны манной небесной. Источник инвести-

ций при реальном социализме, как и при капитализме,— прибавочная стоимость. Следовательно, разница между социалистическими и капиталистическими странами в масштабе инвестиций отражает разницу в количестве производимой там прибавочной стоимости на душу населения. Вот по этому показателю страны реального социализма действительно обогнали капитализм.

Есть ли еще аргумент в пользу такого вывода? Есть. Известно — и не оспаривается в номенклатурных государствах,— что производительность труда там ниже, чем в промышленно развитых капиталистических странах. Советская статистика дает такие цифры: производительность труда в народном хозяйстве СССР составляет 40% американской, причем в промышленности — 55%, а в сельском хозяйстве — менее 20%[81]. Значит, трудящийся при реальном социализме, изготовляя меньше продукции, чем его коллега в развитой капиталистической стране, производит в то же время больше прибавочного продукта. Как это возможно?

А мы об этом уже говорили: номенклатура пустила в ход все известные ей способы — как описанные Марксом, так и открытые ею самой,— для извлечения максимума прибавочной стоимости. В результате, хотя производительность труда рабочих в СССР остается низкой, извлекаемая номенклатурой прибавочная стоимость высока. Феномен это не новый, так было и в Западной Европе в период раннего капитализма, так было и в колониях.

Подтверждением того, что мы имеем здесь дело именно с колониальным феноменом, служит скрываемый на Востоке, но хорошо известный на Западе факт: социалистические страны рассматриваются наряду с колониями и слаборазвитыми государствами третьего мира как «страны дешевого труда». Эта дешевизна труда есть не что иное, как непропорционально малый размер необходимого продукта в странах реального социализма по сравнению с развитыми капиталистическими странами.

А возможно такое только в условиях отсталости. Ведь почему в этих странах по сравнению с Западом рабочая сила дешева? Не потому, что ее много: в США миллионы безработных, но рабочая сила отнюдь не дешевая.

Дешевизна рабочей силы определяется отнюдь не наличием безработицы, а уровнем развития социальных структур и политическим строем в стране. Рабочая сила дешева там, где еще сохранился колониальный или феодально-рабовладельческий принцип сосуществования двух резко

различных и не соприкасающихся жизненных уровней — один для правящего слоя (колонизаторов, рабовладельцев, феодалов, номенклатурщиков), а другой — для обычного населения.

Именно дешевизна рабочей силы позволяет классу номенклатуры использовать демпинг в борьбе с конкурентами на рынках капиталистического мира. Поговорите с представителями западногерманских текстильных фирм: они расскажут о том, какие трудности в период кризиса создавал для них импорт продававшихся буквально за гроши мужских сорочек и костюмов из ГДР. Кстати, в самой ГДР цены на сорочки были значительно выше, чем в ФРГ, но для получения твердой валюты номенклатурное руководство ГДР готово было отказаться от раздутой прибыли в восточных марках и сбыть часть продукции за западные марки по демпинговым ценам.

Есть, однако, и другая, гораздо более приятная для западных предпринимателей форма использования принудительной дешевизны труда в странах, где правит номенклатура. Дело в том, что все за ту же твердую валюту класс номенклатуры готов поделиться с западными капиталистами частью извлекаемой им прибавочной стоимости. Вошедшие в моду «совместные предприятия» (joint ventures) основаны на принципе: западные машины, советская дешевая рабочая сила,— а оптимизированная таким сочетанием прибавочная стоимость делится в определенной пропорции между номенклатурным государством и западными предпринимателями.

В рамках столь широко рекламируемого экономического сотрудничества между двумя системами проводятся, например, такие операции: в Болгарии производятся американские сигареты и продаются потом на Западе; в Румынии шьются для американского рынка из американского материала и строго по американским фасонам костюмы и везутся затем на продажу в США. На сколько же меньше платят рабочим в социалистических странах, чем в Америке, если разница не только оправдывает транспортировку материалов из США в Восточную Европу и готовой продукции назад в США — со всеми наценками на порчу, страховкой, упаковкой, организационными расходами и т. д., но и дает американским предпринимателям, очевидно, больше прибыли, чем если бы товар производился на месте, в Америке, да еще обеспечивает плановую прибыль выполняющим заказ предприятиям в соцстранах! Сравнение с колониальной эксплуатацией прямо напрашивается.

В итоге централизации экономики в руках номенклатурного государства можно определить примерную величину годовой прибавочной стоимости в СССР. Она равна доходной части госбюджета за вычетом займов (а они содержат распределенную, то есть уже учтенную прибавочную стоимость) и доходов от внешнеэкономических операций — кроме операций колониального типа.

16. ПРИСВОЕНИЕ НОМЕНКЛАТУРОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Итак, прибавочная стоимость для класса номенклатуры произведена. Что происходит дальше?

Извлеченная путем эксплуатации прибавочная стоимость поступает номенклатурному государству в форме прибыли.

Класс номенклатуры, как мы говорили, ставит задачу удержания и распространения своей власти выше получения прибыли, но и от прибыли не отказывается. Представляемые в патриотическом свете усилия номенклатуры добиться повышения производительности труда в народном хозяйстве СССР оборачиваются в случае успеха весьма ощутимым денежным потоком в казну этого класса.

Вот, например, стахановское движение 30-х годов. Сталин пространно рассуждал о корнях этого движения, якобы назревшего и поднявшего рабочие массы на штурм почему-то внезапно устаревших норм, и не было конца газетным славословиям по поводу героизма стахановцев. Впрочем, и брежневское руководство, испытывавшее неодолимую нежность ко всем выдумкам товарища Сталина, извлекло группу стариков стахановцев из нафталинного забвения и вновь допустило на прием в Кремль. А вот уже не лирическая, но деловая сторона стахановского движения — так, как она сформулирована в стандартном советском учебнике истории: важным итогом стахановского движения послужил рост рентабельности тяжелой промышленности — в 1934 году ее прибыль была равна 430 миллионам рублей, а в 1936 году она выросла до 3,2 миллиарда рублей [82].

За два года прибыли номенклатуры выросли в 7,5 раза! Какие транснациональные монополии могут похвастаться таким результатом эксплуатации непосредственных производителей?

Может быть, потом положение изменилось? Да, в процентном выражении темп роста прибылей номенклатуры

сократился, но зато полюбуйтесь на их абсолютную величину. На XXV съезде КПСС было как бы мимоходом сообщено, что за 9-ю пятилетку (1971—1975 годы) получено 500 миллиардов рублей прибыли — на 50% больше, чем за первое брежневское пятилетие 1966—1970 годов [83]. Вот уж где взрыв прибылей!

Прибыли — это созданная трудящимися для класса номенклатуры прибавочная стоимость. При помощи какого механизма перекачивается она в сейфы номенклатурного государства?

Механизм этот — налоговая система. В своем нынешнем виде она сформирована в СССР налоговой реформой 1930 года, то есть немедленно после начала массовой коллективизации в сельском хозяйстве, завершившей процесс превращения экономики страны в сверхмонополию номенклатуры.

Именно к такой сверхмонополии и приспособлена советская налоговая система. Поскольку номенклатура является, а номенклатурное государство выступает владельцем всех промышленных предприятий, совхозов, фактическим хозяином колхозов и фактически единственным в стране работодателем, по своему усмотрению устанавливающим уровень зарплаты и цен, оно получает возможность непосредственно изымать создаваемую в народном хозяйстве прибавочную стоимость. Прямое налогообложение населения в этих условиях теряет значение: оно составляет менее 10% государственных доходов. Свыше 90% доходов госбюджета СССР изымается, как принято говорить, «из социалистического хозяйства».

Что это означает?

При капитализме налогообложение частных предприятий означает, что у предпринимателя государство изымает определенный — нередко весьма высокий — процент полученной им прибавочной стоимости. Но ведь при реальном социализме все предприятия принадлежат государству. Так у кого же оно изымает прибавочную стоимость, взимая налог с этих предприятий?

Ни у кого. Социалистическое государство просто перекладывает полученную его уполномоченными — директорами предприятий — прибавочную стоимость в свои банки. Именуется такая нехитрая процедура «отчислением от прибыли социалистического предприятия». Состоит она в том, что предприятию из произведенной его рабочими прибавочной стоимости оставляют запланированную сумму на дальнейшее расширение производства и другие

предусмотренные планом нужды, а все остальное направляют в госбюджет.

Казалось бы, действительно, при такой системе потребности в налогах с населения нет: прибавочная стоимость забирается непосредственно с предприятия, государство само устанавливает и платит заработную плату — какие же еще налоги?

Мысль логичная. В Албании ей последовали и налоги отменили. В Советском Союзе при Хрущеве тоже был принят закон о постепенной отмене налогов, советская пропаганда долго кричала о нем на весь мир, чтобы создать впечатление, что налоги действительно отменены. Налоги же перестали взимать только с получающих до 70 рублей в месяц и скромной скороговоркой объявили, что осуществить закон для остальных категорий трудящихся не удастся.

Между тем основную часть налогов, взимаемых номенклатурой с советского населения, хрущевский закон и не затрагивал; он касался лишь прямых налогов, а основная часть — косвенные налоги.

Ленин до революции, изобличая мерзости царизма, камня на камне не оставлял от косвенного налогообложения. Он писал: «Чем богаче человек, тем *меньше* он платит из своих доходов косвенного налога. Поэтому косвенные налоги — *самые несправедливые*. Косвенные налоги, это — налоги на бедных»[84].

Именно такой налог и был введен номенклатурой в СССР под названием «налог с оборота». Взимается он тоже якобы из социалистического хозяйства. Сбивчивые разъяснения советской экономической науки, что налог с оборота — собственно не налог вовсе, так как не влечет за собой перехода из одной формы собственности в другую, старательно обходят вопрос: кто же все-таки платит этот налог?

Между тем ответ на такой вопрос очевиден. Налог с оборота включается в отпускную цену товаров, именно он и составляет ее отличие от производственной цены. Как только товар отпущен торговым организациям, предприятие перечисляет государству из полученных за товар денег налог с оборота. Правила здесь строгие: перевод налога с отпущенного товара производится немедленно по получении счета или ежедневно (на 3-й день после отпуска товара). Небольшим предприятиям разрешено производить перевод налога с оборота один раз в 10 дней (3, 13 и 23 числа каждого месяца). Лишь совсем маленьким мастерским, производящим так мало, что причитающийся

с них налог с оборота не превышает 1 000 рублей в месяц, разрешен ежемесячный перевод налога (23 числа). Таким образом, номенклатура без задержки получает произведенную прибавочную стоимость.

Между тем торговая сеть передает налог с оборота в розничную цену товара. Тут-то и обнаруживается, наконец, подлинный плательщик этого налога — покупатель.

А кто покупатель? Поскольку налог с оборота введен главным образом в производство *потребительских* товаров, покупатель — советское население. На него и взваливается номенклатурой этот косвенный налог, ханжески замаскированный под «государственный доход из социалистического хозяйства».

Ставки налога с оборота, разумеется, держатся в секрете. Но некоторое представление об их величине можно составить по цифрам, проскочившим в советскую печать в последние хрущевские годы, когда несколько ослабла бдительность цензуры.

Налог, то есть тем самым наценка, составляет от 50 до 75% отпускной цены на следующие потребительские товары: автомашины, бензин, керосин, велосипеды (для взрослых), фотоаппараты, пишущие машинки, авторучки, текстиль, спички, нитки и другие; от 33 до 66% — на швейные машины, иголки, металлическую посуду, алюминиевые столовые приборы, обои, резиновые изделия, лампочки, электропровода, писчую бумагу, цемент; 50 — на муку, 55 — на сахар, 70 — на растительное масло, 72 — на кожаную обувь, до 77% — на искусственный шелк [85]. Как видим, наценки большие.

«Для чего же это нужно? — удивится иной читатель.— Гораздо разумнее было бы никаких наценок не делать, продавать товары дешевле и соответственно снизить зарплату. А то Советское государство зачем-то вводит массу ненужной бухгалтерской работы и искусственно раздувает инфляцию».

Зря удивляется читатель: всю эту бессмыслицу номенклатура делает исключительно для него самого. Ведь он же только что неодобрительно смотрел на цифру средней зарплаты в Советском Союзе. Что бы он сказал, если, следуя его рецепту, и она была бы сокращена, видимо, не меньше чем на одну треть?

Куда направляется извлекаемая номенклатурой масса прибавочной стоимости?

Мы уже сказали: было бы наивно считать, что она вся проедается классом номенклатуры. Как и в других экс-

плуататорских обществах, при реальном социализме правящий класс даже при самом большом расточительстве не может израсходовать на личное потребление всю массу прибавочного продукта, создаваемого трудом многих миллионов людей.

Однако, помимо личного потребления членов класса, у него есть коллективное, *классовое* потребление. Оно и поглощает в СССР львиную долю производимой прибавочной стоимости.

Составные части классового потребления номенклатуры в общем правильно названы в книге Куроня и Модзелевского, хотя и расставлены в соответствии с традиционной марксистской схемой, а не по значению их в системе реального социализма. Между тем классовое потребление номенклатуры в полной мере следует не какой-нибудь идеологической схеме, а ее классовым интересам.

Главной частью нужно безусловно считать потребление с целью дальнейшего укрепления и расширения власти класса номенклатуры — в полном соответствии с основным экономическим законом реального социализма. Речь идет о расходах на работу партийных органов и их аппарата, на огромную машину органов госбезопасности, на Вооруженные Силы и военные отрасли промышленности, на органы и войска МВД, лагеря, тюрьмы, прокуратуру. Небольшая доля перепадает и на менее жизненно важные придатки этой системы: суды, милицию.

Значительно больше, чем на эти придатки, хотя, конечно, меньше, чем на основные элементы фундамента власти, выделяется на идеологическую обработку населения, а также на органы внешних сношений (политических, экономических, культурных и т. д., которые на деле все являются политическими).

На втором месте следует назвать так называемые «социалистические накопления», используемые для инвестиций в народное хозяйство страны. Речь идет, следовательно, о наращивании коллективной собственности номенклатуры, что и стоит в круге ее интересов на втором месте.

Последнее место занимают расходы на науку, культуру, образование, здравоохранение, спорт и т. д. Они носят менее ярко выраженный классовый характер, хотя, конечно, также производятся в интересах господствующего класса.

Как видим, номенклатура расходует прибавочную стоимость в строгом соответствии со своими — уже известными нам — классовыми интересами. Определенная раз-

ница между названными тремя категориями использования прибавочной стоимости состоит в различной степени их приемлемости для трудящихся.

Более всего приемлема третья категория. Хотя речь идет о вспомогательных расходах с целью обеспечить извлечение прибавочной стоимости номенклатурой, тем не менее здравоохранение, образование, развитие мирных отраслей науки, а также культура в той ее части, в которой она не подчинена полностью пропаганде, — приемлемое для трудящихся использование создаваемой ими прибавочной стоимости.

Во второй категории потребления прибавочной стоимости классом номенклатуры также есть отдельные приемлемые для трудящихся стороны. Это, во-первых, обеспечение рабочих мест как следствие делаемых инвестиций: хотя номенклатура производит их с целью получения прибавочного продукта, параллельно с ним создается и необходимый продукт, дающий трудящимся возможность существовать. Это, во-вторых, вложения в производство товаров народного потребления, в жилищное строительство — короче, в производство того, что потребляют сами трудящиеся, хотя эти вложения скромны и делаются номенклатурой как уступка с целью обеспечить существование рабочей силы.

Есть небольшой положительный для трудящихся элемент даже в первой категории потребления прибавочной стоимости: суд и милиция, хотя и рассматриваются значительной массой советского народа как враждебные ему учреждения, частично все же обслуживают и интересы трудящихся.

Но в огромной части в первых двух категориях расходование выжатой из трудящихся прибавочной стоимости осуществляется во вредных им целях. Ибо как иначе можно назвать цель укрепления и расширения власти класса номенклатуры над трудящимися и обеспечения дальнейшего извлечения из них прибавочной стоимости? Рабочий при реальном социализме, констатируют Куронь и Модзелевский, «производит жизненный минимум для себя и содержит государственную власть против себя. Продукт труда рабочего противостоит ему как чуждая, враждебная сила, так как, хотя он и производит этот продукт, последний ему не принадлежит»[86].

17. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТРУДА

Маркс претендовал на открытие не стоимости, а прибавочной стоимости. А почему, собственно, вообще понадобилось ее открывать?

Ведь на протяжении предшествовавших столетий факт создания прибавочного продукта непосредственными производителями и его присвоения хозяевами был общеизвестен и не вызывал сомнений. Как справедливо писал Эдуард Бернштейн, в докапиталистические времена никто и не пытался маскировать этот факт.

«Там, где он должен был производить продукт для обмена, раб был чистейшей машиной для производства прибавочной стоимости. Прибавочный труд крепостного и зависимого работника выступал в явной форме барщины, оброка или десятины»[87].

Непосредственные производители откровенно рассматривались как рабочий скот, которому потому лишь и позволяют существовать, что он приносит хозяину прибыль.

Этот рабовладельческий и феодальный взгляд на трудящегося человека начал уходить в прошлое с торжеством капиталистических отношений и развитием буржуазной демократии. Было впервые провозглашено правовое равенство всех людей и всех классов общества. Разумеется, производство прибавочного продукта продолжалось, но уже в завуалированной форме. Вот почему Марксу и пришлось открывать прибавочную стоимость.

Но, может быть, с развитием капитализма отказ от феодального подхода к непосредственному производителю ограничился лишь ханжеской маскировкой эксплуатации? Нет, такое утверждение неверно. Возникли и укрепились профсоюзы, защищающие экономические права трудящихся; было признано и осуществлено право на забастовку как средство борьбы за улучшение условий труда; безработные уже не были обречены на нищенство, а стали получать гарантированное пособие в размерах, обеспечивающих существование; трудящиеся получили возможность свободно менять своих хозяев-нанимателей и даже эмигрировать в другие страны. Все эти новшества отнюдь не создали идеального общества, но они, несомненно, ограничили эксплуатацию, способствовали значительному улучшению условий труда и повышению жизненного уровня трудящихся. Надо подчеркнуть, что это не результат гуманности капиталистов, а заслуга рабочего движения и в немалой степени — заслуга идей Маркса.

Как же обстоит дело там, где провозглашено полное торжество этих идей,— в странах реального социализма?

При реальном социализме гражданин обязан работать или, точнее, числиться на работе — если он не малолетний, не пенсионер и не инвалид. В противном случае он — «тунеядец», «лицо без определенных занятий», а такие могут преследоваться по закону.

Официально эта мера объясняется коммунистической моралью. «Труд в СССР,— провозгласил еще товарищ Сталин,— это дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Труд, твердит номенклатура, должен стать жизненной потребностью каждого советского человека — строителя коммунистического общества. Из этих громких слов, однако, не явствует, почему того, кто пока еще не дорос до коммунизма и не испытывает потребности в чести и славе, милиционер волочит в участок.

Дело объясняется просто, и коммунистическая мораль здесь ни при чем. Ведь всем в СССР известно, что как раз члены номенклатурных семей — супруги, сынки и дочки — могут не работать, и никаких неприятностей они иметь не будут. Дело в другом. Во-первых, как уже говорилось, класс номенклатуры, в соответствии с теорией Маркса, считает, что от каждого работающего получается прибыль и, следовательно, каждый неработающий приносит убыток в известной юридической форме «неполученной прибыли». Во-вторых, неработающий приобретает определенную независимость от номенклатурного государства, что нетерпимо. В-третьих, размещение всех на государственной службе обеспечивает значительно более полный контроль класса номенклатуры над населением.

А как обстоит дело со столь часто упоминаемыми в коммунистической пропаганде социалистическими завоеваниями трудящихся стран реального социализма? На поверку эти завоевания выглядели так.

В странах реального социализма профсоюзы больше не защищали интересы трудящихся от хозяина — в данном случае государства; вместо этого они следили за выполнением установленного хозяином плана и подтягивали трудовую дисциплину. Сталин точно охарактеризовал советские профсоюзы как «приводные ремни партии», то есть класса номенклатуры. Профсоюзы стали погонщиками рабочей силы.

Право трудящихся на забастовку до недавнего времени не признавалось — со ссылкой на то, что-де им незачем бастовать, ибо они работают на самих себя. Казалось

бы, именно в таком случае дело самих трудящихся как суверенных хозяев и решать, работать им или бастовать. Но в спор по этому вопросу номенклатура не вступала.

Пособия по безработице больше не существовало — со ссылкой на ее отсутствие. Аргумент фальшивый. Отсутствие безработицы — понятие статистическое: оно означает, что число безработных в стране не превышает числа вакантных мест. Но в стране с 290 миллионами населения неизбежно есть многие десятки тысяч людей, почему-либо в данный момент не работающих, ушедших или уволенных с работы. Пособия же не получает ни один человек.

А главное: безработица в СССР есть и была всегда. Просто по приказу Сталина была в 1930 году закрыта биржа труда и объявили, что безработицы нет. В действительности же процент безработных, например, в среднеазиатских республиках значительно выше, чем в любой развитой капиталистической стране: это явствует из опубликованных Госкомстатом статистических данных.

Трудящиеся не имели возможности уйти от своего работодателя, так как работодатель — государство, а эмиграция не разрешается. На протяжении ряда лет трудящиеся СССР не имели права вообще переходить по собственной воле на другое место работы; теперь это разрешено, но сопровождается постоянными нареканиями в прессе по адресу «летунов» и рассуждениями о том, как бы их прижать покрепче. Колхозники по-прежнему не имеют права покидать свои колхозы без разрешения начальства, то есть подобно крепостным прикреплены к земле.

Это и есть социалистические завоевания трудящихся СССР. Они распространились и на другие социалистические страны.

В рабовладельческом и феодальном обществе непосредственный производитель трудится на хозяина не потому, что хочет заработать себе на жизнь, а потому, что его заставляют трудиться. Труд непосредственного производителя, таким образом, подневолен, принудителен. По марксистской терминологии — здесь применяется *внеэкономическое* принуждение.

Капитализм порывает с этой традицией. Ему нужны не крепостные крестьяне и не крепостные рабочие на заводах, а лично свободные люди, продающие предпринимателю свою рабочую силу. Принуждение есть, но оно сделалось *экономическим*. К какому бы классу ни принадлежал человек, он не обязан работать, если у него есть средства.

При реальном социализме все обязаны работать, независимо от того, нуждаются они в этом или нет. Правда, звучит демократично?

А на деле...

Каждый трудящийся при реальном социализме испытывает это ощущение: как будто вольно поступаешь на работу или переходишь с одной службы на другую, и без зарплаты не проживешь,— а труд свой воспринимаешь как принудительный. Почему? Да потому, что он действительно таков.

Что такое принудительный труд? Это когда:

1) работать заставляют;

2) условия труда и оплату безраздельно определяет заставляющий;

3) уход с работы или отказ от нее не допускаются мерами физического принуждения.

В условиях реального социализма все эти элементы налицо.

Во-первых, при реальном социализме состоять на работе заставляют. Неважно, что подавляющее большинство работающих в СССР и не могли бы прожить без заработка: точно так же не смогли бы прожить, не добывая себе средств к существованию, рабы в древности и крепостные в средние века, но это не меняло принудительного характера их труда.

Во-вторых, условия труда и оплаты безраздельно определяет номенклатура. Она установила размер зарплаты для различных категорий трудящихся, и переговоры на эту тему не ведутся. Трудящимся запрещены даже коллективные жалобы: номенклатурные проповедники социалистического коллективизма пренебрежительно окрестили их «коллективками».

Сказали мы и о том, что уйти от хозяина — номенклатуры — нельзя. При сверхмонополистическом характере экономики стран реального социализма переход с одного предприятия на другое означает не уход от хозяина — класса номенклатуры, а переход от одного его приказчика к другому. В пределах страны иной возможности практически нет: номенклатурное государство здесь вездесуще, и оно сознательно закрыло все пути заработков иным путем, чем работой на него. Выезд же за границу не разрешен.

С 1988 года небольшая отдушина появилась: можно стать кооператором или — в деревне — арендатором. Но ведь их — ничтожное меньшинство в огромной массе за-

нятого населения. До тех пор, пока о «разгосударствлении» в СССР только говорят, все будет оставаться по-старому.

Итак, труд при реальном социализме отчетливо имеет принудительный характер. Что там рассуждать о труде как жизненной потребности советского человека! В действительности этот человек живет снова в условиях внеэкономического принуждения к труду — как при рабовладельчестве и феодализме.

18. «ОТЧУЖДЕНИЕ» ПРИ РЕАЛЬНОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Когда человек, изучавший политэкономию в социалистической стране, приезжает на Запад и начинает, наконец-то без направляющей руки Главлита, читать выходящую здесь литературу марксистского толка, его ошарашивает шумный хор голосов, твердящих об «антропологических» идеях молодого Маркса и об «отчуждении». Что Маркс когда-то был молодым, советский человек еще может понять, хотя основоположник марксизма и ассоциируется у него с бородатыми стариковскими портретами и бюстами. Отчуждение же вообще ни с чем не ассоциируется, кроме стандартно записываемого в судебных приговорах «отчуждения имущества осужденного в пользу государства». Попытка советского гражданина выяснить хотя бы по энциклопедии, что же означает это загадочное слово, успехом не увенчивается: в Советской Исторической Энциклопедии слова «отчуждение» вообще нет, а в Большой Советской Энциклопедии оно определяется как «передача имущества в собственность другого лица»[88], то есть опять в стиле упомянутых приговоров.

Между тем западные марксисты соловьями заливаются об ужасах отчуждения при капитализме и о том, как хорошо будет при социализме, когда оно отойдет, наконец, в проклятое прошлое.

Лишь постепенно советский человек начинает припоминать, что да, действительно, этот термин называли скороговоркой в курсе политэкономии, но подробно на нем не останавливались. И уж с полной ясностью понимает он, что было так не случайно.

Дело в следующем. Маркс постарался создать у своих читателей впечатление, будто отчуждение возникает только при капитализме. Между тем научная добросовестность требовала бы констатации того, что при капитализме отчуждение как раз менее ярко выражено, чем в предшествовавших ему формациях.

В рабовладельческом обществе отчуждение достигало предельного уровня: рабу были ненавистны и его подневольная работа, и ее продукт, ему было чуждо и враждебно все общество, в котором он влачил жалкое существование рабочей скотины, по древнеримскому выражению — instrumentum vocale.

Меньше степень отчуждения при феодализме. Труженик этой эпохи тоже подневолен, но за ним уже признаны некоторые права. Он считается человеком, хотя, конечно, даже теоретически не рассматривается как равный феодалу. Труд его принудительный, но он пользуется определенной частью получаемого продукта. Соответственно степень его отчужденности от общества и его безразличие к результатам собственной работы меньше, чем у раба.

Дальнейший шаг к преодолению отчуждения делается при капитализме. Рабочий лично свободен, и заставляет его работать не какой-то данный от рождения хозяин, а необходимость зарабатывать себе на жизнь. Юридически он равноправен со своим нанимателем, хотя экономическая зависимость рабочего создает неравенство между ними. Рабочий не намерен перенапрягаться ради прибыли хозяина, но он готов работать даже сверхурочно, чтобы побольше получить самому. Посторонним в этом обществе, парией в нем он себя не чувствует. Феномен отчуждения есть, но он заметно слабее, чем при феодализме, не говоря уж о рабовладельческом обществе.

Что же, при реальном социализме процесс ослабления этого феномена продолжает прогрессировать и, в соответствии с прогнозом Маркса, отчуждение исчезает? Напротив, оно возрастает. Советская политэкономия торопливо проскакивает мимо понятия «отчуждение» не потому, что с победой реального социализма оно ушло в прошлое, а наоборот: потому что это повседневное явление реального социализма.

Да и как иначе? Если людям в Советском Союзе, как и в других соцстранах, ясно показали, что их дело — не совать нос в решение вопросов номенклатурой, а эти решения исправно выполнять, побольше работать и славить родную партию,— что может возникнуть, кроме отчуждения? Дружелюбные слова Герека, обращенные к польским рабочим «Вы работайте хорошо, а мы будем управлять хорошо», разве не вызывают такую же реакцию, как надпись на воротах Освенцима «Каждому свое»?

Описывая отчуждение при капитализме, Маркс объявил его причиной частную собственность на орудия и

средства производства. Однако установление государственной собственности ни в какой мере не ликвидировало этого отчуждения.

Почему? Да потому что в экономической сфере первооснова отчуждения — не форма собственности сама по себе, как полагал Маркс, а цель и фактические итоги производства.

Цель добывания максимальной прибыли для капиталистов не вдохновляет трудящихся, поэтому при капитализме имеется отчуждение. Фактический же итог производства при капитализме — не только эксплуатация трудящихся и прибыль для предпринимателя, но вместе с тем и создание изобилия товаров народного потребления, а также получение трудящимися гораздо более высокой зарплаты, чем в социалистических странах. Такой итог ограничивает степень отчуждения.

В условиях реального социализма нет подобного ограничения. Не только цель производства — максимальное укрепление и расширение власти номенклатуры — чужда трудящимся, но и фактический итог — военно-полицейская мощь государства вместо товаров народного потребления — лишает непосредственного производителя заинтересованности в результатах собственного труда. Призывы же номенклатуры к трудовому энтузиазму и патриотизму за 70 лет приелись и перестали действовать. Степень отчуждения при реальном социализме больше, чем при капитализме, то есть трудящиеся при реальном социализме относятся к своей работе еще более безразлично.

*

Получение прибавочной стоимости — не главная задача класса номенклатуры. Главное в номенклатуре — не собственность, а власть. Но эксплуатация сотен миллионов трудящихся, оказавшихся под властью номенклатуры,— вторая по важности цель этого господствующего класса.

Поставленные, как встарь, в условия внеэкономического принуждения к труду, люди в Советском Союзе работают плохо. Но номенклатура все же успешно тянет из них прибавочную стоимость, жестко ограничив их жизненный уровень, выбрасывая ненужных и отработавших свое в нищету.

Советские читатели слышат обычно от номенклатурной пропаганды слово «нищета» только в связи с теми 13% населения США, доход у которых — ниже официальной

границы бедности. Как же исчисляется эта граница в США? А вот как: если семья из четырех человек (муж, жена, двое детей) вынуждена расходовать на нормальное питание более 1/3 своих доходов, она живет ниже черты бедности. В денежном выражении это в 1988—1989 годах было 12 092 доллара, то есть даже по заведомо нереальному тогда официальному курсу 7 267 рублей в год, следовательно, 605,58 рубля в месяц. Это значит, что, например, и муж, и жена получают каждый на руки по 300 рублей в месяц. Уважаемый советский читатель, а Вы с семьей случайно не хотите жить в условиях такой бедности?

Советские газеты льют слезы над горькой нищетой безработных на Западе. Да, безработица — зло. Только вот получает средний безработный в ФРГ пособие в 1094 западногерманские марки в месяц на руки. Это на 60% больше зарплаты статистического советского рабочего и служащего. Так кто же из них живет в нищете?

Статистически *все* население СССР живет ниже американской черты бедности. Но для Вас, советского гражданина, Госкомстат вычислил другую границу бедности: 78 (или 75) рублей на человека в месяц. И ниже вот этой — а не американской — черты бедности живут 15, а возможно, и 20% населения Советского Союза[89] 75—78 рублей в месяц на человека — беспросветная бедность!

Разумеется, номенклатура и примыкающая к ней элита живут иначе, намного выше американской границы бедности. Но гордиться таким завоеванием социализма не хочется, потому что благоденствие этих семей идет за Ваш счет, так как Ваша доля соответственно уменьшается.

И люди все яснее это понимают. Вот опубликованное в «Аргументах и фактах» письмо: «Я и моя супруга — врачи. У нас двое детей. Наш заработок 140 + 140 = = 280 руб. Прожиточный минимум, по данным прессы в СССР,— 75 рублей на человека. Нужны комментарии?.. По моему мнению, «номенклатура» и лица, пользующиеся привилегиями, ездят на моей машине, живут на моей даче, едят пищу моей семьи. П. Груздев. Москва»[90].

Но все-таки и это еще не настоящая нищета. А есть ведь и настоящая — причем не только в Советском Союзе, а всюду, где правит и эксплуатирует людей класс номенклатуры. Вот всего лишь один запомнившийся мне пример.

Было это в декабре в социалистической тогда еще Варшаве. На Маршалковской — главной улице столицы —

у входа в большой магазин стоял на тележке человек. Вернее — обрубок человека: были у него ампутированы и руки, и ноги, а большая бледная голова с оказавшимся крошечным туловищем без плеч выглядела, как оживший восковой бюст. На голове у этого, видимо, солдата минувшей войны косо сидела напяленная кем-то шапка, которую он не мог поправить. Нет, он не просил милостыни, он еще старался заработать — устало дудел какой-то мотив во вставленную ему в губы свистульку. Мимо проходили, весело глазея сквозь него на витрины, прогуливавшиеся после сытного обеда щеголеватые сотрудники из близлежащего ЦК партии.

Человеку было холодно на декабрьской варшавской улице, устало потупленные глаза слезились от ветра, нос покраснел, а он все беспомощно дудел — живой укор этой системе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 293.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 462.
3. См. Günter Wagenlehner. Das sowjetische Wirtschaftsystem und Karl Marx. Köln — Berlin, 1960.
4. См. Mao Tse-tung. Das machen wir anders als Moskau. Kritik der sowjetischen Politökonomie. Reinbeck bei Hamburg, 1975.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 446.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 64.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 773.
8. В. Т. Чунтулов. Экономическая история СССР. М., 1969.
9. Там же, с. 186—188, 190—193, 204, 234.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26.
11. Там же.
12. См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 103—155.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 246.
14. Там же, с. 539.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 448.
16. Ленинский сборник XI, с. 382.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 51.
18. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 74.
19. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 93.
20. С. И. Сдобнов. Собственность и коммунизм. М., 1968, с. 92, 93.
21. И. В. Сталин. Соч., т. 3 [XVI], Stanford, 1967, с. 236; ср.: Политическая экономия. Учебник. 2-е доп. изд.— М., 1955, с. 416.
22. БСЭ, изд. 2-е, т. 31, с. 234.
23. См. J. Kuron, K. Modzelewski. Der Monopolsozialismus. Hamburg, 1969, S. 30—32, 46.
24. И. В. Сталин. Соч., т. 3 [XVI], с. 281.
25. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 97.
26. Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968, с. 67.
27. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 396—397.

28. Там же, с. 397.
29. N. Jasny: Essays on the Soviet Economy. Munich, 1962, p. 270—272, 276—281.
30. См. «Правда», 14.01.1961.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 532.
32. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 288.
33. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 9.
34. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 198.
35. См. И. В. Сталин. Соч., т. 13, с. 39.
36. Не надо смешивать введенные Марксом понятия — первое и второе подразделения (тяжелая и легкая промышленность) с принятыми в советской статистике понятиями — группа «А» и группа «Б» (производство средств производства и производство средств потребления): так, в первом подразделении производятся, например, домашние холодильники и телевизоры, а во втором — приводные ремни для машин.
37. I. B. Berchin. Geschichte der UdSSR 1917—1970. Berlin [Ost], 1971, S. 378.
38. В. Т. Чунтулов. Цит. соч., с. 254.
39. Там же, с. 281.
40. I. B. Berchin. Op. cit., S. 410.
41. В. Т. Чунтулов. Цит. соч., с. 294—295.
42. См. I. B. Berchin. Op. cit., S. 590.
43. В. Т. Чунтулов. Цит. соч., с. 363.
44. Там же, с. 369.
45. Там же, с. 383.
46. Там же, с. 395.
47. См. I. B. Berchin. Op. cit., S. 708.
48. См. "Osteuropa-Wirtschaft", 1971, H. 3, S. 209.
49. См. «Экономика и организация промышленного производства», 1970, № 1, с. 31.
50. I. B. Berchin. Op. cit., S. 769.
51. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. М., 1976, с. 6—7.
52. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1976, т. 1, с. 78—79.
53. Там же, т. 2, с. 18.
54. СССР в цифрах в 1980 г. М., 1981, с. 29.
55. «Правда», 04.03.1986.
56. См. Günter Wagenlehner. Op. cit., S. 22—25.
57. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 90.
58. «Известия», 29.06.1986.
59. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 49.
60. Там же, с. 102.
61. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 371.
62. Autonomie, Oktober, 1975, Nr. 1, S. 8.
63. «Коммунист», 1975, № 10, с. 46.
64. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195—205.
65. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 1—29.
66. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195—205.
67. «История СССР эпохи социализма (1917—1957 гг.)». Учебное пособие. М. 1957, с. 462.
68. См. Политическая экономия. Учебник. М., 1955, с. 307.
69. См. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 2, с. 8.
70. «КПСС в резолюциях...». М., 1953, т. 1, с. 698.
71. XXV Всесоюзная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1927, с. 507.

72. Политическая экономия. Учебник. М., 1955, с. 127—128.
73. Госкомстат СССР. Труд в СССР. М., 1988, с. 215.
74. Политическая экономия. Цит. соч., с. 132.
75. Госкомстат СССР. Цит. соч., с. 105, 107.
76. См. Политическая экономия. Словарь. М., 1979, с. 400.
77. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.
78. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.
79. Политическая экономия. Цит. соч., с. 130.
80. J. Kuron, K. Modzelewski. Op. cit., S. 22.
81. Госкомстат СССР. СССР в цифрах в 1987 г. М., 1988, с. 283.
82. I. B. Berchin. Op. cit., S. 409.
83. См. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 2, с. 26.
84. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 172.
85. См. А. Смирнов. Экономическое содержание налога с оборота. М., 1963.
86. J. Kuron, K. Modzelewski. Op. cit., S. 26.
87. E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1921, S. 75.
88. Большая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 19, с. 22—23.
89. См. «Труд», 30.10.1988 и 18.09.1989; «Социалистическая индустрия», 01.06.1988.
90. «Аргументы и факты», 1989, № 25.

Глава 5

НОМЕНКЛАТУРА — ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

«...товарищи, есть у нас льготы и даже привилегии, которые предусмотрены законом. Это должно быть».

М. С. Горбачев на Пленуме ЦК КПСС 07.02.1990 — «Известия ЦК КПСС», 1990, № 3, с. 46.

«Правила для всех одинаковые, только исключения разные».

«Литературная газета», 28 декабря 1977 г.

«Хорошо ему у пирога,
Все полно приязни и приятельства:
И номенклатурные блага,
И номенклатурные предательства».

А. Галич. «Поколение обреченных». Франкфурт-на-Майне, 1974, с. 28.

Признаюсь: эту главу я решил написать под тлетворным влиянием Запада.

Пока я был в Советском Союзе, мне казалось естественным, что правящий класс, как это всегда было в истории, является одновременно и привилегированным классом. Только на Западе я понял, что существует вопрос о *мере* классовых привилегий.

Как и в социалистических странах, мне довелось на Западе соприкоснуться с людьми различного общественного положения. Были в числе их и те, кто стоит наверху социальной лестницы. В результате во мне зародилось неожиданное ощущение: насколько же меньше привилегий имеет правящая верхушка на Западе, чем в странах реального социализма!

На Западе я впервые увидел, что министры живут, как и все люди, на свой оклад. Оклад высокий, но отнюдь не чрезмерный. Чтобы построить себе дачу, им приходится долго откладывать деньги и кое в чем себе отказывать; у них зачастую нет никакого персонала, их жены сами готовят и убирают в квартире. Все это немыслимо в семье министра страны реального социализма.

Один из западных министров, являющийся одновре-

менно заместителем председателя правящей партии, возвращаясь с банкета, задел своим автомобилем стоявшую машину соседа. Полиция отобрала у министра водительские права, а суд обязал его выплатить большую денежную компенсацию. В Советском Союзе было бы иначе: милиция провела бы проверку, на трудовые ли доходы купил себе сосед машину, которую он столь нагло поставил там, где проезжал министр.

Я увидел, что дом главы правительства одного из европейских государств был нисколько не богаче, чем многие другие дома столицы, не кишел персоналом политической полиции и семья жила нормальной жизнью.

Я увидел, что бывший президент одной из влиятельнейших стран Запада поселился, покинув президентский дворец, снова в своем старом доме, в котором он жил, будучи обычным адвокатом. Простые люди отдавали своему бывшему президенту трогательную дань уважения, но он не был сделан пожизненным бонзой, роскошно живущим за счет этих людей.

Я увидел, что президент крупной и богатой западноевропейской страны летает со своими сотрудниками в обыкновенном самолете, а не в оборудованном кабинетами и гостиными летающем особняке.

Все это для меня было ново и неожиданно. И я решил написать эту главу.

1. КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Каждый советский школьник изучает на уроках русской литературы поэму революционного демократа XIX века Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В поэме семь мужиков отправляются отыскивать того, «кому живется весело, вольготно на Руси». Выясняется, что так живется лишь молодому Грише Добросклонову, борцу за революцию. Правда, лично ему «судьба готовила... чахотку и Сибирь». Но школьник, сначала недоумевающий, почему же так счастлив Гриша, вскоре смекает, что Гришино дело не пропало, из искры разгорелось пламя и в итоге можно, наконец, четко ответить на вопрос, кому на Руси жить хорошо: номенклатуре.

Советский школьник проявляет такую точную осведомленность, ибо скрыть этот факт от населения СССР и любой другой соцстраны не удается. Пусть в Советском Союзе не сообщалось о подаренных Л. И. Брежневу в разных странах автомобилях — советские граждане и так ви-

дят черные «ЗИЛы» и «Чайки» с восседающим в них номенклатурным начальством. Пусть ни словом не обмолвились советские средства информации о валютных магазинах или о спецсекции ГУМа — бегающие в поисках товаров советские покупатели уже не раз наталкивались на мрачных вышибал, настоятельно предлагающих им «пройти» от дверей таинственных торговых точек. И вообще слухом земля полнится, так что скрыть свое благоденствие номенклатура не может. Она в состоянии лишь замаскировать подлинные его масштабы и интересующие докучливых сограждан подробности, а также выдвинуть довольно противоречивое теоретическое обоснование этого благоденствия.

Какое?

Процитируем: «В Советском Союзе пока еще сохраняется *существенное различие* в заработной плате отдельных категорий работников *государственного аппарата*. Более высока оплата труда руководителей, облеченных *широкими полномочиями* и в то же время несущих большую ответственность за порученное им дело и обладающих, как правило, высокими деловыми и *политическими* качествами. Удельный вес этой категории в общем количестве работников государственного аппарата ничтожен»[1]. Оценка ситуации в приведенной цитате вполне реалистична. Во-первых, различие в зарплате номенклатуры и обычных трудящихся существенное; во-вторых, номенклатура облечена широкими полномочиями по отношению к трудящимся, то есть распоряжается ими по своему усмотрению; в-третьих, номенклатурщики отличаются от трудящихся своими высокими «политическими качествами», по которым и подобраны; наконец, номенклатура — тонкий верхушечный слой, удельный вес которого в массе трудящихся ничтожен. Лишь одно не решились авторы ни в какой форме произнести: что все это относится не только к государственному, но прежде всего к партийному аппарату.

Каково же теоретическое обоснование необходимости такой ситуации при социализме? В статье «Мера труда и мера потребления» газета «Правда» лаконично констатирует: «Труд не стал еще первой жизненной потребностью *всех* советских людей. Все это определяет необходимость стимулирования труда»[2]. Логика требовала бы сказать, что необходимо материальное стимулирование не труда вообще, а труда только тех, для кого он не стал еще первой жизненной потребностью. Ведь для кого-то из со-

ветских людей, судя по словам «Правды», он стал ею. Для кого же? Очевидно, для наиболее сознательных строителей коммунизма, для авангарда, то есть для номенклатуры. Следовательно, как раз ее труд и не должен материально стимулироваться.

Это не ехидный силлогизм. Сформулированный нами вывод вполне соответствует идее Маркса и Ленина об оплате руководящих работников не выше заработка квалифицированного рабочего и введенному Лениным положению о партмаксимуме: член партии не мог получать зарплату выше определенного уровня. Высокую же зарплату полагалось, по мысли Ленина, платить — да и то лишь «известное время»[3] — буржуазным специалистам, которые по своей продажной натуре готовы были за большие деньги помогать строительству ненавистного им коммунизма.

Почему же вдруг авангард рабочего класса, осуществляя сокровенную мечту трудящихся — строительство коммунистического общества, требует за это не меньше, а значительно больше, чем продажные буржуазные спецы? Ответа «Правда» не дает.

А между тем не только сталинский или брежневский периоды, но и горбачевская «перестройка» ознаменовались резким повышением зарплаты номенклатурным работникам партаппарата. И объяснили это именно тем, что иначе-де квалифицированные и энергичные люди в аппарат не пойдут.

Тут на помощь запутавшейся в логическом противоречии партийной теоретической мысли спешит изящная словесность. Она старается без лишних теоретизирований внушить рядовому советскому человеку, что начальственный труд — не чета его хотя и нужной, но скромной работенке, да и вообще негоже ему сравнивать себя с номенклатурным руководством.

Сергей Михалков сочинил басню «Трудный хлеб», где в меру сил своей музы воспел эти номенклатурные идеи. Рядовой советский гражданин выведен в басне-аллегории как ломовой коняга, который «привозил овес, а вывозил навоз». Номенклатурщики льстиво изображены холеными скаковыми лошадками, «рысаками и чистокровками», которым, как скромно замечает поэт, «то, что положено по штату, то дано». Несознательный коняга им завидовал, но, оказывается, по ошибке: он не видел, как тяжело им приходится во время скачек. В заключение баснописец-моралист с укоризной пишет:

Так гражданин иной судить-рядить берется
О тех, кто на виду и как кому живется [4]

Не надо советскому гражданину рассуждать на такие темы! Его дело — привозить овес для номенклатурных лошадок и вывозить их навоз.

Генеральные секретари ЦК сменяются, а установка о том, что рядовой советский гражданин — не чета номенклатурщику, остается. Уже при Горбачеве, после всех слов об «обновлении» и «социальной справедливости», тот же Сергей Михалков опубликовал новую многозначительную басню «Заяц на приеме». Она была написана как продолжение известной михалковской басни «Заяц во хмелю». В той басне сталинских времен захмелевший в гостях у Ежа Заяц хвастливо орал по дороге домой: «Да что мне Лев!.. Да я семь шкур с него спущу и голым в Африку пущу!» Тут подоспел Лев, и Заяц спасся только заверениями, будто он пил за Льва и за его семейство. Басня горбачевских времен звучит так:

ЗАЯЦ НА ПРИЕМЕ

— Зачем пожаловал?—
спросил у Зайца Лев.
Тот перед ним сидел, ничуть не оробев,
И вдруг сказал: — Припоминаю, Лёва,
Как встретил ты меня в ночном лесу,
хмельного,
Я у Ежа тогда на дне рожденья был.
Как видно, ты меня забыл!
А ведь у нас с тобой давнишнее знакомство!
Ну, как, старик, живешь?
Здорово ли потомство?
— Пошел ты вон!—
промолвил царь зверей.
И Заяц вылетел в одну из двух дверей.

...На кузовах машин,
везущих груз на станцию,
Я прочитал на днях совет
держать дистанцию [5].

Смысл для советского человека ясен: хоть Сталина давно нет и произносятся всякие либеральные словеса, всерьез их принимать не надо, а следует почтительно держать дистанцию от номенклатурных львов.

Бряцанию номенклатурной лиры подпевает стройный хор партийных идеологов, твердящий, что уравниловка — подход мелкобуржуазный, а не коммунистический, основной принцип социализма — «от каждого по способностям, каждому — по труду», и даже Маркс писал, что труд быва-

ет простой, а бывает сложный. Что именно Маркс писал об оплате труда, идеологи в этой связи не упоминают.

После прихода к власти Горбачева нападки на мнимую «уравниловку» усилились. В теоретическом и политическом органе ЦК КПСС «Коммунист» раздался призыв к «использованию органами управления отвечающих природе социализма форм социального неравенства» и было провозглашено:

«На первой фазе коммунизма обществу внутренне присущи определенные формы социального неравенства, вытекающие из принципа оплаты по труду, и они неотделимы от понятия и чувства социальной справедливости. ...вполне справедливо совершенствование этой системы, приведение ее во все более полное соответствие с социалистическим принципом распределения. Верно, что при этом иные меры по совершенствованию распределительных отношений приводят в определенных масштабах к возрастанию неравенства в соответствии с различием в трудовом вкладе. Но ничего противоречащего ни принципам социализма, ни теории марксизма-ленинизма в этом нет»[6].

Про себя же номенклатура отлично сознает, что она идет против теории Маркса. Это для нее дополнительная причина старательно, как дурную болезнь, скрывать свою сладкую жизнь от народа.

Накануне XXVII съезда КПСС (1986 г.) расхрабрившаяся от призывов Горбачева говорить и писать правду «Правда» поместила письмо коммуниста из Казани Николаева. Он писал: «Рассуждая о социальной справедливости, нельзя закрывать глаза на то, что партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные и даже комсомольские руководители подчас объективно углубляют социальное неравенство, пользуясь всякого рода спецбуфетами, спецмагазинами, спецбольницами и т. п... Руководитель имеет более высокую зарплату в деньгах. Но в остальном привилегий быть не должно. Пусть начальник пойдет вместе со всеми в обыкновенный магазин и на общих основаниях постоит в очереди — может быть, тогда и всем надоевшие очереди скорее ликвидируют. Только вряд ли сами «пользователи особых благ» откажутся от своих привилегий...»

А рабочий из Тульской области поднялся до обобщения: «Между Центральным Комитетом и рабочим классом все еще колышется малоподвижный, инертный и вязкий «партийно-административный слой», которому не очень-то хочется радикальных перемен. Иные только партбилеты

носят, а коммунистами уже давно перестали быть. От партии они ждут лишь привилегий...»[7]

Эти бесхитростные слова встревожили номенклатурщиков.

Под аплодисменты делегатов XXVII партсъезда первый секретарь Волгоградского обкома КПСС заявил: «Нельзя в погоне за сенсацией, под предлогом «откровенного разговора» чернить кадры некоего «малоподвижного, инертного и вязкого партийно-административного слоя». Нетрудно понять, кого имеют в виду такие авторы»[8]. И правда, нетрудно — номенклатуру.

Второй секретарь ЦК КПСС Лигачев в речи на съезде совершил небывалое: сделал замечание «Правде»[9].

Не удовлетворившись этим, пресс-центр съезда устроил пресс-конференцию, на которой выступил представитель ЦК КПСС Игорь Швец. Он заявил, что вопрос о «привилегиях в кавычках» «искусственно раздут» и интересен только для «мещан». Да, со времен Ленина есть лечебницы и санатории для определенного круга руководящих работников, но ведь есть они и для рабочих и служащих (о качестве этих учреждений Швец промолчал). Никаких спецмагазинов нет, и вообще все разговоры о них основаны на «незнании»[10].

Верно: с этим незнанием пора покончить.

В эпоху Возрождения прославились рассказчики — среди них Боккаччо,— с гневным весельем разоблачившие монахов, которые постным ханжеством прикрывали свое пьянство, обжорство и немонашеские утехи. Номенклатура еще ждет своего Боккаччо. Но слух о том, что на Руси хорошо жить только номенклатуре, уже сегодня просочился сквозь стену кагебистской охраны и партийной цензуры.

Здесь можно рассказать о материальном положении номенклатуры больше, чем узнает по слухам советский гражданин и тем более иностранец. Возьмем в качестве примера номенклатурный чин, стоящий не наверху, но и не внизу номенклатурной лестницы — заведующего сектором ЦК партии. Сравним его со средним советским гражданином: статистически — там, где данные опубликованы, и практически — там, где они не публикуются.

2. СКОЛЬКО ПОЛУЧАЕТ ЗАВСЕКТОРОМ ЦК КПСС

Начнем с зарплаты — основы основ существования советского гражданина.

Средний статистический советский рабочий и служащий получает 257 рублей в месяц. Зарплата завсектором ЦК 700 рублей в месяц. Один из 12 месяцев в году он проводит в отпуске (отпуск в ЦК — 30 дней+дни, затраченные на проезд к месту отдыха и обратно, отпуск для рядового трудящегося — 12—18 рабочих дней в год). Уходя в отпуск, завсектором получает не только двенадцатую, но одновременно и тринадцатую зарплату — дополнительно 700 рублей якобы «на лечение». Однако ни на лечение, ни вообще на отпуск он никаких денег не тратит. Ему дается бесплатная месячная путевка в санаторий ЦК или Совета Министров. Путевка в тот же санаторий предоставляется со значительной скидкой его супруге, а детки отправляются в отличный пионерский лагерь ЦК. Значит, фактически 13-месячная зарплата завсектором раскладывается на 11 месяцев в году. Получается 827 рублей 30 копеек в месяц.

Это не все. Завсектором имел «кремлевку» — гордость удачливого номенклатурщика. Это талоны на якобы «лечебное питание», но выдавались они не по болезни, а по номенклатурной должности. На каждый день полагалось 3 талона: завтрак, обед и ужин. Однако почти все обладатели «кремлевки» предпочитали брать полагающиеся им продукты в виде пайка, во всяком случае за завтрак и ужин. Паек состоял из набора самых первоклассных продуктов, которые ни в каких магазинах Москвы нельзя достать. Паек отпускался в кремлевской столовой на улице Грановского, дом 2, а также в Доме правительства, в закрытом распределителе по улице Серафимовича, дом 2. Американский журналист Хедрик Смит в своей книге «Русские» очень точно нарисовал картину разъезда номенклатурных чинов и их жен, торопливо выходящих из неказистой двери со стеклянной табличкой «Бюро пропусков». Выходят они с пухлыми свертками в коричневой бумаге и садятся в ожидающие их лимузины[11]. Смит не описал другую категорию: шоферов и домработниц, которые везли для своих хозяев многоэтажные судки с кремлевским обедом. Обед столь обилен, что его вполне хватает для целой семьи, и многие номенклатурные дамы предпочитали брать этот отлично приготовленный обед, нежели полагаться на кулинарные способности и честность своей кухарки. В условиях перестройки «кремлевку» переименовали в «заказ» и закрыли кремлевскую столовую. Зато резко обогатилось и без того отличное меню столовых в ЦК. Все остальное не изменилось.

Завсектором ЦК получал кремлевских талонов на 90 рублей в месяц. Но это не обычные 90 рублей. Дело в том, что цены на «кремлевку» исчислены по прейскуранту 1929 года. Не ошибающиеся в таких вопросах номенклатурщики подсчитали, что продукты завсектором выдаются примерно на 300 рублей в месяц по существующим ценам — значит, еще 3600 рублей в год, опять раскладываемые на 11 рабочих месяцев.

Подведем первый итог: завсектором ЦК получает фактически 1154 рубля в месяц — почти в пять раз больше, чем среднестатистический рабочий или служащий.

А если взять не среднестатистического, а реального советского гражданина? От среднестатистического он отличается следующим: 1) на его долю не перепадает статистическая частичка доходов номенклатуры, 2) он не только «рабочий и служащий», но также колхозник, солдат, учащийся и пенсионер — те категории, которые получают значительно меньше рядового рабочего и служащего, отчего и не включаются в статистику.

Без статистики нет возможности точно назвать цифру среднего дохода рядового советского гражданина, но каждый в СССР знает, что она не превышает 150 рублей в месяц. Если Госкомстат СССР считает такое утверждение неправильным, пусть поправит. Пусть опубликует данные о доходах граждан СССР, включая учащихся и пенсионеров, за вычетом заключенных и номенклатуры: посмотрим, окажется ли эта сумма больше 150 рублей в месяц.

Пока же Госкомстат не поправил, будем ориентироваться на эту цифру. И выходит, что завсектором ЦК КПСС получает в 8 раз больше, чем рядовой советский гражданин. Уравниловки действительно нет.

Добавим, что если завсектором владеет хотя бы весьма скромно каким-либо иностранным языком, он получает 10% надбавки к зарплате — «за знание и использование в работе иностранного языка», даже если знание сомнительно, а использования вообще нет.

Это еще не все. Помните из предыдущей главы понятие «фактическая заработная плата»? Так вот фактическая заработная плата завсектором равна его номинальной заработной плате. У обычного же советского гражданина фактическая заработная плата значительно ниже номинальной. Определяется это, как вы помните, тем, что завсектором покупает в спецбуфете и спецмагазине все товары, которые ему нужны, а обычный гражданин — лишь то, что он ухитряется достать в скудной торговой

сети. Выразить такую разницу в процентах можно было бы, только имея цифровые данные о средней степени обеспеченности рядового советского населения потребительскими товарами. В Москве, Ленинграде, Новосибирске, в столицах союзных республик и еще в паре городов, куда допускаются иностранные туристы, обеспеченность потребительскими товарами заметно выше, чем по стране в целом.

Оценим фактическую разницу в зарплате завсектором ЦК и среднего трудящегося как 10:1. Ошибка здесь, возможно, есть, но только в сторону занижения реального соотношения.

Итак, получает завсектором в 10 раз больше, чем обычный человек. Но, вероятно, с него и подоходный налог неизмеримо выше? Ведь так принято по установленной в развитых капиталистических странах системе налогообложения.

Нет, советское налогообложение еще более прогрессивно, а потому весьма либерально к зажиточной верхушке общества. Подоходный налог взимался до реформы цен в апреле 1991 года уже с заработка 101 рубль в месяц, что лишь немного выше официальной границы бедности. Затем ставка налога стремительно возрастала—в 50 раз,—пока речь шла о низких заработках (до 150 рублей в месяц). А на 150 рублях прогрессия вдруг останавливалась. Взималось 13% и с более чем скромной зарплаты—150 рублей, и с великолепного оклада—700 рублей в месяц. Это оклад секретаря обкома КПСС да и нашего завсектором ЦК. Иными словами, остановка прогрессии охватывает основную часть номенклатуры. Затем возобновляется бег налоговой прогрессии. Не знаю, в какой мере она распространяется на членов Политбюро, ЦК КПСС (оклад 1200 рублей в месяц), не предусмотрена ли для них какая-нибудь лазейка, но, например, кооператоры должны сполна платить столь прогрессивный налог.

Сталин завел для своей номенклатуры еще одну, совершенно уж нелегальную выплату — так называемый «пакет». Помимо зарплаты кассир приносил в кабинет номенклатурному чину регистрировавшуюся в спецведомости пачку денег в конверте. Пачка не обязательно была толстой: помню, в начале 50-х годов помощник начальника Советского Информбюро Юрий Вольский получал в пакете смехотворную сумму — 50 старых рублей. Но важен был принцип. Получив право на номенклатурный пакет, Вольский, как выражается советская печать, уверенно смотрел в свой завтрашний день — и не ошибся: он стал послом

СССР в Аргентине, а затем — в Мексике и на Ямайке и, наконец, заведующим отделом Латинской Америки МИД СССР.

«Пакет» был до такой степени негласным, что с него даже не платились партвзносы. После смерти Сталина эту похожую на взятку выплату отменили, заменив другими благами.

3. НЕВИДИМАЯ ЧАСТЬ ЗАРПЛАТЫ НОМЕНКЛАТУРЩИКА

Если сталинские «пакеты» были тайной частью зарплаты номенклатуры, то блага, о которых пойдет речь, вполне могут быть отнесены к известной из советской экономической литературы категории «невидимой части заработной платы».

Термин этот употреблялся долгое время, а потом был заменен выражением «общественные фонды потребления». Речь идет о бесплатных и льготных путевках в санатории и дома отдыха, о предоставлении квартир, об отправке детей в ясли, детские сады и пионерские лагеря, о столовых, больницах и поликлиниках. Долю среднестатистического рабочего и служащего в получении всех этих благ исчисляет Госкомстат СССР, с милой наивностью исходя из того, что они делятся поровну между всеми и вдобавок предпочтение отдается наименее обеспеченным. В итоге на долю статистического трудящегося начинают приходиться места в санаториях ЦК, Совмина и КГБ и даже некая часть площади госдач. Однако реальному трудящемуся в СССР известно, что его туда и близко не допускают. Вот почему и был сменен термин: некто из руководства задумался, наконец, над словами «*невидимая* часть заработной платы» и усмотрел в них иронию.

Прежде всего это гонорары за статьи, книги и выступления. Рядовой советский автор может писать, как Лев Толстой, но пробиться ему в печать будет трудно. На каждого автора в любой редакции заполняется так называемая карточка с указанием партийности, национальности, образования, должности и места основной работы. Я сам был редактором и заполнял такие карточки. Установка была проста: печататься должны предпочтительно члены КПСС, русские (могут националы, но нежелательны евреи), с высшим образованием, а еще лучше — с учеными степенями, и, конечно, совсем идеально, если автор занимает номенклатурную должность. Если же вдобавок место основной работы — ЦК КПСС или другой партийный орган, то автор может писать любую белиберду: за

него все будет переписано, представлено ему с благодарностью на подпись, и будет выписан гонорар по высшей ставке. И этим, а не особой одаренностью номенклатурных чинов объясняется то, что все они пишут статьи, а многие из них выпускают даже книги. Показательно, что наивысшие гонорары издавна платили в СССР именно партийные органы печати: ни в одной газете не было таких высоких гонораров, как в «Правде», ни в одном журнале — как в «Коммунисте».

Заграничные командировки — второй элемент дополнительного денежного вознаграждения номенклатуры. Почему именно номенклатуры? Потому что порядок выездов в заграничные командировки сводится, коротко говоря, к тому, что вопрос о командировании с начала до конца решает партийный аппарат (при участии КГБ, если речь идет о командировке в не входящую в состав «социалистического содружества» страну). Все знают: через расставленные на пути командируемого многочисленные фильтры легко проходят только номенклатурщики.

Каждая командировка за границу, даже на короткое время, чрезвычайно выгодна. Посмотрите, как неутомимо бегают по магазинам западных стран советские дипломаты, журналисты, специалисты и их жены, как железно экономят они драгоценную валюту, чтобы накупить побольше вещей. При хроническом в СССР и других социалистических странах дефиците на промтовары заграничные вещи — не только предмет необходимости и престижа, они — капитал: их можно с большой выгодой продать. Номенклатурные чины — разумеется, не сами, а через какую-нибудь подругу тетки жены — нередко сбывают привезенные из-за границы вещи, которые оказываются вдруг «ненужными», «не подошедшими по размеру» или «разонравившимися».

Впрочем, необязательно даже прибегать к услугам подруги тетки. Наживе номенклатуры на заграничных командировках Советское государство придало законные формы: во всех странах социалистического содружества открыты валютные магазины. Это своеобразные заведения. Ни в каких других странах мира — ни в развитых, ни в слаборазвитых — вы не найдете сети магазинов, ресторанов и баров, где не принимается собственная валюта. Если вы не являетесь счастливым обладателем иностранной валюты или купленных на нее специальных талонов, при попытке войти в такое заведение вам придется иметь дело с уже упоминавшимся вышибалой.

Правительственный орган «Известия» публикует бюллетень курсов иностранных валют — с точки зрения простого советского гражданина, не знакомого с тонкостями международных расчетов, дурацкую таблицу цифр, состоящую почему-то из трех частей: «официального» курса, «коммерческого» и «специального» курсов, по которым рубль соответственно в 3 раза и в 10 раз дешевле. По этому курсу могут менять валюту иностранцы и советские граждане, отправляющиеся в частные поездки за границу. Для официальных лиц действителен официальный курс.

Что это означает реально? Только то, что командируемым номенклатурщикам валюту исчисляют по выгодному им «официальному» курсу. Направляющимся же в частную поездку гражданам обменивают по разбойному спецкурсу и за рубль дают в 10 раз меньше, чем командированным: поездка-то неофициальная!

Вообще же операция с тремя курсами поразительная. Это в какой же другой стране государство откровенно жульничает, давая своей валюте три оценки, причем одна в 10 раз больше, чем другая?

Выгода номенклатурщика при получении валюты увеличивается тем, что инвалюта выплачивается выезжающему на работу или в командировку за границу не вместо, а наряду с продолжающей начисляться ему в СССР зарплатой (в сокращенном размере, если командированный выехал на длительный срок).

Невидимая часть зарплаты завсектором — как и многих других номенклатурных чинов — еще больше увеличивает разрыв в материальном положении между ним и рядовыми советскими гражданами.

4. НОМЕНКЛАТУРНЫЙ БАКШИШ

Казалось бы, номенклатурщик получает более чем достаточно. Но ему и этого мало. Помимо официально выплачиваемых классом номенклатуры дивидендов с полученной прибавочной стоимости, номенклатурщик норовит урвать себе еще дополнительные проценты с капитала своей власти. Эти проценты взимаются в форме взяток.

Взяточничество — не монополия какой-либо одной страны или социальной системы. Но есть у взяточничества определенная питательная среда: господство бюрократии. Чем больше бесконтрольная власть бюрократии, тем больше возможности у бюрократических хапуг требовать взятки. Недаром именно в средневековых восточных деспотиях с их разветвленным чиновничьим аппаратом

и полным отсутствием свободной информации бакшиш постепенно пропитал все поры общества. Вместе со многими другими эта традиция восточных деспотий была перенесена на покоренную татарами Русь и прочно там укоренилась. Важно понять: приход к власти класса номенклатуры не ослабил, а наоборот — усилил традицию бакшиша, ибо именно при реальном социализме господство и бесконтрольность политической бюрократии достигают своего апогея.

Брать взятки номенклатурщикам, конечно, официально не разрешается, за взятки даже наказывают. Но наказывают редко и мягко, а взятки берут номенклатурщики часто и помногу. В классе номенклатуры существует негласная терпимость в отношении взяток. Она особенно очевидна в тех республиках Советского Союза, где исторически традиция бакшиша укоренилась наиболее прочно: в Закавказье и в Средней Азии.

Вот некоторые данные по Азербайджану. Данные достоверны: они взяты из закрытых материалов ЦК КП Азербайджана. Их опубликовал выехавший в Израиль Илья Григорьевич Земцов, работавший в секторе информации при азербайджанском ЦК. Приведем ряд цифр, показывающих положение в Азербайджане, то есть не сенсационные вершины номенклатурного бакшиша, а его относительно рядовые размеры.

Почем продавался в Азербайджане (по ценам 1969 года) пост районного прокурора? Он стоил 30 000 рублей. За эту относительно сходную цену член партии мог при наличии вакансии приобрести такой пост у секретарей райкома партии и стать блюстителем социалистической законности.

Заметно дороже была должность другого блюстителя — начальника районного отделения милиции. Здесь цена была 50 000 рублей.

За такую же цену можно было стать председателем колхоза: пост, правда, теоретически выборный, но колхозники, как и все советские граждане, голосуют за кого приказано, так что эта должность — в номенклатуре райкома партии.

Подобная же номенклатурная должность директора совхоза котировалась выше — в 80 000 рублей: она выгоднее и открывает большие возможности продвижения в номенклатуре.

«Постойте! — скажет читатель. — Что значит вообще цена на номенклатурные должности? Что — они в Азербайджане продавались с публичного торга?»

Нет, не с публичного, но продавались. За указанную сумму секретари райкома партии оформляли на покупателя номенклатурное дело и утверждали на приобретаемую должность решением бюро райкома. Полученные секретарями деньги становились приятным дополнением к их зарплате и номенклатурным пайкам.

Но зато, чтобы стать секретарями райкома, им тоже надо было в свое время раскошелиться — и гораздо щедрее, чем райпрокурору. Должность первого секретаря райкома КП Азербайджана стоила в 1969 году 200 000 рублей, должность второго секретаря — 100 000. Эти деньги уплачивались секретарям ЦК, так как должности — в номенклатуре ЦК КП Азербайджана.

Посты секретарей райкома выгодные: власть большая, и, как видим, есть возможность получать хороший бакшиш; поэтому они так высоко ценятся. В той же номенклатуре ЦК КП Азербайджана были должности и подешевле: директор театра — по цене от 10 000 до 30 000, директор научно-исследовательского института — 40 000, звание действительного члена Академии наук Азербайджанской ССР — 50 000 рублей.

А вот место ректора вуза оказалось намного дороже, нежели звание азербайджанского «бессмертного»: до 200 000 рублей, в зависимости от вуза [12]. Это определяется тем, что в зависимости от вуза же ректор взимал плату за нелегальное зачисление в студенты: в Институте иностранных языков — 10 000 рублей, в Бакинском университете — 20 000 — 25 000, в мединституте — 30 000, в Институте народного хозяйства — до 35 000 рублей[13]. Как видите, место ректора действительно стоит 200 000 рублей.

Реалистически обоснованный прейскурант был установлен не только для должностей районных руководителей, а также деятелей азербайджанской науки и культуры, но и для самих членов правительства Азербайджанской ССР. Пост министра социального обеспечения оценивался в 120 000 рублей, то есть дешево: дополнительно нажиться за счет и без того мизерных пенсий и пособий для населения вряд ли представляется возможным. Почти столь же малообещающий пост министра коммунального хозяйства Азербайджана отпускался покупателю за 150 000 рублей. А вот место министра торговли, формально равное любому другому министерскому посту, стоило 250 000— четверть миллиона рублей[14]. В условиях хронической нехватки товаров это место обещает огромные прибыли.

«А не фантазии ли все это?— спросит недоверчивый читатель.— Откуда все эти цифры?»

Они взяты из закрытого доклада тогдашнего первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. Алиева на пленуме ЦК КП Азербайджана 20 марта 1970 года.

Как и всегда в номенклатурных интригах, разоблачения эти были связаны со смещением прежнего первого секретаря — Ахундова. Бывший при Ахундове председателем КГБ Азербайджана Г. Алиев постарался разоблачить коррупцию режима своего предшественника и под предлогом оздоровления руководства посадил на ответственные посты своих людей. За три года (1969—1972) в республике было назначено 1983 сотрудника КГБ на руководящие номенклатурные должности[15].

Вместо ставленников Ахундова Азербайджаном стали править ставленники Алиева. Изменилось что-нибудь от этого? Конечно, нет. Уже в 1973 году выяснилось, что алиевские гебисты на новых номенклатурных постах точно так же занялись взяточничеством, как и их предшественники [16]. Затем Алиев пошел на повышение в Москву, его сменил Багиров. Приезжие из Баку рассказывали, что стало еще хуже, и тепло вспоминали времена Ахундова.

Да чего иного можно было ожидать? В Советском Союзе давно известно, что в органах госбезопасности номенклатурщики столь же падки на бакшиш, как и в других местах. Помню, как еще в начале 30-х годов одна из знакомых нашей семьи, жившая в Абхазии, после безуспешных хлопот об освобождении своей арестованной сестры подарила массивную золотую цепочку для часов жене начальника абхазского ГПУ М. Гарцкия — и на следующий день сестра была выпущена. Один из моих знакомых рассказывал, как его школьный приятель — сотрудник КГБ — договорился о включении его в список делегации, выезжавшей в США, и тотчас взял у него 300 рублей, разъяснив: «Тебе открывается зеленый свет. Ты ведь платишь дома за свет? Вот надо платить и за зеленый».

Нет, никакая часть класса номенклатуры не отказывается от возможности еще больше увеличить свои доходы за счет бакшиша — не легального, но молчаливо допускаемого в этом классе.

Снисходительность к бакшишу объясняется, конечно, в первую очередь солидарностью номенклатурщиков в их стремлении получить побольше материальных благ. Но есть и другая причина.

Может средний советский человек стать министром торговли Азербайджана? Среднестатистическому советскому рабочему и служащему с его окладом 257 рублей в месяц понадобилось бы, не тратя из этого оклада ни копейки и целиком откладывая его на покупку желаемой должности, проработать 81 год. Если же подойти реалистически, то надо взять не пресловутого среднестатистического, а обычного советского трудящегося с зарплатой 150 рублей в месяц. Из них он уплатит 21 рубль налога и профсоюзных взносов и истратит на жизнь необходимый минимум 78 рублей, открыто признанный границей бедности. На покупку желаемой должности этот честолюбец сможет откладывать остающийся ему 51 рубль в месяц. Для получения требуемой суммы ему понадобится всего лишь 408 с половиной лет. Не создается у вас, читатель, впечатления, что эта цифра несколько противоречит официальному тезису, будто установленная в СССР общенародная власть гарантирует каждому труженику реальную возможность занять любой пост в государстве?

Но ведь кто-то в Азербайджане покупал эти посты. Откуда берутся люди, которые, не прожив Мафусаилов век, а находясь во цвете лет, уже набрали столько денег, сколько обычный человек может скопить лишь за 4 века? Они берутся из класса номенклатуры или в крайнем случае из приближенных к ней групп; больше им взяться просто неоткуда.

А у номенклатуры деньги есть. Так, например, сообщает Земцов, первый секретарь Октябрьского райкома партии города Баку Мамедов, не остававшийся без денег и в Баку, положил в Москве на сберегательную книжку на имя жены 195 000 рублей — тогдашний заработок рядового трудящегося за 108 лет [17].

Конечно, есть в советском обществе отдельные группы и вне этой среды, имеющие большие суммы,— это удачливые грабители, крупные спекулянты и прочие лица, находящиеся в конфликте с Уголовным кодексом. Но они не претендуют на номенклатурные должности, их средства поступают номенклатуре в качестве бакшиша в других случаях. Так, Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Искендеров установил негласную таксу: за помилование приговоренного к длительному заключению уголовника — 100 000 рублей [18]. Несомненно, что именно возможность получать крупные суммы взяток с уголовников составила основу цен должностей рай-

прокурора и начальника райотдела милиции, официальный оклад которых скромен: у первого — 150 — 180 рублей, у второго — 200—250 рублей [19]. Ставки взяток различны, но всегда значительно превосходят месячную зарплату берущего номенклатурщика: в 3—4 раза — взятка судье, в 10 раз — взятка секретарям райкома [20]. Уголовники не покупают номенклатурных должностей, зато на их деньги номенклатурщики покупают себе новые, более высокие должности.

Таким образом, купить номенклатурную должность — там, где они продаются,— может только человек из номенклатурной же среды. Это важная функция номенклатурного бакшиша: она вливается в русло стараний сделать пребывание в классе номенклатуры наследственным.

5. «И ПРОЧИЕ АНТИПОДЫ»

Азербайджан — не исключение и даже не сильнее всего пораженная взяточничеством республика СССР. Через три года после смещения Ахундова была раскрыта грузинская панама. Она затрагивала уже самый высший круг номенклатуры — Политбюро ЦК КПСС.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии Василий Мжаванадзе и второй (то есть русский) секретарь ЦК КП Грузии Альберт Чуркин, а также жены обоих сатрапов — две Тамары («царицы Тамары», как их почтительно именовали в Грузии) задавали тон всему взяточничеству и мздоимству в республике. Все было, как в Азербайджане, только в большем масштабе. Тоже продавались министерские посты по прейскуранту: 100 000 рублей — министр социального обеспечения, 150—300 тысяч рублей — министр торговли или министр легкой промышленности. Но число покупателей было здесь так велико, что устраивался своего рода аукцион. Поскольку все это происходило в условиях не рыночного хозяйства, а «реального социализма», пост получал не обязательно тот, кто больше давал; учитывались и другие факторы, особенно принадлежность кандидата к той или иной группе в грузинской номенклатуре. В роли аукционеров выступали секретари ЦК, Председатель Совета Министров республики — словом, члены Бюро ЦК КП Грузии, в чьей номенклатуре и находятся грузинские министры.

Высшие чины грузинского партаппарата поделили республику на сферы своего влияния, то есть восстановили феодальный порядок вассалитета. «Царицы Тамары» тоже участвовали в подборе руководящих кадров республики и за крупные взятки проталкивали своих кандидатов. Взятки дамы брали не в рублях, а в твердой валюте или же драгоценными камнями, картинами известных художников, антикварными предметами [21].

Может быть, все это выдумки и сплетни? Ведь на Западе упорно держится привитое советской пропагандой мнение, что режим в СССР, может быть, чрезмерно строг, но зато уж сколько-нибудь значительной коррупции не допустит. После выхода первого издания этой книги один из западногерманских читателей все писал мне негодующие письма: он никак не мог поверить, что ректор азербайджанского вуза брал взятки за зачисление в студенты.

Между тем подобные факты в СССР не новость да и не сенсация. Так, в 1985 году выяснилось, что уже не в азиатских республиках, а на Украине ректор Одесского медицинского института с помощью ЦК партии за взятки зачислял студентов в свой вуз, получив за это хотя и не по грузинско-азербайджанскому масштабу, но тоже немало: 9 тысяч рублей, то есть шестилетнюю зарплату рядового трудящегося.

Вот для таких сомневающихся читателей я позволю себе привести выдержки из длинной — на целую газетную полосу — официальной статьи, опубликованной органом ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР «Заря Востока» после смены верхушки номенклатуры Грузии и состоявшегося в связи с этим пленума ЦК КП Грузии. При всей стандартности формулировок она дает почувствовать атмосферу хозяйничания номенклатуры в Грузии. Статья названа «Партийное руководство — на уровень современных задач». Вот выдержки из нее.

«Протекционизм, местничество, землячество, карьеризм процветают на почве родственных связей и коррупции... жены и члены семьи начинают подменять на должности своих высокопоставленных мужей, в узком родственном, семейном, приятельскому кругу начинают решаться государственные проблемы». Это о «царицах Тамарах». А вот снова о них:

«Говоря о негативных влияниях в жизни партийной организации и осудив семейственность, неблаговидную

роль родственников и протеже некоторых ответственных лиц, подорвавших их авторитет, участники пленума говорили, что родство с руководящими работниками никому никакой привилегии не дает. Единственная привилегия этих людей заключается в том, что они должны чувствовать большую ответственность за свои слова, за свои действия, за свой образ жизни, поведение в обществе».

«Мы осуждаем практику, когда некоторые руководители делят республику на сферы влияния... имеют своих так называемых «любимчиков», привилегированных индивидов».

Привилегированными бывают не только индивиды, но целые районы — например, Горийский район, родина Сталина.

«К чему приводит существование привилегированных районов, ясно видно на примере Горийского района. Туда приезжали за 1 год свыше 560 контролеров и ревизоров». Однако, «зная, что это особо привилегированный район, все возвращались из Гори с хорошими вестями, пели дифирамбы руководителям». А кто эти руководители?

«На руководящие должности назначались работники не по их деловым и моральным качествам, а по протекции, знакомству, родственным связям, по принципу личной преданности». «...На руководящие посты иногда назначались недостойные люди по рекомендации случайных лиц. Все чаще раздавались в кадровых аппаратах слова «хозяин так сказал», «хозяйка так желает!». В ряде случаев комбинаторы, взяточники, вымогатели сумели нечестным путем занять даже руководящие должности. Именно в тот период стало возможным «заказать» для небезызвестного комбинатора Бабунашвили министерское кресло» (это о продаже министерских постов). «Подобных примеров немало». «...Коррупция, подкуп, взяточничество, делячество проникли в кадровую политику». «Нередко на руководящую должность попадали и люди, нечистые на руку». «Среди многих руководящих работников культивировалось весьма вредное мнение о нежелательности вынесения «сора из избы». Замалчивались факты взяточничества, хищений... морально-бытовых преступлений и др.».

«Трудящиеся республики радуются, надеясь на торжество справедливости, на то, что найдется управа на распоясавшиеся элементы, которые ищут легкую наживу

за счет трудящихся. Однако есть отдельные злостные шептуны и прочие антиподы, проявляющие свое истинное лицо именно в такие, переломные моменты. Эти лица никак не заинтересованы в переменах, они рассчитывают, что все может пойти по-прежнему»[22].

Оправдались именно эти расчеты, а не надежды рядовых граждан. Как всегда при «реальном социализме», победили «прочие антиподы» трудового населения — номенклатура.

Не надо думать, что таковы только закавказские республики. Их перегнала в этом отношении Советская Средняя Азия. Возьмем для примера самую развитую из среднеазиатских республик — Узбекскую.

Весной 1967 года я был в Ташкенте в качестве представителя Советского комитета защиты мира, сопровождая группу видных западногерманских гостей комитета. Нас приняла уже упоминавшаяся в главе 3 член ЦК КПСС Ядгар Насриддинова — Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Насриддинова — нестарая узбечка в лиловом платье — медленно, низким голосом рассказывала нам о счастливом социалистическом Узбекистане, и выглядела она как мудрая мать республики. Когда немецкие гости распрощались и вышли, Насриддинова переменилась. Она деловито спросила нас, удалась ли ей речь, с видимым удовольствием выслушала комплименты, энергично жестикулируя, сказала, что следует показать немцам в Ташкенте, а чего не следует, и потом с наслаждением произнесла: «Теперь пойду на заседание Президиума — расстреливать и миловать». Тогда я еще думал, что радость ее — всего лишь выражение чувств сатрапки, дорвавшейся до власти над жизнью и смертью людей. Я еще не знал, что за помилование Насриддинова брала взятку 100 000 рублей[23], так что наслаждение испытывала от получаемого бакшиша.

Что случилось с Насриддиновой? Отдали под суд? Нет, она поднялась еще выше по номенклатурной лестнице: стала Председателем Совета Национальностей, второй палаты Верховного Совета СССР. В следующий раз я встретил ее во время парада 7 ноября на гостевой трибуне Красной площади около Мавзолея. Позже она стала замминистра промышленности строительных материалов СССР.

Номенклатура не наказывает своих членов за взяточничество и прочие преступления как таковые. Если кто-нибудь из номенклатурщиков получает наказание,

все понимают, что просто он проиграл в какой-то интриге и против него используется обвинение в преступлении. Впрочем, даже уголовное наказание номенклатурщика, если до этого доходит, обычно бывает весьма легким и если его приговаривают к лишению свободы, то отправляют в созданную специально для такой цели привилегированную «колонию для ответственных работников». Даже отбывая наказание за преступление, номенклатурщик не должен смешиваться с обычными советскими гражданами.

Ласково спасая от наказания взяточников из своей среды, номенклатура злобно наказывает тех, кто осмеливается их разоблачать. Так, по указанию Московского горкома КПСС органами КГБ было сооружено дело о «злоупотреблении служебным положением» на начальника московского ОБХСС (отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности) Гришина, добившегося отдачи под суд крупного взяточника Галушко — первого секретаря Куйбышевского РК КПСС города Москвы и члена бюро горкома партии. Гришин был арестован и осужден. К. М. Симис, бывший долгие годы адвокатом в Советском Союзе, описывает случай из своей адвокатской практики, когда тракторист — член партии, выступивший с разоблачением лихоимства директора деревоперерабатывающего завода, был по указанию первого секретаря райкома КПСС не только выгнан из партии и с работы, но отдан под суд «за клевету». Во время суда набравшиеся смелости рабочие завода подтвердили слова тракториста — но он все-таки был осужден, и никакие заявления в ЦК КПСС и Прокуратуру СССР ему не помогли [24].

В Советском Союзе никто этому не удивляется: удивились бы, если бы было иначе. Ведь даже на самой верхушке класса номенклатуры, где привилегии фактически безграничны, не обходится без взяточничества и казнокрадства. Бывшая долгое время членом Президиума и секретарем ЦК КПСС Екатерина Фурцева, спущенная затем на пост министра культуры СССР, выстроила в начале семидесятых годов под Москвой на деньги министерства роскошную дачу. Рассказывали, что член ЦК КПСС, директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР академик Н. Н. Иноземцев последовал ее примеру. А чего стесняться? Ведь даже в хрущевское время член Президиума и секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов, считавшийся вторым ли-

цом в руководстве после Хрущева, как выяснилось, брал взятки за назначение на руководящие посты, прекращение судебных дел и прочие услуги. Брал он деньгами и драгоценными камнями через посредство своего приближенного Н. Смирнова, председателя исполкома Ленинградского горсовета [25].

Но это в «застойные» времена. А как обстоит дело во времена перестройки и гласности? «Узбекское дело» ответило на этот вопрос.

Пока следователи Гдлян и Иванов разоблачали взяточничество узбекских номенклатурщиков, в Москве взирали на это спокойно: ведь происходило разоблачение назначенцев Рашидова, деятеля брежневской поры. Но вот, возомнив, что им все можно, ретивые следователи переступили границу дозволенного: появились в их материалах имена членов горбачевского Политбюро и секретарей ЦК КПСС.

И сразу все изменилось. Прокуратура СССР занялась не взяточниками, а следователями. Их обвинили в недозволенных методах ведения дела; сознававшиеся взяточники, как по команде, отказались от своих признаний, и суды стали их оправдывать.

Но ведь у этих людей действительно были изъяты миллионы рублей! Такие суммы они не смогли бы и за 10 жизней накопить из своей зарплаты, даже не тратя из нее ни копейки. Однако вопрос об источнике миллионов никого не интересовал, велено было клеймить Гдляна и Иванова, посягнувших на честь высших лиц в номенклатуре. Нельзя на нее посягать!

Номенклатуре все дозволено, и номенклатурщику все дозволено, пока он действует в интересах своего класса.

6. О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ

Сразу же после победы сталинской номенклатуры, в 1939 году, в Москве был издан хорошо иллюстрированный фолиант под названием «Книга о вкусной и здоровой пище». Книга переиздавалась затем в 1945(!), 1952, 1965, 1971 и 1982 гг. Подавляющему большинству советских граждан рецепты, дававшиеся в книге, были явно непосильны: такого количества продуктов у них не было. Однако книга оказалась очень скоро библиографической редкостью — так быстро она была расхватана номенклатурными покупателями.

Вкусная и здоровая пища — предмет постоянной заботы номенклатурщика и обслуживающего его персонала. Когда вы приходите в гости к номенклатурному чину, вас всегда поражает разнообразие и отличное качество продуктов, которые подаются к столу. В номенклатурных же учреждениях — будь то в Москве или на периферии — отличные столовые и буфеты являются непременным атрибутом, и еда в них — приятный ритуал в жизни номенклатурщика.

В ЦК КПСС спецбуфеты открываются в 11 часов утра. Они быстро заполняются величественными номенклатурными чинами, которые не преминут сходить туда на второй завтрак. Все продукты в буфетах — высшего сорта, безукоризненной свежести, и стоят они дешево. Правда, порции сравнительно небольшие, но это не по жадности (для номенклатуры разве жалко?), а чтобы завтрак был легким и номенклатурные чины не полнели. На маленьких блюдечках разложены порции зернистой и кетовой икры, на тарелках — отличная рыба разных сортов: семга, белужий бок, осетрина. Здесь всегда есть знаменитый напиток восточных степей — кумыс (лошадиное молоко). Простокваша здесь такая, что трудно отличить ее от сметаны. Творог с сахаром пахнет свежестью и тает во рту. Словом, все там самое лучшее, такое, что простому советскому потребителю оно и не снится.

В час дня открывается столовая. Долгое время она находилась на улице 25-го Октября (бывшая Никольская), там, где теперь разместился ресторан «Славянский базар». Если вы, читатель, окажетесь в Москве, зайдите в этот ресторан: сейчас там гремит эстрадный оркестр и шаркают ногами подвыпившие танцующие посетители,— а вы представьте себе это же помещение в дни его величия, когда у большого зеркала в вестибюле стоял охранник КГБ в штатском и проверял пропуска, в залах сновали специально отобранные надежные официантки, а за столиками неторопливо и уверенно журчали номенклатурные беседы.

Хоть путь от ЦК до улицы 25-го Октября недалек — всего 10 минут ходьбы — и пройтись, в общем, приятно, недостаточная отгороженность столовой от окружающего мира вызвала неудовольствие номенклатурщиков. Им было тягостно идти в непривычной для них толпе обычных советских людей, заполняющих днем улицы в районе площади Дзержинского. Как всегда, неудовольствие номенклатуры обволакивалось в форму политической

бдительности. Начались разговоры, что вот встанет вдруг около столовой иностранный агент, сфотографирует входящих — и, пожалуйста, в досье ЦРУ окажутся портреты всего аппарата ЦК КПСС.

Как и следовало ожидать, этот аргумент немедленно возымел действие. В переулке рядом со зданием ЦК, по соседству с картинно вписывающейся церквушкой XVII века, выстроили трехэтажное светлое здание столовой. Входить туда можно только по пропускам ЦК КПСС, и стоящий около двери охранник из КГБ внимательно их проверяет. Допускаются также по специальным пропускам люди, не являющиеся сотрудниками аппарата ЦК, но выполняющие какую-либо работу в здании ЦК. За час до закрытия туда допускаются также сотрудники Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Вы входите в просторный вестибюль. Слева — газетно-журнальный киоск, а за ним — кассы, где вы будете выбивать чеки на выбранные вами блюда. Справа — гардероб, от касс — дверь в большое помещение спецбуфета, где по недорогой цене обедающие покупают для дома всякие деликатесы, которых в обычных магазинах нет с 1928 года.

На лифте или по выстроенной в стиле модерн лестнице вы поднимаетесь в первый или второй зал: внизу — общий, наверху — диетический. Небольшие столики — каждый на 4 человека. В стороне на большом столе — сосуды с фруктовыми, ягодными и овощными соками, с витаминным напитком из шиповника. Здесь вы можете сами наливать их себе в стакан, положив пару копеек на стоящее тут же блюдце. По залу снуют расторопные официантки.

Столовую поместили прямо напротив здания Отдела ЦК КПСС по выездам за границу — этого любопытного гибрида партаппарата и КГБ: здесь не только фотографировать, но даже и проходить лишний раз по переулочку мало кому захочется. Обед будет вкусно приготовлен из отличных продуктов. Порции будут опять небольшими, так что берут не два и не три, а четыре-пять блюд. Стоит это столько же, сколько стоит плохонький обед из двух блюд плюс кисель в обычной столовой, где в это же время стоят в очереди на раздачу трудящиеся в свой обеденный перерыв.

Вот меню общего зала столовой ЦК:

на 5 мая 1988 года

Общий зал

	Закуски	коп.
100 г	Салат с крабами	30
100	Салат из квашеной капусты с яблоками	06
100	Салат из редьки с луком	07
50	Салат из огурцов	10
100	Салат из моркови с орехами	12
50	Салат из помидоров с растит. маслом	16
20/5	Икра паюсная с луком	76
30/10	Спинка осетра с огурцом	45
90	Треска по-шведски	15
30/10	Бекон с хреном	10
100	Сыр домашний	09
180	Кефир	06
180	Кумыс	19
180	Простокваша	07
180	Ряженка	08
100	Сливки	09
130	Творог с сахаром и сметаной	16
110	Сметана с сахаром	19
50	Сметана	09
10	Масло сливочное	04
20	Масло растительное	04
10	Сахар-песок	01

Первые блюда

300/25	Суп картофельный с осетриной	28
300/25	Суп харчо с бараниной	21
300/10	Щи из свежей капусты со сметаной	15
300	Суп молочный гречневый	09

Вторые блюда

75	Кижуч отварной	32
75	Муксун вареный	38
90	Тельное из судака	32
100	Котлеты полтавские	37
50	Котлеты полтавские	23
100/75	Треска тушеная с овощами	25
150/40	Судак в тесте жареный	38
75	Эскалоп из свинины	45
180	Макароны с сыром	14
150/25	Колобок творожный с курагой	32
150/10	Оладьи со сметаной	16
150/30	Оладьи с протертой малиной	17
200/10	Каша пшенная молочная с маслом	09
60	Пирожок слоеный с печенкой	13

Овощные блюда

100/15	Пудинг из свеклы со сметаной	09
150/5	Рагу из овощей с грибами	21
100/20	Биточки морковные с изюмом	16

Гарниры

150 г	Картофельное пюре	1	06
105	Капуста тушеная квашеная	2	06
110	Рис припущенный	3	06
130	Свекла тушеная	4	06

Сладкие блюда

180	Кисель из черной смородины	08
150/30	Кисель с мороженым	13
180	Компот из свежих фруктов	17
200	Сок из брусники	19
60/40	Чернослив со взбитыми сливками	20
50/10	Брусника с сахарной пудрой	25
1 шт.	Пирожное	11
100	Мороженое	20
190	Молоко	06
1 ст.	Чай зеленый с сахаром	03
1 ст.	Чай с сахаром	03
1 ст/30	Чай с вареньем ореховым	07
180	Какао	08
180	Кофе с молоком	16
150/30	Кофе черный с мороженым	26
80	Кофе черный	08
7	Лимон	03

Комплексный обед 52

300/25	Суп харчо с бараниной
50	Котлеты полтавские
180	Кисель из черной смородины

Порционные блюда готовятся по заказу

I

300/2 шт.	Похлебка по-суворовски с расстегаями	31

II

75	Осетрина жареная	96
125	Котлета юбилейная	49
150	Шампиньоны в сметанном соусе	68
320	Окунь по-московски	58
75/150	Филе со сложным гарниром	53
115	Омлет с зеленым луком	25

Хлеб

76 г	Хлеб столовый	01
71	Хлеб ржаной заварной	01
43	Хлеб ржаной российский	01
36	Хлеб пшеничный	01
30	Батоны нарезные	01

По желанию вторые блюда отпускаются без гарнира, при этом стоимость блюда уменьшается на 6 коп.

А вот для сравнения меню обычной столовой для трудящихся:

Меню на 6 марта 1990 г.

	Холодные закуски		**коп**
100 г	Салат из квашеной капусты		04
100/1/2	Салат из свеклы с яйцом, майонез		10
150	Салат мясной		22
100/30	Студень гов. с хреном		17
50/10	Лосось-горбуша с луком		28
35/50	Сельдь с луком		15
100	Сметана		18
	Первые блюда		
50/500	Суп рисовый с курами II кат.		28
1/500	Бульон с яйцом		32
	Вторые блюда		
100/8	Котлеты «Особые» с м/сл.		22
100/75	Куры II кат. отварные	(нет)	44
75/75	Бефстроганов	(нет)	46
75/100	Мясо тушеное	(нет)	40
75/75	Мясо отварное	(нет)	31
300/15	Каша геркулесовая с м/сл.	(нет)	14
	Гарнир		
100	Картофельное пюре		05
100	Макароны отварные		03
	Напитки		
200	Компот из сухофруктов		08
200	Какао на молоке	(нет)	09
200	Кофе б/раст.		13
200	Чай разовый		04
15	Сахар ресторан.		02
200	Напиток ябл./вишневый		13
2к/31	Хлеб пшен.		01

Замечаете разницу в выборе и отсутствие разницы в цене? А ведь в ЦК мы взяли меню общего зала. В диетическом зале оно еще изысканнее: сюда имеет обыкновение ходить начальство. Что же касается меню рядовой столовой, то ведь там сплошь и рядом бывает далеко не все записанное: подобно фактической зарплате для советского человека существует «фактическое меню», однообразное и скудное до предела.

В столовой ЦК обедали не только те, у кого нет «кремлевки», но и ее счастливые обладатели. Почему? Ведь они могли бы отправиться в свою столовую (долгое время она была на улице Грановского), где уж действительно, как говорят в России, нет только птичьего молока; впрочем, в качестве компенсации были выпущены продающиеся обычно только в номенклатурных спецбуфетах превосходные конфеты «Птичье молоко».

Выше мы уже сказали: если брать по талонам «кремлевки» обед на дом, давали столько, что свободно хватало на всю семью. Поэтому в столовой ЦК вы видели не только заведующих секторами, консультантов и прочих старших чинов аппарата, получавших «кремлевку», но и могущественных заведующих отделами ЦК, которые даже по официальному протоколу считаются стоящими выше министров СССР. И они, пользующиеся благами гораздо большими, чем завсектором, предпочитали получать «кремлевку» пайком, а обедать в ЦК — взирая, разумеется, сверху вниз на угодливо глядящих на них номенклатурных клерков.

Перед концом рабочего дня буфет снова открывается. Однако идут туда те, у кого вечернее дежурство, и технический персонал. Конечно, могут пойти и остальные сотрудники ЦК, но это не принято: все справедливо исходят из того, что дома их ожидает превосходный ужин, и есть перед этим без особой надобности в буфете считается неудобным. Вместо этого они зайдут в другое помещение, которое официально также именуется буфетом, но по существу является хорошо оборудованным продовольственным магазином, и возьмут заказанные ими заранее продукты. Со свертками этих продуктов они отправятся домой, точно так же как более высокие чины повезут домой свои обширные «заказы».

Несколько поскромнее, но в том же стиле столовые в учреждениях при ЦК КПСС: Высшей партийной школе, Академии общественных наук, Институте общественных наук, Институте марксизма-ленинизма. Меню там, правда,

несколько менее разнообразное, но все остальное — так же, и цены невысокие. Вот меню столовой Академии общественных наук при ЦК КПСС[25]:

Комплексный обед — 1 руб.

Ветчина с хреном
Свежий помидор
Борщ с мясом, со сметаной, 1/2 порции
Язык гов. в красном соусе с гарниром
Напиток из шиповника

Холодные блюда и закуски

	коп.
Масло сливочное	1
Сыр российский	12
Брынза болгарская	10
Колбаса докторская	8
Колбаса сервелат п/к	13
Кета с/п	32
Севрюга г/к	45
Бок белужий г/к	33
Салат из помид. и огур. со смет.	29
Салат зел., редиска, смет.	15
Свекла с чесноком, брынзой, майон.	9
Салат из кваш. капусты	5
Грибы марин. моховики	22
Икра баклажанная	10
Шпроты с лимоном	19
Маслины консер.	17
Творог с сах., смет.	16

Супы

Борщ из капусты н/ур., мяс., смет.	32
Суп гороховый с копч. грудинкой	24
Окрошка мясная	34

Вторые горячие блюда

Окунь филе запеч., с луком, майон.	29
Тефтели мясн. в томат. соусе	16
Бефстроганов из говядины	34
Язык гов. в красн. соусе	23
Баранина туш. с фасолью	35
Шницель свин. отбивной	25

Порционное блюдо

Бифштекс натур. с жар. картоф.	76

Диетические блюда

Говядина отварная	26
Сырники творож. со смет.	27

И совсем уж не надо платить денег за еду в гостинице Международного отдела ЦК КПСС, расположенной в новом здании в Плотниковом переулке, недалеко от Арбата. (Затем было выстроено роскошное второе здание гостиницы.) Если вы там находитесь, то, как иностранные гости, вы можете есть в ресторане гостиницы сколько хотите, пить вино, коньяки и т. д. — и все совершенно бесплатно. Такая же система была заведена и в домах гостей ЦК соответствующих партий во всех социалистических странах, например в Доме гостей ЦК СЕПГ в Восточном Берлине — превосходном здании, расположенном напротив Märkisches Museum.

Впрочем, дорогим гостям ЦК КПСС не обязательно питаться в доме гостей; им выдают талоны, действительные на обед или ужин в любом московском ресторане. Талоны — без указания суммы: ЦК оплатит любой счет за съеденное и выпитое гостем и сопровождающим его сотрудником Международного отдела.

По этой же схеме налажено питание номенклатуры и на периферии. В столице любой союзной республики, в каждом областном центре вы сможете найти недоступные для населения столовые ЦК компартии, крайкома или обкома, которые хотя не полностью копируют, но весьма успешно подражают столовой ЦК КПСС.

Как выяснилось, в столовую Ленинградского горкома КПСС, находящуюся, разумеется, в Смольном, уже в расцвете перестройки ежегодно поступало 300 кг лососевой и 550 кг осетровой икры, а также — ни много ни мало — 204 тонны сосисок: почти по тонне на рабочий день. Вместе же сотрудники горкома и обкома КПСС, гор- и облисполкомов и КГБ Ленинграда получают в год в своих столовых более 156 тысяч банок консервов и около 150 тонн копченостей[26].

Не будем уж и говорить об изобилии и великолепии питания верхушки класса номенклатуры. Члены этой верхушки получают так называемое «лечебное питание», даже если ни от чего лечиться им не надо. И, разумеется, это питание и для них, и для их семей, и для их прислуги и охраны совершенно бесплатно. Здесь не просто «птичье молоко». Здесь, по удачному выражению «Литературной газеты», снимают сливки с птичьего молока.

7. КВАРТИРА

Мы уже сказали: между жизнью класса номенклатуры и рядового советского населения — пропасть. Глубина этой пропасти вырисовывается очень ясно при сравнении жилищных условий обычного советского гражданина и номенклатурного чина — скажем, взятого нами завсектором ЦК.

Квартирный вопрос для рядового советского человека настолько сложен, что его нерешенность признается даже официально. Из постановлений партии и правительства, речей и статей явствует: всеми благами жизни обласкан советский гражданин, а вот с жильем пока неважно, то есть, конечно, идет грандиозное жилищное строительство, трудящиеся день ото дня улучшают свои жилищные условия, но провозглашенная в начале 60-х годов задача добиться того, чтобы каждый трудящийся мог жить в отдельной комнате,— такая задача еще далеко не решена.

И верно: не решена. Выше уже упоминалось, что советский трудящийся имеет норму жилплощади 9—12 кв. метров на человека. Как я убедился, на Западе или просто этого не понимают, или воспринимают как гарантированный каждому минимум. Между тем 12 кв. метров — не гарантированный минимум, а разрешенный максимум. Жилплощадь сверх нормы раньше попросту изымали, а теперь заставляют оплачивать в тройном размере. Как своего рода минимум — никем, впрочем, тоже не гарантированный — рассматривается площадь в 5 кв. метров на человека: в таком случае семья считается нуждающейся в жилплощади и может быть поставлена на очередь, то есть занесена в крайне медленно продвигающийся «список очередников» в жилотделе райисполкома. Семья, живущая в одной комнате в общей квартире,— все еще нередкое явление в Советском Союзе. 20% городского населения живут в коммунальных квартирах.

Это не относится к номенклатуре. Ленин уже 1 декабря 1917 года лично записал в постановлении правительства, что для наркомов «квартиры допускаются не свыше 1 комнаты на каждого члена семьи»[27]. Несмотря на ограничительно звучащую формулу, было ясно: состоит семья наркома из шести человек — значит, ему полагается квартира в шесть комнат, причем жилплощадь не

лимитирована. Принцип был, таким образом, установлен: квартиры для номенклатуры предоставляются на совершенно других основаниях, чем для обычного населения.

Завсектором ни с очередями, ни с райисполкомами дела не имеет, а получает квартиру в цековском доме. Однако и такую квартиру каждый номенклатурщик старается обменять на еще большую и более удобную. В номенклатурном кругу вы только и слышите, что о переезде — из хорошей квартиры в лучшую.

Советские газеты охотно пишут о том, как где-либо рабочая семья «улучшила свои жилищные условия». Тема не новая: помните, еще сразу после Октябрьской революции рабочие были громогласно переселены в дома буржуазии. В 20-х годах Маяковский воспел в стихах переезд рабочего в новую квартиру с ванной. Никто, однако, не описывает и в стихах не воспевает переезды номенклатуры, хотя число их явно не пропорционально численности этого класса. И растут, растут в лучших кварталах городов отличные дома ЦК, обкомов, горкомов и Советов Министров, издали показываемые зарубежным туристам в качестве новостроек для советских трудящихся.

Дома для номенклатуры воздвигает специальное строительно-монтажное управление. Дома эти — не типовые скоростройки, которые стали сооружаться при Хрущеве и получили в народе выразительное название «хрущобы». Это солидные и изящные строения с мягко скользящими бесшумными лифтами, с удобными лестницами и просторными квартирами. Если вы, читатель, поедете как-нибудь в Москву, посмотрите на комплексы этих домов на Кутузовском проспекте, в районе Кунцева или Новых Черемушек. Стоят такие дома и поодиночке, вкрапленные среди других зданий в центральных, но тихих переулках столицы: например, знаменитый дом на улице Грановского напротив кремлевской столовой или дом на улице Станиславского.

Взгляните на дом для высших чинов КГБ на Малой Грузинской, на дом для торгпредов и руководителей внешнеторговых организаций в районе станции метро «Фили», на отель для генералов стран Варшавского Договора в районе Университетского проспекта. А если вы не собираетесь в Москву, а заедете в Восточный Берлин — то и там легко найдете целый городок, как там принято говорить, der Wolgadeutschen — в том смысле, что живут

здесь немцы со служебными машинами «Волга». После революции 1989 года в ГДР можно было посмотреть и виллы высшего начальства в поселке загородных резиденций Вандлиц.

Прошли, прошли времена, когда победившие коммунисты вселяли рабочих из подвалов в квартиры богачей! При реальном социализме снова появились аристократические дома и кварталы, и особо проверенные рабочие допускаются туда, только чтобы делать ремонт в домах новых господ.

Квартиры в этих московских домах большие: не по 2—3, а бывают и по 8 комнат. Если жилец — особенно важный номенклатурный чин, то ему дают этаж, соединив две квартиры, расположенные на одной лестничной площадке.

Непомерная по советским масштабам величина номенклатурных квартир отразилась интересным образом в официальной статистике. Шила в мешке не утаишь, и даже самая бдительная цензура не всегда может уследить, где шило номенклатурных привилегий высунулось наружу.

В предыдущих изданиях этой книги приводились опубликованные ЦСУ СССР данные о положении с жилплощадью в стране в 1975 году. Оказалось, что на одного человека приходилось 7 кв. метров полезной жилплощади. На XXVII съезде КПСС (1986 год) было объявлено, что на одного жителя приходится 14,6 кв. метра [28]. Как стало возможным такое статистическое чудо, трудно сказать — особенно если учесть, что численность населения СССР выросла тем временем на 27 млн. человек. Однако подобные чудеса в советской статистике случаются, так что будем исходить из новых данных.

14,6 кв. метра на человека — это значит 58,4 кв. метра на среднюю статистическую семью из четырех человек. Что ж, это хотя и скромная, но приличная трехкомнатная квартира: 18,4 кв. метра — кухня, санузел и прихожая, и комнаты — одна 18 и две по 11 кв. метров.

Есть ли у каждой советской семьи такая квартира или хотя бы некий ее эквивалент? Даже Госкомстат не решится сказать, что есть, так как каждый знает: нет!

Как же так? Ведь жилплощадь, оказывается, есть, и принадлежит она государству, а не частным хозяйчикам, и строится она уже более 60 лет по плану, а распределяется по норме. В чем же дело?

Может быть, неблагополучие с жильем — результат концентрации населения в крупных городах СССР, куда люди спасаются от нехватки товаров в провинции? Проверим эту догадку на примере Москвы, куда люди особенно стремятся. Вот уж где, вероятно, скученность.

Возьмем данные по Москве. Читатель уже внутренне съежился, ожидая совсем мизерного размера жилплощади на человека: ведь Москва, как известно, перенаселена, там скученность, не то что в просторных крестьянских избах или в тихой провинции.

И правда — Москва перенаселена (9 миллионов человек!), и скученность ужасная, и длиннейшие списки очередников, куда заносят лишь тех, у кого жилплощадь меньше 5 кв. метров на человека. А по Москве в целом средняя цифра жилплощади — 17 кв. метров на человека — больше, чем по Советскому Союзу.

«Да как же так,— удивится читатель,— ведь разрешенный максимум — 12 кв. метров?»

Верно, 12. Верно и то, что есть они далеко не у всех москвичей. Но в Москве много членов класса номенклатуры, и просторность их квартир такова, что она в корне меняет среднюю цифру и делает Москву статистически самым обеспеченным жилплощадью крупным городом Советского Союза.

По фактическому наличию в Москве жилплощади уже сегодня, а не в светлом коммунистическом завтра средняя статистическая семья из четырех человек давно должна иметь здесь квартиру 60 кв. метров. Непроходящий острый жилищный кризис в Москве — кризис не материальный, а социальный. У москвичей мало жилплощади не потому, что ее в этом городе вообще мало, а потому, что ее много у номенклатуры. Надо понять: это номенклатура обворовывает людей, долгими годами ютящихся с семьями в одной комнате и числящихся «очередниками на получение жилплощади».

Как и в вопросе об эксплуатации человека человеком, неверно было бы не видеть здесь за общим понятием «класс номенклатуры» отдельных номенклатурщиков, вырывающих у подчиненных им тружеников столь нужную этим людям жилплощадь. Приведу только один пример. В Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР ожидалось выделение давно обещанной жилплощади для очередников — разумеется, не для всех, а для одного-двух. Бывает такое не каждый год, поэтому местком (я был тогда заместителем председателя)

еще раз тщательно уточнил список остро нуждавшихся в жилплощади. Во главе списка стоял молодой научный сотрудник, совсем ее не имевший и снимавший где-то угол, и другой, у которого в семье приходилось по 3 кв. метра на человека. И вдруг выяснилось, что жилплощадь институту уже отпущена: вместо очередников получил новую квартиру первый заместитель директора института, бывший до того секретарем парткома. В связи с этим он отказался от предоставлявшейся ему кооперативной квартиры (за нее надо было платить) и взял себе даровую. Квартира была большая, так что лимит жилплощади, предоставляемой институту, был исчерпан надолго. А заместитель директора вообще в ближайшие годы не предполагал пользоваться полученной квартирой, так как уезжал на работу в ООН. Затем он стал послом СССР в одной из стран Африки. Не стану называть его имени: он не изверг, а обычный, даже симпатичный номенклатурщик. Но таковы нравы этого класса.

Может быть, Москва не показательна? Определенную часть жилплощади занимает там персонал иностранных посольств и миссий, иностранные корреспонденты. Некоторые столичные номенклатурные чины должны иметь представительские квартиры. Рассуждение это не очень верное. Квартиры работающих в Москве иностранных дипломатов и журналистов обычно меньше и хуже их квартир на родине. Что же до представительских целей, то ими в номенклатуре действительно принято оправдывать роскошь квартир: любой номенклатурщик будет на людях утверждать, что ничего ему так не хочется, как жить в завещанной Лениным простоте, но вот представительские обязанности принуждают к роскоши, чтобы не уронить авторитет Советского государства. Впрочем, это аргумент для посторонних. А в своем кругу номенклатурщики, не стесняясь, любуются своими квартирами, мебелью и картинами. Да и кто из номенклатурных чинов принимает у себя дома иностранцев? Ну, изредка кто-нибудь из заместителей министра иностранных дел — например, долголетний заместитель министра иностранных дел, затем посол СССР в Бонне В. С. Семенов в своей, как музей, обставленной московской квартире. А так ведь все это болтовня о представительстве.

Взглянем на положение в стране в целом. Тут дипломатов нет, представительствовать не перед кем — может быть, там все иначе, чем в Москве?

Нет, не иначе.

В 1989 году, по сообщению Госкомстата СССР[29], «обеспеченность населения жильем составила уже не 14,6, а 15,8 кв. м общей площади», в том числе жилой площади — 10,6 кв. метра. Читаешь — и радуешься. Значит, средняя советская семья — муж, жена, двое детей да еще бабушка — имеет квартиру 79 кв. метров, в том числе жилой площади — 53 кв. метра и подсобной — 26 кв. метров. Реально это означает примерно следующее. 5-комнатная квартира: в том числе комната родителей 15 кв. метров, 3 комнаты по 9 кв. метров для детей и бабушки, гостиная —11 кв. метров, столовая-кухня — 12 кв. метров, санузел — 6 кв метров, прихожая — 8 кв. метров. Разве плохо?

Но радость омрачается тем же сообщением Госкомстата. Оказывается, из проживающих в городах СССР семей «каждая пятая стоит на очереди для получения жилой площади (из них треть — от 5 до 10 лет и 18 процентов — свыше 10 лет)». Но позвольте, на очередь ведь ставят, если в семье не более чем по 5 кв. метров на человека! Значит, 20% городских семей недополучают 5,6 кв. метра на человека и на протяжении немалой части жизни не могут добиться причитающейся им жилплощади.

Кто же это разжирел за счет многих миллионов горожан? Неужели сельское население? Да ведь его и не так уж много: в народном хозяйстве СССР занято 139 млн. человек, а колхозников — всего 11,6 млн., то есть 8,3%.

Нет, не сельское население возвело себе хоромы за счет квартирных метров, недополучаемых горожанами, а горожане же, только другие. И не пресловутые «дельцы теневой экономики» или кооператоры, на которых принято все списывать, а прежде всего номенклатура. Пройдитесь по *их* квартирам, полюбуйтесь *их* дачами — тогда вы в этом убедитесь.

Значит, для рядовых людей в Советском Союзе фактическая средняя жилплощадь еще меньше, чем 10,6 кв. метра на человека. Ведь просторы номенклатурных квартир, особняков и госдач идут за счет жилья рядовых советских граждан. Вы вдумайтесь, читатель: многие миллионы людей в СССР живут и умирают в страшной тесноте, потому что номенклатура украла у них причитающуюся им скромную жилплощадь!

8. ДАЧА

Завсектором имеет не только квартиру, но и загородную дачу.

Кто может в СССР иметь дачу? Теоретически — каждый гражданин, который получит от райисполкома участок земли для дачного строительства или купит дачу у ее владельца с разрешения того же райисполкома (если дача кооперативная, требуется также согласие правления кооператива).

Этот вполне логичный порядок наполнен, однако, на практике таким классовым содержанием, которое делает владение дачей доступным лишь привилегированным слоям общества. Райисполком выделяет дачные участки только лицам с высоким общественным положением. При выдаче же разрешения на покупку дачи строго соблюдается принцип, что покупать можно лишь на «трудовые доходы»: так как дача под Москвой стоит примерно 50 тысяч рублей и больше, райисполком не выдаст разрешения рядовому трудящемуся, для которого эта сумма составляет его зарплату за 28 лет; да и действительно — он такой суммы для покупки дачи сбережениями из своей зарплаты никогда не наберет.

В западной литературе встречается утверждение, будто в СССР есть «класс дачевладельцев». Это утверждение неточно, но и не совсем ложно: класса такого нет, однако обладание дачей действительно связано с классовым характером советского общества.

Владение дачами — по преимуществу привилегия интеллигенции. Что же касается класса номенклатуры, то ему *такая* привилегия недостаточна. Нашему завсектором дача предоставляется фактически в бесплатное пользование. Не тратя тысяч рублей (которые у него, в противоположность рядовому трудящемуся, есть), не занимаясь поисками, конечно же, дефицитных стройматериалов и хлопотами по строительству дачи, а затем по ее ремонту, завсектором приедет, по обыкновению, прямо на готовенькое. Казенная дача предоставляется ему и его семье на весь летний сезон в удобно расположенном и обнесенном высоким забором дачном поселке. В поселке есть отличный продовольственный магазин, очень хорошая столовая, кино, клуб, библиотека, спортивная площадка. Плата за дачу символическая. К поселку проложено хорошее шоссе, по которому завсектором в своей служебной машине — черной «Волге» с номером ЦК — будет ездить прямо со Старой площади.

А зимой он будет уезжать в пятницу после работы в пансионат ЦК. Здесь ему, его семье и даже его гостям предоставляется целая квартира. Они будут превосходно питаться — тоже по весьма низкой цене, бесплатно пользоваться лыжами и коньками и вечером смотреть кинофильмы.

Хотя завсектором будет занимать, как правило, из года в год одну и ту же дачу, он всегда помнит, что дача — не его. Выражается это не в том, что он относится к даче особенно бережно (наоборот!), а в том, что он ровно ничего не сделает для ее украшения. Странное впечатление производят эти дачи: около домов — ни одного цветка, все — только на разбитой рабочими клумбе; никто не забьет гвоздя, чтобы укрепить доску (дачи, как всегда в России, деревянные), о необходимости любого, даже мельчайшего ремонта сообщается администрации поселка. Номенклатурщики лежат в гамаках, гуляют, играют в теннис и волейбол, пьют и едят на террасе, идут в кино. Контраст с обычными дачами, где полуголые взъерошенные хозяева с утра до вечера копают, чинят, поливают,— этот контраст разителен.

И дело не в том, что номенклатурщики сами по себе индивидуально белоручки. Немало среди них, как уже говорилось, выходцев из крестьянских семей, работа в саду была бы для них, вероятно, удовольствием. Но не положено. Физический труд ниже достоинства членов класса номенклатуры. В этом лишний раз отразилось коллективное отвращение выскочек-номенклатурщиков к работе их прежних классов. И вот выросшие в деревне люди стыдятся взять в руки лопату, чтобы посадить цветы, а страстные автомобилисты вызывают служебную машину с шофером.

Есть ли у завсектором собственная дача? Иметь ее не принято, так же как и частную автомашину. Формального запрета нет, но это рассматривается как вольнодумство и как неуверенность в своем номенклатурном будущем. Поэтому дачу завсектором приобретет, но на имя родителей, а автомашину запишет на взрослых детей или на брата. Сам же он будет чист от всякого подозрения в мелкособственнических наклонностях и будет стараться, продвигаясь в иерархии, получать все бо́льшую долю коллективной собственности класса номенклатуры.

О госдачах партийного аппарата в СССР еще не осмеливаются писать. А о госдачах военной номенклатуры некоторые сведения проникли в советскую печать.

Так, под Москвой в поселках Дачная Поляна, Барвиха, Горки-6 выстроены великолепные дачи для маршалов и высших генералов. Сейчас в Московской области насчиты-

вается более 70 таких дач. Вот одна из них, так называемый «объект № 10», выстроенная для главного инспектора Министерства обороны СССР: 341 кв. метр, 9 комнат, мрамор и гранит. Участок свыше 2 гектаров, пруд. Расходы на эту дачу составили 343 тысячи рублей.

Это у генералов. А у маршалов и дачи просторнее, и участки больше. Маршал Ахромеев жил в даче площадью свыше 1000 кв. метров, а участок при ней был 2,6 га. Скромный маршал! Его коллега маршал Соколов имеет дачу 1432 кв. метра на участке более 5 га [30].

Для заместителей министра дачи двухэтажные, каменные — холл, гостиная, столовая, несколько спален, комната для прислуги, кухня, ванные и туалеты, на участке — хозяйственные постройки, теплицы, гаражи. Расходы были предусмотрены по 350 тысяч рублей на дачу. Оказалось, что мало: один из заместителей министра обороны СССР истратил на свою дачу в Барвихе 627 тысяч рублей — разумеется, из казенных денег. Такую сумму рядовой Советской Армии (денежное содержание которого 7 рублей в месяц) сможет накопить только к 9454 году. Возле дачи первого заместителя министра воздвигли дом приемов.

Впрочем, недалеко от этой дачи высится, по словам журналиста, «дворец раза в три-четыре больше и во много раз роскошнее» [31]. Там живет отставной (!) председатель Комиссии партийного контроля ЦК КПСС пенсионер Соломенцев. Но это уже иная категория номенклатуры, не чета заместителям министра. О дачах этой категории мы расскажем дальше.

9. АВТОМАШИНА

На Западе автомашиной никого не удивишь — они есть практически в каждой семье. Выделяется не тот, кто ее имеет, а тот, у кого ее нет: он выглядит оригиналом.

Иначе обстоит дело в Советском Союзе. В редкой семье есть автомобиль, зато у начальства есть машины с шофером.

Наш завсектором будет ездить на черной «Волге» с цековским номером. Эти номера отличаются от других тем, что начинаются с «МОС». Автопарк ЦК КПСС состоит главным образом из таких черных «Волг». Есть они и на автобазе Кабинета министров СССР, но с другими номерами.

Однако, если завсектором поедет встречать важную иностранную делегацию (не важную встречает референт или инструктор), ему пришлют «Чайку» — большую

черную машину, сияющую лаком и хромом. Такие полагаются по должности заместителям Председателя Кабинета министров СССР, а на деле — вообще всякому высшему номенклатурному начальству, в том числе Раисе Горбачевой, членам семьи Рыжкова и т. д.

Для самой верхушки номенклатуры предназначены блиндированные, с пуленепробиваемыми стеклами черные лимузины «ЗИЛ». В народе эти тяжеловесные машины прозвали «черными гробами». Напрасно: лимузины очень комфортабельны, снабжены английскими кондиционерами и прочим оборудованием с заводов «Роллс-Ройс». Так как машин таких требуется очень мало, они производятся вручную, в специальном цехе Московского автозавода им. Лихачева. Изготовление такого автомобиля длится примерно полгода. «ЗИЛ-111» весит около 3 тонн, его длина более 6 метров, ширина более 2 метров, то есть занимаемая им площадь свыше 12 кв. метров — целая комната. «ЗИЛ» внутри покрыт белой или желтоватой кожей. Есть и открытая автомашина «ЗИЛ-111-Г»: в ней вождь может показываться откомандированному для ликования народу или министр обороны объезжать войска во время парада на Красной площади. Описывающий эту машину западногерманский автожурнал иронически замечает: «Подлинную исключительность может обеспечить, по-видимому, только диктатура пролетариата» [32]. Уточним: диктатура номенклатуры.

У номенклатурщиков с персональными машинами есть и персональные шоферы. Шофер относится к обслуживающему персоналу, который в номенклатурной среде высокомерно именуют «обслугой». Это и домработница, няня для ребенка, репетитор для детей-школьников и, конечно, секретарша. Последняя является персоной влиятельной, доверенным лицом номенклатурного чина.

Но, пожалуй, еще более доверенное лицо — шофер. В отличие от секретарши он точно знает, куда едет шеф — и по служебным делами, и по сугубо личным, знает приятелей шефа и вообще все его связи. Номенклатурный чин понимает это. Осторожный Б. Н. Пономарев, впоследствии секретарь ЦК КПСС и кандидат в члены Политбюро, когда был еще начальником Советского Информбюро, ездил на своем служебном «Понтиаке» в Кремль, ЦК, Совет Министров и т. п. Для личных же поездок он вызывал такси. Но обычно номенклатурщики выбирают другой путь: они делают шоферу всевозможные поблажки и этим создают общность интересов.

«Мы со своими шефами повиты одной веревочкой,— говорится в анонимном письме в газету «Социалистическая индустрия».— Мы — это персональные шоферы номенклатурных работников-шефов. Нам можно все, и вы прекрасно понимаете почему. Для нас не существует никаких проблем. Бензин? Сколько надо, столько и спишут литров... И отовариваемся мы дефицитом с баз и спецбуфетов, и лечимся мы в спецполиклиниках и спецбольницах, словом, нас не обижают. ...Все сверхурочные, которые мы накатываем с ними на охоты, рыбалки, в баньки, по иным интимным делам, нам щедро оплачивают. ... Мы со своими шефами как были, так и будем: без лимитов и с дефицитом. Разве может быть иначе? Шефы наши — люди надежные» [33].

10. БАЛЛАДА О ТЕЛЕФОНАХ

Долголетний председатель Советского комитета защиты мира и секретарь Союза писателей СССР, веселый и циничный Николай Семенович Тихонов назвал свое чаще всего цитируемое стихотворение «Балладой о гвоздях». В ней воспеты несгибаемые большевики, из которых, по мнению автора, можно было бы делать самые прочные в мире гвозди.

Придворный поэт польстил номенклатурщикам. Воспевать их надо в балладе не о гвоздях, а о телефонах.

Принимая в своем кремлевском кабинете корреспондентов «Штерна», Л. И. Брежнев с гордостью показал им телефоны. Это не пришло бы в голову западному политику, но было вполне естественно для главы советского класса номенклатуры.

Телефоны — это символ статуса номенклатурного чина, предмет его гордости. В кабинетах западных руководителей советского человека всегда поражает отсутствие такого символа, материализующегося в виде телефонного столика со столпившейся кучкой телефонов, почему-то напоминающей стадо слонов.

У высокопоставленных номенклатурщиков — шесть телефонов. Это, во-первых, два телефона, соединяющиеся через секретаря: городской и внутренний. Это, далее, два прямых телефона (тоже городской и внутренний), разговор по которым секретарь слушать не может. Это, наконец, особая гордость номенклатурщика — два телефона специальных правительственных линий: «вертушка» и ВЧ.

В некоторых учреждениях (например, в МИД СССР) «вертушки» и ВЧ аляповатые, выдержанные в помпезно-бюрократическом вкусе номенклатуры телефонные аппараты с гербом Советского Союза. К чести ЦК КПСС надо сказать, что там аппараты обычные.

Существует также военная телефонная линия.

И, наконец, особо ответственные номенклатурщики получили аппарат прямой связи с главой своего класса. Главный редактор «Известий» с гордостью показал по телевидению телефон с табличкой «Горбачев».

Хотя в кремлевском кабинете Ленина скромно стоят два старомодных телефона, эра телефонного величия была открыта именно Ильичем. Это он придумал (чтобы телефонистки не могли подслушивать разговоры кремлевской «верхушки») установить в Кремле небольшую автоматическую телефонную станцию (АТС). В ту пору телефоны с диском были технической новинкой: они отличались от обычных аппаратов с ручкой и получили название «вертушка». Хотя давно уже все телефонные станции стали автоматическими, название сохранилось. И не только как разговорное, но и как официальное обозначение правительственного телефона: в служебных списках телефонов ЦК КПСС перед номерами «вертушек» стоит буква «в». Сохранилось и название «АТС Кремля» (а с ним и другое, менее распространенное наименование «вертушки» — «кремлевка»), хотя официально эта правительственная телефонная линия обозначается как телефонная станция КГБ СССР. При чем тут КГБ? При том, что ему поручено техническое обслуживание линий, а главное — наблюдение за тем, чтобы никто посторонний не мог к ней подключиться.

ВЧ — это правительственная высокочастотная телефонная линия дальней связи. Аппараты ВЧ находятся в высших партийных и правительственных учреждениях Москвы, республиканских, краевых и областных центров СССР, в также в советских посольствах в социалистических странах. В несоциалистических странах ВЧ нет, так как нельзя установить охрану линий от возможного подключения: когда в 1955 году закончилась советская оккупация в Австрии, была демонтирована и линия ВЧ, проложенная в свое время в аппарат верховного комиссара СССР в Австрии (отель «Империал» в Вене) и в штаб группы войск (в Бадене). Ввиду огромных расстояний, на которые раскинулась линия ВЧ, ее телефонная станция не автоматическая: вы поднимаете трубку и гово-

рите оператору, с каким городом и чьим аппаратом ВЧ вас соединить.

Счастливый обладатель «вертушки» получает ежегодно красную книжечку карманного формата — список абонентов. В списке в алфавитном порядке стоят фамилии, имена и отчества, а в некоторых случаях — наименование ведомства (это делается обязательно, если в списке встречаются однофамильцы, а иногда по каким-то другим причинам). Должности и адреса не указываются. Все номера московских «вертушек» — четырехзначные, то есть теоретически их может быть поставлено 9999, но в действительности число абонентов станции в несколько раз меньше.

Есть неписаное правило, что на звонок по «вертушке» отвечает лично ее владелец, называя свою фамилию. Так делают даже члены Политбюро. Если сам номенклатурный владелец «вертушки» — скажем, товарищ Иванов — отсутствует или очень занят, к «вертушке» подходит его помощник или его секретарь, говоря: «Аппарат товарища Иванова». У более важных номенклатурных лиц на столе у секретаря стоит параллельный аппарат «вертушки», но переключать ее на аппарат секретаря может только сам номенклатурщик; у чинов пониже параллельного аппарата нет, так что секретарша в отсутствие шефа должна бегать в его кабинет, чтобы отвечать на звонки «вертушки». Звонить по чужой «вертушке» (особенно, если у звонящего своей вообще нет) хотя формально не запрещено, но считается дурным тоном.

Несколько иначе обстоит дело с ВЧ. Аппаратов этих мало, а они используются не только для общения между важными номенклатурщиками — их обладателями, но и для передачи деловых сообщений и переговоров по всевозможным срочным вопросам (по обычной телефонной сети дозвониться в другой город Советского Союза бывает трудно). Соответственно ВЧ пользуются не столько сами руководящие номенклатурные вельможи, сколько их подчиненные — непосредственные исполнители. По ВЧ передаются также многочисленные правительственные телефонограммы, на номенклатурном жаргоне именуемые «вечеграммами».

Страсть к «вертушкам» распространилась на весь Советский Союз и зависимые от него соцстраны. В столице каждой союзной республики, в каждом краевом и областном центре есть свои «вертушки». Аналогичные «вертушке» правительственные телефоны были заведены в соц-

странах, во всяком случае в европейских, где я ими не раз пользовался.

Больше того: страсть к тому, чтобы говорить по некоему особому телефону, недоступному простым смертным, привела к возникновению начальственных «вертушек» даже в масштабе отдельных учреждений. Приведу пример. Советское Информбюро при Совете Министров СССР было в годы войны размещено в особняке бывшего германского посольства на улице Станиславского, дом 10 (потом там находилось посольство ГДР). Телефоны оставшейся от немцев внутрипосольской АТС были поставлены руководству Совинформбюро: начальнику, его замам и помощнику, главным редакторам и заведующим отделами — и стали именоваться «вертушками» (кремлевская «вертушка» и ВЧ были только у начальника Совинформбюро). Хотя была эта «псевдовертушка» совершенно не нужна, при переезде Совинформбюро в другое здание — на улицу Жданова, 21,— посольская телефонная линия была перенесена туда: предпочли оставить без нее посольство ГДР, въезжавшее в особняк на улице Станиславского, чем лишить начальство Совинформбюро «вертушки» — этого символа его превосходства над рядовыми сотрудниками.

То же элитарное мышление номенклатуры отразилось в истории телефонов ЦК КПСС.

Там не было необходимости вводить для начальства местный суррогат кремлевской «вертушки»: она сама стоит во всех начальственных кабинетах, включая кабинеты заведующих секторами и консультантов. Между собой эти чины перезваниваются всегда только по «вертушке», даже когда просто договариваются, скажем, пойти вместе в буфет. Это неписаное правило: номенклатурщик с «вертушкой» не может позвонить другому обладателю «вертушки» по обычному телефону, не вызвав подозрения в наигранной скромности или в демонстративном пренебрежении к предоставленным ему возможностям, то есть в вольнодумстве.

Проблема в ЦК КПСС была другая: как выделить на телефонном поприще весь аппарат ЦК, состоящий сплошь из номенклатуры, и отделить его от недостойных. При переводе московских телефонов на автоматическую связь эта проблема была решена созданием особой АТС с индексом К-6 (впоследствии 296). К ней были подключены телефоны Кремля, ЦК и МК партии, НКВД и Наркоминдел СССР, то есть тех ведомств, где ответственные сотрудники — все без исключения члены класса номен-

клатуры. Номенклатурная телефонная сеть К-6 была поставлена под надзор органов безопасности, технически обслуживалась с особой тщательностью и пережила в неприкосновенности все остальные АТС Москвы: после войны их пришлось переделать, при этом они были переведены на сигнал высокого тона, как в западных телефонах, а, набрав номер с индексом 296, любители ностальгии могли до начала 70-х годов с умилением слушать басистый довоенный гудок.

С разрастанием номенклатурных аппаратов и их телефонной сети были переключены на другие индексы: Кремль и Лубянка (КГБ и МВД СССР) — на 224, МИД СССР — на 244. Славный индекс 296 остался за ЦК и МК КПСС, как принято говорить — за Старой площадью.

На протяжении многих лет линия К-6 была одновременно внутренней и городской: ее абоненты звонили друг другу, набирая номера без индекса К-6 (правда, это было возможно только в пределах каждого данного учреждения: звоня из ЦК в Кремль, МИД или КГБ, надо было набирать номер полностью); чтобы позвонить в город, надо было набрать «9». Эта — теперь повсюду обычная — процедура была в Москве долгое время технической новинкой и соответственно приятно выделяла номенклатурных абонентов станции К-6.

В 60-х годах это перестало быть новинкой, и в аппарате ЦК стали раздаваться голоса о том, что-де, конечно же, по соображениям безопасности — от подслушивания внутренних телефонных разговоров на Старой площади — надо отделить внутреннюю линию от городской. Речь шла, разумеется, не о безопасности (линия К-6 спокойно пережила даже самые истерические времена шпиономании), речь шла о желании номенклатурщиков, не имеющих «вертушек», все же как-то отличаться от сотрудников других учреждений. Этому законному желанию пошли навстречу: с начала 70-х годов АТС 296 превращена во внутреннюю АТС ЦК и МК КПСС, всем сотрудникам поставлены городские телефоны с индексом 206, а бывший К-6 стал их «вертушкой» для общения с равными себе, высоко вознесенными над простыми советскими гражданами.

По «вертушке» и ВЧ разрешается говорить о делах, связанных с партийной, государственной и военной тайной. Под этим предлогом установлены «вертушки» на квартирах и дачах членов и кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК КПСС, заместителей Председателя Совета (а ныне Кабинета) Министров СССР, руководящих лиц КГБ,

МВД и Вооруженных Сил СССР. В действительности это лишь формальная мотивировка предоставления верхушке класса номенклатуры дополнительного символа ее статуса. Таким же символом служат радиотелефоны, установленные в персональных машинах членов этой верхушки. Вести какие-либо секретные переговоры по радиотелефону, как известно, не рекомендуется, так как они могут быть легко перехвачены. Но как атрибут власти автомобильные телефоны представляются высшим номенклатурщикам чрезвычайно заманчивыми: заместители Председателя бывшего Совета Министров СССР — казалось бы, серьезные и занятые люди — долгое время вели напряженную борьбу за то, чтобы и их «Чайки» были украшены ненужными телефонными аппаратами, и наконец добились согласия Секретариата ЦК КПСС.

Слов нет, пользование нормальной телефонной сетью Москвы не гарантирует от подслушивания, в том числе случайного. Московское телефонное хозяйство находится в беспорядке, и вы часто, подняв трубку, неожиданно подключаетесь к чьему-то разговору. Такие случайности могут быть иногда действительно неприятными. Однажды я говорил по телефону из своей московской квартиры с заместителем министра иностранных дел СССР Валерианом Александровичем Зориным, известным в качестве организатора коммунистического переворота 1948 года в Чехословакии. Вдруг в наш разговор вмешался не совсем трезвый мужской голос, заявивший, что все сказанное нами — чепуха. Зорин нервно хихикнул в телефон и, вероятно, не раз использовал потом этот случай, поучая своих подчиненных быть бдительными. Таким образом, возможность подслушивания в обычной телефонной сети Москвы не исключена, не говоря уже о систематической звукозаписи органами КГБ разговоров по телефонам чем-либо подозрительных абонентов и всех без исключения телефонных разговоров с заграницей.

Но и разговоры по «вертушке» подслушиваются. Бывший секретарь Сталина — Борис Бажанов описал, как он осенью 1923 года застал будущего гения человечества за подслушиванием разговоров по «вертушке»[34]. Придя к власти, Сталин поставил подслушивание на твердую основу, так что от службы подслушивания не ускользает, видимо, ни один звонок. Еще в 1950 году мне рассказали, например, следующую историю. Помощник одного из министров, решив позабавиться, позвонил по «вертушке» помощнику другого министра и, назвав себя Маленковым, зая-

вил, что вызывает министра к себе в ЦК на следующий день. Уже через 15—20 минут по обеим «вертушкам» позвонили не назвавшиеся лица; первому министру сообщили о проделке его помощника, а второму министру — о том, что никакого вызова к Маленкову нет. Значит, разговор по «вертушке» подслушивался. Номенклатурные владельцы «вертушек» и ВЧ знают, что к их телефонам приставлено не знающее устали ухо службы подслушивания. Но это не омрачает их светлой радости по поводу того, что они — и только они в огромном Советском Союзе — имеют такие телефоны.

Осознанное стремление отгородиться от народа, общаться только в кругу своего класса — вот психологическая подоснова всей кратко описанной здесь возни номенклатурщиков с телефонами. Это стремление доходит до абсурда. Так, в правительственных особняках устанавливаются не обычные телефоны, а только «вертушки». Мне самому пришлось в Праге в 50-х годах и в Софии в 1970 году искать выход из положения — как позвонить из города в такой особняк и из такого особняка в город. Велико было мое изумление и, позволю себе сказать, восхищение, когда на моих глазах глава правительства одного западноевропейского государства у себя дома подошел по звонку к своему — вполне обычному — телефону и говорил с позвонившей ему незнакомой простой женщиной, хлопотавшей о пенсии после умершего мужа и решившей позвонить по этому вопросу на дом премьер-министру. Номер телефона она без труда нашла в обычной телефонной книге.

Как же мне было в главе о привилегиях класса номенклатуры в СССР не спеть эту балладу о телефонах!

11. СОЦИАЛЬНЫЙ АПАРТЕИД

Смехотворная возня номенклатурщиков вокруг телефонов, превращение именно телефонов в символ положения в обществе объясняется тем, что номенклатура — бюрократический класс. Здесь отразилось мышление номенклатурщика, восседающего в своем стандартном кабинете со стандартным портретом Ленина на стене и чувствующего свою исключительность именно благодаря стаду телефонов, по которым он отдает приказы и говорит с высшим, для простых смертных недосягаемым начальством. Вот эта черта — его упорное стремление к исключительности — вовсе не смехотворна.

Разница в заработной плате и вообще в размере дохода существует и на Западе, ничего специфического для диктатуры номенклатуры здесь нет. Специфическое в другом. На Западе каждый, независимо от своего дохода и общественного положения, может покупать в любых магазинах, есть в любых ресторанах, лечиться в любой клинике, снимать любую квартиру, приобретать любую автомашину.

Конечно, каждый сообразуется при этом со своими финансовыми возможностями, но ему не запрещено, на чем-то сэкономив, купить себе костюм у Ив Сен-Лорана, а жене — платье у Диора. Зажиточный же человек может покупать себе все первосортное, но должен за это много платить.

Иначе там, где царит номенклатура. Там как раз наиболее зажиточная часть населения — номенклатурщики и их семьи — получает все первосортное по низкой цене, а то и бесплатно. Обычные же граждане, почти 99% населения, в эти магазины, столовые, жилые дома, больницы, поликлиники просто не допускаются.

В Южной Африке еще недавно процветал расовый апартеид, в Советском Союзе и сегодня безмятежно процветает социальный апартеид.

У истока этого явления стоит Ленин. Это он в годы гражданской войны приказал установить привилегированное снабжение ответственных работников, а потом присоединил к их числу и иностранцев. 22 июля 1921 года Ленин дал указание «поручить НКпроду устроить особую лавку (склад) для продажи продуктов (и других вещей) иностранцам и коминтерновским приезжим... В лавке покупать смогут лишь по личным заборным книжкам только приезжие из-за границы, имеющие особые личные удостоверения» [35]. Так зародилось то, что развилось затем в так называемую «торговую спецсеть».

В этой спецсети — много магазинов, спецбуфетов и спецсекций. Это те самые «лучшие и более дешевые магазины», доступ в которые имела дочь Сталина — Светлана Аллилуева в период своего кратковременного возвращения в СССР в 1984—1986 годах [36]. Это и промтоварные магазины для избранных. О таких засекреченных магазинах мы уже говорили.

Магазины для избранных... Номенклатурой проведена непроходимая граница между теми, кто получает выплаты в твердой валюте, и населением страны, получающим только рубли. Первые открывают инвалютный счет во Внеш-

экономбанке СССР и могут покупать в спецмагазинах по безналичному расчету; для иностранцев сохраняется сеть магазинов, где товары продаются за валюту наличными. А обычные советские граждане только смотрят с недоумением по советскому телевидению рекламу, сообщающую, что лица, имеющие твердую валюту, могут приобрести автомашины «Мерседес», «Вольво» и т. д.; смотрят и недоумевают: для кого же эта реклама?

В московской телефонной книге названы филиалы № 1 и № 2 магазина «Березка» № 4 (ул. 1812 года, д. 12/5а, и Ростовская набережная), и помечено: «Население не обслуживается». А кто же тогда? Привилегированные.

Вы — привилегированный и пришли в такой спецмагазин. Вахтер у входа смотрит на вас оценивающим взглядом: относитесь вы к «контингенту» или просто обнаглевший советский гражданин, которого надо одернуть, чтобы не садился не в свои сани? Если вы хорошо одеты, у вас солидный вид, заграничные вещи и вы на него не обращаете внимания, он вас пропустит. В противном случае он спросит, куда вы идете, и предложит выйти вон. И вы беззвучно выйдете, потому что знаете: иначе будут неприятности. Вам, советскому гражданину, указали ваше место.

Да разве так только в торговой спецсети? Вы — обычный советский трудящийся, живете на периферии или даже под Москвой. Попробуйте-ка получить московскую прописку, иными словами — разрешение жить в Москве. Не дадут вам такого разрешения, и в столицу вы попадете в лучшем случае в жалкой роли «лимитчика». Не напоминает вам это южноафриканский запрет для черных селиться в Иоганнесбурге? А ведь так не только в Москве, но и в Ленинграде, и в столицах союзных республик.

Может быть, все это только потому, что города переполнены? Выйдем за черту города, в дачную местность; уж здесь-то простор. После долгих мытарств вы получили тут дачный участок — целых 0,12 га. Поставили дачу, оказалось — тесновато. Вы накопили денег и возвели второй этаж. От вас тотчас же потребуют его снести; не выполните — снесут без разговоров, да вы же еще окажетесь виновным. Кому мешает ваш этаж? Никому. Просто вам «не положено». А недалеко от вас стоит двухэтажная дача, и участок — с прудом и беседками — размером в целый гектар. Ее хозяину положено: он — генерал, номенклатурный чин.

Если же вы попробуете попросить себе хоть самый крошечный участок в районе, где находятся дачи более высоких номенклатурщиков, вам не только не позволят, но органы КГБ будут проверять: уж не шпион ли вы, не диверсант ли? И хоть ничего не найдут, подозрение останется и будет причинять вам неприятности еще много лет.

Магазины, столовые, дачи, учебные заведения, прописка, телефоны, больницы, даже кладбища — одним положено, другим не положено. Да, разница определяется не цветом кожи, но все-таки есть «белые» — номенклатура и «черные» — все остальное население. Это социальный апартеид, он ничем не лучше расового.

Всюду, где что-то только для «белых», тренированные охранники рявкают на обычного человека: «Гражданин, пройдите!» И, понурившись, «человек проходит, как хозяин необъятной Родины своей».

12. ПО СПЕЦСТРАНЕ НОМЕНКЛАТУРИИ

До революции либеральные русские интеллигенты с горьким сарказмом переводили с французского слова: «Bien-être général en Russie» («всеобщее благоденствие в России») буквально: «хорошо быть генералом в России». С тех пор прогремела очищающая гроза Октябрьской революции, и быть генералом в России стало еще лучше.

Да чувствует ли вообще этот генерал, завсектором или иной высокопоставленный член класса номенклатуры, что он живет в России? Не где-нибудь, а именно в кругу номенклатурщиков довелось мне услышать любопытную мысль: пропасть между ними и обычным советским населением такова, что начиная с определенного уровня номенклатурные чины живут как бы вовсе не в СССР, а в некоей спецстране.

Рядовые советские граждане отгорожены от этой спецстраны так же тщательно, как и от любой другой заграницы. И в стране этой, которую можно условно назвать Номенклатурия, все свое, специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительно-монтажными управлениями; специальные дачи и пансионаты; специальные санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах; спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации; специальная телефонная сеть; спе-

циальные детские учреждения, спецшколы и интернаты; специальные высшие учебные заведения и аспирантура; специальные клубы, где показывают особые кинофильмы; специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и даже специальное кладбище.

Номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь — от родильного дома до могилы: работать, жить, отдыхать, питаться, покупать, путешествовать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится номенклатура. Отгороженность класса номенклатуры от массы советских граждан такая же, как отгороженность находящихся в Советском Союзе иностранцев: разница лишь в том, что иностранцев не допускают, а номенклатура сама не хочет общаться с советским населением.

Спецстрану Номенклатурию можно живописать в деталях, но такое описание вышло бы из рамок главы. Поэтому просто проедемся, как туристы в автобусе, по этому своеобразному политико-географическому порождению реального социализма.

Дата открытия Америки, как известно, спорна: то ли открыл ее Колумб в 1492 году, то ли викинги на 500 лет раньше, а может быть, даже древние финикийцы. Гораздо яснее обстоит дело с открытием Номенклатурии. Открыл эту спецстрану Ленин, а в качестве даты открытия можно назвать 25 октября 1918 года. Именно в этот день Ленин вместе с Крупской и своей сестрой Марией впервые явился в подготовленное для него загородное поместье Горки. Усадьба была отобрана у богатого помещика Рейнбота и сделалась первой в истории номенклатуры государственной дачей. У входа в барский дом Ленина торжественно с цветами встретила уже находившаяся там чекистская охрана. А затем счастливые первооткрыватели Номенклатурии пошли по особняку, где им, как пишет советский журналист, «все было утомляюще непривычно — изысканная мебель, ковры, люстры, на каждом шагу венецианские зеркала в золоченых рамах»[37]. Однако Ленин приказал ничего в особняке не менять и поселился во всем этом, видимо, не так уж утомлявшем его великолепии. Дом он скромно именовал «наша дача» — неудобно же было сказать «наше поместье» или «наш загородный дворец». Так словцо «дача» и закрепилось за воздвигнутыми с тех пор многочисленными палаццо номенклатуры.

С Ленина повелось и то, что госдача у руководителя номенклатуры не одна. Из «Известий» мы узнаем, что в

марте 1922 года Ленин жил не в Горках, а в усадьбе Корзинкино, находившейся тогда за городом, а сейчас — на территории Хорошевского района Москвы.

«Приезд Владимира Ильича держали в секрете»,— сообщает газета. От чего скрывался глава Советского правительства в расцвет нэпа? Оказывается, «чекисты считали», что Ленину «жить в Горках в то время было опасно, они напали на белогвардейские следы...».

И тут дача была неплохая. «...Старую усадьбу Корзинкино пересекает аллея столетних лип... Бревенчатый старый барский дом с балконами на втором этаже, богатой затейливой резьбой по карнизам и наличникам окон... Повсюду башенки, навесы, крылечки... Внутри большой темный зал вышиной в два этажа. Во втором этаже в этот зал выходила открытая галерея, из которой шли двери в комнаты»[38].

В 1919 году в письмах к жене Ильич, как мы видели, еще называл свежеконфискованную дачу «нашей» в кавычках. Но уже осенью следующего года — все еще во время гражданской войны — рождавшаяся номенклатура в такой мере вошла во вкус привилегий, что в сентябре 1920 года пришлось образовать так называемую «кремлевскую контрольную комиссию». Ее задачей было изучить вопрос о «кремлевских привилегиях» (так и было сформулировано) и в той мере, в какой будет возможно, ввести их в рамки, якобы понятные любому партийцу. Опубликовано это сообщение было в «Известиях ЦК РКП(б)» 20 декабря 1920 года[39] — в денек, вклинившийся между днями рождения Сталина и Брежнева. Ликвидированы же были, разумеется, не привилегии, а, во-первых, сама комиссия и, во-вторых, поместивший это сообщение орган.

XI съезд партии (1922 г.) выдвинул уже более скромную задачу: «Положить конец *большой* разнице в оплате различных групп *коммунистов*»[40].

Разосланный в октябре 1923 года циркуляр ЦК и ЦКК РКП(б) был еще скромнее: он лишь протестовал против «использования государственных средств на оборудование квартир» начальства, на обстановку его «кабинетов в учреждениях так же, как и в частных жилищах» и против только «непредусмотренного сметами расходования государственных средств на оборудование дач для отдельных работников». Циркуляр провозглашал, что «необходимый уровень жизни ответственных работников должен обеспечиваться более высокой заработной платой»[41].

А она и так была не низкая, и тоже у истоков этой немалой зарплаты стоял Ленин. Через месяц с небольшим после Октябрьской революции, 1 декабря 1917 года, он собственноручно написал проект постановления Совнаркома: «...назначить предельное жалованье народным комиссарам в 500 рублей в месяц бездетным и прибавку в 100 рублей на каждого ребенка» [42]. Значит, если у наркома — средняя статистическая семья, то есть жена и двое детей, его оклад был установлен в 700 рублей в месяц. Впрочем, через месяц Ленин пояснил, что «декрет о 500 руб. месячного жалованья членам Совета Народных Комиссаров означает *приблизительную* норму высших жалований» [43], то есть можно было устанавливать оклады и выше.

500 рублей в месяц и свыше — много это было тогда или мало? Сам Ленин отвечает на такой вопрос в своей записке Дзержинскому в декабре 1917 года формулой: «Лица, принадлежащие к богатым классам (т. е. имеющие доход в 500 руб. в месяц и свыше...)...» [44]. Вот в какой класс вошли его наркомы: в богатый.

8 февраля 1932 года был вообще отменен партмаксимум зарплаты, что ликвидировало последнюю преграду для бурного расцвета благосостояния номенклатуры. Был это как раз год страшного голода на Украине. Затем начали не подлежавшими опубликованию постановлениями проводить повышение заработной платы членам рождавшегося номенклатурного класса.

Приведем текст одного из таких постановлений, хранящегося в Советском Союзе и сегодня в тайне, но ставшего доступным исследователю в результате того, что после войны архив Смоленского обкома ВКП(б) за предвоенные годы оказался в Соединенных Штатах Америки.

«*Не для печати.* Постановление № 274 Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) 11 февраля 1936 г. *О повышении заработной платы руководящим районным работникам.*

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Повысить с 1 февраля 1936 г. ставки зарплаты председателям Районных исполнительных комитетов и первым секретарям Районных комитетов Партии для 50% районов до 650 рублей и для остальных 50% до 550 рублей, заместителям председателей Райисполкомов и вторым секретарям райкомов соответственно до 550 рублей и до 450 рублей, заведующим земельным, торговым и финансовым отделами, управляющим районным филиалом Госбанка, зав-

культпропам райкомов и секретарям райкомов ВЛКСМ соответственно до 500 и 400 рублей.

2. Установить председателям 250 районных исполнительных комитетов и первым секретарям 250 райкомов ВКП(б) наиболее крупных районов по особому списку, утверждаемому Оргбюро ЦК ВКП(б), ставки зарплаты в размере 750 рублей; заместителям председателя райисполкомов и вторым секретарям райкомов ВКП(б) этих районов — 650 рублей.

3. Увеличение ставок зарплаты произвести в пределах утвержденных на 1936 год смет.

Председатель СНК СССР Молотов
Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин» [45].

Так это делалось тогда и так делается теперь.

Как и при Сталине, без официальной публикации в печати в конце 1989 года были значительно повышены и без того немалые оклады номенклатурного партаппарата.

Инструктору обкома КПСС	— с 250 до 370—400 руб.
зав. отделом обкома	с 380 до 600 руб.
секретарю обкома	с 450—500 до 700—750 руб.
первому секретарю обкома	— с 550 до 850 руб.[46].

Как читатель видит, все эти оклады значительно выше средней статистической, не говоря уж о фактической заработной плате советского трудящегося. Это помимо заказов, отличной столовой, автомашин, квартир и дач. Повышение окладов было произведено не только на уровне обкомов, но и на других уровнях, в том числе в Политбюро. Теперь члены и кандидаты в члены Политбюро получают 1100, а Генеральный секретарь ЦК — 1200 рублей в месяц, хотя в действительности им, как и при Сталине, никаких денег не нужно — всё они получают бесплатно.

Пользуясь тем, что первая половина 30-х годов была периодом карточной системы на продовольствие и промтовары, были введены дополнительные выдачи для номенклатуры, закрытые распределители, спецстоловые и спецпайки. Так расцветилась своими природными красотами спецстрана Номенклатурия.

С нынешними условиями труда и быта в спецстране мы уже ознакомились, повидали жилые дома, дачи, пансионаты. Взглянем теперь на другой комплекс — на санатории, больницы и поликлиники.

Среди многочисленных курортов СССР нелегко найти такой, где не было бы санатория ЦК партии или прави-

тельства — союзного или республиканского. И если даже прихоть судьбы или самого завсектором забросит его на совсем уж маленький курорт, вроде моего родного городка Бердянска на Азовском море, то и там ему не придется унизиться и жить в санатории вместе с обычным людом: и там будет дача горкома партии, где сможет поселиться номенклатурный отдыхающий. Напротив: ни за какие деньги не сможет простой советский гражданин попасть в такие санатории или на такую дачу.

В этих местах отдыха номенклатурщики находятся среди своих. Любопытное и, вероятно, неожиданное для читателя следствие этого — поразительная вольность нравов, процветающая в номенклатурных санаториях. Изображающие из себя в течение 11 месяцев в году примерных семьянинов, верных жен и непорочных дев, номенклатурные чины обоего пола жадно наверстывают упущенное. Это разрешается, никаких персональных дел заведено не будет.

Оговоримся, что такова же традиция и в обычных санаториях и домах отдыха. В серии анекдотов «Сказания иностранцев о Московском государстве» есть и такое замечание: «Советские люди деликатны; то, что на Западе называется публичными домами, они именуют домами отдыха». Однако номенклатурные санатории не только не составляют исключения, но интенсивность разгула там выше — прямо пропорционально интенсивности 11-месячного ханжества и качеству питания отдыхающих. А питание отличное, и помещение отличное, и много врачей и — что особенно приятно — миловидных медсестер.

Вообще забота о здоровье — характерная черта номенклатурщика. Послушать его, так он прямо надрывается на работе. Выразите ему недоумение, что при всем том он отлично выглядит, — и вы неизменно услышите грустный ответ: «Внешность обманчива...» В действительности обманчива не цветущая внешность завсектором, а создаваемая им видимость перенапряжения на работе.

Его и его семью обслуживало Четвертое лечебное управление Министерства здравоохранения СССР. Прежде оно именовалось Лечсанупр Кремля. Теперь оно формально ликвидировано, но продолжает свою деятельность под названием «Лечебно-оздоровительное объединение при Совете Министров СССР»: ведь не может же номенклатура обойтись без специальной, только для нее предназначенной лечебной системы. Так что и сегодня ответственный

номенклатурщик и его домочадцы прикреплены к кремлевской больнице и поликлинике, у них там есть постоянный лечащий врач.

Это роскошно выглядящий лечебный комбинат, расположившийся в ряде зданий. Продолжают открывать все новые филиалы кремлевской больницы: громадный, на 2 тысячи мест, профилакторий для сотрудников партийного аппарата на Ленинских горах, новый корпус в лесном массиве в конце Открытого шоссе, другой новый корпус при санатории ЦК на «Ближней даче» Сталина. Правда, о врачах там ехидно говорят: «Полы паркетные, врачи анкетные». Врачи там действительно подобраны по пресловутым «политическим качествам», но фактически они и не лечат: в любом сколько-нибудь серьезном случае они ведут заболевшего номенклатурщика к консультанту. А консультанты — виднейшие советские ученые-медики, члены Академии медицинских наук СССР. Лучшие из них состоят личными врачами правящей верхушки класса номенклатуры. Когда Сталин сфабриковал «дело врачей», то в подземной следственной тюрьме на Лубянке оказался весь цвет советской медицины, потому что он-то и лечил членов Политбюро. Знаниям же «анкетных врачей» старый диктатор не доверял и, заболев в разгаре «дела врачей», остался без врачебной помощи и умер от инсульта, в то время как его лейб-врач профессор Виноградов, по его же приказу до полусмерти забитый и закованный в цепи, валялся в подвале Лубянки.

Запуганные кремлевские врачи стараются лечить своих грозных пациентов по мере возможности консилиумом, чтобы никто в отдельности не нес ответственности за результаты лечения.

В обычных больницах кроватями заставлены все коридоры, медперсонала не хватает, а кормят так плохо, что без передач от родных прожить нельзя. В кремлевской больнице — выписанная из-за границы аппаратура и лекарства (на отечественную технику и фармакологию в таком важнейшем вопросе, как собственное лечение, номенклатура не полагается). Питание больных и уход за ними отличные, персонала много, комнаты отдельные.

А номенклатурщики поважнее получают особые комнаты — «люкс» и «полулюкс». «Полулюкс» описан советским писателем так: «...Полулюкс вмещал кабинет и спальню, балкон, ванную комнату, прихожую с выходом прямо на лестницу, устланную ковровой дорожкой. В этом светлом, просторном обиталище... мягкие кресла, ковры, доро-

гие статуэтки, тяжелые позолоченные рамы развешанных по стенам картин»[47].

А о «люксе» коротко пишет бывший кандидат в члены Политбюро Б. Н. Ельцин: современнейшее медицинское оборудование, все импортное. Больничная «палата» — это огромная квартира, всюду роскошь: посуда, хрусталь, ковры, люстры...[48].

Обычный советский трудящийся попадает в районную больницу, когда его дело совсем уже плохо. А в сияющие хоромы кремлевской больницы номенклатурные чины и члены их семей нередко просто ложатся отдыхать.

Для выздоравливающих и для хронически больных номенклатурщиков есть загородное отделение кремлевской больницы, расположенное в лесопарке Кунцево.

Нет нужды говорить, что при малейшем недомогании завсектором отправится к врачу или вызовет его. В начале каждого года он проходит обязательное профилактическое медицинское обследование — так называемую диспансеризацию.

Посмотрим теперь из окна нашего туристического автобуса на следующий комплекс Номенклатурии — транспорт.

Как мы сказали, завсектором может приятно жить, работать и отдыхать, не соприкасаясь с населением СССР. Но все-таки его спецстрана расположена в СССР. Как же ухитриться не соприкоснуться с «туземцами» даже при разъездах по огромному Советскому Союзу?

И для этого сделано все необходимое.

Железнодорожные или авиационные билеты завсектором получает прямо в ЦК. В узком переулке за комплексом зданий ЦК КПСС в невзрачном домике расположен сектор транспортного обслуживания, относящийся к Управлению делами ЦК. Уже упоминавшийся американский корреспондент Хедрик Смит с наивным западным негодованием передает рассказ разоткровенничавшегося интуристовского гида о том, что во всех самолетах, поездах и отелях всегда резервируется определенное количество мест на случай, если вдруг «власти» пожелают ими воспользоваться. Для советского человека это привычная азбука повседневности: он знает, что существует так называемая «правительственная броня» на самые лучшие места, и пускаются эти места в продажу для обычных граждан не раньше, чем за полчаса до отхода поезда, парохода или самолета, а в отелях часть забронированных мест вообще не занимается, так как отель никуда не отходит,

и номенклатурщики могут появиться в любой момент. Сектор транспортного обслуживания ЦК КПСС — одно из главных мест, где номенклатура получает билеты на забронированные места.

Западному читателю надо пояснить, что в СССР поезда и самолеты всегда переполнены. Только на Западе я впервые увидел, что можно спокойно подойти к билетной кассе на вокзале и взять билет. В Советском Союзе стоят целыми днями огромные очереди даже у касс предварительной продажи билетов, не говоря уж о вокзале, так что броня на билеты — весьма приятная привилегия класса номенклатуры.

Итак, билет получен. Черная «Волга» привезет завсектором на вокзал или в аэропорт. Подвезет она его не к общему входу, а к специальному — в так называемую «комнату депутатов Верховного Совета СССР». Это отличное изобретение, которым организаторы обслуживания номенклатуры справедливо гордятся. Действительно, звучит демократично и конституционно: не зал для каких-нибудь бонз, а комната для наших с вами народных избранников, товарищи! А кто знает, что в этом зале с мягкой мебелью, ковровыми дорожками и обслуживающим персоналом сидят в большинстве своем не избранники, а номенклатурные чины? Да и нет такого потока разъезжающих депутатов Верховного Совета СССР, который оправдывал бы содержание залов. Решена была и проблема, как представить эти залы привозимым туда иностранцам — дипломатам и членам разных делегаций, знающим, что они не депутаты Верховного Совета: в табличках на английском языке депутатская комната переведена как VIP-Hall — ну кто же возразит против того, что он very important person?

Из депутатской комнаты предупредительный персонал — не чета тому, который рявкает на пассажиров в других помещениях вокзала или аэропорта,— проведет нашего завсектором в поезд или в самолет за несколько минут до того, как будет объявлена посадка, так чтобы он и на перроне, и у трапа самолета не встретился с народом. А в спальном вагоне первого класса и в первом классе самолета он окажется снова среди своих. При посадке самолета сначала подкатят трап к первому классу, и номенклатурный путешественник сойдет на пустое летное поле, встреченный местным руководством,— потом уже выпустят остальных пассажиров. Из поезда придется, правда, выйти одновременно с простым народом — но путь по перрону недолог: в очередную «депутатскую комнату». А к ее подъ

езду будет подана машина республиканского ЦК, обкома или горкома и доставит его в отведенную резиденцию, где можно отлично подготовиться к выступлению на местном партактиве, скажем, на традиционную тему «Единство партии и народа».

Взглянем на следующий комплекс Номенклатурии — образование.

И тут все хорошо: не забыты детки номенклатуры.

Вообще говоря, со школой было трудно. После Октябрьской революции было провозглашено, что в Советском государстве будет единая трудовая школа для всех детей без различия. Стремление отделить номенклатурных отпрысков от обычных детей проявилось в момент восхождения сталинской номенклатуры к вершинам власти в конце 30-х годов, когда были вдруг созданы спецшколы. Официально они должны были готовить кадры будущих молодых командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как именовалась тогда Советская Армия, но фактически это были привилегированные школы, куда стали принимать по преимуществу сыновей из высокопоставленных, отнюдь не рабоче-крестьянских семей. Незамедлительно перевели в такую школу и уже упоминавшегося моего одноклассника Рафку Ванникова, сына замнаркома оборонной промышленности. Девочки из благородных семей стали концентрироваться в нескольких так называемых «образцовых школах», попасть в которые было трудно. Сейчас номенклатурных детей помещают в спецшколы с преподаванием на иностранных языках (английском, французском или немецком), а детей дипломатов и прочих ответственных лиц, работающих за границей,— в специальные школы-интернаты.

И при переходе в вуз дети достойных родителей могут не смешиваться с толпой рядовых студентов, а остаться в своем кругу. Для этого существует Институт международных отношений в Москве.

Побывайте там — и вы сразу почувствуете культивируемый высокомерный кастовый дух: такой был, вероятно, при царизме в пажеском корпусе. Имеется ряд закрытых учебных заведений — Высшая партийная школа при ЦК КПСС, Дипломатическая академия, Академия внешней торговли, военные академии, высшие школы КГБ и МВД. В большинство этих заведений принимают уже окончивших вуз и имеющих опыт ответственной работы партийцев. Так плавно осуществляется переход номенклатурных детей к занятию собственных номенклатурных должностей.

Учтено и распространенное в кругах номенклатуры стремление к ученым степеням.

С 1947 года в Москве существует специальная аспирантура, готовящая номенклатурных кандидатов наук: Академия общественных наук при ЦК КПСС. Я был несколько лет членом ученого совета в этой академии и могу сказать, что ни в одной нормальной аспирантуре в СССР не прилагаются такие усилия, как там, чтобы вытащить из аспиранта его диссертацию. У каждого профессора или доцента академии столько же аспирантов, сколько их бывает у профессора в обычном вузе, где руководство аспирантами — побочная работа, помимо лекций и семинаров; здесь же это и есть основное занятие (кроме того, требуется написать всего одну небольшую статью). Аспиранты зачисляются решением Секретариата ЦК КПСС по направлению ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов партии. Для них созданы отличные условия: живут они в хорошем общежитии тут же в академии питаются в превосходной столовой, получают стипендию, равную доцентскому окладу, направляются для сбора материалов по диссертации в длительные заграничные командировки. Все это совершенно нельзя сравнить с жизнью обычных аспирантов. ютящихся в переполненных общежитиях, бегающих в постную студенческую столовку, получающих маленькую стипендию и, конечно, не помышляющих о загранице. Диссертации же рядовых аспирантов в среднем лучше, чем у их номенклатурных коллег: всем известно, что диссертации Академии общественных наук легковесны, хотя они всегда принимаются.

Дело не только в том, что аспиранты Академии общественных наук в массе своей менее способны к науке, ибо набираются они не по научным склонностям, а все по тем же политическим качествам. Дело, вероятно, еще в большей мере в специфической обстановке, создавшейся в этом заведении для присвоения ученых степеней молодым номенклатурщикам. Рекомендованный партийными органами и апробированный самим Секретариатом ЦК КПСС, аспирант академии с самого начала знает, что он высочайше признан достойным степени кандидата наук; значит, если он ее не получит, виноват может быть только его научный руководитель. В академии все время чувствуется, что аспиранты, которые уже автоматически вошли в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС и неминуемо займут ответственные посты в аппарате, сверху вниз поглядывают на отделывающих им диссертации профессоров. Вероятно, так

же относились знатные афинские отпрыски к своим педагогам — рабам. Подобно тому, как фонвизинские Кутейкин и Цифиркин боялись своего знатного ученика Митрофана, побаиваются профессора Академии общественных наук современных недорослей класса номенклатуры.

Зато число сотрудников с учеными степенями составляет 63% аппарата ЦК, а в ЦК нацкомпартий цифра еще выше — 73% [49]. Так преобразовались члены правящего класса, которые в пору его становления хвастались тем, что «гимназий не кончали».

Отнесенный официально к «прослойке интеллигенции», класс номенклатуры имеет определенные культурные запросы.

В номенклатурных квартирах принято иметь заполненный книжный шкаф, причем заполнять его модно теперь не только сочинениями классиков марксизма, но и выпускаемыми в хороших переплетах собраниями сочинений русских писателей (включая эмигранта Бунина) и переведенных зарубежных авторов. Трудно сказать, читаются эти книги или относятся к обстановке номенклатурных квартир. Однако они приобретаются — причем верные своему стремлению к исключительности номенклатурщики выискивают дефицитные издания, получая их через Книжную экспедицию ЦК КПСС. Отличительная черта номенклатурной библиотеки — то, что вы не найдете в ней ничего сомнительного. Среди книг нет ни одной, способной вызвать подозрение, что их обладатель имеет какие-либо, как принято говорить, нездоровые интересы.

Доставать билеты в театр номенклатурному чину очень легко: и тут существует правительственная броня на лучшие места. Однако слыть театралом в номенклатурной среде не рекомендуется: это считается несерьезным или свидетельствующим о каких-то сомнительных вкусах и настроениях. Поэтому билетными благами пользуются обычно подросшие номенклатурные дети, а также родственники и не дотянувшие до номенклатуры знакомые.

Впрочем, последних бывает мало. Понятливые члены правящего класса быстро усвоили в невнятной форме спущенную сверху директиву быть больше в своем кругу и по соображениям охраны партийной и государственной тайны не заводить дружбы вне номенклатуры. Поняли и то, что подразумевается не столько формально считающееся тайной (ее номенклатурный чин и так никому не сообщит), а скрываемая от населения сладкая жизнь номенклатурного класса.

Бросим теперь короткий взгляд на социальное обеспечение в Номенклатурии. И здесь все обстоит превосходно.

Дети выращены и сами вышли в люди, то есть в номенклатуру. Протекли годы, и завсектором отправляется, как принято говорить, на заслуженный отдых. Ему не придется, как обычному человеку, собирать множество справок и хлопотать в районном отделе социального обеспечения (райсобесе) о пенсии, высший предел которой 120 рублей в месяц. Состоится решение Секретариата ЦК КПСС об установлении уходящему персональной пенсии союзного значения и по-прежнему будет он жить в доме ЦК и ездить в цековские санатории. Военный же номенклатурный чин — генерал будет жить на официально принадлежащей ему даче: генералам выделяются дачные участки, причем, разумеется, не как простым людям — по 8 соток (то есть 0,08 гектара), а целыми гектарами. А генерал-полковник, уж тем более — генерал армии (о маршалах нечего и говорить) будет включен в так называемую «райскую группу» Министерства обороны СССР: ему будет оставлено все материальное довольство, персональная машина с шофером, квартира, дача, порученец словом, все блага, а никакой работы требовать от него не будут.

Иной из западных читателей снисходительно скажет: «Ну, подумаешь: квартира из 4 комнат, загородный домик, участок земли, автомобиль, жалованье 2700 марок в месяц. Все это у меня есть. Это не богатство!»

Нет, богатство. Ведь не существует некоей арифметической суммы, с которой начинается богатство. Это понятие относительное. В сравнении же с массой советского населения то, что получает номенклатурный чин,— богатство.

А главное это привилегия. Человек общественное существо, он всегда оценивает свое положение не изолированно, а в сравнении с положением других членов общества. Вы, читатель, спокойно ходите по улицам и не испытываете в связи с этим никаких особых чувств. Но представьте себе, что некое грозное начальство заставит остальных людей ползать на четвереньках, а вам милостиво разрешит по-прежнему ходить: вы будете невероятно счастливы, горды и будете стремиться, как принято говорить в СССР, оправдать оказанное доверие.

Так рассуждает не только номенклатурщик. Сколько раз я с интересом отмечал, что западные журналисты, работавшие в Москве, ностальгически вспоминали об этом времени как о светлой поре своей жизни. Казалось бы, не

было для того никаких оснований: информацию, помимо уже опубликованной в советских газетах, получать там было крайне трудно; за журналистами велась постоянная слежка КГБ; писать можно было только то, что не доставляло неудовольствия советским властям, иначе следовали придирки и репрессии вплоть до высылки из страны; контакты с местным населением были ограничены до предела; разные товары и частично даже продовольствие приходилось выписывать из-за границы; квартиры были хуже, чем их же квартиры на Западе. Работать в Москве западному журналисту, несомненно, интересно. Но что привлекательного было в московской жизни?

Привилегированное положение. При всех неудобствах западным журналистам в Москве было неизмеримо лучше, чем обычным москвичам. Худшие, чем на Западе, квартиры были для москвичей недосягаемо великолепными. Продукты москвичи не могли покупать в валютных магазинах, а тем более выписывать из-за границы. Москвичи не могли ездить в другие страны и привозить оттуда вещи, не могли получать западные газеты и книги, не могли свободно говорить о политических вопросах. Москвичи ползали на четвереньках, а западные корреспонденты ходили, только несколько согнувшись,— и эта избранность осталась для них чарующим воспоминанием.

Само привилегированное положение, а не только материальное содержание привилегий играет решающую роль для номенклатуры — класса, особенно чуткого к атрибутам власти. Впрочем, и материальное содержание привилегий номенклатурщиков не стоит недооценивать.

Мы с вами осматривали Номенклатурию на уровне завсектором ЦК партии — уровне не низком, но и не слишком высоком. А Номенклатурия — страна горная, с той особенностью, что чем выше, тем плодороднее почва и тем больше произрастает на ней всяческих благ.

Разница между завсектором и заместителем заведующего отделом ЦК КПСС бросается в глаза уже при входе в их кабинеты. К завсектором вы входите прямо из коридора, кабинет у него удобный, но небольшой и безликий. У заместителя заведующего отделом — просторный щеголеватый кабинет и приемная с секретаршей (обычно — малопривлекательной и немолодой, чтобы даже тень подозрения не пала на номенклатурщика; у высших руководителей секретари — мужчины). Завсектором вызывает дежурную машину с автобазы ЦК, у замзава — персональная машина с прикрепленным к нему лично шофером. Замзав не

ездит в пансионат: в его распоряжении — зимняя дача с обслуживающим персоналом. Разумеется, у него и зарплата выше, и «заказ» больше, и квартира еще лучше. Поднимемся повыше — и там мы находим первого заместителя заведующего отделом. Это уже номенклатура не Секретариата, а Политбюро ЦК. Соответственно и благ еще больше.

Первый секретарь обкома — полновластный и фактически бесконтрольный сатрап в своей области, а остальные секретари обкома — его ближайшие подручные. У них не только высокая зарплата, казенные квартиры и дачи, машины, пайки, спецбольницы и спецсанатории, но и мало чем ограниченная возможность пользоваться всеми материальными благами, которые способна предоставить их область, по размеру равная средней европейской стране.

Заведующий отделом ЦК КПСС получает реальных благ, пожалуй, даже меньше, чем эти удельные князья. Но зато он стоит на пороге к верхушке класса номенклатуры. Еще один шаг наверх по номенклатурной лестнице — и он секретарь ЦК КПСС, то есть входит в группу тех, кто по праздникам машет рукой с Мавзолея и кого народ видит на фотографиях и экранах телевизоров.

Высоко над нашим завсектором стоит заведующий отделом. И даже смерть их не уравнивает: о завсектором в «Правде» появится извещение в черной рамке или короткий некролог с подписью «Группа товарищей», о заведующем отделом или первом секретаре обкома будет длинный некролог с его фотографией и подписями членов Политбюро.

Но в остальном покойный завсектором не будет обижен. Не 20 рублей сунет местком вдове на похороны, а будут они приняты на казенный счет, вереница черных «Чаек» и «Волг» покатит за катафалком, будут произноситься речи на гражданской панихиде, а затем — на кладбище, и будет питься армянский коньяк на поминках. За пышным гробом умершего от ожирения сердца номенклатурщика будет, пламенея, рыдать медь оркестра:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Служа трудовому народу,
Вы отдали все, что могли, за него...

И истлеет завсектором не на кладбище для простых смертных, а на специальном — Новодевичьем, где, куда ни ступи, лежат под роскошными плитами останки номенклатурных лиц. Это здесь похоронены жена Сталина —

Надежда Аллилуева и ее родственники, жена Косыгина, опальный Никита Хрущев. А безутешная вдова завсектором, усвоившая образ мышления мужа, будет горько сокрушаться, что не добрался он до той сферы номенклатуры, которую хоронят на Красной площади в Кремлевской стене. И еще будет ей завидно, что даже здесь, на Новодевичьем, умершим генералам отдают последние воинские почести, а ему нет, хотя ничего в жизни так не любил покойный, как почести и власть.

13. ДОМА НА ОЛИМПЕ

Как же живут те горные орлы Номенклатурии, которых хоронят на Красной площади и кто машет ручкой с Мавзолея?

«Как миллиардеры в Америке»,— ответил мне как-то на этот вопрос приближенный к ним номенклатурщик.

Не подумайте, что они получают зарплату, исчисляемую десятками тысяч рублей в месяц, подобно генеральным директорам крупных западных фирм или президентам корпораций. Секретари ЦК КПСС, и даже сам Генеральный секретарь, получают оклады в пределах 1000—1200 рублей. Конечно, это не 257 рублей среднестатистического советского рабочего и служащего, но, в общем, и не так уж сказочно много. При чем здесь миллиардеры?

Дело в том, что, во-первых, помимо зарплаты и денег за депутатство в Верховных Советах, гонораров и т. п., у всех них есть так называемый открытый счет в Госбанке СССР. Это значит, что они могут в любой момент получить любую нужную им сумму из государственных средств. А во-вторых, им не нужна вообще никакая сумма денег — ни с открытого счета, ни из других выплат: они живут в роскоши на государственные деньги, не тратя ни копейки из собственного кармана. Не сравнивайте вы Генерального секретаря с генеральным директором! Директору надо из собственных — хотя бы и больших — денег оплачивать постройку и обстановку своего бунгало, а секретарю достаточно позвонить по «вертушке» управляющему делами ЦК и распорядиться подготовить решение о постройке дома или дачи, потом подписать это решение и через некоторое время въехать в уже обставленное и тщательно охраняемое новое жилище. И жилище это будет получше директорского бунгало. От сталинских времен сохранились в Москве два интересных дома, в которые уже сейчас можно заглянуть и представить себе, как «они» жили тогда. Потому

что нельзя составить себе такое представление по описанной Анри Барбюсом тесной «кремлевской сторожке», в которой принимал его Сталин, посмеиваясь в усы над этим простофилей.

Один дом — тунисское посольство на Садовом кольце около площади Восстания. Это был раньше особняк Берия. Проходить тогда мимо окружающей особняк высокой темно-серой каменной стены и замурованных нижних окон не рекомендовалось да и не хотелось — так много топталось там мрачных типов в штатском. Поэтому принято было или переходить на другую сторону широкого Садового кольца, или уж во всяком случае сходить с тротуара. Конечно, и сейчас рядовому советскому человеку зайти в особняк невозможно — из-за тех же типов, одетых теперь не в штатское, а в милицейскую форму. Но если даже вы приглашены туда на прием, ходить по паркету этой анфилады залов неприятно. Здесь происходили омерзительные оргии с доставленными охраной запуганными девушками. В подвале дома Берия лично пытал привозимых ему для этой забавы заключенных: после его падения здесь был найден набор изготовленных для него по специальному заказу и содержавшихся с любовной аккуратностью инструментов. В подвале — несколько тесных камер с тяжелыми железными дверями, снабженными тюремным глазком: тут содержались граждане страны социализма, которых, развлекаясь, собственноручно мучил член Политбюро. Рядом находится ведущий куда-то люк. Он наглухо опечатан: или за ним хранится какая-то еще более омерзительная тайна, или, как утверждают, там подземный ход в Кремль. Рассказывают, что в 70-х годах при земляных работах под этим домом обнаружили целый ряд скелетов; приехали представители КГБ, распорядились их захоронить — и все.

Как бы тошнотворен ни был этот памятник реального социализма, вы не преминете отметить про себя, что здесь приходилось не 12 кв. метров на человека: в доме без труда разместилось довольно многолюдное посольство вместе с резиденцией посла.

Второй дом — это Дом-музей Максима Горького. Барский особняк пролетарского писателя решились после 30-летних колебаний показать публике только потому, что хозяин был, по собственному выражению, мастером культуры или — еще демократичнее — «мастеровым литературного цеха», а не членом правящей номенклатурной верхушки. Но отраженным светом излучает горьковский

особняк правду о том, как жила уже в 30-е годы эта верхушка. Гостем в горьковском доме бывал Сталин со своим Политбюро — и ведь не приезжали же они на пару часов расправить плечи после «сторожек» и тесных квартирок в дом безропотно подчиненного им буревестника революции. А дом этот из серого камня — с высоким холлом, с рядом больших комнат — дом, который не снился обычному советскому человеку. Он и до революции принадлежал одному из богатейших предпринимателей в России — Рябушинскому.

Есть в Москве и дом-памятник первых послесталинских лет — кубинское посольство в Померанцевом переулке. Маленкову надоел установленный при старом диктаторе для ряда членов Политбюро порядок: две московские квартиры: одна — в Кремле, а другая — в доме на улице Грановского, напротив кремлевской столовой. Он решил воздвигнуть для себя резиденцию и построил этот огромный особняк, опять-таки оказавшийся вполне достаточным для посольства с его канцеляриями, приемными залами и резиденцией посла. Попользоваться особняком Маленкову не довелось только потому, что его прогнал Хрущев.

Но и в хрущевские времена верхушка номенклатуры не погрязла в нищете. В свое время, уже при Сталине, до уничтожения ленинской гвардии, был выстроен под Москвой кооперативный дачный поселок старых большевиков — скромные деревянные домики. Поселок назвали «Заветы Ильича». То же название, но уже не постно-правоверное, а ироническое получили в народе воздвигнутые вслед за зданием Московского университета на Ленинских горах особняки для членов хрущевского «коллективного руководства».

...Высокая, кремового цвета, каменная стена, тяжелые железные ворота. За ними — охрана в военной форме. Дом, расположенный в глубине большого сада, с улицы почти не виден. Останавливаться не стоит — сразу подойдет «топтун». Но если вы — избранный, ваша машина просигнализирует светом около железных ворот, и они для вас откроются. Вы проедете по саду, сопровождаемый пристальными взглядами охранников, и войдете в тяжелую дверь особняка. Он просторен и массивен. Внизу — залы для приемов; резное дерево, мрамор, зеркала, люстры из горного хрусталя,— все, как во дворце. На следующем этаже — большие комнаты, в которых тоже свободно можно принимать людей; наверху — спальни. И здесь не

12 кв. метров жилплощади на человека. Тут жили руководители партии и правительства при Хрущеве.

А где они живут сейчас?

«Заветы Ильича» на Ленинских горах опустели: там поставлена теперь тяжеловесная казенная мебель и размещаются высокопоставленные гости из-за границы. Для руководителей партии и правительства построены дома высшей категории на Малой и Большой Бронной. На них вывешены мемориальные доски в честь умерших.

Привыкшая к роскоши Светлана Аллилуева во время своего кратковременного возвращения из Англии в Москву была поселена в квартире одного из покойных членов Политбюро — и была поражена, специально отметив потом в интервью, роскошью этой квартиры.

У большого, уже не нового дома ЦК КПСС по Кутузовскому проспекту, № 26, демонстративно стоял милиционер в форме, и около одного из подъездов висел знак, запрещающий стоянку автомашин. Здесь якобы в пятикомнатной квартире жил вместе с женой Викторией Петровной и прочими домочадцами сам Л. И. Брежнев. В многочисленных корпусах дома поселились средней руки работники ЦК, некоторые из них давно уже переведены из партаппарата, и простые советские люди могли бесконтрольно ходить по просторному двору, ликуя по поводу вернувшейся с новым Ильичом эры ленинской простоты.

Только, правда, Л. И. Брежнев там фактически не жил. Квартира была записана за ним, был положенный персонал, бывали и домочадцы Виктории Петровны.

Конечно, была у Брежнева квартира и в Москве — на той же стороне того же Кутузовского проспекта, в новом доме № 42—44. Охрана была побольше, чем один милиционер, и квартира была не в пять комнат, а в два этажа, соединенных внутренней лестницей и лифтом. Но сам Брежнев, как и другие члены правящей верхушки номенклатуры, жил на подмосковной даче, в районе деревни Усово, а квартира эта для него была как «кремлевская сторожка» для Сталина. Кстати, и сама дача в Усове принадлежала Сталину, она известна под названием «Дальняя дача» — в противоположность «Ближней» в районе Кунцева, где Сталин умер. На «Дальней даче» жил затем Хрущев, и снимки этого двухэтажного белого дворца с колоннами и балконами, с десятками комнат были опубликованы во времена Хрущева в западной прессе. Ее официальное наименование — «дача № 1».

14. ЗА СЕМЬЮ ЗАБОРАМИ

Госдачи под Москвой находятся в запретных зонах, окружающие их парки огорожены высоченными заборами и строго охраняются. Руководители номенклатуры, твердящие о своей близости к народу, отгородились от него тщательнее, чем любой феодальный шейх. Я уж не говорю о том, как странно советскому человеку видеть в Вашингтоне Белый дом, куда даже допускаются любопытствующие посетители и где тем не менее действительно живет президент США. Да что там президент! Сколько раз я слышал перед Зимним дворцом в Ленинграде изумленные разговоры и сам удивлялся: неужели царь жил прямо в этом дворце на открытой всем площади? А где же запретная зона, стена, где были дислоцированы части охраны? Таких аномалий в госдачах — этих современных загородных дворцах — нет, и советские люди это хорошо знают.

Вот как передана в песне Галича «За семью заборами» картинка восприятия подмосковных правительственных дач москвичом:

Мы поехали за город,
а за городом дожди,
а за городом заборы,
за заборами — Вожди.

Там трава не смятая,
дышится легко,
там конфеты мятные
«Птичье молоко».

Там и фауна и флора,
там и галки и грачи,
там глядят из-за забора
на прохожих стукачи.

Ходят вдоль да около,
кверху воротник...
А сталинские соколы
кушают шашлык!

А ночами, а ночами
для ответственных людей,
для высокого начальства
крутят фильмы про б...

И, сопя, уставится
на экран мурло...
Очень ему нравится
Мэрилин Монро! [50]

Все в этой картинке верно, включая и западные фильмы, которые на дачах действительно крутят по ночам по сталинской традиции, вызывая осчастливленных доверием и хорошей едой переводчиков из Госкомитета СССР по кинематографии. Крутят фильмы и сейчас — каждую пятницу и воскресенье. Впрочем, ночи на госдачах вообще протекают веселее, чем полагает рядовой советский гражданин, укладываясь вечером спать на своей жилплощади и заводя будильник, чтобы не опоздать на работу. Но промолчим: все это — детские забавы в сравнении с развлечениями Берия.

Когда появились госдачи у советского руководства?

Ответ покажется советскому читателю неожиданным: в 1919 году. Именно в незабываемом 1919 году, когда с четвертушкой хлеба на день оборванные красноармейцы шли на смерть за власть Советов, между руководителями партии и правительства были распределены дачи. Произошло это, как невозмутимо сообщает Светлана Аллилуева, «когда после революции, в 1919 году, появилась у них возможность воспользоваться брошенными под Москвой в изобилии дачами и усадьбами». Заметим: воспользовались, не чтобы создать приюты для детей рабочих и крестьян, погибших на войне за власть Советов, или санатории для инвалидов этой войны. Воспользовались для себя.

Вот как выглядела начиная с 1919 года, по описанию С. Аллилуевой, подмосковная дача А. И. Микояна: «...в доме — мраморные статуи, вывезенные в свое время из Италии; на стенах — старинные французские гобелены; в окнах нижних комнат — разноцветные витражи. Парк, сад, теннисная площадка, оранжерея, парники, конюшня...»[51].

На этой даче «даже зимой всегда была свежая зелень из собственной оранжереи»[52].

В призывавших пролетариат к самопожертвованию советских газетах того времени тщетно искать сообщение о том, что его вожди обзавелись столь уютными дачками. Советские люди и до сих пор не подозревают, что с благоговением показываемая экскурсантам дача Ленина в Горках была отнюдь не исключением, сделанным для тяжело больного Ильича (да он в 1918 году и не был болен), а лишь одной из правительственных дач эпохи гражданской войны.

В 20-е годы, когда вожди социалистической революции еще ходили в косоворотках и — правда, все более неуклюже — изображали из себя пролетариев, они уже жили вместе со своими семьями, как аристократы-помещики.

Словно из тургеневского «Дворянского гнезда» доносятся до нас сладостные воспоминания Светланы Аллилуевой:

«Наша же усадьба без конца преобразовывалась. Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил,— образовались просеки; стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сияющая белизной, молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку, и рядом с ней две полянки засевали каждое лето гречихой, для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса — стройного, сухого,— тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый...

Большие участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину. В отдалении от дома отгородили сетками небольшую полянку с кустарником и развели там фазанов, цесарок, индюшек; в небольшом бассейне плавали утки. Все это возникло не сразу, а постепенно расцветало и разрасталось, и мы, дети, росли, по существу, в условиях маленькой помещичьей усадьбы с ее деревенским бытом — косьбой сена, собиранием грибов и ягод, со свежим ежегодным «своим» медом, «своими» соленьями и маринадами, «своей» птицей»[53].

Это было в то время, когда поселившиеся на дачах вожди гневно клеймили как «мелкособственнические инстинкты» стремление простого человека держать пару кур.

Уже явственно заметный у Ленина подход с одной — суровой и требовательной — меркой к народу и совсем с другой — к себе и своим близким — был с готовностью перенят ленинскими диадохами. Да, тогда они еще не надели мундиров генералиссимуса или изысканных брежневско-горбачевских костюмов; Сталин еще ходил в солдатской шинели, Бухарин, по описанию С. Аллилуевой, шлепал по их даче «в сандалиях, в толстовке, в холщовых летних брюках»[54]. Но это был уже маскарад. Вожди рекламировали суровый метод чекиста Макаренко для воспитания детей из народа. А в их дворянских гнездах росли уже холеные аристократические дети с гувернантками-иностранками и преданными пушкинскими нянями. Это хорошо описано у С. Аллилуевой. Так было не только в центре: дочь заместителя Берия, генерал-полковника Сумбатова-Топуридзе — утонченная Нелли, выросшая на

правительственной даче под Баку, рассказывала мне, как гувернантки обучали ее иностранным языкам, музыке, бальным и театрально поставленным кавказским танцам.

Однако и эта жизнь 1920—1930-х годов шла, по оценке С. Аллилуевой, «нормально и скромно»[55]. Подлинная роскошь в жизни верхушки класса номенклатуры началась потом. После 1932 года, сообщает С. Аллилуева, «начали строить еще несколько дач специально для отца. Мама моя не успела вкусить позднейшей роскоши из неограниченных казенных средств»[56].

Вот именно — из казенных средств. Уже тогда, как и сейчас, роскошная жизнь номенклатурной верхушки не связана с ее и без того непомерно высокими окладами. Как-то в 1930-х годах на Красной площади с умилением поведали, что после демонстрации на Красной площади отстал от своих родителей маленький мальчик, и Сталин спустился к нему с Мавзолея и хотел дать рубль на проезд домой, долго рылся в карманах шинели, но так рубля и не нашел. Цель публикации была, конечно, показать советским людям, что не только у них, но и у самого Сталина нет ни гроша в кармане. В этом смысле рассказик был ложью: Светлана Аллилуева вспоминает о пачках денег, доставлявшихся ежемесячно Сталину, о том, что ящики его письменного стола на «Ближней даче» «были заполнены запечатанными пакетами с деньгами»[57]. Но сама история правдоподобна. Сталину действительно не было нужды носить в кармане деньги. «Денег он сам не тратил,— пишет С. Аллилуева,— их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — все это оплачивалось государством»[58]. «К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков — из специальных питомников, грузинское вино специального розлива, свежие фрукты доставлялись с юга самолетом» — и ни за что он не платил ни копейки[59]. Всеми денежными делами ведало в этом случае специальное управление МГБ СССР. Суммы были огромные: даже начальник охраны Сталина генерал госбезопасности Н. С. Власик «распоряжался миллионами от его имени»[60].

С. Аллилуева рассказывает о заведенном порядке:

«... все в доме было поставлено на казенный государственный счет. Сразу же колоссально вырос сам штат обслуживающего персонала или «обслуги» (как его называли, в отличие от прежней, «буржуазной», прислуги). Появились на каждой даче коменданты, штат охраны (со

своим особым начальником), два повара, чтобы сменяли один другого и работали ежедневно, двойной штат подавальщиц, уборщиц — тоже для смены. Все эти люди набирались специальным отделом кадров — естественно, по условиям, какие ставил этот отдел,— и, попав в «обслугу», становились «сотрудниками» МГБ (тогда еще ГПУ)...» «Казенный «штат обслуги» разрастался вширь с невероятной интенсивностью. Это происходило совсем не только в одном нашем доме, но во всех домах членов правительства, во всяком случае членов Полит бюро»[61].

В домах и на дачах всех руководителей партии и правительства «система была везде одинаковая: полная зависимость от казенных средств и государственных служащих»[62].

Не были забыты и начальственные дети. Вот как жил сын Сталина — Василий, по описанию его сестры Светланы:

«Жил он в своей огромной казенной даче, где развел колоссальное хозяйство, псарню, конюшню... Ему все давали, все разрешали... ему давали ордена, погоны, автомобили, лошадей»[63].

Материальные блага сыплются на верхушку класса номенклатуры столь щедро и бессчетно, что до неприличия богатеет и обслуживающий персонал. При этом речь идет даже не о таких приближенных лицах, как описываемая С. Аллилуевой «молоденькая курносая Валечка»[64] — Валентина Васильевна Истомина, последняя любовница Сталина, жившая с ним до самой его смерти на «Ближней даче» в амплуа экономки; наживались (и наживаются сейчас) вся многочисленная челядь и охрана госдач. А о высших офицерах этой охраны С. Аллилуева пишет:

«У этих было одно лишь стремление — побольше хапануть себе, прижившись у теплого местечка. Все они понастроили себе дач, завели машины за казенный счет».

Жили они, по словам С. Аллилуевой, «не хуже министров», и как исключение она называет коменданта одной из сталинских дач, который по своей удивительной скромности до уровня министра не дотянул, так что лишь «член-корреспондент Академии наук мог бы позавидовать его квартире и даче»[65].

Поясним, что члены-корреспонденты Академии наук СССР относятся — вместе с академиками — к самой привилегированной группе советской интеллигенции.

Вот здесь и выясняется, что не совсем прав был при-

ближенный номенклатурщик, сравнивший по жизненному уровню верхушку класса номенклатуры с американскими миллиардерами. Не сыплется на миллиардера столько материальных благ, чтобы верхние чины их охраны жили, как министры США.

Да и какой миллиардер, не говоря уж о президенте США или другой страны Запада, может позволить себе роскошь иметь в разных пунктах страны столько резиденций, сколько завел Сталин и «которых с годами становилось все больше и больше...» [66]?

Продолжали строить их и после войны. В первом же послевоенном году, когда на огромных пространствах от западной границы страны до Волги были лишь руины, строительство дач развернулось с новой силой. С. Аллилуева сообщает об автомобильной поездке Сталина на юг летом 1946 года, предпринятой им якобы с целью «посмотреть своими глазами, как живут люди». Жили же те в развалинах и землянках. И вот, повествует далее Светлана, «...после этой поездки на юг там начали строить еще несколько дач — теперь они назывались «госдачи»... Построили дачу под Сухуми, около Нового Афона, целый дачный комплекс на Рице, а также дачу на Валдае» [67].

Все эти строения и сегодня — госдачи или правительственные санатории. Сталин «строил все новые и новые дачи на Черном море... еще выше, в горах. Старых царских дворцов в Крыму, бывших теперь в его распоряжении, не хватало; строили новые дачи возле Ялты» [68]. Строились сталинские дачи и на Севере.

«Только под Москвой, не считая Зубалова... и самого Кунцева, были еще: Липки — старинная усадьба по Дмитровскому шоссе, с прудом, чудесным домом и огромным парком с вековыми липами; Семеновское — новый дом, построенный перед самой войной возле старой усадьбы с большими прудами, выкопанными еще крепостными, с обширным лесом. Теперь там «государственная дача», где происходили известные летние встречи правительства с деятелями искусств» [69].

А кроме того, были многочисленные дачи в Грузии: огромная дача на море в Зугдиди; резиденция в районе водного курорта Цхалтубо; были и другие. Сталину и членам его Политбюро надо было бы буквально разорваться, чтобы отдыхать на всех этих дачах. С. Аллилуева вспоминает:

«Отец бывал там очень редко — иногда проходил

год,— но весь штат ежедневно и еженощно ожидал его приезда и находился в полной боевой готовности»[70] — разумеется, за государственный счет.

А как выглядели дачи остальных членов Политбюро? Послушаем снова Аллилуеву: «Дача Берия была огромная, роскошная. Белый дом расположился среди высоких стройных сосен. Мебель, обои, лампы — все было сделано по эскизам архитектора... В доме было кино — как, впрочем, и на дачах всех «вождей»[71]. «Квартира и дача Молотова отличались хорошим вкусом и роскошью обстановки... Дом Молотова... был роскошнее всех остальных»[72]. «Ворошилов любил шик. Его дача под Москвой была едва ли не одной из самых роскошных и обширных... Дома и дачи Ворошилова, Микояна, Молотова были полны ковров, золотого и серебряного кавказского оружия, дорогого фарфора... Вазы из яшмы, резьба по слоновой кости, индийские шелка, персидские ковры, кустарные изделия из Югославии, Чехословакии, Болгарии — что только не украшало собой жилища «ветеранов Революции»... Ожил средневековый обычай вассальной дани сеньору. Ворошилову как старому кавалеристу дарили лошадей: он не прекращал верховых прогулок у себя на даче,— как и Микоян. Их дачи превратились в богатые поместья с садом, теплицами, конюшнями; конечно, содержали и обрабатывали все это за государственный счет»[73].

Дачи верховных номенклатурщиков действительно ничем не отличались от феодальных усадеб. Они были украшены не только редкостными и дорогими вещами, но и — по примеру родовых поместий — портретами членов фамилии. Так, о Ворошилове С. Аллилуева сообщает: «...аляповатые портреты всех членов его семьи, сделанные «придворным академиком живописи» Александром Герасимовым, украшали стены его дачи. ...Деньги «академику» заплатило, конечно, государство»[74]. Как в аристократических поместьях, на дачах номенклатурных вождей были созданы ни гроша им не стоившие обширные библиотеки. С. Аллилуева пишет: «У Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна были собраны точно такие же библиотеки, как и на квартире у моего отца. Книги посылались сюда издательствами по мере их выхода из печати — таково было правило. Конечно, никто за книги здесь не платил»[75].

А в это время в Москве — да и только ли там! — пожалуй, не было подвала, в котором не ютились бы люди. Сколько раз я бывал в таких подвалах — тесных, сырых,

темных, ничем не напоминающих просторные подвальные помещения западных домов...

Руководство любило и оберегало свои госдачи. Рассказывали, что во время боев под Москвой в 1941 году группа солдат во главе с лейтенантом испортила что-то на даче А. А. Андреева, считавшегося одним из самых непритязательных членов сталинского Политбюро. Непритязательный Андреев приказал расстрелять лейтенанта.

Между тем собственно никакого реального ущерба Андреев не понес: дачи для именитых владельцев восстанавливались так же бесплатно, как и строились. С. Аллилуева вспоминает: «Обширная трехэтажная дача Ворошилова с громадной библиотекой сгорела дотла после войны из-за неосторожности маленького внука... Но дачу быстро отстроили снова в тех же размерах»[76].

Помню, как в конце войны моя знакомая студентка, дочь члена-корреспондента Академии наук, с восторгом ездившая в гости на одну из госдач, щебетала потом, гордо подражая слышанной там великосветской болтовне, как «все было мило», какие подавались блюда и как красиво был иллюминирован сад. Иллюминирован! — в то время, когда в Москве было еще военное затемнение. Мировая война не должна была чувствоваться на госдачах. Если завсектором ЦК живет как бы в другой стране, то верхушка номенклатуры стремится жить как бы на другой планете.

Строительство новых госдач продолжалось и в послесталинские времена. Пожалуй, наиболее известна из них дача в Пицунде, выстроенная для Хрущева.

Пицундский мыс на Черном море, недалеко от Гагры, славится на весь мир своей уникальной рощей древних сосен. В советской печати много писали об огромном научном значении Пицундского заповедника. А потом без долгих слов немалую часть рощи огородили высоким бетонным забором и выстроили большую госдачу с собственной пристанью. Именно здесь я видел в 1959 году, как с подъехавшего белоснежного катера торопливо соскочили двое в штатском и стали почтительно раскатывать по прибрежному песку красную ковровую дорожку; и тут же с катера, выпятив живот, сошел Хрущев и важно зашагал по дорожке к даче.

Впрочем, и этим персонажам в штатском по-прежнему живется недурно. Вдоль дороги, проложенной мимо дачной стены, выстроены солидные каменные особнячки. Здесь поселены охранники с семьями; несмотря на все

призывы к бдительности, в курортный сезон они сдают у себя комнаты приезжим.

А что за стеной? Вот фрагмент из воспоминаний побывавшего там посла ФРГ в Москве Кролля. «Дача в Пицунде,— сообщает посол,— в великолепном огромном парке со старыми редкостными деревьями. Дача, разумеется, окружена стеной и, очевидно, тщательно охраняется». Особенно понравился Кроллю корпус со спортивными залами, «незадолго до того построенный в самом современном стиле прославленным московским архитектором. Здесь — гигантский плавательный бассейн со стеклянной крышей и стеклянными стенами, раздвигающимися нажатием кнопки. Далее ряд спортивных и гимнастических залов с душевыми и раздевалками — и затем великолепная просторная терраса с видом на раскинувшееся перед ней Черное море»[77].

Но это все прошедшие времена. А как теперь, в период перестройки и гласности?

Всё так же. Представить себе масштабы того, что сегодня в высшем кругу номенклатуры скромно именуется госдачей, можно на одном примере. Дача члена Политбюро, министра обороны СССР маршала Язова имеет полезную площадь 1380 кв. метров, а «приусадебный участок» — 16,7 га[78]. Это не дача, а латифундия с довольно большим дворцом. По жилищной норме в нем должны были бы проживать 100 человек. Но министр не платит за излишки жилплощади в пятерном или хотя бы в тройном размере.

Борис Ельцин описал, как он нежился в номенклатурном великолепии в качестве кандидата в члены Политбюро. Предоставленную ему госдачу занимал до него Горбачев, пока не переехал в специально выстроенную великолепную дачу-дворец. Однако и доставшаяся Ельцину дача была отличной. Вот что он пишет: «Когда я подъехал к даче в первый раз, у входа меня встретил старший караула, он познакомил с обслугой — поварами, горничными, охраной, садовником и т. д. Затем начался обход. Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами. Вошли в дом — холл метров пятьдесят с камином комната, вторая, третья, четвертая, в каждой цветной телевизор, здесь же на первом этаже огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом, в количестве туалетов и ванн я запутался, обеденный зал с немыслимым столом метров десять длиной, за ним кухня, целый комбинат питания с подземным холодильником. Поднялись на второй этаж по ступенькам широкой лестницы. Опять огромный холл с ка-

мином, из него выход в солярий — стоят шезлонги, кресла-качалки. Дальше кабинет, спальня, еще две комнаты непонятно для чего, опять туалеты, ванные. И всюду хрусталь, старинные и модерновые люстры, ковры, дубовый паркет и все такое прочее» [79].

Это все — для кандидата в члены Политбюро. А для самого Горбачева? Для него построили дом на Ленинских горах и новую подмосковную дачу, перестроили дачу в Пицунде и воздвигли «сверхмодерновую» дачу под Форосом, недалеко от Ялты. «Он любит жить красиво, роскошно и комфортабельно»,— замечает Ельцин [80].

Если даже завсектором ЦК успешно избегает соприкосновения с населением СССР, то верхушка номенклатурного класса отгорожена от него действительно семью заборами.

Ездят руководители номенклатуры по-сталински — в блиндированных машинах «ЗИЛ» с радиотелефонами, с зеленоватыми пуленепробиваемыми стеклами и, конечно, в сопровождении охраны в штатском. Из соображений безопасности номера на машинах меняются чуть ли не ежедневно. Членов семьи обслуживают автомашины «Чайка» или «Волга». Автомашин у верхушки класса номенклатуры много. На Западе нередко упоминалась брежневская коллекция автомобилей, но есть подобное собрание и у других членов правящей верхушки. У истоков же этого автомобильного великолепия мы находим снова Ленина. Весной 1922 года в его гараже уже стояли шесть машин, и гараж находился, по его собственным словам, «под сугубым надзором ГПУ» [81]. Под тем же надзором состоят машины номенклатурного руководства и сегодня. Сталин ездил в сопровождении четырех автомобилей с охраной, при Хрущеве число охранников было сокращено. Теперь оно опять выросло. Машины начальства и охраны заправляются высокооктановым бензином на специальных бензоколонках КГБ.

Советские министры летают рейсовыми самолетами, занимая в одиночку все отделение 1-го класса. При этом дверь между 1-м и 2-м классами наглухо запирается. Высшие же руководители пользуются специальными самолетами. Члены и кандидаты Политбюро, а также секретари ЦК КПСС летают на отличных самолетах ИЛ-62 и ТУ-134 в сопровождении своей охраны; никто больше, кроме бортперсонала, в самолет не допускается. Для обслуживания этой горстки пассажиров есть особый аэропорт Внуково-2.

Самолеты оборудованы весьма комфортабельно: это летающая квартира — с салоном, кабинетом, спальней и кухней. Я летел однажды в подобном самолете, принадлежавшем не одному из верховных руководителей номенклатуры, а всего лишь маршалу Советского Союза, и могу сказать, что самолет очень удобен.

А тут машины еще лучше и просторнее: везут в них сплошь и рядом одного пассажира. Он торжественно подкатывает в своем черном лимузине прямо к самолету, вместе со своей охраной поднимается по трапу — и машина стартует. Это не в каких-либо особых случаях, для представительства, а просто когда он летит на пару дней отдыхать или охотиться. Летают так и члены вельможных номенклатурных семей. Затем за ними присылают пустой самолет и транспортируют вместе с их охраной обратно в Москву.

Вот пример: 13 февраля 1990 г. аэропорт Внуково-2 обслужил всего трех пассажиров; королеву Испании и двух некоронованных принцев номенклатуры, членов Политбюро секретаря ЦК КПСС Медведева и первого секретаря ЦК КП Украины Ивашко. А находящийся рядом аэропорт Внуково-1 обслужил за тот же день 106 рейсов, перевезя около 10 тысяч человек.

Может быть, число самолетов в этих двух аэропортах совершенно несопоставимо? Вот цифры: во Внуково-1 их 58, во Внуково-2 42 самолета и 8 вертолетов. А на работе числятся во Внуково-2 десятки экипажей летного да почти полторы тысячи человек наземного персонала. Стоит ли удивляться, что для перевозки знатных пассажиров уже с начала 50-х годов существует «235-й авиаотряд специального назначения». К его услугам — собственная авиационно-техническая база. Немал наземный персонал Внуково-2: летно-штурманский отдел, отдел кадров, бухгалтерия. Расходы на все это великолепие несет государство, сановные пассажиры не платят ни копейки, даже когда летят на отдых [82].

Пример советской номенклатуры оказался заразителен и для ее вассалов. Так, в ГДР по образцу «235-го отряда» была создана «эскадрилья имени Артура Пика» (сына коммунистического президента ГДР Вильгельма Пика). Она насчитывала 17 самолетов ТУ-134, ТУ-154 и ИЛ-62 и точно так же бесплатно перевозила руководителей номенклатуры ГДР [83].

По сталинской традиции охраной номенклатурной верхушки ведает специально для этого созданное Девятое

управление КГБ СССР. При этом слово «охрана» толкуется очень широко: хотя терроризм им нисколько не угрожает, вожди советского народа считают, что они находятся под постоянной смертельной угрозой, поэтому каждый их шаг сопровождается тщательно планируемыми в КГБ мерами безопасности.

Во время своих поездок высшие номенклатурщики не соизволят заходить даже в депутатские комнаты, о праве пользования которыми мечтают делегации советских ученых, писателей и прочих защитников мира. «ЗИЛы» и «Чайки» верховного начальства въезжают прямо на аэродром и тотчас везут прилетевших на их дачи и квартиры. А как с багажом хозяев? Ведь, находясь за границей, они не забывают покупать вещи для себя и родственников, хотя по магазинам бегают не сами, а посылают обслуживающих их подчиненных. Заботу о багаже и оформлении штампов в паспортах при отлетах и прилетах берет на себя обслуга — приезжающие для этой цели в аэропорт сотрудники Девятого управления КГБ. Они уверенно распоряжаются в аэропорту, где всюду имеют право доступа. Тягостно было смотреть, как такой распорядитель, приехавший в аэропорт Шереметьево за багажом входившей в состав нашей делегации дочери А. Н. Косыгина, отправив ее чемоданы, из милости покровительственно вывел вместе с собой без очереди вице-президента Академии наук СССР А. П. Виноградова. И вот один из крупнейших ученых страны с робкой благодарностью семенил ослабевшими старческими ногами за важно шагавшим холуем номенклатурной верхушки.

Мы упомянули Девятое управление КГБ — пресловутую «девятку». Задача этого управления — не только охранять, но и обслуживать верхушку номенклатуры. Даже кандидату в члены Политбюро полагается персонал: три повара, три официантки, горничная и садовник, а также, разумеется, охранники. Если шеф едет в кино, театр, музей и т. п., сначала туда посылается группа КГБ для проверки и обеспечения безопасности. Телохранители сопровождают своего подопечного и в отпуск. Ельцин сообщает, что старший группы его личной охраны привозил с собой к месту отдыха примерно 4000 рублей — на его личные расходы во время отпуска, так что из своей немалой зарплаты Ельцин в отпуске вообще ничего не тратил [84].

Мы видели, что номенклатурщики средней руки покупают промтовары в валютных магазинах. За границей для верхушки номенклатуры покупают подчиненные

или специальные доверенные лица из посольства или торгпредств СССР [85]. А как в Москве?

В Москве им не надо посылать свою челядь в валютные магазины за покупками. В известном московском универмаге ГУМ (известность эта никак не оправдывается качеством продаваемых там обычному населению товаров) была создана на 3-м этаже так называемая «спецсекция» (официально — секция № 100), куда получили доступ только семьи высшего руководства. Здесь в продаже по весьма дешевой цене отличные импортные товары, о существовании которых обычный советский потребитель и не подозревает. Есть, впрочем, и отечественные товары: например, великолепные меха, которые ни в какие открытые магазины СССР не поступают.

С. Аллилуева описывает, как придирчиво спрашивал ее Сталин, советские или заграничные вещи она носит, и патриотично радовался, когда она говорила, что советские[86]. А я вспоминаю Светлану в 1943—1944 годах, когда мы с ней вместе учились на историческом факультете Московского университета, и не могу не подумать, что даже если невиданные для нас тогда ее шубка из голубой белки, темные английские костюмы, разноцветные шелковые блузки, отличные туфли на низком каблуке и были сделаны на территории СССР, то по существу все-таки за границей — в горной спецстране Номенклатурии.

Тщетно заводившаяся Сталиным мода на все русское давно отошла, и нынешние руководители класса номенклатуры вместе со своими домочадцами, не терзаясь патриотизмом, носят западные вещи. Только меха по-прежнему советские: как мне рассказывали, Галина Брежнева — любящая радости жизни дочь Генерального секретаря — охотно показывала своим гостям на подмосковной госдаче автоматически открывающийся нажатием кнопки шкаф в стене, полный шуб из самых дорогих мехов. Подобные гардеробы советские граждане видят действительно только в кинокадрах из жизни американских миллиардеров.

Есть на дачах и в квартирах номенклатурной верхушки и шкафы с книгами. Книг много, но хозяева домов за них по-прежнему ни копейки не платят: издательства политической и художественной литературы по-прежнему посылают им так называемые обязательные экземпляры. Бесплатно ходят они и в театр: в центральную ложу, если идут с высокими иностранными гостями, а чаще — в правительственную, расположенную прямо около сцены слева, напротив директорской ложи. У входа здесь

стоит в таких случаях охрана в штатском, выходить из ложи высшим номенклатурщикам никуда не надо — при ней есть спецбуфет и туалетная комната.

Как чувствуют себя люди, живущие в таких условиях?

Мне довелось летом 1970 года прожить так несколько дней в Софии, где я был вместе с первым вице-президентом Академии наук СССР, Председателем Верховного Совета РСФСР М. Д. Миллионщиковым и вице-президентом академии А. П. Виноградовым. Нас поселили в правительственном особняке, принадлежавшем прежде сестре царя Бориса, а затем одному из коммунистических руководителей Болгарии — Василю Коларову. Особняк — на тихой улице недалеко от центра города. Как и полагается, забор, железные ворота, около них — охранник, за домом — большой тенистый сад. Справа у входа в дом дежурят две черные «Чайки» с правительственными номерами и солидными вежливыми шоферами. При доме — обслуживающий персонал, но мы имеем дело только с одним — видимо, старшим. Ему можно заказать любое блюдо, вино, коньяк — все немедленно появляется. В небольшом кабинете рядом с гостиной стоит телефон правительственной линии — болгарская «вертушка». Вдоволь наевшись и напившись, вы выходите из особняка, делаете знак шоферу, «Чайка» тут же подкатывает к подъезду, охранник отворяет ворота — и вот мчитесь вы по Софии по осевой линии улиц, и полицейские на перекрестках отдают вам честь. Затем заседания, банкеты, приемы, опять «Чайка» — и снова особняк. Уже через пару дней вами овладевает чувство полной оторванности от реальной жизни. Для меня оно было нестерпимым, я уходил пешком бродить по городу. Но привыкнуть, конечно, можно: М. Д. Миллионщиков, по натуре очень живой и общительный человек, сам живший в Москве в отдельном коттедже, а при поездках по союзным республикам СССР и в социалистические страны останавливавшийся в правительственных особняках, часами грелся под болгарским солнышком в саду и всей этой блестящей изоляцией уже не тяготился.

Привыкнуть можно. Однако привычка лишь притупляет ощущение, но не изменяет состояния полной оторванности от обычной жизни и людей. Сталин пытался компенсировать такую оторванность тем, что смотрел советские художественные фильмы, которые, как он воображал, открывали ему жизнь страны. Хрущев посмеялся над ним в своем закрытом докладе на XX съез-

де — но и сам не смог найти лучшего источника информации, чем кино, правда, на этот раз кинохронику. В действительности реального представления о жизни управляемого ими народа они не имели: С. Аллилуева вспоминает, как Сталин ровно ничего не знал о ценах в стране и помнил только дореволюционные цены[87].

Сталинская традиция управления народом даже без приблизительного представления о том, как он живет, сохранялась в неприкосновенности. И общение руководителей класса номенклатуры с народом выражалось лишь в парадных экскурсиях в какую-нибудь республику или область, где услужливые подчиненные — заметим, отнюдь не против воли верховных вождей — демонстрировали им потемкинские деревни в свободное от банкетов и митингов время.

Вырывшие пропасть между собой и народом, отгородившиеся от него в страхе и пренебрежении семью заборами и дивизиями войск КГБ, высшие номенклатурщики любят порассуждать о своей «близости к народу» и прозвали «отщепенцами» тех, кто открыто выражает недовольство их режимом. А в действительности не является ли именно класс номенклатуры — этот класс деклассированных выскочек — по самой сути своей и по своему образу жизни классом отщепенцев? Как точнее можно охарактеризовать членов этого класса, ухитряющихся жить, как иностранцы, в управляемой ими стране?

Такова сладкая жизнь класса номенклатуры — господствующего, эксплуататорского и привилегированного класса советского общества.

Мы убедились: для сопоставления с ней жизнь высшего класса буржуазного Запада — неподходящий объект. Неудивительно: при капитализме играют роль не привилегии, а деньги, при реальном социализме — не деньги, а именно привилегии.

Эти привилегии порождают в номенклатуре не только наглость, но и растущий страх: слишком хорошо ей известно, какие чувства возбуждают среди населения привилегии номенклатурных чинов.

Сладко нежащиеся в своих привилегиях номенклатурщики начинают все острее чувствовать себя временщиками и страшиться того, что произойдет, когда все это кончится. Выражением такого страха и звучит анекдот, возникший в 70-х годах в номенклатурном кругу.

К работнику ЦК КПСС в столицу приехала мать из колхоза, пожила в роскоши цековского дома и дачи, по-

потчевалась «кремлевкой» и поспешно собирается назад.

— Куда же вы, мамаша? – обиженно спрашивает сын.— Оставались бы подольше, ведь у нас хорошо.

— Хорошо-то хорошо,— отвечает старушка,— да боязно: вдруг красные придут!

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Структура советской интеллигенции. Минск, 1970, с. 122—123. (Курсив мой.— *М. В.*)
2. «Правда», 28 июня 1975 г. (Курсив мой.— *М. В.*).
3. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 98.
4. «Крокодил», 1969, № 4.
5. «Литературная газета», 02.10.1985.
6. «Коммунист», 1985, № 18, с. 43.
7. «Правда», 13.02.1986.
8. «Правда», 02.03.1986.
9. См. «Правда», 28.02.1986.
10. См. «Süddeutsche Zeitung», 11.03.1986.
11. См. Hedrik Smith. Die Russen. Bern München, 1976. S. 43.
12. См. И. Земцов. Партия или мафия? Разворованная респуб лика. М., 1976, с. 33—34.
13. Там же, с. 41.
14. Там же, с. 35.
15. Там же, с. 89.
16. См. там же, с. 92 94.
17 Там же, с. 30.
18. Там же, с. 57.
19. Там же, с. 26.
20. Там же, с. 27.
21. См. K. Simis. USSR: The Corrupt Society. N. Y., 1982, p. 54—56.
22. «Заря Востока», 28 февраля 1973 г.
23. См. K. Simis, op. cit., p. 62.
24. См. ibid., p. 102—105, 86—94, 48.
25. Меню столовой ЦК КПСС воспроизведено в журнале «Страна и мир», № 3, 1988, столовой АОН — в газете «Московский комсомолец», 22 апреля 1990 года
26. См. «Известия», 18.09.90.
27 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 105.
28. «Правда», 3 марта 1986 г.
29. «Известия», 28 января 1990 г
30. См. «Огонек», № 21, 1990.
31. «Огонек», № 13, 1990; «Советская культура», 31 марта 1990 г
32. «ADAC Motorwelt», N 3, 1990, S. 34.
33. «Социалистическая индустрия», 7 декабря 1986 г.
34. См. Boris Baschanov. Ich war Stalins Sekretär. Berlin. 1977 S. 50- 51.
35. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 53, с. 54.
36. «International Herald Tribune», 21 мая 1986 г
37 «Известия», 22 января 1978 г.
38. «Известия», 22 апреля 1982 г.
39. См. Известия ЦК РКП(б), 20.12.1920, № 26, с. 2.
40. Цит. по Р. Медведев. К суду истории. Нью-Йорк, 1974, с. 1085. (Курсив мой.— *М. В.*)

41. Там же.
42. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 105.
43. Там же, с. 218.
44. Там же, с. 156.
45. USA National Archives, Miscellaneous Russian Collection. Call number 10732, microcopy N T88, roll number I, List 57.
46. См. «Московские новости», № 3, 1990.
47. А. Бек. Новое назначение. Франкфурт-на-Майне, 1971, с. 167
48. См. Б. Ельцин. Цит. соч., с. 71.
49. A. Pravdin: Inside the CPSU Central Committee. Survey. A. Journal of East and West studies. London. Autumn 1974, vol. 20, N 4 [90], p. 102.
50. А. Галич. Поколение обреченных. Франкфурт-на-Майне, 1974, с. 228—229.
51. С. Аллилуева. Двадцать писем к другу. Лондон, 1967, с. 25.
52. С. Аллилуева. Только один год. Нью-Йорк, 1969, с. 351.
53. С. Аллилуева. Двадцать писем... с. 25—26.
54. Там же, с. 29.
55. Там же, с. 31.
56. Там же.
57. С. Аллилуева. Только один год, с. 336.
58. С. Аллилуева. Двадцать писем... с. 194.
59. С. Аллилуева. Только один год, с. 335.
60. С. Аллилуева. Двадцать писем... с. 194.
61. Там же, с. 118—119.
62. Там же, с. 120.
63. Там же, с. 197.
64. Там же, с. 120.
65. Там же, с. 121.
66. Там же, с. 122.
67. Там же, с. 177.
68. С. Аллилуева. Только один год, с. 348.
69. С. Аллилуева. Двадцать писем... с. 122.
70. Там же.
71. С. Аллилуева. Только один год, с. 357
72. Там же, с. 351.
73. Там же, с. 347—348.
74. Там же, с. 348.
75. Там же, с. 349.
76. Там же.
77. H. Kroll. Lebenserinnerungen eines Botschafters. 1967, S. 483.
78. См. «Огонек», № 21, 1990.
79. См. Б. Ельцин. Цит. соч., с. 73.
80. Там же, с. 74.
81. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 266.
82. См. «Рабочая трибуна», 17 февраля 1990 г.
83. См. «Süddeutsche Zeitung», 20 марта 1990 г.
84. См. Б. Ельцин. Цит. соч., с. 71, 74.
85. В 1954 г. в западной печати подавалось как сенсанция сообщение о том, что шляпы для тогдашнего главы правительства Г. М. Маленкова заказывались в Италии. Между тем такая практика отнюдь не сенсация, касается она не только шляп и не только Маленкова.
86. См. С. Аллилуева. Двадцать писем... с. 50.
87. Там же, с. 193.

Глава 6
ДИКТАТУРА НОМЕНКЛАТУРЫ

«Диктатура есть власть... не связанная никакими законами...
Диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс...»

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 244, 245

«В годы тоталитаризма и застоя верхний эшелон партии переродился в оторванную от масс недемократическую структуру власти».

«Правда», 11.06.90

Вся внутренняя политика класса номенклатуры направлена на то, чтобы не пришли «красные», вся внешняя — на то, чтобы самим под видом «красных» прийти во все страны мира.

Начнем с внутренней политики. Мы писали о мифической «диктатуре пролетариата» в СССР — диктатуре, которой не было. Напишем теперь о диктатуре, которая есть.

1. ЕСТЬ ЛИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Даже задавать такой вопрос кажется неудобным: какая же еще другая власть может быть в Советском государстве? Уж плохая она или хорошая, но власть-то советская! Позволим себе все же ради научной обстоятельности проверить это утверждение.

Что такое советская власть? Любая власть в государстве, именуемом Советский Союз? Нет. Советская власть — это определенная форма власти, концепция которой тщательно разработана.

По принятому в СССР выражению, Ленин открыл Советы как государственную форму диктатуры пролетариата. Хотя диктатуры пролетариата не было, выражение это имеет все же определенный смысл: Советы действительно возникли, и Ленин действительно обратил на них внимание как на форму государственной власти. До революции 1905 года в России Ленин, как и все большевики, следуя за Марксом и Энгельсом, считал, что в период от социалистической революции до коммунистического общества будет существовать государство типа Парижской коммуны 1871 года. Когда же в 1905 году

в революционной России не по плану какой-либо партии, а стихийно стали создаваться Советы, Ленин усмотрел в них рожденную исторической закономерностью форму такого государства. Власть Советов, писал Ленин, это «власть *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа,— продолжает Ленин,— 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах... 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства»[1].

Ну что, похоже на Советское государство?

Что-то не похоже. А если сказать точнее, то Советский Союз больше, чем какое-либо другое существующее государство, представляет собой прямую противоположность написанному Лениным. Причем это противоположность по всем названным им пунктам: 1) народ в СССР полностью подчинен приказам сверху; 2) в стране — огромные армия и полиция, народ же строжайше разоружен; 3) политическая бюрократия — даже не просто привилегированный слой с буржуазной оплатой, а господствующий, эксплуататорский и привилегированный класс с феодальными аллюрами.

Но ведь признаки эти, по словам Ленина, *основные* для государства типа Парижской коммуны, то есть для советской власти, в них и *только в них суть* этой власти. Так как же: есть в Советском Союзе советская власть?

Вот мы опять вернулись к этому вопросу, но теперь он кажется уже менее странным.

Была создана в советское время какая-либо теория относительно характера и особенностей советской власти?

Была, хотя, разумеется, вопрос о расхождениях между ленинскими словами и действительностью Советского государства не затрагивался.

Публиковавшиеся на протяжении двух первых десятилетий после Октября 1917 года рассуждения советских государствоведов сложились в цельную и даже интересно звучащую теорию Советов как особой формы государственной власти, присущей якобы именно диктатуре пролетариата. В то время как буржуазное государство основано на прогрессивной для своего времени, но теперь безнадежно устаревшей идее разделения властей, вещает эта теория, Советы представляют собой на всех уровнях единые органы пролетарской власти, одновременно законодательные и исполнительные. Даже местные Советы — это не муниципалитеты, а органы государственной власти, и все вместе Советы снизу доверху составляют единую систему из однородных звеньев разного масштаба. Такая система неизмеримо демократичнее любого парламента с фарсом буржуазных выборов, она олицетворяет подлинный прогресс.

Едва эти пламенные слова успели затвердеть в устоявшуюся теорию, как в СССР была принята Конституция 1936 года. Сталинская Конституция победившего социализма, как она именовалась, жирной чертой перечеркнула рассуждения теоретиков. Пресловутое единство системы было разорвано на несколько частей: на высшие и на местные органы государственной власти и на такие же органы государственного управления. Местные органы — Советы и их исполкомы — оказались обычными муниципалитетами, «высшие органы государственной власти» — Верховные Советы — законодательными (точнее — законопубликующими), а «высшие органы государственного управления» — Советы Министров — исполнительными органами.

Верховные Советы стали горделиво именоваться «советскими парламентами», хотя, правда, названия такого ничем не заслужили. Сделано это было несмотря на то, что Ленин громогласно издевался над «парламентским кретинизмом» и слово «парламент» было в СССР долгое время термином уничижительным.

Парламентский маскарад пошел еще дальше. Отсутствие на выборах каких-либо партий, кроме правящей, попытались замаскировать термином «блок коммунистов и беспартийных». Предполагается, что этот неизвестно кем и когда образуемый блок и выдвигает кандидатов —

в странной пропорции, обратной численному соотношению участников блока.

Ровно ничего не изменила в такой структуре власти и брежневская Конституция «развитого социализма». На страницах «Правды» теоретики советского права продолжали поговаривать о «единой системе органов народной власти». Но они тут же сообщали: в ней существуют «в качестве относительно самостоятельных подсистем Советы союзных и автономных республик», а Верховный Совет СССР вообще играет «особую роль в руководстве всеми Советами страны»; в качестве задачи же выдвигается еще «более четкое, конкретное разделение труда между различными звеньями системы Советов» [2].

Что же получается в итоге — парламентский строй? Нет, конечно. Но и не советская власть. Не сохранилось ровно ни одной из важнейших ее характеристик: нет единой системы, есть четкое разделение властей. От советской власти в СССР осталось только одно словечко «совет».

Но ведь это слово употребляется в государственных системах многих стран. Совет министров — обычное наименование правительств. Так, во Франции глава правительства издавна именуется председателем совета. Слово «совет» употребляется в парламентах: бундесрат — Федеральный совет в ФРГ, Национальный совет и Федеральный совет в Австрии. Повсюду в Европе есть городские, коммунальные и прочие местные советы. Вошедшее в политическую моду в Восточной Европе название Государственный совет тоже было не ново: такой совет был в царской России, а в довоенной Германии Аденауэр был председателем Прусского государственного совета. Но ведь не было и нет во всех этих странах советской власти!

Нет ее и в Советском Союзе.

Тем же читателям, которые все еще готовы вознегодовать, что мы вдруг отвергаем привычный тезис о существовании в СССР советской власти, предложим ответить на следующий вопрос: «Что должны были бы сказать о государственной власти в СССР сами руководители класса номенклатуры, если бы они были последовательны?»

Давайте рассуждать. Власть Советов — государственная форма диктатуры пролетариата. В СССР, по словам Программы КПСС, — общество развитого социализма, и диктатуры пролетариата уже нет. Так как же может остаться власть Советов? Как форма без содержания?

Марксизм этого не допускает. Власть Советов, подобно диктатуре пролетариата и вместе с ней, тоже выполнила свою историческую миссию и прекратила существование, перейдя в новую форму, соответствующую нынешнему характеру власти как общенародной. Все это слово в слово могло бы быть включено в доклад на съезде КПСС.

Таким образом, говоря, что в Советском Союзе нет советской власти, мы утверждаем лишь то, что должны были бы сказать сами номенклатурные идеологи — если бы они принимали всерьез собственные рассуждения о диктатуре пролетариата и сменившем ее общенародном государстве. Но как раз этого они и не делают. Они-то понимают, что все это — выдумка! А так как мысль о том, что в *советском* государстве, конечно же, советская власть стала привычной, идеологи этим пользуются и твердят о советской власти в СССР.

«Советская власть» — это лозунг революционных лет, превратившийся затем в окаменевший словесный фетиш. На деле же в революционные годы большевистское руководство считало, что без советской власти можно и обойтись. Большевистский лозунг «Вся власть Советам!» прочно вошел в историю 1917 года. Но этот лозунг был снят Лениным после июльских дней 1917 года, когда выяснилось, что Советы не намерены поддерживать большевистскую партию. Восстановлен он был лишь после того, как осенью 1917 года большевики взяли Советы в свои руки («большевизация Советов»). Значит, не Советы как таковые, а лишь Советы как органы большевистской диктатуры интересовали Ленина.

Может быть, все изменилось при Горбачеве? Нет, и это прямо признается в его обещаниях передать власть Советам. Значит, нет у них еще этой власти — через 70 с лишним лет после победы большевиков под лозунгом «Вся власть Советам!».

Этот факт весьма наглядно показывает: власть Советов и власть большевиков отнюдь не идентичны. Советы — всего лишь наиболее простая и логичная, а потому стихийно возникающая форма самоуправления во всех случаях, когда государственная власть внезапно сметается. Поэтому Советы бывают и антикоммунистическими. Так, рабочие советы стихийно создались во время революции в Венгрии в октябре 1956 года, во время революционных событий в Польше в декабре 1970 года. В дни восстания в Новочеркасске в июне 1962 года в городе возник совет не казенный, а новый, повстанческий.

В Советском Союзе власть не советская, а номенклатурная. Это диктатура, но не пролетариата, а класса номенклатуры.

2. НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ЛЖЕПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Какова государственная форма диктатуры номенклатуры? Лжепарламентаризм.

Ленинские Советы именовались «пролетарской демократией», сталинский парламентаризм был назван «социалистической демократией».

Как получилось, что диктатура, которая себя вначале так и называла, именуется теперь демократией? Ленин провозгласил: «Пролетарская демократия в *миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»[3].

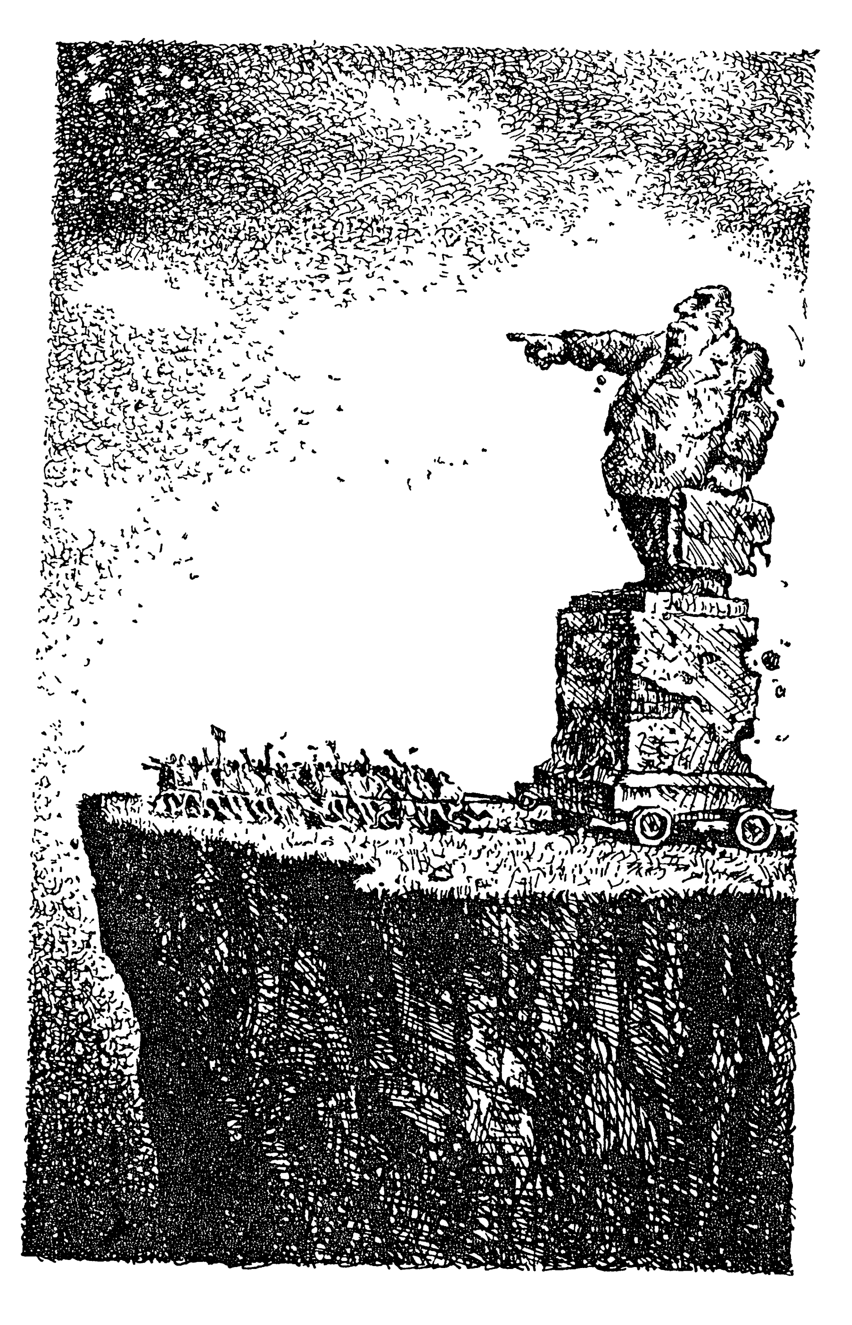
Не называя миллионных коэффициентов, номенклатурная пропаганда заявляла с тех пор, что государство реального социализма — самое демократическое в мире.

Маневр, стоящий за такими формулировками, читателю полезно знать.

Первым этапом маневра было: затуманить в представлении людей понятие «диктатура». Для этого, уже задолго до революции, Ленин и ленинцы стали твердить, ссылаясь на Маркса: всякое государство — диктатура правящего класса; тут нет разницы между либеральнейшей республикой и свирепейшей деспотией: и то и другое — классовая диктатура. Диктатура — это значит: власть *диктует* гражданам, что они должны делать, а так поступает любая власть, любой правящий класс. Следовательно, диктатура может быть и демократической и не иметь ничего общего с полицейским режимом. Такой демократической и свободной будет диктатура пролетариата.

Второй этап наступил после прихода Ленина к власти. Когда была установлена не некая воображаемая диктатура пролетариата, а подлинная диктатура организации профессиональных революционеров, щедро подкрепленная массовыми арестами и расстрелами, обескураженным энтузиастам разъяснили: удивляться нечему, удивляться могут только мелкие буржуа; речь всегда шла о диктатуре,— а кто же не знает, что это такое? В таких условиях энтузиастам ничего не оставалось, как верноподданнически поддакивать диктаторам.

Но пойдем дальше. Если несостоявшаяся диктатура

пролетариата была, по словам Ленина, в миллион раз демократичнее любой буржуазной республики, то уж общенародное Советское государство — очевидно, подлинный апофеоз свободы? Это государство действительно принято было в советской печати характеризовать как «невиданный расцвет социалистической демократии».

Начался такой расцвет при товарище Сталине, в короткий промежуток между первым и вторым московскими процессами. Именно тогда и была принята Конституция, оформившая сталинский лжепарламентаризм и провозгласившая всевозможные права и свободы граждан СССР.

Зачем это было сделано? Принятая в декабре 1936 года, накануне разгула ежовщины, Конституция, конечно, не могла убедить советских граждан в том, что и впрямь наступило провозглашенное основоположниками марксизма «царство свободы». Цель была внешнеполитическая. Советское руководство лихорадочно пыталось тогда сколотить антигитлеровскую коалицию в Европе; именно в предвидении разгула ежовского террора оно хотело уравновесить неблагоприятное впечатление, которое ежовщина должна была произвести на Западе, демонстративным переходом к якобы парламентским формам правления. Конституция должна была решить и другую задачу: подсластить горькую для антикапиталистических сил на Западе пилюлю ежовщины сахарином слов о «власти трудящихся» в СССР. Прав был известный американский историк Мэрл Фейнсод, когда писал: советская Конституция «старается добиться поддержки советской системы в несоветских странах. Для этого она обращается к недовольным, разочарованным и наивным людям, благо их восприятие недостатков собственного общества может легко перейти в идеализацию социальной системы, жизни в которой они не испытали» [4].

Что касается советских граждан, то церемониться с ними было, конечно, нечего. Как раз в эти годы в НКВД родилось известное выражение «девять грамм свинца в затылок», четко обрисовавшее перспективу для непослушных. Перед лицом такой перспективы гражданам ничего не оставалось делать, как громко славить сталинскую Конституцию и распевать введенную тогда в моду «Песнь о Родине»: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Конституция удалась на славу. Недаром Сталин засадил писать ее уже обреченного им на смерть Бухарина.

Усмотрев в таком жесте Сталина путь к спасению от гибели, талантливый политический публицист Бухарин вложил все силы в составление Конституции — после чего и был расстрелян.

Конституция настолько удалась, что ее фактически так и не сумели изменить. Десталинизатор Хрущев поставил вопрос о новой Конституции СССР уже в январе 1959 года, на XXI съезде КПСС[5]. На XXII съезде партии Хрущев сообщил, что проект Конституции начали составлять[6].

В июне 1977 года проект Конституции был наконец опубликован, и все смогли убедиться, что за 18 с лишним лет работы составителям удалось придумать лишь незамысловатую преамбулу да вписать несколько шаблонных фраз о руководящей роли партии и о миролюбивой внешней политике СССР. Главным отличием брежневской Конституции от сталинской было введение должности первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Это отличие не бессмысленно: оно означало, что пост Председателя Президиума закреплялся отныне за Генеральным секретарем ЦК КПСС, а практическую работу по этой должности будет выполнять первый заместитель. И все же столь скромный результат многолетних трудов показывает: сочинить нечто радикально новое авторы Конституции 1977 года не сумели.

Дело в том, что их творчество осуществлялось в рамках той же созданной Сталиным государственной формы диктатуры номенклатуры — в рамках лжепарламентаризма. Ничего из-под их пера и не могло выйти, кроме тех же «высших органов государственной власти и управления» да Советов депутатов трудящихся, наскоро переименованных в Советы народных депутатов.

Изменилось ли коренным образом положение после горбачевских поправок и дополнений к Конституции? Изменилось, но не коренным образом.

Введены необычная структура и схема деятельности Верховного Совета СССР. Выборы в него стали двухступенчатыми: население, а также «общественные организации», то есть фактически партаппарат, избирают «народных депутатов» в количестве 2250 человек. Один раз в год собирается Съезд народных депутатов СССР; народные депутаты СССР поочередно сроком на один год становятся депутатами Верховного Совета СССР, то есть собственно парламента, который официально издает законы. Съезд избирает Председателя Верховного Совета СССР.

Да, теперь нет стандартного единогласия по всем вопро

сам, ставящимся на повестку дня Верховного Совета СССР. Да, с его трибуны раздаются критические, а то и прямо крамольные слова. Конечно, это прогресс. Но не сделался ли парламент говорильней, как принято было при Сталине презрительно отзываться о демократических парламентах? Решает ли Верховный Совет действительно или по-прежнему фактически штампует спущенные из ЦК решения и выдает их за свои? Пока что часто происходит именно так. Соотношение сил в Верховном Совете таково, что оппозиция может лишь произносить фрондерские речи, а решения принимаются те, какие велено принимать.

При этом прослеживается такая тенденция: вначале Верховный Совет СССР или республики бушует и спорит; потом депутаты становятся покладистее, и все меньше голосов подается «против». Этот процесс укрощения парламента отражает психологическое влияние предоставленных депутатам привилегий. И в демократических парламентах бывают случаи подкупа депутатов: различные группы — так называемые лобби — стараются оказать на них влияние, в том числе используя и материальные стимулы. В советском же обществе, где царят бедность и дефицит, эти стимулы играют особенно большую роль. Оказавшемуся обладателем номенклатурных привилегий депутату трудно выступить против раздающего эти привилегии высшего начальства, пойти на неприятности, смириться с перспективой не быть вновь избранным — и все только из-за того, что не хочется покорно голосовать за проталкиваемые начальством решения.

Член ЦК КПСС Ельцин рассказал, что решение о замещении руководящих постов в Верховном Совете СССР принималось на пленуме ЦК. Когда же он, Ельцин, заикнулся было о том, что Верховный Совет сам должен бы решать этот вопрос, Горбачев грозно спросил его: «Будете вы выполнять постановление пленума?», и Ельцин вынужден был пробормотать: «Должен».

Лжепарламентаризм в СССР теперь уже не сталинский, а горбачевский, но все-таки это лжепарламентаризм.

Вот если бы составители советской Конституции посмели отказаться от фигового, а точнее — липового листка лжепарламентаризма и описали бы то, как в действительности построено и функционирует государство реального социализма, текст получился бы совсем другой.

Обрисуем главные черты политического механизма диктатуры класса номенклатуры и его функционирование.

3. ДИРЕКТИВНЫЕ ОРГАНЫ, ОНИ ЖЕ ИНСТАНЦИЯ

Выше была описана система принятия политических решений в СССР — как в целом, так и по вопросам формирования класса номенклатуры. Здесь нам придется вновь обратиться к этой системе. Попробуем детальнее, как бы сквозь лупу, рассмотреть функционирование системы на самой ее вершине, ибо там определяется вся политика и осуществляется власть в масштабе всего государства.

Для обозначения этой вершины в номенклатурном жаргоне утвердился термин «директивные органы». По обыкновению косноязычно, но четко он выражает мысль: это не какие-нибудь там «высшие органы» государственной власти или управления, а органы, действительно дающие директивы всем этим «высшим». Выражение «директивные органы» — не просто разговорное; оно употребляется в служебных документах в качестве эвфемизма, дабы не называть всуе ЦК КПСС.

Есть и второй номенклатурный эвфемизм для обозначения ЦК КПСС: «Инстанция». Он тоже по-своему выразителен: в системе разросшейся бюрократии общества реального социализма счета нет разным инстанциям. Но есть среди них одна Инстанция. Когда говорят: «Состоялось решение Инстанции», посвященный знает, о ком идет речь — о ЦК КПСС.

ЦК КПСС — термин многозначный. Он означает: 1. Пленум (то есть весь состав) избираемого на каждом съезде партии Центрального Комитета КПСС. 2. Избираемые пленумом Политбюро и Секретариат ЦК. 3. Аппарат ЦК КПСС.

Подлинные, а не записанные в Конституции высшие органы государственной власти и государственного управления — не пленум и не аппарат, а Политбюро и Секретариат ЦК. Когда посторонний приходит в аппарат ЦК КПСС, он сначала удивляется, слыша, как сотрудники между собой говорят: «Этот вопрос надо внести в ЦК КПСС», «Мы решить этого дела не можем, требуется согласие ЦК КПСС». «Ведь здесь же и есть ЦК!» — недоумевает посторонний. Да, однако под ЦК КПСС подразумеваются в первую очередь два органа, командующие всей советской государственной машиной: Политбюро и Секретариат ЦК.

Политбюро и Секретариат ЦК КПСС вместе и составляют подлинное правительство Советского Союза. Юриди-

ческое правительство — Совет (а теперь — Кабинет) Министров СССР — всего лишь высокопоставленный распорядительный орган, который правительством в политическом смысле слова не является. Еще меньшую роль играет Президиум Верховного Совета СССР — орган показной, а не рабочий. Правительствующий кабинет в Советском Союзе — это Политбюро и Секретариат ЦК КПСС. Недаром в кругах Совета Министров СССР вы часто могли услышать выражение «Войти с предложением в правительство»,— причем «входить» должно именно правительство СССР — Совет Министров, а под «правительством» подразумевались оба директивных органа.

То, что эти органы являются высшей властью в СССР, отчетливо демонстрируется особым статусом их во всех советских публикациях. Был заведен такой порядок: в любом перечне советских руководящих деятелей сначала называются члены и кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, причем должности этих лиц не указываются — считается, что любой читатель должен их знать. Далее следуют — уже с указанием должностей — заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР, заместители Председателя Совета Министров СССР и прочие высокопоставленные чины номенклатурной иерархии. При Сталине перечень давался не в алфавитном порядке, а в том, в каком имена располагал сам вождь. При Хрущеве перечень давался по алфавиту. После Хрущева перечень открывается именем Генсека, затем идут члены и кандидаты в члены Политбюро (по алфавиту) и те секретари ЦК, которые не вошли в Политбюро.

Можно ли назвать Политбюро фактическим высшим органом государственной власти СССР, издающим законы, а Секретариат — фактическим высшим органом государственного управления? Хотя с большой долей условности такое сопоставление было бы возможным, оно лишь в незначительной степени отражает реальность. Дело в том, что Секретариат ЦК не является неким исполнительным органом при «законодательствующем» Политбюро. Отношения между Секретариатом и Политбюро следует рассматривать не по аналогии с другими структурами, а как специфические, исторически сложившиеся отношения. Кажущееся бесцветным обозначение «директивные органы» полно глубокого смысла, лучшего наименования не придумаешь. Это органы, которые не издают законов и уж тем более не выполняют их, а дают директивы о том, какие законы издавать и как их выполнять. Столь же выразительны

названия каждого из этих органов. Реальный социализм — господство политбюрократии. «Политбюро» — не наиболее ли подходящее название для высшего органа этой системы? При реальном социализме господствует ядро класса номенклатуры — «иерархия секретарей», как писал Троцкий. В СССР иронически говорят: «Сначала был матриархат, потом патриархат, теперь секретариат». Как же не назвать второй высший орган в этом обществе «Секретариатом»?

4. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК И ПРЕЗИДЕНТ

«Постойте! — скажет читатель.— А где же Генеральный секретарь ЦК КПСС? Где Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев? Ведь генеральные секретари, а не сидящие в Политбюро и Секретариате их подголоски правят страной!»

Это распространенный, но ошибочный взгляд. Для того, чтобы убедиться в его ошибочности, достаточно задуматься над вопросом: если такие, столь различные люди, как Сталин, Хрущев, Брежнев и Горбачев, самовластно определяют всю политику Советского Союза, то почему же все сколько-нибудь значительные линии этой политики не меняются?

Потому что страной правят не генеральные секретари, а класс номенклатуры. И политика, проводимая ЦК КПСС,— не политика генеральных секретарей, а политика этого класса. «Отцы» номенклатуры Ленин и Сталин сформулировали в соответствии с ее пожеланиями направление и основные черты политики номенклатурного государства. В немалой степени именно поэтому Ленин и Сталин выглядят столь самодержавными правителями Советского Союза. Они, несомненно, пользовались своими родительскими правами в отношении тогда еще не окрепшего правящего класса, но они также зависели от этого класса. Что же касается Хрущева и его преемников, то они всегда были лишь высокопоставленными исполнителями воли номенклатуры.

Так что же, генеральные секретари ЦК КПСС — нечто вроде королей в современных демократических монархиях? Конечно, нет. Короли являются просто наследственными президентами парламентских республик, генеральные же секретари не наследственны, а номенклатурное государство — лжепарламентская лжереспублика, так что параллели здесь нет.

Генеральный секретарь — не суверенный единоличный

правитель, но власть его велика. Генеральный секретарь — это самый высокий номенклатурщик, и следовательно, самый могущественный человек в обществе реального социализма. Тот, кто сумел занять этот пост, получает возможность сконцентрировать в своих руках огромную власть: Ленин подметил это уже через несколько месяцев пребывания Сталина на посту генерального секретаря. Напротив, тот, кто пытается возглавлять класс номенклатуры, не сумев обеспечить себе этот пост, неизбежно бывает выброшен из руководства, как было с Маленковым и Шелепиным. Вопрос, следовательно, не в том, велика ли при реальном социализме власть генерального секретаря (она громадна), а в том, что она не является единственной властью в стране и что Политбюро и Секретариат ЦК — нечто большее, чем размещенные на различных уровнях помощники генерального секретаря.

Возьмем пример Сталина. На протяжении первых пяти лет его пребывания на посту генсека членом Политбюро был Троцкий. Но ведь он не был послушным помощником Сталина. Значит, дело обстояло не так просто даже при Сталине: недаром он так свирепо чистил свое Политбюро. Тем более это относится к Хрущеву, которого в июне 1957 года большинство Президиума ЦК (то есть Политбюро) открыто попыталось свергнуть с поста Первого секретаря ЦК, а в октябре 1964 года новый состав Президиума действительно сверг. А что говорить о Брежневе, которому пришлось выставить из Политбюро Шелепина, Воронова, Шелеста, Полянского, Подгорного, Мжаванадзе? Тем более это относится к Горбачеву, которому пришлось непрестанно маневрировать между различными группами в руководстве да и в аппарате, чтобы удерживаться у власти.

Да, Генеральный секретарь возглавляет и Политбюро, и Секретариат ЦК. Но отношения между ним и членами этих высших органов класса номенклатуры не идентичны отношениям начальника и его подчиненных.

Следует различать две стадии в отношениях между Генеральным секретарем и возглавляемыми им Политбюро и Секретариатом. Первая стадия — это когда Генсек имеет дело с составом этих органов, подобранным не им, а его предшественником; вторая стадия — когда в них сидят его собственные выдвиженцы.

Дело в том, что в Политбюро и в Секретариат ЦК избираются обычно лишь те, кому помогает туда влезть Генеральный секретарь.

Это тот же принцип создания «обоймы», о котором мы уже упоминали.

Класс номенклатуры — такая среда, в которой человеку-одиночке трудно продвинуться. Поэтому стараются продвигаться целые группы, подпирая друг друга и отталкивая чужих. Тот, кто хочет сделать номенклатурную карьеру, непременно тщательно сколачивает себе такую группу и, где бы он ни находился, никогда не забудет завербовать в нее нужного человека. Подбираются люди в первую очередь именно нужные, а не по личным симпатиям, хотя, конечно, последние играют определенную роль.

Сам глава группы постарается в свою очередь войти в группу как можно более высокого номенклатурщика и во главе своей группы станет его вассалом. В результате, как и при классическом феодализме, ячейкой правящего класса общества реального социализма является группа вассалов, подчиненных определенному сюзерену. Чем выше номенклатурный сюзерен, тем больше у него вассалов. Сюзерен, как и полагается, покровительствует вассалам и защищает их, а они всячески его поддерживают, восхваляют и вообще служат ему, казалось бы, верой и правдой.

Казалось бы — ибо служат они ему так лишь до определенного момента. Дело в том, что отношения между номенклатурными сюзеренами и вассалами только внешне выглядят идиллическими. Наиболее удачливый и высоко пролезший вассал, продолжая угодничать перед сюзереном, только и ждет, как бы при удобном случае его спихнуть и сесть на его место. Так происходит в любой группе класса номенклатуры, в том числе и в самой высшей — в Политбюро и Секретариате ЦК.

Вдобавок эта группа не все время является «обоймой» вассалов Генерального секретаря. После смерти или смещения прежнего Генсека преемник — наиболее удачливый из его вассалов — оказывается во главе группы вассалов своего предшественника. Это то, о чем мы говорили, назвав такое положение первой стадией во взаимоотношениях Генерального секретаря и возглавляемых им Политбюро и Секретариата ЦК. На этой стадии Генеральному секретарю приходится возглавлять подобранную прежним Генсеком группу. Собственную же свою группу он еще должен втащить на высшую ступень и перейти таким образом во вторую стадию своих взаимоотношений с верхушкой номенклатуры.

Правда, допустив его на пост Генерального секретаря, эта верхушка формально признала его своим сюзереном.

Но фактически члены Политбюро относятся к нему с большей или меньшей неприязнью и завистью, как к обогнавшему их выскочке. Они рассматривают его по существу как равного себе, в лучшем случае — как первого среди равных. Вот почему каждое новое генеральное секретарство начинается и будет начинаться с подчеркивания принципа коллективности руководства.

Сам Генеральный секретарь стремится к другому: к установлению своей единоличной власти. Для достижения такой цели у него очень сильная позиция, но трудность состоит в том, что цель известна. Применить же силу и выгнать неподатливых членов Политбюро и Секретариата он — во всяком случае сначала — не может, поскольку они — высокопоставленные члены класса номенклатуры, у каждого из них широкий круг вассалов и весьма пополнять верхушку номенклатуры членами своей группы. Обычный метод — возвысить как можно больше своих вассалов и расставить их, пользуясь своей властью, на подходах к верхушке номенклатуры. Это сложная шахматная игра с продвижением пешки в ферзя. Вот почему так мучительно долго происходит назначение на высшие номенклатурные посты: дело не в том, что сомневаются в политических качествах кандидатов (не говоря уж о никого не интересующих деловых качествах), а в том, что разыгрывается столь трудный политико-шахматный этюд.

По мере того, как Генеральный секретарь проводит сложно сконструированные, исторически сложившиеся позиции. Значит, новый Генеральный секретарь должен быть в наилучших отношениях со всеми членами номенклатурной верхушки: каждый из них должен считать его в качестве Генсека наименьшим злом. Между тем Генсек должен весьма изобретательно сколачивать коалиции против тех, кто ему особенно мешает, и в конечном счете добиваться их устранения. Одновременно он старается своих вассалов в верхушку класса номенклатуры и густо расставляет их у ее дверей, его сила возрастает. В оптимальном варианте — вполне достижимом, ибо этого добились и Ленин, и Сталин, и Хрущев,— верхушка должна состоять из вассалов, подобранных вождем. Когда это достигается, рассуждения о коллективности руководства замолкают, Политбюро и Секретариат действительно приближаются к положению группы помощников Генерального секретаря, наступает вторая стадия его отношений с этой группой.

Такова схема развития от первой стадии генерального

секретарства ко второй, от коллективного руководства к тому, что внешний мир принимает за единоличную диктатуру Генсека. Схема эта не умозрительная: именно так происходило при Сталине, при Хрущеве, так произошло при Брежневе. Даже если оптимальный вариант не достигнут, усиление позиции Генерального секретаря создает такое соотношение сил, что не принадлежавшие первоначально к его «обойме» члены номенклатурной верхушки предпочитают признать себя по-настоящему его вассалами.

Но остается важный вопрос: насколько надежны вассалы Генерального секретаря — как новые, так и исконные? Вспомним, что Брежнев издавна входил в группу Хрущева, но это не помешало ему участвовать в свержении своего сюзерена. Хрущев же в свою очередь пользовался покровительством Сталина, а вошел в историю как антисталинист.

Как выглядит такая группа в реальной жизни?

Возьмем конкретный пример. Если перелистать биографии высших номенклатурщиков периода власти Брежнева, бросается в глаза непропорционально большое число среди них выходцев из Днепропетровска. Вот члены Политбюро ЦК КПСС: Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов — выпускник Днепропетровского металлургического института, был главным инженером на заводе в Днепропетровске, председателем Днепропетровского совнархоза; секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко был первым секретарем Днепропетровского обкома партии; первый секретарь ЦК КПУ В. Щербицкий был в свое время преемником Кириленко на этом посту. Спустимся ниже. Заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Новиков — выпускник того же института, что и Н. А. Тихонов, тоже инженер-металлург из Днепропетровска, тот же институт окончили министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков и первый заместитель председателя КГБ СССР Г. К. Цинев. Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов тоже окончил инженерный институт в Днепропетровске. Заведующий секретариатом Генерального секретаря Г. Э. Цуканов — выпускник металлургического института в соседнем Днепродзержинске, работал ряд лет инженером в Днепропетровске.

Ломоносов написал бессмертные строки о том,

что может собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рожать.

Российская земля — да! Но почему именно Днепропетровск? Свет на эту загадку можно пролить, назвав еще одного инженера-металлурга и партработника из Днепропетровска и Днепродзержинска — это Л. И. Брежнев. Он окончил в 1935 году металлургический институт в Днепропетровске и работал затем в этом городе заместителем председателя горисполкома, заведующим отделом и с 1939 года — секретарем Днепропетровского обкома партии. В 1947 году Брежнев стал первым секретарем этого обкома и отсюда был направлен в 1950 году на пост первого секретаря ЦК КП Молдавии.

Начинаешь понимать, почему и Молдавия не обойдена в высших сферах номенклатуры. Член Политбюро и секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко был под руководством Л. И. Брежнева заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии. Директором высшей партийной школы при молдавском ЦК был в то время С. П. Трапезников, ставший заведующим Отделом науки ЦК КПСС. Первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии С. К. Цвигун был тогда же зампредом КГБ Молдавской ССР и был женат на сестре супруги Л. И. Брежнева.

Таково прозаическое объяснение днепропетровско-кишиневской аномалии в верхах номенклатуры при Брежневе: речь шла не о питомнике российских Платонов, а о группе Брежнева.

Конечно, при подборе группы случаются и ошибки. Были они уже и у Горбачева. Это он помог Лигачеву стать членом Политбюро, даже не будучи его кандидатом. Это Горбачев, выгнав своего соперника Гришина с поста первого секретаря Московского комитета партии, посадил на его место Ельцина и провел его кандидатом в члены Политбюро; в Ленинграде Горбачев сделал первым секретарем Гидаспова. Горбачев поддерживал Никонова, секретаря ЦК по сельскому хозяйству. А все они оказались потом, хотя и с разных политических сторон, противниками Горбачева, и ему пришлось потратить немало труда, чтобы ослабить их позиции.

Так что быть Генеральным секретарем ЦК — это не значит благодушно царствовать, это постоянное маневрирование, сложные расчеты, милые улыбки и внезапные удары. Все это во имя власти — драгоценнейшего сокровища номенклатуры.

При Горбачеве появился еще один элемент на вершине номенклатуры: введен пост Президента СССР.

Разумеется, говорилось в связи с введением президент-

ского режима, что он существует в развитых демократических странах: в США и Франции. При этом деликатно умалчивалось, что преобладает он в слаборазвитых странах — в африканских государствах, в странах Латинской Америки, Среднего и Ближнего Востока. В этих странах президентом именуется обычно диктатор, особенно если он не избирается всенародным голосованием. Горбачев тоже не был избран таким голосованием: было это объяснено тем, что президент-де необходим немедленно, прямо сейчас, и отложить его избрание на месяц для подготовки выборов никак нельзя

Значит, Президент СССР — диктатор? Он становится диктатором. Во всяком случае сопоставлять его с американским или французским президентом нельзя.

При Президенте СССР образованы различные органы — в том числе Кабинет министров СССР. Впрочем, они могут быть недолговечными. Так, Президентский совет, которому, как казалось, была уготована важная роль, просуществовал всего 9 месяцев. Решение о его роспуске Горбачев принял, видимо, внезапно: за пару недель до того в совет был введен министр культуры СССР Н. Губенко, так что о роспуске и мысли еще не было.

Свою опору Президент видит не только в партаппарате и органах безопасности, но и в Вооруженных Силах. Таким образом, пущены в ход все существенные элементы класса номенклатуры (вспомните ее схему!). Деятельность Президента хорошо вписывается в структуру и функционирование этого класса, выражая, таким образом, его интересы.

5. КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТ ЛЕНИНА

В Советском Союзе «ленинская скромность» вошла в пословицу. Бесконечно занятый и деловой до мозга костей, Ленин, вероятно, действительно был довольно равнодушен к византийскому фимиаму хотя бы уже потому, что не имел досуга им наслаждаться.

Казалось бы, после смерти Ленина совсем уж не было нужды создавать его культ, тем более что Сталин, который только благодаря параличу и смерти Ленина удержался на благодатном посту Генерального секретаря ЦК, не испытывал к покойному ничего, кроме своей обычной ядовитой ненависти. И, однако, именно после смерти Ленина культ его личности стал расцветать. Сталин сразу выступил в роли главного глашатая и толкователя ленинизма,

который он определил как «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций». Позднее, когда мощный хор льстивых голосов блудливо воспевал «великого Сталина», сам он скромно поминал Ленина и даже провозгласил однажды оригинальный тост: «За здоровье Ленина и ленинизма!» В день смерти Ленина, 22 января каждого года, в Большом театре в Москве проходило торжественно-траурное заседание, где делался доклад под стереотипным названием «(столько-то) лет без Ленина под водительством Сталина по ленинскому пути». Благосклонно пропускаемый цензурой, в газетах печатался миф, будто перед решением трудных вопросов товарищ Сталин по ночам спускается один в Мавзолей «посоветоваться с Ильичем».

После того, как товарищ Сталин спустился в Мавзолей на более длительный срок, культ Ленина резко усилился. Этому не помешали ни рассуждения маленковского периода «о роли личности в истории», ни последовавшее при Хрущеве «разоблачение культа личности» Сталина.

Но особенно пышно культ Ленина расцвел после Хрущева. Постановления и речи, книги, брошюры, статьи, лекции, кинофильмы, радио- и телепередачи, заседания и конференции, мемориальные доски и комплексы, плакаты, портреты и бюсты Ленина — вся эта продукция пропагандистской машины номенклатуры быстро перевалила узкий рубеж, отделяющий, по словам Наполеона, великое от смешного. Думается, что действительно, если бы Ленин мог услышать раздававшиеся тогда в советской печати в его честь бесстыдные панегирики, он почувствовал бы острое омерзение.

Такое чувство охватило и жителей Советского Союза. Народ выразил это чувство, как обычно, анекдотами. Даже при Сталине бывали анекдоты о его культе, например, такой: «Час говорят о товарище Сталине, два говорят о товарище Сталине, три говорят о товарище Сталине. Что происходит? Юбилей Чайковского». Тут же, на фоне официальных обещаний заняться, наконец, производством товаров для населения, появилась серия анекдотов о предполагаемых товарах: духи «Аромат Ленина»; трехспальная кровать «Ленин всегда с нами»; мочалка «По ленинским местам». С анекдотом о юбилее Чайковского перекликался анекдот о конкурсе на лучший памятник Пушкину: третью премию получает монумент «Ленин читает Пушкина», вторую — «Пушкин читает Ленина», первую — «Ленин».

Но как бы ни издевались в народе над ленинским культом, этот культ старательно поддерживается номенклатурой. Отдал дань ему и Горбачев [7]. Цель — прививать народу и постоянно поддерживать в нем культ вождя. Глава партии, особенно если он к тому же является главой правительства, занимает те же посты, которые занимал в свое время Ленин. Но все-таки неудобно избирать на пленуме ЦК классика марксизма-ленинизма. Вождь должен сам суметь пройти путь от удачливого номенклатурщика до «великого гения человечества» и создать свой собственный культ, постоянно хранимым эталоном которого служит культ Ленина.

Генеральный секретарь ЦК КПСС в качестве главы класса номенклатуры стремится всячески раздуть культ своей личности. В идеале, который был пока что достигнут только Сталиным, вождь провозглашается равным Ленину. В своей наивной книжке о Сталине Анри Барбюс нашел для этого явления удачную формулу: «Сталин — это Ленин сегодня». В таком идеальном случае культ живого вождя затмевает собой культ покоящегося в Мавзолее, и наоборот, чем дальше живой руководитель от вершины обожествления, тем активнее пропагандируется культ Ленина. Такова своеобразная закономерность.

А как же марксистское учение о роли личности в истории? Собственно, оно и породило культ Ленина как эвфемистическую форму культа вождя. Ведь если смог Ленин стать после смерти Маркса и Энгельса этаким живым богом марксизма, то только естественно, что после смерти Ленина кто-то должен занимать это место. Кто же? Ясно, что номенклатурщик № 1 — глава партии.

Таковы побудительные мотивы обожествления Ленина и культовых песнопений приверженцев научного социализма. Право на культ своей личности — это дополнительная, особая привилегия главного номенклатурщика. Поэтому культ личности независимо от качеств этой личности окружал и будет в дальнейшем окружать каждого руководителя ЦК партии — до тех пор, пока существует система реального социализма.

6. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КРЕМЛЕ

Византийский культ личности генерального секретаря не способен скрыть от мира то, что на самой вершине класса номенклатуры происходит борьба прежде всего именно за этот пост, хотя обладатель его всегда изобра-

жается как незаменимый и как бы прямо для него рожденный.

На Западе это стало такой аксиомой, что западные авторы уже привыкли к формуле «Борьба за власть в Кремле», но связывают с ней представления о постоянных спорах и драматических дискуссиях, чуть ли не как в западном парламенте. Между тем ничего подобного нет. Борьба идет не при помощи парламентского красноречия, а путем длительного — годами — подсиживания, сложнейших хитросплетений и интриг, понять которые политики демократического Запада вообще, вероятно, неспособны. Красноречие же, если слово это можно применить к подготовленным аппаратом и читаемым по бумажкам речам на номенклатурно-бюрократическом жаргоне, используется лишь на заключительном этапе, когда нужно наклеивать политический ярлык на уже поверженного противника. До того никаких открытых выступлений против него не бывает; наоборот, его бдительность стараются усыпить демонстративной дружественностью.

Пост генерального секретаря может получить только какой-то один человек, поэтому верхушка номенклатуры старается при каждой смене генерального секретаря создать более выгодные исходные позиции для очередного тура борьбы в целом.

Кого эта верхушка стремится выбрать в генеральные секретари: самого сильного и способного? Наоборот, того из членов Политбюро, что кажется ей самым недалеким и безобидным. Таким казался Сталин в начале 20-х годов на фоне членов ленинского Политбюро; таким казался Хрущев после смерти Сталина (Маленков, наоборот, считался очень сильным); таким казался Брежнев после смещения Хрущева, когда сильным считался Шелепин. Феодальные князья всегда старались посадить на королевский трон возможно более слабого монарха, «князья» класса номенклатуры избирают по этому же принципу Генерального секретаря ЦК. Вот почему тот из членов Политбюро, кто очень хочет стать генеральным секретарем, должен не поражать воображение своими талантами и динамизмом, а выглядеть ограниченным и бескрылым, скромным, погруженным в техническую работу бюрократом, как это сделал Сталин; Иванушкой-дурачком, какого любил разыгрывать из себя Хрущев; стандартным провинциальным партработником, каким казался Брежнев; исполнительным юнцом, готовым слушаться старших, каким считался Горбачев.

Где они, крикуны и печальники?
Отшумели и сгинули смолоду,
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото [8].

Как происходит в действительности борьба за власть в верхушке класса номенклатуры, рассмотрим на примере схватки Брежнева с Шелепиным за пост Генерального секретаря ЦК КПСС. О соперничестве Брежнева и Шелепина западная пресса писала много, но существенные элементы этой истории опубликованы не были.

Какова была карьера Александра Шелепина?

В конце 30-х годов Шелепин был студентом Московского института философии, литературы и истории (ИФЛИ), в то время наиболее модного в кругах московской интеллигенции. Саша Шелепин активно продвигался по комсомольской линии и стал секретарем комитета ВЛКСМ института. Секретарем он был, как тогда и полагалось, суровым и бдительным. Шелепин кричал на одну мою знакомую студентку ИФЛИ, когда она потеряла комсомольский билет: «Ты знаешь, что ты совершила? Ты отдала свой билет врагу. Вот сейчас ты сидишь здесь, а враг — шпион, диверсант — проходит по твоему билету в здание ЦК комсомола!»

В ЦК комсомола прошел, однако, не мифический враг, а сам Шелепин. Окончив институт, бдительный секретарь был взят на работу в Московский городской комитет комсомола, и в начале войны ему было поручено подбирать комсомольцев для заброски в тыл вермахта — как раз в качестве столь волновавших Шелепина шпионов и диверсантов. В числе отобранных им оказалась знаменитая Зоя Космодемьянская — школьница, неудачливая диверсантка, носившая кличку Таня. Она была поймана немцами и повешена ими в подмосковной деревне Петрищево. С петлей на шее Зоя крикнула: «Сталин с нами! Сталин придет!» — за что и была объявлена советской национальной героиней.

Именно на гибели несчастной девушки и сделал свою карьеру Александр Шелепин. Один из моих знакомых рассказывал, как он чисто случайно оказался свидетелем шелепинского звездного часа. Он был по делам в кабинете у первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова, когда тому позвонил Сталин и, осведомившись, кто отыскал Зою Космодемьянскую, сказал: «Это — хороший работник. Обрати на него внимание». В ту минуту и началось неудержимое возвышение Александра Шелепина, приведшее

к тому, что он чуть было не стал третьим преемником самого Сталина.

Шелепин последовательно был первым секретарем Московского комитета комсомола, секретарем ЦК ВЛКСМ, первым секретарем ЦК ВЛКСМ, председателем КГБ СССР; наконец, кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК КПСС, ведавшим партийными и административными органами, включая КГБ. Именно находясь в этой весьма сильной позиции, Шелепин и протянул руку к посту Первого секретаря ЦК КПСС — главы класса номенклатуры.

Попытка захвата высшего поста в номенклатуре была предпринята Шелепиным после тщательной подготовки. На протяжении ряда лет он старательно формировал кадры своих вассалов, всячески продвигая вперед членов своей группы. Брал он в эту группу только людей нужных, как принято говорить на номенклатурном жаргоне — «перспективных». Помню, один из приятелей Шелепина по ИФЛИ обиженно рассказывал мне, что позвонил Шелепину, когда тот стал первым секретарем ЦК ВЛКСМ, а Шелепин сухо ответил, что его не помнит, и повесил трубку. Но по отношению к людям полезным Шелепин забывчивостью не страдал. Всех их он концентрировал в ЦК комсомола, взял ряд из них затем на руководящие посты в КГБ. Перейдя оттуда в ЦК партии, Шелепин передал пост председателя КГБ своему преемнику на должности первого секретаря ЦК комсомола Семичастному и стал как секретарь ЦК КПСС рассаживать своих бывших комсомольцев на различные руководящие посты. Дело было организовано широко. Напористые и наглые молодые карьеристы из аппарата комсомола, быстро прозванные «хунвейбинами», на наших глазах расползались по номенклатуре.

Именно такой оказалась обстановка ко времени свержения Хрущева. Шелепин и Семичастный организационно подготовили всю эту операцию. Находившийся на госдаче в Пицунде Хрущев был незаметно полностью отгорожен ими от всего мира, и его сторонникам не удалось сообщить ему о готовившемся перевороте. Шелепин и Семичастный организовали также доставку Хрущева из Пицунды прямо на заседание Президиума ЦК, где ему было объявлено о его отставке.

Шелепин недаром проводил всю эту связанную с немалым риском акцию. Делал он это не для других, а для себя.

Есть один не публиковавшийся до сих пор факт, без

знания которого нельзя понять весь ход событий. Факт таков: не Брежнев, а Шелепин был намечен на пост преемника Хрущева — Первого секретаря ЦК КПСС. Был подготовлен даже соответствующий проект постановления ЦК. Была достигнута договоренность и о том, что Брежнев избирался Первым секретарем ЦК КПСС лишь временно, с целью скрыть подлинные нити антихрущевского заговора; затем этот пост должен был перейти в руки Шелепина.

Какие гарантии против концентрации власти в руках Шелепина должна была получить верхушка класса номенклатуры? Было принято неопубликованное тогда решение ЦК не допускать в дальнейшем совмещения в одном лице обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Другой вопрос: действительно ли члены Президиума ЦК удовольствовались такой ценой за передачу поста Первого секретаря ЦК склонному к диктаторству Шелепину? Трудно отделаться от впечатления, что члены Президиума ЦК просто обманули последнего. Он был нужен им, так как без поддержки контролировавшегося им КГБ заговор не удался бы, поэтому они обещали Шелепину пост Первого секретаря ЦК. Но, видимо, желания выполнять это обещание у членов Президиума ЦК КПСС не было. Только так можно объяснить резкую речь Микояна на заседании Президиума ЦК КПСС, направленную против назначения Шелепина на пост первого секретаря. Микоян отечески предостерег собравшихся, что-де в противном случае им придется пережить «много бед с этим молодым человеком».

Никогда без нужды не рисковавший Микоян, против которого лично Шелепин ничего не имел, не стал бы так выступать и подвергать себя опасности мести шелепинцев, если бы не был заранее уверен в том, что Президиум ЦК его послушается.

Шелепина перевели из кандидатов в члены Президиума ЦК, Семичастного ввели в состав ЦК КПСС. Но на посту Первого секретаря ЦК остался Брежнев — потому что, как мы уже говорили, он рассматривался другими членами Президиума в качестве наименьшего зла. Брежнев не забыл Микояну этой услуги: вышедший на пенсию и давно уже не член Политбюро, ловкий старец до самой смерти пользовался всеми привилегиями члена высшего руководства.

Брежнев, конечно, понимал, как шатко было его положение. Об этом с особой силой напомнил ему следующий факт. При открытии XXIII съезда КПСС (1965 год)

шелепинцы устроили демонстрацию: когда при избрании президиума съезда было названо имя Шелепина, в зале разразились бурные аплодисменты — очевидно, заранее организованные. Брежневцы мгновенно сориентировались и начали аплодировать после каждого зачитываемого имени, чтобы сгладить неловкость; но эта с точки зрения тогдашних нравов КПСС исключительно наглая выходка показывала, что Шелепин не намерен стесняться в средствах и что действовать против него надо было быстро.

Единственный из всех секретарей ЦК КПСС Шелепин совмещал эту должность с правительственным постом: в качестве председателя Комитета партийного и государственного контроля он был одновременно секретарем ЦК КПСС и заместителем Председателя Совета Министров СССР. С целью лишить его этого статуса ЦК КПСС попросту ликвидировал Комитет партийного и государственного контроля, образовав вместо него Комитет народного контроля. Шелепин был освобожден от должности заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателем же Комитета народного контроля утвержден не был.

Однако у Шелепина оставался пост секретаря ЦК партии, и поэтому для него была подобрана должность, формально столь высокая, чтобы ее мог занимать член Политбюро: Шелепина вдруг утвердили председателем ВЦСПС, таким образом он выбыл из секретарей ЦК. После этого всем стало ясно, что Шелепин проиграл игру.

Почему он не сопротивлялся? Потому что Брежнев подрывал не только позиции лично Шелепина, но одновременно разгонял его группу. Шелепину было попросту не на кого опереться.

Семичастный был лишен поста председателя КГБ СССР и отправился в Киев в качестве заместителя Председателя Совета Министров УССР. Чтобы выгнать другого шелепинца — члена правительства СССР, бывшего секретаря ЦК комсомола Романовского, был ликвидирован возглавлявшийся им Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. Сам Романовский был отправлен послом в Норвегию. Романовского я давно знал, встречался с ним со студенческих времен в разных ситуациях. Помню, как еще незадолго до того торжественно приветствовавший меня из правительственной «Чайки», в которой он ездил из своего комитета даже в кремлевскую столовую (расстояние можно пройти за 5 минут), Романовский скромно пришел

после закрытия комитета в Институт мировой экономики и международных отношений проситься в заочную аспирантуру и робко ждал у дверей отдела аспирантуры в коридоре.

Еще об одном высокопоставленном шелепинце — заместителе заведующего Отделом информации ЦК КПСС Решетове мы уже говорили. Можно было бы рассказать такое и о многих других из шелепинских «хунвейбинов».

А сам Шелепин? Несмотря на то, что он довольно открыто фрондировал в Политбюро, его оттуда не удаляли. В кругах аппарата ЦК говорили, что так хотел сам Брежнев: Шелепин в Политбюро служил напоминанием другим его членам, что, если они не будут слушаться Брежнева и власть последнего ослабеет, Шелепин сможет вновь вскарабкаться наверх, и тогда уж им всем несдобровать. Так или иначе, Шелепин был выгнан из Политбюро действительно только тогда, когда Брежнев заболел и наметилась возможность его ухода от власти. Сделано это было по всем правилам номенклатурного интриганства: Шелепин был послан в Англию, где состоялись направленные против него демонстрации протеста, которые легко было предвидеть (дело в том, что именно Шелепин в качестве председателя КГБ СССР вручал орден Красного Знамени Сташинскому за убийство в Мюнхене руководителей украинских националистов Бандеры и Ребета). Антишелепинские демонстрации в Англии не были объявлены «выходкой фашиствующих элементов», как это бывает обычно в случае антисоветских демонстраций за границей, а были использованы для вывода Шелепина из Политбюро. Вскоре последовало освобождение Шелепина с поста председателя ВЦСПС. Политическое уничтожение Шелепина было завершено.

В номенклатурных кругах смеялись, что операция по разгону шелепинцев была единственной до конца последовательной акцией брежневского руководства. Что ж, последовательность была не случайной. В борьбе за власть — самое для них главное — номенклатурные деятели всегда проявляют последовательность.

Вот так происходит реальная борьба за власть в Кремле. Как видите, она не имеет ничего общего с парламентскими словесными дуэлями. Это всегда сложные маневры, сопровождаемые организационными решениями, назначениями и перемещениями, которые все, однако, не рутинны и не случайны, а направлены к единой продуманной цели.

Что же это — операция, в глубокой тайне проводимая в узком кругу кремлевской номенклатурной верхушки? Не совсем так.

Конечно, никого лишнего в свои дела номенклатурная верхушка не посвящает. Когда Хрущев был смещен, даже сотрудники ЦК КПСС догадывались о происшедшем лишь по косвенным признакам: по нервному настроению секретарей ЦК, по одновременному прибытию в Москву руководящих партийных деятелей из ряда республик и областей, по внезапному исчезновению упоминаний имени Хрущева в газетах. Но в то же время руководящие круги класса номенклатуры на периферии были заранее извещены о предстоящем перевороте. Бывший тогда секретарем ЦК КП Белоруссии, а затем — заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Шауро рассказывал нам потом в Минске, что они в руководстве белорусского ЦК заранее знали: Хрущева будут устранять. В такой форме получалось согласие номенклатуры на смену кремлевского руководителя.

Зачем? Разве этим не увеличивалась опасность для заговорщиков? Да, увеличивалась. Но в том-то и дело, что диктатура Генерального секретаря ЦК КПСС — не личная, а классовая. Надо было заручиться согласием верхнего слоя класса номенклатуры. И коллективная диктатура Политбюро и Секретариата ЦК, и единоличная власть Генерального секретаря, и хозяйничание партаппарата — лишь различные ипостаси той подлинной диктатуры, которая господствует при реальном социализме: диктатуры номенклатуры.

Мы рассмотрели вопрос о Генеральном секретаре ЦК партии. Обратимся теперь к возглавляемым им «директивным органам».

7. ПОЛИТБЮРО

Политбюро появилось не сразу. Впервые оно как временный орган было образовано на известном заседании ЦК большевистской партии 10 октября 1917 года, на котором было принято решение о вооруженном восстании против Временного правительства. Создание этого временного Политбюро, разумеется, совсем не означало делегирования ему всех политических полномочий ЦК.

Политбюро как постоянный орган в составе ЦК было образовано лишь на VIII съезде партии, в марте 1919 года. Его задачей было принимать решения только по вопросам,

не терпевшим отлагательства, и докладывать о таких решениях на ближайшем заседании ЦК (заседания должны были созываться каждые 2 недели). Одновременно было создано Оргбюро ЦК, которому было поручено вести всю организационную работу партии. Таким образом, Политбюро вначале было наряду с Оргбюро лишь вспомогательным органом ЦК, а не возвышающимся над ним «советом богов», каким оно стало при Сталине и остается сегодня.

При Сталине Политбюро было подобрано как группа личных приятелей вождя. Одни стояли к нему ближе других, долгое время Молотов официально именовался «ближайшим другом и соратником» Сталина, затем — после ареста его жены П. С. Жемчужиной — угодил в опалу. Близок к Сталину был Л. М. Каганович — только он и Ежов именовались «сталинскими наркомами» (иногда, правда, и Ворошилов). Близок к Сталину был Жданов, неизменно близок был Берия, под конец жизни Сталин приблизил к себе Маленкова. Разонравившихся ему членов Политбюро Сталин хладнокровно ликвидировал.

После Сталина эти патриархальные обычаи отошли в прошлое. Политбюро теперь — не клика дружков Генерального секретаря, а в определенном смысле представительный орган. Гарантированные места в Политбюро имеют глава правительства СССР, Председатель Верховного Совета СССР, ведущие секретари ЦК КПСС, председатель КГБ, министр обороны, первые секретари ЦК КП Украины, а также — по очереди — других республик; обычно первые секретари Московского и Ленинградского горкомов партии. Это одно из ряда проявлений тенденции к упорядочению, к консервативной стабильности и выработке определенных правил, устраивающих класс номенклатуры. Поскольку речь идет не о клике друзей, а о разных людях, набранных более или менее по принципу представительства, отношения в Политбюро сложные. Назначения на важные посты тянутся томительно долго, так как очень точно взвешивается соотношение сил в Политбюро: ведь каждый назначаемый на такой пост — ставленник и, следовательно, вассал кого-либо из членов Политбюро.

Главное для члена номенклатурного руководства — не политические вопросы сами по себе, а их использование для собственного благополучия и продвижения. Поэтому искусство состоит не в том, чтобы в споре одержать верх над другой точкой зрения, а в том, чтобы лично

оказаться в выигрыше и уж во всяком случае — не в проигрыше. А для этого нужно угадать, каково будет в конечном итоге решение, чтобы на него ориентироваться. Больше всего шансов имеет точка зрения Генерального секретаря: поэтому члены Политбюро и Секретариата почти всегда ее поддерживают. Если же в каком-то случае член руководства и рискнет выступить со своим, отличным мнением, то он будет старательно маневрировать, так чтобы из его высказываний невозможно было даже при большой придирчивости сконструировать некую линию, отличную от генеральной линии ЦК. Он знает: если удастся доказать, что он — уклонист, или если целую группу можно будет обвинить в групповщине либо, еще хуже, в сколачивании фракции, то легко можно лишиться своего сладостного поста.

Правила политической игры и делания карьеры в социалистических странах иные, чем на Западе. Западному политику, чтобы продвинуться, надо выделиться, так как продвижение его зависит от довольно широких кругов партии и даже от воли избирателей. Ведущему политику, действующему в условиях реального социализма, карьеру может обеспечить только благоволение Генерального секретаря ЦК и если не поддержка, то по крайней мере отсутствие противодействия со стороны других членов руководства. Поэтому он как раз будет стремиться не приобретать собственного профиля, а выглядеть в глазах своих коллег безобидным и безопасным. Напротив, политик, который, не став Генеральным секретарем ЦК КПСС, имеет неосторожность уже приобрести определенный профиль, обречен на провал: так было при Сталине с членами ленинского Политбюро, с Кировым, Тухачевским и другими; так было с Молотовым и маршалом Жуковым при Хрущеве; так было с Шелепиным при Брежневе; с Романовым и Гришиным при Горбачеве.

Только не надо делать отсюда ошибочного вывода, будто в Политбюро попадают и удерживаются там люди неспособные. Наоборот, от этих людей требуется дополнительная способность — умение скрывать свой подлинный политический формат, вместе с тем не переигрывая и не производя впечатления беспомощности и недостаточной квалифицированности. Хотя они все — за исключением Генерального секретаря — старательно выглядят одинаково бесцветными, в действительности члены Политбюро и Секретариата ЦК — крупные личности, обладающие, несомненно, большими политическими способностями.

Как работает Политбюро?

Вот составленный Лениным в декабре 1922 года регламент Политбюро:

«1. Политбюро заседает по четвергам от 11-ти и никак не позже 2-х.

2. Если остаются нерассмотренные вопросы, то они переносятся либо на пятницу, либо на понедельник на те же часы.

3. Повестка дня Политбюро должна быть разослана не позже, чем к 12-ти часам дня среды. К тому же сроку должны быть присланы материалы (в письменной форме) к повестке.

4. Дополнительные вопросы могут вноситься в день заседания лишь при следующих условиях:

а) в случае абсолютной неотложности (особенно вопросы дипломатические),

б) лишь в письменной форме,

в) лишь в тех случаях, если нет протеста со стороны хотя бы одного из членов Политбюро.

Последнее условие относительно неопротестования вносимых вне повестки вопросов может быть игнорируемо лишь только по отношению к вопросам дипломатическим, которые никакого отлагательства терпеть не могут» [9].

День выбран продуманно: в пятницу будет отпечатан протокол заседания, состоящий из пронумерованных решений; для заинтересованных ведомств будут сделаны копии соответствующих решений — и уже с утра в понедельник руководители ведомств получат эти решения и примутся за их выполнение.

Ленин ввел и принятую до сих пор формулу внесения вопросов на решение Политбюро и других руководящих органов номенклатуры. Он установил в Совнаркоме порядок «предварительного *письменного* заявления с указанием:

а) в чем состоит вопрос (кратко) [это указание не может ограничиться одной ссылкой («о том-то»), а должно состоять в *изложении содержания вопроса*]

б) что именно предлагается Совету Народных Комиссаров? (дать деньги; принять *такую-то* резолюцию и т. п., точные указания, *чего* хочет вносящий вопрос)

в) затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения?» [10].

По этой схеме и вносятся вопросы на рассмотрение Политбюро.

На заседаниях Политбюро (и Секретариата) ЦК ведется краткий протокол — без изложения содержания прений. Этот протокол сводится к пронумерованному перечню принятых решений. Очевидно, ведется и стенограмма заседаний, но официальным документом о заседании считается протокол.

Пронумерованные экземпляры протоколов Политбюро и Секретариата ЦК — каждый из них составляет довольно толстую брошюру в темно-красной обложке, отпечатанную на ротаторе,— направляются Общим отделом ЦК через фельдъегерскую связь всем членам и кандидатам в члены ЦК для ознакомления. Они хранятся, разумеется, в сейфе и подлежат возврату с распиской об ознакомлении. Решения читают также ответственные сотрудники аппарата ЦК КПСС. После событий в Чехословакии в 1968 году перепуганное руководство лишило их этой привилегии, но затем она была восстановлена. И правда: ведь действительно секретных решений в этих брошюрах нет. Все такие решения откладываются в так называемую «особую папку», с которой члены и кандидаты в члены ЦК могут знакомиться в секретной части Общего отдела ЦК КПСС. В протоколе же просто помещается номер решения, кем внесен вопрос, и указывается, что оно находится в «особой папке». «Особая папка» — не новое изобретение, она была заведена тоже еще при Ленине. Как свидетельствует Б. Бажанов, бывший секретарем Сталина и тем самым — техническим секретарем Политбюро, в протоколе первого же заседания Политбюро, на котором он присутствовал (23 августа 1923 года), уже употреблялась та формула, что и сейчас: «вопрос, внесенный (таким-то членом Политбюро или органом). См. «особую папку».

И уже тогда смотреть эту папку в общем-то никому не разрешалось. Бажанов сообщает, что «особая папка» хранилась в сейфе в его кабинете — и ключ был только у него. Члены ЦК должны были просить у секретаря ЦК особого разрешения заглянуть в эту таинственную папку. Бажанов замечает, что за все время его пребывания на посту секретаря Сталина никто такого разрешения не получил [11].

«Особые папки» издавна заведены не только в ЦК КПСС, но и в ЦК компартий союзных республик, в крайкомах и обкомах. В материалах Смоленского архива — единственного до сих пор партархива КПСС, полностью доступного исследователям,— нередко встречаются упоми-

ния об «особой папке», в которой хранились совершенно секретные решения Западного обкома партии.

Брошюры протоколов Политбюро и Секретариата ЦК сжигаются. Небольшое количество сохраненных экземпляров сдается в архив ЦК. Материалы ЦК передаются затем в Центральный партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В Центральном партархиве хранится много интересного. Там лежит, например, весь архив Коминтерна, из которого советским авторам истории Коминтерна удалось получить для прочтения лишь незначительную часть документов, хотя сами авторы занимали видные посты в Институте марксизма-ленинизма. Там же — недоступный никому — находится «фонд Сталина».

Когда-нибудь материалы этого архива откроются для исследователей: этим всегда кончается, самые секретные архивы обязательно становятся достоянием гласности. Там будет обнаружено много любопытнейших документов. Но ни один из них не будет так важен, как полное собрание сухих протоколов-решений Политбюро и Секретариата ЦК, повествующих о том, как неделя за неделей, день за днем на протяжении ряда десятилетий эти два органа управляли огромной страной, осуществляя в ней классовую диктатуру номенклатуры.

8. СЕКРЕТАРИАТ ЦК

Секретариат ЦК КПСС как чисто технический орган начал складываться еще до революции. В 1917 году он уже играл некоторую самостоятельную роль, ведя переписку с большевистскими комитетами в разных частях страны. Но как постоянный орган в составе ЦК он был образован одновременно с Политбюро и Оргбюро на VIII съезде партии — в марте 1919 года.

Сначала Секретариат был как бы придатком Оргбюро и должен был состоять из ответственного секретаря и 5 технических сотрудников (число последних быстро выросло до 30 человек). На IX съезде партии (март — апрель 1920 года) Секретариат ЦК превращается в практически самостоятельный политический орган. Решено, что он состоит из 3 членов ЦК, причем все они — постоянные работники аппарата. Тем самым были созданы тически посты секретарей ЦК, среди которых один назначался «ответственным». Задача Секретариата ЦК заключалась в ведении текущих дел организационного и исполнитель

ного характера, на долю же Оргбюро было оставлено лишь некое «общее руководство организационной работой» К этому времени Секретариат ЦК содержал уже многочисленный аппарат — 150 сотрудников. Через год, к X съезду партии, их число превысило 600 человек [12].

За последние десятилетия число секретарей ЦК КПСС колеблется между 10 и 12. Генеральный секретарь ведает всеми вопросами, остальные секретари имеют определенные участки работы. Это партийно-организационная работа, идеология, оборона, промышленность, сельское хозяйство, мировое коммунистическое движение. При Сталине были секретари ЦК по кадрам и по государственной безопасности, теперь кадровая работа распределена по всем отделам ЦК.

Как уже упоминалось, члены Политбюро считаются равными — кроме Генерального секретаря, рассматриваемого в качестве руководителя Политбюро. В Секретариате существует открыто признаваемая иерархия: деление на секретарей, входящих одновременно в Политбюро, и на секретарей, туда не входящих. Разница между ними столь велика, что можно говорить о старших и младших секретарях.

Различие между секретарями ЦК в статусе и сфере деятельности тщательно учитывается аппаратом при рассылке проектов решений на голосование. Дело в том, что проекты решений при голосовании опросом рассылаются не всем секретарям ЦК и — как это ни странно — даже не большинству. Было введено правило, что решение Секретариата ЦК КПСС при голосовании опросом считается состоявшимся, как только за него проголосовали 5 из 12 секретарей. Общий отдел ЦК КПСС, осуществляющий рассылку, получает сначала подпись секретаря, ведающего тем участком работы, к которому относится решение, а затем должен подобрать голосующих так, чтобы обязательно были один-два из старших секретарей. Многоопытные руководители Общего отдела, хорошо знающие настроения, симпатии и антипатии секретарей ЦК, получают, таким образом, возможность при случае задерживать, а то и проваливать иные решения.

У каждого секретаря ЦК КПСС есть небольшой секретариат. У старших секретарей — 2 помощника и 2 секретаря, у младших — 1 помощник и 2 секретаря. Секретари секретарей ЦК работают через день с утра до позднего вечера, чтобы в пределах каждого рабочего дня была обеспечена полная преемственность всех дел. И по-

мощники, и секретари секретарей ЦК — чины из номенклатуры Секретариата ЦК КПСС со спецзаказом, ВЧ и «вертушкой». По своему уровню в номенклатуре помощник секретаря ЦК — кандидат на должность заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС, секретарь секретаря — на должность заведующего сектором.

...Вы идете по розово-зеленой дорожке, расстеленной по паркету коридора. Долго нет никаких дверей. Значит, за стеной — большое помещение, секретариат одного из руководителей ЦК. Наконец, обитая темным дерматином дверь с обычной белой табличкой под стеклом: инициалы и фамилия. Одна из тех фамилий, которые пишутся в официальных перечнях без указания должности.

Вы входите. Просторная светлая приемная. За столом-конторкой из светлого дерева сидит секретарь секретаря — молодой мужчина; слева от него — столик со стадом телефонов. Из приемной — две двери: одна — в небольшой кабинет помощника, другая — в большой кабинет секретаря ЦК.

Если откроется перед вами дверь и этого кабинета, вы не увидите там никакой роскоши. Кабинет, как и все здание ЦК, сияет чистотой, он сух и официален, в нем нет ничего личного, ни фотографии жены или детей, ни книжки для чтения на досуге. На стене — портрет Ленина. Большой, но простой письменный стол со стандартной настольной лампой, слева — телефоны на столике. Длинный стол для совещаний. Сейф. В глубине кабинета — дверь в небольшую комнату отдыха: там — постель, холодильник, столик, лампа, кресло. За ней — уборная и душ.

Все эти кабинеты примерно одинаковы, ни в одном нет ни единой живой черточки. В общем-то тоже суховатый ленинский кабинет в Кремле кажется уютным и домашним по сравнению с этой безликой официальностью.

Такая безликость создалась подсознательно, но она многозначительна. Она подчеркивает: здесь управляет не он лично, могущественный секретарь ЦК, здесь его руками управляет безликая масса класса номенклатуры.

9. ВОЗМОЖНЫ ЛИ КОНФЛИКТЫ ПОЛИТБЮРО С СЕКРЕТАРИАТОМ?

Политбюро и Секретариат ЦК КПСС — два органа-близнеца. Могут ли возникать конфликты между ними? Или силы их столь неравны, что о конфликте и говорить не приходится?

Нет, силы сопоставимы. Политбюро, при всей полноте своей власти, имеет одно слабое место по сравнению с формально более скромным Секретариатом: принадлежность к Политбюро — огромная привилегия, но не должность. Между тем секретарь ЦК — должность самого высшего уровня в государстве номенклатуры.

Речь идет именно об уровне. Да, пост премьер-министра СССР — более высокий, чем пост одного из секретарей ЦК КПСС. Но Кабинет министров во главе с премьером значительно ниже, чем Секретариат ЦК во главе с Генеральным секретарем. Это наглядно выражается в том, что все члены Секретариата входят в группу высшего руководства, тогда как от Кабинета министров в нее включен по своему положению только сам его глава и — да и то не обязательно — его первый заместитель.

В Политбюро есть лица, обладающие меньшей властью, чем любой секретарь ЦК КПСС. Таковы включенные туда первые секретари ЦК КП союзных республик, министр иностранных дел СССР и — если он туда входит — председатель ВЦСПС. Объясняется это не тем, что мало власти у этих лиц, а тем, что огромна власть секретаря ЦК КПСС. Он в отведенной ему сфере командует всесильным центральным партаппаратом, не говоря уже о министерствах и ведомствах. В совокупности же Секретариат ЦК полновластно распоряжается всеми делами в стране — практически наравне с Политбюро. Такое равенство достигается тем, что, хотя Политбюро выше, у Секретариата в руках больше рычагов.

Значит, возможны конфликты между Политбюро и Секретариатом? Они уже бывали. Если не говорить об отдельных расхождениях по частным вопросам, можно назвать по крайней мере три крупных конфликта.

Первый — борьба возглавляемого Сталиным Секретариата ЦК против Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова — членов ленинского Политбюро. Обычно в этой нелегкой борьбе замечают лишь то, как ловко маневрировал Сталин, раскалывая фронт своих противников и сталкивая их лбами. Но неверно упускать из виду, что был это в первую очередь конфликт между двумя директивными органами — Политбюро и Секретариатом. Он завершился победой сталинского Секретариата: Политбюро было завоевано сталинцами.

Второй конфликт менее широко известен. Он развернулся в 1953—1954 годах, когда после смерти Сталина его непосредственному преемнику — Маленкову не удалось

закрепить за собой пост Генерального секретаря ЦК. В этом сыграл роль тот вообще малоизвестный факт, что в 1952 году наследники Сталина, предвидя его смерть, ухитрились предусмотрительно вообще ликвидировать пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Сталин согласился, так как давно уже не подписывался как Генеральный секретарь, а скромно писал: «Секретарь ЦК И. Сталин»; он справедливо полагал, что его имя весит больше, чем приставка «генеральный». В итоге к концу жизни Сталина сложилось парадоксальное положение: в каждом комитете КПСС — от ЦК союзной республики до райкома — был первый секретарь, а в ЦК КПСС — не было. Такое положение понадобилось для того, чтобы не дать Маленкову сразу вскочить на место Сталина.

В первые дни после смерти Сталина, в марте 1953 года, речи на траурных митингах было принято завершать стереотипной концовкой: «Вечная слава Председателю Совета Министров СССР, секретарю ЦК КПСС И. В. Сталину! Да здравствует Председатель Совета Министров СССР, секретарь ЦК КПСС Г. М. Маленков!» От этой формулы, буквально списанной с известного «Le roi est mort, vive le roi!», пришлось отказаться, так как Бюро Президиума ЦК (так именовалось после XIX съезда КПСС Политбюро) освободило Маленкова от должности секретаря ЦК КПСС, сославшись на невозможность совмещать ее с требующей также полной отдачи всего времени должностью Председателя Совета Министров СССР; ссылка на недавний прецедент — совмещение обеих должностей великим гением человечества Сталиным — была бы нескромной и все равно не имела бы успеха.

В этих условиях Маленков постарался принизить роль Секретариата и возглавляемого им аппарата ЦК КПСС. Маленков стал именоваться — хотя в печати это и не появилось — Председательствующим (не председателем!) Президиума ЦК. О Секретариате стали говорить как о техническом органе, ответственным за Секретариат стал Хрущев, о котором думали — как выяснилось, без оснований,— что он не способен быть конкурентом Маленкова. В аппарате Совета Министров СССР Маленков создал крупные отделы и постарался передать им функции отделов ЦК КПСС.

Но и на этот раз Секретариат победил. При поддержке почувствовавшего угрозу партаппарата Секретариат во главе с Хрущевым сумел быстро поставить Маленкова на колени и к началу 1955 года принудить его к отставке.

Президиум ЦК КПСС был завоеван хрущевским Секретариатом.

Третий конфликт Политбюро (Президиума) с Секретариатом ЦК произошел в июне 1957 года. Большинством голосов (8 против 4) Президиум ЦК постановил снять Хрущева с поста Первого секретаря ЦК; против голосовали три секретаря ЦК — члены Президиума: сам Хрущев, Суслов и Фурцева (четвертым голосовавшим за Хрущева был Микоян). Подчиненный Секретариату аппарат ЦК при поддержке маршала Г. К. Жукова организовал срочный приезд в Кремль около 100 членов ЦК. Объявив себя июньским Пленумом ЦК КПСС, они поддержали Хрущева и разгромили антихрущевское большинство Президиума[13]. Было бы неверно толковать эту акцию как восстание членов ЦК против Президиума: речь шла об операции, проведенной Секретариатом. Единственный же из секретарей ЦК, присоединившийся к антихрущевскому большинству Президиума,— Шепилов — был примерно наказан. Он был с позором выгнан из Секретариата ЦК, из партии, выведен из состава Академии наук СССР, выселен из своей огромной квартиры; я видел его, опустившегося, взъерошенного и пьяного, в районе Пироговской улицы, где его пристроили работать в архиве. В третий раз Секретариат одержал победу в конфликте с Политбюро.

Было бы неверно делать из этих повторяющихся побед вывод, что Секретариат сильнее Политбюро. Но из них можно заключить, что в серьезных случаях он не слабее.

О самостоятельности Секретариата свидетельствуют и цифровые данные. Было официально сообщено, что за 5 лет, прошедших между XXIV и XXV съездами партии, Секретариат ЦК КПСС рассмотрел в порядке контроля за исполнением принятых решений «более 80 вопросов», то есть всего по 16 вопросов в год. Отсюда ясно, что проверка исполнений решений ЦК — отнюдь не первостепенная задача Секретариата. Явно не является его задачей и подготовка материалов к заседаниям Политбюро: за тот же период Политбюро заседало 215 раз, а Секретариат — всего 205 раз [14].

Политбюро и Секретариат ЦК КПСС работают параллельно. У каждого из двух высших органов номенклатурной власти — свои вопросы, но в этих рамках каждый из них суверенно принимает решения, и они считаются решениями ЦК КПСС.

Вместе Политбюро и Секретариат ЦК КПСС — машина

для принятия политических решений в общесоюзном масштабе. Вместе они правят Советским Союзом.

10. АППАРАТ ЦК

Укоренившееся на Западе представление о функционировании правящей верхушки советской номенклатуры примерно таково: они сидят в Кремле, денно и нощно обсуждая, что делать и как вести дальше генеральную линию. А так как дел в мировой державе, Советском Союзе, много, западные наблюдатели недоумевают: когда же эти люди ухитряются не только спать, но и бывать на банкетах и приемах, ездить за границу и по Советскому Союзу, жить неделями на дачах под Москвой и на Черном море, заниматься своими женами и неженами, охотиться и наслаждаться своей сладкой жизнью? Не облегчило ответа на такой вопрос и описание Светланой Аллилуевой многочасовых застольных бдений на сталинской даче. Да, все они там часами сидели и даже иногда решали какие-то вопросы, но не обсуждали генеральную линию, а рассказывали старые анекдоты, напивались, грубо шутили, пели и наперебой лакействовали перед Хозяином.

А между тем дела шли и идут, одна политическая акция следует за другой,— и все это исходит от них, маленькой группы политбюрократов. Что они, гениальны или сверхчеловечески выносливы?

Ни то, ни другое. Они давно бы уже лопнули от перенапряжения, как Ленин, пытавшийся сам все осмыслять и разрабатывать. Они же благоденствуют и живут в завидном здоровье до весьма преклонных лет. Секрет этого геронтологического феномена — не в гениальности или двужильности, а в том, что за членов Политбюро и Секретариата ЦК думает и на них работает огромный номенклатурный аппарат.

В распространенном на Западе представлении о функционировании номенклатурной верхушки в СССР есть один методологический дефект: не учтено, что принятие ею решений представляет собой лишь заключительный акт в работе сложного механизма. Машина для выпуска решений, Политбюро и Секретариат,— лишь конечный, хотя весьма важный его узел. Более чем полвека, прошедших с времен ленинских импровизаций в полупустом Кремле, были периодом конструирования и совершенствования этого ныне гладко обкатанного механизма.

Сегодня решение ЦК КПСС принимается не так, как

при Ленине. В Полном собрании сочинений Ленина много написанных им лично текстов решений ЦИК и СНК. Уже в бумагах Сталина труднее будет отыскать подобные собственноручные наброски. И совсем нет их в бумагах Хрущева и Брежнева: всё пишет аппарат. Сравните заполненный книгами — литературой по разным вопросам, справочниками, словарями — кабинет Ленина в Кремле и кремлевский кабинет Генсека, где книжный шкаф — лишь для показа, а только телефоны, кнопки, длинный стол заседаний и стоящие во главе этого заседательного стола настольные часы.

Дело не в том, что теперь Генеральный секретарь меньше работает, чем Ленин. Главное в том, что работа Генсека построена иначе. Ему незачем самому рыться в книгах — референт принесет в сафьяновой папке все необходимое, тщательно выверенное и перепечатанное, причем не сырой материал, а уже готовый текст любого решения, доклада, выступления или застольной речи. Текст этот будет составлен специалистами, старательно отредактирован и взвешен, внимательно рассмотрен под всевозможными углами зрения. Разве Генсек сам, возьми он чистый лист бумаги, сможет написать лучше? Конечно, нет. Значит, остается просто подписать или огласить, не задумываясь. Характерен рассказываемый анекдот. Брежнев, прочитав речь, строго говорит референту: «Я сказал: подготовить речь на 10 минут, а пришлось читать 20». Референт робко отвечает: «Леонид Ильич, у вас было два экземпляра».

Есть на Западе сотрудники, пишущие речи политиков, так называемые ghostwriters, но система другая. На Западе для президента, или премьера, или главы партии пишет некто один, с бойким пером, в стиле, нравящемся шефу; ghostwriters поименно известны, творчество их индивидуально, хотя они и выступают под псевдонимами своих начальников. В соцстранах пишет анонимный аппарат. Текст проходит через множество рук, причем даже первый вариант сочиняют разные люди, в зависимости от содержания, а не некий присяжный творец сочинений шефа. Я сам, например, регулярно писал приветствия Хрущева международным Пагуошским конференциям ученых, и даже появлялись они в печати почти без изменений. Но хрущевским ghostwriter'ом никто в отдельности не был, тексты писали разные авторы.

Этим я отнюдь не ставлю под вопрос способности политиков класса номенклатуры. Писать Хрущев не мог,

но был хорошим оратором-демагогом, и продиктованные им мемуары — интересный документ.

Да и нынешние руководящие деятели номенклатуры умные и талантливые политики, разумеется, в системе реального социализма.

Аппарат играет важную роль не только в подготовке текстов решений, заявлений и речей, но и в формировании мыслей руководства номенклатуры, ведущих к этим текс там.

В предыдущей главе мы говорили о том, как бесконечно далека от реальной жизни верхушка класса номенклатуры Вся получаемая ею информация отобрана и препарирована аппаратом.

Обычный советский человек ловит по каплям сведения о положении в стране и в мире. В распоряжении номен клатурной верхушки — море информации. Это море соз дают министерства и ведомства, Госкомитет по статистике, корреспонденты ТАСС, спутники-шпионы, осведомители КГБ, посольства и торгпредства, агенты и радиоперехват чики, зарубежные компартии и иностранные дипломаты словом, источников много. Но все кажется недостаточным: пожалуй, ни в одной стране правящая верхушка не изыс кивает с таким остервенением все новые возможности получения информации, как в Советском Союзе.

Значит, правители этой страны — самые информированные люди в мире? Ничуть не бывало. Светлана Аллилуева удивлялась, описывая застолья членов сталинского Политбюро на «Ближней даче»: «Застолье было обычным — ничего нового. Как будто мир вокруг не существует. Неужели все эти сидящие здесь люди еще сегодня утром не узнали что-нибудь свежего и интересного со всех концов мира? Ведь они же располагают информацией, как никто иной, но похоже, что не располагают»[15].

И ведь это не из желания сохранить государственную тайну, а в своем кругу. Просто руководители класса номенклатуры не очень информированы и нелюбознательны. Точнее: любознательны они лишь в отношении того, что касается их карьеры.

Как же море информации превращается в тонкую струйку, которой поят членов Политбюро и Секретариата ЦК?

Для всех информационных документов, направляемых в эти органы, установлен независимо от важности вопроса строгий предельный объем: две машинописные страницы для обоснования необходимости решения и пять страниц

для чистой информации. Правило составления документов: писать для читателя, не имеющего ровно никаких познаний в данном вопросе.

Подготовленные, таким образом, документы поступают помощникам членов руководства. Здесь информация тщательно сортируется, ненужное отбрасывается, все неприятное приглаживается, остальное резко сокращается. Так возникает некая подретушированная схема схемы, которая и докладывается руководителям номенклатуры. Известно, что их особым вниманием пользуется представляемая КГБ ежедневная информация о внутриполитическом положении в стране (аналогичная информация по каждой республике докладывается местным КГБ первому секретарю ЦК КП республики) и сводка важнейших разведывательных данных.

Такая система создает некоторое полузнание и иллюзию полной информированности. Борющиеся со склерозом пожилые руководители в спешке проглядывают гладко обкатанные короткие фразы, в которых каждое слово несет в себе смысл, если над этим смыслом задумываться, а практически имеет лишь смысл перестраховки: к составителю нельзя придраться, что он обманул или умолчал. В памяти у руководителей номенклатуры остается от такой информации не так уж много: случайно их заинтересовавшее, показавшееся наиболее важным или ярким. Но и это запоминается схематично и приблизительно. Конечно, всегда можно дать задание и получить по любому вопросу ответ с любой степенью подробности. Но ведь обо всем не расспросишь некогда да и незачем: руководители номенклатуры давно привыкли, что любое их решение будет встречено льстивым окружением как проявление высшей мудрости; народ же все стерпит.

Роль аппарата партийных органов в осуществлении власти в стране не ограничивается информированием высшего руководства и подготовкой проектов его решений. Партийному аппарату предоставлено право давать указания, выполнение которых фактически обязательно. Это «телефонное право» очень важно. Число запротоколированных решений бюро и секретариатов парткомитетов — от ЦК до райкома, сколь внушительно оно ни было бы, ничтожно в сравнении с числом непрестанно даваемых указаний, устных и телефонных, нигде не зафиксированных, но неизменно выполняемых. Попытки опротестовать перед высшими чинами партийного аппарата указания, данные чинами менее высокими, успеха не имеют:

классовая спайка номенклатурного аппарата такова, что, даже если высший чин и будет недоволен решением подчиненного, он его отругает в своем кабинете, но не дезавуирует. Жалобщик же может считать свою карьеру оконченной: мстительный аппарат непременно нанесет ему удар. Если в годы сталинских чисток можно было еще возлагать надежду на то, что в своих интригах друг против друга аппаратные чины воспользуются жалобой как предлогом для сведения счетов, то теперь нет и такой перспективы: круговая порука в аппарате перед лицом всех посторонних стала в послесталинский период аксиомой.

Другое дело — государственный аппарат. Там можно обжаловать решение низших начальников перед высшими; там можно, в конце концов, обратиться с жалобой в партийный аппарат. Указания же партийного аппарата надо беспрекословно выполнять: перед вами не обычная государственная бюрократия, а сердцевина правящего класса.

11. КГБ — СОВЕТСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

Никакая диктатура не может жить без террора. Глупенький миф о некоей «диктатуре огромного большинства над ничтожным меньшинством», выдуманный молодыми Марксом и Энгельсом и подхваченный Лениным, так и остался на бумаге. В жизни общества диктатура всегда была и остается властью ничтожного меньшинства над огромным большинством — иначе она была бы не диктатурой, а демократией. Удерживать диктаторскую власть меньшинства можно только насилием и запугиванием по отношению к большинству, то есть государственно организованным террором.

Любая диктатура — полицейское государство. При этом речь идет не об обычной полиции: угрозыск в Советском Союзе весьма слаб. Полицейское государство — это государство с могущественной тайной политической полицией. Она не ловит грабителей или убийц, а вынюхивает инакомыслящих. Вот такой полиции в Советском Союзе — великое множество.

Оруэлл правильно подметил стремление диктатур замаскировать своих ищеек каким-либо облагораживающим названием: в его романе «1984» тайная полиция называется Министерством любви. Хотя до эвфемизма такой степени советская номенклатура не дошла, она уже

перепробовала для обозначения своей тайной полиции ряд звучных наименований. ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем; ГПУ — Государственное политическое управление; НКВД — Наркомат внутренних дел; НКГБ — Наркомат государственной безопасности; МГБ — Министерство госбезопасности, наконец КГБ — Комитет государственной безопасности — такова вереница имен одного и того же тайного полицейского ведомства, которое пришлось создать уже через месяц после октябрьского переворота, в декабре 1917 года. Презрев все эти периодически меняющиеся названия, советские люди давно уже просто говорят: «Органы».

Номенклатурная пропаганда не нахвалится гуманностью и любвеобилием «органов». Их первый руководитель — Феликс Дзержинский объявлен бесстрашным рыцарем революции, его статуи выставлены перед зданиями КГБ, в том числе в Москве, кабинеты этих зданий украшены его портретами. Как-то в Вильнюсе я читал лекцию для аппарата КГБ Литовской ССР; в зале заседания висел огромный — почти от пола до потолка — портрет Дзержинского, мастерски сделанный так, что он пристально и подозрительно вглядывался в каждого в зале.

Как действовали руководимые этим рыцарем «органы» — тогда ЧК? Профессор П. Милюков дает следующий бесстрастный перечень: «У каждого провинциального отдела «ЧК» были свои излюбленные способы пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук «перчатки». В Воронеже сажали пытаемых голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали, выжигали на лбу пятиконечную звезду, а священникам надевали венок из колючей проволоки. В Царицыне и Камышине пилили кости пилой. В Полтаве и Кременчуге сажали на кол... В Екатеринославе распинали и побивали камнями. В Одессе офицеров жарили в печи и разрывали пополам. В Киеве клали в гроб с разлагающимся трупом, хоронили заживо, потом через полчаса откапывали»[16].

Это в провинции. Можно — а точнее сказать, вероятно, нельзя — представить себе, что происходило в Москве на Лубянке. Илья Эренбург, не тот придавленный и брюзжащий, которого я знал в 50-х годах, а только что вернувшийся из эмиграции, весь еще пропитанный вольным парижским воздухом, писал в романе, вышедшем в Москве в 1923 году, об этом невеселом месте: «Взяли

дом. Обыкновенный... Взяли и сделали такую жуть, что пешеход, вздрагивая даже в летний зной, старательно — сторонкой. Ночью растолкать кого-нибудь и брякнуть: «Лубянка!» — взглянет на босые ноги, со всеми простится, молодой, здоровый бык — заплачет, как мальчик...»[17]. Ибо уже тогда, при Ленине и Дзержинском, была Лубянка местом, «где кровь окисшая со сгустками, где можно души с вывертом щипать, где всякий рыженький сопляк в каскетке — Ассаргадон...»[18].

Помнится, полковник государственной безопасности Степан Гаврилович Корнеев, долголетний начальник Управления внешних сношений Академии наук СССР, тщетно пытавшийся затянуть меня на работу в МГБ, осведомлялся, не страшно ли мне само здание на Лубянке, и пояснял: «Знаете, многие говорят, что боятся даже проходить мимо нашего дома — такое, мол, тут делается».

Делалось, конечно, немало. Те, кто это делал при Сталине, куда-то потом исчезли. Даже в районе Лубянки не видно этих сновавших там тогда мрачных мужчин, профессию которых мы всегда определяли по их мертвым, остановившимся глазам: не то было это отражением их души, не то — клеймом того кровавого и омерзительного, чем они занимались днями и ночами. Летом 1951 года мне пришлось в санатории под Калининградом (бывшим Кенигсбергом) прожить почти месяц в одной комнате с одним из таких. В первый же день, когда он появился, знакомая дама спросила меня: кто этот оказавшийся за одним столом со мной «человек со страшными глазами убийцы»? Он мне сам сказал: следователь МГБ, работает на Лубянке. «Заработался я»,— хрипло жаловался он мне. И вправду был он тощ и плоскогруд, по ночам не мог спать и беспрерывно курил. Страшно некультурный, грубый и угрюмый, он ничего не читал. Потом он отыскал себе девку, тоже с остановившимися глазами, и пояснил мне: «Мы — с одного производства». Помню, остро хотелось его спросить: что вы там производите — трупы из живых людей? Но задать такой вопрос — означало бы самоубийство. Отдохнув и уныло попутавшись с девкой, он улетел на самолете в Москву, где он действительно был «Ассаргадоном» — вершителем судеб для проходивших через его волосатые руки замученных людей.

С точки зрения класса номенклатуры, такие типы — «доблестные чекисты» — должны были еще служить для нас образцами. Примером для подражания были объявлены также доносчики. За недонесение полагалось наказание

даже по закону, но номенклатура старалась воспитать из нас доносчиков идейных, убежденных и не останавливающихся ни перед чем. С такой целью был создан культ Павлика Морозова, подслушивающего, лежа на печи в избе, разговоры своего отца и донесшего в ГПУ, после чего отца расстреляли. Несознательные родичи обезвредили юного героя единственным возможным для них способом. Павлику посмертно поставили памятники (один из них стоит в Москве), назвали его славным именем школы и пионерские отряды. Но подвиг доносчика рассматривался не как недосягаемая для нас вершина, а как норма поведения. Когда в нашей школе в ежовщину дети арестованных представали перед комсомольским собранием, им неизменно ставился вопрос: «Как же ты, комсомолец, живя рядом с врагом народа (то есть с отцом или с матерью), не заметил и не сообщил органам НКВД?»

О полицейщине в Советском Союзе и о советских «органах» написано много книг — целая библиотека. Этот раздел в моей книге имеет смысл писать только для того, чтобы подчеркнуть один существенный момент, не нашедший должного отражения в этой библиотеке. Описывая одно за другим преступления ЧК — ГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — КГБ, авторы книг вольно или невольно создают впечатление, что «органы» — скопище дьяволов, некая мистическая сила. Такое представление широко распространилось на Западе. Многие здесь готовы верить, что КГБ обладает сверхчеловеческими способностями, умом и хитростью, что это не учреждение, а пандемониум, населенный злыми всевидящими духами.

Между тем это не так. Не было этого и во времена Сталина, когда имелось больше оснований так считать. Долгие годы проработавший в «органах» начальник отдела кадров Советского Информбюро П. И. Павловцев говорил нам еще в начале 50-х годов: «МГБ — не икона, а советское учреждение». Слово «икона» остается здесь на совести Павловцева, но мысль правильная: КГБ — не пандемониум, а номенклатурное учреждение. Нет там никакой мистики и мефистофельщины, а сидят номенклатурщики — не хуже и не лучше любых других. Если это относилось даже к Ежову и Берия, что же сказать о нынешних, значительно более приличных сотрудниках «органов»?

Коммунистическая пропаганда все еще размалевывает сотрудников КГБ как пролетариев, мозолистой рукой

защищающих революцию. Многие на Западе рисуют их в своей фантазии извращенно-гениальными интеллигентами, с проницательностью Шерлока Холмса и авантюрным динамизмом Джеймса Бонда. А мне довелось их встречать. Они отличаются теперь от полицейской уголовщины сталинского времени. Попробую набросать их психограмму.

Сотрудники «органов» сегодня — это типичные высокооплачиваемые чиновники, очень держащиеся за свои места и старающиеся выслужиться. Интеллигенты, попадающие на работу в «органы», там в общем не удерживаются, а вытесняются из этой среды и во всяком случае карьеры не делают.

Сотрудники «органов» по-военному точны и беспрекословно послушны начальству. Мыслят они не научно-логически, а психологизированными категориями профессонального полицейского мышления. Аксиоматика такого мышления состоит в том, что ни одному слову человека верить нельзя: никаких убеждений, кроме стремления лично получше устроиться в жизни, у людей нет и быть не может, для осуществления же такого стремления каждый готов на все. Поэтому диссидентов они искренне считали или жуликами, или психически ненормальными.

Каковы политические взгляды сотрудников КГБ? Может быть, они идейные сталинисты? Это не совсем так. Они панически консервативны: весь смысл их службы состоит в том, чтобы препятствовать даже малейшим сдвигам в советском обществе в сторону либерализма. Конечно, есть в их среде затаенная тоска по сталинскому времени, когда их боялись все, включая даже высших номенклатурщиков, когда, по распространенному в аппарате партии и госбезопасности выражению, были «авторитет» и «порядок». Вернуть такой «порядок» они не прочь, но вряд ли хотят нового разгула ежовщины или бериевщины с неизбежными кровавыми чистками в их собственной среде. Органическая часть правящего класса номенклатуры, сотрудники КГБ так же хотят гарантии неотчуждаемости номенклатуры и жаждут безопасности.

Сознают они, что делают грязную работу? Да, но каких-либо душевных конфликтов в связи с этим у них незаметно. Защиту власти и привилегий своих и своего класса они считают делом жизненно необходимым, методы же внутренне оправдываются уверенностью в том, что все люди — свиньи. Остатки сомнений затаптываются культивируемым в среде работников госбезопасности кастовым

духом, чувством своего превосходства и значительности, официально поддерживаемой мифологией чекистского героизма, беспощадности к врагу, преданности и прочих эсэсовских доблестей. Именно эсэсовских: вся эта идеология полностью уместилась в известную гиммлеровскую формулу: «Наша честь называется верностью». В освободившихся же от фашизма и полицейщины странах честь снова называется честью.

Справедливо принято жалеть несчетные жертвы террора полицейских органов номенклатуры. Но жалости заслуживают и сами сотрудники «органов». Хотя еще че терзаемые угрызениями совести, они уже осознали ту меру отвращения, которую их служба вызывает среди советского населения. При Сталине они, даже уйдя на пенсию, гордо носили «Значок почетного чекиста» и форму с голубым кантом. Теперь они скрывают свое чекистское прошлое. Люди их сторонятся: ни в одной компании, собирающейся на вечеринках, вы не встретите сотрудника «органов», даже в компании номенклатурщиков из партаппарата или дипломатов; гебистов не избегают только их собственные коллеги из карательных органов — МВД, прокуратуры, суда.

Таково отношение к сотрудникам «органов» не только среди интеллигенции, но и трудящихся. Оно давно уже отлилось в формулу: «Ты кто — человек или милиционер?» Появилось любопытное свидетельство психологической капитуляции КГБ перед столь распространившимся отвращением. Теперь, если «органы» хотят кого-нибудь дискредитировать в глазах населения и, в частности, друзей и коллег, распускается слух, что он — агент КГБ. Выражающийся здесь комплекс неполноценности «органов» — заключительный пункт психограммы сотрудников КГБ.

КГБ — советское учреждение. У него есть план и отчетность о выполнении, сложная иерархия начальников, поощрения и взыскания, путевки в санатории, партийные и комсомольские собрания — есть всё, что бывает в любом советском учреждении. А значит: есть в КГБ успехи и неудачи в работе, есть и пассивность, и энергия, и бюрократическая глупость, и леность мысли, и взлеты ее, и интриги, и подхалимство — всё есть. Нет непогрешимости, безошибочности, сказочной прозорливости, которые расписывает советская пропаганда.

Существует ли гарантия, что КГБ останется и дальше советским учреждением, а не сорвется в кровавую про-

пасть новой ежовщины? Хотя такое развитие трудно считать вероятным, гарантий нет. Дело в том, что уже бывали времена — в годы нэпа, да и позже, когда людям в Советском Союзе казалось, будто органы остепенились. А потом начиналась очередная вакханалия террора.

Так было даже накануне ежовщины. Вот что говорил корреспонденту «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Пёрцгену его советский собеседник — беспартийный журналист: «Люди, пользующиеся привилегиями, всегда готовы сделать все, чтобы эти привилегии сохранить. Поэтому растет потребность в правопорядке. Смотрите, даже ГПУ стало жертвой этого процесса. ГПУ было совершенно независимой, суверенной тайной полицией. А сегодня оно — самое обычное учреждение, связанное законами, организация, которая уже не может вторгаться в жизнь и права других, во всяком случае ответственных работников»[19].

Каждое слово можно повторить сегодня. Но сказано это было в 1936 году, когда на страну уже ложилась чудовищная тень ежовщины. Так что пока воздержимся — не будем повторять.

12. НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКИ — ПОЛУКОЛОНИИ НОМЕНКЛАТУРЫ

Мы говорили до сих пор об организации диктатуры номенклатуры в общесоюзном масштабе. Но ведь СССР — государство федеральное, Союз Советских Социалистических Республик. Как выглядит власть в республиках?

Она построена по той же схеме, как и власть верхушки класса номенклатуры в центре. Но есть отличие: Секретариат играет сравнительно скромную роль, решающий орган — Бюро ЦК, в которое входят все секретари ЦК, Председатель Совета Министров, Председатель Президиума Верховного Совета и еще несколько наиболее важных номенклатурных чинов республиканского масштаба. Бюро ЦК и есть в республике «директивный орган». Он тоже еженедельно заседает, принимает решения, назначает на номенклатурные должности, решает судьбы людей. Секретари ЦК и их аппарат так же дают указания, звонят по республиканской «вертушке», так же у них есть охрана КГБ, огромные квартиры, госдачи и спецпенсии, персональные машины, пайки, столовая ЦК — словом, все так же.

Москва далеко, для рядового жителя республики вер-

хушка местной номенклатуры и является верховной властью. Только для очень немногих в республике, занимающих там чрезвычайно видное положение, есть доступ в круги московской номенклатуры. Но сами хозяева республики ежедневно чувствуют руку своих номенклатурных сюзеренов из Москвы — то поддерживающую, то наказывающую, но всегда направляющую. Это связано с самой сущностью советских союзных республик.

В самом деле, что представляют собой такие республики?

В теории это национальные государства, добровольно образовавшие союз и имеющие право при желании выйти из него. «Право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения» — привычная формула решения национального вопроса, записываемая во все затрагивающие этот вопрос документы КПСС со времени ее основания. Но уже Ленин любил при случае пояснить, что право на государственное отделение — одно дело, а целесообразность такого отделения — совсем другое. Соответственно этому регулярно провозглашаемое в советских конституциях право республик на выход из Советского Союза является откровенной фикцией: закон о процедуре выхода справедливо называют «законом о невыходе из СССР». Всякое слово в поддержку выхода из состава СССР рассматривается как пропаганда буржуазного национализма и попытка подрыва интересов Советского Союза. Короче, формула о праве выхода республик из состава СССР — скучная бессмыслица, и долго говорить о ней здесь не стоит.

Стоит рассмотреть совсем другой вопрос: являются ли национальные республики в СССР национальными государствами со своими правительствами или же колониями с местной колониальной администрацией?

Сразу поясним постановку этого вопроса. По своему историческому происхождению все среднеазиатские и закавказские республики СССР — это колонии. Московское государство в эпоху великих открытий и колонизации не имело выхода к теплым морям, и путь захвата заморских колоний был для него закрыт Московская колонизация пошла по другому пути. Покорение Сибири, где местное население было истреблено с не меньшей тщательностью, чем индейцы в Америке; присоединение отсталых государств Средней Азии; завоевание Кавказа — таковы были этапы создания Российского колониального государства. Принцип образования сухопутной коло-

ниальной империи оказался удачным. империи с заморскими владениями рассыпались, а Советский Союз сохранил все колонии царской России и только теперь начинает разваливаться.

А каково происхождение других республик СССР? Прибалтийские республики и Молдавия оказались в составе Советского Союза в результате их военной оккупации. В РСФСР, помимо собственно России, вошли колонизованная Сибирь, Дальний Восток и Север, а также захваченные после второй мировой войны Восточная Пруссия (Калининградская область) и Курильские острова. Исторически не были колониями Украина и Белоруссия: их население этнически родственно русским, и попали они под власть московского князя не в связи с колонизацией, а в процессе «собирания Руси». Но это, конечно, не означает, что национальный вопрос стоит для них менее остро, чем для других национальных республик Советского Союза.

Итак, 12 из 15 союзных республик СССР в прошлом колонии или завоеванные территории, а более трех четвертей территории РСФСР — того же происхождения. Вопрос, следовательно, не в том, колонии ли советские национальные республики в прошлом,— ответ на него очевиден, а в том, продолжают ли они оставаться колониями и поныне.

Я много раз бывал в разных союзных республиках, видел вблизи, как управляет ими вассальная номенклатура, и нередко задавал себе этот вопрос. А вопрос не простой.

С одной стороны, в республиках явно отсутствует привычный признак колонии — привилегированное положение нации, населяющей метрополию. Русские жители советских национальных республик не пользуются никакими привилегиями, они — нацменьшинство, на котором нередко вымещают неприязнь к московским номенклатурным хозяевам. Правда, дело не доходит до прямого преследования русского нацменьшинства — московская номенклатура заступится, так как усмотрит тут действие, направленное против своей власти. Но в общем жизнь русского населения в национальных республиках малоприятна. Русские там — не «раса господ», а люди зависимые, с ограниченными возможностями, меньшими, чем у коренного населения. Какая же это колония?

С другой стороны, в республиках несомненно полное политическое господство русских, только других присланных ЦК КПСС номенклатурщиков. Вот эти русские

занимают ключевые посты в республике. Твердо заведено, что вторым секретарем ЦК нацкомпартии назначается русский, причем не из местных, а из Москвы. Случалось, что из Москвы присылался номенклатурщик и на пост первого секретаря ЦК республики: бывший долгое время первым секретарем Московского обкома и горкома партии Хрущев — на Украине; сменявший его на короткое время на этом посту Л. М. Каганович; Брежнев — сначала в Молдавии, потом в Казахстане. Остальные секретари республиканского ЦК партии — коренной национальности, но при каждом есть надзирающий за ним русский. Например, секретарь ЦК по идеологии — коренной национальности, а заведующий или заместитель заведующего отделом пропаганды — русский. Почти всегда русский бывает председателем КГБ республики, да и аппарат КГБ в большинстве своем состоит из русских. Военное командование в республике русское. Лица коренной национальности, назначаемые на важнейшие посты,— чаще всего обрусевшие, а не местные, с русскими женами, получившие образование в России и окончившие в Москве Высшую партийную школу или Академию общественных наук при ЦК КПСС. При встречах с этими людьми всегда про себя отмечаешь, что они в общем-то полурусские. Какое же это национальное государство?

Итак, что же представляют собой советские национальные республики: колонии или суверенные национальные государства? Ни то, ни другое. Они — полуколонии.

Есть в советском политическом словаре такой термин — применяется он для обозначения зависимых от Запада государств третьего мира. Но те же самые государства называются в советской литературе просто «зависимыми странами», так что четкости применения термина нет. Между тем он действительно точно характеризует своеобразный статус национальных республик Советского Союза.

В самом деле: страны эти не просто полностью зависимые, но входящие в состав советского номенклатурного государства в качестве его административных единиц; администрация в них в основном местная, но ключевые посты заняты посланцами из метрополии; в странах дислоцированы войска метрополии; на двух языках — на русском и местном — ведется официальное делопроизводство, издаются газеты, журналы и книги, происходит обучение в школах и вузах.

Колониями не являются советские национальные рес-

публики только потому, что правит в них в основном национальная номенклатура. Вкрапление русской номенклатуры существенно по своему политическому весу, но сравнительно немногочисленно. Номенклатура-сюзерен мудро старается не задевать национальных чувств местного населения, а приниженное положение простых русских в найиональных республиках призвано закрывать глаза коренного населения на полуколониальную зависимость, в которой находится его родина.

Что касается самих номенклатурщиков, то национальные чувства ими не владеют. Их интересует только власть и связанные с нею привилегии, так что они действительно интернационалисты. На этой основе и возник пропагандируемый номенклатурой тезис о советском народе как новой исторической общности: этот тезис — так же средство маскировки полуколониального режима, установленного номенклатурой в советских национальных республиках.

Констатируя, что неславянские национальные республики СССР — полуколонии, я совершенно не хочу сказать, что там не было достигнуто никаких успехов. Напротив, успехи в области индустриализации, здравоохранения, образования налицо. Наиболее заметны такие успехи в самых отсталых районах — в Средней Азии. Конечно, жизнь там — даже в столицах, не говоря уже о периферрии,— не такова, как живописует ее номенклатурная пропаганда. Я не раз бывал в этих республиках: много там и грязи, и бедности, и бескультурья — и резко выделяются среди обычных людей добротно одетые и толстые номенклатурщики, мнящие себя европеизированными, а на самом деле русифицированные. Но есть там — пусть плохонькие — больницы и поликлиники, есть вузы, библиотеки, театры, есть — хотя и скромные — Академии наук. Не видеть этого неверно. Столь же неверно, впрочем, думать, что, не будь диктатуры номенклатуры, эти страны жили бы сегодня так, как до 1918 года.

Главное — в другом. Южная Африка — самая индустриализированная часть континента, и школ, и вузов, и больниц там больше, чем в других африканских странах. Но давало ли это основание оправдывать режим апартеида? Нет. То же относится к полуколониям советской номенклатуры — с той поправкой, что эти полуколонии — отнюдь не самые развитые страны азиатского континента.

Поэтому, не закрывая глаза на имеющиеся в советских национальных республиках заводы, шахты и нацио-

нальные ансамбли песни и пляски, нужно тем не менее констатировать: сегодня, три десятилетия после крушения колониализма, Советский Союз продолжает оставаться последней в мире колониальной империей.

13. МАРКСИСТСКАЯ ЛИ ИДЕОЛОГИЯ У НОМЕНКЛАТУРЫ?

Осенью 1938 года, когда поток арестов дошел до своей высшей точки, «Правда» стала печатать «Краткий курс истории ВКП(б)». Надрожавшийся за ночь в ожидании последнего звонка в свою дверь гражданин читал утром в газете написанную скучными словесами трудную повесть о героических деяниях партии. В главе 4 этого сочинения он обнаруживал в сером потоке безликих фраз параграф 2 «О диалектическом и историческом материализме», явственно звучавший с грузинским акцентом Сталина. Вперемежку со смертными приговорами вождь мирового пролетариата пописывал философское произведение.

С самого начала оно ошеломляло удивительным определением: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии». Эти слова, которые предстояло заучить многим десяткам миллионов людей, были однозначными. Они не утверждали, что марксистско-ленинская партия придерживается в своем мировоззрении диалектического материализма Маркса, они провозглашали: все, что партия сочтет нужным включить в свое мировоззрение, это и есть диалектический материализм, марксизм.

Когда после XX съезда КПСС «Краткий курс истории ВКП(б)» был подвергнут опале, работникам идеологического фронта было сообщено, что опала не распространяется на параграф 2 «О диалектическом и историческом материализме»: он продолжал фигурировать в списках рекомендованной литературы о марксизме-ленинизме.

Маркс сам однажды кокетливо пошутил, что он не марксист. Шутка оказалась пророческой. Прямолинейное сталинское определение очень точно выразило подход класса номенклатуры к марксизму. Марксизм — не то, что когда-то утверждал Маркс; марксизм — то и только то, что провозглашает в данный период руководство класса номенклатуры.

С этой откровенно сформулированной Сталиным позиции надо рассматривать советскую идеологию. Она не потому принята на вооружение, что является марксист-

ской, а потому именуется марксистской, что принята на вооружение.

Марксистская это идеология или нет? Чтобы ответить на этот вопрос, надо определить, что такое вообще марксизм.

Распространена точка зрения, что марксизм — это совокупность всего того, что в течение своей жизни написали Маркс и Энгельс — от школьных сочинений до завещания, включая даже пометки на полях прочитанных книг Это начетнический марксизм, интересующийся не сущностью теории Маркса, а цитатами, которые можно приспособить к нужному случаю.

Начетнический марксизм номенклатуры — не учение Карла Маркса, а спекуляция на его имени. Учение же Маркса это научная гипотеза, заслуживающая серьезного к себе отношения.

Идеология, пропагандируемая по указке советской номенклатуры, марксизмом в таком смысле не является. Она широко использует метод цитатничества из произведений Маркса и Энгельса, марксистские термины, а в тех случаях, где это удается, и приноровленные к ее пропагандистским целям отдельные тезисы Маркса. В то же время номенклатура замалчивает ряд других марксистских положений, а некоторые работы Маркса вообще поставлены ею под строгий запрет: например, «Секретная дипломатическая история XVIII века», весьма критичная в отношении традиций Русского государства.

Ленинизм, в противоположность марксизму, не является теорией или гипотезой, это стратегия и тактика захвата власти под марксистскими лозунгами. Ленинизм ближе классу номенклатуры, чем марксизм. Но все же и ленинизм ее прошлое, так как власть-то уже давно захвачена. Поэтому добросовестно используется ленинизм лишь во внешней политике класса номенклатуры, где еще стоит задача захвата власти в других странах. Для внутреннего потребления в СССР революционно-ниспровергательный дух дооктябрьских ленинских идей неприемлем, и он старательно вытравляется из номенклатурной идеологии.

Все больше исчезает, в частности, столь часто всуе упоминаемый советскими идеологами классовый подход к общественным явлениям. Новый господствующий класс старается смазать представление о классовых гранях при реальном социализме. На смену классовому подходу современную советскую идеологию через край переполняет

то, что Ленин называл великодержавным шовинизмом.

Откуда он взялся? Чтобы понять это, надо ответить на вопрос: а зачем вообще нужна номенклатуре столь упорно ею насаждаемая идеология? Затем, чтобы внушать народу, что́ он должен делать. Аргументы при этом приводятся фальшивые, а требования ставятся реальные, соответствующие действительным целям номенклатуры. Вот почему советская идеология не пустая болтовня, как считают многие и в СССР, и на Западе: она представляет собой облеченные в пропагандистскую форму подлинные стремления номенклатурного класса.

Номенклатура хочет обезопасить свою власть и сладкую жизнь от народа, которого она страшится и чуждается. Но невозможно об этом искренне сказать. И вот начинаются словоизлияния о «нерушимом единстве партии и народа», о «руководящей и направляющей роли партии», а все инакомыслящие изображаются морально разложившимися типами, купленными империализмом.

Номенклатура хочет, чтобы трудящиеся больше и лучше на нее работали. Поэтому она ведет рассуждения о том, что надо-де трудиться с целью наполнять чашу коммунистического изобилия, что трудящиеся «работают на себя» и должны развивать в себе «чувство хозяина». Номенклатура хочет превзойти по военной силе все другие страны, чтобы поставить их на колени. Но открыто сказать так нельзя. Поэтому начинаются разглагольствования об угрозе империалистической агрессии со всех сторон, о необходимости в этих условиях крепить оборону Родины и иметь все необходимое для защиты дела мира и социализма. Из таких и подобных им элементов и складывается идеология номенклатуры. Смысл ее состоит в том, чтобы выдать классовые интересы номенклатуры за интересы ее подданных. В свое время Ленин «привносил» догматизированный марксизм в сознание рабочих, внушая им, будто приход его организации к власти — в их интересах. Потом ленинцы изображали интересы экспансии мужавшего «нового класса» (под названием «интересы мирового пролетариата») в качестве интересов трудящихся СССР. Убедившись, что лозунг теряет притягательную силу, сталинская номенклатура принялась отождествлять свои классовые интересы с национальными интересами народов СССР — и в первую очередь русского народа. Так закономерно в идеологии «марксизма-ленинизма» стал разбухать великорусский шовинизм.

Шовинизм этот неверно смешивать с русским нацио-

нализмом. Он не русский, а номенклатурный, и великодержавность его тоже не российская, а номенклатурная. Да, все то, что класс номенклатуры согласен числить «русским», служит объектом особого славословия, так как основная часть этого класса состоит из русских. Но почти с таким же умиленным захлебом, как «русское», воспевалось кубинское, монгольское и ангольское. Значит, социалистический интернационализм? Нет, китайское, албанское или югославское отнюдь не воспевалось. Номен клатурный шовинизм именно великодержавен: он проводит жесткую грань прежде всего между тем, что подчинено советской державе, и тем, что свободно от ее власти, а не между реальным социализмом и другими социальными структурами.

Почитайте советскую партийную и военную печать за прошлые десятилетия. Сплошным потоком на вас обрушится ура-патриотическая пропагандв. Не терпящий никаких оговорок квасной «советский патриотизм» откровенно составляет ось всех статей, стихов, рассказов. На Западе вам не удастся отыскать газеты или журнала, которые вели бы такую интенсивную шовинистическую пропаганду.

Оговоримся: на сегодняшнем Западе. В нацистской Германии и фашистской Италии подобная пропаганда велась, и даже формы ее были весьма сходны с советскими. Только пересыпана она была терминами из нацистско-фашистского лексикона, а в Советском Союзе — из лексикона марксистско-ленинского.

Номенклатурный великодержавный шовинизм — ядро официальной советской идеологии. Он оттеснил на задний план марксизм и ленинизм даже в их начетнической форме. Вырос ли он стихийно как естественное проявление мыслей и чувств класса номенклатуры?

Частично — да. Великодержавный шовинизм, несом ненно, выражает мировосприятие пролезших к власти и образовавших господствующий класс деклассированных карьеристов, управляющих ныне великой державой. Их социальная общность основана именно на этом управлении и на осознанном отделении себя от всех остальных, неуправляющих.

Вместе с тем идеология эта сконструирована с определенным расчетом: она обеспечивает номенклатуре известную поддержку в народе. Сила и жизненность номенклатурного шовинизма в том, что он менее лжив, чем марксистский и ленинский элементы советской идеологии.

Номенклатурщики — никакие не марксисты, Маркс в ужасе отшатнулся бы от них и созданной ими системы. Они и не ленинцы: ленинцы вот уже 50 лет как расстреляны в подвалах НКВД. Но они в подавляющем своем большинстве — действительно русские, все они вместе управляют Советским Союзом. Поэтому их великодержавие и шовинизм с особым упором на «русский патриотизм» вызывают определенное доверие и находят отзвук в народной массе.

Горбачевская «гласность» предоставила возможность открыто высказывать в СССР и демократические взгляды, так что в советской печати стали появляться и неортодоксальные, а то и оппозиционные высказывания. Этим новым веяниям противостоит слегка подновленная, но в общем до боли знакомая старая идеология. Это смесь интернационалистских фраз и великодержавной спеси плюс культ военно-полицейской силы, приправленные марксистской терминологией и ссылками на Ленина. Весьма неленинские призывы возлюбить ближнего своего и запугивание гражданской войной в сочетании с военно-патриотической пропагандой, восхваления России вперемежку с нападками на каждое проявление ее суверенитета, стандартные крики дорвавшихся до власти чванных номенклатурщиков о неких «рвущихся к власти темных силах» и их «амбициях» дополняют эту пропагандистскую мешанину. За ней скрываются классовые интересы номенклатуры, жаждущей сохранить свое господство и привилегии, не допустить в СССР демократического развития, восторжествовавшего в малых странах Восточной Европы.

Подведем итог. Идеология класса номенклатуры — не марксизм и даже не ленинизм. Это сфабрикованная еще господствующим классом феодального общества охранительная идеология великодержавности, пересыпанная марксистскими терминами и включающая в себя ряд отдельных тезисов Маркса и Ленина.

14. КСЕНОФОБИЯ И АНТИСЕМИТИЗМ

Оборотной стороной идеологии шовинизма всегда является натравливание своего народа на другие. Номенклатура твердит о своем интернационализме — с оговоркой, что речь идет о «социалистическом» или «пролетарском» интернационализме. Первый распространяется лишь на подвластные ей страны, второй — на поддержи-

вающих ее коммунистов в остальных странах. К обычному же человеку иностранного происхождения номенклатурная идеология, как и всякий шовинизм, старается внушить предубеждения и подозрения. Лозунг интернационализма нисколько не помешал классу номенклатуры старательно культивировать в советском народе представление, что все иностранцы — типы крайне сомнительные, скорее всего враги и шпионы.

Для иностранных дипломатов, журналистов, туристов это означает постоянную полицейскую слежку, подслушивание, перерывание вещей в отеле. Для иностранцев же, постоянно живущих в Советском Союзе, номенклатурная ксенофобия оборачивается вечным недоверием, а в сталинские годы она почти неминуемо вела к катастрофе.

Вот пример одной человеческой судьбы. Со мной в Московском университете учился сын выходцев из Швейцарии Альфред Штекли. Во время войны Альфреда в армию не призвали из-за его подозрительного происхождения. А в 1948 году его — заканчивавшего аспирантуру историка-слависта — органы МГБ арестовали, пытали и приговорили к 25 годам заключения; подготовленная им диссертация была сожжена. Через 8 лет, после XX съезда партии, он был выпущен. Но поступать в новую аспирантуру и начинать сначала диссертацию было поздно да и тяжело. Жизнь оказалась изломанной только из-за иностранного имени.

С номенклатурной ксенофобией связан и антисемитизм. Сначала он прикрывался лозунгом борьбы с троцкистами, затем — уже менее завуалированно — с «безродными космополитами», теперь — совсем уже прозрачно — с сионизмом. Все это — этикетки на утробном антисемитизме номенклатурщиков, принесенном из брошенной ими социальной среды и культивируемом в «новом классе».

В классе номенклатуры принято быть антисемитом. Читатель, если номенклатурные пропагандисты будут это отрицать, не верьте: они лгут и знают, что лгут. Не верьте и той крошечной группке советских евреев, которых Секретариат ЦК КПСС посылает за границу, чтобы они своими должностями и званиями демонстрировали, будто еврей может занимать в Советском Союзе такое же место, как и русский. Всех членов этой группки можно пересчитать по пальцам: Герой Советского Союза генерал Драгунский, многолетний в прошлом главный редактор «Литературной газеты» Чаковский, еще несколько человек.

Некоторых из них я лично знаю, они способные и симпатичные люди. Но пусть уж не обижаются: согласились они на унизительную роль, очень сходную с ролью евреев, сотрудничавших с нацистской пропагандой.

Государственный антисемитизм в Советском Союзе начался внезапно — как ни странно, во время войны против гитлеровской Германии. Казалось, эта зараза переползла через линию фронта и охватила номенклатурные верхи. Но так только казалось: в действительности вылезшая в годы ежовщины сталинская номенклатура принесла с собой устойчивый дух антисемитизма. Хотя еще в самом НКВД было немало евреев, а Каганович и Мехлис находились в окружении Сталина, Лозовский и Майский были заместителями Молотова, наркома иностранных дел СССР, дни их благополучия были сочтены. Для молодой же поросли евреев дорога была закрыта. Уже в 1942 году секретарша в Наркоминделе отказалась выйти замуж за жившего с ней моего знакомого — еврея, объяснив, что она надеется поехать на работу в посольство за границу, а его как еврея не выпустят, да и у нее будут трудности, если муж будет евреем. Когда весной 1944 года нас — выпускников МГУ — распределяли на работу и стоял вопрос о том, чтобы взять меня на службу в Кремль или зачислить в Высшую дипломатическую школу, номенклатурные кадровики придирчиво допытывались: не еврей ли? Нет ли родственников-евреев? Начальник управления кадров Наркомата иностранных дел СССР Михаил Александрович Силин, до того заведующий сектором загранкадров ЦК ВКП(б), а впоследствии — посол СССР в Чехословакии, слову не верил и принялся анализировать мою фамилию. Придя к выводу, что она, вероятно, священническая, Силин удовлетворенно сказал: «Ну тогда хорошо: попы никогда евреями не были».

Когда в 1945 году Светлана Сталина вышла замуж за еврея — Григория Морозова, Сталин был очень против брака и не пожелал видеть зятя. Когда же Светлана разошлась с Григорием, то Маленков поспешил выгнать мужа своей дочери — Владимира Шамберга, вместе с которым мне довелось затем несколько лет работать и который навсегда затаил в глазах печаль о превратностях судьбы.

Сейчас в классе номенклатуры евреев почти не стало. Отправлен на пенсию самый высокопоставленный еврей в Советском Союзе Дымшиц — один из заместителей Председателя Совета Министров СССР. Но ни в Политбюро, ни

в Секретариате, ни в аппарате ЦК КПСС евреев нет. В МИД СССР был, насколько мне известно, только один еврей — Менделевич, почти два десятилетия проработавший в советской разведке, поэтому, с точки зрения номенклатуры, человек заслуженный и, несомненно, способный и умный. В органах КГБ число евреев, как говорят, чрезвычайно незначительно, причем никто из них не занимает руководящих постов. Такую же картину вы встречаете в любой республике, крае или области. В аппарате ЦК рассказывали как анекдот о том, с каким трудом отыскали еврея Шапиро на должность первого секретаря Биробиджанского обкома КПСС, и смеялись, что это для Шапиро — пожизненное место: еще раз такой труд поисков брать на себя никто не захочет. И правда: Шапиро просидел на этом посту чрезвычайно долго.

Евреям нехотя разрешают работать в науке, несколько более охотно — в музыке и журналистике.

Но это исключения, а правило другое. И в науке евреев придирчиво вычеркивают из разных списков, ограничивают публикацию книг авторов с еврейскими фамилиями и, конечно, под разными предлогами отказываются посылать в загранкомандировки. Вместе с тем евреям сравнительно легко разрешают эмигрировать. Объяснение в аппарате давали простое: «Они нам тут не нужны».

В качестве иллюстрации приведу страничку из своего дневника 1971 года. Время действия — четверг 4 марта 1971 года, место действия — Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС. Упоминаемые лица: инспектор этого отдела Кузнецов; заведующий сектором истории Отдела ЦК Хромов (затем директор Института истории СССР АН СССР); академик Минц; член-корреспондент Академии наук СССР Смирин; заместитель председателя Комиссии историков СССР и ГДР Давидович; доктор исторических наук Драбкин, автор большой книги о ноябрьской революции в Германии 1918 года (издана на немецком языке в ГДР); специалист по ФРГ Меламид (он же профессор Мельников), у которого были большие неприятности из-за опубликованной им беседы в «Шпигеле»; бывший заведующий сектором в Институте всеобщей истории Гефтер, выпустивший раскритикованный затем сборник статей; сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Тартаковский; заведующий отделом Института международного рабочего движения Кремер; Л. Н. Смирнов, председатель Верховного суда СССР; академик В. М. Хвостов, президент Академии педагогических наук СССР

и председатель Комиссии историков СССР и ГДР Я в то время был заместителем Хвостова в этой комиссии.

Теперь самый текст.

«В 16 часов в ЦК к Кузнецову. Ведет к новому заведующему сектором истории Хромову...(Хромов) проходится по всему списку комиссии и вычеркивает евреев — кроме Минца, Смирина и Давидовича (с трудом!): Драбкина, так как критикуют за гефтеровский сборник; Меламида — за «Шпигель»; Тартаковского — заменить заведующим его сектором Малышем; Кремера прямо: «товарищи из ГДР чутки к национальному вопросу» В комиссии нравится Л. Н. Смирнов — судил Синявского и Даниэля. Просит сообщить Хвостову и не тянуть — в течение недели. О беседе не рассказывать.

В тоске еду в Институт всеобщей истории на вечер 8 Марта... ведь евреи подумают, что моя инициатива! Звоню Хвостову — он тут же со всем согласен».

Это не позднейшие воспоминания и обобщения. Это из жизни, записано в тот же вечер.

Весной 1949 года, во время кампании борьбы против космополитизма, назначенный тогда специально для руководства ею на пост заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС профессор Головенченко — недалекий, но услужливый круглолицый украинец, заведовавший до того кафедрой русской литературы в институте, где я был аспирантом,— разъяснял на партактиве в подмосковном городе Подольске: «Вот мы говорим — космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели занять наши места!» Было это сказано в конце кампании и использовано Сталиным, чтобы прогнать назад в институт сделавшего свое дело мавра.

Теперь стиль другой, так открыто номенклатурные чины своих мыслей не высказывают. Но с глазу на глаз доводилось мне от них слышать и не такое: например, чисто гитлеровскую теорию, что евреи как бы разъедают все в обществе, с чем соприкасаются, и даже человек, в семье которого завелся еврей, уже заражен ядом еврейства и неполноценен. В этой связи нередко приходи лось слышать скептические упоминания, что у Ильича (как номенклатурщики часто называли Брежнева) жена — еврейка; правда, тут же успокоительно добавлялось, что Ильич с ней давно не живет. Припоминали жен-евреек и Молотову, и другим.

Так антисемитизм и ксенофобия оказываются силь

нее даже номенклатурного чинопочитания столь неотъемлемой, органической частью идеологии класса номенклатуры они являются.

15. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФРОНТ В ОБОРОНЕ

Когда в Советском Союзе вы слышали патетическую фразу о том, что в мире ни на минуту не затихает идеологическая борьба, вас одолевала унылая зевота — так часто это повторялось. Характеризовать такую борьбу принято было военными терминами: идеологический фронт, идеологическое наступление, идеологическая диверсия, идеологический противник. Идеологический фронт подразделяется в свою очередь на экономический, философский, исторический, литературоведческий и прочие фронты. От работников всех этих фронтов класс номенклатуры требует наступательности, боевитости, бдительности, нетерпимости, непримиримости и прочих полезных качеств сторожевой собаки.

Сравнение со сторожевым псом — здесь не для красного словца. Несмотря на все призывы к наступательности, в действительности советский идеологический фронт давно стал охранительным. Это в 20-х — начале 30-х годов, в период детства и отрочества класса номенклатуры, он действительно рвался в атаку, залихватски перекликаясь пускавшими петуха голосами. Теперь он тоскливо лает наскучившие всем формулы.

В ряду распространенных на Западе легенд о Советском Союзе приходится встречаться и с такой: будто советская пропаганда, подобно геббельсовской, весьма действенна, а потому якобы советские граждане — сплошь убежденные большевики. В действительности и то, и другое неверно: убежденных коммунистов отыскать в Советском Союзе гораздо труднее, чем на Западе, а советская пропаганда ныне даже не предпринимает серьезной попытки убедить людей в своей правоте.

Номенклатурный идеологический фронт преследует более скромную цель: вдолбить в головы советских граждан определенные формулы, к которым они привыкли бы и знали, что говорить надо так, а не иначе. Речь идет не об убеждениях — на это класс номенклатуры уже не рассчитывает, а об установке. Это то явление, о котором мы говорили в связи с вопросом о членстве в КПСС.

Установка, даваемая всему населению страны, в первую очередь всей интеллигенции, имеет две особенности.

Во-первых, советская пропаганда не делает серьезных усилий с целью раскрыть для своего слушателя или читателя провозглашаемые формулировки и лозунги, но зато непрестанно их повторяет, ибо цель — не убедить и даже не разъяснить, а заставить людей затвердить формулу Во-вторых, неразрывная связь номенклатурной пропаганды с террором. Если кто-либо усомнится в правильности формулы или будет говорить что-либо отличное от нее, его не убеждают, а наказывают. В условиях своей монопольной власти над всей жизнью любого из своих подданных органы номенклатуры всегда могут найти подходящие наказания, которые, не обязательно будучи внешне очень суровыми, больно ударят непокорного. Террор — не только применение расстрела: в сталинских лагерях в годы войны отказывавшихся от работы заключенных расстреливали, в сегодняшних советских лагерях (колониях) об этом и речи нет, но заключенные работают, даже наиболее мужественные из них, как работали Буковский или Марченко.

Наказание убеждает, разумеется, не в правоте номенклатурных идеологов, а в том, что надо им поддакивать. В кругу советской интеллигенции нередко вспоминают в этой связи старую русскую пословицу: «С волками жить — по-волчьи выть».

Не надо иллюзий: такой подход вполне устраивает номенклатуру. Она разуверилась в возможности убедить своих подданных, но хочет, чтобы и они отбросили надежду освободиться от принудительного идеологического конформизма. Пускай даже сознают, что им приходится выть по-волчьи, но главное — пусть продолжают выть,—в этом состоит вся псевдонаступательная, а на деле — охранительная стратегия номенклатурного идеологического фронта.

Понятно, как боится класс номенклатуры, что вокруг донесутся до подданных человеческие голоса. Она опасается, что людское это разногласие, несущее свежие мысли, прозвучит для советских граждан чарующим диссонансом в монотонном вое идеологического фронта — и не захотят люди больше подвывать. Чтобы не допустить такого, номенклатура принимает свои меры.

Так как глушение иностранных радиопередач производилось в СССР с небольшими перерывами 40 лет и отменено оно лишь в конце 1988 года, напомню, как это выглядит.

Вы в Советском Союзе включаете радиоприемник.

Звучат иностранные слова дикторов. Вдруг — нестерпимо резкий, пилящий звук, на одной ноте, не отступающий ни на секунду: радиопилой глушат человеческий голос. Вы его не слышите, но знаете: говорит он по-русски или на другом языке народов СССР, говорит для вас, и это вам грубо затыкает уши номенклатура, чтобы вы не услышали.

Уши она затыкает вам, а не себе. В Комитете по радиовещанию и в ТАСС ведется запись заглушаемой передачи, и ее текст будет немедленно включен в напечатанный на ротаторе секретный вестник радиоперехватов. Номенклатурные чины смогут его неспеша прочитать. Им, как всегда, можно; вам, как всегда, нельзя.

Ажурные башни глушилок можно было увидеть во многих крупных городах РСФСР, в столицах союзных республик. Глушение стоит дорого: глушилка — настоящая радиостанция, с аппаратурой и персоналом, только не сеет она, как призывал Некрасов, разумное, доброе и вечное, а пускает против неугодного номенклатуре человеческого голоса волну, вызывающую скрежещущий звук пилы.

Технически глушение не очень эффективно. Уже отъехав на несколько километров от Москвы или от другого города, где находится глушилка, вы могли принимать передачи заглушаемых станций. Однако было бы неверно делать на этом основании вывод, что глушение не достигает своей цели. Достигает: крупные города, являющиеся местом скопления интеллигенции, были довольно надежно отгорожены от передач особенно неугодных советской номенклатуре иностранных радиостанций. Объекты глушения менялись. Было время, когда глушили все иностранные радиопередачи на русском языке. Было время, когда не глушилась ни одна из этих передач. Долгое время глушению подвергались радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа». С начала событий в Польше в августе 1980 года было снова возобновлено сталинское сплошное глушение всех передач западных радиостанций на Советский Союз.

А как же торжественно подписанный Советским Союзом Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, провозглашающий свободное движение информации? Как и ряд других международных соглашений, подписанных СССР: номенклатура считает, что международным вопросом является только сам факт подписания и ратификации ею

соглашения, а выполняет его Советское государство или нет — это уже внутреннее дело СССР. Логика здесь такая же, как если бы взявший у вас деньги взаймы объявил: отдавать долг или нет — его внутреннее дело, и разговаривать на эту тему он не намерен. Такого горе-должника надо вести в милицию. Но ведь номенклатуру туда не потащишь. Вот и оставалось западным сторонникам разрядки смущенно бормотать своим критикам: «А вы что же, думали, что коммунисты, подписав соглашение, перестали быть коммунистами?» И плыл в эфире злобный вой глушилок — вой «холодной войны», которую повела номенклатура против своих терпеливых подданных.

16. СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В НОМЕНКЛАТУРНОМ ТОЛКОВАНИИ

Ну, а если невмоготу? Если так опротивела диктатура номенклатуры, что не радуют уже ни березы, шумящие на ветру легкой своей листвой, ни волжское полноводье, ни ширь бескрайнего простора под небом, отмеренного от полюса до субтропиков и от одного океана до подходов к другому? Простой человеческий ответ возникает сам собой — уехать.

Класс номенклатуры знает: многие в Советском Союзе дают себе такой ответ. Какой вывод номенклатура из этого делает?

При Сталине она без обиняков рассматривала желание покинуть Советский Союз как тягчайшее государственное преступление. В пресловутой статье 58 Уголовного кодекса РСФСР бегство за границу или отказ вернуться из заграничной поездки были объявлены «изменой Родине» и карались смертной казнью или многолетним заключением, что в большинстве случаев было равносильно смертной казни. Если же бежал военнослужащий, сталинский закон предусматривал не только многолетнее заключение для всех членов семьи, знавших о подготовке побега, но и ссылку для членов семьи, ничего не знавших. Таким образом, даже по *опубликованному* закону все члены семьи военнослужащих считались заложниками. На практике это относилось к членам семьи любого беглеца.

С тех пор времена изменились, но не очень. Закон о заложничестве отменен, статья 58 вычеркнута из Уголовного кодекса. Но вместо нее появилась статья 64, где бегство за границу или отказ вернуться по-прежнему квалифицируется как «измена Родине». Между тем это

явно противоречит международным обязательствам, принятым Советским государством. Вот эти обязательства.

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, в статье 13 (2) провозглашает: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну»[20].

Советский Союз, воздержавшийся при голосовании декларации, затем официально присоединился к ней.

В статье 5(д) Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1965 года, была повторена цитированная формулировка из декларации[21]. Советский Союз ратифицировал конвенцию в 1969 году[22].

Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года в статье 12 (2) констатирует: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную»[23].

Советский Союз не только сам подписал и ратифицировал в 1973 году этот пакт, но то же сделали обе советские национальные республики — члены ООН: Украина и Белоруссия. В 1976 году пакт вступил в силу.

Таким образом, Советский Союз не только признал провозглашенный в декларации принцип свободы передвижения, но и принял на себя по конвенции и пакту прямое обязательство свободно выпускать своих граждан за пределы СССР.

Чтобы свести к минимуму возможности отговорок, в статье 12 (3) пакта точно записано, в каких случаях государство может ограничивать зафиксированные в этом документе права человека. Обязательной предпосылкой ограничения является принятие закона о них. Нет такого закона в Советском Союзе.

Нет, правда, и закона, подтверждающего право каждого гражданина свободно, по своему усмотрению выезжать из страны. Но и это предусмотрено в пакте. Статья 2(2) гласит: «Если это уже не предусмотрено существующими законодательными или другими мерами, каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте»[24].

Значит, и закон должен быть издан, и практика должна

быть приведена в соответствие с правом на свободу каждого покидать Советский Союз по своему желанию. Да и времени для этого было предостаточно с момента ратификации пакта в 1973 году.

Но, может быть, пока Верховный Совет СССР не издал такого закона, а ни в брежневскую, ни в горбачевскую Конституцию право на свободный выезд по-прежнему не включено, пакт можно и не выполнять, ссылаясь на то, что закона-то нет? Само советское законодательство лишило номенклатуру такой возможности. В Основах гражданского законодательства СССР и в Основах гражданского судопроизводства записана коллизионная норма: в случае коллизии между действующим в СССР законом и нормой, зафиксированной в международном обязательстве СССР, действует международная норма. Значит, действующая законная норма не отсутствует и сейчас, она есть. Это норма, записанная в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и в Пакте о гражданских и политических правах. Каждый гражданин — в данном случае Советского Союза — свободен покинуть любую страну, включая СССР.

Теория ясна. А какова практика?

Практика такова, что класс номенклатуры не желает считаться со своими подписанными «в духе разрядки» обязательствами, а упорно продолжает полностью контролировать все поездки советских граждан за границу. За громкой болтовней о великом счастье быть советским гражданином номенклатура прячет свою ошибочную, но твердую уверенность в том, что, если разрешить свободный выезд из Советского Союза, страна опустеет. Не только в существовании огромного репрессивного аппарата, но и в такой уверенности ясно видна подлинная — а не пропагандистская — оценка классом номенклатуры настроения советских граждан.

Выехать из Советского Союза и до сих пор трудно. И не только на постоянное жительство за границей, но даже в короткую поездку, на несколько дней. Номенклатура убеждена в том, что любой из ее подданных, оказавшийся хоть на минуту вне сферы ее власти, охотно бросит родных и друзей, работу, квартиру, нажитое имущество, чтобы в любом возрасте остаться в свободной от номенклатуры стране и начать жизнь сначала. Вся система выдачи разрешений на поездку за границу в несоциалистические страны основана на одной цели: предотвратить побег.

Логично, что это система отбора наиболее благона-

дежных. Отбор не совсем идентичен знакомому нам отбору по «политическим качествам». Горький опыт убедил номенклатуру, что немало людей, проявлявших, казалось бы, собачью преданность, пока им приходилось делать карьеру под властью номенклатуры, с удовольствием убегали от нее, как только предоставлялась возможность. Мне объясняли в ЦК КПСС, что вопрос о благонадежности при поездке в капиталистические страны рассматривается в качестве сложного уравнения: на одной стороне находятся факторы, удерживающие от отказа вернуться в СССР (семья, хорошее служебное положение, материальные блага и привилегии, квартира, дача, мебель, а также возраст, незнание иностранных языков, сложность найти за границей работу по специальности и тому подобное), на другой стороне — факты, укрепляющие предполагаемое в каждом советском гражданине желание покинуть СССР (неприятности на работе и в семье, материальные трудности, обиды, нанесенные в прошлом номенклатурой ему или его родственникам, наличие родственников за границей, благоприятные перспективы найти за границей работу по специальности, знание иностранных языков и тому подобное). Из такого уравнения вырисовывается тип советского гражданина, имеющего наибольшие шансы попасть за границу: это член партии, преуспевающий по службе, отец семейства, озабоченный продвижением своих детей, с хорошей зарплатой, квартирой, по возможности с дачей; ни он сам, ни его близкие родственники никогда не были репрессированы и не исключались из партии; у него нет родственников за границей, он не еврей, он не имеет специальности или достаточной квалификации, чтобы найти за границей работу.

Но даже такого образцового человека номенклатура выпускает за границу очень недоверчиво и пристально за ним наблюдает. Только постепенно, убедившись, что человек ездит и возвращается, номенклатура несколько успокаивается.

На жаргоне кадровиков советских учреждений люди были подразделены на «выездных» и «невыездных». «Выездные» — небольшая горстка счастливчиков, обычно начальство и его «обойма»; «невыездные» — огромное большинство. Любопытно, что даже в МИД СССР оказалось немало «невыездных» сотрудников, причем не только в подсобных службах (управление делами, бухгалтерия, библиотека, архивное управление), но и в дипломатическом аппарате.

Читатель может сказать, что из СССР выпускают не только людей описанного выше типа. Верно, но человек другого типа мог выехать и даже войти в обойму «выездных», только если у него индивидуально есть очевидные, с точки зрения номенклатуры, материальные причины не покидать СССР.

Так, беспартийного академика Арцимовича, несмотря на его фрондерские настроения, выпускали за границу: крупный физик, один из творцов советской атомной бомбы, Герой Социалистического Труда, он жил в особняке, получал зарплату (не считая гонораров) ровно в 15 раз больше среднестатистического советского трудящегося, имел дачу и служебную машину с шофером.

Сложнее обстояло дело с другим известным советским академиком — П. Л. Капицей. Талантливый физик жил и работал в молодости в Англии. По советскому приглашению он приехал в Советский Союз познакомиться с работой физических институтов — а назад его не выпустили. Сталин рассчитывал, что Капица сделает ему атомную бомбу. Для Капицы построили в Москве хорошо оборудованный Институт физических проблем Академии наук СССР, лично для него в огромном парке института был выстроен двухэтажный особняк. Его избрали в Академию наук СССР. Но, конечно, и речи быть не могло о том, чтобы хоть на час выпустить его за границу. Так продолжалось десятилетиями. Только в начале 60-х годов после личной беседы постаревшего академика с Хрущевым последний дал согласие выпустить Капицу в социалистические страны. Лишь во второй половине 60-х годов 70-летний Капица был впервые с опаской выпущен в короткую поездку в Швецию. Но жизнь уже прошла, сыновья — Сергей и Андрей — хорошо продвигались в Академии наук СССР. Капица вернулся, лишь слегка попугав своих номенклатурных тюремщиков: из Швеции он без всякого разрешения поехал в Данию и дал оттуда телеграмму в президиум Академии наук, что несколько задержится, чем обрек на горестную тревогу не одного номенклатурного чина в ЦК и КГБ. А в общем уравнение себя оправдало: сила сложившейся десятилетиями жизни оказалась мощнее, чем естественный порыв человека взять реванш за свое похищение и плен.

Деление на «выездных» и «невыездных» — это привычное для номенклатуры деление на чистых и нечистых. Поэтому оно стало в советском обществе средоточием множества интриг и драматических переживаний.

Не усмехайтесь, читатель! Дело ведь не в том, что человек захотел съездить туристом в Финляндию, а ему отказали, и он поедет на Кавказ. Дело в том, что руководящие номенклатурные инстанции открыто проявили к нему политическое недоверие, заподозрили, что он убежит. А на это должны реагировать его парторганизация и непосредственное начальство. О нем станут говорить в парткоме и дирекции как о сомнительном человеке, ему не будет повышения по службе, и вообще начальство постарается от него избавиться.

Помню, как в президиуме Академии наук СССР велся разговор о том, что необходимо сменить председателя месткома президиума. Логика рассуждения была такова: он ездит только в социалистические страны, значит, в капиталистические его не выпускают; значит, он не заслуживает политического доверия. Соответственно смысл ряда интриг заключается в том, чтобы спровоцировать отказ руководящих органов дать разрешение на выезд тому, кого интриган хочет скомпрометировать. Мне приходилось видеть различные методы такой провокации — от примитивного анонимного доноса в Комиссию по выездам до сложного психологического маневра: передачи в комиссию документов на поездку немедленно после возвращения человека из предыдущей поездки, что сотрудников комиссии неминуемо должно рассердить и вызвать ожидаемый отказ. Обычно такие махинации приводили к желаемому результату: номенклатурные органы с большим трудом дают разрешение на выезд, даже если совершенно ничто не вызывает сомнений, и готовы воспользоваться любой возможностью придраться и не выпустить.

Не выпустить! — в этом весь смысл сложной системы решения номенклатурой вопросов о выездах за границу. Вопреки всем декларациям, конвенциям и пактам, предусматривающим право всех людей на свободное передвижение,— не выпустить!

17. ОФОРМЛЕНИЕ

В других странах, когда человек собирается ехать за границу, он отыскивает дома свое удостоверение личности или паспорт, покупает билет и едет. В странах реального социализма для каждой поездки за границу нужно особое разрешение, а оно возможно лишь после длительной процедуры, называемой «оформление».

За последнюю пару лет эта процедура упростилась.

Но главное в ней осталось: у советского гражданина нет *права* поехать за границу, а он должен получить *разрешение* на поездку, причем вопрос решается в ряде случаев в самых высоких номенклатурных инстанциях.

Оформление выезда за границу издавна протекало по одной и той же схеме, независимо от того, едете ли вы на один день или на несколько лет: ведь, чтобы не возвратиться в Советский Союз, достаточно выехать хоть на минуту за его пределы. В этом смысле показателен порядок, установленный в свое время в посольстве СССР в ГДР.

Приезжавшие в Восточный Берлин советские граждане часто просили разрешить им съездить на часок-другой посмотреть Западный Берлин, и им неизменно отказывали со ссылкой на то, что для такой поездки нужно решение ЦК КПСС. Когда в январе 1968 года я прилетел из Франкфурта-на-Майне в Восточный Берлин и, оставив в посольстве багаж, попросил отвезти меня на пару часов в Западный Берлин, это вызвало долгие и тягостные колебания посольского руководства. Оглупленные паническим страхом перед побегами, посольские чины явно не исключали, что я вернулся из ФРГ, только чтобы доставить им свои чемоданы, а самому убежать в ту же ФРГ через Западный Берлин.

Вопреки пакту основанием для оформления выезда не может быть просто желание гражданина поехать за границу. Основанием признается: 1) ходатайство вашего учреждения о разрешении направить вас в загранкомандировку, 2) ходатайство организации (профсоюза, творческого союза, общественной организации) о разрешении продать вам путевку в заграничную туристическую поездку или в заграничный дом отдыха, 3) частное приглашение (вариантом такого приглашения является вызов от родственников в Израиле, а также от иностранцев, вступивших в брак с советскими гражданами, и от близких родственников, проживающих за границей).

Разрешение на выезд дают следующие номенклатурные органы. В первом случае (командировка) — Комиссия по выездам за границу при ЦК КПСС, ныне вошедшая в состав Международного отдела ЦК. Во втором (туризм) — комиссия по выездам за границу в горкоме, обкоме или ЦК компартии союзной республики. В третьем случае (частная поездка) — Отдел виз и регистраций (ОВИР), являющийся органом Министерства внутренних дел СССР, но находящийся практически под контролем КГБ.

Решения этих органов — разрешающие, но не обязывающие выехать за границу. Обязывающим является решение ЦК КПСС — обычно Секретариата. Однако нередко и директивные органы ограничиваются выдачей разрешения на поездку — так называемого согласия. Согласие Секретариата ЦК нужно, в частности, для любого выезда за границу члена или кандидата в члены ЦК КПСС, решения Отдела ЦК в таких случаях недостаточно. Решениями Секретариата ЦК направляются в загранкомандировки и сотрудники аппарата ЦК партии.

Есть некоторые исключения из описанного порядка. Так, военнослужащие направляются в советские войска, дислоцированные в странах Варшавского Договора, по документам, выписываемым Министерством обороны СССР, без разрешения Отдела ЦК. Имеется особый порядок и для выездов за границу нелегальных агентов КГБ и Главного разведывательного управления.

Есть небольшое количество паспортов с так называемой «открытой визой»: ЦК КПСС принимает решение о предоставлении права носителю такого паспорта выезжать в течение года в командировки в социалистические страны или (еще реже) вообще во все страны мира. Насколько скупо давались такие паспорта, видно из того, что во всей огромной советской Академии наук только члены Комиссии по многостороннему сотрудничеству академий наук социалистических стран получили «открытую визу» в соцстраны и могли выезжать туда просто по распоряжению президиума Академии наук СССР. Чаще встречаются «открытые визы» в Министерстве иностранных дел и в Министерстве внешней торговли СССР.

Своей системой класс номенклатуры закабалил и самого себя. Любой житель несоциалистических стран может ездить по всему миру, а советский номенклатурщик не может. Когда в конце 60-х годов аппарат компартии Германии перебирался из ГДР в ФРГ, один из ответственных его работников с радостью говорил мне, что теперь получит западногерманский паспорт и сможет всюду свободно ездить. Между тем положение этого человека менялось, казалось бы, не в лучшую сторону: в ГДР он принадлежал к правящему классу, а в ФРГ стал сотрудником маленькой оппозиционной партии.

Оформление выезда за границу состоит из трех стадий: 1) формирование «выездного дела», 2) подготовка и принятие решения, 3) выдача загранпаспорта, валюты и билета.

«Выездное дело» включает в себя ряд документов.

1. Важнейший из них — характеристика. Пишется она по следующему стандарту:

«Характеристика на товарища Благонадежнова Л. В.

Благонадежнов Лаврентий Виссарионович, 1930 года рождения, русский, член КПСС, старший научный сотрудник Института разных проблем АН СССР

За время работы в институте тов. Благонадежнов Л. В. проявил себя как высококвалифицированный научный работник — специалист по вопросам... Им написан ряд научных работ. Активный член партийной организации, руководитель агитколлектива, неоднократно выезжал в загранкомандировки (перечень стран, сначала социалистических, потом капиталистических).

Тов. Благонадежнов Л. В женат, имеет двух детей.

Политически грамотен, морально устойчив, скромен в быту.

Дирекция, партком и местком Института разных проблем АН СССР рекомендуют тов. Благонадежнова Л. В. для поездки в научную командировку в (страна) в (месяц, год) сроком на (срок).

Характеристика утверждена парткомом института, протокол № от (дата)».

Под этим творением номенклатурной мысли должны быть поставлены на втором экземпляре подписи членов так называемого «треугольника»: заведующего сектором, секретаря партийной организации и профорга сектора.

Характеристика сдается на утверждение в партком института. На ней проставляются номер и дата протокола заседания парткома, подписи «большого треугольника» (директор института, секретарь парткома, председатель месткома института) и ставится печать института. Первый экземпляр подшивается в личное дело в отделе кадров, остальные 4 экземпляра направляются в другие инстанции.

«Дело» переходит на следующую ступень — в райком КПСС. Характеристика поступает в комиссию по выездам за границу при райкоме. Туда надо прийти на беседу. Принимающие вас три члена комиссии — так называемые «старые большевики», а в действительности по-прежнему жаждущие хоть какой-то власти пенсионеры с партстажем сталинских лет,— будут в течение примерно 15 минут придирчиво расспрашивать, зачем это вам вдруг понадобилось за границу. Если вы сумеете произвести на них хорошее впечатление, они запишут в свой протокол, что вы «рекомендуетесь для поездки». На основании этой

записи секретарь райкома напишет на вашей характеристике: «Согласовано. Секретарь РК КПСС (подпись)», и будет поставлена печать райкома. Характеристика готова.

2. Краткая справка (так называемая «объективка») в двух экземплярах: основные биографические данные и хронологический перечень всех мест учебы и работы с указанием занимавшихся должностей.

3. Справка о состоянии здоровья, где должно быть записано «практически здоров» и помечено, что справка выдана в связи с поездкой в такую-то страну на такой-то срок. Для получения этой справки вы должны пройти осмотр у врачей ряда специальностей, сделать анализы крови и мочи. Справку подписывают лечащий врач и главный врач или его заместитель.

4. Шесть фотокарточек.

5. Обоснование необходимости поездки.

6. Приглашение — если это поездка на международную конференцию или иное подобное мероприятие.

7. План вашей деятельности во время пребывания за границей.

После возвращения из загранкомандировки вы обязаны представить два отчета: краткий (в трехдневный срок) и полный (в течение месяца). Кроме того, в личном деле в этом случае должны находиться: справка из жэка (домоуправления) о том, что вы действительно проживаете по такому-то адресу и прописаны там с такого-то года, а также справка с места работы о вашей должности с указанием размера месячного оклада и о том, что вам причитается отпуск на столько-то рабочих дней.

Если вы едете не в командировку, а в так называемую частную поездку, директивных указаний в выездном деле не будет. Будет зато квитанция об уплате вами пошлины за выездную визу. При выезде в капиталистическую страну размер пошлины в несколько раз выше.

«Выездное дело» оформлено. Управление внешних сношений Академии наук СССР подготовит сопроводительное письмо за подписью главного ученого секретаря президиума Академии наук, и вместе с этим письмом «дело» будет направлено секретной почтой в ЦК КПСС.

Оформление вступает в свою вторую стадию — подготовки и принятия решения.

«Выездное дело» поступает в ЦК КПСС.

Установлены были сроки представления выездных документов: при поездках в капиталистические страны —

за 45 дней до даты выезда, в социалистические страны — за 30 дней. Если «дело» направляется позже, главный ученый секретарь должен каждый раз специально просить принять к рассмотрению запоздавшие документы. ЦК в этом обычно не отказывает, но дает почувствовать, что делает одолжение. Однако подготовка и принятие решения о выезде в капиталистическую страну занимают даже в случае крайней спешки около недели, ибо процедура сложна.

В ЦК «выездное дело» поступит к двум референтам: одному, ведающему выездами сотрудников Академии наук, и другому, ведающему выездами в ту страну, куда академия намеревается вас командировать. Первый направит дело на просмотр в Отдел науки и учебных заведений ЦК. Одновременно, если вы собираетесь выезжать в капиталистическую страну, будет направлен в соответствующее управление КГБ СССР запрос за подписью заместителя заведующего Отделом ЦК с просьбой сообщить, не имеется ли возражений против вашего выезда. Если вы собираетесь ехать в страну Варшавского Договора, КГБ не запрашивали: не знаю, как сейчас — после революции 1989 года в этих странах.

Таким образом, происходит уже знакомая читателю процедура перестраховки номенклатурщиков перед принятием решения. Ответственными за него оказываются многие и, значит, никто в отдельности.

В каждом из названных отделов соответствующий референт ознакомится с вашими выездными бумагами и подготовит заключение. Оно может быть подписано или двумя отделами вместе, или по согласованию между ними каким-либо одним (подписи: заместителя заведующего отделом и заведующего сектором). Заключение будет направлено в Международный отдел. Тем временем придет ответ из КГБ.

Если оба ответа положительные, вас могут вызвать на беседу.

При Сталине все отъезжающие должны были являться на беседу в ЦК. Беседу иногда проводил сразу с большой группой командируемых лично товарищ Струнников — заведующий сектором загранкадров существовавшего тогда Управления кадров ЦК партии. Но бывали и индивидуальные беседы с соответствующим инструктором ЦК. Там же давали прочитать и подписать многостраничный текст правил поведения советских граждан за границей. Правила были и без того всем понятны: не иметь личных дел

с местным населением, опасаться провокаций и по всем вопросам обращаться к советской администрации. Запоминались лишь неожиданные правила: в поездке не оставаться ночью в купе с иностранцем другого пола и просить проводника перевести вас в другое купе; а также без особого на то указания не иметь дел с коммунистами в стране пребывания и не посещать их собраний. Сухо сообщалось, что нарушивший правила будет «нести ответственность во внесудебном порядке». Мы знали, что означал «внесудебный порядок»: приговор тройки — особого совещания (ОСО), то есть лагерь, если не расстрел.

В послесталинские времена атмосфера смягчилась. Беседы проводятся индивидуальные, в любезном тоне, причем вызывают на беседу не всех, а только тех, кто едет впервые или давно не ездил, и никакими карами не грозят. Но правила — все те же самые — дают читать и подписывать.

Если ЦК примет решение позволить Академии наук командировать вас в данную страну на указанный срок, решение будет записано в протокол под порядковым номером и текст его — пара строчек на бланке — будет немедленно направлен фельдъегерской связью в Академию наук и в Консульское управление МИД СССР. Если выезд должен состояться очень скоро, о решении сообщат вдобавок по телефону.

Существует твердо установившийся порядок, что решение принимается в последний момент. «Выездное дело» может поступить с безукоризненным соблюдением срока — все равно решение придет за несколько часов до того, когда вам надо вылетать. Поэтому МИД СССР задолго до выхода решения запросит на вас въездную визу, для вас будут заказаны билеты, а вы все еще не будете знать, едете вы или нет.

Делается это умышленно: если вы собираетесь убежать, то не дать вам времени на подготовку. Дело в том, что обычно советский гражданин, ожидающий решения о выезде, уверен, что за ним особенно внимательно следят, и, даже не помышляя о побеге, тщательно старается не делать ничего такого, что смогло бы, по его мнению, показаться подозрительным.

Есть в оттягивании выдачи решений и садистское желание номенклатурщиков понаслаждаться своей властью над зависящими от их воли людьми. А чтобы наслаждение это было полным и людишки трепетали, ЦК иногда отказывает в выезде. Отказы бывают совершенно произвольные и выражают полное пренебрежение номенклатуры к ее подчи-

ненным. Так, нередко даваемое объяснение — если его вообще соблаговолят давать — таково: «Уже выезжал в этом году». Правда, командирующее учреждение само знает об этом не хуже, чем референты Комиссии по выездам. Известно это было, кстати, и в райкоме партии. Зачем же было тратить на разных уровнях массу рабочих часов на оформление дела для того, чтобы получить такой ответ? Но никто Комиссии ЦК подобного вопроса не задаст, а все сделают вид, что услышали некое откровение: ведь, правда, выезжал, а нам-то и невдомек! Дело в том, что комиссия, как и весь номенклатурный аппарат, не терпит возражений и злобно мстительна. Тот, кто осмелится задать такой вопрос, может быть уверен, что на протяжении долгих лет не получит разрешения на поездку за границу

Препятствия и ограничения изыскиваются порой самые нелепые. Например, вдруг поликлиники стали отказывать в выдаче медицинской справки,— а без нее «выездное дело» не считается оформленным. Излюбленный же метод не допустить выезда, приведя все-таки какой-то аргумент,— это ссылка на «осведомленность» кандидата на поездку. «Осведомленность» — о чем? Ну, конечно, о «государственной и военной тайне». Поскольку ничего конкретнее не говорится, о какой именно тайне идет речь, можно приписать «осведомленность» чуть ли не каждому выпускнику вуза: ведь он часто еще студентом получает так называемый «допуск» (по форме 1, 2 или 3), числится допущенным к секретным, а то и сов. секретным материалам, ходит в «1-й отдел», где никаких настоящих секретов нет,— но придраться к этому можно. Если прошел службу в армии, тоже могут не выпустить, хотя единственная военная тайна, которую он там узнал,— это что в Советской Армии плохо кормят.

Достаточно бесцеремонно обращаются в ЦК КПСС даже с безусловно «выездными» номенклатурными чинами, не входящими, однако, в стержень класса номенклатуры. Так, в 1970—1971 годах мне как заместителю председателя Комиссии историков СССР и ГДР пришлось столкнуться с тем, что Отдел административных органов ЦК упорно не выпускал тогдашнего председателя Верховного суда РСФСР, а затем председателя Верховного суда СССР Л. Н. Смирнова на пару дней в ГДР. Ссылка была та же: уже ездил в Швецию, пусть занимается в Москве своими делами, у него их достаточно. Все мои попытки через Отдел науки ЦК добиться согласия на поездку Л. Н. Смирнова в Восточный Берлин окончились безрезультатно: Отдел

административных органов не хотел отказываться от своего каприза.

Подобным же капризом было то, что в конце 1960 года Секретариат ЦК КПСС неожиданно не дал согласия на выезд первого вице-президента Академии наук СССР, Председателя Верховного Совета РСФСР академика М. Д. Миллионщикова на встречу группы ученых — участников Пагуошского движения. Миллионщиков, уже телеграфировавший о своем приезде, сгорал от стыда после такой пощечины и в течение нескольких дней не появлялся на работе. Все это объяснялось не тем, что Секретариат ЦК подозревал Миллионщикова в желании убежать, и не соображениями высокой политики — Миллионщиков ориентировался в Пагуошском движении гораздо лучше, чем Секретариат,— а желанием время от времени щелкнуть бичом перед носом даже высокопоставленных подчиненных номенклатурной верхушки и лишний раз напомнить им, кто хозяин.

Итак, решение состоялось. Оформление выезда вступает в заключительную, по необходимости очень краткую стадию — выдача загранпаспорта с выездной визой, валюты и билета.

Консульское управление МИД СССР, получив сообщение о том, что решение состоялось, немедленно извлечет из своих сейфов ваш паспорт (загранпаспорта хранятся в Советском Союзе не дома, а в МИД СССР и выдаются только на время поездки). Паспорта эти в Советском Союзе, как и в других странах,— трех видов: общегражданский, служебный и дипломатический. Все они теоретически действительны для поездки в любую страну. Особенность со стоит в том, что для выездов в социалистические страны паспорт выдается с печатью МИД РСФСР, а в капиталистические страны — МИД СССР. Таким образом, если вы получили разрешение на поездку в Чехословакию, а сами попытаетесь оттуда переехать в Австрию или в ФРГ, вас задержат чешские пограничники, проверив печать в вашем паспорте.

К моменту принятия решения в паспорте уже будет стоять въездная виза государства, в которое вы отправляетесь. Теперь проставят выездную советскую визу и направят паспорт с курьером в Академию наук СССР, где паспортистка управления внешних сношений выдаст вам его под расписку и заберет в обмен ваш внутрисоюзный паспорт: он будет храниться у нее в сейфе до вашего возвращения. Члены партии или комсомола должны сдать

на время загранпоездки членские билеты соответственно в ЦК КПСС или ЦК ВЛКСМ.

Инвалюта по строго определенной норме, зависящей от того, в какую страну вы отправляетесь, будет вам выдана: если вы едете в составе делегации, то в самолете секретарем делегации, а если вы едете один, то управление делами академии выдаст вам справку на получение валюты в банке для внешней торговли. Билет на самолет или на поезд вы получите в отделе транспортного обслуживания управления делами академии.

Вот теперь вы можете ехать. Да уже и пора. Мне случалось на такси, с чемоданом, ехать сначала за паспортом, справкой и билетом, оттуда за валютой и затем прямо в международный аэропорт Москвы — Шереметьево, едва успевая к посадке в самолет.

Проверять же вас будут до последней минуты и могут высадить из самолета или поезда, объявив, что ваша выездная виза аннулирована. В сталинские годы сложилась по этому поводу пословица: «Не говори гоп, пока не проехал Чоп!» При проверках номенклатура не гнушается методами провокации. Приведу пример. Один из способнейших экономистов Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР профессор А. отправлялся на работу в ООН на несколько лет. Решение состоялось, А. получил паспорт и билет. Тут к нему вдруг явился его школьный товарищ, которого он много лет не видел, попросил купить ему в США вещи и дал 200 долларов. А. постеснялся отказать и доллары взял. Накануне отлета в Нью-Йорк его пригласили в Комиссию по выездам, мило поговорили и, как бы между прочим, спросили, не везёт ли он с собой валюту (что запрещено). А. замялся. Тогда ему сказали, что всё знают; он хотел нарушить правила выезда, поэтому в США он не поедет. На работе в институте после долгих неприятностей его оставили, и со временем он даже стал заведующим отделом.

Читатель может спросить: неужели вся эта громоздкая процедура, как бы списанная из «Замка» Кафки, применяется и при выездах в социалистические страны? Это что же, так оформляли поездки советских граждан в ГДР или Болгарию?

Да, именно так. Было короткое время — 1967—1968 годы, когда командировки в страны СЭВ оформлялись без участия ЦК КПСС. Выездные дела рассматривались в созданной тогда комиссии по выездам при президиуме Академии наук СССР. После ее положительного заклю-

чения решение о командировке подписывалось в Госкомитете по науке и технике, и вы могли ехать. Облегчение было огромным: хотя система выезда оставалась громоздкой, но становилась она деловой и ясной, без капризов таинственного судилища, куда нельзя обратиться и остается лишь ожидать изрекаемого в последнюю минуту приговора. После оккупации Чехословакии решением Секретариата ЦК КПСС этот порядок был отменен, и снова все командировки в социалистические страны стали рассматриваться в ЦК. В аппарате ЦК прямо говорили в своем кругу, что Чехословакия была лишь предлогом: просто сидевшие в Комиссии по выездам при ЦК КПСС без дела номенклатурщики испугались, как бы их не перевели на менее высокие посты, без «вертушки» и кремлевского пайка. Они и подняли перед Секретариатом вопрос о необходимости повысить бдительность и усилить контроль ЦК при выездах граждан в оказавшиеся столь ненадежными социалистические страны.

Советским гражданам, живущим в национальных республиках, выезжать за границу еще труднее, а главное страшнее, чем москвичам. Нередко можно встретить и в Москве людей, которые предпочитают не пытаться ездить в другие страны, чтобы не рисковать получить отказ со всеми неприятными последствиями, на периферии же таких людей неизмеримо больше. Дело в том, что там «выездное дело» направляется не в Москву, а в республиканские ЦК партии, и Бюро ЦК принимает решение рекомендовать командируемого для поездки. Только с такой рекомендацией дело пересылается в ЦК КПСС. Но ведь Бюро ЦК компартии союзной республики, как мы уже говорили,— это высшая власть в республике. Мало кто хочет ради возможности приятной, но все же не необходимой поездки за границу предстать перед этим судилищем капризных и чванных сатрапов. Ведь если они откажут и тем самым выразят человеку политическое недоверие, дальнейшая его судьба сложится незавидно. Не в последнюю очередь именно поэтому выезжающие в командировки и даже в качестве туристов на Запад — в большинстве москвичи, хотя жители Москвы и составляют лишь три процента населения Советского Союза.

Теперь — о частных поездках за границу. Казалось бы, частная поездка — это частное дело самого гражданина. Гражданина — да, но не советского, а иностранного. *Его* желание увидеть советского человека признается имеющим правовое значение для ОВИРа. Не только выезд

из СССР но и желание пригласить в СССР иностранца должно начинаться с обращения последнего к властям СССР с просьбой выпустить к нему советского гражданина или, напротив, приехать к тому, то есть, собственно, напроситься в гости. Советский же человек в обоих случаях лишь заполняет анкеты, описывая себя, и относит их на суд в компетентные органы.

Чтобы ОВИР завел «выездное дело», требуется:

1. Получить приглашение от иностранца.
2. Показать приглашение в ОВИРе, получить анкету, заполнить ее и заверить по месту работы ту страницу, где описывается трудовой путь кандидата на выезд.
3. Приложить 6 фотокарточек.
4. Подать документы инспектору ОВИРа, который скажет: «Ждите».

Ожидание длится 1—2 месяца. В случае положительного ответа нужно будет заплатить 200 рублей — взнос в доход государства за возможность на время покинуть его пределы.

Перед выездом разрешается купить примерно 300 долларов США (только один раз в год), отдавая за это в последнее время 2000 рублей — восьмимесячный заработок среднеоплачиваемого советского трудящегося. Таков применяемый в этих случаях специальный обменный курс. Справедливость требует заметить, что до 1990 года обмен обходился в 10 раз дешевле, но количество получаемой валюты дозировалось в зависимости от числа дней, на которые давалось разрешение на выезд (не более 90 дней в году).

Так выглядела десятилетиями практика поездок советских граждан за границу. Как видим, она существенно отличается от теории. Вот почему трудно сравнивать террористов, угоняющих самолет в Ливию, с отчаявшимися людьми, заставляющими пилотов Аэрофлота вывезти их на Запад.

«А почему не бегут эти люди через «зеленую границу»?» — спросит читатель.

Правда, почему?

18. ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

С детства мы в Советском Союзе слышали это выражение. Нам старательно внушалось, что империалисты со всех сторон так и рвутся напасть на СССР, но доблестные советские пограничники зорко стоят на посту, и не только вражеские полчища, но и норовящая проскользнуть в Со-

ветский Союз масса шпионов и диверсантов бессильна преодолеть нашу границу: граница — на замке. То же рассказывают советским детям и сегодня.

Повзрослев, советский гражданин перестает верить этой детской сказке и начинает понимать: замок на многотысячекилометровую границу повешен не от империалистов, а чтобы сами граждане страны реального социализма не убежали от своих номенклатурных хозяев.

Границу Советского государства принято на Западе сравнивать с оградой концентрационного лагеря. Не хочется повторять это избитое сравнение, а более точного не найти. Граница СССР действительно оборудована как ограда лагеря — огромного загона, от обитателей которого ожидают, что они будут всеми силами рваться наружу, и надо всеми же силами им в этом воспрепятствовать. Поэтому советские границы — не укрепленная линия фронта с дотами и минными полями, как была оборудована западная граница ряда малых социалистических стран; она и не тюремная ограда, какой была стена в Берлине; это просто ограда гигантского концлагеря.

Соответственно и устройство советской границы иное, чем довольно широко известное на Западе устройство границы ГДР. Недаром руководство ГДР с гордостью говорило о том, что оно оборудовало «современную границу» Советская государственная граница не претендует на современность, нет на ней самостреляющих картечью автоматов, но оборудована она надежно и тоже с применением некоторых технических новинок. Система охраны государственной границы СССР преподается как специальный курс в школах КГБ и МВД и возведена, таким образом, в ранг науки.

Учебника по этой печальной науке в нашем распоряжении нет, но об оснащении и устройстве рядового участка советской границы коротко расскажем.

Элементы границы, если двигаться из глубины страны к ее рубежу, таковы.

1. Пограничная полоса. Это примыкающий к границе район. Населению позволено здесь проживать, но всякий житель должен иметь особое на то разрешение с отметкой в паспорте. Для въезда в пограничную полосу и даже для проезда через нее требуется специальное разрешение органов милиции. Контроль проводится военными нарядами пограничных войск. Всех, оказавшихся в пограничной полосе без такого разрешения, задерживают и выясняют цель их появления в запретном районе.

2. Укрепленная полоса. Ее ширина в среднем 100 метров. На полосе размещены так называемые «пограничные системы». Перечислим их:

а) Забор из колючей проволоки на бетонных столбах с козырьками. В заборе имеется много ворот, которые открываются с погранзаставы при помощи телереле. Для того, чтобы дежурный связист на заставе включил реле, пограничник должен позвонить ему по телефону и сообщить код-цифру, каждый день новую, даваемую начальником заставы. Вдоль границы на нейтральной полосе расположены столбы с ячейками, к которым пограничник подключает висящую у него на поясе телефонную трубку. Проволока забора находится под малым электрическим напряжением; прикосновение сдвигает провода или козырек на столбе, и тогда на заставу поступает сигнал.

б) Сразу за забором пролегает контрольная следовая полоса (КСП) шириной 5—6 метров. Она регулярно перепахивается так, чтобы на рыхлой почве отпечатывались следы.

в) Далее идут заграждения из колючей проволоки витками, а также натянутые на низких колышках.

г) В траве и зарослях проложена скрытая «система» — незаметные стальные проволочки с петлями. «Если человек бежит в зарослях и попадает ногой в стальную петлю, он падает, пытается встать, попадает в другую такую же петлю...— рассказывает перешедший на Запад советский солдат-пограничник.— Чем больше он старается высвободиться, тем сильнее затягивают его эти петли. У нас даже проводились опыты — заставляли кого-нибудь залезть в «систему». Никому вылезти ни разу не удалось» [25].

На укрепленной полосе находятся вышки, и пограничники с биноклями просматривают местность.

3. Нейтральная полоса, или, как ее иногда лирически называют, «ничья земля». Хотя она ничья, по ней патрулируют вооруженные автоматами советские пограничники с собаками, по два человека. Начальники застав обязаны, чтобы еще больше затруднить нелегальный переход границы, часто менять часы смены постов и маршруты патрулирования границы. Жители пограничной полосы, несмотря на отметку в паспорте, допускаются на нейтральную полосу только по дополнительному специальному разрешению и под охраной двух вооруженных солдат.

Приказ открывать огонь по беглецам, ассоциируемый на Западе с границей ГДР, давно уже существует для со-

ветских пограничников. За убийство беглеца пограничник получает правительственную награду — медаль «За отвагу», хотя в общем отваги нужно не так много, чтобы из автомата застрелить в спину безоружного человека. В назидание пограничникам политработники рассказывают даже, как убежавшего за границу начальника одной из погранзастав «советские люди нашли и пристрелили»[26] Впрочем, беглеца (официально «нарушителя») стараются взять живым. Выигрывает ли он от этого, трудно сказать.

Ну, а если «нарушителю» все-таки удается преодолеть все препятствия? Тогда, если только для этого есть какая-либо возможность, за ним устраивается погоня. Сколько уже раз поисковые группы советских военнослужащих отправлялись в Западный Берлин ловить беглецов. В годы оккупации Австрии такие же группы высылались по тревоге в занятые западными войсками секторы Вены. Да что оккупированные страны Европы! За Евдокией Петровой, женой попросившего убежища резидента КГБ, были посланы вооруженные советские «дипкурьеры» из Москвы в Австралию. За неимением автоматчиков с собаками советский посол в Нидерландах генерал-лейтенант П. К. Пономаренко, бывший секретарь ЦК КПСС, а в годы войны — начальник организованного НКВД Центрального штаба партизанского движения, не погнушался собственноручно волочить в самолет попросившего убежища советского туриста Голуба. Правда, в возникшей свалке посол, взявшийся за исполнение милицейских обязанностей, получил по физиономии; он вынужден был вернуться в Москву, где стал в Институте общественных наук при ЦК КПСС заведовать кафедрой методов нелегальной работы коммунистических партий.

Ловля беглецов вне пределов советской территории не имеет ровно никакого правового основания. Расчет при проведении таких операций на то, что западные власти стушуются и молчаливо разрешат ловить на своей территории советских граждан, как беглых рабов. Такой расчет иногда оправдывается. Известна история о том, как американский капитан выдал бежавшего на его судно в международных водах советского моряка-диссидента С. Кудирку, которого тут же, на глазах у предупредительного капитана, до полусмерти избили, а затем увезли в советский лагерь. Менее известно то, что, поддавшись настояниям Москвы, граничащие с Советским Союзом несоциалистические страны Финляндия и шахский Иран (не говоря уже о социалистических) не раз выдавали советским властям

беглецов, поверивших словам о праве на политическое убежище. Надо отдать должное советскому правительству, что оно и не подумало оплатить эту услужливость той же грязной монетой. Отто Куусинен, возглавлявший после нападения СССР на Финляндию в конце 1939 года марионеточное «народное правительство Финляндии», не только не был передан Финляндии, но сделался членом Президиума и секретарем ЦК КПСС; спокойно работали в СССР подпольщики иранской компартии Тудех во главе с первым секретарем ее ЦК Искендери — полным интеллигентным персом с умными глазами, с которым мне не раз довелось встречаться.

Но даже если не помогут ни облавы на чужой территории, ни нажим, мстительная номенклатура не успокаивается. Через зачисленных в состав советских посольств сотрудников КГБ, на которых возложено наблюдение за эмигрантами из Советского Союза, предпринимаются обычно попытки опорочить находящихся в данной стране беженцев. Для этого о них распространяются более или менее стандартные выдумки и фальшивки, подготовленные отделом дезинформации КГБ. Обычно это слух о том, что эмигранты — жулики, развратники, даже уголовные преступники, а также что они агенты КГБ. Последнее характерно для уже отмеченной выше эволюции в самооценке «органов».

А что дальше?

В Советском Союзе издаются — разумеется, с грифом «сов. секретно» — розыскные книги КГБ. Носят они длинное бюрократическое название: «Алфавитный список агентов иностранных разведок, изменников Родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников, подлежащих розыску». Но вносятся туда никакие не агенты и не каратели, а просто люди, убежавшие из Советского Союза.

В 1976 году одна из таких книг стала известна на Западе. В книге в алфавитном порядке названы те из находящихся за границей беженцев, которые объявлены «изменниками Родины» и заочно приговорены к различным срокам заключения (от 10 до 25 лет) или к смертной казни (высшая мера наказания помечена в книге сокращением — ВМН). Из книги явствует, что и сегодня никакого срока давности советские власти не признают. В книге по-прежнему числился, например, приговоренный, разумеется, к ВМН Игорь Гузенко — бывший шифровальщик советского посольства, разоблачивший более 40 лет назад

советский атомный шпионаж в Канаде. Приговоры, вынесенные десятилетия назад, сохраняют силу [27].

Попытки приводить эти приговоры в исполнение предпринимались уже не раз: похищение беженцев за границей или их убийство. Для последней цели была разработана и изготовлена так называемая «спецтехника»: в 50-х годах это был бесшумный электрический пистолет, замаскированный под портсигар (бывали и другие маскировки), стрелявший небольшими пулями дум-дум, отравленными цианистым калием. К концу 50-х годов спецлаборатории КГБ сделали шаг вперед: был изготовлен карманный аппарат с трубкой, стреляющий в лицо жертвы маленькой стеклянной ампулой с синильной кислотой. Вдыхание ее паров блокирует дыхательный фермент и приводит к немедленной смерти в результате острого кислородного голодания Это легко принять за смерть от инфаркта миокарда. Таким образом, удалось замаскировать уже не только пистолет, но даже убийство.

Оба достижения советской техники стали достоянием гласности лишь потому, что посланные в качестве профессиональных убийц офицеры КГБ Хохлов в 1953 году и Сташинский в 1961 году отказались от этой жалкой роли и остались на Западе. Оба они фигурируют сегодня в розыскной книге как заочно приговоренные к ВМН. На Хохлова уже было совершено во Франкфурте-на-Майне покушение при помощи очередного технического достижения — радиоактивно облученного яда.

В конце 70-х годов стал известен еще один образчик советской «спецтехники»· замаскированное под зонтик оружие, стреляющее крошечным платиновым шариком с ядом рицин, вызывающим смертельное заражение крови. «Зонтик» позволяет убивать людей прямо на улице, в толпе: убийца как бы случайно «царапает» концом «зонтика» ногу своей жертвы, извиняется и уходит; яд начинает поступать в кровь убиваемого лишь через пару минут, когда растают сахарные оболочки, закрывающие заполненные ядом углубления на поверхности шарика. Так был убит в Лондоне эмигрант радиожурналист Марков. Убитый — болгарин, но оружие было изготовлено в СССР, так как именно там находится центр конструирования «спецтехники».

Из показаний Хохлова и Сташинского стало известно, что в составе советских органов госбезопасности имеется отдел убийств и похищений людей за границей. Отдел носил после войны название «спецбюро», затем отдел № 13,

позже — отдел «В», потом — отдел 8 Первого главного управления КГБ. Постоянные переименования не изменили сути этого отдела, и он получил среди сотрудников КГБ четкое рифмованное прозвище: «отдел мокрых дел». Спецбюро долгое время возглавлял генерал Судоплатов. После падения Берия Судоплатов был арестован, но его семья не оказалась в опале. Носящая его славную фамилию миловидная дама еще в 70-х годах ведала в гостинице Международного отдела ЦК КПСС в Плотниковом переулке обеспечением гостей театральными билетами.

Пикантные подробности о подготовленных в Москве политических убийствах обошли в свое время всю некоммунистическую печать мира, и как-то загородили они выяснившийся наиболее важный факт: на каждое убийство дается специальное решение ЦК КПСС. А за убийство — «за успешное выполнение правительственного задания» — удачливого убийцу награждают орденом Боевого Красного Знамени, как было со Сташинским. Значит, опять решение Секретариата ЦК КПСС.

Боевое Красное Знамя... Сколько было когда-то юношеской, пионерской романтики в этих словах. Во что превратилась она в толстых пальцах номенклатуры? В металлический знак, выдаваемый выездному палачу со «спецтехникой» за приведение в исполнение ВМН.

Советские границы — на замке. Огромная дужка этого замка протягивается от внимательного пограничника, проверяющего ваш паспорт в аэропорту Шереметьево, до штатного убийцы с синильной кислотой или радиоактивным ядом. Механизм замка — органы госбезопасности. Приводится же этот замок в действие все тем же ключом — правящей верхушкой класса номенклатуры.

*

Мы не исчерпали этим описанием всей внутренней политики номенклатуры, а указали лишь—наряду с описанными в предыдущих главах—основные ее черты. Можно было бы сказать еще больше и показать больше деталей, можно было бы написать многотомную работу. Но вывод остался бы один: власть в СССР — это диктатура номенклатуры.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 146.
2. «Правда», 26 мая 1978 г.
3. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 257.
4. M. Fainsod. How Russia is ruled. 2nd ed., p. 350.
5. См. «Правда», 21.01.1959.
6. «Правда», 18.10.1961.
7. «Правда», 21.04.1990.
8. А. Галич. Песни. Франкфурт-на-Майне, 1969, с. 9.
9. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 327.
10. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 384.
11. B. Baschanow. Op. cit, S. 60.
12. См. E. Carr. History of Soviet Russia. London, Pt. l, vol. 1, p. 204—205.
13. См. об этом также: R. Medvedev, Zh. Medvedev. Krushchev. The Years in Power. N. Y., 1976, p. 76—78.
14. См. статью секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко в «Вопросах истории КПСС», 1976, № 12, с. 33, 36.
15. С. Аллилуева. Двадцать писем... с. 193.
16. П. Милюков. Россия на переломе, том I. Париж, 1927, с. 193.
17. И. Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова. М., 1923, с. 76.
18. Там же, с. 8.
19. H. Pörzgen. Ein Land ohne Gott. Frankfurt/M., 1936, S. 70.
20. См. Human Rights. A Compilation of International Instruments of the United Nations. N. Y., 1973, p. 2.
21. См. ibid., p. 25.
22. См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1969, № 25.
23. См. Human Rights, ibid., p. 9.
24. См. ibid., p. 25.
25. «Посев», 1977, № 4, с. 37.
26. Там же, с. 41.
27. См. «Посев», 1976, № 12, с. 29—31 и последующие номера 1977—1978 гг.

Глава 7

КЛАСС — ПРЕТЕНДЕНТ НА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

«Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало необратимому процессу смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией...

Молодому, устремленному в будущее миру социализма противостоит все еще сильный и опасный, но уже прошедший точку своего зенита эксплуататорский мир капитализма. Общий кризис капитализма углубляется. Неотвратимо сужается сфера его господства, становится все более очевидной его историческая обреченность...

Империализм есть паразитический, загнивающий и умирающий капитализм, канун социалистической революции.

Весь ход мирового развития подтверждает марксистско-ленинский анализ характера и основного содержания современной эпохи. Это эпоха перехода от капитализма к социализму и коммунизму, исторического соревнования двух мировых социально-политических систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций.. При всей неравномерности, сложности и противоречивости движение человечества к социализму и коммунизму неодолимо»

Программа Коммунистической партии Советского Союза.

Часть I. «Переход от капитализма к социализму и коммунизму — основное содержание современной эпохи». Москва, 1986 г.

Словосочетание «претендент на мировое господство» хорошо знакомо каждому читателю советских газет. Под таким наименованием там издавна фигурирует всякий империализм: сначала англо-французский, потом—гитлеровский, затем—американский. Советский читатель воспринимает это словосочетание с ощущением привычной скуки.

А между тем оно имеет смысл. Претендент на мировое господство существует — это номенклатура.

Сегодня советская номенклатура больна. Возможно, что

она больна смертельно. А может быть, еще нет: ведь не исключено, что это только временное недомогание и она воспрянет во всей своей привычной решимости и напористости.

Да, сегодня номенклатура слаба, она вынуждена вести политику не с позиции силы, а с позиции слабости. Но кто может поручиться, что это окончательно? Ведь даже в своем нынешнем состоянии советская номенклатура старается сохранить, а то и укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, включая истерзанный ею Афганистан; тратит немалые деньги в твердой валюте на поддержку зарубежных компартий и просоветских организаций; содержит своих военных советников и специалистов в ряде стран третьего мира. И всё это — в условиях экономической катастрофы в собственной стране. Да и баснословная, ничем не оправданная численность военнослужащих в СССР — около 5 млн. человек! — в сочетании с ростом расходов на них свидетельствует о стремлении номенклатуры гарантировать себе возможность вернуться к политике силы.

Аппетит номенклатуры сохраняется и в условиях «перестройки» — аппетит не только на гастрономические деликатесы, черные лимузины и госдачи, но и на объекты внешней политики. Так что в этой главе мы напишем о ее аппетитах не только сегодняшних при, может быть, временном несварении желудка, а прежде всего о тех, которыми она отличалась на протяжении 70 лет.

1. АГРЕССИВНАЯ СУЩНОСТЬ КЛАССА НОМЕНКЛАТУРЫ

Рассказывая о внешней политике Советского Союза, номенклатурная пропаганда не ограничивается заявлением, что это политика мира, а обосновывает такой тезис. В обществе реального социализма, разъясняет она, нет классов и социальных групп, заинтересованных в экспансии и агрессии; ведь это общество рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции — зачем им агрессия?

И правда, ни рабочим и колхозникам, ни интеллигенции в СССР экспансия и агрессия не нужны, у них совсем другие нужды. Но ведь общество реального социализма состоит не только из этих групп. В нем замаскированный под «группу управляющих» в составе «прослойки интеллигенции» скрывается и управляет обществом класс номенклатуры. Можно ли утверждать, что ему экспансия и агрессия тоже не нужны?

Чтобы ответить на такой вопрос, надо вновь обратиться к классовой сущности номенклатуры.

Основу существования номенклатуры как класса составляет власть, а собственность и привилегии номенклатуры являются следствием того, что она властвует. Прямо противоположно положение класса капиталистов: основу его существования составляет собственность на капитал, а политическое влияние является следствием обладания капиталом.

Каждый господствующий класс стремится укрепить и расширить основу своего классового существования. Капиталисты стремятся к возрастанию своей максимальной прибыли как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Точно так же номенклатура стремится к возрастанию своей власти — как внутри страны, так и за ее пределами. Классу капиталистов органически присуща экспансия на всех рынках мира, куда он только может проникнуть. Классу номенклатуры столь же органически присуща политическая экспансия повсюду в мире, куда он только может проникнуть. Номенклатура, так же как и буржуазия, является по самой своей сущности экспансионистским классом. Разница состоит, однако, в последствиях: одно дело, если цель экспансии — продать вам по монопольной цене товары своего производства; другое дело, когда цель — установить над вами свою монопольную власть.

Конечно, в своей экономической экспансии капиталисты стараются добиться и благоприятных политических условий для ее развертывания. Точно так же номенклатура стремится использовать расширение границ своей власти для увеличения своей собственности. Однако собственность — это вопрос для номенклатуры второстепенный. Ведь главное в номенклатуре — не собственность, а власть.

Мерой власти определяется и мера номенклатурных привилегий, в том числе присваиваемая номенклатурщиком доля коллективной собственности его класса — «социалистической собственности». Есть только две возможности увеличения этой доли: для каждого номенклатурщика индивидуально — продвижение вверх по лестнице номенклатурной иерархии, а для всех номенклатурщиков как класса в целом — возрастание социалистической собственности. Какими путями номенклатура как класс может увеличить размер этой собственности?

Внутри страны — путем эксплуатации непосредственных производителей. Однако созданная номенклатурой экономическая система реального социализма малопродуктивна. Коренным образом повысить эффективность национальной экономики можно, только заменив эту систему

другой. Это для номенклатуры немыслимо, так как противоречило бы главному для нее — интересу ее монопольной, ничем не ограниченной власти. Поэтому, прилагая усилия с целью повысить отдачу от эксплуатации трудящихся — размер создаваемой прибавочной стоимости, номенклатура даже близко не подходит к опасной грани, за которой началась бы переделка системы.

Ей остается второй путь — внешняя экспансия, распространение своей власти на другие страны и использование их богатств.

Вот теперь мы можем ответить на поставленный выше вопрос: номенклатуре нужна экспансия, а следовательно, нужна и агрессия.

Путь внешней экспансии не нов в мировой истории. Не нов он и в истории советского класса номенклатуры. До революции ленинцы твердили, что дадут полную свободу всем колониям царской России, но еще при Ленине под разными предлогами прибрали их к рукам и превратили затем в полуколонии — национальные республики Советского Союза. В 1920 году ленинское правительство пыталось захватить Польшу, и в обозе Красной Армии, пересекшей польскую границу, находилось «советское правительство Польши» — разумеется, с участием бесстрашного рыцаря революции, председателя ВЧК Дзержинского. «Даешь Варшаву! Дай Берлин!» — заливались песенники Первой конармии. «Даешь Европу!» — голосили советские писатели.

Первый наскок не удался, от Варшавы пришлось отступать, и Ленин обучал советских делегатов, отъезжавших на Генуэзскую конференцию 1922 года, что они едут туда «как купцы», а о мировой революции должны помалкивать [1]. Но думать о подчинении чужих стран номенклатура не перестала. Только думы эти отливались отныне не в форму кавалерийских атак, а в долголетние народнохозяйственные планы.

Выше уже говорилось о существе выдвинутого Сталиным курса индустриализации при абсолютном примате тяжелой индустрии: целью было создание военной мощи номенклатурной советской державы. На эту цель ориентировалась в определенной мере коллективизация сельского хозяйства СССР: хотя главная ее задача была политической, существовала и экономическая сторона — получение за счет экспроприации и эксплуатации крестьянства средств для индустриализации, то есть прежде всего для сколачивания гигантской военной машины номенклатурного государства.

Машина сооружалась под аккомпанемент коммунистической пропаганды, твердившей, будто империалисты вот-вот должны напасть на Советский Союз. Читатель может справедливо сказать, что нападение Гитлера на СССР действительно произошло — в 1941 году. Верно, но запланированное на ряд лет создание советской военной мощи было начато за несколько лет до прихода Гитлера к власти.

Разверните советские газеты 1930 года, и вы увидите, что военные приготовления СССР мотивировались отнюдь не угрозой со стороны Германии (с Германией у Советского Союза было тогда военное сотрудничество), а неким «крестовым походом против СССР», объявленным якобы римским папой. Это впоследствии Сталин насмешливо спрашивал своих западных собеседников: «Сколько у римского папы дивизий?» — а в 1930 году номенклатура делала вид, будто серьезно принимает за военное нападение на СССР упомянутый папой моральный крестовый поход против атеистического коммунизма.

Конечно, после прихода нацистов к власти в Германии, а особенно после начала гитлеровской экспансии у советской номенклатуры появились и дополнительные побуждения, и дополнительные аргументы для укрепления своих вооруженных сил. Но нельзя не отметить: нацистская угроза не отбила у советской номенклатуры аппетита к экспансии. Наоборот: аппетит этот обострился при виде вначале столь удачливой агрессии Гитлера. Именно по секретной договоренности с нацистским фюрером советская номенклатура получила в первый же год второй мировой войны Западную Украину, Западную Белоруссию, Латвию, Литву, Эстонию, Бессарабию, Северную Буковину, Карельский перешеек.

Снова забренчали барды номенклатуры. Молодой поэт Павел Коган восторженно предрекал накануне войны, в которой ему было суждено погибнуть:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!

В Японии она и вправду засияла. Курильские острова — северная часть Японии — были присоединены к Советскому Союзу. Да и до Англии было не так далеко; если мерить от западного берега бывшей ГДР. То, что советская номенклатура получила от Гитлера как плату за поддержку в войне против западных демократий, было ею сохранено.

К этому она добавила то, что ей дали за сопротивление напавшему на нее неверному союзничку Гитлеру — как это ни своеобразно сами западные демократии они почему-то наивно полагали, что сопротивление отчаянно боровшейся за свою шкуру номенклатуры должно было оплачиваться Западом.

Заплачено было щедро: советская номенклатура приобрела Восточную Пруссию, под ее власть были отданы Польша, Болгария, Чехословакия, Румыния, Югославия, Албания, Восточная Германия, Восточная Австрия, Северная Корея, на ее милость была выдана Финляндия. Вы полюбуйтесь на глобусе, какого размера этот подарок!

Добавим, что дар был добровольный и соотношением сил ни в какой мере не оправдывался. «Холодная война» началась же не из-за этих территорий, а потому что выяснилось: сталинская номенклатура хотела еще больше. Она хотела не только Восточную Германию, но и Западную, и, конечно, Западный Берлин; не только Восточную Австрию, но всю ее; не только Северную Корею, но и Южную; она хотела Грецию, Триест, Дарданеллы, Карс и Ардаган, Северный Иран, Китай, Индокитай и даже колонию в Африке — бывшее итальянское Сомали. Посмотрите опять на глобусе на эти границы, к которым стремилась советская номенклатура в 1952 году, и сравните их с границами ее власти за 10 лет до того, в 1942 году, когда линия фронта замкнулась вокруг Ленинграда, проходила недалеко от Москвы, через Сталинград и Северный Кавказ. Вот как широко распахнулась за эти годы пасть класса номенклатуры!

Она и потом продолжала оставаться разинутой. Куба, Никарагуа, Сальвадор, Гренада, Южный Йемен, Судан, Португалия, Ангола, Мозамбик, Сомали, Эфиопия, Южная Африка, Афганистан — таков неполный перечень стран, на которые она разевалась с большим или меньшим успехом.

Не все удалось засунуть в эту пасть, а все-таки многое. К тому же нас интересуют здесь не результаты экспансии советской номенклатуры, а ее стремление к такой экспансии, ибо в своей внешней политике номенклатурные вожди Советского Союза ни на минуту не забывают о своих экспансионистских замыслах.

Вот маленькая иллюстрация из мемуаров Черчилля. Английский банкет на Потсдамской конференции 1945 года. Сталин вдруг начинает собирать у присутствующих автографы. И дальше Черчилль пишет: «Сталин подмигивал от удовольствия и хорошего настроения. Я налил

бренди в маленькие бокалы для красного вина и посмотрел на него в упор. Мы оба выпили до дна одним глотком и взглянули друг другу в глаза в знак признания. После паузы он сказал: «Если вы не можете согласиться предоставить нам военный порт в Мраморном море, не могли бы мы получить военную базу в Дедеагаче?» [2].

Сбор автографов (которыми Сталин не интересовался) и бренди (которое он не пил) — притворство, военно-морская база — действительный интерес «отца» номенклатуры.

Номенклатура по самой своей сущности — класс экспансионистский, агрессивный. Агрессивность класса номенклатуры — не какое-то мистическое душевное качество, а прямой результат безудержного стремления этого класса ко все большей власти — главному его достоянию, а также к увеличению его собственности, естественному возрастанию которой устанавливает жесткие границы малая продуктивность экономики реального социализма.

Так что это ложь, будто в советском обществе нет классов, заинтересованных в экспансии и агрессии. Есть такой класс — номенклатура.

2. ТРАДИЦИОННАЯ ЭКСПАНСИЯ ПЛЮС «МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Как-то, когда упоминавшийся в предыдущей главе академик В. М. Хвостов был начальником историко-дипломатического управления и членом коллегии МИД СССР, я спросил его:

— Владимир Михайлович, мне понятно, почему не выдаются исследователям советские дипломатические документы с 1917 года. Но почему закрыты и материалы царской дипломатии со второй половины XIX века?

— Потому,— скрипуче отчеканил Хвостов, сжимая после каждого слова тонкие губы,— что при определенной аналогии внешнеполитической проблематики тогдашняя российская дипломатия применяла в отдельных случаях решения, аналогичные современным. Нам нет нужды их раскрывать.

Речь шла, таким образом, не о смутном ощущении номенклатурой некоего, возможно, случайного сходства, а об осознанном продолжении традиции, о своеобразном сообщничестве дипломатии номенклатурной и дипломатии дворянской, о преемственности их тайн и методов.

Вот что писал об этих целях и методах Энгельс — слова, хотя и включенные в гэдээровское издание его сочинений, но в Советском Союзе не цитируемые: «Россия — безусловно страна, стремящаяся к завоеваниям...» [3].

А Карл Маркс отмечал:

«Чтобы иллюстрировать «антипатию» России к расширению, я привожу несколько данных из множества фактов, касающихся территориальных приобретений России со времени Петра Великого.

Русские границы продвинулись:	
По направлению к Берлину, Дрездену и Вене примерно на	700 миль
По направлению к Константинополю примерно на	500 миль
По направлению к Стокгольму примерно на	630 миль
По направлению к Тегерану примерно на	1000 миль» [4].

Со времен Маркса эти границы продвинулись еще дальше. Маркс замечает: «...традиционные приемы, при помощи которых Россия преследует свои цели, далеко не заслуживают того восхищения, с которым к ним относятся европейские политики. Если успех этой традиционной политики является доказательством слабости западных держав, то однообразие и шаблонность этой политики свидетельствуют о внутреннем варварстве России» [5].

Слово «варварство» здесь неточное, оно вызвано эмоциями Маркса. Но мысль ясна: речь идет об отсталости феодальной России.

Как получается, что Советское государство, созданное под лозунгом полного разрыва со всей предшествовавшей политикой феодально-абсолютистской России, выглядит на деле настойчивым продолжателем ее внешней экспансии? Это особенно странно, если учесть марксистское положение, что любая политика есть политика классовая и несет на себе неизгладимую печать проводящего ее класса. Но ведь класс-то, казалось бы, новый!

Новый ли класс номенклатуры — посмотрим в последней главе. Здесь же отметим: неверно говорить только о традиции. Экспансионистская традиция царизма возведена в новую степень соединением ее с марксистско-ленинской идеологией.

В предыдущей главе номенклатурная идеология уже

была охарактеризована как идеология великодержавия, облеченная в марксистско-ленинскую фразеологию. Это относится в полной мере и к внешнеполитической части номенклатурной идеологии, но здесь такое сочетание образовало особенно взрывчатую смесь.

Маркс постулировал неизбежность победы пролетарской революции и установления коммунистического строя во всем мире. Ленин исходил из того, что, вопреки принципам исторического материализма, революция может победить вне зависимости от уровня развития страны, то есть уже сейчас и повсюду: это привело к провозглашению Лениным задачи немедленной мировой революции. Сталин объявил диктатуру номенклатуры социализмом, уже победившим в одной стране, и создал модель возникновения новых социалистических стран как вассальных номенклатурных режимов — сателлитов Советского Союза. Коммунистические партии во всех частях света возникли под влиянием советской компартии и были воспитаны Коминтерном, ставшим частью внешнеполитического аппарата советской номенклатуры. Эти партии стали в своих странах агентурой советского номенклатурного класса, в то же время именно их приход к власти ленинизм объявил главным содержанием пролетарской революции. Так произошло слияние понятий «мировая пролетарская революция» и «мировое господство Советского Союза».

Провозглашая цель «победы социализма в мировом масштабе», номенклатура подразумевает свое мировое господство.

В этом состоит разница между царистской и номенклатурной экспансией. Царистская была региональной, а номенклатурная глобальна. Царизм не ставил себе задачи установить царистский режим в мировом масштабе, он просто стремился к приобретению колоний — как в свое время Англия, Франция, Испания, Португалия, Италия, Голландия, Бельгия. А советская номенклатура стремится господствовать во всем мире — как Александр Македонский, Атилла, Чингисхан, Наполеон, Гитлер.

В советской печати цитировалось скрывавшееся раньше заявление Мао на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК 11 сентября 1959 года: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар. О том, как работать на Солнце, мы пока говорить не будем. Что касается Луны, Меркурия, Венеры — всех восьми планет, помимо Земли,— то можно будет еще исследовать их, побывать на них, если на них вообще возможно побывать.

Что же касается работы и сражений, то, по-моему, важнее всего наш земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременно надо проникнуться такой решимостью»[6].

Цитата любопытная — только кто такие были эти «мы» для Мао в 1959 году, когда ось Москва — Пекин была еще крепка? Не одна КНР, а весь реально-социалистический лагерь во главе с Советским Союзом.

3. ПЛАНОВАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика вытекает из внутренней, она служит проявлением на международной арене внутреннего режима государства. Со всей настойчивостью подчеркивал это Ленин: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»[7].

Класс номенклатуры осуществляет диктаторскую власть в Советском Союзе монопольно, фактически не сдерживаемый никаким парламентским контролем и никакой оппозицией. Подобно тому, как из монопольного хозяйничанья номенклатуры в экономике страны автоматически вырастает плановость экономики, из политической монополии класса номенклатуры вырастает плановость его внешней политики.

Плановость — сильная сторона внешней политики номенклатурного государства. Парламентские демократии, во всяком случае в нынешнем их состоянии, неспособны конкурировать в этой области с диктатурой номенклатуры. Правительства этих демократий могли бы планировать свою политику (как внешнюю, так и внутреннюю) в лучшем случае в рамках очередной легислатуры — от выборов до следующих выборов. В действительности они не делают и этого. Полностью завися от благосклонности избирателей, западные партии, в том числе правящие, сразу же после парламентских выборов проводят свою политику как избирательную кампанию к следующим выборам: они всеми силами стараются удержать своих избирателей и привлечь на свою сторону новых. Поскольку целью партий в парламентской демократии является получение большинства голосов на выборах, а все остальное рассматривается лишь как метод к достижению такой цели, возникла любопытная аберрация и в сфере внешней политики: хорошей внешней политикой считается на Западе не та, которая в будущем обеспечит положительные для

государства результаты, а та, которая на ближайших выборах обеспечит правящей партии максимум голосов.

Пусть читатель не воспринимает эти слова как критику демократии. Но было бы неверно умолчать о слабости парламентско-демократической внешней политики, которая явственно видна приезжему из страны реального социализма.

В странах реального социализма возможно не ограниченное временем планирование внешней политики. Планирование может осуществляться без оглядки на население страны, исключительно на основании того, что́ номенклатура считает своими классовыми интересами.

Класс номенклатуры имеет свои органы планирования внешней политики.

В конце 60-х годов в Министерстве иностранных дел СССР было создано управление планирования внешнеполитической деятельности — УПВД. Первым его руководителем был заместитель министра иностранных дел СССР В. С. Семенов — опытный дипломат, умело сочетавший склонность к философствованию с деловой хваткой бюрократа сталинской выучки. Заместителем начальника УПВД был назначен И. И. Ильичев — бывший верховный комиссар СССР в Австрии и заведующий 3-м европейским отделом МИД СССР, а в прошлом — при Сталине — генерал, начальник Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР (ГРУ). Так как Семенов вскоре был откомандирован заниматься советско-американскими переговорами об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), вместо него начальником УПВД стал А. В. Ковалев — ныне первый заместитель министра иностранных дел СССР, которого я помню еще флегматичным первым секретарем в министерстве.

Решение ЦК КПСС о создании УПВД предусматривало сформирование его как своего рода научно-исследовательского института в составе аппарата МИД СССР. Его ответственным сотрудникам — главным советникам (их очень мало), старшим советникам и советникам — были установлены особенно высокие оклады, равные окладам профессоров Академии наук СССР. Впрочем, скоро после этого было проведено значительное повышение окладов всего аппарата МИД СССР.

По примеру Советского Союза в министерствах иностранных дел ряда социалистических стран Европы были образованы отделы планирования внешней политики.

Значит, это и есть органы, планирующие внешнюю политику в социалистических государствах?

Нет, это вспомогательные органы. Тогдашний заведующий отделом планирования внешней политики МИД ГДР профессор Харри Вюнше прямо говорил мне: «Мы можем планировать только отдельные внешнеполитические мероприятия. Сама же внешняя политика планируется не у нас, а в ЦК».

Это относится полностью и к советскому УПВД. «Наша дипломатия подчинена Цека...» — заявлял еще Ленин [8]. Так обстоит дело и сегодня.

Подведем итог. Внешняя политика СССР планируется в аппарате ЦК КПСС. Это планирование — сложный многоступенчатый процесс, ориентирующийся на настроения в различных номенклатурных кругах, в первую очередь в руководстве и в партаппарате, учитывающий соображения военной номенклатуры военно-промышленного комплекса и КГБ, мнение руководителей зарубежных компартий, предложения МИД и Министерства внешней торговли СССР, задачи пропаганды — короче говоря, определяемый рядом факторов.

Именно эта множественность учитываемых мнений, не приводящая, однако, к расплывчатости вырабатываемой линии, показывает: внешняя политика номенклатуры планируется не по капризу членов Политбюро, а в соответствии с классовыми интересами номенклатуры — номенклатуры, а не управляемого ею народа.

4. ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

Мы говорим об агрессивности и экспансии. Но, может быть, номенклатура в действительности только обороняется? Ведь есть на Западе вполне серьезные люди, считающие, что у советского руководства — патологически обостренная потребность в национальной безопасности.

Вот что говорил Сталин в своей «клятве» после смерти Ленина:

«Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов» [9].

Таким образом, именно как меру, необходимую для сохранения Советского Союза, Ленин и Сталин истолковы-

вали столь часто повторявшийся Лениным лозунг создания «Всемирной Советской Республики».

Почему класс, объявляющий свое господство закономерным и потому неизбежным светлым будущим всего человечества, видит угрозу для себя в существовании другой, якобы обреченной системы? Да потому, что все словеса о неизбежности победы коммунизма в мировом масштабе — лишь пропаганда с целью посеять пессимизм на Западе, а заодно внушить собственному населению: надеяться нечего, перемен не будет. В действительности же номенклатура рассуждает не в духе апокалипсических пророчеств, а весьма практически. Она знает: в странах Запада жизненный уровень населения значительно выше, чем в Советском Союзе, и население на Западе живет в условиях невообразимой для советских граждан свободы. Знает номенклатура и то, что ее подданные осведомлены о таком положении, и она удерживает их в узде лишь постоянным запугиванием. Но запугивание не может длиться вечно. И с ужасом думает номенклатура о том, что произойдет, когда подданные, наконец, устанут бояться.

А может ли вообще такое случиться?

По убеждению номенклатуры, может, потому что существует свободный и богатый Запад. Это он показывает подданным номенклатуры, что без ее господства людям живется лучше — даже при всех недостатках системы свободного рынка. Поскольку дело здесь не в действиях Запада, а в самом его существовании, никакая «разрядка» не способна изменить генеральную линию советского руководства — курс на ликвидацию западной системы.

Этой линией определяется и политика номенклатуры в странах третьего мира. Ленин и Сталин ожидали, что после ликвидации колониализма повсеместно возникнут государства советского типа. Действительность не подтвердила, но и не опровергла этого: бывшие колонии и зависимые страны, превратившись в самостоятельные государства, встали перед выбором между «японским» путем, ведущим к обществу западного типа, и «кубинским» путем, ведущим к обществу советского типа. Пойдя по первому пути, милитаристская Япония превратилась в процветающую мирную страну с огромной производительностью экономики, а на втором пути Куба — остров сахарных плантаций и увеселительных заведений — превратилась в экономически подорванную, но зато милитаристскую державу, посылающую свои войска на завоевание стран Африки.

Угроза того, что третий мир может пойти по «японскому» пути и обеспечить, таким образом, западной системе дополнительно большой перевес в мировом соотношении сил, заставляет номенклатуру всячески затягивать развивающиеся страны на «кубинский» путь. Отсюда — напористая неоколониалистская экспансия номенклатуры в Азии и Африке, а также ее политика в Латинской Америке.

Итак, мысль об обороне действительно является одним из факторов агрессивности номенклатуры. И это как раз наиболее опасный фактор: именно он придает экспансионистскому курсу номенклатуры особое упорство. Здесь не парадокс, а логичное явление. Если бы экспансионизм был просто прихотью номенклатуры, от него можно было бы отказаться, как от любой прихоти. Но отказаться от защиты своей власти и привилегий, а тем самым от самого своего существования как класса номенклатура не может.

Как бороться против такого автоматизма агрессивности и экспансии класса номенклатуры — вопрос непростой, он требует специального рассмотрения. Оно не входит в задачи этой книги.

Здесь следует сказать не о том, как *можно*, а о том, как *нельзя* преодолеть этот автоматизм. Бесполезно убеждать номенклатуру в том, что Запад не ставит своей задачей свергнуть ее власть и ликвидировать систему реального социализма и что, следовательно, существование западной системы номенклатуре не угрожает. Номенклатура знает: угрожает! И угрожает не внешним нападением, о мнимой опасности которого номенклатура всегда твердит, а внутренней катастрофой, о которой она охотно молчит. Для того же, чтобы исключить эту опасность для номенклатуры, Западу пришлось бы отказаться от собственной свободы и благосостояния, от всего того, чем он выгодно отличается от реального социализма.

Не хочется писать разочаровывающие читателя слова, а написать их придется: две существующие ныне в мире системы несовместимы. Не только не может быть их конвергенции, поскольку в корне противоположны их основы; сосуществование этих двух систем — явление в историческом масштабе временное. Содержанием такого сосуществования, в какой бы форме оно ни протекало — военной или мирной, является лишь одно: борьба. В этой борьбе реальный социализм стремится ликвидировать другую систему и в свою очередь не ожидает от нее ничего иного.

Такова правда. Только пусть никто не утверждает, что, произнося ее, я становлюсь в ряды сторонников «холодной войны». Я говорю лишь то, что без устали твердила на протяжении десятилетий сама советская номенклатура.

Если так, то какова перспектива: война?

5. ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Тягучая песенка под таким названием, написанная Евгением Евтушенко, много лет входила в стандартные программы концертов, устраиваемых в СССР после конференций и митингов в защиту мира. Песенка дает, разумеется, отрицательный ответ: русские не хотят войны, так как они на собственном опыте испытали ее тяготы и жертвы.

Ответ неубедителен. Читатель уже знает, что есть не некие «русские» вообще, которые чего-то все вместе хотят или не хотят, а есть русское (советское) население и русская (советская) номенклатура. Население СССР действительно сполна испытало бедствия войны: более 20 миллионов убитых, 10 миллионов искалеченных. Оно действительно никакой войны не хочет. Но у номенклатуры как класса военный опыт совсем иной: сначала — разгул привилегий, включая сладостную привилегию отправлять других людей на смерть, а самим получать спецпайки, чины, ордена и разыгрывать роль героев Великой Отечественной войны. Потом — покоренные страны, власть над бесправными людьми, еще недавно бывшими недосягаемыми иностранцами, ореол правителей сверхдержавы. Русские не хотят войны; но не хочет ли войны господствующая над ними номенклатура?

Даже в политических кругах Запада есть немало людей, которые считают: советское руководство готово начать войну против Запада, если он будет проявлять неуступчивость; поэтому лучше уж во всем уступать. Подбодренная такими опасениями на Западе, номенклатура демонстративно напрягает мускулы и выпячивает грудь, стараясь показаться как можно более грозной и готовой ринуться в бой.

Что же, она и вправду готова?

Ничего подобного. Мне довелось видеть в разных странах представителей разных господствующих классов; были они всякими и особым мужеством не отличались. Но нигде я не видел класса, в такой степени дрожащего за

свою шкуру, благополучие и карьеру, как класс номенклатуры. Забавно бывает слушать панические фантазии тех на Западе, кто представляет себе ожиревших номенклатурных бюрократов античными героями.

Правы не авторы этих фантазий, прав Евтушенко. Не только советский народ не хочет войны, но и номенклатура войны не хочет, точнее — боится. Только боится она не многомиллионных человеческих жертв (трудно испугать этим наследников Ленина и Сталина). Боится она за себя.

Номенклатура страшится ядерной войны. «Ну, что же,— скажет читатель.— Это благородный страх!» Да, но не подумайте, что страшна номенклатуре ядерная война тем же, чем нам с вами: колоссальными жертвами, угрозой существованию цивилизации. Номенклатура готова для своей победы пожертвовать десятками миллионов людей на фронте, как легко жертвовала она ими во второй мировой войне. Но готова номенклатура на это при двух условиях: 1) что сама не попадет в число жертв и 2) что не пострадает ее власть. А именно применение ядерного оружия не дает гарантии ни того, ни другого.

Разумеется, номенклатурное руководство уже оборудовало надежные и комфортабельные атомоубежища для себя и своей челяди: это и делается под маркой «гражданской обороны». Но, сохраняя драгоценные жизни номенклатурщиков, такая мера бессильна сохранить их господство, ибо разрушена будет вся инфраструктура власти, да не будет и подданных, которыми можно повелевать. Номенклатурщики знают: если они после ядерного удара выползут из своих бетонированных покоев на заботливо обеззараживаемые челядью участки атомной пустыни, окажутся они без власти. Ибо какая же это власть, если Генеральный секретарь ЦК, по выражению Салтыкова-Щедрина, «достигнет лишь того, что передавит всех обывателей и, как древний Марий, останется на развалинах один с письмоводителем»[10].

Вот почему с таким упорством номенклатура требует *ядерного* разоружения. Разумеется, разоружения противника, а не своего собственного. Соответственно номенклатура точно с таким же упорством сопротивляется действенным формам международного контроля за запрещением ядерного оружия. Свой страх перед ядерным оружием, от которого нельзя спрятаться за спины советских солдат, номенклатура выдает за заботу о судьбах человечества. Казалось бы, тут и потребовать самой полной, всеобъем-

лющей проверки и инспекции, чтобы никакие злокозненные империалисты не запрятали оружия, направленного против народов мира. Но номенклатура вместо этого начинает кричать, что беспрепятственная инспекция — это шпионаж, потому недопустима.

Номенклатура не хочет войны. Она хочет победы. Одержать в борьбе двух систем победу без войны, запугивая Запад своей мнимой решимостью воевать и внушая людям на Западе мысль: «Лучше быть красным, чем мертвым»,— вот задача, которую поставил себе класс номенклатуры. Достигнуть такой цели номенклатура пытается именно тем, что создает впечатление: она готова напасть на непокорных, а потому «реальная политика» — это покорность номенклатуре.

Все эти запугивания — чистейший блеф.

Обратимся к историческому опыту номенклатуры. Нападала она на другие страны? Да. На какие? 1) На только что возродившуюся как самостоятельное государство Польшу в 1920 году, воспользовавшись пограничным спором; 2) на Польшу же в 1939 году — когда та была уже разбита гитлеровской Германией; 3) на крошечную Финляндию в 1939 году; 4) на выторгованные у Гитлера Латвию, Литву и Эстонию в 1940 году; 5) на оставшуюся без союзников Болгарию в 1944 году; 6) на разбитую, стоявшую накануне капитуляции Японию в 1945 году; 7) на охваченную революцией Венгрию в 1956 году; 8) на несопротивлявшуюся Чехословакию в 1968 году; 9) на отсталый Афганистан в 1979 году.

Как видим, нападения были, и немало. Но нападала номенклатура всегда на слабые страны, да еще и тут тщательно перестраховывалась: на захват Восточной Польши, Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии получила согласие Гитлера, на войну против Болгарии и Японии — согласие США и Англии, на военные действия в Венгрии — согласие Китая и других социалистических стран, включая Югославию; вторжение в Чехословакию было предпринято совместно с другими странами Варшавского Договора и лишь после того, как было обеспечено, что военного сопротивления не будет; вторжение в Афганистан было произведено советскими частями (40-й армией), якобы приглашенными афганским правительством в качестве его защитников.

Итак, номенклатура нападает только на слабых. А как с непокорными? Посмотрим.

Когда Польша в 1920 году не покорилась, не приняла

привезенного в обозе оккупантов «советского правительства Польши», а организовала контрнаступление, Ленин поспешил заключить мир. В 1939 году правительства Латвии, Литвы и Эстонии покорились — и все три страны были включены номенклатурой в состав СССР. Финляндия сопротивлялась — и осталась суверенным государством, даже не народной демократией. После второй мировой войны советская номенклатура старалась поставить под свою власть иранский Азербайджан — но Иран оказал решительное противодействие, и номенклатура отступила. Отступила она и в Греции, где в течение 5 лет (1944—1949 годы) разжигала гражданскую войну с целью превратить страну в народную демократию. Несмотря на все угрозы и обуревавшую ее действительно бешеную злобу против титовской Югославии, сталинская номенклатура так и не попыталась на нее напасть, зная, что Югославия будет сопротивляться. Запугиваниями по адресу Запада сопровождались блокада Берлина в 1948 году, берлинский ультиматум Хрущева в 1958 году, его требование подписать мирный договор с обоими германскими государствами на советских условиях. И от всего этого, получив твердый отпор, номенклатура отступилась.

В октябре 1962 года разместившая свои ракеты на Кубе и спровоцировавшая тем самым карибский кризис, номенклатура испугалась решимости США защищать свою безопасность и торопливо вывезла ракеты под демонстративным контролем американских военно-воздушных сил. В 1968 году после вступления войск Варшавского Договора в ЧССР некоторые политики Запада беспомощно спрашивали, куда дальше двинутся советские дивизии; а хорошо знавшее повадки советской номенклатуры румынское руководство объявило, что Румыния в случае вторжения будет защищаться, и румынские пограничники демонстративно подбили советский танк. Хоть не очень грозна румынская армия, этого оказалось достаточно: советская номенклатура не стала «спасать социализм» в Румынии. Тем более не стала она спасать его в Югославии, не говоря уже о Китае. Намеревавшаяся в течение двух недель подавить сопротивление «душманов», как презрительно называли в Москве бойцов афганского Сопротивления, номенклатура через 8 лет войны вынуждена была вывести свои войска из Афганистана; при этом она испросила милостивого согласия «вооруженной оппозиции» (как стали тем временем почтительно именовать «душ-

манов») не нападать на отступавших советских солдат.

И каждый раз шумели пугливые на Западе: «Вы с ума сошли! Как можно сопротивляться! Да Советы вас в порошок сотрут!» Между тем номенклатура стирает в порошок как раз не сопротивляющихся, а покорившихся: не осмелившийся сопротивляться советскому вторжению Дубчек более 20 лет прозябал затравленным мелким служащим, а несгибаемого Тито советская номенклатура даже посмертно осыпает комплиментами.

Номенклатура нападает на слабых и боится сильных. Она топчет покоряющихся и отступает перед непокоренными. Этому научил ее Ленин, охотно повторяющий русскую пословицу: «Дают — бери, бьют — беги!» В таком принципе вся политическая мудрость номенклатуры как класса-агрессора, желающего забрать весь мир, если отдадут, и готового убежать, если станут бить.

6. «МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ» И «РАЗРЯДКА»

Итак, отмеченный номенклатурой путь к мировому господству — не война против Запада. А что же?

То, что номенклатура именует «мирным сосуществованием государств с различными общественными системами».

Надо подчеркнуть: то, что страх номенклатуры перед войной привел ее к принципу мирного сосуществования,— хорошо. Мирное сосуществование, конечно, лучше войны. Только не надо думать, что этот термин действительно означает некий безоблачный мир, этакое идиллическое состояние в международных отношениях.

К чести класса номенклатуры надо сказать: он этого и не скрывает. Мирное сосуществование было четко определено Программой КПСС как «специфическая форма классовой борьбы на международной арене».

Правда, в предназначенных для зарубежной аудитории речах, книгах и статьях номенклатурные пропагандисты стараются затуманить этот смысл. Действуя по ленинскому методу, они упоминают классовую сущность мирного сосуществования лишь в каком-либо придаточном предложении, утопленном в потоке слов о мире и дружбе. В таком духе написана, например, вышедшая в Австрии книга советского журналиста Владлена Кузнецова «Международная политика разрядки — с советской точки зрения», подготовленная в Москве специально для издания на Западе и в Советском Союзе не изданная[11]. Мне самому

пришлось столкнуться с проявлениями резкого неудовольствия с советской стороны, когда я опубликовал в западногерманской печати статьи о мирном сосуществовании, точно повторявшие, как ставится этот вопрос в Советском Союзе[12].

Именно к затуманиванию классовой сущности мирного сосуществования относится и термин «разрядка международной напряженности».

Термин «разрядка» принадлежит ныне к числу слов, которые видный русский лингвист Потебня метко назвал «стершимися пятаками». Это слово пущено в оборот, и мало кто задумывается над его содержанием. Хотя политики в разных странах с апломбом твердят, что-де разрядке нет альтернативы, многие из них оказались бы в затруднении, если их попросить дать определение разрядки.

В самом деле: что такое разрядка? Чем она отличается от мирного сосуществования?

Тем, что мирное сосуществование — сформулированное с классовой позиции ленинское понятие: речь идет о характере сосуществования государств двух различных классовых систем, определяется оно как специфическая форма классовой борьбы между ними. Здесь все, с ленинской точки зрения, точно и определенно.

«Разрядка международной напряженности» — нарочито расплывчатый, внеклассовый термин: некая — неизвестно между кем и почему существующая — «международная напряженность», ее — неизвестно, на какой основе достигаемая — «разрядка». Пустившие этот термин в оборот политики класса номенклатуры отлично понимают, что он не ленинский. Не будь они заинтересованы как раз в такой беспартийной неопределенности, они не допустили бы его на страницы советской и вообще коммунистической печати. А они не только допускают, но сами без конца используют термин «разрядка». Почему? Да потому, что он относится в тактике международного коммунистического движения к категории так называемых «общедемократических» программ и лозунгов. Такие программы и лозунги, поучает эта тактика, должны выдвигаться коммунистами в тех случаях, когда надо побудить действовать заодно с компартией силы, не готовые поддерживать откровенно коммунистическую программу. Поэтому из программы старательно выделяются те отдельные пункты, которые хотя и ведут к целям коммунистического руководства, но, вырванные из кон-

текстов номенклатурных планов, могут быть истолкованы и с позиции общечеловеческой, не коммунистической морали: миролюбие, разоружение и тому подобное. Эти пункты облекаются в подчеркнуто неклассовую формулировку, дающую простор для такого толкования, и пускаются в оборот в подобном препарированном виде. Вот что такое понятие «разрядка международной напряженности».

Это форма. А реальное содержание разрядки состоит в том, чтобы Запад, буквально поняв этот термин, расслабился, стал благодушным, позабыл, что мирное сосуществование — это борьба двух систем, а не их сладостный сон рядом друг с другом.

К числу «общедемократических программ» относятся и провозглашенные Горбачевым лозунги: «новое политическое мышление» и «общий европейский дом». В значительной мере они были предвосхищены в заявлениях Хрущева и Брежнева еще в 50—60-е годы.

Смысл первого лозунга таков: в наш атомный век главной общественной целью стало выживание человечества путем предотвращения ядерной войны; все остальные цели — классовые и государственные — отступают на задний план.

Ну что же, звучит разумно. Значит, нужно, видимо, уничтожить имеющееся ядерное оружие и не допустить его производства ни в одной стране мира; специалистов же по конструированию, производству и применению ядерного оружия необходимо срочно переквалифицировать, новых не готовить, всю документацию и литературу по этой тематике полностью уничтожить. Это все нелегко, но, вероятно, осуществимо. Только вот ведется ли дело к осуществлению такой программы ее номенклатурными глашатаями?

Нет. На XXVII съезде КПСС в 1986 году Горбачев говорил долго и убедительно о необходимости разоружаться. А в 12-м пятилетнем плане (1986—1990 годы), как и в 11-м (1980—1985 годы), был, оказывается, предписан рост военных расходов СССР более чем на 45%, то есть в среднем на 9% в год! Это в то время, как НАТО никак не может уговорить своих членов повышать расходы на оборону на 3% в год, а Пентагон критикуется за то, что его оценки завышают военные расходы СССР; оценка же эта действительно неверная: 3% в год.

Почему так ошибся Пентагон? Потому, что в очень уж глубокой тайне сохранила верхушка номенклатуры чудо-

вищный рост своих военных расходов. Сообщив о нем задним числом на пленуме ЦК КПСС в декабре 1989 года, Горбачев деликатно упомянул, что он-де не помнит, называл ли он членам ЦК цифру роста «свыше 40%». Члены ЦК такого тоже не могли припомнить. Иными словами, даже от них, от ЦК партии, цифра была скрыта на протяжении почти всей пятилетки. Что уж тут говорить о Пентагоне!

На что же идут такие с небывалой строгостью засекреченные огромные суммы: только ли на обычные вооружения? Химическое оружие Советское государство якобы уничтожает, биологическое якобы не производит. А в той же речи на пленуме ЦК Горбачев заявил, что СССР должен иметь «современную армию, оснащенную новейшим оружием»[13]. Каким оружием? Ответа нет, только гремят подземные взрывы на атомных полигонах под Семипалатинском и на Новой Земле.

Снова хочу подчеркнуть: разрядка лучше, чем «холодная война». Но, конечно, обоюдная разрядка. А односторонняя — не лучше. Наше поколение имеет опыт «холодной войны»: она оказалась бесплодной, ни к чему не привела. Но есть у нас и опыт односторонней разрядки — мюнхенской политики Запада во второй половине 30-х годов: она оказалась не бесплодной и привела к мировой войне. Вот и выбирайте, что лучше.

«Так что же,— спросит читатель,— получается, что лучше «холодная война»?» Нет, но и не односторонняя «разрядка». Надо искать новую политическую линию, которая действительно гарантировала бы мир и безопасность от экспансионистских устремлений класса — претендента на мировое господство.

7. ГРАНИЦЫ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Неудивительно, что понимаемое по-номенклатурному мирное сосуществование имеет строго очерченные границы.

Первая граница пролегает в идеологической сфере. В Советском Союзе неизменно подчеркивалось, что в области идеологии нет и не может быть мирного сосуществования между двумя системами. Эта оговорка полна глубокого смысла.

Главная задача идеологической борьбы номенклатуры против стран Запада состоит не в том, чтобы убедить людей некими неотразимыми аргументами в преимущест-

вах жизни при реальном социализме. Номенклатура давно поняла, что убедить можно лишь очень небольшие группы тех, кто по различным причинам жаждет слома западной системы и потому охотно готов принять на веру пропаганду другой стороны. Главная задача идеологической борьбы для номенклатуры — в том, чтобы держать подчиненные ей народы и коммунистов во всех странах в мобилизационной готовности. Ведущаяся номенклатурой постоянная пропагандистская кампания против Запада гарантирует, что советский народ и зарубежные коммунисты не примут слишком всерьез слова о мире и дружбе с Западом, а будут по-прежнему знать: Запад — это враг, а заявления о мире — это политика КПСС.

Номенклатура считает, что ей необходима эта идеологическая мобилизационная готовность. Она помнит, как плохо сражалась Советская Армия в финской войне 1939—1940 годов, когда почти не было пропагандистской подготовки и, больше того, в месяцы, предшествовавшие советскому нападению на Финляндию, речь шла о заключении советско-финского пакта о взаимопомощи. Тяжелые последствия имело на первом этапе войны Советского Союза против гитлеровской Германии и то, что с осени 1939 года вплоть до нацистского нападения 22 июня 1941 года в СССР не велось антифашистской пропаганды.

Можно спросить: какое все это имеет значение, если советская номенклатура все равно не собирается начинать войну против Запада?

Да, войны советская номенклатура боится. Но боится она войны при *нынешнем* соотношении сил, а не по каким-либо иным соображениям. Если ей удастся изменить соотношение сил в свою пользу настолько, чтобы Запад оказался явно слабее, номенклатура перестанет бояться и нападет.

Надо всегда помнить ленинский девиз: «Дают — бери, бьют — беги». Надо помнить из истории не только то, что номенклатура никогда не нападает на сильных, но и то, что она без смущения набрасывается на слабых.

Исключение сферы идеологии из области мирного сосуществования наводит на мысль, что класс номенклатуры серьезно думает о возможности войны против Запада — только не сейчас, а в будущем.

О том же свидетельствуют и два других ограничения мирного сосуществования, провозглашаемые номенклатурой: исключение из него национально-освободительной и социально-освободительной борьбы.

В первом случае номенклатура старается внушить Западу: поддерживаемые ею военные конфликты в странах третьего мира не должны рассматриваться как противоречащие разрядке. Цель же этих конфликтов в том, чтобы усилить позиции советской номенклатуры в третьем мире и таким путем добиться изменения соотношения сил в пользу реального социализма. Значит, смысл исключения национально-освободительной борьбы из сферы мирного сосуществования в том, чтобы Запад продолжал политику «разрядки» с Советским Союзом, а тем временем всеми, в том числе военными, методами СССР будет изменять соотношение сил в ущерб Западу.

Что касается социально-освободительной борьбы, то формула эта в СССР не расшифровывается. Речь может идти, однако, лишь об одном: о волнениях в других странах, которые можно было бы объявить «пролетарской революцией». Что же может означать отказ распространить действие принципа мирного сосуществования на такую ситуацию? Только одно: номенклатура оставляет за собой право на вооруженную интервенцию в поддержку такой «революции» — как это было сделано, например, в Афганистане.

Все зависит от соотношения сил на мировой арене. Номенлатурные политики сами это подчеркивают, когда говорят: основа мирного сосуществования — соотношение сил в мире.

8. «СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ»

Такая постановка вопроса совершенно естественна. В самом деле, если мирное сосуществование — это классовая борьба, то в ней, как в каждой борьбе, решающую роль играет соотношение сил борющихся сторон.

Каких сил? Когда на Западе говорили о соотношении сил между двумя системами, обычно сводили его к балансу вооруженных сил НАТО и Варшавского Договора. Номенклатура подходит к вопросу шире. Она рассматривает соотношение всей совокупности сил реально-социалистического и капиталистического обществ — экономических, политических, военных, структурно-организационных, моральных — словом, всяких. В противоположность балансу военных сил номенклатура именует это «соотношением *классовых* сил».

Такой подход разумнее незамысловатого подсчета числа дивизий — разумнее и в чисто военных вопросах. Так,

война во Вьетнаме показала, что США, обладавшие неизмеримо большей военной мощью, чем Северный Вьетнам, из-за проявленной ими морально-психологической слабости ухитрились проиграть эту войну, что явилось приятной неожиданностью для советской номенклатуры. С другой стороны, практически невозможно сказать, насколько оправданно было механическое причисление дивизий стран Восточной Европы к советским дивизиям. Цель Советской Армии в Восточной Европе не в последнюю очередь была в том, чтобы удерживать сомнительных союзников под контролем номенклатуры.

После революций 1989 года в Восточной Европе Организация Варшавского Договора стала призрачной и распалась.

Номенклатура старается внушить всем, будто есть некая мистическая закономерность постоянного изменения соотношения сил на мировой арене в пользу реального социализма. Это, конечно, выдумка: нет такой закономерности, да и кривая соотношения сил весьма извилиста. Высшая точка этой кривой была достигнута номенклатурой в конце 50-х годов, на первом этапе правления Хрущева. Отказ от наиболее преступных сталинских методов и разоблачение Сталина привели на время к росту поддержки советской системы населением. На международной же арене еще сохранялся союз СССР с Китаем, мировое коммунистическое движение было монолитным, а в военной сфере номенклатура на время вырвалась вперед, создав раньше США ракетное оружие. К тому же казалось, что открыт путь для дальнейших сдвигов соотношения сил в ту же сторону. Была жива надежда, что явно предстоявший слом системы колониализма приведет к превращению колоний в страны «народной демократии». Ожидались также приятные изменения в Европе — создание народно-демократических режимов в Испании, Португалии и Греции. С тех пор соотношение сил существенно изменилось не в пользу советской номенклатуры, и фактический распад советского блока создал новую обстановку.

Читатель может сказать, что он слышал на Западе и совсем другие оценки советской внешней политики. Правильно, есть такие оценки.

Помню, в одной западной столице крупный представитель тамошнего делового мира поведал мне свою уверенность в том, что советское руководство совсем не хочет распространения режима реального социализма на

страны Запада, в частности на Западную Европу. Мой собеседник сам был целых пять дней в Москве и твердо в этом убедился. Его аргументы были просты и неотразимы. Советские руководители — умные люди (я с этим согласился); товаров для населения в Советском Союзе чрезвычайно мало, и они жалкого качества (я согласился); советское руководство не может не понимать, что это следствие низкой продуктивности социалистической системы (я согласился); если это руководство распространит такую систему и на Запад, то и здесь будет так же (я согласился); тогда невозможно будет за счет экспорта, западных капиталовложений и кредитов улучшить снабжение советского населения (я согласился). «Но ведь задача советских руководителей в том, чтобы поднять жизненный уровень населения, они и сами это говорят,— торжествующе заключил мой собеседник цепь своих рассуждений.— Значит, они не могут желать распространения своей системы на Западную Европу, и нам нечего опасаться». Это был единственный пункт, с которым я согласиться не смог. Чтобы понять, что такое — само по себе логичное — рассуждение ошибочно, надо было прожить в Советском Союзе дольше, чем пять дней.

9. ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Этой формулой определила номенклатура задачу своей внешней политики. Она стала настолько привычной, что советские пропагандисты, вообще не мучимые чувством юмора, без колебаний повторяют ее даже вперемежку с нападками на «глобальную политику империализма».

Между тем глобальной в самом буквальном смысле этого слова является именно внешняя политика номенклатуры. Она охватывает весь наш глобус. Номенклатура старается повсюду в мире искать, по ленинскому выражению, слабые звенья в цепи мирового капитализма. Действуя по принципу «бей сороку и ворону», она одновременно старается завоевать новые позиции во всех частях света.

Однако главным районом ее экспансии была издавна Западная Европа: не потому, чтобы здесь было наиболее слабое звено, а потому, что уж очень важен этот район в планах номенклатуры. Если же применить ленинскую формулировку, Западная Европа — это главное звено, ухватившись за которое можно твердой рукой вытянуть всю цепь. Почему?

Раньше на долю государств советского блока — так называемого «мирового социалистического содружества» — приходилась примерно 1/3 мирового промышленного производства. Этот перевес другой стороны был бы преодолен, если бы номенклатуре удалось поставить под свой контроль мощную экономику Западной Европы. Тогда можно было бы начать разделываться с США, если бы номенклатуре на время удалось снова привлечь на свою сторону Китай, размахивая жупелом «американского империализма», или же разделаться с Китаем, если бы удалось привлечь к этому делу США, размахивая жупелом «пекинского гегемонизма». Потом наступила бы очередь незадачливого помощника номенклатуры — соответственно Китая или США,— и цель была бы достигнута. Вот почему так важна для номенклатуры Западная Европа.

Собирается ли номенклатура ее завоевывать? Нет, ибо при существующем соотношении сил в мире попытка Москвы завоевать Западную Европу слишком рискованна. К тому же война в Европе разрушила бы ее экономику, которая столь нужна номенклатуре. В случае разрушительной войны в Западной Европе выигрыша для номенклатурных экспансионистов не было бы, а проигрыш — и решающий!— был бы весьма возможен.

Поэтому номенклатура повела — и не без успеха — психологическую войну против населения Западной Европы. Смысл этой войны — без всякого риска запугать европейцев своими ядерными ракетами и вызвать в Западной Европе массовую истерию. В этом и состояла в первую очередь цель установки советских ракет «СС-20», нацеленных на Западную Европу. Показательно, что первые «СС-20» были установлены в 1975 году, в апогее разрядки, почти сразу же после торжественного подписания Брежневым Заключительного акта совещания в Хельсинки. Целью такой операции было вызвать шок среди задремавших в сладостной разрядке европейцев и ввергнуть их в панический страх. Затея удалась. На волне страха в Западной Европе поднялось движение «за мир», а по плану Москвы — за капитуляцию. Подзуживаемое компартиями, это движение запуганных пацифистов действительно возродило лозунг «Лучше быть красным, чем мертвым», но в целом оказалось менее послушным, чем рассчитывала номенклатура.

Конечный смысл всех операций состоит в попытке отколоть Западную Европу от США и парализовать НАТО.

Что выиграла бы при этом номенклатура? Во всей

Западной Европе (может быть, за исключением ядерных стран — Франции и Англии) автоматически возникла бы та же формула, которая определяет отношения между Финляндией и СССР: маленькая слабая западная страна без союзников с глазу на глаз с ядерной державой-континентом. Эта формула довольно быстро привела бы к финляндизации западноевропейских государств: оставшись парламентскими демократиями с продуктивной рыночной экономикой, они внешнеполитически стали бы сферой безраздельного влияния Москвы.

На первом этапе такое решение вполне устроило бы номенклатуру. Она и не хотела пока советизировать западноевропейские страны, так как рассчитывает существенно поживиться за счет их цветущей экономики. Номенклатура разумно учитывает при этом, что любая форма советизации ведет к возникновению кризиса недопроизводства и неминуемому экономическому упадку страны. Целью номенклатуры в Западной Европе стала финляндизация.

Но история показала: финляндизация — лишь первый этап советизации. Все малые страны советского блока в Европе пережили вначале период финляндизации: все они были парламентскими демократиями с оппозиционными партиями и относительно свободной прессой, с частнопредпринимательским хозяйством. И все они были затем превращены в страны реального социализма.

Главной закономерностью, действовавшей в этом направлении, было типичное для бюрократического мышления номенклатуры чувство неуверенности, если подчиненная ей страна контролируется ею не полностью. Это же чувство толкнуло номенклатуру на авантюру с целью советизировать Афганистан, эту средневосточную Финляндию. Только в отношении самой Финляндии советская номенклатура держит свои чувства в узде, чтобы показать Западной Европе, будто статус финляндизированной страны — не временный этап, а устойчивое состояние.

Мы говорили о Западной Европе. Но ведь даже если бы удался план номенклатуры в Европе — реальный социализм в Восточной Европе и финляндизация в Западной, то отсюда еще далеко до мирового господства. Европа — не весь мир.

Не весь, но весьма существенная его часть. Мир измеряется в политике не только квадратными километрами, а прежде всего политическими, экономическими и стра-

тегическими факторами. В этом отношении Европа играет роль, намного превосходящую ее географическую долю на земном шаре.

Вот почему номенклатура сконцентрировала свое внимание на Западной Европе. Но это отнюдь не значит, что номенклатурное руководство не вело одновременно политического наступления на другие части мира.

К югу от Европы и от азиатской части Советского Союза расположен огромный комплекс стран третьего мира — Азия и Африка. Наступление советской номенклатуры развернулось на всем этом гигантском пространстве. И цели его уже нам знакомые: там, где удается,— создание государств типа народной демократии; там, где еще нельзя их создать,— приноровленная к афро-азиатским условиям финляндизация.

Примерами возникновения режимов народно-демократического типа богата история Африки последних трех десятилетий.

Требования, которые предъявляет советская номенклатура к политическому режиму страны третьего мира, чтобы объявить эту страну вступившей на некапиталистический путь развития, страной социалистической ориентации, в общем довольно скромны. Речь идет не об уровне развития производительных сил в данной стране, не о наличии в ней рабочего класса, даже не о существовании компартии, а просто о том, проводит ли ее правительство прозападную или просоветскую политику. Вот почему так часты метаморфозы в оценке сущности различных государств третьего мира, даваемой номенклатурной пропагандой. Находящаяся у власти в Сирии и в Ираке партия Баас долгое время расценивалась в Советском Союзе как фашистская, потом стала числиться партией революционных демократов; фашистом, реакционером и религиозным фанатиком назывался в СССР долгое время Каддафи, потом — как прогрессивный деятель и чуть ли не социалист.

Многое зависит и от самих государств третьего мира. Так, с советской точки зрения, режим, существовавший в Центрально-Африканской Республике, вполне мог бы превратиться в национально-демократический. Для этого надо было, чтобы президент Бокасса объявил себя генеральным секретарем ЦК партии, проклял американский империализм и провозгласил свою приверженность социализму. Но Бокасса поступил иначе: он провозгласил себя императором. Таким образом, вопрос о социалистической ориен-

тации Центрально-Африканской Республики отпал. Именно крайняя неразборчивость советской номенклатуры в зачислении различных стран третьего мира в «прогрессивные» и «реакционные» привела к тому любопытному результату, что Советский Союз оказался вначале вынужденным поддерживать в эфиопско-сомалийском конфликте обе воюющие стороны одновременно, хотя вовсе этого не хотел.

Может быть, все то, о чем я здесь пишу,— давно прошедшие времена? Ведь на наших глазах в 1989 году стало быстро разваливаться «социалистическое сообщество» в Восточной Европе, а при кризисном состоянии советской экономики и растущем недовольстве населения номенклатуре не до Азии и Африки?

Нет, дело обстоит иначе. Антиноменклатурные революции в странах советского блока действительно нанесли тягостный удар по планам номенклатуры, и, казалось бы, если пришлось даже в Москве отпускать населению мыло по талонам, глупо вкладывать деньги в экспансию в Азии и Африке. Но вот номенклатура так не думает. 15, если не 20% населения СССР живут ниже уровня бедности, а по-прежнему многие миллионы рублей идут на поддержку марионеточного режима в Кабуле. Первый заместитель министра иностранных дел СССР не постеснялся заявить в интервью, что-де хоть и сто́ит эта мощь дорого, но Советский Союз — великая держава и может себе это позволить[14]. И при Горбачеве продолжается дорогостоящее военное вмешательство Москвы в дела африканского континента. Справедливо писал спецкор журнала «Собеседник» в феврале 1990 года: «Наши связи с третьим миром — сфера, закрытая для гласности. В отличие от всех цивилизованных стран ни общественность, ни народные депутаты не имеют точных данных о продаже оружия и даже о гуманитарной помощи другим странам... В горячих точках мира сейчас находятся сотни, тысячи (советских. — *М. В.*) военных советников... Мы идем по Африке. Там стреляют из наших орудий, за рычагами наших танков — обученные нами офицеры, а в штабах их армий — наши советники... Реки крови оплачены моим и вашим трудом»[15].

В странах третьего мира советская номенклатура играет на неприязни народов этих стран к их бывшим колониальным хозяевам и на склонности рассматривать все западные державы как потенциально колониалистские — независимо от того, были у них колонии или нет.

Советский же Союз — последняя сохранившаяся в мире колониальная империя — выглядит в глазах политиков третьего мира почему-то как оплот антиколониализма. Это большое достижение номенклатурной дипломатии и пропаганды, его не надо преуменьшать.

Благодаря этому достижению советская дипломатия добилась того, что в Организации Объединенных Наций и на других международных форумах многочисленные страны третьего мира долгое время поддерживали политический курс советской номенклатуры — вплоть до советского вторжения в Афганистан. Лишь после вторжения в этих странах начали сознавать, что именно Советский Союз является носителем неоколониализма в третьем мире. Но, видимо, предстоит еще длительный процесс, прежде чем такое сознание прочно отразится на внешней политике афро-азиатских государств.

Особо ставится в планах советской номенклатуры вопрос о Латинской Америке. Этот регион рассматривается в Москве как сфера интересов США. Поэтому стоит задача: с одной стороны, непременно проникнуть туда и восстановить эти страны против США, а с другой стороны, делать это так, чтобы Вашингтон не мог поймать советскую номенклатуру за руку. Важную роль играет здесь Куба. Вот почему так терпеливо отнеслась советская номенклатура ко всем выходкам режима Кастро.

В целом же номенклатура стремится к установлению строя реального социализма не только в странах третьего мира и в Европе, но и в Северной Америке — в США и Канаде, и в Австралии, и в Новой Зеландии, и в Океании. Многократно провозглашенная цель мирового коммунистического движения и мировой системы социализма как его составной части заключается в «победе социализма в мировом масштабе». В официальных документах КПСС и других коммунистических партий неоднократно подчеркивалось, что социализм не минует ни одной страны мира, а коммунизм — это светлое будущее *всего* человечества.

Что это — марксистский догматизм?

Нет. Это действительный план класса номенклатуры. Ведь именно путем создания во всех странах режима реального социализма номенклатура стремится установить свое мировое господство.

На Западе часто приходится слышать мнение, что перед лицом этих фактов советское руководство предпочтет не добиваться реального социализма в тех странах, где он не обеспечит господства Советского Союза. Это ошибочная

точка зрения. Она исходит из того, что мировое господство для номенклатуры — некая блажь, фантазия, своего рода роскошь. В действительности это, с точки зрения класса номенклатуры, необходимость.

Необходимость, ибо существование несоциалистического мира служит в глазах номенклатуры постоянно действующим ферментом внутреннего недовольства в Советском Союзе и других социалистических странах. Сочетание свободного парламентского строя в Европе и Северной Америке с чрезвычайно высоким, по советскому масштабу, уровнем жизни в этих странах создает огромную притягательную силу для населения стран реального социализма. Эта притягательная сила оборачивается силой раздражения, неприязни и в конечном счете — ненависти к строю реального социализма. Особенно большую роль в этом смысле играет, по мнению номенклатурщиков, Западная Европа. Вот почему решение вопроса о Западной Европе и считалось всегда особенно неотложным.

История подтвердила опасения номенклатуры. Как карточные домики, рассыпались в 1989 году вассальные режимы в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, было создано возглавляемое «Солидарностью» правительство Польши, произошли демократические перемены в Монголии. Начала распадаться колониальная империя — Советский Союз. Помышляющая о мировом господства советская номенклатура оказалась у разбитого корыта.

Но не будем торопиться с выводами. Номенклатура еще сильна. Она старается запугать непокорных в национальных республиках и вызвать волну колониалистского шовинизма в русском народе.

Может быть, ей еще удастся использовать основную ошибку национально-освободительных движений в СССР — то, что они выступают не одновременно все вместе, а разрозненно. Это дает номенклатуре надежду разделаться с ними поодиночке.

Может быть, номенклатуре удастся обмануть народ угрозой мнимых бедствий в случае распада колониальной империи. Он ведь не знает, что опыт западных стран показал: огромное большинство населения метрополии только выигрывает от ликвидации колониального режима, проигрывает лишь горстка колониальных чиновников. Летом 1960 года я был в Бельгии как раз в дни признания независимости Конго. Сколько было страхов среди бельгийцев: отходит богатая колония Конго; как-то будет

житься в маленькой Бельгии! А теперь, когда вы приезжаете в Бельгию, видите процветающую, довольную страну; с Конго же поддерживаются нормальные экономические связи. Был страх и в Голландии, когда отходила Индонезия, был ужас в Англии, когда уходила огромная Индия. Взгляните сегодня на Англию и Голландию, а потом — на Индию и Индонезию: где люди лучше живут?

Уровень жизни зависит от уровня развития общества, его производительных сил, а не от руд и минералов, лежащих в недрах. Крошечная Япония, лишенная всяких природных богатств, отказавшись от колонизаторских замашек, стала одной из самых богатых стран мира. По объему промышленного производства она обогнала громадный Советский Союз и вышла на 2-е место в мире; она может законно похвастаться тем, что там наибольшая средняя продолжительность жизни. А громада СССР может пока похвастаться тем, что занимает 1/6 часть суши на Земле. Прав был Маркс: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого»[16].

10. МИРОВОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ— ИНСТРУМЕНТ НОМЕНКЛАТУРЫ

Номенклатурная пропаганда определяет мировое коммунистическое движение как совокупность компартий во всех странах мира. В таком определении отражается ностальгия класса номенклатуры по прошедшим временам монолитизма. Впрочем, полной монолитности в коммунистическом движении практически никогда не было. Следовавшие один за другим отколы от послушного Москве коммунистического движения — троцкизм, титоизм, маоизм, еврокоммунизм — существенно ограничили его пределы и возможности. Поэтому, говоря здесь о мировом коммунистическом движении, мы будем подразумевать совокупность *не* стоящих у власти компартий, руководство которых находится в подчинении у советской номенклатуры.

Коммунистические идеологи именуют мировое коммунистическое движение «самой влиятельной коммунистической силой нашего времени»[17] и насчитывают в его рядах около 90 компартий с общей численностью около 50 млн. человек [18]. И правда: компартий много. Членов же этих партий за пределами стран реального социализма сравнительно мало — зависящие от советской номенклатуры партии в большинстве своем невелики.

Есть разные степени зависимости: основная часть компартий вообще не могла бы существовать без поддержки со стороны Советского Союза.

Чего хочет от советской номенклатуры руководство каждой партии в мировом коммунистическом движении? Оно хочет денег для своей весьма безбедной жизни. Хочет время от времени, приезжая в Советский Союз и в другие страны реального социализма, пользоваться там благодатными привилегиями номенклатуры. Наконец, оно страстно желает помощи Советского Союза, чтобы прийти к власти у себя в стране и зажить райской жизнью советской номенклатуры, диктаторствуя над своим народом, и уже не время от времени, а постоянно наслаждаться номенклатурными привилегиями. Так интересы советских претендентов на мировое господство совпадают с интересами руководителей зарубежных компартий.

«Так что же,— спросит читатель,— так и нет среди руководителей коммунистических партий в разных странах искренних идеалистов, выступающих против несправедливостей современного общества и желающих лучшего будущего для народа?»

Не берусь в категорической форме ответить на этот вопрос. В Советском Союзе и в других странах реального социализма идеалистические коммунисты давно уже перевелись. Прожив столько лет в Советском Союзе, я встречал убежденных коммунистов только на Западе. Здесь они еще есть, но вот сохранились ли они в руководстве западных коммунистических партий — сомнительно.

Говорю это прежде всего потому, что у многочисленных коммунистических руководителей из разных стран, с которыми мне довелось встречаться, я неизменно находил деловитую готовность без размышлений следовать любому изгибу генеральной линии КПСС и интерес лишь к вопросам тактики и пропаганды. К условиям жизни их народов они были в лучшем случае безразличны, если же нет, то говорили неожиданное. Помню, как за обедом в столовой Института общественных наук при ЦК КПСС один из обучавшихся там руководящих работников компартии ФРГ горько жаловался мне, как хорошо живется рабочим и вообще трудовому населению ФРГ, в результате чего они и не думают бороться за приход компартии к власти. Главное же сомнение в убежденности руководства компартий возникает именно в результате покорного следования любым извивам советской политики и идеологии. Все эти руководители хором превозносили Сталина,

все они разоблачали его, все они клеймили затем его разоблачителей — Солженицына и других русских диссидентов. Все они восторгались героизмом Тито, все они визжали потом, что Тито — главарь фашистской клики и шпион, все они реабилитировали Тито, все они немедленно вслед за этим стали поносить его как ревизиониста. Все они ликовали, что к 1980 году в Советском Союзе будет построен коммунизм, все они ликовали затем, что построенным оказался некий непредусмотренный «развитой социализм», от которого до коммунизма еще далеко, все они ликуют теперь в связи с курсом Горбачева независимо от всех замысловатых зигзагов этого курса.

Что же, такие они глупышки, что верят во все это? Конечно, нет: руководители компартий — люди не глупые и сообразительные. Ни во что они не верят, кроме одного: что без советской номенклатуры им к власти в своих странах не пробраться. Вот в этом они твердо убеждены, а потому и платят за поддержку советской номенклатуры тем, что состоят у нее на службе. Метящие в главари вассальной номенклатуры руководители партий мирового коммунистического движения уже сейчас — послушные вассалы советской номенклатурной верхушки.

Зачем они нужны советскому классу номенклатуры? Ведь денег на этих вассалов идет очень много — в столь бережно хранимой в СССР твердой валюте, а партии крошечные и сами по себе никаких шансов прийти к власти не имеют. Стоит ли тратиться?

Стоит — по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, как мы уже говорили, мировое господство класса номенклатуры запланировано в форме «социалистических революций» во всех странах, то есть по Ленину — в форме прихода компартий к власти в этих странах. Значит, компартии, хотя бы маленькие, абсолютно необходимы для осуществления такого плана. Поскольку же цель руководителей компартий — именно в том, чтобы с помощью советской номенклатуры прийти к власти у себя в странах, налицо полное совпадение интересов, и, следовательно, номенклатура может этим руководителям доверять.

Во-вторых, оправдывающие это доверие руководители зарубежных компартий оказывают уже сейчас советской номенклатуре большие услуги. Компартии стали опорными пунктами Советского Союза в каждой стране.

Не надо недооценивать значения этого преимущества: у других государств есть только посольства и консуль-

ства, а у СССР и его союзников есть, помимо того, в каждой стране своя собственная партия. Пусть она мала, но состоит она из жителей данной страны, они знают свою родину, имеют контакты в разных слоях населения, отлично ориентируются, могут собирать информацию. Все это — в противоположность советским посольствам, где восседают номенклатурщики, отобранные по политическим признакам или по протекции, поглощенные покупкой заграничных вещей и деланием карьеры, для чего желательно избегать подозрительных для КГБ контактов с местным населением. Вопреки распространенному на Западе мнению, советские посольства сами по себе неважно информированы о жизни в странах пребывания. Они черпают свои сведения главным образом из газет. Вот почему в этих посольствах так часто можно услышать стандартную фразу: «По этому вопросу надо посоветоваться с друзьями». «Друзья» — такой же устоявшийся в номенклатуре термин для обозначения деятелей зарубежных компартий, как «соседи» для обозначения КГБ. С «друзьями» советуются по самым разным поводам и на различных уровнях, включая Политбюро ЦК КПСС. Это не значит, что хвост вертит собакой, но таким образом осуществляется важная функция зарубежных компартий — информирование и консультация советской номенклатуры по вопросам ее политики в отношении каждой данной страны.

Информация, даваемая компартиями советским сюзеренам, зачастую необъективна и продиктована интересами руководства этих партий. Она всегда направлена на то, чтобы внушить Москве представление о незаменимости данного руководства и о необходимости усилить советскую поддержку данной партии. В Москве это понимают, но информации доверяют. При этом правильно исходят из общности интересов советского класса номенклатуры и руководителей зарубежных компартий. Ведь даваемые советы будут преследовать цель не только получить из Москвы побольше денег (их все равно расчетливая номенклатура дает лишь столько, сколько сама сочтет нужным), а главное — хоть на шажок приблизить руководство компартии к захвату власти в стране, чего хочет и номенклатура.

Роль зарубежных компартий как опорных пунктов Советского Союза в различных странах не исчерпывается информацией и консультацией. Компенсирующие слабую осведомленность советских посольств, компартии

существенно помогают советской разведке. Хотя эти партии, как правило, не осуществляют теперь непосредственно разведывательной деятельности, они уже нередко играли важную роль в подыскивании потенциальных агентов для вербовки и в «погружении» засылаемой агентуры.

Существование компартий во всех странах открывает советской номенклатуре возможность организовывать политические кампании одновременно во всем мире. Пусть там, где компартии особенно слабы, эти кампании и не привлекут внимания населения: все равно многомиллионные тиражи коммунистической печати будут сообщать даже о мелком митинге или демонстрации, раздувать их значение, создавать видимость, будто, как любит говорить номенклатурная пропаганда, «народы мира требуют» того-то и того-то, о чем состоялось решение на Старой площади в Москве.

Чтобы кампании выглядели действительно массовыми, а прокоммунистические общественные организации — представительными, необходимо привлекать к ним некоммунистов. При этом наибольший успех достигается не тогда, когда удается затащить на митинг досужих прохожих, а когда в качестве национальных организаторов и руководителей выступают деятели и еще того лучше — организации, заведомо не являющиеся коммунистическими. Правило здесь таково: чем дальше отстоят эти деятели и организации от компартии, тем больше им цена. Тогда в кампании примут участие и их сторонники, и промежуточные группы между ними и компартиями, наплыв любопытствующей публики будет больше, и отнесется население к кампании с бóльшим доверием.

Но как такого добиться? В зарубежных компартиях это важный участок работы. Им обычно ведает один из членов высшего руководства партии. После прихода партии к власти интерес к некоммунистическим деятелям и тем более группам резко меняется по своему характеру: мавры сделали свое дело, и их уходом займутся соответствующие органы. Если это будет нужно по внешнеполитическим соображениям, будет создан какой-нибудь «Национальный фронт» или другие «общественные» организации. Здесь, робко поглядывая на надзирающего референта из ЦК, несколько специально для этой цели посаженных людей будут с пафосом объяснять иностранным гостям, что, хотя они во всех вопросах до единого полностью и активно поддерживают линию ЦК правящей компартии, они тем не менее — деятели некоммунистические.

Но это потом, а пока компартия не правящая, ее руководители очаровательны и предупредительны по отношению к тем некоммунистическим деятелям, которые подают надежду на возможность их использования в соответствии с планами номенклатуры. Их привлечение к делу осуществляется по разработанному в коммунистической тактике методу выдвижения «общедемократических программ».

Выработка таких программ и лозунгов — сложное искусство: они должны звучать явно и привлекательно для каждого. Вот лозунги, знакомые читателю: «За мир!», «За разоружение!», «За запрещение атомного оружия!». Таков был лозунг «Прекратить войну во Вьетнаме!». Таков же был лозунг «Вывести иностранные войска с чужих территорий!».

Тут читатель припоминает: правда, был такой лозунг, но что-то его долго не было слышно. И верно, не слышно с 1968 года, со ввода советских войск в Чехословакию. Интересно, что провозглашали его не только коммунисты, но и многие из тех, кто осудил ввод войск в ЧССР, а вот лозунг они почему-то все-таки не повторяли. Почему бы?

Чтобы понять механизм формулирования общедемократических программ, попробуйте, читатель, выдвинуть лозунг «Ликвидировать танки — оружие агрессии!». Увидите, что вам сразу начнут терпеливо разъяснять: лозунг ваш несвоевремен, объективно вреден, он отвлекает внимание от главной задачи нашего времени — ликвидации ядерного оружия. А если вы будете упорствовать и говорить, что требуете разоружения и что люди в Европе боятся именно танков, на вас начнут кричать, что ваш лозунг — провокационный, а вы — противник разрядки, сторонник «холодной войны», реакционер, фашист.

То же самое вы испытали бы, читатель, если бы, привыкнув ряд лет твердить: «Прекратить грязную войну во Вьетнаме!», стали бы его повторять после вывода американских войск из Южного Вьетнама. Тогда, невзирая на мирный договор, армия ДРВ повела наступление на юг. Вот тут вы снова оказались бы противником разрядки и фашистом, ибо эта война была «чистая».

«Общедемократические» лозунги — только по видимости мирные и демократические, а в действительности они номенклатурные.

Что сказать о тех некоммунистических деятелях на Западе, которые поддерживают эти программы и лозунги? Большевик Ленин назвал их «полезными идиотами»,

социал-демократ Карл Моммер — «троянскими ослами». Оба усомнились, таким образом, не в целеустремленности, а в глубокомыслии их действий. Не будем суровы в оценке, но, вероятно, им действительно следовало бы полюбопытствовать: что случилось с их предшественниками в тех странах, где был установлен реальный социализм? Осведомившись, они задумались бы, стоит ли им стремиться к той же участи для себя, для своих партий и не в последнюю очередь — для своих стран.

Пока же они не задумались, и мировое коммунистическое движение по-прежнему успешно организует с их шумным участием кампании во всем мире по решениям ЦК КПСС. Никакая другая политическая сила не способна на подобное. В этом смысле мировое коммунистическое движение — действительно самая влиятельная сила нашего времени.

Нужно ли удивляться, что класс номенклатуры высоко ценит роль зарубежных компартий и их руководства? Оно и вправду добивается того, на что номенклатура уже не способна: без КГБ и лагерей, без возможности лишить человека средств к существованию руководители зарубежных компартий ухитряются заставить рядовых членов своих партий — свободных людей! — быть радостными пешками в руках советской номенклатуры, ничего за это не получая, а даже наоборот — в ряде случаев принося жертвы. Это результат поразительно ловко проводимой игры на пестрой гамме человеческих настроений, зависти, предрассудков, конформизма, консерватизма, чувства лояльности, преклонения перед авторитетом вождей партии, нежелания признать свою ошибку, стыда быть объявленным ренегатом, страха перед осуждением товарищей, боязни разрыва с друзьями-коммунистами. Вступив в компартию с ее охватывающими каждого организационными тисками, гораздо легче покорно идти в ее рядах, постепенно приобретая длительный партстаж, которым принято гордиться, чувствовать себя частичкой великой армии мирового коммунистического движения, героем, выступающим против господствующего строя, благо на Западе это ничем не грозит. Труднее найти в себе силы вырваться и обрушить на себя всю ярость остракизма и мести компартий и симпатизирующих ей, в то время как остальные все равно будут относиться к тебе с опаской как к бывшему коммунисту, а потому человеку сомнительному.

Эту филигранную работу руководителей компартий

номенклатура оплачивает звонкой монетой. Зарубежные компартии получают регулярные субсидии или от КПСС, или от других партий стран реального социализма. Деньги предпочитают передавать наличными через курьеров, чтобы не оставлять следов банковских переводов. По мере расширения международных операций советских банков и открытия их филиалов в разных странах метод осуществляемого весьма извилистыми путями перевода денег из социалистических стран зарубежным компартиям становится все более распространенным. Пути финансирования хранятся в строгой тайне, но самый его факт давно уже секрет Полишинеля.

Так, швейцарская «Партия труда» и ее филиал — Общество «Швейцария — СССР» ежеквартально получали в пакете деньги от посольства СССР в Берне — 400 тысяч швейцарских франков в год. Москва переводит посольству сумму, заканчивающуюся кодовой цифрой (для Общества это 22, для партии — другая цифра) [19]. Стало известным решение сталинского Политбюро, состоявшегося в конце сентября 1949 года: компартии ФРГ давалось по 320 тысяч западных марок ежемесячно и полмиллиона сверх того [20]. Западногерманская печать не возмущалась, а только весело посмеивалась, когда выяснилось, что по доле пожертвований в своем бюджете ГКП стоит на первом месте среди партий ФРГ — выше ХДС/ХСС, по коммунистическому определению «главной партии монополистического капитала ФРГ». Некапиталистические меценаты ГКП сидели в ЦК КПСС и ЦК СЕПГ. В свое время было, кстати, достигнуто соглашение о том, что те же жертвователи берут на себя часть финансирования КП Австрии. После краха режима СЕПГ само руководство ГКП вынуждено было признать, что партия существовала на деньги из ГДР.

Руководители зарубежных компартий — высокооплачиваемые вассалы советской номенклатуры. Все они живут в своих странах весьма безбедно, а когда приезжают в Советский Союз или союзные с ним страны, в их распоряжении — госдачи, машины с шоферами, кремлевская больница или аналогичные правительственные больницы. Для менее важных руководящих деятелей зарубежных компартий — гостиница Международного отдела ЦК КПСС в Москве и подобные же бесплатные отличные гостиницы в других странах реального социализма. Дорогих гостей возят по стране, на лучшие курорты в санатории ЦК, вручают им щедрые

подарки. Словом, руководители зарубежных компартий любят ездить в Советский Союз не только из бескорыстной любви к отечеству всех трудящихся.

Но, не скупящаяся на плату за верную службу своих иностранных вассалов, советская номенклатура не прощает им непослушания. При Сталине разговор был короткий. Происходившие в годы ежовщины ночные аресты с последующими казнями руководителей зарубежных партий, живших в коминтерновской гостинице «Люкс» на улице Горького в Москве (теперь — отель «Центральный»), хорошо описаны в мемуарах выживших, повторять нет нужды. С тех пор времена изменились, руководители компартий живут в большинстве случаев не в Москве, а в своих странах, и методы расправы с неугодными стали иными.

Номенклатура применяет теперь метод, официально именуемый «сплочением здоровых сил партии». Эта оптимистически звучащая формула означает, что, если руководитель какой-либо зарубежной компартии начинает проводить курс, почему-либо неугодный советской номенклатуре, в этой партии срочно подыскиваются более покорные, которые рады сделать карьеру, отличившись перед московским сюзереном. Со «здоровыми силами» проводятся беседы в ЦК КПСС, им оказывают помощь в подготовке свержения проштрафившегося руководства. Как происходят такие беседы, описал Смрковский, которого лично Брежнев убеждал выступить против Дубчека, выразительно намекая, что Смрковский сможет сам занять в этом случае пост первого секретаря ЦК КПЧ[21]. Смрковский отказался, но нашлись другие, и они уселись тогда у власти в Праге.

Впрочем, кандидаты в «здоровые силы» и сами проявляют инициативу. В Москве было известно, что вдова Тореза — Жанетта Вермерш приезжала в ЦК КПСС, негодовала там по поводу «ревизионизма» в руководстве французской компартии и предлагала себя в качестве «здоровой силы».

Метод «сплочения здоровых сил» применялся не раз: в Венгрии во время революции 1956 года, где во главе этих сил встал Кадар; в Австрии в 1969 году старый коминтерновец, бывший долгое время генеральным секретарем ЦК КПА Фридль Фюрнберг, с которым мне не раз доводилось встречаться и который говорил по-русски нисколько не хуже, чем по-немецки, сделался ядром «здоровых сил», но ввиду его преклонного возраста предсе-

дателем партии был оставлен быстро пересмотревший свои позиции Франц Мури. По методу «здоровых сил» была создана просоветская партия во главе с Энрико Листером в Испании, направленная против еврокоммунистического руководства КП Испании. «Сплочение здоровых сил», вероятно, еще не раз будет применяться классом номенклатуры, чтобы держать в повиновении своих вассалов из мирового коммунистического движения.

Мировое коммунистическое движение — инструмент советской номенклатуры в ее притязаниях на мировое господство. Этот инструмент несколько поизносился и дал трещины, но он все еще вполне пригоден к употреблению.

11. ПУТЬ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Сколько раз приходилось мне слышать в Советском Союзе: жизнь трудная, ничего достать нельзя, начальство прижимает, но все это можно стерпеть, только бы не было войны! Зная о таких настроениях, номенклатура десятилетия твердит, будто вся ее политика направлена на предотвращение новой войны.

Мы уже говорили, что номенклатура войны действительно не хочет. Но кто ее хочет в наше время? А войны все-таки возникают: подсчитано, что уже после 1945 года в разных районах мира произошло примерно 130 войн и погибло в них около 20 миллионов человек.

Войны начинаются не потому, что их кто-то хочет, а потому, что политика одной из сторон в международном споре ведет в данной ситуации к войне. К войне ведет политика экспансии.

Но именно в экспансии и состоит весь смысл внешней политики номенклатуры. Ограничимся констатацией следующих фактов:

1) советская номенклатура не только сохранила колониальную империю царской России, но и расширила ее территорию;

2) она поставила под свой контроль ряд стран в Европе, Азии, Африке и даже в Америке;

3) она продолжала прилагать напряженные усилия с целью распространить свой контроль на все новые страны в различных районах мира;

4) она упорно соперничает с США, стараясь разными способами подорвать их позиции в мире;

5) она финансирует и направляет компартии во всех странах, ориентирует их на приход к власти; в то же время она ведет ожесточенную борьбу против тех компартий —

правящих или не правящих,— которые не готовы больше быть ее вассалами.

Все эти факты, каждый в отдельности и все в совокупности,— не случайное явление, они — органическое выражение сущности номенклатуры как класса, основанного на власти и стремящегося к максимальному расширению сферы своей власти. Как ни стараюсь, не могу припомнить из всего своего долгого опыта работы в Советском Союзе ни одного факта, который давал бы основание усомниться в серьезности стремления номенклатуры к мировому господству. Наоборот: весь душевный настрой номенклатурщиков, все их действия, мысли и разговоры свидетельствуют о таком, сделавшемся само собой разумеющимся стремлении.

Это стремление опасно. Последовательно осуществляемое, оно приобретает собственную динамику и порождает политический вихрь, который сможет затем начать свирепствовать в мире и помимо воли номенклатуры. Классы, подобно отдельным людям, способны создавать такие ситуации, из которых уже нет пути назад.

Упорное, длящееся ряд десятилетий стремление номенклатуры к мировому господству — «победе социализма в мировом масштабе» — завязало тот узел в международных отношениях, который в значительной мере определяет нынешнюю мировую политику. Вот его основные элементы:

1. Напористое стремление советской номенклатуры к господству в мире привело к международной изоляции СССР. В самом деле: какие союзники есть сегодня у этого государства? Малые страны, участницы Варшавского Договора,— это зависимые от СССР страны, а не союзники. Как показал пример Чехословакии, Венгрии, Югославии, Албании, Москва может удерживать соцстраны в числе своих «союзников», только разместив на их территории свои войска. Революции 1989 года в Восточной Европе и в ГДР показывают, что даже это не является гарантией успеха. Отношения СССР с Китаем, Вьетнамом, Кубой весьма сложны. Номенклатура, подобно Гитлеру, усматривает в такой изоляции некую «политику окружения», но в действительности это — как и у Гитлера — логический итог собственной политики стремления к мировому господству.

2. После краха номенклатурных режимов в странах Восточной Европы соотношение сил в мире изменилось. В этой обстановке номенклатура видит решение созданных

сю самою проблем в политическом подчинении себе Западной Европы — под лозунгом создания «общего европейского дома». Номенклатура рассчитывает, что такое решение приведет к выгодному ей сдвигу в соотношении сил на мировой арене и повлечет за собой ликвидацию внутренней оппозиции в СССР и распространение чувства безнадежности в других странах советского блока.

Казалось бы, обстановка не благоприятствует таким планам. И все же, как в свое время Гитлер, номенклатура экстраполирует нынешнюю уступчивость западноевропейских правительств и убеждена, что они будут уступать и дальше — вплоть до капитуляции. И точно так же, как это случилось с Гитлером, номенклатура может в своем экспансионистском напоре помимо своей воли переступить тянувшуюся где-то в Европе невидимую черту, за которой кончается долготерпение стран Запада и начинается новая мировая война.

Да, номенклатура не хочет войны: она хочет победы. Однако на пути к этой победе пролегла граница между миром и войной, и именно здесь грозит человечеству ныне мировой конфликт.

Соотношение сил в мире не оставляет советской номенклатуре ни одного шанса на победу в таком конфликте. Но она рассчитывает на «империалистические противоречия», на «миролюбивые» и «реалистически мыслящие» силы на Западе — иными словами, на разобщенность стран Запада, на дух капитулянтства и близорукого эгоизма. Это авантюристический расчет. Подобные же расчеты Гитлера провалились. Но когда это стало ясно, уже бушевала мировая война и пути назад не было. Для того, чтобы такое не повторилось, надо остановить номенклатуру раньше.

Может быть, в успехах на пути к мировому господству и состоит величие Советского Союза? Может быть, в этом и заключаются интересы его народа? Номенклатура старается разными путями внушить своим подданным именно такое представление.

Хмель шовинизма и великодержавия легко кружит головы, есть в советском народе немало оболваненных им людей, но далеко не большинство. Потому что человек нашей эпохи обычно понимает: не в экспансии величие страны, а в том, чтобы людям хорошо и свободно в ней жилось. Какое же это величие, если приходится неусыпно держать границу на замке, чтобы жители страны не разбежались! Какое величие, когда весь мир знает, что совет-

ские граждане несвободны и бедны! Кто более велик: милитаристская Япония 30—40-х годов или сегодняшняя процветающая Япония? Спросите немцев, хотели бы они вернуться в псевдовеликий третий рейх. Нет величия в попытках правителей добиться мирового господства, не соответствуют они интересам жителей никакой страны — в том числе и Советского Союза.

И успехом эти попытки не увенчаются. Уже не раз выступали в истории претенденты на мировое господство: Александр Македонский, Атилла, Чингисхан, Наполеон... Никому не удавалось его достичь и никому не удастся. В памятное воскресенье 22 июня 1941 года Молотов, как всегда, заикаясь, говорил по радио, сообщая о начале войны. А сказал хорошо: «Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху, то же будет и с зазнавшимся Гитлером»[22]. Так и произошло.

Гитлер потерпел поражение. **То же** будет и с зазнавшейся номенклатурой.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

1. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 2; т. 44, с. 382.
2. W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg. Bd. VI. Bern, 1954, S. 370—371.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 15.
4. Там же, с. 119.
5. Там же, т. 9, с. 239.
6. М. Л. Алтайский (сост.). Маоизм без прикрас. М., 1980, с. 223.
7. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
8. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 248.
9. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 50—51.
10. М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. М., 1969, с. 222.
11. Wladlen Kusnezow: Internationale Entspannungspolitik. Aus sowjetischer Sicht. Wien, 1973.
12. Michail Woslenskij: Friedliche Koexistenz aus sowjetischer Sicht. "Osteuropa", 1973, Heft 11, S. 855.
   Ejusdem: Klassenkampf, Kalter Krieg, Kräfteverhältnis, Koexistenz. "Osteuropa", 1974, Heft 4, S. 259—269.
   Ejusdem: Die DDR und friedliche Koexistenz. "Deutschland-Archiv", 1975, Heft 10, S. 1030—1034.
13. «Правда», 10.12.89.
14. См. "Der Standard" [Wien], 03.05.89.
15. «Собеседник», № 8, февраль 1990 г.
16. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 18, с. 509.
17. Международное коммунистическое движение. Очерки стратегии и тактики. М., 1972, с. 3.
18. Там же, с. 42.
19. N. Polianski: M. I. D. Paris, 1984, p. 78.
20. „Aus Politik und Zeitgeschichte", 25.01.91, S. 15.
21. См. «Континент», № 5, с. 349—350.
22. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944, т. 1, с. 112.

Глава 8

КЛАСС-ПАРАЗИТ

Мы землю долбили,
Мы грызли железо,
Мы грудь подставляли под дуло обреза.
А вы, проезжая в машине «Победе»,
В окно нам кричали:
— Достройте!.. Добейте!..
И мы забывали
О сне и обеде,
И вы нас вели
От победы к победе!

А вы:
«Победы» меняли на «Волги»,
А после:
«Волги» меняли на «ЗИМы»,
А после:
«ЗИМы» меняли на «Чайки»,
А после:
«Чайки» меняли на «ЗИЛы»...

А мы надрывались,
Долбили, грузили!

А вы нас вели
От победы к победе.
И тосты кричали
Во славу победы...

А. Галич. «Когда я вернусь». Франкфурт/М. 1977, с. 121—122.

Заключительную главу книги «Империализм как последняя стадия капитализма» Ленин посвящает теме о паразитизме и загнивании. Посвятим и мы эту главу настоящей работы той же проблеме — применительно к реальному социализму.

В чем видит Ленин коренную причину паразитизма и загнивания господствующего класса в современном ему капиталистическом обществе? В том, что общество капиталистическое? Нет, в том, что, по его мнению, в этом обществе стали господствовать монополии.

Ленин справедливо видит в *любой* монополии главную причину паразитизма обладающего ею класса. Паразитизм класса и связанное с ним загнивание установленного этим классом общественного строя ограничивается масштабом монополии: чем более всеобъемлюща эта монополия, чем больше защищена она от конкуренции — экономической,

политической, идеологической,— тем больше возможности для паразитарного перерождения господствующего класса, для его превращения в окостеневшую касту, сидящую у общества на шее, сосущую его соки и ничего ему не дающую.

Существуют ли явления паразитизма при капитализме?

Да, существуют. Но ведь подлинных монополий при капитализме нет. То, что в марксиствующей литературе именуют «монополиями», в действительности — всего лишь крупные концерны, ни один из них не в состоянии монополизировать рынок. Поэтому, как правильно отметил Ленин, феномен паразитизма проявляется в современном капиталистическом обществе лишь как *тенденция* к застою и загниванию [1].

Иное дело — при реальном социализме, где монополия класса номенклатуры всеобъемлюща. Всякая конкуренция с номенклатурными монополистами свирепо пресекается диктатурой этого класса, и в искусственно созданном таким образом стоячем болоте полной монополии ничто не мешает паразитированию и загниванию. Особой интенсивностью такого процесса и объясняется тот факт, что класс номенклатуры, появившись на исторической арене позже класса капиталистов, уже намного обогнал его по степени своего паразитического перерождения.

1. РАБОТАЕТ ЛИ НОМЕНКЛАТУРА?

Номенклатура — типичный служилый класс. Такой класс представляло собой в свое время в феодальном обществе сначала боярство, а затем — дворянство. Все члены класса номенклатуры являются формально служащими. Они занимают определенные — неизменно руководящие — посты в партийном и государственном аппарате. То, что они выглядят службистами, и позволяет номенклатурщикам маскироваться под служащих.

Номенклатура служит. Но работает ли она?

За годы правления номенклатуры в Советском Союзе произошло любопытное смысловое расхождение между словами «служить» и «работать». В начале 30-х годов о служащем говорили: «Он ходит на службу». Теперь так говорить не принято, говорят: «Ходит на работу». Это не значит, что слово «служба» предано официальной анафеме. Наоборот, говорится о воинской службе, о «службе делу мира», о «службе (или даже «служении») социалистической Родине». Короче говоря, официально слову «служба»

стараются придать оттенок возвышенности. Но в то же время о человеке можно сказать: «Он не работает, а служит». Это значит, что штатное место он занимает, зарплату получает, а ощутимых результатов от его деятельности нет. Любопытный психологический штрих в языке — этом сгустке мыслей и чувств народа!

Сама номенклатура как служилый класс любит в мифотворчестве о себе рисовать номенклатурного чина этаким неутомимым работягой. Возьмите кинофильм сталинских времен «Великий гражданин», или роман В. Кочетова «Секретарь обкома», или наконец-то опубликованную и в Советском Союзе книгу Александра Бека «Новое назначение»: всюду номенклатурный герой представлен человеком хотя, конечно, и вознесенным волей партии над толпой, но с утра до поздней ночи работающим, отдающим все свои силы на благо народа. Таким любит видеть свое отражение номенклатурная знать. Главное же — она старается внушить народу, видящему ее только в автомобилях, мчащихся по осевой линии, что члены номенклатуры несут на своих плечах огромную тяжесть работы и бремя государственных забот, осчастливив тем самым простых советских людей.

Миф этот расползается, словно дым, когда вы получаете возможность сами наблюдать за деятельностью номенклатурщиков и с удивлением знакомиться с тем, как они эту деятельность организуют.

Дело тут не в лени номенклатурщиков — это люди активные, не ленивые, а в функционировании системы реального социализма. В условиях абсолютной монополии нет нужды стараться и работать.

А правда, зачем номенклатуре работать? Она эксплуататорский класс, следовательно, ее высокий жизненный уровень обеспечивается трудом других, подчиненных ей людей. Людей этих — миллионы, так как номенклатура — единственный работодатель в стране. Среди этих людей вполне достаточно специалистов, на которых номенклатура начальственно покрикивает, а они руководят за нее производственным процессом. При таком методе производят меньше, чем можно было бы? Тем хуже для подчиненных, а самой номенклатуры это не коснется, она свое возьмет. Нет для номенклатуры причины работать. Ее работа — залезть повыше, а путь наверх пролегает для нее не через труд, а через интриги против соперников и приобретение сильных покровителей.

Нет, номенклатурщики не бездельничают, они заня-

тые люди. Только занятие их — делание карьеры, а не работа для общества. Своей полной монополией в политике, экономике и идеологии, своим диктаторским режимом номенклатура так себя застраховала и так обособилась от населения, что ей просто теперь не нужно что-либо делать для общества, и все же ей гарантировано место у руля.

Любой класс преследует свои цели, ни один из них не руководствуется любовью к человечеству. Но класс, не имеющий полной монополии на господство, вынужден оплачивать свою руководящую позицию работой в интересах общества.

А классу-монополисту — номенклатуре этого не нужно, и здесь находится корень его быстрого паразитического перерождения.

Где бы вы ни попали в номенклатурную среду, вы попадаете не в атмосферу творчества и работы, а в атмосферу карьеризма, подхалимства, ханжества и интриганства. «Мастера интриги» — так говорят в Советском Союзе о номенклатурщиках, ибо знают, что никакими талантами в работе они обычно не обладают, но зато в интриганстве не знают себе равных.

Паразитизм поражает любой господствующий, эксплуататорский и привилегированный класс. Но класс, подобно номенклатуре, господствующий в условиях абсолютной монополии, особенно подвержен паразитическому перерождению.

2. ПАРАЗИТИЗМ НОМЕНКЛАТУРЫ КАК КЛАССА

Что означает понятие «паразитизм класса»?

Не следует понимать его по-плакатному буквально: что класс этот, выражаясь словами Маяковского, только ест ананасы и жует рябчиков. Правящий класс правит, а уж это — занятие, отличное от смакования деликатесов. Вопрос в том, *как* он правит.

Хорошо ли руководит обществом правящий класс, означает: хорошо ли материально и духовно живется людям в управляемом им обществе, высок ли их жизненный уровень, свободны ли они, а также действует ли правящий класс в интересах общества или правит он для удовлетворения собственного властолюбия и тщеславия, наперекор этим интересам.

Ответ на эти вопросы служит диагнозом, подвергся ли правящий класс паразитическому перерождению.

Если людям живется плохо, если они несвободны,

если господствующий класс правит ради наслаждения своей властью и привилегиями, то никакие многочасовые бдения правителей в кабинетах и залах заседаний не могут скрыть: они — паразиты на теле общества. Больше того, паразитизм едока ананасов безобиден в сравнении с паразитизмом лакомок власти, правящих ради садистского наслаждения своим господством над другими людьми.

Паразитическое перерождение любого господствующего класса состоит в падении его исторической рентабельности. Она может быть определена по обычной формуле: рентабельность равна полученной пользе за вычетом производственных издержек. Исторический опыт показывает, что с течением времени польза, получаемая обществом от деятельности господствующего класса, постепенно уменьшается, а цена, которую общество уплачивает за эту деятельность, возрастает. Пока рентабельность хотя и сокращается, но все же остается положительной величиной, можно говорить *о тенденции* к паразитизму господствующего класса. Однако наступает момент, когда рентабельность становится нулем, а затем отрицательной величиной: издержки общества на господствующий класс начинают превышать его взнос в благосостояние общества. С этого момента нужно говорить уже не о тенденции к паразитизму, а о *паразитизме* господствующего класса. Он стал классом-паразитом, наносящим обществу ущерб. История свидетельствует, что в таком случае общество начинает все более активно бороться за освобождение от господствующего класса-паразита и в конечном счете непременно добивается успеха.

Цена правления класса номенклатуры в СССР велика и тягостна.

Первая и наиболее мрачная часть этой цены — десятки миллионов человеческих жизней, загубленных номенклатурой. Здесь и миллионы истребленных номенклатурными органами госбезопасности; и миллионы умерших от голода по вине номенклатуры; и миллионы погибших в борьбе за ее власть. Здесь многие миллионы человеческих судеб, искалеченных диктатурой номенклатуры. Если бы удалось подсчитать все эти миллионы, цифра оказалась бы ужасающей. Известна пока только часть этой цифры. Русский профессор И. А. Курганов подсчитал разницу между численностью населения, которое должно было бы проживать к 1959 году в границах СССР при нормальном демографическом развитии с

1917 года, и фактической численностью. Разница оказалась в 110 миллионов человек [2].

Немалая доля в этой части цены — военные жертвы. Знаете, сколько человек потерял за 5 лет 8 месяцев войны 1939—1945 годов германский вермахт? 3 миллиона солдат, то есть 4,3% населения страны. А Советский Союз потерял за 3 года 10 месяцев той же войны (1941—1945 годы) 22 миллиона солдат, то есть 12% населения СССР. При этом на Восточном фронте (против Польши и СССР) вермахт потерял 1,5 миллиона солдат, а у Советского Союза был только этот фронт. Это как же надо было номенклатуре во главе с «величайшим полководцем всех времен и народов» ухитриться так воевать, чтобы потерять солдат почти в 15 раз больше, чем противник? Причем противником было не какое-нибудь либеральное государство, трясущееся над жизнями своих граждан, а разбойный нацистский режим во главе тоже вот с таким «величайшим полководцем», для которого смерть миллионов ничего не значила. Если же сравнить общие потери (армии и мирного населения), то цифры такие: Германия потеряла 6 миллионов человек, то есть 8,5% своего населения, а СССР — 46 миллионов человек, то есть одну четверть всего населения страны [3].

Вторая часть цены — бедность населения в результате эксплуатации его классом номенклатуры, неумения и неспособности номенклатуры развивать экономику в соответствии с запросами народа, а не в своих эгоистических классовых интересах.

Третья часть — безудержный рост потребления класса номенклатуры. Речь идет не только о съедаемых номенклатурой деликатесах и возводимых госдачах, не только о системе ее привилегий, но прежде всего об огромных материальных и людских богатствах, расточаемых на ее классовое потребление: на гигантские военную, карательную и идеологическую машины, на политику экспансии за пределами страны.

Четвертая часть — ликвидация номенклатурой свободы, удушение самостоятельной мысли, лишение членов общества нормальных интеллектуальных контактов между собой и с другими обществами. Все это, казалось бы, неосязаемое нанесло Советскому Союзу не только огромный моральный, но и колоссальный материальный ущерб, особенно очевидный в области науки, техники и культуры.

Все вместе привело к тому, что после падения царизма Россия так и не стала современной развитой стра-

ной. Не могли затушевать этого пропагандистские рассуждения о том, что-де СССР — самая передовая страна в мире, единственная страна развитого (или зрелого) социализма: это переиначенные старые словеса о «Москве — третьем Риме» («а четвертому не быти»). Не затушевывает отсталости и мощь созданной номенклатурой военной машины: орды Чингисхана были для своего времени тоже отлично организованы и вооружены, но монгольская империя была не передовым, а отсталым обществом.

Мы перечислили, вероятно, не все части цены, которую общество в СССР вынуждено платить за господство там класса номенклатуры. Но и названного достаточно, чтобы убедиться: цена непомерно велика.

В самом деле: что получило общество взамен?

Неверно думать, что господство номенклатуры не принесло обществу в Советском Союзе ровно ничего положительного. Но столь же неверно вслед за советской пропагандой ставить в заслугу номенклатуре любую черту, положительно отличающую Советский Союз 80-х годов от царской России 1913 года. Номенклатурная пропаганда пытается подсунуть всем как само собой разумеющуюся мысль, что, не будь власти номенклатуры, Россия и сегодня была бы точно такой же, как 75 лет назад. Но ведь это неумная ложь. С 1913 года все страны мира без исключения изменились, и особенно как раз те, где нет класса номенклатуры. Кто поверит, что, если за это время без всякой номенклатуры даже такие экзотические страны, как Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, не говоря уж о Японии, изменились до неузнаваемости, Россия оставалась бы и сегодня такой же, какой была в 1913 году, не осыпь ее номенклатура благодеяниями своего правления!

А между тем Россия в 1913 году была намного более развитой и современной, чем названные страны. Вслед за большевистской пропагандой предреволюционных лет советская историческая наука пытается, говоря о царской России того времени, совместить несовместимое: с одной стороны, Россия — полуколония и сырьевой придаток империалистических стран Запада, с другой стороны, она сама империалистическая страна с развитой тяжелой промышленностью и мощным пролетариатом, готовым к социалистической революции. Эта абракадабра нашла свое краткое выражение в ленинской формуле, перенятой затем Сталиным: «Военно-феодальный империализм».

Именно с ленинской точки зрения эта формула бессмысленна: феодализм — строй, предшествующий даже раннему капитализму, а империализм, по Ленину,— высшая и последняя стадия капитализма. Если это так, то «феодальный империализм» — такая же бессмыслица, как «ледяной кипяток».

Сравнивать надо не с Россией 1913 года, а с сегодняшними странами — теми, где нет господствующего класса номенклатуры. Вот тогда можно будет объективно судить, каковы были положительные итоги номенклатурного хозяйничанья в Советском Союзе.

Такие итоги были. Возможно, что, не будь номенклатуры, тяжелая промышленность в России оказалась бы менее развитой, нежели сейчас. Зато были бы развиты несравненно лучше, чем теперь, производство товаров народного потребления, легкая промышленность, пищевая промышленность. Но об этом мы уже сказали, касаясь вопроса о высокой цене, заплаченной обществом в СССР за господство номенклатуры. Само же по себе развитие тяжелой промышленности — факт положительный.

Развитие тяжелой промышленности, как мы уже говорили, было для номенклатуры не самоцелью, а необходимой предпосылкой для развития военного производства. Военная промышленность и военная техника развиты в Советском Союзе, несомненно, намного больше, чем если бы не было октябрьского переворота. Военная мощь Советского Союза в нынешних ее масштабах — безусловно плод труда номенклатуры. Хорошо это или плохо? Если бы Советскому Союзу угрожала агрессия извне,— было бы хорошо. Если же СССР, опираясь на свою военную силу, угрожает другим странам,— это плохо.

Положительно следует оценить то, что в Советском Союзе низка плата за жилье, за пользование транспортом, что бесплатно медицинское обслуживание, что существует немало домов отдыха и санаториев, что относительно недороги книги, билеты в театры и кино. Конечно, все это, как мы уже говорили,— оборотная сторона низкого уровня заработной платы. Но само по себе это хорошо.

В Советском Союзе номенклатура неплохо организовала научно-исследовательскую работу. Советские школы — начальная, средняя и высшая — находятся в хорошем состоянии. Разумеется, студентам в СССР живется несравненно труднее, чем на Западе: и общежития намного хуже, и стипендии гораздо ниже. Но учебный процесс организован разумно (если не говорить о преподавании об-

щественных наук с позиций идеологии КПСС), и выпускаемые в Советском Союзе специалисты обладают вполне удовлетворительной квалификацией.

На Западе распространено мнение, что в Советском Союзе наведен порядок: полицейский, но порядок. Это совсем не так. В действительности уголовных преступлений в Советском Союзе много, а советские города и особенно их окрестности отнюдь не безопасны. Удивляться этому не приходится: советская милиция, занимающаяся борьбой против уголовников,— маломощная и плохо экипированная организация по сравнению с колоссальной, четко работающей машиной КГБ. Таким образом, в этом пункте обнаружить какую-либо заслугу номенклатуры, видимо, не удастся.

Вот, собственно, все то положительное, что можно записать на счет номенклатуры.

Стоило все это многих миллионов человеческих жертв, бедности населения, удушения свободы? Нет, не стоило. Номенклатура это отлично сознает: недаром она такой глухой стеной отгораживает Советский Союз от стран Запада, где жилье и транспорт дороже и медицинская помощь не бесплатная, а люди живут лучше. И живут они лучше потому, что нет на Западе правящего класса номенклатуры.

Конечно, в Советском Союзе, как и в любой другой стране, были свои объективные трудности. Но неверно было бы их преувеличивать.

Часто приходится слышать: «Как же можно сравнивать Россию с Западом? Ведь Россия — бедная страна!» Я и сам так думал, пока не увидел Запада. А увидев эти малые страны, почти лишенные природных богатств, с такой цветущей экономикой, я понял: Россия — сказочно богатая страна. Только веками управляется она безобразно. Безобразно управляли ею князья и бояре, цари и дворяне, безобразно управляют ею генеральные секретари и номенклатура.

Послушайте номенклатурщиков, как они скулят: «В Советском Союзе не хватает людей!» А какой вывод сделала номенклатура? В стране не хватает людей — так давайте же их истреблять миллионами, под разными предлогами: как белогвардейцев, как кулаков, как троцкистов, как изменников Родины! В стране не хватает людей для работы — давайте загоним миллионы в армию, в органы госбезопасности, в государственный аппарат! Номенклатурщики хнычут: «Страна велика, отсюда трудности!» А какой вывод они делают? Страна велика — давайте

сосредоточим всю нашу политику на том, чтобы ни одна республика из нее не вышла и чтобы по возможности подчинять все новые страны!

В этих вывертах за счет жизни десятков и качества жизни сотен миллионов людей и проявляется с особенной яркостью паразитический характер класса номенклатуры. И когда номенклатурная пропаганда воспевает эти выверты как «марксистско-ленинскую научную политику партии», как не вспомнить с сочувствием Ленина, признавшегося, насколько «тошнехонько» бывает ему от «сладенького» коммунистического вранья, «комвранья» [4].

3. ПАРАЗИТИЗМ ПРИНИМАЕТ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ

В книге «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин, стараясь отыскать какие-либо осязаемые признаки прогрессирующего паразитизма класса капиталистов, объявил таким признаком рост числа рантье, живущих на проценты с капитала. Утверждение странное, оно недостойно ленинского интеллекта. Видимо, сделал его Ленин в спешке (книжка была написана в течение 6 месяцев) под влиянием каких-то случайных наблюдений в Швейцарии 1914—1916 годов — на этом островке мира, где немало зажиточных людей из разных стран Европы пережидали первую мировую войну. Как понятно каждому читателю, покупка ценных бумаг — не паразитизм, а одна из форм хранения денежных сбережений. Тот факт, что люди не растрачивали свои сбережения, а инвестировали их в развитие экономики, ничего общего с паразитизмом иметь не может.

Кстати, при Сталине все советские трудящиеся принуждались ежегодно приобретать облигации государственных займов на сумму не менее месячной зарплаты. Что же, это было проявлением паразитизма советских трудящихся? Конечно, нет, это был дополнительный налог на них. Паразитизмом было другое: то, что из выжатых таким образом миллиардов рублей немало денег было использовано на привилегии номенклатуры, на строительство госдач, на дальнейший рост аппарата НКВД.

Детище Ленина и Сталина, класс номенклатуры проявляет свой паразитизм действительно вполне осязаемым образом. Паразитизм номенклатуры принял даже организационные формы.

Главной формой является дублирование партийными органами работы государственных органов.

Мы уже подробно говорили о том, что руководящие органы класса номенклатуры — Политбюро и Секретариат ЦК КПСС, бюро ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов КПСС монополизировали — каждый на своем уровне — принятие всех решений, имеющих сколько-нибудь политический характер. Мы говорили, что именно Политбюро и Секретариат ЦК КПСС являются подлинным правительством Советского Союза, а Кабинет министров СССР — всего лишь высокопоставленный административный орган для выполнения решений этого правительства. Аналогично положение в каждой республике, крае, области, в каждом городе и районе. Когда наблюдаешь за тем, как Советы Министров или исполнительные комитеты Советов народных депутатов просто переписывают присылаемые им руководящими органами номенклатуры решения, называя их затем своими постановлениями и ставя соответствующий номер и дату, трудно не задать вопрос: зачем вообще нужно все это переписывание? Один из двух органов является лишним: или партийный, или государственный.

Дублирование — не только в переписывании партийных решений в советские постановления, оно пронизывает всю деятельность партийного и государственного аппаратов и находит яркое выражение в параллелизме их структур.

На протяжении десятилетий каждому министерству в СССР или по крайней мере группе смежных министерств соответствовал отдел ЦК КПСС. По официальной табели о рангах заведующий отделом ЦК считается стоящим выше министра СССР, соответственно первый заместитель заведующего отделом — выше первого заместителя министра, а заместители заведующего отделом ЦК — выше заместителей министра. Вся деятельность министерства контролировалась и направлялась этим отделом. И опять возникает вопрос: что-то одно не нужно — или отдел, или министерство?

Ответ номенклатуры на этот вопрос гласит: партийные органы не дублируют работу государственных органов, а осуществляют партийное руководство. Партия была провозглашена в Конституции СССР руководящей и направляющей силой советского общества. Хотя эту статью из Конституции с большим трудом вычеркнули, КПСС продолжает рассматривать себя именно так.

Значит, партийные органы выступают как бы в роли политкомиссаров при государственных органах? Нет. Роль

политкомиссаров исполняют секретари парткомов государственных организаций. Можно сколько угодно говорить, что партийные органы рассматривают вопросы в партийном порядке, а государственные рассматривают те же вопросы в государственном порядке, но в действительности речь идет о дублировании одной и той же работы.

Практически это означает, что вместо одного человека — скажем, министра — ту же работу сделают два человека: партаппаратный шеф в ЦК и министр.

А делают ли они ее? Тут мы подходим ко второй организационной форме паразитизма номенклатуры. Эта форма состоит в том, что у каждого номенклатурщика непременно есть заместители, и чем выше номенклатурщик, тем их больше.

Даже в научно-исследовательских институтах у единственного имеющегося там номенклатурщика — директора института — бывает несколько заместителей; если заместитель только один, то или институт ничтожно маленький, или директор — вольнодумец.

Помню, как однажды, приехав из Москвы читать лекции в Вену, я беседовал с одним высокопоставленным австрийским чиновником. «Кто у вас заместитель министра?» — спросил я. Пожав плечами, мой собеседник ответил, что заместителя вообще нет. «Кто же тогда работает за вашего министра?» — с недоумением спросил я. «Министр работает сам!» — с недоумением ответил он. Вышедшие из двух различных миров, мы недоумевали оба: для меня было очевидно, что министр не должен сам работать, кто-то работает за него; для моего собеседника было столь же очевидно, что министр, пока он не ушел в отставку, сам делает свою работу.

Правда: что делает советский министр? Официальный ответ гласит: осуществляет общее руководство.

«Общее руководство» — такой же термин из номенклатурного жаргона, как «партийное руководство». По своему значению он приближается к понятию «почетное председательство». Министр восседает в своем величественном кабинете, ездит в «Чайке» или как минимум в черной правительственной «Волге», сидит на пленумах ЦК, сессиях Верховного Совета, в президиумах различных торжественных заседаний. Он председательствует на коллегии министерства, ставит свою подпись под подготовленными аппаратом наиболее важными или торжественными приказами по министерству, ездит на заседания Кабинета Министров СССР и робко ходит, когда его вызывают, поприсутст-

вовать на обсуждении соответствующего вопроса в Политбюро или в Секретариате ЦК КПСС. Он появляется на приемах и банкетах, ездит в составе делегаций за границу, изредка совершает парадную инспекционную поездку по предприятиям своего министерства в различных районах страны. Его, пожалуй, самая главная деловая функция состоит в том, чтобы поддерживать систематический контакт — по мере возможности и личное дружественное знакомство — с соответствующим заведующим отделом ЦК и его первым заместителем, а также с заместителем Председателя Кабинета Министров, который, как принято говорить, «курирует» министерство.

«Курировать» — тоже номенклатурный термин, получивший распространение в середине 50-х годов. «Куратор» осуществляет общий надзор за деятельностью «курируемого» им министерства, главка и т. п. «Курирование» — ступенька пониже, нежели «общее руководство». Соответственно «курируют» не заведующие отделами и их первые заместители, не Председатель Кабинета Министров и его первый заместитель, не министры и их первые заместители, а просто заместители. Заместителей этих, как мы уже говорили, много, и между ними распределяются объекты «курирования». Министерства «курируют» заместители Председателя Кабинета Министров, главки — заместители министров, управления — заместители начальников главков, предприятия министерства — заместители начальников управления.

Партийное руководство, общее руководство, курирование — так кто же наконец работает?

Практика показывает: работа начинается там, где кончается номенклатура. Конечно, из этого правила бывают исключения, мне приходилось их видеть, но в целом дело обстоит именно так: там, где номенклатура, происходит начальствование, работает же неноменклатурный аппарат.

Летом 1957 года Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, где я тогда работал, получил помещение только что расформированного Хрущевым Министерства строительства электростанций СССР. Находилось оно в большом здании в Китайском проезде, там, где потом разместились советская цензура — Главлит и Госкомитет по электронике. Мы с любопытством ходили по внезапно, как бы при приближении врага, покинутому министерству. Огромный, облицованный деревянными панелями (под Кремль) кабинет министра — с комнатой отдыха, туалетом, большой приемной;

просторные, тоже облицованные деревом кабинеты заместителей министра, с приемными поменьше. Солидные кабинеты начальства пониже. Облезлые комнатенки, где впритык были поставлены плохонькие канцелярские столы и шаткие стулья для служащих. Налюбовавшись на эту социальную анатомию советского министерства, мы с интересом погрузились в чтение оставшихся в секретариатах книг регистрации входящей и исходящей переписки. Как велено в советских учреждениях, секретарши старательно переписывали в книги резолюции, наложенные высшим начальством. Министр писал коротко: просто ставил фамилию своего соответствующего заместителя, «курировавшего» данный вопрос. Заместитель отписывал бумагу начальнику управления, давая ценное указание: «Рассмотрите и примите меры». Начальник управления отсылал своему заместителю, а тот уже направлял бумагу в соответствующий отдел с резолюцией: «На исполнение». Дальше номенклатура кончалась, начиналась работа. Ликвидация министерства смела с постов всех этих номенклатурных накладывателей резолюций, но ток в стране продолжал подаваться.

Вероятно, тогда мне впервые пришла в голову робкая мысль: а не паразиты ли — все эти номенклатурные начальники? Теперь я могу ответить на этот вопрос.

4. НОМЕНКЛАТУРЩИКИ-ПАРАЗИТЫ

На протяжении почти четверти века имея дело с номенклатурой, я познакомился со многими членами этого класса. Были среди них разные: и хорошие, и плохие, и так себе; были глупые и умные, ленивые и прилежные, были махровые негодяи и были честные, милые люди, к которым я до сих пор глубоко привязан.

Некоторые из них прочитают эту книгу и, возможно, в глубине души согласившись с многим, здесь сказанным, огорченно нахмурят брови, раскрыв эти страницы. Они будут по-человечески обижены, ибо человеку, каждый день с девяти утра аккуратно являющемуся на работу, которую он считает весьма ответственной, горько прочитать вдруг, что он паразит. И я хочу поговорить с ними по-человечески, а не бросать в них грязью из-за кордона.

Да, они ходят на работу и принимают как должное свои привилегии, свою власть и возможность распоряжаться чужими судьбами. Они отлично сознают, что никакие они

не революционеры и никакого бесклассового коммунистического общества не строят, но считают, что они управляют великой страной, и в этом их заслуга и их право на власть и привилегии.

Хорошо ли они управляют ею? В ответ на этот вопрос честные из них — а только к таким я и обращаюсь — пожмут плечами: они управляют так, как решило руководство, во всяком случае лучше, чем управляли их предшественники при Сталине. И это правда.

Но не вся правда.

Мне довелось в свое время быть на Нюрнбергском процессе. Подсудимые — самые высокопоставленные чины в третьем рейхе — так же пожимали плечами: они делали то, что приказывал фюрер. И никто из них — во всяком случае во всеуслышание — не признал, что раз они это делали, то фюрер приказывал им лишь то, что они готовы были делать.

К тому же теперь и в Советском Союзе миновали времена самовластных фюреров. Политбюро и Секретариат ЦК принимают лишь те решения, которые вызревают и подготовляются в номенклатуре. Да, отдельный номенклатурщик, если он не член этой правящей верхушки, не в состоянии повлиять на решения. Но пусть он и не открещивается — ведь выражает это решение в конечном счете и его желание: сохранить свою власть и привилегии независимо от того, хороша или плоха политика, которую нужно ради этого проводить. Да, не все члены класса номенклатуры согласны с курсом, проводимым руководством этого класса. Но какие выводы они сделали?

Не будем говорить об открытой критике этого курса: нельзя требовать от обычного человека героизма академика Сахарова. Но кто из несогласных покинул номенклатуру, добровольно перешел на неноменклатурную работу по специальности, отказался от благ, связанных с пребыванием в правящем классе? Назовите таких!

Конечно, как и в нацистском рейхе в аналогичном случае, существует удобный аргумент: порядочные люди в номенклатуре могут все-таки делать что-то хорошее, а если они уйдут, в номенклатуре останутся только проходимцы, и будет еще хуже. Это верно, если порядочные номенклатурщики действительно делают что-то положительное. Но вот при мне один симпатичный сотрудник ЦК КПСС деликатно и любезно убеждал по телефону академика Капицу написать лживое письмо в газету «Таймс» о том, что он, Капица, отнюдь не протестовал против заклю-

чения Жореса Медведева в сумасшедший дом — и не протестовал-де потому, что Медведев действительно психически болен. В том-то и беда, что честный человек в классе номенклатуры вынужден, если он больше всего на свете хочет там остаться, проводить линию своего класса-паразита. Паразитами номенклатурщиков делает не их индивидуальность, а сама система реального социализма.

Еще не осознав смысл этого процесса, я столкнулся с ним сразу же, как только соприкоснулся с миром номенклатуры. В январе 1947 года в Берлине меня направили в Союзный контрольный совет в Советскую секцию отдела протокола и связи (Soviet Element, Protocol and Liaison Section). Раньше начальник секции, подполковник Мартынов, сам вынужден был писать бумаги; хотя было их немного, он остро ощущал, что не номенклатурное это дело, и добился моего прикомандирования. Отныне писал бумаги я, а подполковник их подписывал и ездил на приемы. Однако как начальнику ему стало стыдно не иметь заместителя. Он добился, что ему был прислан заместитель — майор Краинский. С тех пор веселый майор рассказывал анекдоты и бесконечно острил, подполковник покровительственно ржал, а я писал бумаги и еще имел достаточно свободного времени.

Позже я привык, что номенклатурщик, если только он не рядовой сотрудник номенклатурного аппарата, а какой-нибудь начальник, непременно требует себе заместителя, если можно — нескольких заместителей, чтобы самому осуществлять «общее руководство».

Номенклатурному начальнику совестно самому работать. Один мой знакомый — бывший радиожурналист с бойким пером — стал директором научного института, то есть вошел в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС. С тех пор за него пишут не только доклады и статьи, но даже самые несложные письма. Когда ответственный секретарь Советского комитета защиты мира Котов попросил меня написать, как принято говорить, «проект» статьи председателя комитета Н. С. Тихонова, я смущенно пробормотал, что Тихонов — известный писатель. «Николай Семенович не просто писатель,— наставительно сказал Котов.— Он секретарь Союза писателей СССР и председатель Советского комитета защиты мира». Этим было все сказано: номенклатурный писатель был слишком важен для того, чтобы писать.

Дух номенклатуры — это дух паразитизма. Подобно тому, как госпожа Простакова в фонвизинском «Недорос-

ле» говорила, что не дворянское дело — знать географию, на то кучера есть, в номенклатуре считается, что не номенклатурное дело — работать, на то есть подчиненный аппарат.

5. БЫТИЕ НОМЕНКЛАТУРЫ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЕЕ СОЗНАНИЕ

Маркс дал ставшую общеизвестной формулу: «Не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их общественное бытие определяет их сознание» [5]. Общественное бытие номенклатуры как диктаторски господствующего, эксплуататорского, привилегированного и паразитического класса полностью определяет ее сознание.

Мораль номенклатуры сформирована ее «отцами» — Лениным и Сталиным. Ленин поучал комсомольцев: «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем», «нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата» [6], то есть борьбе за установление диктатуры номенклатуры.

«...Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата», то есть созданию нового эксплуататорского общества во главе с самозваным «авангардом пролетариата» — номенклатурой. Сталин теоретизировал меньше, зато он выразительно показал миру, что означает эта новая мораль.

Из советских библиотек давно уже были изъяты исследования советских социологов 20-х годов. Изъяты они неспроста: в исследованиях констатировалось быстрое возрастание среди населения черствости, жестокости, циничного эгоизма и карьеризма. Особенно четко проявлялась эта тенденция среди молодежи. Таким образом, речь шла явно не о «пережитках капитализма», а о новом явлении. Дальнейшие исследования были запрещены, вместо этого начались нудные декламации о «новом советском человеке», который безгранично любит партию и ее ленинский ЦК и самоотверженно трудится на благо социалистической Родины.

А ведь отмеченное социологами явление легко объясняется именно с марксистской точки зрения. Маркс и Энгельс писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила» [7].

Классовая мораль номенклатуры распространилась в подвластном ей обществе. Но как бы сильно ни были заражены различные группы общества этой моралью, концентрированное свое выражение она находит в рядах самой номенклатуры.

Мы уже говорили: номенклатурщик пользуется властью и привилегиями не потому, что он работает, а потому, что они причитаются ему по занимаемому им посту. Пост же он получает по решению руководящего партийного органа. Чтобы добиться такого решения, человек должен быть удачливым карьеристом. Вот почему в среде номенклатуры царит дух карьеризма.

Карьеризм — основной признак классового мышления номенклатуры. Все помыслы номенклатурщика вертятся вокруг его карьеры. Он непрестанно продумывает свои маневры с целью взобраться еще выше — «вырасти», как выразительно говорят на номенклатурном жаргоне. Номенклатурщики знают неписаное правило: только тот может удержать свой пост в номенклатуре, кто старается вырасти; тот, кто старается только удержать пост, потеряет его, так как будет вытеснен лезущим снизу. Для того же, чтобы действительно вырасти, надо приложить исключительные усилия.

Неудивительно, что в этой постоянной скачке с препятствиями номенклатурщики готовы использовать любые средства, только бы они обеспечивали успех. Ни в какой другой среде не видел я столько интриг, как в номенклатурной, и столько ханжества с целью представить интриганство «партийной принципиальностью». Даже порядочные, симпатичные члены класса номенклатуры прибегают к этим интригам — иначе они лишатся своей принадлежности к номенклатуре, а это для каждого номенклатурщика — главная радость в жизни.

Со смелой откровенностью написала «Литературная газета» еще в 1986 году: «Номенклатурные единицы, для которых этот их статус единственно важен, а все остальное — долг, любовь, дружба, верность, семья — имеет значение лишь с точки зрения полезности. Собственного «я» нет, они давно отказались от него. Отказались от своих привычек, от своих убеждений (если они когда-нибудь были), от своего голоса.

Мудрено ли, что они так держатся друг за дружку? Мудрено ли, что они панически боятся всего нового — и новых людей, и новых идей? Жизни боятся, живой жизни, но та все же берет свое. Вот и корчатся от страха.

Давайте не забывать, что они сильны и опасны, особенно сейчас, когда объяты страхом потерять место под солнцем» [8].

Выше отмечались классовая спайка номенклатуры, сплоченность номенклатурщиков в отношении всех других. Скажем теперь и об оборотной стороне этого явления — о постоянном ощущении одиночества, свойственном каждому члену класса номенклатуры. Каждый из них отдает себе отчет в том, что именно его собратья по классу и являются самыми опасными его соперниками. Они поддерживают его лишь до тех пор, пока это в их интересах, и с превеликим удовольствием вышвырнут его, как только он перестанет быть им нужен. Номенклатурщик, привычно разглагольствующий о «волчьих законах капитализма», ощущает себя волком в стае волков — хотя и среди своих, но одиноким и в постоянной опасности. Вероятно, это неизбежно в «новом классе» деклассированных выскочек.

Такое мироощущение номенклатуры выразительно описал Эдуард Багрицкий, считающийся классиком советской поэзии:

> Твое одиночество веку под стать.
> Оглянешься — а вокруг враги;
> Руки протянешь — и нет друзей;
> Но если он скажет: «Солги»,— солги,
> Но если он скажет: «Убей»,— убей [9].

6. РАЗГОВОР С НОМЕНКЛАТУРНЫМ РАБОТНИКОМ

Что говорят в оправдание своей жизненной позиции те умные и честные номенклатурщики, о которых упоминалось выше?

Из многих бесед, свидетелем или участником которых мне довелось быть, можно выкристаллизовать следующую схему их аргументации — пусть не в таких словах, но такую по смыслу.

«Да, мы установили свою диктатуру. Мы не верим в демократию: она ведет лишь к слабости и разболтанности, а мы хотим, чтобы страна была сильной и по-военному подтянутой. Да, мы истребили миллионы людей, мы и сегодня действуем методами полицейского террора и наблюдения — но это необходимо для того, чтобы поддерживать в стране порядок. Да, мы пресекаем любую оппозицию, потому что она может увлечь за собой народ, и снова восторжествует стихия разболтанности. Да, народ нас не выби-

рал — но он нас боится и терпит. Мы же не считаем, что в историческом масштабе мы заслужили его ненависть. Пусть под нашей властью жить не так приятно, как в западных демократиях, зато мы сделали страну могучей в военном отношении и эти же хваленые демократии перед нами трясутся. Пусть не существует законов истории, которые пророчили бы нам победу, но мы рассчитываем, что демократиям с нами не справиться, а это и означает, что будущее принадлежит нам. Наши привилегии — справедливая награда за жесткое, но правильное руководство обществом. Мы не верим в слюнтяйские рассуждения о всеобщем равенстве — его не было и не будет. Никакого бесклассового общества мы не строим, а стараемся увековечить свое господство. Однако это хорошо и для всей страны — мы считаем, что не только она нужна нам, чтобы ею править, но и мы ей нужны как твердые и уверенные правители. Пусть наша власть тягостна для подданных — она гораздо лучше той анархии, которая наступит, если нас не станет».

Давайте ответим на эту, видимо, искреннюю аргументацию номенклатурщиков, или номенклатурных работников, как они себя называют.

«Вы стращаете нас анархией и восхваляете свое «жесткое» руководство. А где доказательства того, что без вашей диктатуры в Советском Союзе была бы анархия? В мире много стран, где нет ни номенклатуры, ни анархии. Результат вашей монопольной власти — это постоянное недопроизводство, низкий жизненный уровень населения. Строить ядерные ракеты — еще не значит развить страну. От западной границы России до Тихого океана люди живут на севере — в избах, а на юге — в мазанках, как тысячу лет назад. Приезжающие из Советского Союза на Запад не верят, что поселки с комфортабельными каменными домами, улицами, магазинами и ресторанами — это деревни и живут там крестьяне. Им не верится, что крестьянство в западных странах составляет всего 3—6% населения, и все же оно прокармливает весь народ да еще продает излишки за границу — не в последнюю очередь в Советский Союз, где в деревне работает каждый шестой житель страны. Эмигранты из СССР, попав в Вену — первую их станцию на свободной от вас земле,— рвутся покупать себе вещи на последние деньги, боясь, что иначе не достанется: так вы приучили своих подданных к постоянному дефициту. Вы не развили страну, а задержали ее развитие. Так что же хвалиться своим руководством?

Вы гордитесь военной силой своего государства. А нужна она народу? Что ему от того, что другие страны вас боятся? Вооруженного бандита люди тоже боятся — значит, надо быть бандитом?

Ваша пропаганда пытается прикрыть все это словами о «развитом социализме», «социалистических завоеваниях» и «победах», миролюбии и «неуклонном росте материального благосостояния». Кого вы обманываете? Самих себя. Ведь созданная вашим хозяйничаньем нищета отражается и на вас, номенклатурных работниках. Вы прорвались к привилегиям, которые вам кажутся великолепными. Вы, ответственный сотрудник ЦК КПСС, горды тем, что занимаете с женой и двумя детьми трехкомнатную квартиру. А на Западе рядовая семья из четырех человек занимает как минимум такую же, а скорее всего — бо́льшую. Вы счастливы тем, что были посланы в прошлом году решением Секретариата ЦК на неделю в командировку в Италию — а в Западной Европе любой рабочий паренек или студент берет свой мотоцикл и катит на весь отпуск путешествовать по Италии. Вы с тщательно скрываемым торжеством получаете дефицитные продукты в спецбуфете ЦК — а на Западе в любом магазине каждый может их купить да в гораздо большем выборе. Вы перехитрили самих себя: установили систему, при которой вам же живется хуже, чем жилось бы без нее. Диктаторски правящие в подчиненных вам странах, вы сами не свободны по сравнению с людьми, живущими на Западе да и в третьем мире. Вам живется хорошо только в сравнении с вашими же подданными. Подумайте: ведь это патология — жить хуже, чем вы могли бы, ради того только, чтобы всем другим в стране было еще хуже!

Что же удивляться, что люди от вас бегут! Сколько уже ушло их на Запад — номенклатурных работников! Ушел советский заместитель генерального секретаря ООН Шевченко; ушел Сташинский, предпочтя вашим наградам за убийства 8 лет тюрьмы на Западе. Ежегодно уходят то в одной, то в другой стране дипломаты и разведчики, музыканты, танцоры, спортсмены. Люди бросают ваши привилегии и уходят жить в нормальный мир, который настолько щедрее вашего — и духовно, и материально!»

Может быть, задумается номенклатурный работник над своей жизнью, своими ценностями, своей системой? Может быть, задумается он всерьез и над тем, чем кончится диктатура номенклатуры, так бездумно множащая с каждым днем число своих врагов?

А пока, чтобы не думать и других отучить, номенклатура ведет шумную пропаганду. Она старается всем навязать представление, будто номенклатурщики — самоотверженные герои, слуги народа, мученики во имя его блага.

Почитайте эту саморекламу номенклатуры: как они неразрывно связаны с народом, плоть от его плоти и кость от его кости; как они день и ночь только и живут думами о счастье народном; как не стремятся они ни к каким привилегиям, кроме одной — послужить народу; и все помыслы свои отдают этому служению, и нет для них важнее цели, чем благоденствие народа и его свобода, и ради этого они, не щадя своих сил, строят бесклассовое коммунистическое общество. И так далее, и тому подобное.

Водопад елейной лжи сплошным потоком низвергается в выпускаемых по социальному заказу номенклатуры газетах, книгах, по радио и телевидению, в театрах и кино, в речах и докладах. Да и каждый номенклатурщик в отдельности — то с наигранным пафосом, то с наигранной же задушевностью, а то и просто со скукой — повторяет эту ложь.

Мольеровский Тартюф и щедринский Иудушка Головлев, собственно, ничего из ряда вон выходящего не совершили. Но именно разница между их подленьким поведением и благородной маской святости, которую они напяливали, сделала этих святош отрицательными типами мировой литературы. Так и номенклатура — класс-Иудушка, класс-Тартюф — своим ханжеством заслужила суровую оценку.

Между тем номенклатура не только приписывает себе качества, прямо противоположные ее истинной природе,— она требует от всех признавать за ней такие качества. Номенклатура негодует и обвиняет в антикоммунизме и антисоветчине тех, кто даже в свободных от нее странах решается усомниться в ее моральных доблестях. А уж там, где номенклатура властвует,— горе усомнившемуся!

Следствие того, что правящая номенклатура паразитирует на моральных категориях, которые ей внутренне чужды,— это воцарившееся в советском обществе «двоемыслие», как назвал это явление Оруэлл в романе «1984». Все общество опутано клейкими тенетами номенклатурной лжи, разорвать их хоть где-нибудь нельзя — на вас сразу же, как гигантский паук, набросится номенклатура. Все от яслей до гроба должны повторять казенную

неправду и восхвалять «партию», как именуется в официальной пропаганде класс номенклатуры.

Да, годы «гласности» и лозунги «перестройки» приоткрыли шлюзы, люди стали говорить и писать свободнее — хотя все равно не так свободно, как на Западе. И потом: надолго ли это?

Ложь, насильственно распространяемая паразитирующей номенклатурой, настолько переполнила все поры советского общества, что в нем как элементарная гигиеническая реакция самосохранения возник сформулированный Солженицыным лозунг: «Жить не по лжи».

Вот и я ему следую: пишу о советском обществе не то, что, бывало, повторял — сталинскую схему о двух дружественных классах и прослойке интеллигенции. Пишу то, что вы сейчас читаете. Пишу правду.

И главу эту я завершу двумя портретами номенклатурщиков — тоже написанными с натуры: первый из сравнительно отдаленного прошлого, по материалам секретного архива; второй из недавнего, по собственным наблюдениям.

8. СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Это ощущение я уже испытал. Помню, как много лет назад, молодым переводчиком на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, я с нараставшим отвращением листал фотокопии (назывались они там по-американски «фотостатами») документов, расцвеченных подписями, визами, резолюциями,— и виделись за ними судьбы людей, искалеченных этими безжалостными бумагами. Вот и сейчас я с тем же чувством листаю фотокопии. Только сделаны они с секретных документов не нацистских ведомств, а Западного обкома ВКП(б) и хранятся ныне в Вашингтоне в так называемом Смоленском архиве.

Хороший обзор этого архива дал покойный американский профессор Мерл Фейнсод [10]. Обзор этот не исчерпал всего богатства архива. Мы же здесь займемся вообще, казалось бы, частным вопросом: полюбуемся на образ периферийного номенклатурщика, который встает перед нами не из произведений социалистического реализма (вроде романа Всеволода Кочетова «Секретарь обкома» или кинофильмов «Великий гражданин» и «Член правительства»), а из этих вот бумаг его повседневной деятельности.

Итак: место действия — городок Козельск, один из многочисленных районных центров Западной области. Время

действия — 1936 год, год принятия сталинской Конституции и канун ежовщины.

А вот и действующие лица: Деменок Петр Михайлович, секретарь Козельского райкома ВКП(б), адрес — город Козельск, Советская улица, дом бывший Щеголева. В том же, видимо, конфискованном у местного домовладельца доме проживает и заместитель Деменка — Балобешко Иосиф Петрович, второй секретарь райкома. Наконец, третье действующее лицо — начальник районного отделения УНКВД Западной области младший лейтенант государственной безопасности А. Цебур.

Это вожди Козельского района. Деменок и Балобешко — не только руководители 420 коммунистов Козельской парторганизации. Лишь их два имени стоят в документе под маловразумительным названием «Список руководителей и заместителей Козельского РК ВКП(б)», коим должна непосредственно вручаться «Поверочная, опытная и мобилизационная «телеграмма» [11]. Вот уж поистине это, по старому русскому выражению, цари, боги и воинские начальники!

Над этой тройкой козельских вождей возвышаются, как громовержцы на Олимпе, секретари Западного обкома ВКП(б) в Смоленске. Это первый секретарь обкома Румянцев и секретарь обкома Шильман (год 1936-й, евреи еще не изгнаны из партийного аппарата).

Но не кончается на смоленском Олимпе горизонт козельских градоначальников. Вот пакет с надписью «Секретариат Центрального Комитета. Москва. Старая площадь, дом 4. № ОБ43/1С». Пакет — от Оргбюро ЦК ВКП(б), адресован товарищу Деменку П. М. Присланы инструкция и выписка из протокола заседания оргбюро. А вот письмо, тоже Деменку, где появляются имена исторические. Процитируем документ полностью:

«*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Строго секретно. Подлежит возврату.

Всесоюзная Коммунистическая партия (б). Центральный Комитет. Особый сектор. № П2600. Экземпляр № 2403.

Товарищ Деменок! По поручению товарища Сталина препровождается вам стенографический отчет заседания Пленума ЦК ВКП(б) от 21—25 декабря 1935 года. Зав. О. С. ЦК А. Поскребышев» [12].

Так зримо протягивается нить от «отца» номенклатуры к козельскому номенклатурщику. Герой нашего повествования — не просто провинциал, хозяйничающий над зате-

рявшимся в просторах России Козельским районом; он органическая составная часть того, что объединяет его со Сталиным,— номенклатуры.

Мы застаем Деменка в тот момент, когда он докладывает секретарю обкома Шильману: «Сообщаю, что я по выздоровлении вступил в исполнение своих обязанностей и работаю с 16 апреля». Очередная же работа секретаря райкома будет состоять в проведении обмена партдокументов — это придуманная номенклатурной верхушкой форма чистки партии. В масштабе всего Союза возглавлял эту операцию Ежов, находившийся тогда в ЦК партии и не сделавшийся еще наркомом внутренних дел. Смысл проверки партийных документов — это исключение неблагонадежных, неугодных партруководству.

Исключение человека из партии в Советском Союзе — страшная катастрофа для исключенного. Можно быть беспартийным: карьеры особой не сделаешь, но просуществуешь. А исключенный из партии — это человек заклейменный, над которым занесен топор для расправы. Угрозой исключения и держит класс номенклатуры в повиновении массу членов партии.

Деменок это знает — и вот как он расправляется с людьми. К моменту возвращения после болезни, 17 апреля 1936 года, в его организации исключено всего 5 членов и кандидатов партии [13]. А уже через 3 недели, 8 мая, Деменок радостно докладывает в обком, что исключено 46 членов и 36 кандидатов партии [14] — почти 20% парторганизации района, каждого пятого исключил Деменок из ВКП(б)!

Исключение из партии — страшный удар для человека. Но особенно он ужасен, а в условиях надвигающейся ежовщины скорее всего смертелен, если райком записывает при исключении политическую формулировку. И понимает секретарь Козельского райкома, что он делает, когда пишет, что некто Пузенин Иван Гаврилович «из рядов ВКП(б) исключен как происходящий из кулацкой семьи, хозяйство которого имело молотильную машину, кирпичный завод, применяло наемный труд. За неоднократное дезертирство из Красной Армии в период гражданской войны и укрытие всего этого при вступлении в партию» [15]. Чего стоит лишь одно «неоднократное дезертирство из Красной Армии в период гражданской войны»! Да за однократное и то полагается расстрел!

Каждый исключенный из партии по политическим мотивам — кандидат на физическое уничтожение. Первый

секретарь обкома Румянцев пишет 21 января 1936 года строго секретную директиву секретарям райкомов:

«При поездке в обком 29/I на совещание секретарей привезите для меня лично следующие сведения: 1) как вы оцениваете настроения исключенных из ВКП(б) вашего района и учитываете ли вы вообще эти настроения; 2) какие у вас факты контрреволюционной работы той или иной группы или отдельных лиц исключенных; 3) какие мероприятия вы провели и считаете нужным еще провести по отношению исключенных, чтобы пресечь контрреволюционную работу... 4) сколько человек из исключенных, кого персонально и по каким причинам вы считаете уже сейчас политически или социально опасным и вредным пребывание в вашем районе.

К составлению этих сведений разрешаю привлечь только второго секретаря и уполномоченного НКВД» [16].

29 апреля обком посылает сов. секретным письмом карточки для заполнения на исключенных из партии во время проверки партдокументов. В письме подчеркнуто: «На все поставленные в карточке вопросы должны быть даны точные и исчерпывающие ответы. Предупреждаем, что эти сведения на исключенных собираются нами по заданию ЦК ВКП(б). Заполненные карточки обязательно без напоминаний выслать в ОРПО * обкома не позднее 7 мая. Учтите, мы обязаны твердыми сроками» [17].

В сов. секретном письме от 22 апреля обком предлагает:

«Установить особый контроль за исключенными из партии, знать, где они работают, их настроения, следить за враждебными элементами. В этом духе воспитывать секретарей парткомов и парторгов» [18].

Опытный номенклатурщик Деменок отлично понимает смысл этих зловещих писем обкома. В сов. секретном письме «Об исключенных из партии коммунистах» Деменок докладывает в обком:

«По получении письма из обкома нами проинструктированы парторги — в части установления контроля за настроением и поведением исключенных. О всех фактах вредных действий будет сообщено».

И тут же Деменок вставляет свой первый донос:

«30 апреля на торжественном заседании рабочих стекольного завода, на котором присутствовал представитель РК, исключенный из партии Купреенко, приехавший на стекольный завод из Белоруссии с месяц тому на-

* ОРПО — Отдел руководящих партийных органов.

зад, выступил с антисоветской речью — мол, в жизни рабочего разницы нет, что до революции, что теперь. Есть сведения, что этот Купреенко — бывший директор или зам. завода в Белоруссии. Точно, что он из себя представляет, мы теперь проверяем»[19].

И начинает секретарь райкома вдохновенно строчить доносы, сталкивая одного за другим людей в пропасть архипелага ГУЛАГ. Сейчас вы увидите, читатель, как пишутся такие доносы.

«Начальнику НКВД тов. Цебур. Копия: райпрокурору тов. Кочергину Козельского РК ВКП(б). Исключенный из партии в 1934 году кандидат партии Матвеев Иван Васильевич (бывш. председатель колхоза «Новая жизнь» Бельдинского сельсовета) за разложение, злоупотребление и другие преступления пытался несколько раз после этого побить и угрожал убить председателя колхоза комсомольца Мишина — честно работающего товарища. По-прежнему пьянствует, проводит подрывную работу в колхозе. Колхозники совершенно справедливо возмущаются поведением Матвеева. Кроме того, Матвеев по происхождению является кулаком, открыто проводит антисоветскую работу. Прошу в срочном порядке завести на Матвеева дело для привлечения к уголовной ответственности по всем строгостям наших законов. О результатах прошу сообщить к 10 января 1936 года. Секретарь РК ВКП(б) Деменок. 3/I — 1936 года» [20].

Или так:

«Сов. секретно. НКВД. Тов. Цебур. В квартире колхозника Хромова Афанасия (колхоз «Красный Октябрь» Плюсковского сельсовета) 22/6 — 1936 года обнаружен портрет Троцкого в квартире. Хромов по сведениям разложившийся колхозник и ведет в колхозе подрывную работу. За то, что колхозник Ульянов Василий донес об этом, Хромов избил отца Ульянова. Просьба принять меры к расследованию и привлечению Хромова к ответственности. Деменок. 5/11 — 1936 года»[21].

Секретарь райкома доносит НКВД не только на тех, кто его окружает. Вот он натужно вытягивает из своей памяти имена людей, которых когда-то встречал и, верно, невзлюбил, а теперь пользуется возможностью бросить их в мясорубку.

«Секретно. Здесь. НКВД. Тов. Цебур. После прочтения закрытого письма ЦК ВКП(б) о террористической деятельности зиновьевско-троцкистского блока я вспомнил троцкистов, боровшихся против партии. Помню, в 1924—

1925 году в Ново-Зыбковскую парторганизацию Западной области, очевидно, по поручению троцкистского центра, приезжал член партии Ковалев — имени не знаю — с целью склонить парторганизацию в пользу Троцкого. С троцкистской речью выступал на активе с докладом. Партийная организация тогда дала ему решительный отпор, однако возможно, что он и до сих пор является членом партии и до сих пор не разоблачен как троцкист. Сообщаю об этом для принятия необходимых мер. Ковалев в то время учился в свердловском вузе. Сам происходил из Климовского района Западной области, сын дьячка. Секретарь Козельского РК ВКП(б) Деменок»[22].

Позвольте, но ведь это было в 1924 году, когда по решению ЦК партии проводилась общепартийная дискуссия! Ковалев последовал тогда призыву своего ЦК и выступил в дискуссии. Как же может секретарь райкома партии писать теперь на него за это донос в НКВД?

Чуждо номенклатурщику такое наивное рассуждение. Деменок знает: да, 12 лет назад за выступление не сажали, поэтому он тогда и не писал донос в НКВД; а теперь времена изменились, он пользуется случаем и пишет донос на Ковалева.

И не только на Ковалева. Вот еще один документ:

«Секретно. Запобком ВКП(б).

После прочтения закрытого письма ЦК ВКП(б) о террористической деятельности зиновьевско-троцкистского блока я восстановил в памяти троцкистов, активно боровшихся против партии. Помню, в 1925—1926 гг., когда я работал секретарем Ново-Зыбковского волкома ВКП(б), в это время в волкоме работал в качестве агитпропа Каркузевич, имя, кажется, Михаил, член ВКП(б) с 1917 года, железнодорожник. Каркузевич в это время был активным троцкистом, он не только клеветал на партию и на вождя тов. Сталина, но дело дошло до того, что он демонстративно отказался в партийной сети прорабатывать решение 14 партсъезда, так как с этими решениями он был несогласен и считал их неправильными. Мы тогда его сняли с работы, кажется, было объявлено партийное взыскание, но в партии он оставался и где работал, я не знаю, но припоминаю, что работал в военизированной охране на железной дороге в Белоруссии. Возможно, что он и до сих пор не разоблачен. Сообщаю об этом для принятия необходимых мер. Секретарь Козельского РК ВКП(б) Деменок»[23].

Вдумайтесь в этот документ, читатель. Вот как на протяжении ряда лет номенклатурщик Деменок преследует человека, имя которого он уже забыл. Тогда, в 1926 году, выгнал Каркузевича с работы из своего волостного комитета партии, и пошел этот человек, коммунист с 1917 года, работать железнодорожным сторожем. Кажется, успокоиться на этом секретарю райкома. Но не таков номенклатурщик! Сейчас, через 10 лет, представляется возможность физически уничтожить затоптанного им тогда в грязь человека — и он пишет свое письмо в обком, этот убийца за письменным столом.

Убийца? А может быть, секретарь райкома рассчитывает на то, что он только подает сигнал, а уж там, в НКВД, объективно разберутся? Может быть, наивен Деменок?

Нет, не наивен. Дело в том, что он регулярно получает от Цебура сов. секретные справки на людей, исключенных райкомом из партии. Давайте и мы с вами почитаем сейчас эти справки, которые читал тогда товарищ Деменок.

«Совершенно секретно. Справка по исключенцам. Козельский район.

Лагутин Дмитрий Иванович, 1898 года рождения... Имеет на иждивении жену 40 лет, троих детей 16, 14 и 11 лет. До исключения занимал должность председателя ОРСа* леспромхоза, сейчас сторож лесного склада гортопа, жена техраб. педтехникума».

Итак, человек, уже, казалось бы, растоптанный Деменком: исключили из партии, выгнали с работы, устроился сторожем на складе, жена — уборщица в техникуме, на иждивении — трое малолетних детей. Ну чего еще надо номенклатурщику-энкавэдисту?

Надо уничтожить физически. Для этого справка заканчивается следующим абзацем:

«После исключения Лагутин ведет к.-р. действия против партии. В декабре месяце в беседе с сослуживцем по леспромхозу Граниным и другим (говорил), что большевики подбирают только своих, обозвал нецензурно руководителя партии и т. д. После этого, не имея определенных занятий, пьянствовал и устроился работать сторожем лесосклада в гортопе. Имеет револьвер системы «наган». Затем красуется подпись Цебура[24].

Вот и все. Видите, какой контрреволюционер: сказал, что «большевики подбирают только своих»,— а они, что же, чужих подбирают или хотя бы претендуют на

* ОРС — отдел рабочего снабжения.

то, что подбирают не своих? Ведь нет. А еще он, видите ли, обозвал нецензурно руководителя партии: какого — не сказано, но имеется в виду явно не Сталин, об этом было бы написано; скорее всего речь идет о самом Деменке. Дальше фантазия начальника райНКВД иссякла, так что он написал «и т. д.». А в конце добавил о нагане. Ход мыслей энкавэдиста ясен: готовится покушаться на руководителей партии, террорист. А у человека-то револьвер потому, что он работает сторожем. Цебур ведет дело явно к аресту.

Вот следующая «справка по исключенцам»: Пузенин, на иждивении имеет жену и двух детей, 6 и 4 лет. «В момент возникновения дела работал председателем правления Козельского райпотребсоюза». В чем же состоит «дело»? «Обвиняется в том, что Пузенин происходит из кулацкой семьи». А кроме того, «в период гражданской войны с 1919 года по 1920 год все время уклонялся от службы в Красной Армии, неоднократно дезертировал»[25]. Так как же все-таки: за этот год он все время уклонялся от призыва в армию или неоднократно дезертировал из нее? Но ведь это начальнику НКВД безразлично: просто надо написать что-нибудь порочащее человека, а о логике кто там заботится!

А когда об исключенном совсем уж нечего придумать, Цебур пишет так:

«Работая в колхозе, занимается пьянством и разлагает колхозников, имея связь с разложившимися, проводит дезорганизацию колхозного хозяйства. В данное время в колхозе работает простым колхозником и своими действиями влияет на других»[26].

И достаточно! Или о другом исключенном из партии колхознике Степине (на иждивении жена и трое малолетних детей):

«Работая в колхозе, Степин пьянствует, работает с нежеланием и как кулак имеет влияние на колхозников, следствием этого недовольство и невыполнение государственных обязательств»[27].

Видите, как все просто.

А вот полюбуйтесь, как козельский начальник НКВД собирает в одну кучу буквально все, что только может отыскать, чтобы опорочить человека. Справка на исключенного из партии Короткова, бывшего директора межрайонной тракторно-механической школы:

«Работая директором межрайонной школы, принял в аппарат в должности инженера Капачинского, сына

попа, вычищенного из военной академии. Имеет связи в городе Москве с работником отдела кадров Наркомзема СССР Арсентьевым, через которого добивался премирования школы, предлагая последнему взятки, тогда как в школе имелись уходы курсантов во время учебного года от занятий домой. В 1934 году Коротков производил ремонт тракторов с большим опозданием, чем срывал подготовку тракторного парка, имея раскулаченного отца и брата, поддерживает с ними связь, и собирается купить себе дом. Присвоил разное имущество, в его квартире собирались исключенные: Кац, Данилкин, какие разговоры велись, неизвестно»[28].

Читателю, вероятно, хочется посмеяться над всей этой безграмотной пачкотней младшего лейтенанта госбезопасности. А смеяться не надо. Ведь в руках этого мелкого номенклатурщика — человеческие судьбы, и мы видим, как злобно коверкает он их.

Номенклатурщик из НКВД не ограничивается тем, что затаптывает людей, брошенных ему на расправу Деменком. Он сам тянет новых в ту же трясину. Вот его очередное письмо Деменку:

«Совершенно секретно. Серия «К». Во время обыска бывшего члена ВКП(б) Гутовца Б. А. было обнаружено удостоверение о благонадежности Гутовца, которое выдано заврафо Дроздовым, Гутовец этим удостоверением очень гордился и думал его использовать в дальнейшем». И дальше приписка Цебура от руки: «Прошу на Дроздова вопрос поставить на бюро»[29].

Между тем приложенное тут же удостоверение, выданное злополучным Дроздовым, вовсе не «о благонадежности», а о том, что Гутовец — хороший работник и что он командируется в Ленинград на учебу в финансово-экономический институт[30]. В благонадежности же Гутовца сами номенклатурщики еще недавно не сомневались: ведь Гутовец был председателем Козельского горсовета!

Между тем Гутовец уже осужден спецколлегией Запоблсуда по пресловутой статье 58-10 часть 1 сроком на 5 лет и уже из тюрьмы пишет донос на выступавшего по его делу свидетеля: тот-де являлся в 1926—1927 годах руководителем секты баптистов[31]. И независимый советский суд шлет этот донос секретной бумагой все тому же Деменку — «на распоряжение»[32]. Распоряжение же это будет состоять в том, что свидетеля выгонят из партии, потом попадет он в руки Цебура, а потом предстанет перед той же спецколлегией Запоблсуда и в свою очередь станет

доносить на свидетелей по своему делу. Так снежным комом растет число жертв козельских номенклатурщиков.

А им все мало. Вот начальник козельского НКВД пишет Деменку очередное письмо («совершенно секретно, литер «А»): «О вредительско-хищнической деятельности козельской конторы Заготскот». Сообщается, что козельское райотделение НКВД завело следственное дело на 6 человек, двое из них — члены партии. В каком же вредительстве их обвиняют? А они, видите ли, «на протяжении 1935 года занимались пьянством, обвешиванием и обсчитыванием сдатчиков скота, обманным путем составляли фиктивные ведомости на несуществующий скот, получали от госбанка ссуды, расхищали денежные средства, допускали хищнический убой и падеж скота».

Допустим, что так. Но при чем тут НКВД и какое вредительство? Единственный намек на вредительство можно усмотреть лишь в следующей невразумительной фразе: «Родин систематически пьянствовал со своими подчиненными и с чуждыми лицами... И это происходило в лице работников Заготскота, чем разложил весь аппарат, дошел до того, что рабочие выражаются нецензурными словами...» — как будто они до этого изъяснялись тургеневской прозой. Но выводы из всего этого косноязычного бреда суровы:

«Принимая во внимание, что преступная деятельность управляющего Родина и завбазой Мишина подтверждается документами и следственными показаниями, прошу поставить вопрос на бюро райкома об исключении Родина и Мишина из партии.

После исключения из партии Родин и Мишин будут арестованы и взяты под стражу»[33].

Остальные четверо — беспартийные, на их арест согласия Деменка не надо.

Мы взглянули с вами, читатель, на то, что сообщает о своей работе Деменку козельский НКВД. Так что нет оснований заподозрить Деменка в идеализме. Он отлично понимает, что люди, выталкиваемые им из партии в лапы НКВД, не могут надеяться ни на какой сколько-нибудь объективный разбор своих «дел». А он все ищет новых жертв. Вот собственноручно написанное им письмо:

«Строго секретно. Город Кузнецк, горком ВКП(б). По имеющимся у нас сведениям член ВКП(б), партстаж с 1917 года, Полосухин Николай Иванович, работавший с 1922 по 1923 год в городе Кузнецке заворг. отделом укома ныне работает у нас город Козельск Западной облас-

ти начальником новостроящейся железной дороги Тула — Сухиничи — участвовал в троцкистской работе. Об этом он нам ничего не сказал. Просим срочно нам сообщить, действительно ли Полосухин участвовал в троцкистской работе, если да, то когда и в чем эта деятельность выражалась»[34].

Вот он исключает из партии Волкова, колхозника, демобилизовавшегося из Красной Армии. За что? А Волков, видите ли, «активно защищал своих братьев, осужденных за контрреволюцию»[35]. Вот он исключает из партии Косарева за утерю кандидатской карточки. Тут же прилагается сама эта утерянная и найденная Косаревым же кандидатская карточка; но исключение остается в силе — со всеми вытекающими из него последствиями[36].

Впрочем, неверно было бы рисовать секретаря райкома в слишком черных тонах. Не чужды ему человеческие порывы. Правда, они и не часты: в архиве — всего лишь одна бумага, показывающая, как Деменок пытается выручить человека, да и в этом единственном случае человек — угодный Деменку проходимец.

Документ этот с грифом «секретно» любопытен не только для характеристики человеческих качеств нашего героя, но и как еще одна иллюстрация «независимости» советского суда. Вот как в условиях этой своеобразной независимости осуществляется партийное руководство деятельностью суда:

«Секретно. Председателю областного суда тов. Андрианову. Решением народного суда Козельского района председатель колхоза «Большевик» Слободского сельсовета Алдонин Филипп осужден на два года лишения свободы за растрату средств колхоза и попытку склонить двух колхозниц к сожительству. Я прошу рассмотреть внимательно предъявленные обвинения Алдонину». Дальше расписаны производственные достижения колхоза, и делается вывод: «Колхоз действительно укрепляется и стоит на правильном пути своего социалистического развития». А как все-таки с растратчиком и насильником? «Действительно будучи переброшен Алдонин в другой колхоз «Искра» Драгунского сельсовета в качестве председателя — под влиянием трудных материальных условий он растратил колхозных средств около 200 рублей... Но надо учесть, что продукты, заработанные им, он еще с этого колхоза не получал и хлеб, и картофель, но конечно, он поступил неправильно в расходовании средств».

Видите, как мягко.

А что насчет колхозниц? «В отношении попыток использования колхозницы Зениной Анны — бывшего бригадира. Мы это дело по линии РК проверяли... Никаких поводов нет обвинять Алдонина в попытках. Сама Зенина заявила, что спала ночью очень крепко, а на суде показала другое». Но, может быть, на суде-то и показала правду? Этого вопроса Деменок не касается, не упоминает и о второй колхознице. Зато: «Учитывая, что все же Алдонин работает 6 лет председателем колхоза. Колхоз его...— передовой колхоз крепкий. Имеет неплохую урожайность. Честно выполняет все обязательства. Прошу при рассмотрении дела глубже изучить предъявленные ему обвинения. Секретарь Козельского РК ВКП(б) Деменок. 21/10 — 1936 года»[37].

Вот так же они и сейчас пишут или — еще проще — говорят по телефону (это называется «телефонное право»). А независимый советский суд глубже изучает и учитывает.

29 июля 1936 года ЦК ВКП(б) направил парторганизациям страны закрытое письмо «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока». Обсуждение этого письма должно было послужить увертюрой к московским процессам, первый из которых был проведен во второй половине августа 1936 года.

В Смоленском архиве находится протокол расширенного заседания бюро Козельского райкома партии от 4 августа 1936 года. Заседание было посвящено обсуждению закрытого письма. Жаль, что документ слишком длинный, так что не удастся его полностью здесь опубликовать. Но кратко об этом заседании скажем.

Присутствуют на нем члены бюро райкома — наши знакомые Деменок, Балобешко, Цебур (конечно же, и он член), а кроме них, редактор районной газеты Кавченко и председатель райисполкома Крутов. Это районная номенклатурная верхушка. Тут же сидят 12 членов пленума райкома, 27 парторгов, 12 человек так называемого районного партактива, и торжественно восседает инструктор обкома Федько.

Деменок зачитывает письмо (так полагается: закрытые письма ЦК партии и до сих пор только зачитываются вслух, на руки не выдаются). Затем начинаются прения.

Все выступления построены по одной схеме. Вначале говорится о том, что письмо ЦК должно еще больше воодушевить парторганизацию на борьбу с врагами народа и еще выше поднять классовую и политическую бдительность, а затем каждый выступающий старается перещe-

голять других в доносительстве. Вот несколько цитат.

Горохов: «В заготовительной организации есть коммунист Козин. Он имеет партвзыскание за примиренческое отношение к троцкисту. Задача коммунистов заготовительной организации следить и наблюдать за действиями Козина. Мне известно, что в Клинцовской партшколе был троцкист Глейзер... Я думаю, о нем необходимо довести до сведения обкома ВКП(б)».

Районный прокурор *Кочергин:* «Мне известно, что на новостроящейся железной дороге много работает кулаков, бывших подрядчиков, некоторые из них и сейчас имеют у себя работников». (Каких это «работников» имеют у себя мелкие служащие на железнодорожной стройке? И ведь говорит эту чушь прокурор!) Секретарь райкома комсомола *Гирин* обнаружил в присланной программе для игр с пионерами некие «контрреволюционные вопросы». «Об этом я поставил в известность обком ВЛКСМ, думаю, что товарищ Федько поставит в известность обком партии».

Особенно старается местный интеллигент — заведующий районным отделом народного образования Головин. Сначала он объявляет: «Теперь стало ясно, что у нас в МТС была группа троцкистов.— Затем старается бросить тень на одну из присутствующих:— Я думаю, работая с ними, товарищ Сергиюк должна кое-что знать о их практической деятельности. Пусть она на бюро расскажет.— Затем местный интеллигент объявляет:— Я вот естественно питаю недоверие к коммунисту Дейкину. Его нигде не видно, с народом не общается, не выступает... Я знал Энтиша, он — директор одного из заводов в Брянске в 1925—1926 году, его исключили за принадлежность к троцкизму. Об этом надо сообщить в обком ВКП(б)».

Начальник районной милиции Антонов жалуется: «Много разъезжает по району неизвестных людей. Я считаю необходимым у всех у них и у каждого проверять документы. Происходившие за последнее время пожары в лесу дают право думать, что работающие на железной дороге — разный сброд непроверенных людей. Трудно, пожалуй, сказать, что среди этих людей нет причастных к пожарам. Я стал говорить начальнику строительства дороги Полосухину об участившихся пожарах по линии строительства дороги — он мне ответил: «Где бы мы ни работали, всегда и везде были пожары». Считаю ответ неправильным. К Полосухину необходимо принять меры по линии РК».

А Федько — инструктор обкома — подстегивает собравшихся на новые доносы: «В вашем районе есть много людей, съехавшихся из многих других районов. Едут они сюда потому, что недостаточно поднята на высоту большевистская бдительность. Задача вашей организации — всемерно развивать и повышать большевистскую бдительность. Решительно и смело до конца вскрывать и разоблачать людей, которые хоть сколько-нибудь имели связь с троцкизмом в прошлом. Неважно какую, прямую или косвенную.— И тут же инструктор сам демонстрирует пример:— У нас есть Матюшин, он председатель колхоза и парторг. Сам он говорил, что он держал в своих руках платформу троцкистов. Я должен заявить, его держать в должности парторга нельзя».

А в заключение этого шабаша выступает с речью секретарь райкома Деменок. Он «просит ЦК к врагам принять самые решительные меры физического уничтожения» и, не чувствуя злейшей иронии своих слов, говорит: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее. Эти правильные слова вождя партии товарища Сталина целиком относятся к нашему району»[38].

Весело в Козельском районе. Все более длинные списки шлет в обком партии товарищ Деменок. Секретарь райкома старательно выуживает все новые жертвы. Вот несколько таких из его очередного списка:

«Трубин Филипп Иванович, член ВКП(б) с 1918 года (то есть с начала гражданской войны!— *М. В.*), зав. нефтескладом МТС, обвинялся в троцкизме, потом обвинение было снято, теперь проверяем еще раз».

«Померанцев Леонид... после разоблачения троцкистской деятельности его в доме отдыха (!) Померанцев был уволен. В данное время якобы он работает в доме отдыха в Вязьме. Померанцева надо разыскать».

Или вот так:

«Ландышев Павел Александрович — врач. Партийный. И директор неполной средней школы Климов М. В., беспартийный,— оба работают в Покровском сельсовете. С неизвестными лицами часто по вечерам собираются для советов по каким-то темным вопросам».

И достаточно!

А то и того проще:

«Лукьянов, дежурный по станции Киреевск нашего района антисоветский человек. Дело в разработке».

Или еще так:

«Козодой, член ВЛКСМ (имя и отчество еще не установили), где теперь находится, неизвестно. В 1929 году работал в столовой горпо, был связан с троцкистской группой, у Козодоя была обнаружена платформа троцкистов, разыскиваем Козодоя и корни»[39].

От районных номенклатурщиков, где секретари райкома и начальник НКВД судорожно разыскивают «корни», распространяется по району мрачный дух средневековья, дух «охоты на ведьм». Старательно цитирует Деменок порожденные этим духом холуйские выступления на митингах трудящихся, например, такое:

«Мое предложение расстреливать мало этих бандитов Каменева, Зиновьева и других, а надо сковать и провести по всей Москве, пускай они выроют себе яму и повесить их всех, потому что эта смерть позорнее чем расстрелять».

Или:

«Как этих врагов вы питаете — наверное, хорошо, а их надо неделю кормить селедкой, не давать пить, а потом казнить»[40].

Не правда ли, весело стало жить в Козельском районе?

Но звучат в этом же районе и другие голоса, их с тревогой цитирует секретарь райкома. «Воеводин, Потросовский сельсовет: «Ничего о Троцком сказать не могу. Не нам об этом судить. Вообще здесь делового ничего нет. Вы нас обманываете, мануфактуры и обуви нет». Воеводин с собрания демонстративно ушел.

В колхозе «Свободный труд» Маклинского сельсовета Еремина на собрании выступила с такой речью: «Вы говорите, что жить стало весело, а с коровки вам дай, со свинки дай, с овечки дай, с хаты дай, со двора дай. Что же это за веселая жизнь?»... В колхозе имени 8 Марта Гришинского сельсовета Алешина Евдокия Савельевна, бывший кандидат партии, бывшая лишенка, ведет гнусную агитацию. «Раньше у помещика-то работаешь и тут же получаешь деньги, а теперь в колхозе целый год работаешь, а получить нечего». ...Гореликов Василий, колхоз «Свободный труд» Матчинского сельсовета: «Не платите самообложение, все равно эти деньги пойдут на наедание брюха комиссарам»[41].

И еще конкретнее. Исключенный из партии «Лагутин говорил, что большевики это сволочи»[42]. Жена учителя Акимова при разговоре с колхозниками в момент, когда был убит Сергей Миронович Киров, заявила: «Зря, что Сталина не убили».

И еще грознее: «Новиков Николай, колхоз имени

Сталина, Матчинского сельсовета, бывший кандидат партии. «Если нам дадут теперь оружие,— мы повернем его против партии и правительства»[43].

Это уже огоньки того пламени, которое вспыхнет через пять лет, когда люди будут встречать хлебом-солью наступающие немецкие войска, солдаты Красной Армии — массами сдаваться в плен, а десятки тысяч людей — идти добровольцами в антикоммунистические воинские формирования, в армию Власова; пламени, которое будет затоптано сапогами эсэсовских зондеркоманд.

И со страхом и ненавистью озираясь на эти огоньки, строчит секретарь райкома свои доносы и проскрипционные списки, не думая, что уже через десять лет будут их с омерзением читать свободные люди в свободной стране.

9. ОДИН ДЕНЬ ДЕНИСА ИВАНОВИЧА

А каков номенклатурщик сегодня?

Архивы еще не раскрыты, мемуаров о нем нет. Но будет обидно, если читатели, не соприкасавшиеся с советским номенклатурщиком, так и не почувствуют, каков он в жизни. Вот почему в завершение этой главы я позволю себе некоторую научную вольность: набросаю портрет сегодняшнего номенклатурщика, чтобы в этой работе не только была теоретическая схема класса номенклатуры, но мелькнули бы в ней краски жизни.

Александр Солженицын описал день Ивана Денисовича Шухова — заключенного в советском лагере. Нобелевский лауреат на своем опыте испытал такие дни, проведя ряд лет среди Иванов Денисовичей.

У меня другой опыт. Я постараюсь описать здесь один день из жизни прямой противоположности солженицынского героя — заведующего сектором ЦК КПСС, скажем, Дениса Ивановича со звучной украинской фамилией Вохуш (при Хрущеве и Брежневе в центральный партаппарат перебралось немало украинских товарищей, которые славятся своей ортодоксальностью). Вохуша я выдумал, а остальное здесь все будет из жизни.

...Не звук удара молотком о рельс у штабного барака, а мелодичный звон привезенного из недавней командировки в Швейцарию будильника прервет сладостный сон Дениса Ивановича. И снилось ему приятное: секретарь ЦК на большом совещании в своем кабинете, игнорируя всех остальных, все время обращался к нему и спрашивал

его советов, а потом вдруг подал ему руку, усадил за свой стол и сам исчез, растворился в воздухе. Все коллеги почтительно встали и приготовились выполнять его, Дениса Ивановича, указания.

Вохуш топает в ванную в своей светло-голубой пижаме: недорого купил в Prix-unic в Париже, а полосатых не любит, особенно сине-белых,— напоминают одежду зэка в колониях особого режима. Вот все как будто хорошо в доме, а санузел совмещенный: права жена, надо снова поменять квартиру. Нужно будет зайти в Управление делами ЦК, поговорить там об этом.

Пока жена накрывает на стол, Денис Иванович делает короткую физзарядку с упором на мышцы живота: растет проклятый — и душ Шарко, и массаж делают ему в кремлевской поликлинике, а не помогает. Не голодать же, в самом деле...

Поплескавшись под душем и побрившись, идет, благоухающий импортным лосьоном, в столовую. Завтрак легкий: немного икры, ветчина, яйцо всмятку, чай. Жаль, нельзя коньячку! Это вечером. А наедаться не надо: скоро уже второй завтрак.

Точно в 8.35 Денис Иванович выходит из массивной двери своей квартиры. К этому времени за ним приезжает цековская машина — но пусть лучше водитель подождет одну минуту, пока он будет спускаться в лифте, чем коллеги-соседи увидят, что Вохуш ждет машину около подъезда: это ему не к лицу. Машина уже у двери. Водитель демократично не выходит из автомобиля, Вохуш сам открывает дверцу (так делают даже секретари ЦК!) и, с удовольствием усевшись на пружинящее сиденье рядом с шофером, так же демократично заговорит. Заговорит о том, что вот, бывало, в молодости, в Донбассе, пока бежишь до завода на работу, две цигарки выкуришь, а теперь жена не позволяет; на самом деле он никогда не работал на заводе, а курить перестал сам, прочитав в газете «Неделя», что от курения может быть рак легких.

И плывет перед Вохушем Москва: Кутузовский проспект, Москва-река, Садовое кольцо, Калининский проспект, Кремлевская стена, Манеж, центральные гостиницы, Большой театр, памятник первопечатнику, черная фигура Дзержинского, здание КГБ («соседи!» — с теплотой думает он). А за Политехническим музеем и памятником героям Плевны слева начинается бульвар, а справа — солидные и тяжеловесные двери здания ЦК. Приехали!

В подъезде офицер КГБ вежливо, но внимательно

смотрит его пропуск — бордовую кожаную книжечку. Это не обидно: не недоверие, а порядок. Впрочем, заведующих отделами пропускают, не глядя в книжечку и коротко приложив руку к козырьку, а секретаря ЦК приветствуют по стойке «смирно».

Один за другим входят в дверь и другие сотрудники. И станет Вохуш перекидываться с такими же, как он, солидными сытыми коллегами дружелюбными, но короткими приветствиями (товарищеская любезность — да, интеллигентское слюнтяйство — нет!).

С глубоко скрытой завистью поглядев на лифт для начальства (ключ от него — только у завотделами и, конечно, у секретаря ЦК), поднимается Денис Иванович в бесшумно скользящем общем лифте в свой кабинет.

Приятно: тихо; на столике слева — кремлевская «вертушка»; откроешь средний ящик стола — там номерная красная книжечка: список абонентов правительственной телефонной связи. Теоретически можно даже, набравшись смелости, позвонить Генеральному — и услышать его ленивый низкий голос.

Ну, Генеральному он звонить не будет — это мальчишеская мысль. А вот одному из его помощников придется звонить — и, ох, как не хочется! Потому что дело глупое.

Вчера утром первый замзав отделом подписал бумагу наверх о направлении делегации в Италию. Делегация хорошая: два кандидата в члены ЦК, один член Центральной ревизионной комиссии, депутаты Верховного Совета. Первый, как всегда, тщательно проверил все визы, нашел все в порядке и сказал, подписывая: «Такую делегацию можно было и Генеральному на голосование послать». Тут он, Вохуш, впопыхах, желая отличиться, позвонил приятелю в Общий отдел: направляем, мол, бумагу о делегации, есть мнение руководства отдела представить ее на голосование Генеральному. А первый зам о своих словах не забыл — видно, испугался, и, встретив его, уже уходя, около лифта, сказал: «Тут мы с тобой твою делегацию хвалили и чуть ли не Генеральному собирались посылать. Ты, конечно, понял, что я пошутил?» Вохуш пробормотал что-то невнятное, а Первый, как всегда деловито, вошел в лифт. Вохуш бросился в свой кабинет звонить приятелю в Общий отдел — а тот уже уехал. Позвонил в спецсектор Общего отдела — там ответили, что бумага уже два часа как в секретариате Генерального.

И сегодня надо звонить с утра. Ну, не с самого, а то заподозрят, что он, Вохуш, в чем-то виноват, но и не тянуть. А то вдруг Генеральный бумагу посмотрит и вспылит, как с ним бывает. «Это что же,— скажет,— вы мне теперь все бумажки будете таскать? О путевке в дом отдыха для уборщицы тоже? Это кто же такой умник нашелся?» Подумать страшно: ведь сразу же отыщут.

Но и самому на себя не навести. У кого там может быть бумага? Хоть дело международное, но для Генерального — мелкое. Так что помощнику, Андрею Михайловичу, звонить не станет: бумага не у него, да он и въедливый мужик, сразу заподозрит, что Вохуш дал промах. Лучше позвонить этому счастливчику — референту. Ведь бывает же — повезло парню: был себе референтиком по Норвегии в Международном отделе, и вдруг взяли наверх. Теперь даже в коммюнике о переговорах и на фотографиях на первой странице «Правды» появляется: «Референт Генерального секретаря». Конечно, бумажки в папке носит со стола на стол,— да ведь от иной из тех бумажек мир качается.

Звонить потом, а пока — всё по заведенному порядку. Прежде всего прочитать газету. Сначала «Правду». Передовая о подготовке к севу. Ну, это по части Сельскохозяйственного отдела, читать не нужно. Только привычным взглядом проконтролировать, есть ли дежурная цитата Генерального. До сих пор не может забыть, как в октябре 1964 года он — тогда еще не завсектором — вот так в «Правде» и нашел подтверждение невнятного слуха о том, что происходит в Президиуме ЦК: в газете вдруг исчезло имя Хрущева. Но сейчас все нормально, цитата есть. Указы о награждениях: академики-юбиляры и какие-то монтажники, никого из аппарата нет. Есть ли что-нибудь на последней странице в «Хронике»? Назначение нового посла в Республику Чад, прежний освобожден в связи с переходом на другую работу. Ишь, как медленно работает Президиум Верховного Совета: ведь решение состоялось еще три месяца назад, а агреман африканцы дают быстро.

Теперь вторая страница — «Партийная жизнь». Пленум Кустанайского обкома. И здесь, конечно, о подготовке к севу, так что посмотреть надо только два заключительных абзаца: не рассматривались ли оргвопросы и не присутствовал ли кто-либо из руководства. Нет, все спокойно, просто говорится, что с речью на пленуме выступил первый секретарь обкома.

А вот теоретический подвал «Партия — руководящая и направляющая сила советского общества» надо прочитать внимательно: здесь могут быть интересные нюансы и формулировки,— ведь спроста «Правда» статью не напечатает. Но тема спокойная: в критические моменты дается редакционная статья на тему «Единство партии и народа», а тут ясно, что такое единство налицо и идти надо вперед — к дальнейшему укреплению руководящей роли партии.

Третья страница — международная информация. «Успехи сил мира», «Народы протестуют», «Сделать разрядку необратимой», «Главарь ультра Штраус» — это все ясно. Американский сенатор потребовал вывода войск США из Европы. А что это хлопцы из Международного отдела не возьмут такого в Брюссельский комитет за европейскую безопасность? Полезный был бы реалистический политик.

Нейтральный заголовок «Пресс-конференция Рейгана»: тут ничего не поймешь, из конкретного только в конце вскользь помянуто, что президент высказался в поддержку притязаний израильской военщины. Ну, что в действительности сказал Рейган, прочитаем сейчас в «Вестнике ТАСС».

Внизу страницы в правом углу, как всегда, о происках китайцев: арабская газета сообщает о тайном сговоре Пекина с чилийской хунтой и с израильскими сионистами. Эх, переборщила служба дезинформации: ну зачем Пекину сионисты? Ведь в Китае ни одного еврея небось нет. Впрочем, может быть, хлопцы и правы: народ поверит, газета ведь не наша, арабская. По внутреннему телефону — бывшему К-6 — звонит секретарша первого замзава отделом: «Денис Иванович, зайдите к Ивану Петровичу по поводу делегации в Италию».

Вохуш ей отвечает спокойно, а у самого — ком в горле. Неужели разразился скандал? Он, дурень, тут благодушенствует, газетки читает, а тем временем, может, один из помов Генерального позвонил Первому да отчитал его, и тот сейчас рвет и мечет. Как оправдаться? Каким богам молиться, чтобы не случилось этого несчастья?

Бежит Вохуш к двери как ошпаренный — а по коридору надо будет идти спокойно и уверенно, чтобы никто из встречных не заметил, что у него что-то не так. Ведь вот люди — как будто товарищи, вместе на лыжах ходим на Клязьме, а сами, как крысы: говорят, те, как увидят ослабевшую свою же крысу, так набрасываются и сжирают. И от этих другого не жди!

С невозмутимым видом заходит Денис Иванович в приемную первого зама, приветливо кивает пожилой секретарше — а сердце сжимается в комок. В такие-то минуты и завязываются узелки рака в человеке — мелькает мысль. И другая, заставляющая тут же забыть о раке: вот сейчас войду к нему, а какой он там сидит?

Но первый зам сидит спокойный. Значит, нет скандала. Какое ликование! Но не показать, не показать. Да и ответ надо дать достойный.

Деловито и уверенно — такой у него стиль — Первый сразу приступает к делу.

— Опять насчет твоей делегации. Ты сам не хотел бы с ней поехать? А то мы все берем консультантов из Международного отдела, это ведь не обязательно. Могу договориться с Загладиным, и направим от аппарата тебя.

Противоречивые чувства борются в Вохуше. Конечно, хорошо бы прокатиться в Рим, купить там опять что-нибудь, да ведь и посмотреть. Но другое, воспитанное годами пребывания в номенклатуре чувство подсказывает: нельзя соглашаться, это он испытывает, я ведь и так был недавно в Швейцарии. Третья мысль: а если он действительно хочет меня послать, чтобы я по его заказу привез ему из Италии? Эта мысль сразу отбрасывается; любой из членов делегации будет рад оказать услугу первому заму; а если уж он захочет, чтобы я ехал, так настоит на своем.

И Вохуш говорит:

— Нет, увольте, Иван Петрович! В секторе работы невпроворот, обедать некогда, не то что в Италию ехать. Да и не любитель я по заграницам ездить — разве уж когда очень нужно...

И ждет: скажет Первый, что вот сейчас как раз очень нужно,— значит, лично заинтересован.

Но Первый говорит:

— Ну, как знаешь. Конечно, работа в отделе — самое важное.— И милостиво шутит: — Вот хотел укрепить тобой делегацию, да ты сопротивляешься.

Идет к себе Вохуш по светло-розовой с зеленой каймой дорожке в коридор довольный: правильно сориентировался. Так держать, Денис! Подумаешь, 10 дней в Италии! Не в этом же задача. Освобождается место одного из замов: вот если бы Первый поддержал его кандидатуру, может и получиться.

И гложет соблазнительная мысль: может, правильно

заслал проект решения Секретариата о выезде делегации Генеральному? Делегация хорошая, он подпишет — а тогда можно будет распустить по отделу слух, что, мол, доволен, хвалил. Вот тут-то обрадованный первый зам и может поддержать перед Секретариатом ЦК его, Вохуша, кандидатуру, и вдруг он — замзав!

Нет, это подумать — замзав! Большой кабинет, секретарша, не «Волга» с автобазы ЦК, а персональная, с шофером, не пансионат на Клязьме, а госдача, да ведь и деньги, и «кремлевка» больше. Но главное — власть: замзав... несколько секторов в твоем ведении, каждый день — у секретаря ЦК, часто присутствовать на заседаниях Секретариата — примелькаться там, стать привычным, своим... Да и как не свой: замзав — это вершина номенклатуры Секретариата; следующая ступень — первый зам — уже номенклатура Политбюро. Так рискнуть — не отзывать бумагу? Смелость города берет!

Но привычная, ставшая второй натурой осторожность одергивает: смелый бросок нужен, когда вышел на цель, а это так, косвенно, это авантюра. Подпишет Генеральный — еще не гарантия, что выдвинут в замы, а будет неприятность — гарантия, что не выдвинут. Да и запомнят навеки, что ошибся. Отзывать надо бумагу и без промедления!

Как перед каждым разговором с высоким начальством, Вохуш набрасывает карандашом, что именно надо сказать. Тут ведь каждое слово должно быть взвешено. А главное — решительность. Не колебаться по-интеллигентски, а сказать твердо, по-партийному, но уважительно. И, конечно, чтобы все пронизывало глубокое беспокойство о времени Генерального.

Сосредоточенно и неторопливо Вохуш набирает четырехзначный вертушечный номер. В гулкой трубке высокочастотного телефона раздается бесстрастный голос референта.

Вохуш называет свою фамилию и отдел. Знает, что референт сейчас, во время разговора, будет быстро листать в своей книжечке — списке абонентов «вертушки», чтобы найти его имя-отчество и потом ввернуть их в разговоре, дабы произвести впечатление: всех, мол, знаем на память и обо всех все знаем.

— Вы извините за беспокойство,— солидно и любезно говорит Вохуш.— Но тут такое дело получилось по нашему недосмотру (самокритично; но и не сказал «по моему», а «по нашему», то есть в общем-то вина первого

зама, он же, Вохуш, как лояльный подчиненный подставляет свою голову). Мы направили вчера на голосование в ЦК проект решения о делегации в Италию, а сегодня узнаем, что товарищи из Общего отдела перестарались и прислали проект вам. Делегация, видимо, неплохая, но не такое уж это дело государственной важности, чтобы отрывать время у Генерального.

И ждет пару секунд: хорошо бы референт, молокосос этот, высказал свое мнение. Но тот лишь неопределенно говорит сухое «да», предлагая Вохушу продолжать монолог. Черт его знает, что он там думает, этот счастливчик.

— Конечно, это на ваше усмотрение,— старается польстить Вохуш.— Но мы так подумали: может, не утруждать? Может, вы направите секретарям?

Всячески хочет Вохуш подчеркнуть, что для него Генеральный — не секретарь ЦК, а нечто высшее.

— Да, письмо ваше у меня лежит,— говорит референт и спрашивает:— Ну, так что, Денис Иванович (посмотрел список!), докладывать бумагу или вернуть в Общий отдел?

Вежлив (так теперь положено), а ответственности на себя не берет нисколько и другим секретарям в обход Общего отдела пересылать не хочет. Значит, лучше не связываться. И Вохуш говорит в тон референту:

— Да, думаю, лучше вернуть.

— Хорошо,— бесстрастно отвечает тот.

Ну, дело сделано. Конечно, сморщат носы в Общем отделе, но скандала не будет. А приятеля из Общего отдела пригласить к себе, напоить хорошенько, коньяка французского для этого раздобыть, он и отойдет,— ничего же не случилось.

В кабинет Вохуша входит бесцветная, некрасивая девица с папкой тассовской информации. Всех их сюда подбирают таких, чтобы не было разврата в аппарате. «И правильно! — думает Денис Иванович, коротко взглянув на вошедшую.— Здесь не место. Для этого у высшего начальства есть балерины. А ему, Вохушу, они еще не положены. Его дело — оберегать советскую семью».

И потом: никакими персональными делами не интересуется парторганизация так, как делами по женской части, и обсасывает их в подробностях. Один его институтский однокурсник, помнится, громогласно шутил над этим: «Любопытны, как монахи на женском пляже». Этого острослова он — тогда секретарь парткома института — выгнал весной 1949 года, во время борьбы с космополитизмом, и нигде работы этому интеллигентику не дали. Так он вы-

нужден был в Среднюю Азию уехать. Правда, оказалось, у него сердце было больное, там тем же летом в жару он умер от инфаркта. Еще его мать тогда пришла в партком, расплакалась, кричит: «Убийцы!» Хорошо, зам по организационным вопросам выручил; хороший был дядька, бывший чекист, Саша Негодяев. Так он спросил эту старуху — тихим таким голоском: «Я вас правильно понял, гражданка, что это вы партком так назвали?» Она сразу притихла и ушла. Думали еще потом: сообщать о ней органам? Саша был «за», но он, Вохуш, почувствовал, что члены парткома этого не поймут, и отговорил: все-таки мать.

И вовсе он, Вохуш, не монах, только приходится рисковать. Тут одного молодого кандидата наук послали стажером в Прагу, а на жену решения о выезде не сделали: неважная птица кандидат, и так простажируется.

А ей очень хотелось в Прагу. Каким-то образом она узнала, что от него, Вохуша, зависит, направить ее дело в Комиссию по выездам или не дать хода. Да он, впрочем, и сам ей намекнул на это, когда она пришла — робкая и взволнованная, с серыми глазами, в облегающем стройное тело платье, с бирюзовым ожерельем на груди. Он ей и сказал тогда, что вопрос сложный — выезд за границу; ему в рабочее время некогда, а вот вечером после работы он мог бы подробнее разобраться с ее делом, только в здание ЦК ее не пустят вечером... А потом была ее однокомнатная квартира на Профсоюзной улице. И бирюзу он не снял, так и оставил голубизной на матовой смуглой коже. А что взгляд у нее был, ну, не такой — так подумаешь! Да она сама сейчас рада небось: гуляет себе по берегу Влтавы да по Староместской площади...

Проще, конечно, со своими. Вот был в цековском санатории, так такая оказалась бойкая инструкторша Воронежского обкома — какой там взгляд, только бы с ней справиться.

Да что собственно? Ведь и классики марксизма не гнушались. Был он, Вохуш, с партийной делегацией в ФРГ, заехали в Трир посетить дом-музей Карла Маркса. И только там узнал, что, оказывается, у Маркса-то была любовница и от нее — незаконный сын. Правда, не признал его классик. Было бы в наше время скандальное персональное дело, если бы Женни фон Вестфален подала на него заявление в партком! А про Энгельса прочитал недавно совсем уж непристойное: будто жил он одновременно с двумя сестрами — не то шотландками, не то ирландками. И тоже у Ленина была Инесса Арманд, хоть он и называл ее на «вы». Впрочем, он, Вохуш, не Ленин, а в этой

однокомнатной квартире тоже называл ее на «вы» — не ронять же себя!

Довольно лирики, пора дела делать. Вот только посмотреть ТАСС.

Вохуш листает дешевую сероватую бумагу вестника, а мысли уже работают над сегодняшними делами, и читаемое перекликается с обдумываемым.

Протесты в Западной Европе против запретов на профессии в ФРГ. Вот разумно! А то что такое: не назначают судьей, потому что коммунист. У нас вот иначе: некоммуниста судьей не сделают. Надо, кстати, сегодня решить дело этого беспартийного деятеля, зампреда комиссии. У нас партийцев хватает: партия — 17 миллионов.

В США, оказывается, несмотря на дискриминацию, разрешаются браки белых с неграми. Это значит, черная образина с белой. И ведь соглашаются! А чему удивляться? Если бы мы тут своих студенток в университете Лумумбы распустили, так они за африканцев и повыскакивали бы все. Это, кстати, заметить к разговору с проректором.

11 часов, открылся буфет. Пора идти на второй завтрак. Идет Вохуш по коридору удовлетворенный: обезопасил себя, разрядив проблему с делегацией. А чувствовать себя в безопасности — что может быть лучше?

В светлом, сияющем чистотой зале буфета — уже человек 15. За высоким стеклом стойки чего только не наставлено. Приходится немного в очереди постоять: отпускают 3 буфетчицы, перед каждой — человека по 2—3. Словом, не то что в каком-нибудь гастрономе в городе. Здесь принято выбирать не торопясь да еще покупать что-нибудь для дома: фрукты или коробку шоколадных конфет (тут они хороши: «Мишки», «Ну-ка отними!» — все с детства знакомое, так и дошло от нэповских времен). Семгу или икру он сейчас брать не будет, на второй завтрак Вохуш берет молочное: простоквашу с сахаром, творог со сметаной и сахаром и противосклерозное — морскую капусту с кукурузным маслом (очень рекомендуют кремлевские врачи). И, конечно, чай с парой «Мишек»: в стакан буфетчица наливает заварку, а на маленьком столике в стороне он сам доливает себе по вкусу кипяток. Когда раз в неделю Вохуш устраивает себе разгрузочный день (живот растет, беда!), он не идет обедать в столовую, а закусывает здесь же и точно так же наливает себе кипяток в чашку с крохотным бульонным кубиком, который превращает воду в бульон с грибным вкусом и даже с блестками жира.

За завтраком видит Вохуш и нескольких сотрудников своего сектора. Здоровается со всеми дружественно, но без панибратства — таков нынешний стиль. Стиль этот обкатался, при Сталине было иначе: то по старинке изображали из себя братишек-краснофлотцев, гигикали и хлопали друг друга по спинам, то смотрели на подчиненных чванно сверху вниз. Теперь это прорывается только у стариков, стоящих уже на пороге персональной пенсии, принято же быть солидным, обходительным, неторопливым и деловым.

В секторе он завел такой порядок: с 9 до 11 часов к нему сотрудники заходят только в случае срочных дел. Иначе и нельзя. Вот, например, сегодня: они бы один за другим сидели у него и свое рвение показывали, а как бы он мог говорить при них с референтом Генерального? Правильный порядок.

По пути в свой кабинет Вохуш, как обычно, остановится у книжного киоска — на минутку, не более, только чтобы взглянуть, нет ли каких-нибудь новых поступлений. Среди молодежи есть любители стоять там подолгу и листать книжку, но это несолидно да и производит впечатление, что человеку нечего делать. А впечатление должно быть другое: человек занят, но умело планирует свою работу и четко распределяет время. Как сформулировал Сталин: сочетание русского революционного размаха с американской деловитостью. Умница был человек!

Сейчас явятся его сотрудники. Вот уже один заглядывает в дверь:

— Можно, Денис Иванович?

Вохуш приглашает его приветливым жестом. Это Швецов, недавно пришел из Академии общественных наук. Вообще-то Вохушу этот хлыщ не нравится, но отец жены — генерал-полковник в генштабе. Кто знает, кем этот хлыщ еще станет. Вохуш с ним всегда приветлив.

Швецов кладет перед ним список:

— Состав советско-болгарской комиссии биологов, из Академии наук прислали посмотреть перед тем, как президиум академии будет утверждать.

Вохуш насторожился:

— А подписанты есть?

Никак он не забудет, что, когда еще был начинающим завсектором, чуть было не утвердил список тоже такой вот комиссии, а там затесался один, который в свое время, негодяй, подписал письмо в защиту Синявского и Даниэля. Хорошо, Вохуш вовремя узнал об этом,

вычеркнул, а то какая была бы скандальная неприятность!

Швецов смеется:

— Нет, Денис Иванович, подписантов нет. А вот, правда, пара товарищей может вдруг уехать.

Понятно: в списке есть евреи.

— Кто?— коротко спрашивает Вохуш.

Швецов ставит острым карандашом едва заметные точки против двух фамилий. И фамилии-то русские: вот маскируются! Да и зятек этот хорош: ничего не сказал.

— Может, сократить или заменить?— вежливо осведомляется Вохуш.— Они уедут, кто же в комиссии будет работать?

А у самого мысль: вычеркнуть обоих евреев — опять будут болтать в академии, что-де в аппарате антисемитизм.

Швецов только плечами пожимает:

— Академия предложила.

Подумаешь, академия! Да ее Хрущев чуть не закрыл.

Вохуш находит быстро выход:

— Одного сократить, а другого я заменил бы. Там ведь есть один биолог, фамилия — Беленький. Правда, был лысенковцем, но ведь это же не основание игнорировать ученого...

Доволен Вохуш — хорошо придумал: и еврей будет чистокровный, не подкопаешься, и не из этой сионистской компании. И благожелательно шутит:

— Помните: «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит?»

Швецов осклабился:

— А я их что-то и беленькими не люблю!

Денис Иванович улыбается, а про себя думает: «Не любишь, а сам в списке двоих подсунул». Становясь серьезным, Вохуш говорит:

— Давайте заодно решим один назревший вопрос. Долго еще будет подвизаться в качестве заместителя председателя комиссии этот беспартийный деятель Венский?

Зятек ухмыляется:

— Беспартийный большевик!

— Это, знаете, формула старая, отдает субъективизмом (чуть не сказал «хрущевщиной», но поостерегся, лучше выражаться официально). Мне сообщали, что партийная общественность протестует и выдвигает кандидатуру секретаря парткома института биологии.

И верно: приходили к нему по очереди две партийки (одна раньше работала в органах, другая — во Всемирной федерации профсоюзов), говорили, что биология — партийная наука и не место беспартийному в руководстве советско-болгарской комиссии. Правда, секретаря парткома они не выдвигали, а каждая хотела сама занять это место, но Вохуш решил: интеллигентика гнать, но назначить секретаря парткома, а не этих ретивых баб.

Швецов — сам в общем-то интеллигентик — мнется:

— Ведь он хороший специалист и болгарский язык знает.

— Вот потому мы его и держали на этой стадии работы комиссии, чтобы ее развернуть,— терпеливо объясняет Вохуш.— А теперь это пройденный этап, да и коммунисты жалуются. Давайте заменять.

Швецов все мнется:

— А что мы ему скажем?

Подумайте, какой совестливый. Когда на генерал-полковничьей дочке женился, с которой только ленивый не жил, совесть его не мучила.

— Поговорите с секретарем парткома, найдут какие-нибудь недостатки в его работе — ведь и на солнце пятна,— уже не сдерживая раздражения, говорит Вохуш.— В крайнем случае сошлитесь на мнение партийной общественности и на то, что им недовольны болгарские товарищи: проверить он ведь не сможет.— И подбадривает:— Да вы не чувствуйте какой-то своей вины перед ним! Вы ответственный работник аппарата ЦК, а он беспартийный — не ему требовать от нас отчета.

Беда с этими родичами высокопоставленных лиц: никакой нет у них партийной закалки, обывательское мнение!

Входит напористым шагом любимица Вохуша, единственная женщина в секторе — Зинаида Ивановна. Дама серьезная, пришла из ЦК комсомола. И семья хорошая: муж — в органах. Принесла проект плана выпуска издательства «Наука».

Ну, что касается политической актуальности тематики, это в секторе издательств посмотрят, а нам посмотреть, кого они печатают. Шутливо спрашивает:

— Кто авторы? Академик Сахаров есть? А то, может, сам Солженицын?

— По разделу порнографии!— взвизгивает Зинаида. Оба смеются.

Да, нет у нас такого раздела. А вот когда он был в Стокгольме, не удержался и не без удовольствия полистал

журнальчики в киоске на Свеавеген. Напомнило инструкторшу из Воронежа: вот была бы для этих фотографов находка!

— Я тут галочками отметила семь книг,— сообщает Зинаида.— Считаю, что их надо снять с плана.

Уж Зина не пропустит, как бы лишнего не вычеркнула. План-то не редакционной подготовки, а выпуска: книги — в издательстве.

Зинаида продолжает:

— Вот, например, Лифшиц. Четвертую книгу выпускает. Зачем нам создавать дутый научный авторитет?

Резонно. Выкинуть Лифшица.

— А здесь тема безобразная: «Иконография и иконопластика А. С. Пушкина». Кому нужна такая тема? Попам и спекулянтам иконами?

То́же резонно. Вычеркнуть. И при чем здесь Пушкин?

— Тут вот грубый недосмотр. Это дочь Розенгольца, приговоренного на процессе 1938 года. А фамилия — по мужу.

Ишь ты, какой смелый: женился на такой. Вычеркнуть.

— У этой вот, доктора наук, сын ездил туристом в Англию и остался.

Вот негодяй: на Родину не вернулся! Ходит себе там по Риджент-стрит, глазеет на витрины. Воспитала мамаша. Вычеркнуть.

Молодец, Зина. Ценный работник. И как она только о всех них разнюхала? Муж, что ли, закладывал список в свою электронно-вычислительную машину на Лубянке?

— Эти трое были в заключении по 17 лет,— несколько неуверенно сообщает Зинаида.

— Но ведь реабилитированы?

Зинаида вздергивает нос:

— Солженицын вот тоже был реабилитирован.

Ну, это не основание. Ведь книги набраны, в издательстве. Жаловаться начнут, заявления писать. Нельзя брать на себя за это ответственность.

— Зинаида Ивановна, вы о них посоветуйтесь с секретарями парткомов,— решает Вохуш.— Но имейте в виду: у нас мнения в этом вопросе нет. А первых четырех снимем, сообщите в сектор издательств. Мотивируем нехваткой бумаги.

Удерживать надо Зину — но и поддерживать.

На обед Вохуш ходит всегда в 13.15. До этого как раз есть время прочитать протоколы заседаний Секретариата ЦК. И погружается Денис Иванович в привычное

чтение невзрачных книг в темно-красных бумажных обложках, где каждая фраза — закон. Возвышающее душу чтение! Чувствуешь себя неотъемлемой частью этой силы, которая властно чеканит свои немногословные решения.

Ровно в 13.15 Вохуш неспешно надевает солидное шелковисто-ворсистое пальто (купил в Дюссельдорфе, когда был там по приглашению ГКП: название улицы какое-то странное «Ко», а магазины на ней хороши!). С достоинством (завсектором!), но без важности (ведь не замзав отделом!) идет по блекло-розовой ковровой дорожке коридора. Спешить некуда — не голодный же, в самом деле, но и задерживаться нельзя — на обед отпущено 45 минут, и хотя, конечно, никто его официально не проверяет, Вохуш знает: именно в таких случаях и надо показать свою коммунистическую сознательность. Ни минуты рабочего времени не украсть у партии! Отдохнуть после обеда можно будет у себя в кабинете.

Идти недалеко. Вот уже и старинная церквушка — картинно выглядывает рядом с новым зданием столовой ЦК. Сталин, чудак, разрушал такие церквушки. Вот гениальный был человек, а со странностями: врагов уничтожал — это понятно, а церквушки-то зачем? Лучше бы воспитывать на них народ в духе патриотизма — меньше бы власовцев было.

У стеклянной двери Вохуш показывает внимательному молодому человеку в штатском свою бордовую кожаную книжечку, вешает пальто и шляпу: здесь не украдут, все свои. И налево — к кассам. Из груды листков берет себе диетическое меню (с животом надо что-то делать, да и как-то несолидно заведующему сектором брать общее меню).

Диетический зал — на 3-м этаже. Туда Вохуш едет в тесном лифте — построили зачем-то такие маленькие. В зале светло и не шумно. Высматривая себе место — так, чтобы сесть достойно, не с каким-нибудь техническим персоналом,— Денис Иванович видит, что сидит за одним столиком погруженный в беседу заведующий Отделом культуры. Вот за соседний столик и сесть — как бы невзначай и попасться ему на глаза, поздороваться. Искоса бросая взгляд на этого не располневшего, моложавого человека с тщательно причесанными волосами, Вохуш думает: «Сложное у него положение. Подчиненный, министр культуры,— кандидат Политбюро, как таким руководить? И не руководить нельзя, в этом руководстве — весь смысл работы отдела. Как только выкручивается?»

Сам Вохуш не любит ходить в столовую с кем-нибудь из коллег. Если все с одними и теми же — будет выглядеть как групповщина; а с разными не получается — пришлось бы всех завсекторами перебирать, не с мелкотой же ходить!

Вохуш не торопится. Сначала он пьет кумыс, потом ест морскую капусту с кукурузным маслом (все от склероза, а то начнешь, чего доброго, забывать имена-отчества руководства), морковный суп-пюре с гренками полтарелочки, паровую телятину с рисом, чернослив со сметаной и с сахаром (для пищеварения), кисель из черной смородины со сливками (витамин C!). Ест невозмутимо, а сам зорко следит за завотделом. Вот оторвался тот от разговора и стал обводить зал уверенным руководящим взглядом. Тут Вохуш ему приветливо улыбается, и зав милостиво кивает. Хорошо! Может, при случае вспомнит Вохуша, когда понадобится рекомендовать кого-нибудь на руководящую работу.

Без восьми два, пора идти в отдел. Конечно, можно бы еще на несколько минут заглянуть на бульвар напротив ЦК — там любит прогуливаться после обеда первый зам — шагает своей деловитой походкой. Но ведь не знаешь, в каком он настроении: не то милостиво встретит и поговорит, а не то съязвит: «Гуляешь, дела в секторе уже все сделаны?» Лучше от греха не идти, а прямо к себе в кабинет.

Мелькает у Вохуша мысль: верно, и мои подчиненные тоже так рассуждают? И сразу приходит уверенный ответ: ну и что? Так и нужно, все правильно.

В кабинете полчаса — отдых. Нет у Вохуша комнаты отдыха — не секретарь ЦК (впрочем, тому она как раз и не нужна: ездит обедать домой и там же отдыхает в своей королевской спальне). Но сотрудники сектора догадливы и до 14.45 его не беспокоят. И дремлет Вохуш в своем жестком кресле за столом с привычной гордостью своей — «вертушкой». Если зазвонит она солидным негромким звонком — он на месте.

Она и вправду звонит. Говорит ректор Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Университет невелик, но политически важен: он для студентов из развивающихся стран и Японии, так что Хрущев еще при создании университета подписал им разрешение на «вертушку». Ректор — серьезный номенклатурный работник — не заискивает, но очаровательно любезен, и Вохуш с ним столь же любезен. Дело не только в современном стиле работы аппарата ЦК: ректор нужен, так

как хочет Вохуш мягко высадить из ЦК своего заместителя — старшего из сотрудников сектора, Шабанова, и высадить его удобнее всего на должность проректора этого университета, а без согласия ректора это не пройдет.

Отлично понимает Вохуш, почему ректор ему звонит. Дело в том, что в 15 часов к Вохушу придет проректор университета, фактически политкомиссар, ответственный за работу со студентами-иностранцами. Вот ректор и хочет напомнить, что все же он, а не проректор руководит университетом. Так Вохуш окончательно убеждается в правильности своего впечатления, что существует конфликт между ректором и проректором. Значит, ректору придется плохо: не справится он с таким волкодавом, как этот проректор.

Вохуш недолюбливает проректора. Чем-то не импонирует ему, солидному и уверенному, этот наглый длинный тип, на котором костюм — кстати, потрепанный — сидит, как на корове хомут. И весь он как бы пришел из вчерашнего дня. Но есть влиятельные люди, которым этот стиль тридцатых годов нравится как воспоминание молодости. И ловок этот длинный проходимец: едва окончил самый обычный пединститут, как пристроился в партаппарат, тут же вошел в контакт с органами, и они рекомендовали его на пост секретаря парткома университета дружбы народов. Посекретарствовал пару лет и вышел в проректоры, а весь его студотдел — филиал органов. Так он и олицетворяет там, в университете, и партаппарат, и «соседей». Где ж ректору — инженеру по специальности — с таким тягаться!

С другой стороны, инженер, да не простой: был заместителем министра, связи имеет, так что и проректору не так легко будет его одолеть. В этой ситуации оба они должны понимать: все зависит от Вохуша. На чью сторону он встанет, тот и победит. А раз так, значит, оба согласятся взять в проректоры вохушевского кандидата — этого нелюбимого зама, от которого надо избавиться, пока он не успел втереться в доверие к руководству отдела. Надо только намекнуть каждому, что новый проректор будет поддерживать именно его. А длинного наглеца надо еще и припугнуть.

Все это размышление занимает у Вохуша всего пару секунд. Да так и у всех в аппарате: тому, кто на это не способен, в номенклатуре делать нечего. Здесь, в ЦК, на скрипке не играют и картин маслом не пишут, но уж в таких делах соображают безотказно.

Дверь приоткрывается, и показывается лысая голова проректора. Вохуш встречает его с холодком: надо запугать.

Сначала дать ему выговориться, чтобы он открыл все принесенные козыри. Поэтому Вохуш сначала с невозмутимым лицом выслушивает, как проректор рассказывает о работе со студентами. Он опытный, напирает на самокритичность: «мы не досмотрели», «мы упустили», но так, чтобы было ясно, что не досмотрел и упустил не он, а другие, в первую очередь ректор. Значит, Вохуш оценил обстановку в ректорате правильно, и можно наносить удар.

— Воспитательная работа со студентами,— наставительным тоном начинает Вохуш,— это не только собрания, вечера и кинофильмы, не только беседы воспитателей со студентами-иностранцами. Воспитательная работа — это прежде всего создание в студенческом коллективе атмосферы нетерпимости к любому нарушению принципов коммунистической морали. И особенно мы ожидаем такой нетерпимости от советских студентов. Постановление ЦК рассматривает обучение советских студентов в университете совместно с иностранцами как важный метод оказания положительного влияния на иностранцев. А это не во всех случаях так получается, и (Вохуш повышает голос) никто не снимет с нас ответственности за такое положение вещей.

Вохуш говорит, а сам зорко наблюдает: встревожен лысый официальным тоном и политическими формулировками. Все хорошо, продолжаем!

— К нам поступают сигналы о неправильном, подчас просто неблаговидном поведении ряда советских студентов и студенток в университете имени Лумумбы. Вместо того, чтобы быть примером, блюсти честь советской девушки-комсомолки, отдельные студентки ведут себя, прямо скажу, недостойно.— И, перейдя с казенных формулировок на менее формальный тон, Вохуш восклицает: — Это же как у Энгельса в «Происхождении семьи», так и у вас — промискуитет!

— Безобразие творится, я всегда говорю! — самокритично восклицает проректор.— Райкомы комсомола посылают таких студенток, каких мы в свое время на пушечный выстрел не подпускали к вузу. Что же с ними делать: пояса целомудрия надевать, как в средние века?

Но Вохуш не принимает его шутку, а снова переходит на официальный тон:

— Возможные упущения райкомов комсомола не служат оправданием недостатков в воспитательной работе со студентами. Что же мы будем закрывать глаза на то, что в наличии нездоровые настроения среди определенной части студенчества! Не в поясах дело, а в том, что отдельные студентки университета, вместо того, чтобы стремиться к созданию хорошей советской семьи, стараются использовать свое пребывание в университете, чтобы выйти замуж за иностранца и выехать за границу.

— Зря отменили закон 1947 года о запрещении браков с иностранцами,— басит проректор.

— Закон отменен,— сухо замечает Вохуш.— Мы в ряде случаев по различным соображениям не возражали против браков между советскими студентами и студентами-иностранцами из развивающихся стран. Но ЦК никогда не рассматривал университет дружбы народов как некую ярмарку советских невест.— И Вохуш завершает удар:— Вопрос серьезный, и некоторые товарищи высказываются за создание комиссии ЦК для проверки состояния воспитательной работы со студентами вашего университета — как иностранцами, так и советскими.

С удовольствием замечает Вохуш тоску в наглых глазах проректора. Оба знают, что присылка проверочной комиссии ЦК ничего хорошего проректору не сулит. Теперь он запуган, и надо давать обратный ход: а то он сейчас побежит к своим дружкам и покровителям, а в действительности ведь никакой комиссии не предполагается.

— Но мы тут, Василий Степанович, думаем, что без комиссии можно обойтись,— успокоительно произносит Вохуш.— У меня сложилось мнение, что все это не вина студотдела — это результат недостаточной партийности в работе ректората.— И, переходя вдруг на «ты», доверительно говорит: — Там ведь, кроме тебя, никого же нету из аппарата; и ректор, и остальные проректоры — специалисты. А одному тебе трудно, надо, чтобы была поддержка.

Тоска в глазах проректора исчезает, но смотрят они уже не с обычной наглостью, а с благодарностью. Теперь сказать!

— Если университет обратится через министерство в Центральный Комитет с просьбой выделить человека из аппарата на должность проректора, думаю, что просьба будет удовлетворена. Тогда у тебя будет крепче поддержка в ректорате и отпадет вопрос о комиссии.

— Это правильное, партийное решение,— басит успо-

каивающийся проректор.— Это давно бы пора сделать, Денис Иванович. Я прошляпил, что не поставил этого вопроса. С парткомом я его согласую легко, а вот не станет ли возражать ректор?

— С ректором поговорим,— мягко отвечает Вохуш.— Он поймет необходимость. Зачем ему комиссия?

Вохуш знает: сейчас лысый думает, что и правда, комиссия ЦК в своих выводах не обойдет ведь ректора как ответственного за всю работу в университете.

Долго и крепко пожав Вохушу руку, проректор уходит. Конечно, верить этому пролазе нельзя, но не рискнет он бегать по знакомым и проверять слова Вохуша: не станет связываться с аппаратом ЦК, хотя и боится, конечно, как бы новый проректор его не заменил.

Теперь с ректором. Вохуш звонит по «вертушке» и снова дружественно любезен:

— Тут у меня, как вы знаете, был ваш зам. У нас с ним был серьезный разговор о некоторых недостатках в воспитательной работе его отдела со студентами. О содержании разговора он вам, видимо, сам доложит. Мы в секторе думаем, что нет надобности посылать проверочную комиссию в университет (ректор радостно соглашается) — при условии, что Василий Степанович сосредоточится на своем отделе, а мы могли бы вам — если попросите — рекомендовать, возможно, кого-либо из наших товарищей в качестве еще одного проректора. У вас ведь вакансия есть. Если вы считаете это целесообразным, то я посоветую внести такой вопрос через министерство в Центральный Комитет. Думаю, что он будет решен положительно, и тогда вопрос о проверочной комиссии полностью отпадет.

Ректор тотчас же соглашается и тоже благодарит. А что ему еще делать?

Теперь надо идти к первому заму, подготовить почву. А то вдруг все-таки и побежит к нему лысый, а первый зам ничего не знает—и тогда скандал! Вот всегда так: больше всего надо опасаться тех, кто поработал в аппарате, своих же.

Время у Вохуша точно рассчитано: в конце рабочего дня первый зам легко доступен, сам любит в этот час поговорить с завсекторами. Денис Иванович снимает трубку «вертушки» и неторопливо, сосредоточиваясь, набирает номер Первого:

— Вохуш беспокоит вас, Иван Петрович. Разрешите зайти на пару минут?

Снова коридор и розовая ковровая дорожка. В большой приемной (хотя поменьше, чем у завотделом,— ранг не

тот) Вохуш еще раз ласково кланяется пожилой секретарше с внимательным взглядом. Вот изменилась женщина, постарела, а взгляд сохранился: в войну, молодой дивчиной, была снайпером, на ее личном боевом счету 209 фрицев. Хороший, душевный товарищ.

Первый зам сидит в глубине кабинета за своим полированным столом, под настольным стеклом распластан лист с телефонами ЦК. Энергично вскидывает голову:

— С чем пришел? — и указывает рукой на стул.

Вохуш садится — непринужденно, но с уважением. Он знает: Первый все замечает. Со слегка озабоченным видом (не переигрывать!) он начинает:

— Иван Петрович, беспокоит меня обстановка в университете дружбы народов. Вот сейчас беседовал с проректором по студработе: разболтались студенты...

— Что-нибудь политическое? — вскидывает глаза Первый.

— Да нет, Иван Петрович, быт (Первый успокаивается). Но ведь и быт — тоже политика (Первый настораживается). Так вот они там считают, что надо укрепить партийно их ректорат. Мне ректор сообщил, что они собираются входить через министерство в ЦК с просьбой выделить на вакантную должность проректора по общественным наукам кого-либо из наших сотрудников.

— А ты что сказал? — сразу спрашивает Первый.

Этого Вохуш ожидал и отвечает заранее продуманной формулировкой:

— Что я мог сказать, Иван Петрович? Сказал, что, если считают нужным, пусть входят в ЦК, вопрос будет рассмотрен.

Теперь покрыты все его разговоры с ректором и проректором: он им и в самом деле формально больше ничего не сообщил, все остальное — так, их субъективные впечатления.

— Кого же? — интересуется Первый и полушутливо: — Ты не собой ли собрался укрепить университет?

По скандализованному выражению лица Вохуша Первый понимает, что ошибся. Тут же успокаивает встревоженного Дениса Ивановича:

— Это я шучу, тебя не отпустим (блаженное спокойствие разливается по всему существу Вохуша). Но предложение-то у тебя есть?

— Я вопрос еще не прорабатывал,— скромно говорит Вохуш.— Хотел узнать сначала ваше мнение в принципе.

— Ну, а твое мнение? — в упор спрашивает Первый.

Так, теперь надо его спровоцировать.

— Я полагаю, Иван Петрович, что можно бы в смежных с моим секторах подобрать подходящего кандидата...

Энергичный взгляд Первого становится жестче:

— Ишь какой хитрый: в смежных! А что же из своего сектора не предлагаешь? Что — у тебя подходящих людей нет?

Клюнул! Теперь сопротивляться и темнить.

— Так у меня же в секторе работы невозможно много, Иван Петрович, не могу же я еще отдавать людей!

Первый едко:

— А другие могут? Рекомендуй из своего сектора — я поддержу.

Теперь выкладывать карты.

— Да ведь проректор университета — место докторское, а у меня среди сотрудников сектора только один доктор наук — Шабанов. Не его же отдавать!

— А почему не его? Конечно Шабанов — парень способный. Но ведь и там нужны способные. Проректор — значит, получит звание профессора. Университет важный: гляди, в члены-корреспонденты Академии наук выйдет. Как придет бумага из министерства в ЦК, побеседуй с ним — и направим.

— Да вы же меня без ножа режете, Иван Петрович! — взывает с возможно более достоверным унынием в голосе Вохуш.— Шабанова отдам, а кто вместо него?

— Подыщешь,— успокаивает Первый и, пока Вохуш с убитым видом качает головой, говорит: — Так, это дело заметано. Еще у тебя что?

— Больше ничего, Иван Петрович,— уныло тянет Вохуш, вставая.

И вдруг Первый осклабляется:

— А легко ты отдаешь Шабанова. Что у тебя с ним?

Вот уж этого не ожидал Вохуш. Опять взывает:

— Помилуйте, Иван Петрович! Я прошу его оставить, а вы говорите, будто я же его предлагаю в проректоры...

Первый все ухмыляется:

— Нет, ты мне его не предложил. Но, в общем, я согласен.— И наставительно: — Мне важен не товарищ Шабанов лично, а четкая, слаженная работа сектора. За сектор отвечаешь ты. Я не возражаю, чтобы ты и решал, с кем тебе лучше работать. Ясно?

Вохуш идет по коридору, а на душе кошки скребут. Ну нельзя хитрить с Первым! Видит все насквозь. Да иначе и не стал бы первым замом. А уж те, кто в Политбюро или в

Секретариат ЦК выбрался,— вообще гении. Интеллигентики болтают: тот в Политбюро глуп, другой дурак. А на самом деле они сами дураки и молокососы: в лучшем случае просидят эти философы до пенсии на своих нынешних должностях. Нет, в Политбюро — гении.

Гении-то гении, а тоже бывает — зазнаются и дают осечку. Ну кто мог подумать, что Маленков — столько лет до того, как циркач, ходивший по канату и все поднимавшийся вверх,— не просидит у власти двух лет! Или Берия — десятилетиями полз к власти, по трупам полз, а когда уже была почти в руках, четырех месяцев не продержался. Да тот же Хрущев! Ну он, правда, был несолидный, его еще Сталин осаживал: из Москвы отослал на Украину, даже там смещал с поста первого секретаря — агрогóрода дурацкие раскритиковал. Конечно, Хрущев отплатил Сталину — да посмертно, при жизни-то никто не решался.

Сталин — вот кто был действительно великим человеком. Ну и Ленин, разумеется: но ведь ему по-настоящему властвовать не довелось, только гражданскую войну выиграл, и начался паралич. А Сталин — тот знал, что такое власть.

...Кончается рабочий день. Еще пройдет Вохуш по своему сектору (сотрудники сидят по двое в комнате, у каждого собственный телефон — и внутренний, и внешний), поговорит коротко о делах на завтрашний день. Но настроение у всех уже — ехать домой, да и сам Вохуш думает об этом не без удовольствия. После окончания рабочего дня он еще посидит минут 20. Вечерних бдений теперь нет, но нехорошо, если руководство заметит, что он уходит одновременно с рядовыми сотрудниками. Однако звонков нет, начальство его не требует — и Денис Иванович вызывает машину.

Она придет быстро — автобаза ЦК рядом, так что можно уже надевать шелковистое дюссельдорфское пальто и неторопливо, но уверенно, как и подобает ответственному сотруднику ЦК, идти к выходу. Блекло-розовые дорожки на натертом паркете, солидная лестница, просторный гулкий вестибюль. Сотрудники все еще выходят, но главная толпа уже прошла. Офицер КГБ вежливо, но внимательно проверяет его бордовую кожаную книжку.

Снаружи — темнота, ветер, снег идет. Но перед зданием ЦК не скользко: лед тщательно счищается острыми лопатками дворников, а для верности тротуар посыпается рыжим песком, а то вдруг поскользнется, садясь в машину, секретарь ЦК!

Вот и черная «Волга». И снова плывет она по шуршаще-скрипящему московскому снежку. Опять памятник героям Плевны, слева тянется Политехнический музей, справа — ЦК комсомола, потом два сросшихся здания на площади Дзержинского: КГБ и МВД — Лубянка. А там — вниз, по широкому проспекту. И мелькают магазин «Детский мир», угол Малого театра, колонны Большого театра, станция метро, Дом союзов, здание Совета Министров СССР. На мгновение блеснут огни улицы Горького — и пошли: отель «Националь», дом «Интуриста» (бывшее американское посольство), старое здание Московского университета. А слева все будет тянуться Кремль, лишь на время прикрытый от взгляда Манежем...

Вохушу и с водителем говорить не хочется: перекинулся парой замечаний о погоде да о снеге — и задумался.

Вот он сейчас катит по Москве, а она бредет где-то по вечерней Праге. Огни горят на Вацлавской площади, бьют часы на Старой Ратуше. Да что он вспоминает ее — не загорелые ляжки инструкторши из Воронежа, а ее? Все потому, что задело, как она тогда на него смотрела. Ну, Денис, скажи себе правду: с омерзением смотрела, как на гадкое животное. А еще — с бессилием. И с плохо удававшейся попыткой скрыть это омерзение, чтобы он не разозлился и не обманул, чтобы устроил ей выезд.

Э, да что там вспоминать! Подумаешь, принцесса — стажерская жена! Гордиться должна, что заинтересовался ею заведующий сектором ЦК.

А с бессилием этим часто на него люди смотрят. И мать, которая кричала: «Убийцы!»; и разные просители; и те, кого он прорабатывал; и те, кого из партии исключал,— разные люди.

И хорошо, что смотрят с бессилием. Вот пару недель назад он видел отвратительный сон. Как будто он в здании ЦК, а оно вдруг пустое. Он спускается в вестибюль — а там нет охраны! Его охватил ужас: ведь сюда сейчас войдут люди с улицы, из города! И вдруг они стали входить. Он с независимым видом подошел к лифту, но общий лифт был наверху, а секретарский, как всегда, заперт. Между тем людей из города набралось много, они молчали и только смотрели на него. Вот так же, как она, с тем же омерзением: как на вошь, как на паразита. Но только не было в их взгляде бессилия, а была сила. И он тогда в страхе проснулся с сердцебиением и долго не мог успокоиться.

Так и надо: пусть у них будет бессилие, а у нас — сила.

И думать надо совсем не об этом, а о приятном. Вот сейчас он приедет домой, жена уже приготовила отличный ужин: семга, икра, хороший сыр, жаркое, ананасы. Выпьет армянского коньячку: всякую эту болгарскую «Плиску» или арабский коньяк Вохуш не любит, только армянский; ну еще грузинский, и конечно, французский. С детьми поговорит, немного — с женой.

Можно бы, конечно, куда-нибудь пойти, культурно отдохнуть. Как завсектором ЦК, он может поехать на любой закрытый просмотр кинофильмов: в Министерство культуры, в Дом кино. Хорошая была идея — организовать эти просмотры. Фильмы — самые разные, из разных стран. Конечно, если чисто юридически посмотреть, то фильмы краденые — это нелегально сделанные копии лент, которые Комитет по кинематографии берет у иностранных кинофирм, якобы чтобы решить вопрос об их покупке, а потом не покупает. Но, с другой стороны, смешно было бы платить валюту этим капиталистам, когда фильмы все равно по идеологическим соображениям в массовый прокат пустить нельзя. А для руководящих работников делается несколько копий — что же в этом такого? Приятно бывает на этих просмотрах: сидят все свои, номенклатурные работники, ну еще деятели искусства, творческая интеллигенция. Людей из города нет. Но сегодня он туда не пойдет.

Кстати, и в ЦК раз в неделю — по четвергам — показывают заграничные кинофильмы, которые не выйдут на экран для широкого зрителя. Только на эти просмотры он и не заглядывает — это, как и вечерний буфет, больше для машинисток и секретарш, ему было бы даже и неудобно туда идти.

Можно, конечно, поужинать и отправиться с женой в театр. Билеты стоят пустяк: в Большой театр на лучшие места — три с полтиной, в других театрах — еще того дешевле. Ясно, в открытую продажу на эти места они не поступают. Поэтому тоже приятно: получишь по «броне» ЦК места в первом или втором ряду и сидишь опять среди своих, ну и там иностранные послы — это тоже не без приятности: чувствуешь свое положение в обществе.

Но и в театры, и на концерты Вохуша не тянет. Да и сыт он ими до отвала: по долгу службы бывает на спектаклях и концертах после всяких торжественных заседаний и конференций или с иностранными делегациями. Нет, никуда он сегодня не пойдет, будет отдыхать и на досуге продумывать: как дать ход своему продвижению

в замзавы. А в 10 часов — спать: без крепкого здоровья нет и продвижения.

Плывя в бесшумном лифте наверх, к своей квартире, и уже расстегивая ворсисто-шелковистое пальто, Денис Иванович по привычке коротко подводит итоги прошедшего дня. День, в общем, был удачный, ничем не омраченный, почти счастливый: ликвидировал опасность скандала с голосованием решения о делегации, не поддался на искушение поездки в Италию, ловко удалил нежелательных лиц из списка советско-болгарской комиссии, снял сомнительных авторов из издательского плана, заставил университет дружбы народов просить о назначении проректора из аппарата и получил согласие Первого на то, чтобы направить туда Шабанова. Если бы каждый день удавалось сделать столько полезных дел!

...Вот за этот-то день Денис Иванович и получил в 10 раз больше, чем рядовой советский труженик.

*

Паразитирующий правящий класс. Козельск, Москва... и так по всей стране.

Процитируем в последний раз в этой книге одно из последних стихотворений Галича:

Над блочно-панельной Россией
Как лагерный номер — луна.
Обкомы, горкомы, райкомы
В потеках снегов и дождей.
В их окнах, как бельма трахомы
(Давно никому не знакомы),
Безликие лики вождей.
В их залах прокуренных — волки
Пинают людей, как собак.
А после те самые волки
Усядутся в черные «Волги»,
Закурят вирджинский табак.
И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая ВОХРА
Следить, чтоб никто не следил [44].

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 397.
2. См. И. А. Курганов. Нации СССР и русский вопрос. Франкфурт-на-Майне, 1961, с. 30—31.
3. «Дружба народов» № 9, 1989.

4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 93.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309, 311.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45.
8. «Литературная газета», 30.07.86.
9. Э. Багрицкий. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1964, с. 126.
10. M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge/Mass., 1958.
11. National Archives, Washington, D. C., Smolensk Archive Microfilm, RS 921, лист 100.
12. Там же, л. 76.
13. Там же.
14. Там же, л. 95.
15. Там же, л. 12.
16. Там же, л. 131.
17. Там же, л. 94.
18. Там же, л. 97—98.
19. Там же, л. 96.
20. Там же, л. 1.
21. Там же, л. 271.
22. Там же, л. 123.
23. Там же, л. 124.
24. Там же, л. 133—134.
25. Там же, л. 134—135.
26. Там же, л. 138.
27. Там же, л. 142.
28. Там же, л. 139.
29. Там же, л. 65.
30. Там же, л. 66.
31. Там же, л. 35.
32. Там же, л. 34.
33. Там же, л. 43—46.
34. Там же, л. 223—224.
35. Там же, л. 157.
36. Там же, л. 153.
37. Там же, л. 204.
38. Там же, л. 277—283.
39. Там же, л. 303—304.
40. Там же, л. 306—307.
41. Там же, л. 307—308.
42. Там же, л. 300.
43. Там же, л. 305.
44. А. Галич. Когда я вернусь. Франкфурт/М., 1977, с. 56.

Глава 9

МЕСТО НОМЕНКЛАТУРЫ В ИСТОРИИ

Если мы хотели повернуть историю,— а оказывается, повернулись мы, а история не повернулась,— казните нас.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 118

Всемирный коммунизм — это всемирная реакция.

Курт Шумахер (председатель социал-демократической партии Германии 1946—1952 гг.)

Номенклатура, политбюрократия, ставшая господствующим классом,— «новый класс». А новый ли? Каково место номенклатуры в истории?

1. ДРУГОЕ ОБЩЕСТВО, ДРУГИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, сформулируем сначала выводы из того, что мы увидели, пробираясь по лабиринту главной тайны советского общества — тщательно скрываемого факта существования правящего, эксплуататорского, привилегированного, диктаторствующего, экспансионистского и паразитического класса — номенклатуры.

Мы убедились в следующем.

«Реальный социализм» — это не общество, предсказанное Марксом.

а) Маркс считал самым важным своим открытием диктатуру пролетариата. Ни в одной стране реального социализма такой диктатуры не было, всюду создалась «диктатура над пролетариатом» (Троцкий), диктатура номенклатуры.

б) Маркс предрекал как результат пролетарской революции возникновение бесклассового коммунистического общества — без государства, армии, полиции и бюрократии. Действительный результат всех революций, именующих себя «пролетарскими», оказался прямо противоположным: возникло общество с антагонистическими классами, с государством, армией и полицией несравненно более мощными, чем при капитализме,— общество, в котором политическая бюрократия сделалась господствующим классом.

в) В «Критике Готской программы» Маркс мимоходом упомянул, что у коммунизма будет первый этап, когда еще сохранятся элементы старого и не все черты коммунистического общества войдут в жизнь. Эта заметка была раздута в целую теорию «социалистического общества как первой фазы коммунизма».

Между тем Маркс пояснял: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[1].

Никакого «общенародного государства» не предусмотрено; впрочем, мы уже отмечали, что оно, с марксистской точки зрения, бессмыслица. Поскольку реальный социализм давно уже не претендует на то, что он диктатура пролетариата, то он предсказанной Марксом первой фазой коммунизма не является. Вдобавок ясно, что путь к отмиранию государства может проходить лишь через ослабление, а не укрепление государства, путь к ликвидации армии, полиции и бюрократии не может пролегать через их рост и усиление. Колумб, отправившись в сторону Америки вместо Индии, приехал соответственно именно в Америку, а не в Индию.

Общество реального социализма вполне реально, и оно действительно в корне отличается от капиталистического общества. Но это не то общество, возникновение которого прорицали Маркс и Энгельс. Это *другое общество*.

Номенклатура осознала, что оно другое. Она лишь пытается скрыть этот факт. С такой целью она продолжает раздувать теорию «первой фазы коммунизма». Поскольку эту «фазу» основоположники не охарактеризовали, а лишь упомянули, можно выдавать за нее решительно все, что не является ни капитализмом, ни коммунизмом. Под псевдонимом «первой фазы коммунизма» и фигурирует ныне антагонистическое и эксплуататорское общество реального социализма, не имеющее ничего общего с пророчествами Маркса.

Потребность в такой операции номенклатура ощутила давно. В эту сторону вел антимарксистский лозунг Сталина о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране» (1924 год), вели его рассуждения на XVIII съезде партии (1939 год) о возможности существования государства при коммунизме — с марксистской точки зрения полная бессмыслица, поскольку государство — аппарат клас-

са, а в коммунистическом обществе классов нет. Затем началось растягивание «периода социализма» — от очень краткого переходного этапа (как еще можно было бы интерпретировать мимолетное замечание Маркса) до чуть ли не самостоятельной социально-экономической формации.

Брежнев стал пропагандировать идею. Ульбрихт, всегда норовивший показать себя бо́льшим католиком, чем сам Папа, выступил с тезисом о социализме как «относительно самостоятельной» эпохе в истории человечества, чтобы отодвинуть перспективу коммунизма еще дальше. Помню, как, прогуливаясь со мной по Восточному Берлину, ответственный работник сектора ГДР в отделе ЦК КПСС рассуждал: «Конечно, постановка вопроса сама по себе своевременная и полезная. Но почему Ульбрихт? С этим тезисом должен выступить советский руководитель». Ульбрихт был смещен с поста Первого секретаря ЦК СЕПГ, а с тезисом о «развитом» или «зрелом социализме» как длительном периоде в жизни общества выступил Брежнев. Затем было объявлено, что коммунистическое общество вообще сложится постепенно, без особого скачка, в рамках «развитого социализма» и что между социализмом и коммунизмом «нет резкой грани» [2]. В 1986 году Программа КПСС была подвергнута пересмотру с целью вычеркнуть из нее все конкретные упоминания о коммунистическом обществе. Так медленно, но упорно Марксова идея о бесклассовом обществе вытравляется из коммунистической идеологии и заменяется идеей непреходящей стабильности реального социализма, то есть диктатуры номенклатуры.

Номенклатура осознала, что построено общество, не предсказанное Марксом, а предсказанное им она строить не собирается.

Если сопоставить современное капиталистическое общество и общество реального социализма, то именно первое выглядит этапом на пути к обществу без классов, государства и его атрибутов, а ни в коем случае не второе.

Как же получилось, что предсказанные Марксом революции в ряде стран действительно произошли, только вот результат их оказался прямо противоположным ожидавшемуся? Возникает вопрос: а не может быть так, что не только общества сложились другие, не предвиденные Марксом, но и сами революции были другими?

Действительно: и до Маркса, и после него в разных странах происходили революции и государственные пе-

вороты. В некоторых случаях их организаторы ссылались на теорию марксизма. Но ведь таких ссылок недостаточно, чтобы признать эти революции и перевороты соответствующими теории и подтверждающими ее правоту. Надо сличить эти революции с самой теорией.

По марксистской теории, пролетарские революции происходят в промышленно наиболее развитых странах — там, где капиталистические производственные отношения оказываются слишком узкими для бурно выросших производительных сил и превращаются в их оковы. В начале книги уже упоминался составленный Энгельсом перечень тех стран, где в соответствии с этой теорией должны были произойти в первую очередь пролетарские революции: Англия, США, Франция и — с некоторым запозданием — Германия.

А вот где в действительности произошли «пролетарские революции»: Россия, Монголия, Тану-Тува, Болгария, *Югославия, Албания*, Польша, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Восточная Германия, *Северный Вьетнам*, Северная Корея, *Китай, Куба, Южный Йемен*, Южный Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Ангола, *Эфиопия*, Мозамбик, *Гренада*, Афганистан [3]. Хотя некоторые из них по теоретическим соображениям именуются «национально-демократическими» революциями, но такой категории в теории Маркса вообще нет, власть же в этих странах оказалась в руках коммунистических партий, что, по Ленину, является главным признаком «победившей пролетарской революции».

Выявляется любопытная закономерность: «пролетарские революции» произошли только в слаборазвитых странах. В Европе, за исключением Югославии и Албании, эти революции победили лишь в условиях прямого советского военного или политического вмешательства. В то же время в наиболее развитых странах капитализма, несмотря на полную свободу деятельности коммунистических партий и других групп, надрывно призывавших к «пролетарской революции», никаких революций не было.

Закономерность, следовательно, такова: чем выше уровень развития производительных сил, тем меньше шансов для «пролетарской революции». Это антимарксистская закономерность, однако она не перестает быть многократно проявляющейся и не знающей исключений закономерностью. Пролетарские революции в развитых странах, предсказанные Марксом, не происходят. Зато под маркой «пролетарских» происходят революции в странах,

где нет развитого, а то и вообще никакого пролетариата. Под марксистскими лозунгами происходят *другие* революции.

Другое общество, другие революции. Какие?

2. БОНАПАРТИЗМ ВМЕСТО МАРКСИЗМА

Единственный путь для ответа на этот вопрос состоит в следующем. Весь ход развития материального мира свидетельствует об общем правиле: характеристика любого объекта и происходящие в нем изменения определяются стадией развития этого объекта. Значит, надо установить, на какой стадии исторического развития общества создается посредством «пролетарской революции» система реального социализма, и тогда мы получим ответ на наш вопрос.

Такой путь полностью соответствует и теории Маркса. Она была разработана под влиянием идей Дарвина об эволюционном развитии живых существ последовательными этапами от амебы к человеку. Соответственно марксизм говорит о последовательно сменяющих одна другую социально-экономических формациях как закономерных этапах развития человеческого общества.

Мы отмечали, что Ленин уже в своей ранней работе «Что делать?» выступил с ревизией марксистского подхода к историческому процессу, когда он связал возможность и перспективу революции в России не с уровнем развития производительных сил страны, а с действенностью «организации профессиональных революционеров».

Постарался напустить туману в Марксову теорию и «второй отец» номенклатуры — Сталин. На VI съезде партии летом 1917 года он заявил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму,— и добавил по адресу теории Маркса: — Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» [4]. В таком же духе стал высказываться и Ленин сразу же после октябрьского переворота: Маркс и Энгельс «говорили, что в конце XIX века будет так, что «француз начнет, а немец доделает»... Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет

далеко развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»[5].

И уж совсем выразился отход Ленина от исторического материализма в одной из его последних работ — статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)». Здесь Ленин поносит Суханова и «всех героев II Интернационала» за то, что они повторяют марксистское, как он сам пишет, «бесспорное положение»: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». В чем же тут грех? Ленин поясняет: «Им кажется, что оно («бесспорное положение».— *М. В.*) является решающим для оценки нашей революции»,— то есть они поняли, что Октябрьская революция — в Марксовом понимании этого слова — не социалистическая. Ленин опровергает такой вывод из «бесспорного положения» деланно наивным вопросом: «Почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»[6]. Пишется это так, будто Ленин никогда и не слыхал о базисе и надстройке — ключевом тезисе марксистской теории! Больше того: с той же наигранной наивностью Ленин спрашивает: «В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?» У Маркса и Энгельса прочитали да, кстати, и у самого Ленина — в его более ранних работах.

Далеко должен был Ленин отойти от марксизма, чтобы написать в той же статье: «При общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[7]! Ведь общество, с марксистской точки зрения,— не сборище людей, а их общность, социальный организм, который, как и любой организм, проходит через совершенно определенные стадии развития от своего рождения до смерти. Говорить, что не исключается, а, напротив, предполагается изменение порядка такого развития,— это все равно что признать возможной и даже предполагающейся примерно такую последовательность в жизни человека: сначала стал студентом, затем пошел в детский сад, там умер от старости, тут же женился и, наконец, родился.

На Маркса в подтверждение такого взгляда сослаться

невозможно, и вот классик марксизма Ленин ссылается на Наполеона: «Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет» [8]

Все верно, Бонапарт так сказал. Только это бонапартизм вместо марксизма.

Марксова же теория построена на принципе, что историю вершат не императоры и вожди, которые «ввязываются» во что-нибудь и затем смотрят, что получится, а вершит историю объективное развитие производительных сил общества. С такой точки зрения и рассмотрим вопрос: на какой стадии этого развития Россия, а затем и ряд других стран подошли к «пролетарской революции» и реальному социализму. Начнем с России.

3. НЕРАЗВИТОСТЬ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Каков был уровень развития предоктябрьских лет? И в этот вопрос Ленин постарался внести неясность: ответы на него — в зависимости от того, что требовалось доказать,— он давал самые противоречивые. Царскую Россию Ленин объявлял то колонией (или же «полуколонией») европейского капитала; то страной империализма; то, наконец, неким «военно-феодальным империализмом», что вообще бессмыслица, так как высшая стадия капитализма (а именно так определял Ленин империализм) не может быть феодальной.

Но в конечном счете Ленин поставил перед собой задачу — внушить тогдашним революционерам, что в России уже господствует капитализм.

С этой целью Ленин (под псевдонимом Н. Ильин) опубликовал в 1899 году книгу «Развитие капитализма в России». Автор неустанно продолжал дополнять ее новыми данными и в последующие 10—12 лет [9], настолько важным считал он это произведение. Дело в том, что задачей книги было доказать — капитализм в России достиг столь высокой ступени развития, что можно ставить вопрос о пролетарской революции. Чтобы выяснить, доказал ли это Ленин, остановимся на его сочинении.

В отличие от ряда последующих работ Ленина книга «Развитие капитализма в России» основана на изучении кропотливо собранного им фактического материала. Но подход к источникам — чисто ленинский: берется все, что можно как-то истолковать в поддержку его тезиса, и

объявляется неверным то, что этому тезису противоречит. Так, Ленин, не будучи статистиком, объявляет неудовлетворительной всю фабрично-заводскую статистику России последней трети XIX века. Он безапелляционно провозглашает, что «данными ее в громадном большинстве случаев нельзя пользоваться без особой обработки их и что главной целью этой обработки должно быть отделение сравнительно годного от абсолютно негодного» [10].

Фабрично-заводская статистика — основной источник по теме ленинской книжки — оказалась «абсолютно негодной» для цели этого сочинения: она показала не рост, а убыль числа предприятий в России.

Объяснялось это, конечно, не регрессом в промышленном развитии страны, а определенным прогрессом в сторону кристаллизации небольшого капиталистического сектора в экономике — машинного производства. Но Ленин не мог принять такого объяснения. Он попытался доказать, будто в России на рубеже XX века рабочие составляют «около половины всего взрослого мужского населения страны, участвующего в производстве материальных ценностей»,— 7,5 миллиона человек; если же сюда причислить работающих по найму женщин и детей, получается цифра около 10 миллионов рабочих. Правда, Ленин сам в подстрочном примечании пишет: «Оговоримся, во избежание недоразумений, что мы отнюдь не претендуем на точную статистическую доказательность этих цифр...» [11].

И верно: цифры дутые. Статистика свидетельствует, что в России было в то время всего 1,5 миллиона [12] промышленных рабочих, то есть явное меньшинство. Разумеется, соответствовало действительности именно приводимое статистикой число, а не ленинская пропагандистская цифра. Получил же ее Ленин весьма просто: он объявил, что все бедные крестьяне — безлошадные и однолошадные — являются пролетариями. При этом Ленин скромно упомянул, что среди рабочих эта «...большая, часть еще не порвала с землей, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства» и образует «тип наемных рабочих с наделом» [13]. Речь идет, следовательно, не о рабочих, а о занимающихся отхожим промыслом в свободное от сельских работ время. Но ведь этот тип издавна существовал в разных странах и с капитализмом не связан. Да и сам Ленин признает, что, по теории Маркса, «капитализм требует свободного, безземельного рабочего» [14], а не крестьянина-отходника.

Столь же неубедительно утверждение Ленина, будто

наличие зажиточных, средних и бедных крестьян в русской деревне — это «разложение крестьянства», плод капитализма. В действительности и на заре средневековья, и в античности были зажиточные и бедные крестьяне. Никаких доказательств того, что наличие различных групп в среде крестьянства — явление новое и прогрессивное, Ленин не приводит. Напротив, он сам замечает: «По вопросу о том, идет ли вперед разложение крестьянства и как быстро,— мы не имеем точных статистических данных...» Нет и неточных: «...до сих пор... не было сделано даже попытки систематически изучить хотя бы статику разложения крестьянства и указать те формы, в которых происходит этот процесс» [15].

Повисает в воздухе и категорическое заявление Ленина: в сельском хозяйстве России «...крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни» [16]. Ровно через 10 страниц автор не по-ленински смущенно берет его обратно: «Говоря выше, что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали... задерживающие разложение факторы... В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы». Ленин оправдывается: «Подобное абстрагирование представляется однако приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в крестьянстве» [17]. Но дело-то обстоит как раз наоборот: именно такими приемами ничего нельзя изучать. Хорошо «абстрагирование» — объявить, что в деревне господствуют не помещики, а сельская буржуазия, зная, что господствуют именно помещики!

Методом такого же «абстрагирования» выдвигает Ленин и другие доказательства успешного развития капитализма в России: наличие рынка, участие России в международной торговле, рост торгового и ростовщического капитала. Автор знает и даже цитирует положение марксистской теории, что ни торговый, ни ростовщический капитал не служат достаточным условием для возникновения капиталистического способа производства: «образование этого последнего «зависит всецело от исторической ступени развития...»...», причем чем сильнее развиты торговля и ростовщический капитал, тем слабее промышленный капитал, и наоборот [18]. Однако Ленин отождествляет эти два противоположных развития и из полученного ре-

зультата делает вывод об исторической ступени, на которой находится Россия.

С той же легкостью, как от теории, «абстрагируется» Ленин и от истории. Рынок, как известно, существовал уже в глубокой древности, когда о капитализме и речи быть не могло. Международная торговля велась на территории Древней Руси уже в VII—IX веках, участвовали в ней славяне, норманны, арабы, византийцы, хазары. А открытие археологами в 1984 году затонувшего торгового судна бронзового века еще раз наглядно показало: уже в те далекие от капитализма времена велась международная торговля с заморскими странами.

Под давлением фактов Ленин сам начинает порой говорить о слабости капиталистических элементов в тогдашней российской экономике. Отыскав уезд в Самарской губернии, где хозяйничали немцы-колонисты и русские хуторяне, предвосхитившие идею столыпинской реформы, Ленин пишет: «Эти наиболее свободно развившиеся колонии показывают нам, какие отношения могли бы и должны бы были развиться и в остальной России, если бы многочисленные остатки дореформенного быта не сдерживали капитализма» [19]. А на предпоследней странице книги автор находит мужество написать: «...развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие...» [20].

Не смог Ленин доказать, что в России уже развился капитализм: это было недоказуемо. Если бы Ленин написал свою книгу не как пропагандистскую, а как научную, то должен был бы ее назвать: «Неразвитость капитализма в России». Экономическая Россия была сельскохозяйственной страной: 80% населения составляли крестьяне, 2% — рабочие.

Социальная структура русского общества оставалась феодальной. Господствующим классом было дворянство. Только в 1861 году, за 56 лет до Октябрьской революции, в России было отменено крепостное право; в странах Западной Европы это произошло уже в XIII—XIV веках. Впрочем, и после реформы 1861 года российские крестьяне продолжали находиться пусть не в крепостной, но в феодальной зависимости от помещиков. Буржуазия пользовалась весьма незначительным политическим влиянием в государстве и еще не успела сконцентрировать в своих руках

такие богатства, которые были в распоряжении буржуазии в Западной Европе и в США. Максиму Горькому, приехавшему в Нью-Йорк, этот капиталистический город показался «городом желтого дьявола», где правило золото, а в России правили дворянство и тесно связанное с ним чиновничество. Рабочий класс не только составлял незначительное меньшинство населения, это был не кадровый пролетариат, а рабочий класс начального этапа капиталистического развития — класс крестьян, пришедших на заработки в город и готовых в любой момент вернуться к сельскому труду.

Политическая структура России характеризовалась давно отошедшей в прошлое стран Запада абсолютной монархией. Традиционно государственный характер русской православной церкви придавал российскому абсолютизму теократические черты. В России не было ни парламента, ни легальных политических партий. Национальные окраины России сохраняли весьма архаические социальные структуры. Так, в составе империи находился Бухарский эмират — средневековое восточное государство. А на северных окраинах России существовало еще родовое общество.

Так выглядела в экономическом и социальном отношении Российская империя на рубеже XX века. Что уж тут говорить об «империализме как высшей стадии капитализма»! Можно ли вообще утверждать, что Россия вступила к этому времени в эпоху капитализма?

Сдвиг в сторону капиталистического развития в России наметился лишь после первого удара русской антифеодальной революции 1905—1907 годов. Он, естественно, проявился прежде всего в промышленности. В период между 1907 и 1913 годами резко возросли добыча угля, выплавка чугуна. Стал быстро укрепляться национальный капитал: доля иностранного капитала в русской промышленности сократилась с 50% до 12,5%. Развивалось и сельское хозяйство: продукция зерновых культур в России возросла к 1913 году вдвое по сравнению с последними годами XIX века. В урожайные годы доля России в мировом экспорте пшеницы составляла 40%, но и в неурожайные не падала ниже 11%. Именно это быстрое развитие в сочетании с рядом политических факторов подготовило второй удар антифеодальной революции, приведшей к падению монархии. Но феодальные структуры все еще оставались мощными: в 1913 году дворянам (1,4% населения) принадлежали 63 млн. десятин земли,

а крестьянам (80% населения) — 188 млн. десятин, то есть всего лишь втрое больше [21]. В целом Россия была и в 1917 году феодальной страной.

Мы подошли к ответу на первый вопрос. На каком этапе общественного развития произошла в России большевистская революция? Не на этапе развитого и перезревшего капитализма, а в условиях феодализма и слабых еще ростков капитализма. Тем более это относится к подобным революциям в странах третьего мира, еще менее развитых, чем была Россия в 1917 году.

«Социалистические революции» происходят не в наиболее высокоразвитых капиталистических странах, а в странах с докапиталистической структурой, в странах подходящего к своему концу феодализма. Эти революции должны, казалось бы, занять место в ряду антифеодальных или, как их называет марксизм, буржуазных революций.

Но какие же они буржуазные? И на словах, и на деле они направлены против буржуазии. Соответственно они именуются «пролетарскими революциями». Мы подошли ко второму вопросу: действительно ли «пролетарские революции» связаны с пролетариатом? Рассмотрим этот вопрос на особенно наглядном примере.

4. ВТОРАЯ СТРАНА СОЦИАЛИЗМА

Советский Союз величественно именуется «первой страной социализма». Какая была вторая страна? Монголия. Была это до 1920 года страна примитивного кочевого феодализма — а стала вдруг страной реального социализма. Как же объясняется такая трансформация официальными советско-монгольскими идеологами? Такое объяснение давалось не раз, в частности в «Истории Монгольской Народной Республики» — объемистом совместном труде советских и монгольских историков [22].

Официальную версию мы находим в статье Жамбына Батмунха, тогда генерального секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии и Председателя Совета Министров МНР; статья опубликована в «Коммунисте», теоретическом и политическом журнале ЦК КПСС, под четким заголовком «К социализму, минуя капиталистическое рабство» [23].

Автор констатирует, что сегодня «рядом с реальным социализмом существуют и развитой капитализм, и раннекапиталистические, феодальные и даже более архаичные

социальные структуры.— Он ставит вопрос:— Могут ли запоздавшие в своем развитии народы... сократить сроки своего национального, политического и социального развития? Обязательно ли для них, как это полагали теоретики II Интернационала, пройти по пути к социализму все ступени феодального, а затем и буржуазного развития?» [24].

«Теоретики II Интернационала» здесь, конечно, ни при чем, ибо так полагали уже Маркс и Энгельс. Поставленные же два вопроса друг с другом не связаны: одно дело — скорость движения по определенному пути, и совсем другое — можно ли пройти этот путь, не проходя отдельных его этапов.

Человечество возникло в некую определенную эпоху, однако сегодня на Земле живут народы с различным уровнем общественного развития — от родового строя каменного века до развитого общества современной цивилизации. Это доказывает, что темп развития в разных странах различен. Значит, возможно его ускорение или замедление. Но этапы необходимо проходить *все*. Следуя по одному и тому же маршруту пешком, в поезде или на самолете, мы не минуем ни единого метра пути; грудной младенец не может превратиться в зрелого человека, не пережив всех этапов такого превращения.

Вопреки этим очевидностям Батмунх объявляет, что Монголия успешно совершила «скачок» «через века — от кочевого пастушеского феодального хозяйства, страшной нищеты и почти поголовной неграмотности населения к социалистическому обществу», претендующему на то, чтобы быть высшей ступенью современного мира.

По теории исторического материализма, сделать это невозможно — как невозможно человеку прыгнуть с подножия на вершину Эвереста. Поэтому Батмунх прозрачно намекает, что теорию Маркса здесь надо поправить. Он пишет: «...очень уместно напомнить слова К. Маркса: «Ни одна революция не может быть совершена партией, она *совершается только народом*». /.../ Но нельзя забывать и о том, что без руководства партии массы способны лишь на стихийные действия» [25].

Тут мы и обнаруживаем поворот в сторону, противоположную теории Маркса. Именно в этом пункте происходит разрыв ленинцев и сталинцев с историческим материализмом: революция рассматривается ими не как результат объективного глубинного процесса роста производительных сил и вызванного им развития общества, а как

захват власти удачливой партией профессиональных революционеров.

Батмунх так и пишет: «Для начала у монгольских революционеров было главное — убежденность в необходимости революционных перемен, великий пример партии Ленина...» [26]. С наслаждением цитирует Батмунх ленинские слова: «...никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил» [27].

Как видим, подход явно антимарксистский, только слова остаются марксистскими: «пролетарская революция» и «диктатура пролетариата». Но в России рабочий класс, хоть малочисленный и отсталый, все же был, там можно было претендовать на роль «авангарда» этого класса. А как в Монголии, где вообще не было рабочих и, следовательно, даже претендовать было не на что?

Ответить на такой вопрос теоретики «скачка», естественно, не могут. Поэтому Батмунх вместе с редакцией «Коммуниста» находят лишь пустопорожнюю отговорку: «Конечно, всегда найдутся мудрецы, которые скажут: создание партии, которая берется вести народ к социализму, то есть осуществлять историческую миссию рабочего класса в стране, где этого класса вовсе нет, алогично. Но без таких «алогизмов» нельзя представить себе историю человечества и особенно нынешнего века...» [28].

Если история человечества полна таких «алогизмов», то, очевидно, нетрудно привести примеры. Какие же? Бывала где-нибудь буржуазная революция без буржуазии? Было рабовладельческое общество без рабов и рабовладельцев? Доклассовое общество с классами или, наоборот, классовое без классов?

И, конечно же, прекрасно можно себе представить историю любого века, в том числе и нашего, не как некую абракадабру, где следствия предшествуют причинам, а как нормальный, поддающийся исследованию при помощи законов логики процесс развития общества. Утверждения же о том, что авангард рабочего класса может существовать при отсутствии этого класса, что пролетарская революция и диктатура пролетариата возможны там, где нет пролетариата, право же, не заслуживают деликатно академичного названия «алогизм». Это попросту политическое шарлатанство.

На таком шарлатанстве и построена вся теория «скачка» через эпохи. Последуем дальше за Батмунхом.

По Марксу, революция — это объективный процесс.

А Батмунх сообщает:

«Отсутствие промышленности, а следовательно, социально-классовой базы социализма в лице национального рабочего класса» привело к тому, что «как сам выбор прогрессивного пути развития страны, так и его реализация во многом зависели от субъективного фактора — от деятельности МНРП» [29].

МНРП захватила власть при советской помощи; III съезд МНРП в августе 1924 года утвердил «генеральную линию партии на развитие страны к социализму, минуя капитализм» [30]. А уже три месяца спустя Монголия была провозглашена «народной республикой», что якобы «окончательно закрепило революционно-демократическую диктатуру трудового народа» [31] — ввиду отсутствия пролетариата измененная ленинская формула о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства».

Что же это было за «народное государство»? Бессмысленная с точки зрения марксизма, эта формула выражала лишь тот факт, что государство в Монголии имелось. О его характере формула не говорит ровно ничего. Неудивительно: как сообщает Батмунх, «народное государство в течение трех лет существовало в форме теократической конституционной монархии» [32]. Затем то же самое «народное государство» «постепенно стало выполнять функции диктатуры рабочего класса» [33], все еще фактически не существовавшего.

Дальше — больше: «Социалистические производственные отношения примерно к 1960 году полностью победили во всех отраслях народного хозяйства» Монголии [34]. МНР, правда, еще не вступила в период строительства развитого социализма, а довольствуется пока «периодом полного построения социалистического общества». Однако почему-то «центральной задачей» этого периода является лишь «завершение создания материально-технической базы социализма». Звучит точно так же, как если бы было сказано: центральной задачей полного построения дома является завершение создания его фундамента. Не менее нелепо с марксистской точки зрения звучит торжественно объявленное сообщение: ныне, через четверть века после вступления Монголии в период полного построения социализма, еще только «крепнет рабочий класс — ведущая сила монгольского общества» [35].

Очерк пути Монголии к социализму состоит не из одних нелепостей. Есть в нем вполне реальные черты:

создание «партии нового типа» и как всегда замалчиваемой номенклатуры; истребление ею усомнившихся в возможности «скачка»; замена крепостного права сплошной коллективизацией; «национализация» земли, то есть переход ее в коллективную собственность номенклатуры; и, понятно, выкорчевывание любых «зарождавшихся капиталистических элементов» [36] с целью «твердо ограничить возможности зарождения из среды зажиточных слоев аратства хозяйств эксплуататорского типа» [37]. Для завершения картины упомянем «официальное провозглашение на IV съезде МНРП тезиса о том, что партия в своей деятельности руководствуется учением Маркса, Энгельса, Ленина, а изучение марксизма-ленинизма является обязанностью каждого члена партии» [38], хотя все описанное выглядит как злобная насмешка над учением Маркса и Энгельса.

Мы подробно остановились на примере второй страны социализма — Монголии потому, что он наглядно показывает: все «объяснения» того, как страна может миновать закономерные этапы своего исторического развития и очутиться сразу на его последующих этапах,— пустая болтовня. Она противоречит не только марксистской теории — это бы не беда! — но прежде всего здравому смыслу! Противоречит ему и результат. Ведь социалистическая МНР теоретически стала ныне передовой страной по сравнению с капиталистическими США, Японией, ФРГ и др. Вместе с тем очевидно, что Монголия — и сегодня отсталая страна и никакой рост поголовья верблюдов в очередную пятилетку не приближает МНР к уровню названных стран.

Как объяснить это явное противоречие? Может быть, болтовня и то, что в Монголии построен реальный социализм?

В том-то и дело, что нет. МНР действительно по всем признакам стала тогда страной реального социализма. Все на месте: правит номенклатура, на ее вершине царят директивные органы: Политбюро и Секретариат ЦК партии во главе с генеральным секретарем, на выборах в Советы разных уровней трудящиеся дружно отдают 99,9% голосов кандидатам блока коммунистов и беспартийных, выполняются и перевыполняются народнохозяйственные планы; доблестные вооруженные силы стоят на страже мира, и неустанно бдят органы госбезопасности. Лишь по

пропагандистской табели о рангах Монголии отведено было место страны, пока еще только строящей «полный социализм»; а в действительности по своей структуре она ничем не отличалась от страны развитого социализма — СССР.

Как и в России, реальный социализм в Монголии оказался налицо, но так же налицо оказалась отсталость Монголии от любой страны современного капитализма. То же относится к другим социалистическим странам третьего мира. Так уже не в сфере теорий и пропагандистских словес, а в подлинной жизни выступает намертво затянутый узел, казалось бы, неразрешимого противоречия между двумя очевидностями.

Узел мгновенно распускается, если высказать гипотезу: реальный социализм не следует за эпохой капитализма, а предшествует ей.

5. РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ — НЕ КАПИТАЛИЗМ

Предшествует? А может быть, реальный социализм просто сам является своеобразной формой капитализма? В таком случае нет нужды пересматривать широко признанную схему смены эпох в человеческой истории.

Этот весомый аргумент действительно привел к возникновению теорий, согласно которым социализм — всего лишь разновидность капитализма или его замена.

Распространено мнение, что социализм советского типа — это государственный капитализм. Действительно, роль государства при реальном социализме велика. Но ведь государство — всего лишь аппарат класса, в данном случае номенклатуры. Является ли она капиталистическим классом, выступающим через государство в качестве коллективного капиталиста? Ничто не свидетельствует об этом. Тот факт, что номенклатура присваивает прибавочный продукт, не относит ее непременно к буржуазии: так поступали все господствующие классы. А вот то, что номенклатура гонится прежде всего за властью, а не за экономической прибылью и охотно жертвует последней ради даже незначительного, вовсе не необходимого прироста своей власти, показывает: номенклатура — не капиталистический, а некий другой класс, основанный на власти, а не на собственности и соответственно действующий методом внеэкономического принуждения. Номенклатура — не «новая буржуазия», потому что она вообще не буржуазия.

Герман Ахминов выступил в 1950 году с другой тео-

рией: социализм — это своеобразная замена капитализма для стран, отставших в своем развитии [39]. Но и эта теория вызывает возражение. Ведь социализм приводит к результатам, весьма отличным от результатов капиталистического развития: к экономике дефицита вместо экономики изобилия, к постоянному кризису недопроизводства вместо периодических кризисов перепроизводства и ко многим другим явлениям, чуждым капиталистическому обществу. Осознав это, Г. Ахминов уточнил позже свою идею: он высказал мнение, что социализм заменяет собой лишь *ранний* капитализм, имея в виду проводимую номенклатурой индустриализацию [40]. Однако и в такой форме теория остается неубедительной: в противоположность раннему капитализму социализм создает тяжелую промышленность для укрепления своего военного потенциала, а не для производства товаров с целью получения прибыли.

Итак, хотя реальный социализм следует за феодализмом, за которым в нормальных условиях следует капитализм, и потому заманчиво объявить этот социализм некоей особой формой капитализма, такое объяснение приходится отвергнуть. Реальный социализм действительно, а не только на словах противоположен капитализму и по самой своей структуре враждебен ему.

Реальный социализм по своей сущности не имеет ничего общего ни с предсказанным Марксом коммунистическим обществом, ни с капитализмом. Тем не менее он следует за феодализмом. Остается проверить еще одну возможность: не является ли реальный социализм продолжением феодализма в некоей специфической форме?

Такое предположение дало бы объяснение тому факту, что он возникает только в странах, достигших стадии позднего феодализма. Поддерживает эту версию и то, что при реальном социализме царит типичный для феодализма метод внеэкономического принуждения людей к труду. В пользу такой версии говорят и строго иерархическая структура общества, социальный апартеид, наличие в обществе привилегированной правящей знати — новой аристократии. Видимо, учитывая эти факторы, Милован Джилас в последнее время высказывает мнение, что реальный социализм — это «промышленный феодализм» [41]. Однако он этот тезис ничем не обосновывает. Между тем обосновывать надо. В Эфиопии, Афганистане, Гренаде, Южном Йемене, Анголе, Мозамбике промышленности почти нет, да и Куба с Монголией не являются

индустриальными странами, а реальный социализм в них был установлен. Почему же это промышленный феодализм?

Возникает и другой вопрос. При феодализме господствующий класс — феодалы, крупные помещики-землевладельцы. А при реальном социализме господствующий класс — политбюрократия, номенклатура. Заметим: политбюрократия, а не технократия. Конечно, в рамках феодализма класс феодалов изменялся: сначала это были родовая знать, боярство, затем — служилая знать, дворянство. Правда, экстраполяция такого развития приводит к предположению о возникновении еще более служилой формы феодального класса: чиновной правящей бюрократии. Но это экстраполяция, то есть предположение, а не реальность. Зато реальностью является одна особенность номенклатурного строя, на которой мы еще не останавливались. С поразительным упорством он претендует на то, чтобы считаться социализмом. Не может ли в этой претензии таиться след, ведущий к пониманию места номенклатуры в истории?

6. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

Социал-демократы — даже в тех странах, где они давно находятся у власти,— считают «демократический социализм» процессом прогрессивного развития общества, а не его устойчивым состоянием, не социально-экономической формацией. Только диктатура номенклатуры претендует на то, чтобы считаться социалистическим государством. При этом реальный социализм объявляется воплощением «многовековой мечты человечества» о справедливом социалистическом обществе.

Действительно, уже первое знакомство с историей социалистических учений поражает тем, что они начали возникать еще в глубокой древности. Идеи рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ появились только в процессе созревания этих обществ; концепции же социалистического характера выступают в истории цивилизации как бы вне времени и пространства.

Можно ограничиться лишь самым кратким — пунктирным обзором истории социалистических идей. Можно было бы расширять его чуть ли не бесконечно. Существуют многотомные издания этой истории. Однако и они, как и сделанная выжимка из них, приводят к одному результату: социалистические идеи не связаны с какой-либо определенной эпохой; они — выражение существовавшей

во все века у всех народов мечты о справедливости, всеобщем благоденствии и счастье. Эти учения отличаются от религии тем, что религия трансцендентна и видит возможность осуществления мечты о справедливости и счастье лишь в ином, потустороннем мире; социалистические же учения переносят эту возможность в наш мир и утверждают, что осуществить рай на земле и достигнуть его можно путем общественных преобразований. Эта противоположность создает объективную предпосылку для попыток замены религии социалистическими теориями.

Древность социалистических учений показывает, что они не связаны ни с пролетариатом, ни с развитием или упадком капитализма. Они были, есть и, вероятно, будут, но они не являются порождением какой-либо определенной социально-экономической формации.

Эта странная особенность отчетливо выступает в работах по истории социалистических учений независимо от отношения их авторов к идее социализма. Очень хорошо об этом свидетельствует известный коллективный труд социалистического направления «История социализма» [42].

Значит, социалистические учения не служат идеологическим выражением классовой борьбы внутри капиталистического общества и провозглашенной марксизмом исторической необходимости замены капитализма коммунистическим строем. Но ведь, как не без основания писал Маркс, «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [43]. Поскольку материальных условий для решения задачи свержения капиталистического господства и построения социализма явно не существовало в Древнем Китае или в средневековой Европе, возникает вопрос: что же *осуществимое* в разных странах и в разные эпохи содержится в социалистических учениях?

Если внимательно всмотреться в эти учения, то в них явственно прослеживаются общие черты желаемого авторами общества. Это прежде всего, конечно же, «разумное» и «справедливое», но непременно твердое управление обществом с жесткой регламентацией всей его жизни. Это, далее, обобществление, а то и прямое огосударствление всех имеющихся в обществе богатств —

или же производимый администрацией их раздел между членами общества. Это, наконец, возможно более полный коллективизм в обществе; сюда относятся все идеи о совместном жилище, общности жен, общественном воспитании детей и т. п. В целом же человек рассматривается не как неповторимая индивидуальность со своей собственной судьбой, а как человеко-единица, в соответствии с регламентом работающая, веселящаяся, негодующая и производящая потомство — все это под бдительным присмотром властей предержащих.

Разумеется, нет недостатка в заверениях, что вот тут-то и наступит золотой век человечества, царство свободы, материального благоденствия и небывалого расцвета личности. Но ничто в сказанном этого не подтверждает. Наоборот, чем больше читаешь фантазий о том, как осчастливить человечество путем строгой регламентации жизни человеко-единиц, тем неотступнее впечатление: все это написано с точки зрения некоей элиты, которая сама себя причисляет отнюдь не к человеко-единицам, а к их правителям и регламентаторам, человеческое же поголовье созерцает деловитым оком животновода.

Кто же эта элита, столь четко отделенная от простых смертных? При помощи какого механизма она управляет и регламентирует? В марксистских категориях такую правящую элиту можно идентифицировать как господствующий класс общества, а механизм ее управления — как государство, поскольку дело идет явно не об экономическом, а о внеэкономическом принуждении.

Итак, сухой осадок, выпадающий из водянистых рассуждений социалистов-утопистов, таков: высоко стоящий над всей массой населения господствующий класс, детально регламентирующий человеко-единицы при помощи государства. Не будем спешить с оценкой. Может быть, это действительно делает людей счастливыми: ведь дети счастливее с воспитывающими их родителями, чем без них. Сосредоточим внимание на другом.

Идет ли речь в данном случае об определенной социально-экономической формации, о явлении такого же порядка, как феодализм или капитализм? Если да, то возникает некоторая странность в такой формации: в противоположность феодализму и капитализму остается совершенно неясным характер господствующего класса и контролируемого им государства. Странно и другое: никто заранее не планировал и не описывал феодализм

и капитализм, но они сложились и существуют; напротив, социализм описывался в деталях на протяжении ряда веков, но остается спорным, возник ли он вообще.

Странности исчезают, если предположить, что социализм — не социально-экономическая формация, а просто *метод управления:* господствующий класс управляет всей жизнью общества через государство [44].

Огосударствление всей политической жизни, экономики, культуры, идеологии возможно, по-видимому, в любой формации, всюду, где существует государство. Применение этого метода изменяет лицо общества, но не меняет его социальной сущности. Точнее, метод «социализма» — огосударствление накладывается на существующую формацию. Разрушает ли он ее? На этот вопрос может ответить лишь опыт истории.

Такой опыт есть. Мы говорим в данном случае не о бесплодных, всегда проваливавшихся попытках создать экспериментальные ячейки социализма, вроде оуэновских 16 колоний в Америке и 7 в Англии (наиболее известными были «Новая Гармония» в Индиане, Орбистон в Шотландии, Рахалин в Ирландии, Квинвуд в Хэмпшире) [45].

Неверно думать, будто лишь в некоторых странах реального социализма номенклатуре удалось, наконец, осуществить многовековые чаяния идеологов. История показывает, что в различных странах предпринимались довольно успешные попытки создания такого общества-муравейника. И что особенно важно: эти попытки восходят в такую историческую глубь, что опережают всех известных нам утопистов. Невольно задумываешься: не эта ли издали увиденная реальность и подтолкнула мысли авторов в русло утопического социализма?

7. «АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА»

Во всяком случае, эта реальность не осталась незамеченной. О существовании регламентирования, деспотически управляемых обществ писали Монтескье, Адам Смит, Джеймс Милль.

Вслед за ними обратился к этому факту и Маркс. В своей схеме развития классового общества путем следования через ряд социально-экономических формаций Маркс должен был найти место и для этих деспотий. Он нашел его в начале исторического пути человечества после возникновения классов. В «Критике политической

экономии» (1859 год) Маркс четко сформулировал свою схему: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[46]. Причину возникновения «азиатского способа производства» Маркс видел в том, что сохраняется общинная, то есть коллективная собственность на землю. Эта собственность, так и не превратившись в частную, переходит к возникшему тем временем объединению общин и, таким образом, к государству. Государство же олицетворяется деспотом, правящим при помощи своих ставленников, как мы теперь сказали бы — при помощи аппарата. Жители обращены в полную зависимость от государства, так как «государство непосредственно противостоит непосредственным производителям... в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена»[47].

Итак, по Марксу, классовое общество знает четыре последовательно сменяющие друг друга формации — четыре способа производства: 1) азиатский, 2) античный, 3) феодальный, 4) капиталистический. Им предшествует доклассовое общество — «первобытный коммунизм», за ними следует бесклассовое общество — коммунизм, «светлое будущее всего человечества».

Хотя сказанное было справедливо представлено Марксом как итог многолетних работ, его затем обуяли сомнения.

Марксистское учение построено на классовом анализе развития общества. Естественно, что Маркс должен был прежде всего указать господствующий класс в каждой формации. Он называет четко: в античности — рабовладельцы, при феодализме — феодалы, при капитализме — капиталисты, при диктатуре пролетариата — пролетариат. И вдруг, говоря об азиатской формации, классик сбивчивой скороговоркой объявляет, что правящим классом были... деспоты или государство.

Но ведь это же бессмыслица. Деспот — не класс, государство, именно с марксистской точки зрения,— аппарат господствующего класса. Какой *класс* господствует при «азиатском способе производства»?

Класс этот очевиден: правящая бюрократия деспотического государства. Даже если на тонкого аналитика Маркса нашло в этом вопросе затмение, читал же он в работах своих предшественников о роли бюрократии в восточных деспотиях[48].

Дело не в затмении. Маркс не может произнести слова «бюрократия» и предпочитает даже в «Капитале» писать бессмыслицу о «суверене» и «государстве» явно потому, что не хочет говорить о политбюрократии как господствующем классе общества [49].

В литературе высказывается предположение, что это было следствием критики марксизма анархистами [50]. Верно, Бакунин прямо заявлял, что предусмотренная Марксом «диктатура пролетариата» на деле «порождает деспотизм, с одной стороны, и рабство — с другой» и что вообще все Марксово учение — это «фальшь, за которой прячется деспотизм правящего меньшинства». Конечно, эти дальновидные слова могли укрепить основоположников в мысли, что о классе господствующей бюрократии говорить не стоит; но дело в том, что высказаны они были уже после выхода в свет первого тома «Капитала». Нет, такой умный человек, как Маркс, не нуждался в подсказках своих критиков, чтобы догадаться: нельзя признавать, что господствующим может быть класс «управляющих», а не собственников, иначе «социализм» предстанет всего лишь как общество нового классового господства.

Добавим, что Маркс, очевидно, подметил некую загадочную связь между «азиатским способом производства» и социализмом. Иначе трудно объяснить высказанную им к концу жизни мысль о возможности прихода к социализму Индии и России на основе сохранившейся в обеих странах сельской общины, то есть на той же основе, на которой, по его мнению, сложился «азиатский способ производства».

Если такие соображения побудили теоретика Маркса к фальсификации собственной теории, то популяризатора Энгельса они повели к более радикальным выводам. В «Анти-Дюринге» и в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс открыто отошел от Марксовой четырехчленной схемы, объявив первым господствующим классом рабовладельцев и соответственно первой классовой формацией — рабовладельческую.

Такую же эволюцию проделал Ленин. Он отлично знал Марксову схему и цитировал четырехчленную формулу Маркса в статье для «Энциклопедии Гранат» [51]. Эта статья была затем выпущена отдельной брошюрой с предисловием Ленина в 1918 году [52]. Но в своей лекции «О государстве», прочитанной всего через год, в июле 1919 года, Ленин вдруг дает другую схему. Вот она: «...вначале мы имеем общество без классов... затем —

общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа... Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света... За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право... Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду...». Ленин называет в качестве «крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический»[53].

Почему Ленин, объявивший учение Маркса догмой, ему противоречит? Потому что за год своего пребывания у власти он понял: опасно признать, что уже в далеком прошлом существовала система, в которой все было «национализировано», а господствующим классом была бюрократия.

Сталин пошел дальше: он не просто замалчивал Маркcову схему, а открыто расправился с ней. В 1931 году в Москве была организована дискуссия об «азиатском способе производства». Нехитрый ее смысл состоял в выводе: хотя Маркс о таком способе производства действительно писал, но на деле это рабовладельческий строй, как и в античности. В 1938 году в упоминавшейся нами работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме» была безоговорочно воспроизведена трехчленная схема: рабовладельческое общество, феодализм, капитализм. А чтобы забить кол в могилу Марксовой идеи о четырех формациях, в 1939 году ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) опубликовал рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Рукопись сумбурная, черновой набросок 1857—1858 годов, а не цитированная выше чеканная формула 1859 года. Но в этом наброске не давался перечень формаций Это и решили использовать, чтобы показать: видите, Маркс пишет о формах, предшествовавших капиталистическому производству, а азиатского и античного способов производства не называет. Доказывало это что-нибудь? Ровно ничего, так как он и рабовладельческого способа производства не называл. Больше того, Маркс и здесь как само собой разумеющееся упоминал «специфическую восточную форму»[54], «азиатскую форму» в противоположность античной[55]. Он писал, что «азиатская форма» держится особенно цепко и долго[56]. Маркс и здесь подчеркивал, что в большинстве случаев «азиатская форма»

связана с «восточным деспотизмом» и отсутствием собственности у населения [57]. Тем не менее опубликование рукописи было использовано тогдашним главой советской древней ориенталистики академиком В. В. Струве для безапелляционного заявления: «Тем самым раз навсегда кладется конец попыткам некоторых историков усмотреть у Маркса особую «азиатскую» общественно-экономическую формацию» [58],— словно Маркс о ней ничего не писал.

Процедура живо напоминала оруэлловское описание допроса в «Министерстве любви», когда человеку показывают четыре пальца, а требуют, чтобы он увидел пять [59]. Метод и впрямь действенный: я, тогдашний московский студент-историк, до сих пор инстинктивно считаю, что, по Марксу, существовали три классовые формации, хотя точно знаю: Маркс писал, что их четыре.

Может быть, действительно были научные основания причислять «азиатский способ производства» к рабовладельческому обществу? Нет. Хотя рабы, в первую очередь государственные, имелись во всех восточных деспотиях, основная масса непосредственных производителей состояла не из них, а из псевдосвободных общинников. Деспотическое государство мобилизовывало их на работы — будь то строительство оросительных сооружений, постройка Великой Китайской стены или возведение пирамид, дворцов и храмов. Из мобилизованных общинников состояли по тогдашним временам гигантские армии восточных деспотов. Это было не рабовладение, а то «всеобщее рабство» населения, о котором писал Маркс, характеризуя «азиатский способ производства».

Так, не без благословения основоположников марксизма, «отцы» номенклатуры Ленин и Сталин разделались с «азиатским способом производства».

8. ГИПОТЕЗА ВИТТФОГЕЛЯ

Немецкий историк Карл Виттфогель, глубоко разочаровавшийся в коммунизме, восполнил образовавшийся пробел в изучении «азиатского способа производства». После ряда работ, посвященных отдельным аспектам проблемы, Виттфогель опубликовал в 1957 году в США монографию «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти» [60]. В этом интересном и хорошо сформулированном труде автор излагает следующие основные идеи.

«Азиатский способ производства» возникает не просто

при наличии общин с коллективной собственностью на землю, а в тех условиях, когда эти общины вынуждены объединить свой труд для строительства крупных ирригационных сооружений. Такие общества Виттфогель именует «гидравлическими». Организация гидравлических работ и мобилизация общинников на эти работы ведут к возникновению деспотического правления. Бюрократия создающейся таким путем восточной деспотии становится господствующим классом во главе с правителем-деспотом. «Гидравлическое общество» — не рабовладельческое, ибо основную массу непосредственных производителей составляют не рабы, а общинники. Это и не феодальное общество — феодалы подчиняются монарху на определенных условиях и в определенных пределах, тогда как власть восточного деспота над его вельможами и бюрократами так же безгранична, как и над всеми другими подданными. И уж тем более «гидравлическое общество» — не капиталистическое: «восточного капитализма» как специфической формы не существует.

Автор обращает внимание на сходство реального социализма с восточной деспотией — в частности, в том, что в обеих структурах господствующим классом является правящая бюрократия. Однако Виттфогель не решается отнести реальный социализм в СССР к «азиатскому способу производства», аргументируя тем, что в соцстранах проводится индустриализация, а восточная деспотия — «агроменеджерский» строй.

Этот скороговоркой произнесенный Виттфогелем аргумент никак не может удовлетворить.

Промышленность в противоположность ремеслу — новое явление в человеческой истории; оно относится к тому же ряду изменений в технике материального производства, что и появление орудий из меди и бронзы, а затем из железа. Но ведь не вычеркивает же Виттфогель из «азиатского способа производства» архаичный Египет, пользовавшийся еще неолитическими орудиями, или государство инков, жившее в условиях бронзового века.

Виттфогель увлекается своим монокаузальным объяснением возникновения деспотий как политического следствия крупных ирригационных работ. Столкнувшись с фактом, что деспотии в ряде случаев возникали в странах, где искусственная ирригация не была центральной проблемой, а то и вовсе отсутствовала, Виттфогель старается путем сложной классификации и такие страны подтянуть к понятию «гидравлического общества». Но ведь никакая

классификация не может объяснить, почему крупные гидравлические работы в Голландии и Италии не привели к созданию деспотий, а в ряде других стран деспотия возникла, хотя не было гидравлических работ.

Логика приводимого Виттфогелем материала сама подталкивает к выводу: «азиатский способ производства» возникал не только в обществах с ирригационным сельским хозяйством, это лишь частный случай. Общая же закономерность состоит в том, что тотальное огосударствление применяется для решения задач, требующих мобилизации всех сил общества. Использование этого метода — признак не прогресса, а, наоборот, тупика, из которого пытаются выйти, историческое свидетельство о бедности. И прибегнуть к методу тотального огосударствления можно в принципе всюду, где есть государство.

Чем дальше от нашего времени отстоят изучаемые эпохи, тем явственнее заметна общность в развитии человеческих обществ, даже находившихся на разных континентах и не знавших друг о друге. А на дальнем горизонте истории — в палеолите, неолите, медном и бронзовом веках — различия вообще почти незаметны: археологи четко определяют стадию развития общества, материальную культуру которого они обнаружили; но часто не знают, какому племени эта культура принадлежала. Так что и отказ Виттфогеля от монистического взгляда на историю не убеждает.

Мы видим: уже основоположники марксизма заметили в «азиатском способе производства» неприятные черты сходства с «диктатурой пролетариата», а «отцы» номенклатуры отреагировали на эту опасность, вычеркнув «азиатский способ» из числа формаций. Убедились мы и в том, что сущность «азиатского способа» состоит в применении метода тотального огосударствления, причем правящий класс — политбюрократия — регламентирует всю жизнь общества и деспотически им управляет при помощи мощной государственной машины. Идея именно такой структуры проходит красной нитью через социалистические учения, вершиной которых объявляет себя марксизм-ленинизм. И правда: при реальном социализме господствующим классом является политбюрократия — номенклатура, она регламентирует жизнь общества и управляет им через свой аппарат — государство.

Мы сказали, что метод тотального огосударствления может быть применен всюду, где есть государство, значит, и в наши дни. А не может ли быть, что реальный

социализм и есть «азиатский способ производства», обосновавшийся в XX веке?

9. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ

Поставленный вопрос надо не отбрасывать, а серьезно обдумать. Ибо не следует поддаваться ложному, хотя психологически объяснимому представлению: не может-де в наше время существовать та же система, которая была в Древнем Вавилоне. Вспомним, что еще в нашем веке жила Китайская империя, протянувшаяся прямо из эпохи царств Древнего Востока: кстати, своеобразным напоминанием об этом живом прошлом служит то, что и сегодня в Китае пишут иероглифами, как в Древнем Египте. Зачарованные научно-техническим прогрессом XX века, мы забываем, как живуче то, что с неоправданной торопливостью считается прошлым. Ставшая тривиальной фраза, что-де в наше время ход истории ускоряется, путает историю с техникой. Не надо забывать: наш век — не только век космонавтики, но и век религиозных войн в Северной Ирландии и Ливане, возрождения мусульманского фундаментализма, попыток геноцида — истребления целых народов, то есть всё, как много столетий назад.

Чем объясняется такая цепкая живучесть того, что мы привыкли относить к невозвратному историческому прошлому? Из каких глубин прорывается оно вновь и вновь на поверхность жизни современного мира? Здесь мы подошли к вопросу об общественных структурах.

Человеческое общество — сложный социальный организм. Если даже в примитивном «обществе» муравьев или пчел за кажущимся хаосом скрывается устойчивая структура, то тем более это относится к сообществу людей. Человек — столь высоко развитое существо, что он оказался в состоянии постепенно менять структуру своего общества, что, по-видимому, отсутствует у животных. Очевидно, этот новый фактор связан с тем, чем главным образом отличается человек от других живых существ: с его интеллектом и трудовой деятельностью. В результате перед человеческим обществом стали открываться новые возможности и возникли новые необходимости как в материальной, так и в духовной сфере. Это, в свою очередь, не только позволяло, но и заставляло изменять общественные структуры, приспособляя их к новым условиям.

Такая хорошо известная особенность человеческого общества не должна заслонять от нас могучую силу инер-

ции существующих, сложившихся и обкатанных веками общественных структур. Речь идет не просто о силе инерции. Ведь эти структуры остаются в своих рамках динамичными и функционирующими. Они оказывают не только пассивное, но и активное сопротивление попытке их перестроить и тем более уничтожить. Пока эти структуры не умерли и не рассыпались, они живы и дееспособны.

Что представляют собой общественные структуры? В их основе лежит система укоренившихся в обществе отношений между управляющими и управляемыми, между всеми классами и группами общества. На этой основе возникает силовое поле, которое в жизнеспособном обществе находится в устойчивом равновесии и превращает общество в единый механизм, функционирующий под давлением сил поля. Важно подчеркнуть: речь идет не просто об экономических и политических отношениях и силах в чистом виде, а об их преломлении в сознании и тем самым в действиях людей. Ведь только действия людей придают материальным силам энергию и превращают их в фактор движения всего общества в целом.

Как видим, общественные структуры не идентичны сумме производственных отношений в марксистском толковании этого термина. Неудивительно: в действительности далеко не все общественные отношения можно свести к производственным.

Весной 1968 года я был в Ливане. Это была совершенно мирная, спокойная страна, «ближневосточная Швейцария», как ее тогда часто называли. Советский посол в Ливане Дедушкин, отправленный на приятную бейрутскую синекуру с упраздненного поста заведующего подотделом в Международном отделе ЦК КПСС, угощая меня коньяком «Наполеон», рассуждал:

«Ливан — это разъевшийся жирный червячок на Средиземном море. Они тут и с арабами друзья, и с Израилем в неплохих отношениях. Здесь, как в Швейцарии, гарантированное спокойствие. Поэтому-то в Бейруте представлены банки всего мира. Тут рискуют только, играя в рулетку в «Casino du Liban».

Через несколько лет после этого весь Ливан и, в частности, Бейрут превратились в кровавый ад, где почти невозможно было разобрать, кто с кем воюет и из-за чего. Между тем производственные отношения в стране за это время не изменились.

Маркс был прав, подчеркивая роль производительных

сил и производственных отношений в жизни общества, но он ошибался, объявляя их основой всех ее аспектов.

Понятие «общественные структуры» шире понятия «производственные отношения». Последние являются лишь экономической стороной общественных структур; а есть и другие существенные стороны. Особо следует подчеркнуть то, что все материальные факторы формируют человеческое общество и его историю не автоматически, а преломившись в сознании людей и вызвав их действия. Но как индивидуальное, так и групповое сознание людей различно. Конечно, с полным основанием можно утверждать, что люди и их группы одинаково реагируют, например, на голод. Но не менее обоснованно и другое: рядовые американцы или западные европейцы рассматривают как голод и нищету то, что для жителей стран реального социализма нормальное явление, а для заключенных в советских лагерях и тюрьмах — благосостояние и даже роскошь. С подобным различием в сознании сталкиваются изумленные переселенцы из социалистических стран на Запад: они встречают здесь людей, искренне негодующих по поводу гнета государства и ограничения прав личности в западных странах, тогда как сами переселенцы все еще не могут привыкнуть к открывшейся им тут невообразимой, никогда и не снившейся свободе.

Производственные отношения — это отношения, возникающие в процессе производства, и только. Общественные структуры — это силовой скелет общества, его каркас, цементированный отношениями, взглядами и привычками огромных масс людей. Каждый знает, как трудно бывает разгладить даже складки на слежавшейся в сундуке материи. Насколько же труднее разгладить слежавшиеся за ряд прошедших веков общественные структуры!

Сказанное выше относится к любой формации, и нет оснований считать общественные структуры одной из них более устойчивыми, чем другой. Поэтому должны быть какие-то специфические причины странной долговечности «азиатской формации», которая, как феникс из пепла древних царств, то и дело выскакивает возрожденной в разных странах в разные эпохи истории — может быть, и в нашу.

10. РЕАКЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Институт государства — важный элемент структуры любого классового общества. Но роль его непостоянна. В рамках одной формации он может претерпевать серьез-

ные изменения. Варварское государство централизовано, но оно еще не пропитало все поры общества. Феодальная раздробленность как власть на местах восполняет этот пробел и подготовляет переход к абсолютизму. Затем под давлением частного предпринимательства государственная власть слабеет, возникают конституционные парламентские монархии и республики. Такова линия закономерности. Но в ее пределах бывают колебания мощи и масштаба государственной власти.

Тотальное огосударствление — одно из таких колебаний. Оно, как мы уже сказали, метод, применяемый для преодоления трудностей и решения сложных задач. Этот метод не связан с определенной формацией. Для его применения есть только одна предпосылка: деспотический характер государства. При наличии этой предпосылки метод тотального огосударствления может накладываться на любую формацию и в любую эпоху.

В самом деле, азиатская деспотия существовала и в царствах Древнего Востока, и в государствах восточного средневековья, да и в новое время. Что же, была это все одна и та же формация? Конечно, нет: формации сменялись, а метод оставался.

Ясно, что были какие-то причины укоренения этого метода именно в первую очередь в странах Востока. Возможно, была это сила инерции, привычка к традиции, коренившейся в истории древних царств — этой эпохи величия захиревших затем государств. Ведь и в сознании европейцев прочно осела память о величии Римской империи, и эту империю пытались копировать Карл Великий, правители «Великой Римской империи германской нации», императоры Византии, Наполеон, Муссолини.

На протяжении четверти тысячелетия татарского ига Россия была подключена к кругу восточных государств и переняла от них немало черт азиатской деспотии. Они отчетливо проявились в русском абсолютизме — особенно ярко при Иване Грозном, но и в дальнейшем, даже при европеизаторах Петре I и Екатерине II. Поэтому не надо удивляться, что эти черты вновь обнаружились в России после революции 1917 года. Удивительно было бы обратное.

Диктатура номенклатуры хотя и возникла в XX веке, но она то явление, которое Маркс назвал «азиатским способом производства». Только способ этот — действительно способ, метод, а не формация. Как и в царствах

Древнего Востока или у инков Перу, этот метод «социализма», метод тотального огосударствления наложился на существовавшую там социально-экономическую формацию, на имевшиеся общественные структуры. Ничего большего этот метод не мог сделать, ибо не формация зависит от метода, а метод обслуживает формацию.

На какую формацию в России 1917 года был наложен метод огосударствления? На ту, которая там тогда существовала. Мы ее уже характеризовали: это феодальная формация. Не было в России никакой другой основы. Феодальная основа была, однако, ослаблена ударами антифеодальных революций 1905—1907 годов и февраля 1917 года, а также заметным ускорением развития капитализма в экономике страны после 1907 года. Как глубоко зашел кризис феодальных отношений в стране, показало свержение царизма в Февральской революции 1917 года.

Но феодальные структуры в России были, очевидно, еще крепки. Ответом на кризисную ситуацию явилась реакция феодальных структур. Мы уже отмечали, что к методу тотального огосударствления прибегают для решения трудных задач. К нему и прибегли для спасения феодальных структур.

Только не исторически обанкротившаяся аристократия России сделала это. Сделали другие силы, которые хотя и не хотели власти дворянства и царизма, но еще больше стремились не допустить развития России по пути капитализма и создания парламентской республики. В обстановке, когда капитализм закономерно начал побеждать феодальные структуры, борьба против капитализма и радикальная ликвидация буржуазии вели не к некоему «социализму», а к сохранению феодальных структур.

Почему этот в общем-то совершенно очевидный вывод представляется неожиданным? По двум причинам.

Первая — психологическая. Советская пропаганда твердит, что в октябре 1917 года в России произошла пролетарская революция и было построено новое, никогда еще в истории не виданное социалистическое общество. И правда: революция была, а возникшее общество действительно отличается от общества и в царской России, и в странах Запада. К тому же общество это хотя предсказаниям Маркса не соответствует, но в целом, как мы видели, сформировано в духе социалистических учений об огосударствлении. Отсюда делается заключение, что и вправду это социа-

листическое общество, может быть, и малопривлекательное, но, вероятно, прогрессивное, так как новое. В этом рассуждении, как видим, подсознательно принимается на веру, что «социализм» — это формация, причем, поскольку такой еще не было, формация будущего. Вопрос об «азиатском способе производства» вообще опускается: что вспоминать о древних восточных деспотиях! Поэтому и кажется неожиданным: при чем здесь феодальные структуры?

Вторая причина — историческая. Как же заподозрить ленинцев, профессиональных революционеров, марксистов, борцов против царизма, власти помещиков и буржуазии, в том, что они спасали феодальные устои общества?

Ответим на эти вопросы.

В октябре 1917 года после большевистского переворота правительство Ленина приняло декреты о мире и о земле. С социалистическими преобразованиями они не имели ничего общего. Мир был нужен тогда России при любом строе, а декрет о земле осуществлял земельную программу не большевиков («социализация земли»), а эсеров — распределение земель между крестьянами, то есть типичную меру антифеодальной революции.

11. ОКТЯБРЬСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Мы говорили в начале книги, что Октябрьская революция не была пролетарской. Добавим теперь: в ней содержался элемент продолжения антифеодальной революции. Однако этот элемент — передача земли крестьянам — оказался временным; он был ликвидирован 15 лет спустя сталинской коллективизацией сельского хозяйства. Октябрьская же революция, нанеся столь неэффективный третий удар по феодальным структурам, открыла вместе с тем эру старательного уничтожения всех капиталистических, то есть антифеодальных элементов в России. Она оказалась, таким образом, объективно не продолжением антифеодальной революции. А чем же?

Давайте решимся высказать правду: ленинский переворот 1917 года — это не «Великая Октябрьская социалистическая революция», а *Октябрьская контрреволюция*. Именно она явилась поворотным пунктом в истории русской антифеодальной революции. Именно после нее было сведено на нет все достигнутое в борьбе против застарелых феодальных структур в России. Как иначе, если не как контрреволюцию, можно рассматривать октябрьский пере-

ворот 1917 года, заменивший в России рождавшуюся демократию диктатурой? Разве не показали последовавшие десятилетия, что победила реакция, а не прогресс?

Через пару дней после переворота, в конце 1917 года, русская поэтесса Зинаида Гиппиус откликнулась на это событие пророческим стихотворением:

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кромешным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу
И даже не убил — засёк кнутом!

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты,
И скоро в прежний хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь.

Так и произошло.

Советские историки заунывно твердят, будто в октябре 1917 года было свергнуто некое «правительство помещиков и капиталистов». А ведь это ложь, в действительности ленинцы свергли революционное правительство двух социалистических партий: социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевиков); никакая иная партия в правительство не входила. Избранное населением страны Учредительное собрание, в котором абсолютное большинство составляли представители этих же социалистических партий, было разогнано ленинцами. Была создана тайная политическая полиция ЦК, и установлен режим государственного террора. Была ликвидирована свобода печати. Согласившиеся вначале войти в ленинское правительство левые эсеры уже через 4 месяца покинули его, а еще через три месяца демонстративно подняли восстание в Москве — как безнадежный крик протеста против наступившей реакции. Затем началась гражданская война.

Советская пропаганда представляет гражданскую войну как продолжение революции. Перекидывается мостик от ленинского лозунга «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую» к гражданской войне в России. А ведь мостика нет. Придя к власти, Ильич трепетал перед перспективой гражданской войны. «Мы не хотим гражданской войны... Мы против гражданской войны»,— твердил он [61].

Гражданская война все-таки пришла: не как продолжение Октября, а как первое движение сопротивления против установившейся диктатуры номенклатуры. Это движе-

ние было не однородным. В нем участвовали и монархисты: могло ли быть иначе в феодальной стране? Но, судя по документам Белого движения, в нем преобладало стремление вернуть то, что было достигнуто к 1913 году. Многие в движении сопротивления хотели не реставрации абсолютизма, а дальнейшей либерализации в стране. Заметную роль играли социалисты: эсеры и меньшевики. Когда советская пропаганда изображает гражданскую войну как столкновение «сил революции» — большевиков и «сил реакции» — их противников, она лжет. Противники большевиков выступали за восстановление того, чего добилась антифеодальная революция в России, за новый созыв разогнанного Учредительного собрания, то есть за продолжение этой революции; большевики под лозунгом «диктатуры пролетариата» и «военного коммунизма» боролись за ликвидацию достигнутого антифеодальной революцией, то есть за феодальную реакцию.

12. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Мы произнесли слово «реакция». В самом деле, что общего с прогрессом имеет диктатура номенклатуры? Не надо давать сбить себя с толку якобы «марксистскими» рассуждениями, будто все, направленное против капитализма, прогрессивно. Именно Маркс и Энгельс так не рассуждали. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» основоположники марксизма подчеркивали прогрессивность капитализма по сравнению с феодализмом и с едкой насмешкой отмежевывались от «феодального социализма».

Но написали они в этой связи следующее:

«Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса...

Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом»[62].

Точно таким же методом действовали и марксисты-ленинцы, только в случае своей победы они, как уже сказано, вешают замок на границу — чтобы народ не разбегался.

Капитализм в России был еще слаб: и об этом писали

Маркс и Энгельс, нехотя вынужден был признать это Ленин. Однако быстрое экономическое и культурное развитие России в годы, предшествовавшие первой мировой войне, размывало феодальные структуры. Этому способствовала неумная политика царского правительства: неудачная война с Японией, отказ от столыпинской реформы, бессмысленная смена министров, распутинщина; наконец, вступление в непосильную для страны мировую войну. Не в результате деятельности «профессиональных революционеров», а в ходе ослабления феодальных структур в России были нанесены удары двух антифеодальных революций. Феодальная монархия была свергнута, к власти пришла коалиция социалистических партий, предстоял созыв Учредительного собрания для определения будущего политического строя России. В этот момент свергнуть созданное революционное левое правительство, установить диктатуру, задушить только что завоеванные свободы, ввести режим государственного террора, возродить полицейщину и цензуру и начать старательно затаптывать все элементы свободного рынка — силы, взрывающей феодализм,— какой же это прогресс? Это реакция. А затем последует сталинщина с систематическим массовым истреблением и монопольной властью консервативного класса новой аристократии — номенклатуры. Это подтверждение того факта, что в стране победила реакция. Буржуазная? Нет, буржуазия была раздавлена. Значит, феодальная реакция. Но ведь не было в среде ленинских «профессиональных революционеров» сознательного стремления поддержать шатавшиеся феодальные структуры? Конечно, не было. Однако в политике, и тем самым в истории, важны не личные мнения, а объективные результаты действий. Американская революционерка Эмма Голдман, вожделенно бросившаяся в Россию, чтобы участвовать в революции, уныло написала в своей книге «My disillusionement in Russia» («Мое разочарование в России»): «Ленин садится на место Романовых, императорский кабинет окрещивают Советом народных комиссаров, Троцкого назначают военным министром, и рабочий становится военным генерал-губернатором Москвы. Такова, по сути, большевистская концепция революции, как ее переводят в реальную практику... В своем безумном властолюбии коммунистическое государство постаралось даже усилить и углубить те идеи и взгляды, для сокрушения которых пришла революция»[63].

Вероятно, что-то от этой объективной тяги к реставра-

ции отражалось в подсознании ленинцев. Недаром к ним с такой легкостью стали примыкать люди из феодального лагеря. Маршал Советского Союза Тухачевский был князем, придворный сталинский писатель Алексей Толстой — графом, царский полковник Шапошников был до глубокой старости начальником советского генштаба. Граф Алексей Алексеевич Игнатьев, бывший российский военный атташе во Франции, вернулся в Москву и опубликовал затем свои мемуары «50 лет в строю». Он действительно на протяжении полустолетия делал военную карьеру так, словно никакой революции и не бывало: при царе он был полковником, при Керенском — генерал-майором, а в Советской Армии стал генерал-лейтенантом. В конце сороковых годов я бывал у него дома, в маленьком кабинете с огромной, расчерченной зигзагами фронтов военной картой на стене и выцветшей фотографией Жоффра с дарственной надписью. Граф — высокий, седоусый и веселый — гордился тем, что дом, в котором его поселили, был расположен напротив зданий ЦК партии, но большевиком он не сделался, а продолжал нести военную службу в государстве, мало отличавшемся, с его точки зрения, от царской империи.

Все эти и многие другие детали — лишь отдельные зримые проявления закономерного хода исторического процесса: от революции к реакции и затем к реставрации в несколько измененной форме. Так было с английской революцией, с Великой французской революцией, с рядом других менее драматичных революций. Так произошло и с русской революцией.

Да почему она стала бы исключением? Недоумевать надо было бы, если бы так *не* произошло в России. И в России действовали — не могли не действовать! — общие для разных стран закономерности развития антифеодальной революции с ее приливами и отливами, с порой весьма длительными интервалами между волнами революции, крушащими и разрушающими феодальные структуры.

Феодальная реакция после октября 1917 года была неосознанной. Однако Ленин близко подходил к ее осознанию, ибо отчетливо видел реальное положение в стране.

В соответствии с этой реальностью он оценивал характер общественных структур в России после октября 1917 года. Вот данная Лениным весной 1918 года классификация «элементов различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России»:

«1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм» [64].

Первый элемент относится к сохранившимся еще остаткам дофеодального уклада; второй — к феодальному укладу; третий и четвертый — к капиталистическому; пятый Ленин именует «социалистическим».

Ленин не оставляет никаких сомнений относительно того, какой элемент преобладает: «Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители» [65]. Это верно: после октябрьского переворота в Советской России преобладало феодальное мелкокрестьянское хозяйство, которое так и не начало сколько-нибудь заметно развиваться по намеченному Столыпиным пути развития капиталистических фермерских хозяйств.

Совершенно логично Ленин считал предстоящим историческим этапом не социализм, а капитализм. Только стремился он не к частновладельческому капитализму, а к государственному, то есть к применению метода огосударствления. В этом вопросе Ленин категоричен. «Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика» [66],— пишет он. «Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед» [67]. И даже: «Государственный капитализм для нас спасение» [68].

Под «государственным капитализмом» Ленин подразумевал следующее: «В настоящее время осуществлять государственный капитализм — значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который капиталистические классы проводили в жизнь. Мы имеем образец государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что она оказалась выше нас» [69].

Итак, выше Советской России и образцом для подражания была для Ленина в 1918 году кайзеровская Германия, страна с феодальной монархией, но с более развитыми, чем в России, капиталистическими отношениями. А «гигантским шагом вперед» был бы для Советской страны государственный капитализм. Так Ленин сам признает, что и

после Октябрьской революции Россия по своей социально-экономической структуре — страна феодальная.

Казалось бы, стратегическая линия в такой обстановке ясна: поддержать освобождающееся от феодальной зависимости крестьянство и вместе с ним бороться против главного врага — феодальных структур. Однако Ленин неожиданно провозглашает другой лозунг: главным врагом он объявляет «мелкобуржуазную стихию», то есть крестьянство, а о феодальных структурах помалкивает. Ленин поучает: «...наш главный враг — это мелкая буржуазия, ее навыки, ее привычки, ее экономическое положение» [70]. Но ведь эта «мелкая буржуазия» — подавляющее большинство населения страны. Вдобавок Ленин причисляет к врагам и собственно буржуазию, и «пресловутую «интеллигенцию»...» [71], и даже «самых крайних революционеров» [72]. Да кто же его друзья? Это некие «сознательные пролетарии» [73]. А в 1918 году всех пролетариев — «сознательных» и несознательных — в России было меньше 2% населения.

Впрочем, Ленин имел в виду даже не это ничтожное меньшинство, а совсем уж малую величину — своих «профессиональных революционеров». Эти «сознательные пролетарии» имели в своих руках лишь один инструмент — государство и соответственно лишь одно средство — принуждение. Правда, в том же 1918 году вышла в свет написанная Лениным накануне Октября книга «Государство и революция», повторяющая Марксовы тезисы об отмирании государства. Но органически присущая номенклатуре жажда монопольной власти толкала ленинцев вопреки идеологии к твердому решению использовать свой единственный инструмент — государство, чтобы и в изоляции обеспечить свою диктатуру.

Мы видим: пусть не под влиянием социалистических утопий и уж тем более не из осознанного желания возродить «азиатский способ производства», а из чисто практических соображений, но ленинцы встали на путь тотального огосударствления. Их политические расчеты опирались на ясно для них видимые феодальные структуры русского общества. Стремление же полагаться во всем на государство, то есть на характерное для феодализма внеэкономическое принуждение, и уничтожать ростки капиталистических отношений с неизбежностью привели к феодальной реакции.

Надо еще раз подчеркнуть: Ленин не хотел *феодальной* реакции, он серьезно задумывался над возможностью стро-

го контролируемого развития капитализма в России — будь то в форме государственной или, позже, нэповской. Но главным оставались для него именно контроль и управление, осуществляемые политбюрократией через государство, то есть диктатура номенклатуры. По сравнению с либерализировавшимся царским режимом с конституцией, думой, многопартийной системой это была реакция — шаг назад, в глубь феодализма.

Ничего в этом не изменяет и то, что ленинцы не сознательно, а объективно поддерживали и сохраняли феодальные структуры. Правильно писал Маркс: «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию» [74]. Никакая общественно-экономическая формация не была создана сознательно — все они сложились стихийно. Это только в советском анекдоте археологи находят в пещере первобытного человека его надпись: «Да здравствует рабовладельческое общество — светлое будущее всего человечества!», в действительности люди не проявляют такой прозорливости, и общество складывается стихийно.

Сформулируем вывод.

Диктатура номенклатуры — это по социальной сущности феодальная реакция, а по методу — «азиатский способ производства». Если идентифицировать этот метод как социализм, то диктатура номенклатуры — феодальный социализм. Еще точнее, это государственно-монополистический феодализм. Но реальный социализм — не высшая ступень феодализма, а, наоборот, реакция феодальных структур общества перед лицом смертельной для них угрозы капиталистического развития, ибо повсюду в мире именно это развитие разрушает основы феодальных обществ.

Мы уже упоминали термин Джиласа: «промышленный феодализм». Вряд ли стоит так именовать диктатуру номенклатуры. Она устанавливается обычно в индустриально слаборазвитых странах. Тот факт, что эти страны участвуют затем в общем для всего нашего мира процессе индустриализации, не специфичен для реально-социалистического строя.

Однако термин, сформулированный Джиласом, может быть с пользой применен для характеристики той разновидности реального социализма, которая возникла в промышленно развитых странах. К ней и перейдем.

13. ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ

Летом 1946 года я приехал в Нюрнберг в качестве переводчика на процессе главных немецких военных преступников. Это была моя первая поездка за границу. Выросшие и воспитанные под колпаком советской пропаганды, мои коллеги и я впервые столкнулись с реальностью другого мира.

Мир этот оказался раздвоенным: с одной стороны — рождавшаяся в западных зонах оккупации новая Германия да и Америка, ощущенная нами через разговоры с американцами, их газеты, фильмы, все поразительно новое, неожиданное; с другой стороны — развертывавшаяся в материалах процесса реальность нацистского рейха, тоже нас поразившая, только не новизной, а удивительным сходством с привычной нам советской жизнью. Были, конечно, и отличия: частные предприятия, хорошие квартиры, благоустроенный быт. Но в остальном, в главном, все было у немцев при Гитлере так же, как у нас при Сталине: гениальный вождь; его ближайшие соратники; монолитная единая партия; партийные бонзы — вершители человеческих судеб; псевдопарламент; узаконенное неравенство; жесткая иерархия; свирепая политическая полиция; концентрационные лагеря; назойливая лживая пропаганда; слежка и доносы; пытки и казни; напыщенная военщина; до духоты нагнетенный национализм; принудительная идеология; социалистические и антикапиталистические лозунги; болтовня о народности — в общем, очень многое.

Сходство доходило до смешного: оказалось, что оба — Гитлер и Сталин — приказали себя именовать «величайшим полководцем всех времен» (Сталин добавил «и народов»). Зато совсем не смешно было нам тогда узнать, как Сталин, представляя Берия нацистским руководителям, пояснял: «Это — наш Гиммлер»,— ведь мы читали документы и о том, что творил Гиммлер.

Очевидное сходство советского социализма с немецким национал-социализмом и подобными ему структурами в других странах, привычно называемыми фашизмом, буквально бросалось в глаза. Так возник термин «тоталитаризм» для обозначения всех таких обществ, независимо от их взаимоотношений друг с другом. Большой вклад в дело изучения этого явления XX века внесла Ханна Арендт (Hannah Arendt) своей вышедшей в 1951 году книгой «Происхождение тоталитаризма» [75].

Во второй половине 50-х годов в западной политологии повеяли новые ветры. Научное понятие «тоталитаризм» было объявлено пропагандистским порождением «холодной войны», а очевидные черты сходства между структурой нацистского и советского «социализмов» — случайными и во всяком случае поверхностными совпадениями в форме, не затрагивавшими якобы в корне различного существа обществ.

Такой вывод аргументировался в основном тем, что-де обе системы явно противоположны: одна — правая, другая — левая; нацизм, фашизм и им подобные — порождение монополистического капитализма, а советская система при всех ее досадных бюрократических недочетах — социалистическая и, следовательно, прогрессивная; и вообще все отдельные и нетипичные черты сходства были проявлением сталинизма, а он канул в безвозвратное прошлое.

Помню, с каким изумлением я читал в Москве в спецхране Ленинской библиотеки эти рассуждения западных авторов. Ведь в самом Советском Союзе все больше людей начинали серьезно задумываться над поразительным сходством систем-близнецов. Эти размышления выплеснулись наружу с показом в 1966 году документального фильма советского кинорежиссера Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Мне довелось встречаться с Роммом. Талантливый человек, доживавший свои последние годы (он умер в 1971 году), не захотел, видимо, остаться в истории советской кинематографии только как творец культовых фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Для своего, как он думал, последнего фильма Ромм подобрал из немецкой кинохроники гитлеровского времени кадры, поражавшие сходством с советской реальностью. Зал отвечал горьким смехом на показ этих кадров, сопровождаемый голосом Ромма, задумчиво читавшего свой комментарий. Рассказывали, что Ромм был вызван тогда на заседание Секретариата ЦК, где Суслов задал ему вопрос: «Михаил Ильич, почему мы вам так не нравимся?» Фильм быстро исчез с экранов, а в прессе появились рассуждения: вот-де бывают такие фильмы, что не поймешь — не то они про фашизм, не то про нас. Но поскольку такое обвинение само свидетельствовало бы о нежелательном сходстве, решено было дело не раздувать. Термин же «обыкновенный фашизм» прочно вошел тогда в обиход. Советская оккупация Чехословакии осенью 1968 года, почти совпавшая с 30-летием гитлеровской оккупации осенью

1938 года, придала этому понятию особую жизненность.

Размышления о близости между советским социализмом и фашизмом вызывались в СССР не только фильмом Ромма. Когда после разрыва Тито со Сталиным советская пропаганда объявила коммунистическую Югославию фашиствующим государством, когда то же самое произошло с полпотовской Кампучией, а о режиме Мао стали полуофициально говорить как о фашистском, люди в СССР не преминули заметить столь легкую взаимозаменяемость понятий «реальный социализм» и «фашизм».

Номенклатурное начальство понимало, что чем детальнее рассматривать структуру и функционирование нацистского режима, тем явственнее будет становиться сходство. Поэтому, несмотря на всю антифашистскую риторику, в СССР почти не было опубликовано исследований о национал-социализме. Между тем материала гитлеровских трофейных архивов было в СССР предостаточно; не считая той немалой части, которую наглухо запрятали в архивы органов госбезопасности, немецкими материалами были заполнены Историко-дипломатический архив МИД СССР в Москве и Военно-исторический архив в Серпухове. Один из моих университетских учителей, профессор-германист Зильберфарб пытался создать в Московском университете Центр документации по истории германского империализма и фашизма: это не было разрешено.

Если и номенклатура, и ее подданные видят сходство между реальным социализмом и национал-социализмом, почему же это сходство не устранят? Именно потому, что оно не внешнее, а глубинное. Если бы содержание было разным и только отдельные формы случайно оказались бы схожими, их можно было бы безболезненно изменить. Нельзя их изменить, только если сходство формы является органическим выражением общности самого существа обоих режимов. Прав марксизм, констатируя, что форма неотделима от содержания и является формой данного содержания.

Конечно, можно скопировать форму: Венера Милосская изваяна из мрамора, но ее можно отлить в бронзе или вылепить из глины. Однако ведь Муссолини или Гитлер не копировали преднамеренно большевистский режим: этим занимаются приходящие к власти коммунисты, а не фашистские вожди. Последних сходство их режимов с большевистским тоже, наверное, весьма смущало, но и они побороть это сходство не могли: оно было органическим.

Нет, не выдерживает критики утверждение, будто никакого тоталитаризма нет. Можно называть общества и политбюрократические диктатуры XX века тоталитаризмом, социализмом, обыкновенным фашизмом — как угодно. Важно то, что все эти общества составляют единую группу, противостоящую современному обществу парламентской демократии.

Явственно выкристаллизовывались основные черты тоталитаризма, по которым можно безошибочно идентифицировать тоталитарное общество.

Главная черта — это возникновение в обществе нового господствующего класса — номенклатуры, то есть политбюрократии, обладающей монополией власти во всех сферах общественной жизни. Этот класс старается сохранить в тайне не только свою структуру и привилегии, но и самое свое существование.

Внешним признаком возникновения номенклатуры служит создание партии нового типа; сердцевина номенклатуры выступает в форме политического аппарата этой партии.

Соответственно устанавливается однопартийная система, при которой просто есть только одна партия или же формально существующие другие партии являются лишь марионетками аппарата правящей партии.

Государство становится главным аппаратом классовой диктатуры номенклатуры. Все решения государства лишь повторяют ее решения и указания; на все ключевые посты в государственных органах, а также в профсоюзных, кооперативных, общественных и других организациях назначаются партаппаратом номенклатурные чины. Это диктатура номенклатуры.

На этой основе возникают более мелкие, но тоже характерные черты — от вождя, окруженного культом личности, тайной полиции и лагерей вплоть до искусства «социалистического реализма».

14. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ФЕОДАЛИЗМ

Значит, нет никакой разницы между тоталитарными обществами? Конечно, есть, как есть разница и между обществами плюралистическими. Даже между странами — участницами Варшавского Договора и СЭВ всегда были различия, а если добавить сюда социалистические страны, не вошедшие в советский блок,— Китай, Югославию,

Албанию, Северную Корею, то различия бросаются в глаза.

Теперь мы привыкли к этому. А в 30—40-х годах, когда ленинистская разновидность тоталитаризма была только в СССР и его подопечной Монголии, еще казался убедительным тезис, будто немецкий национал-социализм и итальянский фашизм являют собой некую противоположность строю в Советском Союзе. Между тем никакой противоположности не было.

А различие было. Конечно, национал-социализм и фашизм тоже не были идентичными, даже идеология у них была разной; вначале была между ними вражда, чуть не приведшая их в 1936 году к военному столкновению. Однако в целом они действительно составляли в рамках тоталитаризма группу, отличную от СССР и последовавших по его пути стран. Только сущность этого отличия состояла не в отношении к марксизму, а в уровне развития. Германия и Италия были промышленно развитыми странами. Соответственно фашистская и нацистская номенклатуры не стали убивать курицу, несшую золотые яйца военно-промышленному комплексу: они не стали отнимать предприятия у владельцев, а удовольствовались своим полным контролем над экономикой. В этом смысле к национал-социализму и фашизму действительно можно применить термин «промышленный феодализм».

Все-таки феодализм? В Германии и Италии? Да, именно там. Не будем забывать, что эти две страны превратились в национальные государства только во второй половине прошлого века. Значит, всего лишь 120 лет назад они преодолели структуру периода феодальной раздробленности, и не легко, а по формуле Бисмарка — «железом и кровью». Психологически она и поныне не исчезла. Германия — федеративное государство: в каждой ее земле — свой диалект, малопонятный для немцев из других земель; по давней традиции обитателям каждой земли приписывают свой особый «земельный» характер; все еще существует понятие «ганзейские города» (Гамбург, Любек, Бремен). Очень сходно и в Италии. Живыми памятниками средневековья остались в Италии государства Ватикан и Сан-Марино, а в германских странах — княжество Лихтенштейн.

Насколько и здесь хронологически близки времена феодальных порядков, напомнило мне празднование 80-летия одного из моих немецких знакомых. В речи на банкете его сын сказал: «Когда ты родился, мир здесь

выглядел еще иначе. Всюду правили императоры, короли, князья, как много веков назад. Именно твое поколение пережило нелегкий переход к современному миру».

Естественно, что этому переходу и здесь — в Германии и Италии — сопротивлялись феодальные структуры. И здесь на время восторжествовала реакция этих структур. Сначала в Италии, формально оказавшейся в лагере победителей первой мировой войны, а фактически до крайности ослабленной. Затем в Германии, где Веймарская республика была ненамного прочнее республики Керенского в России 1917 года; экономический кризис 1929—1930 годов подорвал ее последние силы.

Феодальная реакция выступила и в Западной Европе в форме тоталитаризма, только не коммунистического интернационалистского, а националистического. Это различие, производившее впечатление в 20—30-е годы, постепенно сглаживалось: сталинская номенклатура все больше отходила от ленинского интернационализма к русской великодержавности, а оккупация значительной части Западной Европы и союз с другими государствами «оси» ограничивали радикальный шовинизм гитлеровцев. Экстраполируем эти сближающиеся линии. Такая экстраполяция дает все основания высказать предположение: если бы не было второй мировой войны, сходство между режимами в СССР, германском рейхе и фашистской Италии было бы сейчас еще более очевидным. Это одно и то же явление, реакция отживающих, но еще живучих феодальных структур на наступление современного мира.

Почему мы не сознаем, что тоталитаризм — это прорыв феодального прошлого в наше время? Потому что многие люди, в том числе на Западе, привыкли к непрестанному повторению, будто мы живем в эпоху «позднего капитализма», на смену которому идет-де светлое будущее — социализм. Этим прожужжали все уши, и люди забывают, что жужжание это продолжается с давних времен. Почти полтора века назад Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» поучали, что «буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества... Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом... Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим» [76].

Более 65 лет назад, в июле 1919 года, Ленин прори-

цал: «...Этот июль — последний тяжелый июль, а следующий июль мы встретим победой международной Советской республики,— и эта победа будет полная и неотъемлемая» [77]. Вот такую и ей подобную болтовню люди принимают всерьез и привыкают к ней.

А на деле прав Карл Маркс, только не в крикливой мелодекламации «Манифеста...», а в своем произведении зрелых лет, где он излагал, как сам подчеркивал, «результат добросовестных и долголетних исследований». Процитируем еще раз слова из предисловия Маркса «К критике политической экономии»: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества» [78].

Проблема нашего времени состоит не в том, что капиталистическая формация уже исчерпала себя, а в том, что феодальная формация еще не полностью исчерпала все возможности продлить свое существование. И она делает это, выступая в форме тоталитаризма — этой «восточной деспотии» нашего времени: реального социализма, национал-социализма, фашизма, классовой диктатуры политбюрократии — номенклатуры. Все это и есть «обыкновенный фашизм», реакция отмирающих феодальных структур, которая болтает о «светлом будущем», а олицетворяет мрачное прошлое человечества.

15. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОШИБКА ЛЕВЫХ

Идентичность реал-социализма, национал-социализма и иных разновидностей «обыкновенного фашизма» достаточно очевидна. Почему же приходится о ней писать как о чем-то новом? Только потому, что в определенных кругах Запада принято или игнорировать, или же без каких-либо серьезных аргументов отвергать эту очевидность. Речь идет не о коммунистах — их позиция известна и неудивительна, а о настоящих левых и не в последнюю очередь — о социал-демократах.

Хочу сразу подчеркнуть: я отнюдь не намерен нападать на социал-демократию. Она сыграла важную роль в создании современного западного общества. Демократическим социалистом был и мой отец, памяти которого я посвящаю эту книгу. В 1917 году он был председателем Совета и Го-

родской думы в своем городе — Туле, и теперь, спустя семь десятилетий, я с интересом читаю о его деятельности в те бурные месяцы [79].

Именно поэтому я и отвлекаюсь здесь от своей темы, чтобы без обиняков сказать социал-демократам и другим левым об их ошибке в подходе к диктатуре номенклатуры.

Историческая ошибка левых состоит в том, что они считают ленинские партии и устанавливаемые ими диктатуры левыми. А в действительности они не левые.

Верно: большевики, а затем и другие компартии отпочковались от социал-демократических партий в качестве их радикального крыла. С самого начала они твердят, будто они и есть левые, а все остальные, включая, разумеется, социал-демократов,— правые различных степеней. К претензии ленинцев и сталинцев на то, что они-де — полюс левизны, привыкли все, даже их противники. Так возникла упомянутая выше версия, будто бывает тоталитаризм правый, а бывает и левый. К правому относят национал-социалистов, фашистов и т. п., а к левому — коммунистов.

Между тем никаких оснований для такой версии нет. Да, гитлеровское движение было антимарксистским, но это не доказательство, что оно правое. Мы уже отмечали, что Ленин, хотя и провозглашал марксизм догмой, но в ряде важных вопросов занял антимарксистскую позицию; ни то, ни другое не свидетельствует о его левизне. Да он и прямо выступал против «детской болезни левизны в коммунизме».

В качестве первого аргумента в пользу того, что национал-социалисты были правыми, ссылаются на финансовую поддержку их партии крупным капиталистом Фрицем Тиссеном. Но партию большевиков финансировал крупный московский капиталист Савва Морозов, а в годы первой мировой войны — германский генеральный штаб; немалые суммы поступали также от ограбления банков, так называемых «экспроприаций». Что тут «левого»?

Как второй аргумент приводится тот факт, что фашизм и национал-социализм сохранили рыночное хозяйство в Италии, Германии и оккупированных ими странах. Мы уже сказали о причине такого курса: фашистско-нацистская партбюрократия хотела использовать немедленно наличие развитого промышленного производства, а не экспериментировать. Контроль же над экономикой был

в руках их государства. Но ведь и Ленин после экономической катастрофы «военного коммунизма» взял аналогичный курс, провозгласив в марте 1921 года нэп — возрождение рыночного хозяйства при сохранении, как тогда говорилось, «командных высот» в руках Советского государства. Да, несколько лет спустя нэп был ликвидирован Сталиным. Но мы не знаем, какую экономическую политику повел бы Гитлер, если бы не начал войну через 6 лет после своего прихода к власти. А в ходе войны гитлеровское руководство ничего не меняло в экономике — даже не распустило колхозы на оккупированной вермахтом советской территории. Те, кто принял коминтерновский тезис, будто национал-социалистическое правительство было марионеткой немецких капиталистов, должны ответить на вопрос: почему же тогда эти капиталисты обязаны были выполнять 4-летний экономический план гитлеровского правительства, а не наоборот?

Партия Гитлера называлась «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия»; ее провозглашенной целью было построение «немецкого социализма», то есть, выражаясь сталинскими словами, «социализма в одной, отдельно взятой стране», Германии. Партия вела пропаганду против «плутократов». В чем же тут принципиальное отличие от ленинской партии, которое заставило бы одну отнести к правым, а другую — к левым?

Может быть, в корне различен был социальный состав НСДАП и КПСС? Нет. В обеих «рабочих» партиях руководство было с самого начала поставлено перед проблемой недостаточного притока рабочих в партию и никогда не было в состоянии решить эту проблему [80]. Это относится и к другим партиям «нового типа». Так, в правившей в ГДР партии СЕПГ немногим больше $^{1}/_{3}$ составляли рабочие с производства, а среди покинувших партию — почти 80% были рабочими [81]. Взглянем на социальное происхождение вождей партии. Ленин был дворянином и интеллигентом. Гитлер — сыном мелкого чиновника, рабочим, солдатом. А их соратники? Троцкий происходил из богатой семьи. Жена Ленина Крупская была дворянкой. Так что большевистские вожди стояли на социальной лестнице выше Геринга, Гесса, Геббельса. Неверно делать отсюда вывод о том, что большевистское руководство было правым, а нацистское — левым, но обратный вывод тоже неверен. Просто между КПСС и НСДАП не было разницы по социальному составу — ни в партии, ни в номенклатурной верхушке.

С какой точки зрения ни подойти, нет признаков того, что ленинцы и сталинцы — левые, а гитлеровцы и муссолиниевцы — правые. Они одинаковы.

Если они не левые, то что же: и те и другие — правые? Тоже нет. Левые, правые, центр — все это политические категории плюралистического общества. А в классическом тоталитарном обществе ни левых, ни правых, ни центристов нет. Есть только «генеральная линия» господствующего класса — политбюрократии; все несогласные с ней считаются преступниками и подвергаются каре. Так обстояло дело в СССР и других странах реального социализма до начала кризисов их режимов, так было при национал-социализме и прочих разновидностях «обыкновенного фашизма».

Характерно, что деление на левых и правых в советском обществе наметилось сразу после того, как при Горбачеве в этом обществе возникли элементы плюрализма, то есть отхода от тоталитарной системы.

Партии фашистов, коммунистов, национал-социалистов не левые и не правые — они тоталитарные, иными словами, они попросту хотят власти. Только не той, по их мнению, жалкой власти — с оглядкой на конституцию, законы, парламент, свободную прессу, профсоюзы, которую на время, от выборов до выборов, получают государственные деятели парламентских демократий. Тоталитаристы хотят тотальной, диктаторской власти, не заискивающей перед капризными избирателями, а управляющей покорными подданными. В этом причина откровенного презрения Ленина и других тоталитаристов к «буржуазной демократии» и «парламентскому кретинизму», отсюда их желание не делать карьеру в плюралистической системе, а сломать эту систему и заменить ее «диктатурой пролетариата» или «принципом фюрерства».

Пока тоталитарные партии действуют в условиях плюрализма, они прикидываются левыми, рабочими партиями. Но это мимикрия, основанная на расчете, что рабочих можно будет использовать для захвата власти, в деле же свержения существующего строя поддержку можно найти именно в левых, а не в правых кругах. На словах они и после захвата власти и установления своей диктатуры продолжают числиться «левыми» и «революционерами», борющимися против «старого мира». Но на деле тоталитарная диктатура политбюрократического класса является более суровой и действительно более тотальной,

чем военная диктатура правого толка, хотя, конечно, и такие диктатуры грубо нарушают права человека и должны сойти с исторической арены.

С проблемой западных левых, оказавшихся в СССР не в качестве туристов или членов делегаций, а в качестве постоянных жителей, мне довелось соприкоснуться. Одним из них был Владимир Дмитриевич Казакевич, дворянин, который, будучи эмигрантом в США, возненавидел «американский империализм», сотрудничал в просоветской русскоязычной газете и в конце 40-х годов вернулся в СССР вместе со своей женой — американкой Эмили. Впервые я его увидел тогда же, у Гульянца, заведующего отделом печати США в Советском Информбюро. Одетый в модный американский костюм, Казакевич весело иронизировал по поводу американских порядков, а Гульянц с парой своих сотрудников похохатывали, с завистью глядя на соотечественника, которому посчастливилось более четверти века прожить в США. Через 8 лет я снова его встретил: мы оба работали в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР. Казакевич поблек, обносился и над США уже не смеялся. Он жаловался мне: «Я всегда был левым. В Америке я мог показать это в своих статьях и докладах. А вот как здесь показать свою левизну?» И правда, это было невозможно. Он пытался переломить себя, подладиться, написал в стенгазету статью с призывом повышать трудовую дисциплину в институте. Но ткань тоталитарного общества неумолимо выталкивала Казакевича. С ним предпочитали не иметь дела: бывший эмигрант, жил в США, жена американка,— лучше держаться от них подальше. Да и сам он внутренне все больше тяготел не к русским, а к выходцам с Запада: бывшим советским шпионам Маклину, Берджесу, безымянному американцу, который работал у нас в институте под псевдонимом Стюарт Смит. Их объединяла ностальгия по брошенному, прежде столь ненавистному, а теперь манящему, но уже недосягаемому миру.

Другой случай из того же института. К нам был прислан американский ученый по имени Морис Галперин. И он был в США левым, просоветским. Больше того, Галперин мне прямо сказал: «Я не могу вернуться в США, против меня там возбуждено дело о шпионаже». Этот вообще не смог вытерпеть жизни в Советском Союзе и добился того, что его отправили на Кубу. «Какая здесь всюду отсталость,— говорил он мне.— На что похожи здешние инсти-

туты! Масса людей, а никаких возможностей серьезной работы. Нет, в Америке иначе!» Не знаю, как сложилась его судьба: остался он на Кубе или сумел вернуться в США.

Ничто не излечивает так радикально от симпатий к обществу реального социализма, как жизнь в нем.

И, конечно, ни в каком случае социал-демократы не смогли бы оставаться в этом обществе социал-демократами. Во всех без исключения странах, где устанавливалась диктатура номенклатуры, социал-демократические партии были ликвидированы: или путем прямого запрета партий и физического истребления демократических социалистов, как в СССР, или же путем поглощения социалистических партий коммунистическими, как в ГДР, Польше.

Номенклатура считала и считает демократических социалистов врагами. Не скрывал этого Ленин; Сталин объявил социал-демократов «социал-фашистами», которых надо разгромить даже прежде, чем собственно фашистов. Враждебность номенклатуры к демократическим социалистам не ослабла и в послесталинские времена. Важным доводом в пользу военной интервенции в Венгрии в 1956 году послужило воссоздание там социал-демократической партии во главе с Анной Кетли. В конце 1984 года во Франции были опубликованы сделанные членом политбюро французской компартии Жаном Канапа записи бесед между руководством КПСС (Брежнев, Суслов, Пономарев) и ФКП в связи с событиями в Чехословакии 1968 года. Брежнев прямо объяснил французам, что «опасность для социализма» в дубчековской Чехословакии состояла в «возможности превращения КПЧ в социал-демократическую, т. е. буржуазную партию»[82]. Именно это рассматривалось как основание для военного вторжения. Брежнев заявил генеральному секретарю ЦК ФКП Вальдеку Роше: «Мы сделаем все, чтобы избежать крайних мер. Но если события будут развиваться в том же направлении и съезд (КПЧ.— *М. В.*) выльется в «мирную» контрреволюцию, превращающую КПЧ в социал-демократическую партию и ликвидирующую социалистические завоевания, тогда...»[83] Мы знаем, что он имел в виду.

Таково подлинное отношение тоталитарных «социалистов» к социал-демократическим партиям. Таково же оно и к каждому отдельному члену этих партий. Бесчисленны примеры расправы номенклатурных режимов с демократическими социалистами, как только эти режимы

в них не нуждаются. Каждому социал-демократу я посоветовал бы прочитать книгу самиздата воспоминаний Екатерины Олицкой о ее многолетних скитаниях по советским тюрьмам и лагерям [84] только за то, что она была социалисткой.

Историческая ошибка западных левых по отношению к режиму номенклатуры полна драматизма. Она то и дело ставит левых в незавидное положение адвокатов номенклатурной реакции. Это не приносит левым на Западе никаких лавров сегодня и грозит лечь на них тяжелым грузом в будущем.

16. ПРОВЕРКА РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ

Наш учитель физики в школе советовал всегда проверять решение физической задачи путем прикидки: разумен полученный ответ или нет? Проверим по этому методу наши выводы и в данном случае.

Какая система была в России при Николае II? Феодальная. А через 8 месяцев после его отречения? Та же самая: так быстро социальные системы не меняются. Какая система сменяет феодальную? Капиталистическая. Боролись большевики за победу капитализма? Наоборот, они боролись за поражение капитализма. Значит, большевики боролись объективно за сохранение феодальной системы? Выходит так. Победили большевики в этой борьбе? Победили. Значит, обоснованно предположение, что при большевиках феодальная система сохранилась? Да. Какая система, по советской идеологии, должна прийти на смену капитализму? После краткого переходного периода диктатуры пролетариата — реальный социализм как длительная эпоха истории. Предусматривает учение Маркса установление такой формации? Нет. А создание «общенародного государства» после диктатуры пролетариата? Тоже нет. Значит, советская пропаганда молчаливо признает, что в итоге Октябрьской революции возникли общество и государство, противоречащие предсказаниям Маркса? Выходит так. Можно высказать гипотезу, что за этими названиями скрывается другой — или феодальный, или капиталистический — строй? Можно. Какой формой принуждения характеризуются феодализм и капитализм? Феодализм — внеэкономическим принуждением, капитализм — экономическим. А какое принуждение существует при реальном социализме? Внеэкономическое, как при

феодализме. Значит, возможно, что за реальным социализмом скрывается скорее всего феодализм? Получается так. Но ведь «профессиональные революционеры» Ленина не ставили себе сознательно задачу цементировать феодальные структуры? Нет. А ставили себе люди в прошедшие века сознательно задачу создать или цементировать ту или иную формацию? Тоже нет. Значит, отсутствие осознанной цели поддержать феодализм против развивающегося в стране капитализма еще не доказывает, что этого не было сделано? Не доказывает. А как надо было в этой ситуации поступить, чтобы поддержать феодализм? Устранить развивающийся капитализм. Поступили так большевики? Да. Но ведь при феодализме должен быть феодальный господствующий класс? Должен. Состоит он обязательно из рыцарей или помещиков? Да, если феодалы мало зависят от центральной власти. А если существует мощное централизованное государство, как в восточных деспотиях? Тогда господствующий класс состоит из правящих именем монарха бюрократов, которые эксплуатируют непосредственных производителей через аппарат государства. Какой класс правит в Советском Союзе и в других странах реального социализма? Класс политбюрократии — номенклатура, то есть тот класс, который логически и должен править при государственно-монополистическом феодализме? Да, именно тот.

Логическая проверка показывает: всё сходится, ошибки в решении задачи не видно. Диктатура номенклатуры — это реакция феодальных структур, расшатанных капитализмом, но пытающихся спастись методом тотального огосударствления. «Реальный социализм» — это государственно-монополистический феодализм.

17. ДРЕВНИЙ «НОВЫЙ КЛАСС»

Мы констатировали: социализм — не формация, а метод. Но важно понять и другое: этот метод связан не с существованием какой-либо определенной формации, а с существованием государства. Этим и объясняется загадочный, на первый взгляд, феномен возникновения бюрократических деспотий с господствующим классом политбюрократии в различных странах в совершенно разные эпохи. Поскольку государство существует и сейчас, так же как существовало на Древнем Востоке, метод этот приме-

ним сегодня так же, как и тогда, тысячелетия назад. Использованию государства для тотального порабощения общества положена только одна граница: замена деспотического государства демократическим, то есть таким, руководящие органы которого свободно избираются населением и следовательно от него зависят.

Так что не надо поддаваться предрассудку, что не может-де возникнуть в наши дни такой же порядок правления, как во времена фараонов. Вполне может, и ступенчатая пирамида с мумией Ленина в Москве служит лишь наглядным напоминанием о такой возможности. Разумеется, как и всё в истории, метод бюрократической деспотии окрашивается колоритом эпохи и страны, в результате чего возникает впечатление различия. Но оно ложно: отбросив колорит, проанализируйте метод — и убедитесь, что он один — и в Древней Ассирии 25 веков назад, и в государстве инков Перу пять веков назад, и в Советском Союзе в нашем веке.

Понимание сущности феномена, которому Маркс стыдливо дал название «азиатский способ производства», важно, может быть, в первую очередь потому, что оно освобождает нас от нелогичной картины некоего раздвоения исторического пути развития человечества на первом этапе классового общества — на застойный деспотичный Восток и динамичный индивидуалистический Запад. Пример Японии показывает, что страны Востока могут быть чрезвычайно динамичными в своем развитии; пример Сингапура и Гонконга свидетельствует о том, что даже колониальный статус не может подавить подобный динамизм. То, что многие страны Востока живут веками в условиях застойности и деспотизма, вовсе не показатель врожденности таких черт. Скорее наоборот: эти черты ряда восточных обществ — не причина, а логическое следствие векового применения там метода тотального огосударствления общества и правления политбюрократии. Ибо применение этого метода, создавая в момент перехода к нему впечатление скачка, ведет затем с неизбежностью к болотной застойности в обществе, монопольно управляемом деспотической бюрократией. Помню, как один вдумчивый дипломат из страны третьего мира удачно сравнил метод реального социализма с автомашиной, у которой есть только первая скорость.

Пока не доказано противное, есть все основания считать, что общая линия развития человеческого общества едина для всех народов, независимо от места их поселения

на нашей планете. Природные условия и ряд других факторов придают неповторимый колорит каждому обществу и могут благоприятствовать применению тех или иных методов, но они не способны изменить закономерные этапы в жизни общества точно так же, как и в жизни отдельного человека. Подобно человеку, общество может погибнуть уже в детстве, но это не отменяет закономерности, что за детством следует юность, затем молодость, зрелость и, наконец, приходит старость, неизменно завершающаяся смертью. Обстоятельства жизни и смерти различны, этапы жизненного пути одинаковы.

Социально-экономические формации во всех обществах — на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге — сменяют одна другую в строго определенной последовательности. Пусть неточны и поэтому не очень удачны их марксистские названия: рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формации, дело не в названиях, а в сущности. Сущность же действительно состоит в поэтапном переходе от внеэкономического к экономическому принуждению. В первой («рабовладельческой») формации основную массу непосредственных производителей составляют полностью зависимые и бесправные люди (называются ли они прямо рабами или существует «всеобщее рабство»); во второй («феодальной») формации — это полусвободные люди, имеющие определенные права; в третьей («капиталистической») — это свободные и полноправные люди, которые по вольному найму трудятся, чтобы заработать себе на жизнь.

Линейная экстраполяция указывает, казалось бы, на общество будущего как на систему, при которой свободные и полноправные люди не будут вообще нуждаться в работе. Возможно, что наступающая компьютерная эра и сделает такое осуществимым. Только не стоит пускаться в столь радостные прогнозы: ведь линейная экстраполяция через детство, юность и молодость вряд ли предсказала бы человеку старость и смерть, тем не менее жизнь кончается именно этим.

Метод тотального огосударствления накладывается на формацию. Не ущемляя ее сущности, он меняет характер процесса принятия решений: этот процесс концентрируется в руках господствующей политбюрократии, использующей механизм государства для полного контроля над всеми сферами жизни общества. Превратившаяся в господствующий класс политбюрократия осуществляет от имени суверена тотальное управление, но осуществляет его

в условиях данной формации и, следовательно, в определяемой этими условиями форме.

Маркс побоялся признать, что «азиатская формация» — не азиатская и, главное, не формация, а метод тотального огосударствления, то есть как раз метод, пропагандировавшийся социалистическими утопиями. Чтобы избежать признания этого факта, Маркс предпочел даже отойти от своего взгляда на историю как на единый путь развития всего человечества и провозгласил раздвоение на «азиатский» и «античный» способы производства. Затем Ленин и Сталин вообще изъяли «азиатский способ производства» из марксистского учения: они поняли, что реальный социализм оказался лишь одним из случаев возникновения «азиатского способа производства», то есть применения метода тотального огосударствления на основе существующей формации.

Как всегда при применении этого метода, господствующим классом при реальном социализме оказалась политбюрократия, в данном случае назвавшая себя номенклатурой.

В начале главы мы поставили вопрос: новый ли класс номенклатура? Вот мы и пришли к ответу. Конкретно номенклатура — класс новый, возникший в нашем веке. Но по сути своей это очень древний класс, который уже многократно создавался в разные эпохи в качестве господствующего класса там, где применялись метод тотального управления обществом и его эксплуатация силой государства.

18. БУДУЩЕЕ НОМЕНКЛАТУРЫ

Антиноменклатурные революции в Восточной Европе поставили этот вопрос в практическую плоскость.

В предшествующей главе мы отметили быстрое паразитарное перерождение, то есть старение класса номенклатуры. Старость — последний этап жизни всякого организма, в том числе социального. Значит, историческая продолжительность жизни номенклатуры уже невелика.

Невелика она, разумеется, в историческом масштабе. Смешно повторять наивные прогнозы 1917—1919 годов о том, что большевистская диктатура падет через пару не-

дель или месяцев. Но не следует бросаться и в противоположную крайность: соглашаться с пропагандой номенклатуры, что царствию ее не будет конца. Всему на свете бывает конец, не увернуться от него и номенклатуре.

Как всегда, к этому концу ведут два пути: эволюционный и революционный.

Эволюционный путь — это перерастание диктатуры номенклатуры в посленоменклатурный строй, то есть либерализация политического режима в стране, становление современной рыночной системы хозяйствования с тремя секторами — частным, кооперативным и государственным, отказ от колхозно-совхозной барщины и переход к современному машинизированному фермерскому сельскому хозяйству.

Это путь, не связанный с материальными и человеческими жертвами. Однако такой наиболее предпочтительный путь, к сожалению, не гарантирован. Мои номенклатурные читатели согласятся, что ни они сами, ни их руководство не готовы пойти по этому пути, а полагаются на силу. Следовательно, необходимо рассмотреть варианты, при которых номенклатуре придется встретиться с силой.

Не стоит фантазировать сейчас о том, как именно это произойдет; действительный ход событий наверняка окажется несколько иным, и сегодняшние предсказания будут потом читать со снисходительной улыбкой. Но одно можно сказать уже сегодня. Народные революции приходят, не спрашивая советов постороннего наблюдателя. Они приходят в отчаянии, в гневе, как стихийный взрыв. Рассуждать о том, что желательно, а что нет,— бесполезное занятие.

Самым кровопролитным и разрушительным путем к устранению диктатуры номенклатуры была бы война. Будет она? Пока у обеих сторон существует способность ко второму удару, ядерная война — самоубийство. Как номенклатурные политбюрократы, так и западные политики — отнюдь не камикадзе, поэтому ядерной войны не будет, как не было химической и бактериологической войны, несмотря на наличие соответствующего оружия. Но мировая война с применением обычных видов вооружения возможна.

Соотношение сил в таком конфликте убеждает, что он

неминуемо окончился бы поражением Советского Союза. Хотя СССР, несомненно, располагает большой военной мощью, ни этой мощи, ни ресурсов страны не хватит, чтобы победить в войне против Западной Европы и Америки при необходимости держать значительные силы на Дальнем Востоке.

Но не надо этим успокаиваться. Задача в том, чтобы не допустить такого развития событий. Этого можно добиться только одним способом: подтолкнуть номенклатуру к пути мирной эволюции. Поскольку уговорить ее не удастся, надо создать ситуацию, в которой собственные эгоистические интересы номенклатуры заставили бы ее предпочесть мирный путь как наименьшее зло в необратимом историческом процессе своего ухода от власти. И правда: номенклатурщикам намного приятнее будет уехать к своим заблаговременно вывезенным капиталам в Швейцарию, нежели оказаться во власти толпы своих освободившихся подданных. Будем надеяться, что номенклатура сделает разумный выбор.

19. ПОСЛЕ НОМЕНКЛАТУРЫ — СВОБОДА

Нужно ли надеяться? Не станет ли в России после ухода номенклатуры еще хуже: гражданская война, анархия, терроризм, хаос и одичание, и в итоге — новая диктатура? Не станут ли люди с ностальгией вспоминать о временах правления номенклатуры, как вспоминали в годы моего детства о царских временах?

Все тоталитарные режимы стараются создать такое представление и у своих подданных, и за границей. Они запугивают не только туманной угрозой, что, как говаривал Троцкий, уходя, хлопнут дверью, но главное — тем якобы хаосом, который-де последовал бы за их исчезновением.

Исторический опыт не подтверждает этих угроз. Национал-социализм в Германии и Австрии, фашизм в Италии, франкизм в Испании, вассальные тоталитарные режимы в малых странах Западной Европы — все они сменились демократиями. После разгрома тоталитаризма родилась демократия в Гренаде. Даже советская оккупация не удержала от такого же развития малые страны Восточной Европы: власть номенклатуры там или пала, или резко ослаблена.

Ничего удивительного в этом нет. Повторим в послед-

ний раз: диктатура номенклатуры — это феодальная реакция, строй государственно-монополистического феодализма. Сущность этой реакции в том, что древний метод «азиатского способа производства», метод огосударствления применен здесь для цементирования феодальных структур, расшатанных антифеодальной революцией. Архаический класс политбюрократии возрождается как «новый класс» — номенклатура; он устанавливает свою диктатуру, неосознанным прообразом которой служат теократические азиатские деспотии. Так в наше время протянулась стародавняя реакция, замаскированная псевдопрогрессивными «социалистическими» лозунгами: сплав феодализма с древней государственной деспотией. Как бы этот сплав ни именовался — национал-социализмом, реальным социализмом, фашизмом,— речь идет об одном и том же явлении: тоталитаризме, этой чуме XX века.

Совершенно естественно, что феодальная реакция исторически недолговечна.Там, где феодальные структуры были слабее, а капитализм более развит — в Германии, Италии и других странах Западной, а теперь и значительной части Восточной Европы,— эта реакция уже потерпела крах. В более отсталых странах с еще крепкими феодальными структурами она живет и поныне, но ей также не уйти от гибели.

В конечном итоге именно поэтому режимы государственно-монополистического феодализма так хотят распространиться на весь мир. В этом они видят единственный путь к самосохранению. Вот почему столь органично возникает в их политике странный феномен оборонительной экспансии. Чингисхан со своими ордами так же стремился к «последнему морю», покоряя все более развитые государства, опасные ему именно своей развитостью. Вряд ли можно ожидать спокойного одряхления государственного феодализма и постепенного его погружения в историческое небытие. Погружение будет драматичным. Но оно неотвратимо.

Часто меня спрашивают, почему я ушел от номенклатуры. Ведь я там не бедствовал, меня не преследовали — зачем же было в 50-летнем возрасте все бросать и уходить на Запад? Именно знакомство с номенклатурой, сознание того, что это сила реакции, что жизнь идет к концу, а я нахожусь на исторически безнадежно проигравшей стороне, и определило мой выбор. Все мы исчезнем, превратимся в ничто, и останется на Земле только историческая па-

мять о нас. Как горько, если эта память будет такой же, как о приспешниках Гитлера и Муссолини!

На смену тоталитаризму, диктатуре номенклатуры закономерно приходит не какое-нибудь выдуманное идеологами общество, а парламентская демократия. Она приходит со всеми своими благами и проблемами, солнечными и теневыми сторонами, как органически рожденное, развитое общество нашей эпохи.

Живя ряд лет в Западной Германии — парламентской демократии, родившейся после падения тоталитаризма, я знаю: будут и тогда в обществе и обиженные, и недовольные, будут и несправедливости — всякое будет. Но все люди станут жить неизмеримо лучше и материально, и духовно, чем при диктатуре номенклатуры. Плюралистическое общество парламентской демократии надежно это гарантирует.

Когда-то и оно постареет, и возникнет из него другое общество будущего. Мы его не знаем, оно придет в иные века. Но одно можно сказать уже сегодня: это общество не будет порождением основоположников марксизма и «отцов» номенклатуры. Ибо мир наш — неуверенно, иногда скачками, порою на время отступая назад,— движется не от свободы к рабству, а от рабства к свободе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 9

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.
2. «Программа КПСС». Москва, 1986.
3. Курсивом выделены страны, где «пролетарские революции» происходили без оккупации войсками СССР или его союзников.
4. И. Сталин. Соч., т. 3, с. 186—187.
5. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 278—279.
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 381.
7. Там же, с. 379.
8. Там же.
9. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 662—663.
10. Там же, с. 468.
11. Там же, с. 583.
12. Там же, с. 585.
13. Там же, с. 583.
14. Там же, с. 171.
15. Там же, с. 174.
16. Там же, с. 169.
17. Там же, с. 179.
18. Там же, с. 176—177.
19. Там же, с. 256.
20. Там же, с. 601.
21. См. Г. Андреев. «Какую Россию уничтожили большевики» «Континент», № 42, с. 258, 261 и след.
22. «История Монгольской Народной Республики». М., 1967.
23. «Коммунист», 1984, № 16, с. 88—103.

22. «История Монгольской народной республики», М., 1967.
23. «Коммунист», 1984, № 16, с. 88—103.
24. Там же, с. 88.
25. Там же, с. 89.
26. Там же.
27. В. И. Ленин. Полн, собр. соч., т. 38, с. 145.
28. «Коммунист», 1984, № 16, с. 89.
29. Там же, с. 90.
30. Там же, с. 91.
31. Там же, с. 92.
32. Там же, с. 93.
33. Там же.
34. Там же, с. 95.
35. Там же, с. 96.
36. Там же, с. 92.
37. Там же, с. 94.
38. Там же, с. 92.
39. См. G. F. Achminow. Die Macht im Hintergrund. Grenchen, 1950.
40. См. H. Achminow. Die Totengräber des Kommunismus. Eine Soziologie der bolschewistischen Revolution. Stuttgart, 1964.
41. См. M. Djilas. "Kann der Westen die Sowjetunion bezwingen?". In: "Ostblick", München, Dezember 1985, S. 11.
42. J. Droz [Hrsg.]. Geschichte des Sozialismus. Bd. I—III, Frankfurt/M.—Berlin—Wien, 1974.
43. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
44. Ср. И. Р. Шафаревич. «Социализм как явление мировой истории». Париж, 1977.
45. См. "Geschichte des Sozialismus", Bd. II, S. 43—45.
46. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
47. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.
48. См об этом: K. W. Wittvogel. Oriental Despotism. New Haven-Lole, 1976, p. 381.
49. См. Marx. Das Kapital. Hamburg, 1890-94, Bd. 1, S. 104, Bd. 3, 1.
50. См. Wittfogel, op. cit., pp. 387—388.
51. См. Энциклопедический словарь ГРАНАТ, изд. 7-е, т. 28.
52. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.
53. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 70—71.
54. K. Marx. Formen, die der kapitalistischen Produktion vorhergehen. Berlin [Ost], 1972, S. 11.
55. Ibid., S. 15.
56. Ibid., S. 19.
57. Ibid., S. 4—5.
58. ВДИ. 1940, № 1.
59. См. G. Orwell. Nineteen Eighty-Four. Penguin Books, 1972, pp. 200—202.
60. K. Wittfogel. Oriental Despotism. A copmparative Study of Total Power, New Haven and London, 1957.
61. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 53.
62. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 448.
63. Emma Goldman. My Disillusionment in Russia. NY 1970, p. 258—259.
64. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 296.
65. Там же.
66. Там же, с. 299.
67. Там же.
68. Там же, с. 255.
69. Там же.
70. Там же.
71. Там же, с. 205.

72. Там же, с. 264.
73. Там же.
74. Маркс К. К критике политической экономии. М., 1949, с. 8.
75. Hannah Arendt. The Origins of Totalitarianism. Harvest/HBJ Book. N. Y. 1973.
76. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 435, 439.
77. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39. с. 89.
78. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
79. См. «Октябрь в Туле. Собрание документов». Тула, 1957, с. 35, 156, 213, 218, 222, 264, 313, 316; А. Ложечко. Григорий Каминский. М., 1966, с. 58—62.
80. См. Michael H. Kater. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919—1945. Cambridge, Mass., 1983.
81. См. "Neues Deutschland", 09.01.1986.
82. Kremlin-PCF. Conversations secrètes, Paris, 1984, p. 69.
83. Ibidem, p. 71. См. также p. 52—56.
84. См. Е. Олицкая. Мои воспоминания, тт. I—II, Франкфурт/М., 1971.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы расстаемся с классом номенклатуры. Покинем же номенклатуру в ее радостные минуты, улыбнемся ей на прощание.

...7 ноября, Красная площадь. Громом оркестров и артиллерийского салюта, военным парадом, многочасовой демонстрацией празднует номенклатура еще одну годовщину своего господства. Это редкий случай увидеть «их» не поодиночке в «ЗИЛах» и «Чайках», в начальственных кабинетах, за красными столами президиумов, а в массе. Где еще найти толпу номенклатуры, как не на близких к Мавзолею трибунах в этот праздничный день!

Вот они стоят на светло-сером камне трибуны — грузные мужчины с грубоватыми властными лицами, их полные стареющие жены, раскормленные румяные дети. Все оделись тепло: по площади, шурша в знаменах, дует ветер, и покалывает лица острый ноябрьский снежок. Пальто из отличной английской шерсти, бархатистые шубы-дубленки, роскошные каракулевые манто, меховые шапки окружают вас со всех сторон. Но соблюдается неписаное правило номенклатуры: все эти дорогие вещи должны носиться без щеголеватой подтянутости, а несколько мешковато-неуклюже, и лица женщин не должны быть подмазанными. Это последняя скромная дань мифическому пролетарскому происхождению номенклатуры и ее мнимому демократизму.

Без трех минут десять. Все лица поворачиваются к Мавзолею, заботливые номенклатурные отцы сажают на плечи своих маленьких благородных отпрысков. Сейчас на Мавзолей, словно на капитанский мостик, поднимутся руководители класса номенклатуры. Идут! Впереди —

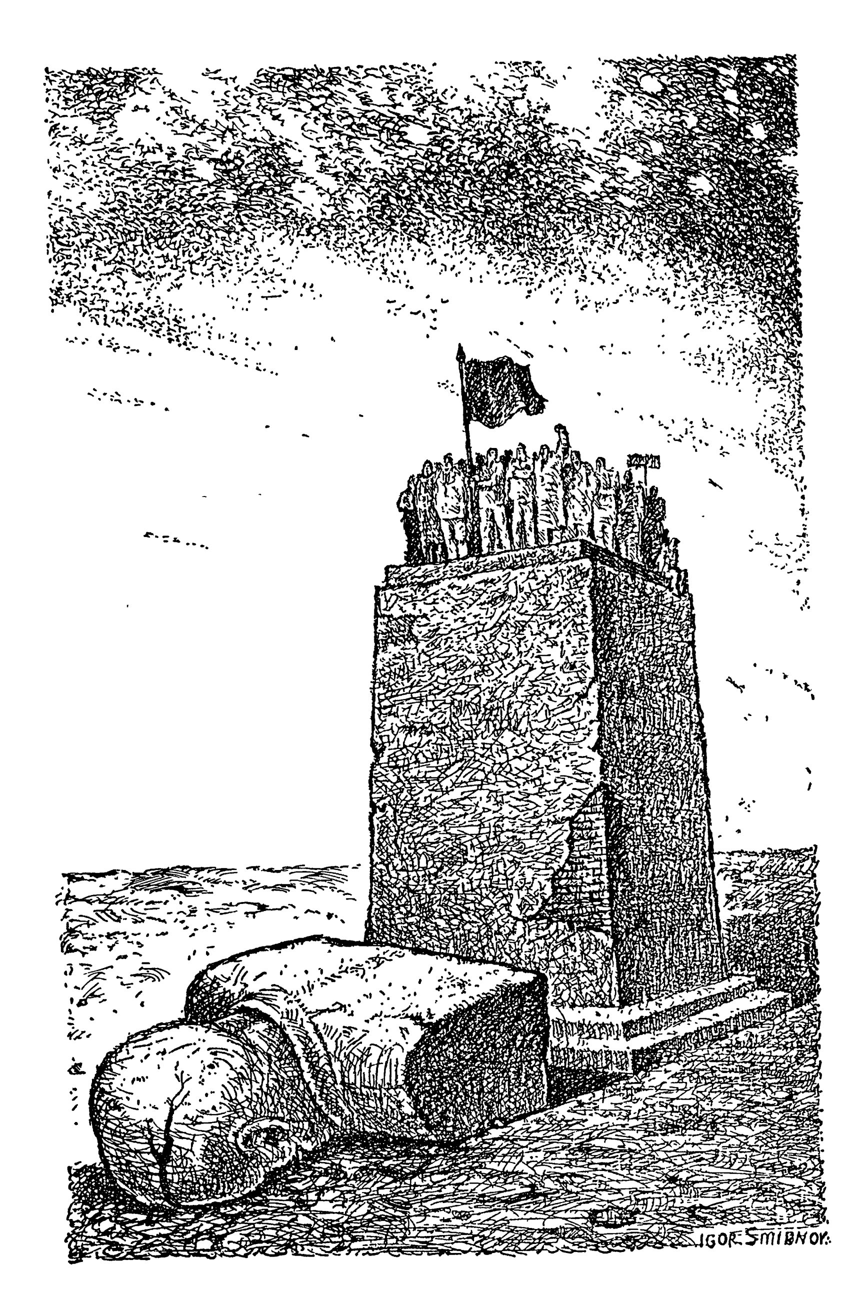
сам шеф, немного отступив, в строго установленном порядке — остальные. Номенклатурная толпа аплодирует, приветственно машет руками: пусть сама она не на Мавзолее, а у его подножия, но там, наверху, стоят связанные с ней ее сюзерены, и, когда мир глядит на их горстку, он, сам того не сознавая, смотрит и на всю номенклатуру.

Дежурные офицеры КГБ в штатском, с красными повязками на рукавах вежливо, но бдительно следят за тем, чтобы менее значительные номенклатурщики с удаленных от Мавзолея трибун не перебрались на более близкие, где стоят особо важные чины: переходить с одной трибуны на другую разрешено только в направлении от Мавзолея. Так зримо, в реальном пространстве начинает вырисовываться конус класса номенклатуры — с вершиной на Мавзолее.

10 часов, начало парада. Впереди еще демонстрация покорных «представителей трудящихся», которые поволокут огромные портреты вождей номенклатуры, транспаранты с ее лозунгами, цифры выполнения продиктованных ею планов. Впереди — прием в Кремле, где вместе с номенклатурщиками, рассаженными строго по чинам за пронумерованными столами, послы почти всех государств мира будут праздновать годовщину Октябрьской революции. Но самая сердцевина сегодняшних удовольствий номенклатуры — сейчас, во время военного парада.

50 счастливых минут переживает номенклатурная толпа, любуясь четким шагом войск, грохочущим стремительным бегом танков, огромным размером ракет. Взгляните на их лица: как они улыбаются этим ракетам, как довольны. Это их сила лавиной катится по Красной площади. Это их сила стоит внимательными шеренгами охранников КГБ. Это их сила заставляет весь мир смотреть сейчас на Красную площадь, прислушиваться к их голосу, бояться их.

Простимся с номенклатурой в это прекрасное для нее мгновение. Помашем рукой этим дородным боярам и дебелым боярыням, столпившимся на фоне средневековой крепостной стены, вокруг пирамиды Мавзолея с лежащей в ней мумией. Оставим их, опьяненных грезами о собственном могуществе, стоять в окружении могил у Кремлевской стены, как на кладбище, и пусть ноябрьский ветер засыпает колючим снегом их осенний, уходящий мир.

IGOR SMIRNOV

Приложение

Отделы аппарата ЦК КПСС

До реорганизации в октябре 1988 года в аппарате ЦК КПСС имелось 20 отделов: организационно-партийной работы; пропаганды; науки и учебных заведений; культуры; тяжелой промышленности и энергетики; машиностроения; химической промышленности; оборонной промышленности; легкой промышленности и товаров народного потребления; строительства; транспорта и связи; сельского хозяйства и пищевой промышленности; торговли и бытового обслуживания; экономический; административных органов; по работе с заграничными кадрами и выездам за границу; по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран; международный; общий; управления делами.

С октября 1989 года в аппарате ЦК КПСС 10 отделов:

1) отдел партийного строительства и кадровой работы;
2) идеологический отдел;
3) социально-экономический отдел;
4) аграрный отдел;
5) оборонный отдел;
6) государственно-правовой отдел;
7) международный отдел;
8) общий отдел;
9) отдел управления делами;
10) отдел для связей с общественно-политическими организациями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Сергеевич Восленский

НОМЕНКЛАТУРА

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Редактор *М. Ю. Писарев*

Художник *И. А. Смирнов*

Технический редактор *Г Ф. Моисеева*

Корректор *В. П. Алексеева*

ИБ № 6484

Подписано в печать 24.07.91. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 32,76. Усл. кр.-отт. 32,76. Уч.-изд. л. 36,38. Тираж 200 000 экз. (2-й завод 100 001—200 000 экз.) Заказ 2252. Цена 15 р. Изд. инд. ХД—330.

МП — редакция журнала «Октябрь». 125872, Москва, ул. Правды, 11.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Набор осуществлен в фотонаборном центре объединения «БИОПРОЦЕСС» Отпечатано на Книжной фабрике № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

